

Melčuk, Igor A.

Poverchnostnyj sintaksis russkich čislovyh vyraženij

Wien 1985

W 81.1341-16

urn:nbn:de:bvb:12-bsb00064811-6

Die PDF-Datei kann elektronisch durchsucht werden.

И. А. МЕЛЬЧУК

**ПОВЕРХНОСТНЫЙ СИНТАКСИС
РУССКИХ ЧИСЛОВЫХ ВЫРАЖЕНИЙ**

**WIENER SLAWISTISCHER ALMANACH
SONDERBAND 16**

WIENER SLAWISTISCHER ALMANACH
SONDERBAND 16
(LINGUISTISCHE REIHE, HERAUSGEGEBEN VON T. REUTHER)
Wien 1985

Bayerische
Staatsbibliothek
München,

DRUCK

Offsetdruckerei Kohlweis
A-9020 Klagenfurt, Sponheimerstraße 18

Zu beziehen über: Wiener Slawistischer Almanach
Institut für Slawistik der Universität Wien
A-1010 Wien, Liebiggasse 5

EIGENTÜMER UND VERLEGER

© Gesellschaft zur Förderung slawistischer Studien
Alle Rechte vorbehalten

186/20122

ERRATA

И. А. МЕЛЬЧУК

ПОВЕРХНОСТНЫЙ СИНТАКСИС РУССКИХ ЧИСЛОВЫХ ВЫРАЖЕНИЙ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
19	14 сн.	указатель, надо заменить как указано	указатель
23	5 св.	Vogusławski	(Vogusławski
33	23 св.	на стр. 25	на стр. 26
47	5 сн.	одной] две \leftarrow $\begin{matrix} \text{КОЛИЧ} \\ \text{КОЛИЧ} \end{matrix}$	одной] две \leftarrow $\begin{matrix} \text{КОЛИЧ} \\ \text{КОЛИЧ} \end{matrix}$
64	2 св.	перечния	перечни
70	9 сн.	на стр. 117.	на стр. 117 и сл.
71	9 сн.	a и b (стр. 68-69)	a и б (стр. 68-71)
76	2 св.	- "м ые"	- "малые"
79	3 св.	стр. 363 и сл.	стр. 362 и сл.
89	12 св.	следующего	следующего
100	7 св.	признаю что	признаю, что
108	2 сн.	Num \leftarrow <u>количественное</u> S	Num \leftarrow <u>колич</u> S
108	1 сн.	S $\xrightarrow{\text{аппрокс-количеств}}$ Num	S $\xrightarrow{\text{аппрокс-колич}}$ Num
110	9 св.	стр. 128-146	стр. 124-146
111	3 сн.	(стр. 128-146), представленная пятью	(стр. 124-146), представленная шестью
152	14 сн.	зависит сущ	зависит существительное X, при
152	13 сн.	предло	предлог (см. стр. 253), или
421	9 сн.	синтаксический	синтаксической
489	3 св.	Шолковский	Жолковский

Igor' A. Mel'čuk

THE SURFACE SYNTAX
OF
RUSSIAN NUMERAL EXPRESSIONS

Wien 1985

ACKNOWLEDGEMENT

This book has been published with the help of a grant from the Canadian Federation for the Humanities, using funds provided by the Social Sciences and Humanities Research Council of Canada.

В.Ю. Розенцвейгу,
с любовью -
и в память об очень многом.

Походы мрачные пехот,
Копьем убийство короля
Послушны числам, как заход,
Дождь звезд и синие поля.

Года войны, ковры чуме
Сложил и вычел я в уме.
И уважение к числу
Растет, ручьи ведя к руслу.

Велемир Хлебников, "Гибель Атлантиды".

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Английское резюме/English Abstract	11
От автора	17
Введение	19
ГЛАВА I. СОСТАВ И СТРОЕНИЕ РУССКИХ ЧИСЛОВЫХ ВЫРАЖЕНИЙ	27
§1. Русские числовые выражения	27
§2. Состав имен чисел в русском языке	35
1. Числительные в составе имен чисел	36
2. Существительные в составе имен чисел	40
3. Условные обозначения чисел	40
4. Союз И в составе имени смешанного числа	42
5. Предлог С I в составе имени смешанного числа	42
§3. Строение имен чисел в русском языке	45
I. Поверхностно-синтаксическая структура русских составных имен чисел	45
1. Поверхностно-синтаксическая структура имен целых чисел, не содержащих S ("составных числительных")	45
2. Поверхностно-синтаксическая структура имен целых чисел, содержащих S	48
3. Поверхностно-синтаксическая структура имен дробных чисел	49
4. Поверхностно-синтаксическая структура имен смешанных чисел	50
II. Поверхностно-синтаксическая связь между русским составным именем числа и обозначением исчисляемого ..	55
ГЛАВА II. ПОВЕРХНОСТНО-СИНТАКСИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА РУССКИХ ЧИСЛОВЫХ ВЫРАЖЕНИЙ ВИДА Num + S (Ф + S)	59
§1. Направление поверхностно-синтаксической зависимости в русских числовых выражениях вида Num + S	59
I. Обоснование решения Num ← S	61
II. Разбор некоторых контрдоводов	81
III. Дополнительные сложности	88
- Сочинение Num с лексемами других частей речи ...	88
- Соотношения типа <i>пять строк - строк было пять</i> ..	91
- Наречия типа <i>примерно</i> при сочетаниях Num + S ...	93
- Прилагательные и причастия при сочетаниях Num + S	95

§2. Типы поверхностно-синтаксических зависимостей в русских числовых выражениях вида Num + S	103
ГЛАВА III. КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ СИНТАГМЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ	105
§1. Перечень русских количественных синтагм	108
<u>A.</u> Состав и группировка русских количественных синтагм	108
<u>B.</u> Синтагма; формализм, используемый для записи синтагм	110
<u>B.</u> Собственно перечень синтагм	116
Требования к правильным русским поверхностно-синтаксическим структурам, содержащим числовые выражения	116
Общее условие к синтагмам 1 - 7	120
- Количественные синтагмы	124
I. Количественные синтагмы без эмфатико-тематической инверсии	124
Общие условия к синтагмам 1 - 5	124
A. Количественные синтагмы без однородной или кратной цепи имен чисел	128
1. "Обычная" количественная синтагма	128
2. Количественная синтагма с числительным ПОЛ ¹ ..	131
3. Количественная синтагма с именем смешанного числа	133
4. Количественная синтагма с личным местоимением	135
B. 5. Количественная синтагма с однородной или кратной цепью имен чисел	137
II. 6. Количественная синтагма с эмфатико-тематической инверсией	143
- 7. Аппроксимативно-количественная синтагма	147
§2. Морфологическое оформление существительного и числительного в русских числовых выражениях	162
Оператор COOTB _S (Num)	168
Оператор COOTB _{Num} (S)	193
§3. Нумеративно-вспомогательные синтагмы; предложные синтагмы с распределительным ПО	211
Нумеративно-вспомогательные синтагмы	214
Требования к правильным поверхностно-синтаксическим структурам русских составных имен чисел	214
Перечень нумеративно-вспомогательных синтагм ...	220
I. 1. Составные имена целых чисел	220

II. 2.	Составные имена дробных чисел	225
III.	Составные имена смешанных чисел	227
	А. Без союза И и без предлога С I	227
	3. Стандартный вариант	227
	4. Разговорный вариант	228
	Б. С союзом И или с предлогом С I	231
	5. Составные имена смешанных чисел с союзом И ..	231
	6. Составные имена смешанных чисел с пред- логом С I	233
	Предложные синтагмы с распределительным ПО	235
I.	Зависимый член - числовое выражение	235
	Общее условие к синтагмам 1 - 4	235
	1. Вершина имени числа - числительное ОДИН I	238
	2. Вершина имени числа - "малое" Num, ДВЕСТИ, ТРИСТА или ЧЕТЫРЕСТА	238
	3. Вершина имени числа - "большое" Num, отличное от ДВЕСТИ, ТРИСТА и ЧЕТЫРЕСТА	240
	4. Вершина имени числа - числительное ТЫСЯЧА I ..	243
II.	5. Зависимый член - существительное, не входящее в числовое выражение	243
III.	6. Зависимый член - количественное наречие	244
§4.	Синтаксические признаки, используемые в описании русских числовых выражений	251
ГЛАВА IV.	СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ЭКСКУРСЫ	257
	Экскурс 1. Семантические особенности "исчисляемых" и "неисчисляемых" существительных в русском языке и их лексикографическое описание	257
	Экскурс 2. Числительное как отдельная часть речи в русском языке	265
	Экскурс 3. Является ли ОДИН I числительным?	271
	Экскурс 4. О числительном ПОЛ ¹	280
	Экскурс 5. О лексемах ТЫСЯЧА I и ТЫСЯЧА IIa	289
	Экскурс 6. Лексемы типа МИЛЛИОН в составе имен чисел: существительные или числительные?	295
	Экскурс 7. Лексемы типа МНОГО: наречия или числительные?	305
	Экскурс 8. О лексемах ТРЕТЬ и ЧЕТВЕРТЬ	322
	Экскурс 9. О типах синтагматических зависимостей между словоформами в тексте	326
	I. Типы зависимостей между словоформами	326

II. Возможные комбинации типов зависимостей между двумя словоформами	338
III. К понятию синтаксической зависимости	346
Экскурс 10. Русские числовые выражения с показателем приблизительности (типа <i>около сорока человек</i>)	362
Экскурс 11. Лично-количественные ("собирательные") числительные в русском языке	376
I. Соотношение между числительными типа ДВА и числительными типа ДВОЕ	376
II. Правила употребления лично-количественных числительных	381
Экскурс 12. Составные имена чисел с неизменяемыми компонентами в русском языке	406
Экскурс 13. Словоизменительная категория одушевлен- ности у русских числительных и прилагательных	412
Экскурс 14. О счетной форме русских существительных ...	430
Экскурс 15. О падеже числового выражения в русских словосочетаниях типа (<i>больше</i>) <i>на два мальчика</i> или <i>по трое больных</i>	438
Приложение I. Существительное в именительном падеже как синтаксически зависимый компонент в русском языке	453
Приложение II. О падеже существительного в рус- ской конструкции типа <i>идти в солдаты</i>	461
Литература	490
Сокращения и условные обозначения	502
Предметно-терминологический указатель	503

THE SURFACE SYNTAX OF RUSSIAN NUMERAL EXPRESSIONS

ABSTRACT

A numeral expression (NE) is a phrase formed by a cardinal numeral and a quantified noun, such as *twelve dollars*, *three hundred fifty-five troops* or *two years and a half*. Similar expressions happen to be of outrageous complexity in Russian, both syntactically and morphologically. However, although the morphology of Russian cardinal numerals considered in isolation has been investigated in detail (see in particular Suprun 1964 and Bogusławski 1966), the syntax of Russian NE's seems to be neglected, as is the morphology of an NE as a whole. The present book proposes to close this gap.

The Surface Syntax of Russian Numeral Expressions tries to follow two complementary approaches: On the one hand, it features a nearly-exhaustive, formal and rigorous DESCRIPTION of all types of Russian NE's, covering as well a few related constructions and phenomena. On the other hand, it sets out to solve a number of THEORETICAL PROBLEMS, such as, e.g., criteria for syntactic dependencies, types of syntagmatic relationships in natural sentences, parts of speech, etc. All these problems are formulated, explored and solved within the strict framework of the Meaning-Text linguistic theory (Mel'čuk 1974a, 1978a, 1978b, 1981). The solutions proposed are based on the hard evidence of Russian NE's.

A short Introduction delineates the scope of the book:

- Characterization of the class of Russian NE's.
- Surface-syntactic structure of Russian NE's.
- Russian numeral syntagms.
- Theoretical validation of some solutions adopted.

Each of these four tasks is taken up in a separate chapter.

Chapter I - *Composition and organization of Russian NE's* - has three sections.

§1 briefly describes Russian NE's as a particular subclass of all possible quantification expressions.

§2 introduces the distinction between a Russian numeral as a purely grammatical category and a number name, which is a semantic category (every numeral is a number name but the converse is not true). Five types of items that can appear in Russian number names are characterized (cardinal numerals including so-called personal, or collective, numerals; a few nouns; symbolic denotations of numbers; the preposition S 'with'; the conjunction I 'and').

§3 contains a detailed surface-syntactic description of all four types of Russian complex number names, namely: compound numerals; names of integers which include nouns; names of fractions; names of mixed numbers. The surface-syntactic relation between a complex number name and the quantified noun is discussed.

Chapter II - *The Surface-Syntactic Structure of Russian Numeral Expressions of the form Num + N or $\Phi + N$* - is rather theory-oriented.

§1 deals with the direction of the surface-syntactic (SSynt-) dependency between Num and N in Russian NE's. First, six arguments are advanced to support the solution Num \leftarrow N (the numeral depends on the noun):

1. The distribution (= the passive SSynt-valence) of the phrase Num + N is much nearer to that of N than to that of Num.
2. Num does not cooccur with pronouns, and it is a characteristic of pronouns that they lack dependents while admitting the whole range of governors.
3. The special way a N combines with a series of conjoined Num's.
4. The analogy with the approximative-ordinal phrase (*den' na šestoj* 'approximately on the sixth day').
5. Phrases with an approximation marker (*do trëx tonn* 'up to 3 tons' - *do tonny* 'up to a ton').
6. Phrases with ODIN 'one'.

Second, three apparent counterarguments are analysed and rejected. An important notice - the syntactic standard subtree Δ NUMP, a dependency analogue of a numeral phrase, - is introduced. The generalized grammatical case is proposed to charac-

terize the whole Δ NUMP.

Third, four supplementary complications are discussed, and it is shown that they are but tangentially relevant to the problem discussed.

§2 states the necessity of two different SSynt-dependencies in Russian NE's: the quantitative and the approximate-quantitative surface-syntactic relation.

Chapter III is predominantly descriptive.

§1 contains six quantitative and one approximate-quantitative syntagms: formal surface-syntactic rules that establish correspondences between a fragment of the SSynt-tree including the SSyntRel in question and the deep-morphological string implementing it.

§2 covers the morphological markings of N as a function of Num and of Num as a function of N in a Num \leftarrow N group. Thirty-three formal rules are postulated to describe the fairly complicated process of grammatical agreement between Num and N in Russian, taking into account all the idiosyncratic and illogical contextual conditions.

§3 contains six numerative-auxiliary syntagms, which describe the complex number names in Russian, and six prepositional syntagms covering NE's introduced by the distributive preposition PO (which strongly influences the usage and form of NE's).

Chapter IV is made up of 15 self-contained studies (= *Excursi*) each centered either on a descriptive, or on a theoretical problem.

Excursus 1 deals with semantic properties of count and mass nouns in Russian. It shows how cooccurrence with numerals helps to isolate and describe different senses of certain Russian words denoting vegetables.

Excursus 2 discusses the numeral as a part of speech in Russian and states its 17 constituent properties.

Excursus 3 examines the status of the lexeme ODIN 'one' and tries to justify its analysis as a numeral (rather than an adjective).

Excursus 4 deals with the item POL¹ 'half'. POL¹ turns

out to be an autonomous lexeme rather than a prefix, while its semantic counterpart POLU- 'half, semi-' is a derivational formative.

Excursus 5 analyzes the difference between two synonymous Russian lexemes (frequently confounded by grammarians): TYSJAČA I 'thousand' - a numeral and TYSJAČA IIa 'thousand' - a noun.

Excursus 6 tries to show that MILLION etc. in Russian are nouns, not numerals.

Excursus 7 offers a similar analysis for lexemes of the type MNOGO 'much/many': they are adverbs, not numerals.

Excursus 8, in the same line, argues that TRET' 'one third' and ČETVERT' 'one fourth' are nouns, not numerals.

Excursus 9 outlines a theory of syntagmatic dependencies in natural texts. Three types of such dependencies are singled out for analysis: morphological, syntactic, and semantic dependencies between wordforms. All possible combinations of the three dependency types between two given wordforms are studied in detail; they are 14 in number (examples: W_1 depends semantically and syntactically on W_2 , while morphologically it is W_2 that depends on W_1 ; W_1 depends semantically on W_2 , which, in its turn, depends syntactically on W_1 , and there is no morphological dependency between W_1 and W_2). The notion of syntactic dependency is stated, along with three groups of criteria: A. Criteria for the presence of a SSynt-dependency between two wordforms; B. Criteria for the direction of a given SSynt-dependency; C. Criteria for the type of a given SSynt-dependency.

Excursus 10 describes the structure and the distribution of Russian NE's with an approximation marker (of the type *okolo soroka čelovek* 'about forty people').

Excursus 11 covers the usage of so-called personal-cardinal (or collective) numerals in Russian (of the type DVOE 'two', PJATERO 'five') and discusses the problem of drawing the line between different lexemes as opposed to different lexes of the same lexeme.

Excursus 12 is a descriptive study concerning a relatively

recent phenomenon in Russian: non-declinability of some components within declinable compound numerals.

Excursus 13 considers animacy in Russian numerals and adjectives as an inflectional category.

Excursus 14 analyzes the so-called numerative form of the Russian noun (as in *dva časa* 'two hours').

Excursus 15 discusses the grammatical case of the NE after some special prepositions (as in *bol'she na dva čeloveka* 'two more people') and introduces the notion of grammatical disagreement (in animacy) between the noun and the numeral.

Excursus 15 has two annexes.

Annex I describes constructions in Russian that admit a noun phrase in the nominative as a syntactically dependent element.

Annex II deals with the notorious problem of the grammatical case of the noun in constructions such as *idti v soldaty*, litt. 'go into soldiers' = 'join the army'.

The book is provided with a detailed bibliography and two indices: Notations and Abbreviations - Subjects and Terms.

ОТ АВТОРА

Первоначальные наброски этой книги - описание русских числовых синтагм вида "числительное + существительное" - появились еще в 1975 году. В мае-июне 1976 года ее основное содержание было изложено и обсуждено на теоретическом семинаре института "Информэлектро" (под руководством Ю.Д. Апресяна) - в ходе нескольких заседаний, где я получил немало ценных замечаний и советов.

Готовую рукопись прочли Ю.Д. Апресян, А.К. Жолковский, Л.Л. Иомдин, Л.Н. Иорданская, Т.Н. Корельская, Л.П. Крысин, Н.В. Перцов, В.З. Санников; главы I - II были прочитаны также А.А. Реформатским. Многочисленные замечания по отдельным вопросам, затронутым в книге, были сообщены мне А.Богуславским, И.М. Богуславским, Л.Дюровичем, Е.И.Дюшен, Л.Л. Ельницким, Т.Ройтером, З.Салёни, Е.В.Саввиной и Е.В.Урысон.

Технически сложная рукопись была в рекордный срок блестяще перепечатана Н.М. Волковой. При подготовке машинописи к сдаче в печать существенную помощь мне оказали Е.И. Дюшен, Л.Н. Иорданская, Е.Ю. Кукушкина, Н.В. Перцов и Е.В. Саввина. Труд по чтению корректур и составлению указателей со мной разделила Л.Н. Иорданская. Наконец, набор книги для печати осуществила Габриеле Ройтер.

Я глубоко признателен всем названным здесь коллегам и друзьям за их помощь, конструктивную критику и рекомендации, благодаря которым текст книги удалось существенно улучшить. Само собой разумеется, что за все сохранившиеся ошибки, неточности, неудачные решения и т.п. ответственность несу только я один.

Особенно многим, однако, я обязан В.Ю. Розенцвейгу; написание этой книги стало возможным лишь благодаря его всесторонней помощи и воистину отеческой заботе, которой В.Ю. окружал меня (как, впрочем, и многих других московских лингвистов) в течение добрых полутора десятков лет. Книга, в ее первом варианте, была задумана и написана для серии "Предварительные публикации Проблемной группы экспериментальной и прикладной лингвистики (ПГЭПЛ)", которую В.Ю. издает с 1970 г. и в которой увидело свет большин-

ство моих работ, подготовленных в это время. В частности, именно в этой серии появились Мельчук - Перцов 1973 и 1975, Иомдин - Мельчук - Перцов 1975 и Иомдин - Перцов 1975, в известном смысле предваряющие данную книгу.

Мне хотелось бы, чтобы "Поверхностный синтаксис русских числовых выражений" рассматривался как символическое воплощение моей благодарности В.Ю., далеко не адекватное количеству сделанного им добра.

*

*

*

Настоящее исследование было в целом закончено в 1976 г. и рукопись подготовлена к печати в 1977 г. Однако в том же году я был вынужден покинуть СССР, - и книга, написанная по-русски и, главным образом, для русского читателя, не смогла увидеть свет на моей родине. Трудности первых лет эмиграции и различные дела помешали мне заняться ее публикацией ранее; к тому же издание на Западе технически сложной и сугубо специальной лингвистической книги по-русски - предприятие отнюдь не простое. Тем не менее, благодаря австрийской деловитости редакции "Wiener Slawistischer Almanach" и канадскому размаху Федерации по гуманитарным наукам, все препятствия удалось преодолеть, - и теперь каждый желающий может ознакомиться с синтаксисом русских числовых выражений.

Я от всего сердца благодарю Canadian Federation for the Humanities за щедрую финансовую помощь; главную роль в этом деле сыграл представитель Федерации Питер Блейни. Не менее ценна, разумеется, была издательская деятельность "Wiener Slawistischer Almanach". К сожалению, я не способен найти подходящие слова, чтобы достойно выразить благодарность моему заботливому другу и коллеге Тильману Ройтеру. Поэтому я последую совету Людвиг Витгенштейна: "Was sagbar sei, ließe sich einfach sagen, und über Unsagbares hieße es schweigen" - и ограничусь простым "Спасибо!"

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая работа выполнена в русле лингвистической концепции "Смысл ↔ Текст", изложенной в книге Мельчук 1974а и в статье Mel'čuk 1981; здесь эта концепция предполагается известной. Вместе с тем, предлагаемое поверхностно-синтаксическое описание русских числовых выражений вида "Числительное (Num) + существительное (S)" тесно примыкает к серии исследований по поверхностному синтаксису русского языка, семь из которых опубликованы: Иомдин - Мельчук - Перцов 1975, Иомдин - Перцов 1975, Саввина 1976 и 1980, Иомдин 1979а, б и Урысон 1981. Опубликовано и основанное на тех же самых принципах описание поверхностного синтаксиса английского языка: Мельчук - Перцов 1973, 1975; см. также Mel'čuk - Pertsov (to appear). Это позволяет мне не касаться здесь общетеоретических вопросов (таких, например, как строение модели языка в целом и модели поверхностного синтаксиса в частности) и не разъяснять многие используемые в книге узловые понятия (например, поверхностно-синтаксическая структура [ПСС], поверхностно-синтаксическое отношение [ПСО] и т.п.): за необходимыми справками можно обращаться к названным выше публикациям. Для удобства читателя к книге приложен предметно-терминологический указатель, надо заменить, как указано (стр. 503)! Кроме того, я надеюсь, что многое в моем теоретическом каркасе станет ясным по ходу разбора конкретного языкового материала.

Объект нашего рассмотрения принадлежит к широкому кругу языковых выражений, которые сообщают о количестве чего-либо и которые поэтому можно назвать КОЛИЧЕСТВЕННЫМИ ВЫРАЖЕНИЯМИ (сокращенно - КВ). КВ в любом языке необычайно разнообразны. К ним относятся:

- такие словоизменительные показатели, как показатели числа у существительных [S] и вида у глагола [V], например: шаг 'один шаг' vs. шаги 'более одного шага'; ударил 'нанес один удар' vs. ударял 'нанес более одного удара' ('ударил более одного раза');

- такие словообразовательные показатели, как русский глагольный префикс *пере-* в одном из своих значений: *пере-Р(Х) = 'Р(всех или многих Х-ов)'*; например, *переловить блох, перецеловать девушек, перегладить (всё) белё;*

- такие (крайне многочисленные) синтаксические конструкции, как *два друга <двум друзьям, ...>*, *лежали втроем, шли по четыре (в ряд), дважды <пять раз, ...> поцеловал, много нежности и ласки, Вина - хоть залейся, У него до фига денег, Их было пятеро, А сколько раз он может?* и т.п.;

- наконец, такие (тоже очень многочисленные) лексемы, в смыслы которых входят семантические компоненты, связанные с понятием количества, например, *много 'в большом количестве', долго (≈ 'много единиц времени'), повторный (≈ 'более одного раза'), скапливаться (≈ 'начинать иметь место в большом количестве')* и т.п., не говоря уже о названиях величин и шкал (*скорость, температура, ...* и, соответственно, *быстрый/медленный, горячий/холодный, ...*), совокупностей (*дюжина, сотня, ...; толпа, ...; дивизия, ...*), единиц измерения (*килограмм, миля, неделя, век*) и, наконец, просто об обозначениях чисел и количеств. (Ср. сопоставление грамматических и лексических КВ - "квантификаторов" - русского языка в Worth 1959: 117-119.)

Среди всего необозримого богатства русских КВ для исследования и описания в этой книге выбран лишь один тип КВ, характеризующийся определенным синтаксическим строением. А именно, нас будут интересовать только такие КВ, которые представляют собой синтаксические группы, или словосочетания, состоящие из двух синтаксически отдельных компонентов: обозначения исчисляемой сущности и обозначения количества.

Обозначение исчисляемой сущности (или сущностей) обязательно является существительным, которое может иметь при себе любые зависимые, т.е. представляет собой именную группу. Данный компонент мы будем называть "Исчисляемое" и изображать символом С (от лат. *calculandum* 'подлежащее исчислению').

Обозначение количества, или "Коли-

чество", изображается символом Q (от лат. *quantitas* 'количество'). Состав компонента Q будет рассматриваться ниже.

Подобные количественные выражения, т.е. КВ, имеющие вид Q + C (или C + Q), мы будем называть синтаксическими и КВ. (В Попов 1974а:97 для того же понятия используется термин *количественно-именные сочетания*.)

Как "Исчисляемое", так и "Количество" могут быть весьма сложными выражениями и, в частности, содержать в себе другие синтаксические КВ.

Примеры русских синтаксических КВ:

- (1) $\overbrace{\text{пять}[\text{Q}] \text{ цифр}[\text{C}]} ; \overbrace{\text{сто семь}[\text{Q}] \text{ студенток-филологичек}[\text{C}]} ;$
 $\overbrace{[\text{к}] \text{ двадцати одной}[\text{Q}_1] \text{ глагольной группе с тремя}[\text{Q}_2]} ;$
 $\overbrace{\text{актантами}[\text{C}_2]} [\text{C}_1]$

(в последнем примере "Исчисляемое" C₁ само включает в себя синтаксическое КВ *три актантами*);

- (2) $\text{дня}[\text{C}] \text{ четыре}[\text{Q}] ; \text{ человек}[\text{C}] \text{ пятьсот}[\text{Q}] ;$
 (3) $[\text{при температуре в}] \text{ 6300}[\text{Q}] \text{ градусов}[\text{C}] ; [\dots \text{ набрала}]$
 $\text{119,37}[\text{Q}] \text{ очка}[\text{C}] ;$
 (4) $\overbrace{\text{сто миллионов}[\text{Q}] \text{ европейцев}[\text{C}]} ; \overbrace{\text{семнадцать миллиардов}[\text{Q}]}$
 $\text{светил}[\text{C}]$

(в (4) "Количество" Q само является синтаксическим КВ: $\text{сто}[\text{Q}_1]$ миллионов[C₁], $\text{семнадцать}[\text{Q}_1]$ миллиардов[C₁]);

- (5) $[\text{около}] \overbrace{\text{шести вагонов}[\text{Q}]} \text{ дня}[\text{C}] ;$
 (6) $\overbrace{\text{два с половиной литра}[\text{Q}]} \text{ спирта}[\text{C}]$

(в (5) и (6) Q также представляет собой синтаксическое КВ: $\text{шести}[\text{Q}_1]$ вагонов[C₁], $\text{два с половиной}[\text{Q}_1]$ литра[C₁]);

- (7) $\text{много} <\text{мало, достаточно, сколько хочешь, до фига, ...}> [\text{Q}]$
 $\text{книг}[\text{C}] ; \text{много} <\text{мало, достаточно, ...}> [\text{Q}] \text{ сахару}[\text{C}] ;$
 (8) $\text{куча} <\text{прорва, гора, ...}> [\text{Q}] \text{ книг}[\text{C}] ; \text{куча} <\text{прорва, капелька, ...}> [\text{Q}] \text{ муки}[\text{C}] ;$
 (9) $\text{десятки}[\text{Q}] \text{ прохожих}[\text{C}] ; \text{миллионы}[\text{Q}] \text{ людей}[\text{C}] ;$
 $\overbrace{\text{три дюжины}[\text{Q}]} \text{ яиц}[\text{C}] ;$

(последнее Q содержит синтаксическое КВ $\text{три}[\text{Q}_1]$ дюжины[C₁]);

- (10) $\text{тетради}[\text{C}] \text{ в количестве шестидесяти трёх}[\text{Q}] ;$
 (11) $\text{уголь}[\text{C}] \text{ в количестве трёхсот двадцати одной тонны}[\text{Q}]$

(Q содержит синтаксическое КВ $\overbrace{\text{трёхсот двадцати одной}} [Q_1]$ тонн [C₁]);

(12) $\underbrace{[В пакгаузе валяется]} \overbrace{\text{прецизионных станков}} [C]$ $\underbrace{\text{на 6 миллионов тугриков}} [Q]$

(Q содержит целых два синтаксических КВ: 6 миллионов [Q₁] тугриков [C₁] и 6 [Q₂] миллионов [C₂]).

В качестве примера русских КВ, которые не являются синтаксическими и потому не описываются в этой книге, я приведу сложные прилагательные со значением 'имеющий N X-ов', построенные по одной из следующих схем:

$$\text{Num}('N')_{\text{род}} + X + \begin{Bmatrix} H \\ OB \\ \Lambda \end{Bmatrix} + \text{ЫЙ},$$

или

$$S_{\text{(колич)}}('N') + \begin{Bmatrix} O \\ E \end{Bmatrix} + X + \begin{Bmatrix} H \\ OB \\ \Lambda \end{Bmatrix} + \text{ЫЙ и т.д.}$$

(символ пустой цепочки Λ обозначает здесь отсутствие суффикса);
например:

(13) *шестипадежная [система], стодвадцативосьмипушечный [корабль], четырёхмоторный [самолёт], трёхмачтовый [бриг], десятиглазое [создание], тысячерукий [гигант], ...*

Ср. следующие строчки А.Вознесенского (из поэмы об Эрнсте Неизвестном):

(14) *Против*

*Четырёхмиллионнопятьсотсорокасе-
митысячevesемьсотдвадцатитрёх-
квадратнокилометрового чудища!*

В последнее время синтаксические количественные выражения самых разных языков неоднократно привлекали внимание исследователей, причем особенно интенсивно изучался семантический аспект всех таких КВ; см., например, Klooster 1972, Liczba 1973 или Hurford 1975. Помимо общей проблемы изображения "количест-

венных" смыслов в семантическом представлении высказываний, в связи с синтаксическими КВ возникает и обсуждается целый ряд более специальных вопросов: КВ и категория числа у существительного (Bogusławski 1973, Wierzbicka 1973, Падучева 1974: 210-216); КВ и кванторы Bogusławski 1966: 50-52, 57-60); КВ и сочинение именных групп¹; строение имен чисел (Stampe 1976 и Greenberg 1978); и т.д.

Однако задача настоящей книги гораздо уже; она ограничена, прежде всего, в двух отношениях.

Во-первых, рассматриваются не все простые синтаксические КВ, а лишь один их подкласс (хотя, возможно, и наиболее важный) - так называемые ч и с л о в ы е в ы р а ж е н и я, состоящие только из имени числа и обозначения исчисляемого (см. стр. 20 и 31).

Во-вторых, я полностью абстрагируюсь от семантического содержания рассматриваемых числовых выражений: книга посвящена исключительно их синтаксису, и притом - только п о в е р х н о с т н о м у с и н т а к с и с у. Глубинно-синтаксическое представление русских числовых выражений (ЧВ), соответствие между их глубинными и поверхностными синтаксическими представлениями, а тем более - проблема их семантического представления должны стать темой отдельной работы и здесь даже не затрагиваются.

В результате в этой книге нам предстоит заняться тремя следующими вопросами (в указанном порядке):

1) Подробная характеристика класса русских числовых выражений.

2) Поверхностно-синтаксическая структура русских числовых выражений, т.е. направление и типы поверхностно-синтаксических зависимостей, могущих связывать имя числа и обозначение исчисляемого². (Прочие компоненты поверхностно-синтаксического представления фраз - т.е. коммуникативная, анафорическая и просодическая структуры - для описания числовых выражений нерелевантны.)

3) Поверхностно-синтаксические правила для русских числовых выражений, т.е. русские количественные синтагмы; это

правила, задающие соответствие между поверхностно-синтаксической структурой (=деревом зависимостей) числового выражения и его глубинно-морфологической структурой (=цепочкой глубинно-морфологических представлений образующих его словоформ). Наряду с количественными синтагмами целесообразно привести и те нумеративно-вспомогательные синтагмы, которые описывают составные имена чисел (типа *шестьсот сорок два* или *пять и семь десятых*), а также одну предложную синтагму - с распределительным *по* (*по три рубля [каждому]*).

Указанным вопросам посвящены главы I-III соответственно.

Далее, необходимо подчеркнуть, что центральная задача книги - чисто ОПИСАТЕЛЬНАЯ:

максимально точно, полно и непротиворечиво зафиксировать факты современного русского языка, относящиеся к поверхностно-синтаксическому строению числовых выражений.

Оказывается, однако, что несмотря на такую практическую ориентированность книги и всю непритязательность только что сформулированной задачи, эта задача не выполнима, если заранее не располагать решениями (хотя бы предварительными и частичными) целого ряда достаточно серьезных теоретических проблем, среди которых есть и по-настоящему фундаментальные. Укажем здесь некоторые из них, чтобы читатель мог отчетливее представить себе трудности, вставшие перед автором:

- части речи (числительное как часть речи, состав числительных в русском языке и т.д.);

- критерии направления поверхностно-синтаксической зависимости (что от чего зависит в сочетаниях "числительное + существительное"?) ;

- основные виды зависимостей между единицами текста (семантические, синтаксические, морфологические) ;

- языковой узус и языковая норма (колебания узуса в области русских числительных) ;

- семантически нагруженные и синтаксически обусловливаемые морфологические категории (например, грамматическое число существительного в конструкции с числительным) ;

- понятие падежа (счетные формы типа *часá* в *два часа*; принцип внешней независимости падежных форм); и т.п.

Всерьез заниматься подобными вопросами в этой книге, разумеется, невозможно, но и совсем обойти их тоже не удастся. Поэтому я попытался найти разумный компромисс: для указанных выше и некоторых других аналогичных проблем определенные решения все-таки предлагаются, однако обоснования их минимальны и намечены лишь в самых общих чертах. При этом все такие обоснования, да и вообще фрагменты более теоретического характера, оформляются в виде отдельных содержательных Экскурсов, представляющих собой исследования, в достаточной степени независимые, но тесно связанные с нашей главной темой - с конструкцией $N_{\text{шт}} + S$. Все эти Экскурсы (их - 15) собраны в главе IV.

Более мелкие примечания технического характера даются как сноски, помещаемые в конце каждого параграфа (и каждого Экскурса в гл. IV).

СНОСКИ

1. (К стр. 23.) Если сочиненные именные группы описываются как получаемые из цепочки сочиненных предложений посредством трансформации сочинительного сокращения, то соображения симметрии подсказывает сходную трактовку и для синтаксических КВ:

- (i) *Коля, Лёня, Юра и Матфей съели по клёцке* \Leftarrow *Коля съел клёцку, и Лёня съел клёцку, и Юра съел клёцку, и Матфей съел клёцку.*
- (ii) *Четыре мальчика съели по клёцке* \Leftarrow *Первый мальчик съел клёцку, и второй мальчик съел клёцку, и третий мальчик съел клёцку, и четвёртый мальчик съел клёцку.*

Ясно, однако, что буквальным образом такое решение неприменимо: что, если по клецке съели 10 000 000 мальчиков? Соответствующая проблематика обсуждается в McCawley 1968: 163 - 164, а еще раньше - в Wierzbicka 1967: 5 - 6.

2. (К стр. 23.) Несколько забегаю вперед, я отмечу, что русские числовые выражения будут интересовать нас преимущественно в плане связей между именем числа и обозначением исчисляемого, взятыми как **ЦЕЛЬНЫЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ ГРУППЫ**. Внутренним строением обозначений исчисляемого мы не будем заниматься вовсе, а внутреннее строение имен чисел мы охарактеризуем менее подробно - лишь в той степени, в какой это необходимо для лучшего понимания основного содержания книги (см. стр. 45 и сл.).

Г Л А В А I

СОСТАВ И СТРОЕНИЕ РУССКИХ ЧИСЛОВЫХ ВЫРАЖЕНИЙ

Мы начнем с того, что выделим среди русских синтаксических количественных выражений, проиллюстрированных примерами (1) - (12) на стр. 21 - 22, более узкий подкласс словосочетаний, представляющихся достаточно однородными с точки зрения поверхностного синтаксиса: **числовые выражения**. Их содержательной характеристике посвящен §1.

Числовое выражение состоит из имени числа и обозначения исчисляемых сущностей. В §2 рассматривается лексический состав имен чисел в русском языке, а в §3 предлагается их поверхностно-синтаксическое описание. Что же касается обозначений исчисляемых сущностей, то для них достаточно небольшого комментария (см. ниже, стр. 32-33).

§ 1

Русские числовые выражения

Русские синтаксические КВ, охарактеризованные на стр. 20-21, естественно подразделяются на два типа:

1) Такие КВ, у которых Q само не является синтаксическим КВ, - **простые синтаксические КВ**¹. В простых КВ компонент Q представляет собой "чистое" обозначение количества, т.е. здесь Q - это одно из трех:

- Либо это **имя числа (ИЧ)**, типа Q в (1):

(1) а. *две [Q] возлюбленные [C]*;

б. *дней [C] восемь [Q]*;

в. *сто десять и пять восьмиз [Q] градуса [C]*;

- Либо это **имя множества определенной мощности** (т.е. обозначение множества по числу содержащихся в нем элементов), типа Q в (2):

(2) а. *пяток [Q] лиц [C]* (пяток = 'множество, содержащее 5 элементов');

б. *дюжина [Q] здоровых молодых [C]* (дюжина = 'множество, содержащее 12 элементов');

в. *сотня [Q] юных девиц [C]* (сотня = 'множество, содержащее 100 элементов').

И в том, и в другом случае в качестве Q возможна однородная или кратная цепь имен чисел или имен множеств:

- (3) а. двух, трёх или даже четырёх [Q] согласных [C];
 б. дней [C] восемь-десять [Q];
 в. десятки и сотни [Q] рублей [C];
 г. сотня-две [Q] юных девиц [C].

- Либо, наконец, это не числовая ("качественная") характеристика количества, типа много, немного, куча, гора, разг. до чертá, разг. с гулькин нос и т.д.

2) Такие КВ, у которых Q само является синтаксическим КВ, - сложные синтаксические КВ. В сложных КВ компонент Q представляет собой определенную разновидность КВ, а именно, он состоит из обозначения количества Q_1 и обозначения единицы измерения C_1 :

- (4) а. пять [Q_1] метров [C_1] [Q] клеёнки [C];
 б. для шестисот сорока пяти [Q_1] голов [C_1] [Q] скота [C];
 в. три [Q_1] вагонами [C_1] [Q] дней [C];
 г. шесть миллионов [Q_1] тонн [C_1] [Q] цемента [C]
 (в (4г) компонент Q_1 является синтаксическим КВ:
шесть [Q_2] миллионов [C_2].

Особый случай представляют собой квази-количественные выражения типа метр клеёнки, вагон день, до взвода автоматчиков, где подразумевается число 1: метр клеёнки = 'один метр клеёнки' и т.д. По-видимому, в глубинно-синтаксической структуре таких выражений должна присутствовать лексема ОДИН I (= имя числа 1; о лексемах ОДИН II-V см. сноску 3 на стр. 43). Здесь встаёт интересная проблема поверхностно-синтаксического эллипсиса кванторных слов (Что волки жадны... = 'Что все волки жадны...'; В Ялте он встретил своих друзей = '... некоторых своих друзей'; и т.п.), которая, однако, рассматриваться в этой книге не может. Не рассматриваются также и сами выражения типа метр клеёнки (которые в соответствии с буквой определения вообще не являются простыми синтаксическими КВ).

От сложных КВ я полностью абстрагируюсь, а входящие в них простые КВ привлекаются на общих основаниях, т.е. наряду со всеми прочими простыми КВ. Что же касается сочетаний "имя единицы измерения + обозначение исчисляемого", типа

(5) метр(ы) клеёнки, голова <гблови> скота, вагон(ы) день, то в русском языке они не имеют каких-либо существенных особенностей с точки зрения синтаксиса. В самом деле, сочетание метр(ы) кле-

ёнки синтаксически устроено в общем так же, как сочетание *цвет клеёнки* или *край клеёнки*, *голови скота* - как *откорм скота* или *стадо (рогатого) скота*, а *вагон(и) динь* - как *мякоть дини*. А именно, здесь выступает конструкция из двух существительных, S^1 и S^2 , первое из которых является именем предиката (в логико-семантическом смысле этого термина), а второе - именем его аргумента. В таких случаях я считаю целесообразным говорить о **сильном уп-равлении**, т.е. трактовать S^2 как дополнение к S^1 и подчинять существительное S^2 существительному S^1 посредством 1-го комплетивного поверхностно-синтаксического отношения [ПСО]. Тем самым, сочетания (5) получают ту же поверхностно-синтаксическую структуру [ПСС], что и сочетания типа *цвет <край> клеёнки*, *откорм скота* и *мякоть дини*:

$$S^1 \xrightarrow{\text{1-ое компл(етивное)}} S^2,$$

так что мы имеем

$$(5') \text{ метр} \xrightarrow{\text{1 компл}} \text{клеёнка, голова} \xrightarrow{\text{1 компл}} \text{скот,} \\ \text{вагон} \xrightarrow{\text{1 компл}} \text{дини.}$$

При этом ПСС (5') реализуется (на уровне глубинно-морфологического представления) тоже вполне обычным образом (точно так же, как *цвет* $\xrightarrow{\text{1 компл}}$ *клеёнка* или *откорм* $\xrightarrow{\text{1 компл}}$ *скота*) - постановкой зависимого (S^2) в родительном падеже и его постпозицией. Естественно, что сочетания типа (5) описываются одной из комплетивных синтагм² и не должны занимать нас в этой книге.

Замечание 1. В действительности, сочетания типа (5) характеризуются некоторыми специфическими чертами: например, имя единицы измерения может требовать дополнения обязательно во множественном числе - *вагон динь* <*дини>, но *мякоть дини* {динь}; при обычных *метри* и *метри клеёнки*, *вагоны* и *вагоны динь* сочетания **цвет* и *цвет клеёнки* или **мякоть* и *мякоть динь* аномальны; и т.п. Тем не менее, эти черты связаны с семантикой соответствующих лексем и практически не сказываются на синтаксическом аспекте сочетаний *метр(и) клеёнки*, *голови скота* или *вагон(и) динь*.

Замечание 2. Тот факт, что сочетания "имя единицы измерения + обозначение исчисляемого" типа (5) оформляются синтаксически так же, как и другие сочетания "S-предикат + сильноуправляемое S", является идиоматическим свойством русского языка. Совсем иначе обстоит дело, например, в немецком языке, где сочетанию "имя единицы измерения + обозначение исчисляемого" отвечает особая синтаксическая конструкция: [zweitausend] *Meter Fels* '[2000] метров скалы [= скальной стенки]', [vier] *Flaschen Bier* '[4] бутылки пива', [zwanzig] *Tonnen Zement* '[20] тонн цемента' и т.п. Здесь обозначение ис-

исляемого стоит в номинативе; оно примыкает к имени единицы измерения в качестве особого приложения.

Однако из простых синтаксических КВ я привлекаю тоже далеко не все.

Во-первых, оставлены в стороне такие КВ, где обозначение количества есть имя множества, а не имя числа, т.е. сочетания вроде *пяток яблок* или *дюжина яиц*. Подобные сочетания также не имеют никакой поверхностно-синтаксической специфики: они представляют собой только что упоминавшиеся конструкции "S¹ + сильноуправляемое S²" и получают такую же ПСС, что и сочетания типа (5):

(6) *пяток* $\xrightarrow{1 \text{ компл}}$ *яблок*, *дюжина* $\xrightarrow{1 \text{ компл}}$ *яиц* и т.п.

Тем самым, *пяток яблок* трактуется нами точно так же, как *метр клеёнки*, *цвет клеёнки*, *воспитание мальчиков*, *постройка моста* и т.д. (Относительно русских КВ вида S¹ $\xrightarrow{1 \text{ компл}}$ S² см. также Эккурс 6, стр. 297.)

Во-вторых, я не беру и тех синтаксических КВ, в которых имя числа присоединяется к обозначению исчисляемого посредством служебной единицы типа *в числе*, *в количестве*, *в составе* и т.п.:

(7) а. *В секретарскую спокойной деловой походкой входила милиция в числе двух человек* [М.А. Булгаков] (*милиция в числе двух человек* = 'два милиционера').

б. *Стебли в количестве 3-5* *выходят из верхушки корневища* (*стебли в количестве 3-5* = '3-5 стеблей').

Эти сочетания являются атрибутивными - совершенно аналогично сочетаниям S¹ + *Пред* + S² или S + Adv:

(8) *тетради* $\xrightarrow{\text{атриб}}$ *в количестве* $\xrightarrow{1 \text{ компл}}$ *двадцати*

(здесь "атриб" обозначает атрибутивное ПСО, присоединяющее к S любые несогласованные определения). Выражение *милиция в числе двух человек* имеет ПСС точно того же типа, что и

(9) *тетради* $\xrightarrow{\text{атриб}}$ $\left\{ \begin{array}{l} \text{предлож} \\ \text{в левой стойке} \end{array} \right.$

или

тетради $\xrightarrow{\text{атриб}}$ *слева* (ср. *яйцо* $\xrightarrow{\text{атриб}}$ *вмятку*).

В-третьих, не рассматриваются все КВ, где Q представляет собой относительную характеристику количества, а не имя числа (*немало дней*, *чуть-чуть роз*, *масса книг*).

Таким образом, в данной книге рассматриваются только такие простые синтаксические КВ русского языка, которые состоят ровно из двух следующих компонентов:

(а) С - обозначение исчисляемого (существительное или целая именная группа, т.е. существительное с его зависимыми) и

(б) Q - имя числа (или сочиненная группа имен чисел, т.е. однородная или кратная цепь ИЧ),

причем С и Q находятся в непосредственной поверхностно-синтаксической связи (т.е. их связь не оформляется какой-либо служебной единицей).

Подобные выражения (подкласс простых синтаксических КВ) мы и называем ЧИСЛОВЫМИ ВЫРАЖЕНИЯМИ (сокращенно - ЧВ)⁴; в дальнейшем речь будет идти только о них.

Вот несколько примеров наиболее типичных русских ЧВ (сами ЧВ выделены подчеркиванием):

(10) а. Стоял кружок. Один солдат Был на коленях [М.Ю. Лермонтов].

б. Потом мелькнуло шапки две [М.Ю. Лермонтов].

в. Сто юношей пылких и жён Сошлись на свадьбу ночную [М.Ю. Лермонтов].

г. Полнеба обхватила тень [Ф.И. Тютчев]. (О числительном пол- см. Экскурс 4, стр. 280 и сл.)

д. Из миллиока мёртвых тел Мне будет дорого одно [М.Ю. Лермонтов].

е. Волк и семеро козлят.

ж. ... пять и три десятих грамма.

з. ... шесть-семь раз за одну-две ночи.

и. ... по четыре или пять девушек.

к. Оказывается, что во владения Шемаханской царицы попали $2^N - C_N^{N-E} \left(\frac{N}{2}\right) - 1$ человек [Н.Я. Виленкин, "Комбинаторика"].

Русским ЧВ посвящена обширная литература; здесь мы укажем лишь Worth 1959, Супрун 1962, Супрун 1964 и Bogusławski 1966, поскольку в этих работах можно найти все остальные ссылки. (Кроме того, см. список литературы на стр. 490 и сл.) Тем не менее, ни в названных публикациях, ни в многочисленных общих описаниях русского языка (и русского синтаксиса, в частности) - таких, например,

как Шахматов 1925, Пешковский 1934, Виноградов 1947, Галкина-Федорук и др. 1957, Виноградов и др. 1960, Шведова 1970, Валгина и др. 1971, - сколько-нибудь подробного поверхностно-синтаксического описания числовых выражений не дается⁵. Синтаксическому аспекту русских ЧВ не повезло: почему-то они оказались обделены вниманием синтаксистов (при том, что их морфология изучена вполне основательно). А ведь именно для синтаксиса эти образования, столь парадоксальные в целом ряде отношений, представляют, как кажется, особый интерес. Это и делает целесообразным подробное рассмотрение поверхностно-синтаксического аспекта числовых выражений в настоящей книге.

Как было только что указано, в нашей трактовке всякое русское ЧВ строго двухкомпонентно; поэтому прежде всего надо охарактеризовать каждый из двух этих компонентов.

Компонент С, или обозначение исчисляемых сущностей, должен обязательно быть именной группой, имеющей в вершине существительное⁶ с таким смыслом, который допускает пересчитывание соответствующих объектов, т.е. делает семантически возможным соединение существительного с числительным. Все подобные существительные получают синтаксический признак "исчисл(яемое)", помещаемый (в словаре) в синтактику соответствующих лексем. Вполне вероятно, что признак "исчисл" является избыточным, т.е. что он всегда может быть выведен из семантического представления лексемы; для огромного большинства случаев это просто очевидно. (О связи между семантикой лексемы и ее синтаксической "исчисляемостью"/"неисчисляемостью" см. Экскурс 1, стр. 257 и сл.) Тем не менее, я признаю целесообразным, невзирая на известное дублирование информации, эксплицитно фиксировать свойство сочетаемости с числительным отдельно и на синтаксическом уровне: это обеспечивает существенные удобства при записи синтагм. (Ср. замечание о синтаксических признаках на стр. 251.)

Внутреннее строение группы С может быть довольно причудливым - например, как в (11):

- (11) [35] $\overbrace{\text{метров в секунду}}^{\text{С}} \text{ [=35} \overbrace{\text{ м/сек}}^{\text{С}} \text{],}$
 [тысяча] $\overbrace{\text{ тонн на квадратный сантиметр}}^{\text{С}},$
 [по три] $\overbrace{\text{ рубля за килограмм}}^{\text{С}} = \text{ по три} \overbrace{\text{ рубля килограмм}}^{\text{С}}$ и т.п.

(Внутри группы С здесь используется особое - распределительное - ПСО

- (11') [35] метров $\xrightarrow{\text{распред}}$ в секунду, [тысяча] тонн $\xrightarrow{\text{распред}}$

на см², [по три] рубля $\xrightarrow{\text{распред}}$ за кг, [по три] рубля
 $\xrightarrow{\text{распред}}$ килограмм.)

Однако при выбранном мною способе изображения поверхностно-синтаксической структуры, т.е. при дереве зависимостей, синтаксическая связь между Q и C представляется только как связь между вершиной компонента C и вершиной компонента Q. Поэтому, если вершиной в C уже признано "исчисляемое" S, то собственное строение группы C никак не сказывается на интересующей нас связи между C и Q и потому может в дальнейшем не рассматриваться.

Что же касается компонента Q, т.е. имени числа, то здесь дело обстоит по-другому. В отличие от исчисляемого, у имени числа (ИЧ) внутреннее строение (которое, в общем случае, оказывается весьма сложным) может существенно влиять на его внешние связи: дело в том, что при различном строении ИЧ у него могут быть разные по своим синтаксическим свойствам вершины, а это обуславливает разные способы соединения ИЧ с исчисляемым. Поэтому на составе и внутреннем строении русских имен чисел нам придется остановиться особо: см. §§ 2 и 3 данной главы.

Необходимо, однако, помнить, что это, в некотором смысле, вспомогательный материал. Основным содержанием книги является ПОВЕРХНОСТНО-СИНТАКСИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ РУССКИХ ЧВ КАК ТАКОВЫХ - т.е. такое ПС-описание, при котором компоненты Q и C рассматриваются как цельные объекты (ср. сноску 2 на стр. 25).

С Н О С К И

1. (К стр. 27.) Компонент Q в составе простого синтаксического KB не может являться синтаксическим KB, но может содержать в себе синтаксическое KB определенного типа: так в шесть и пять восьмий [Q] тонны [C] компонент Q содержит синтаксическое KB пять [Q₁] восьмий [C₁]. - Необходимо отметить, что предлагаемая здесь терминология представляется не вполне удачной в следующем отношении: KB шесть и пять восьмий тонны является простым, а интуитивно более простое KB пять восьмий тонны должно быть признано сложным, поскольку его Q = пять восьмий само является, как было только что сказано, синтаксическим KB. Тем не менее, результирующее разбиение русских синтаксических KB на простые и сложные оказывается содержательно именно таким, каким требуется для удобства нашего дальнейшего изложения.
2. (К стр. 29.) См. Иомдин - Перцов 1975: 27, синтагма 6. Пользуясь случаем, я укажу два необходимых исправления в тексте этой статьи:
 - 1) Заглавие синтагмы 6 должно быть заменено на следующее: "При лексеме, не требующей согласования своих актантов между собой".

- 2) В синтактике узла X перед признаком "соглект-і-ј" надо под-
ставить *ne*.
3. (К стр. 29.) Ср. фразу из перевода статьи Жака Пиккара, описываю-
щей погружение в батискафе:
(i) *За стеклами иллюминатора перед нашими глазами проноси-
лись кубометры и кубометры, тонны и тонны воды* [П.Ляпиль,
Ж.Ривуар, "С небес в пучины моря", Ленинград, 1967, стр. 101]
4. (К стр. 31.) Отметим, что в Bogusławski 1966 термин "числовое вы-
ражение (wyrażenie liczbowe) имеет другое значение: он употреб-
ляется для обозначения "любых выражений, представляющих собой
числовые сообщения - такие, как два, пять, больше, много и т.д."
(стр. 56).
5. (К стр. 32.) Ср., однако, исключительно точные, хотя и очень крат-
кие характеристики синтаксиса русских числительных в Garde 1980:
233-245. См. также Akiner 1983.
6. (К стр. 32.) В частном случае, группа C может состоять из одного
такого существительного.

Состав имен чисел в русском языке

В настоящей книге последовательно разграничиваются два понятия, обычно смешиваемые в существующей литературе по русской грамматике: ИМЯ ЧИСЛА и ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ.

Имя числа, неоднократно упоминавшееся выше, в §1, - это любое языковое выражение, означаемым которого является число¹; таким образом, ИМЯ ЧИСЛА является по существу ЧИСТО СЕМАНТИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЕЙ. При этом, однако, имена чисел в русском языке имеют целый ряд синтаксических особенностей, в силу чего данное понятие и понадобилось нам. По своему внутреннему строению имя числа может быть как отдельной лексемой, так и сочетанием лексем (= словосочетанием); в него могут входить лексемы нескольких разных классов (см. непосредственно ниже). [О термине лексема см. сноску 1 к Экскурсу 1, стр. 264. Имена лексем в этой книге набираются заглавными буквами.]

Числительное же - это, по моему мнению, некий класс лексем, или часть речи, характеризуемый определенным набором синтаксических и морфологических свойств (см. Экскурс 2, стр. 265); следовательно, ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ представляет собой ЕДИНИЦУ СУГУБО ГРАММАТИЧЕСКУЮ, т.е. "идиоматичную", зависящую от конкретного языка. Всякое числительное является именем числа, но обратное, разумеется, неверно.

Замечание. Намеченный здесь подход принимается далеко не всеми русистами. Так, в существеннейшем для нас исследовании Boguślawski 1966 "термин числительное [liczebnik] применяется для обозначения выражений, охарактеризованных исключительно с семантической точки зрения" (стр. 63): а именно, к числительным относятся все те и только те выражения, которые обозначают числа, т.е. наряду с *два, три, четыре, ..., сто, ..., тысяча, миллион* и т.д. Богуславский признает числительными еще и *два <три, четыре> раза, ..., сто раз, ..., дважды, трижды, вдвое, втрое, вчетверо* [при словах типа *больше, превосходить*] (стр. 56). Семантический взгляд на числительное проводится также в Isačenko 1962, равно как и в советских вузовских учебниках: например, Галкина-Федорук и др. 1957 и Валгина и др. 1971.

Имя числа в русском языке может включать лексемы следующих пяти классов:

1. Числительные (количественные): ПОЛ¹, ДВА, ДЕСЯТЬ, СОРОК, СТО, ПЯТЬСОТ, ОБА, ТРОЕ, ДЕСЯТЕРО и т.д.
2. Некоторые существительные: МИЛЛИОН, МИЛЛИАРД, НОЛЬ, ЦЕЛАЯ, ВТОРАЯ, ДЕСЯТАЯ и т.д.

3. Условные обозначения чисел (обычно буквенные или буквенно-цифровые): k [шаров], $[κ] 4C_{n+1}^2 A_n$ [способам] и т.д.

4. Сочинительный союз И (две и пять восьмих тонны).

5. Предлог С I ($C + S_{\text{твор}}$: восемь с половиной <с четвертью>)².

Охарактеризуем каждый из этих классов.

1. Числительные в составе имен чисел.

В соответствии с принятой в грамматической традиции точкой зрения русские числительные считаются здесь особой частью речи (обозначение: Num). При этом, однако, я отношу к числительным только два из пяти их традиционных разрядов (Супрун 1964: 3-4), а именно - о п р е д е л е н н о - к о л и ч е с т в е н н ы е (собственно-количественные, или счетные), типа ДВА, ДЕСЯТЬ, ТРИДЦАТЬ, ПЯТЬСОТ, и л и ч н о - к о л и ч е с т в е н н ы е (традиционно называемые "собирательными"), типа ДВОЕ, ТРОЕ, ЧЕТВЕРО. Никаких других, т.е. "неколичественных", числительных как особой части речи в русском языке, по моему мнению, нет. В частности, те лексемы, которые обычно называют "порядковыми числительными", являются просто прилагательными. (Эта точка зрения отнюдь не нова: вслед за К.С. Аксаковым, И.А. Бодуэном де Куртенэ и А.М. Пешковским ее высказывали еще 30 лет назад В.Н. Сидоров, см. Аванесов - Сидоров 1945: 130, а также В.В. Виноградов - в Виноградов 1947: 233 слова типа ПЕРВЫЙ, ВТОРОЙ, ТРЕТИЙ и т.п. решительно отнесены к прилагательным. О порядковых прилагательных см. также Галкина-Федорук и др. 1957: 310-312 и Супрун 1964: 104-111.) Что же касается так называемых "неопределенно-количественных числительных" (типа МНОГО, НЕСКОЛЬКО), то это, на мой взгляд, особый подкласс наречий - Adv (колич), или количественные наречия (обоснование см. в Экскурс 7, стр. 305). Наконец, "дробные числительные" типа *три шестих* - это в действительности словосочетания, представляющие собой соединение числительного с существительным (поскольку названия дробных долей - ВТОРАЯ, ТРЕТЬЯ, ЧЕТВЕРТАЯ, ... - несомненно являются существительными, см. ниже, стр. 40); таким образом, всякое "дробное числительное" есть синтаксическое КВ, подлежащее рассмотрению в этой книге.

Здесь невозможно, разумеется, всерьез обсуждать понятие "части речи", а также принципы выделения частей речи вообще или даже хотя бы одной конкретной части речи - числительного - в русском языке в частности. Тем не менее, нам придется неоднократно принимать решение о включении/невключении тех или иных русских лексем в

класс числительных (это необходимо, так как интересующие нас количественные синтагмы формулируются как раз для числительных: во всех этих синтагмах зависимый член - числительное). При этом в качестве доводов используются в основном ссылки на те или иные синтаксические свойства числительных и сравниваемых с ними других лексем. Поэтому представляется удобным сделать компактную сводку основных свойств русских числительных как части речи; такая сводка помещена в Экскурсе 2, стр. 267 - 269.

Числительные образуют в русском языке замкнутый класс лексем: их можно задать списком, что я сейчас и сделаю. Именно, к числительным принадлежит пятьдесят одна лексема (плюс десять "потенциальных" лексем - собирательных числительных ОДИННАДЦАТЕРО, ДВЕНАДЦАТЕРО, ..., ДВАДЦАТЕРО, см. ниже, стр. 38); эти лексемы подразделяются на следующие восемь типов:

1) ОДИН I³ (см. Экскурс 3, стр. 271).

2) ПОЛ¹: *полноса, полдороги, пол-лимона, пол-окна, пол-Парижа*, разг. *пол апельсинового пирога*, разг. *пол нашей группы*.

Я считаю *пол-* отдельной словоформой лексемы ПОЛ¹ (ПОЛ² - в комнате, ПОЛ³ - мужской/женский) и в тех случаях, когда *пол-* пишется слитно, и в тех, когда *пол-* пишется через дефис. Тем самым, в этой книге выражения типа *полгруппы* или *пол-яблока* трактуются на поверхностно-синтаксическом уровне как бинарные словосочетания Num + S и представляются в ПСС двумя узлами; см. также Экскурс 4, стр. 280 и сл.

3) ПОЛТОРА.

4) "Малые" числительные ДВА, ТРИ и ЧЕТЫРЕ, при которых (если само Num - в именительном или винительном падеже) S стоит в единственном числе: *два входа, три сковороды* (мн. - *сковороды*), *четыре окна* (мн - *окна*). Эти числительные, а также ПОЛ¹, ПОЛТОРА и ОБА, имеют синтаксический признак "мал" (см. стр. 253; о синтаксических признаках вообще см. стр. 251).

5) ОБА.

Принадлежность лексемы ОБА к Num нередко оспаривают (см., в частности, Галкина-Федорук и др. 1957: 299-300, 307-308; также Bogusławski 1966: 63; ср., однако, Garde 1980: 234). В самом деле, в отличие от прочих Num ОБА обозначает не просто число, но включает в свой смысл еще и значение квантора 'все': *оба* = 'все два' ('оба': 'два' = 'все три': 'три' = ... = 'все сто': 'сто' = ...).

По-видимому, в силу этой семантической особенности ОБА лишено многих синтаксических свойств "настоящих" Num: оно не может входить в составные имена чисел, не участвует в аппроксимативно-количественной конструкции (*рубля два*, но не **рубля оба*), не допускает вариативности сказуемого по числу (*Оба инженера пришли* <**пришло*> и *Пришли* <**пришло*> *оба инженера*, но *Пришли* <*пришло*> *десять инженеров*) и т.п., а также не может сочиняться с Num: **оба или четыре*, **оба-три* (при *два-три*) и т.д. См. перечень свойств русских Num на стр. 267 - 269: ОБА является исключением в большом числе случаев (об отличиях ОБА от ДВА в аспекте синтаксического поведения см. Worth 1959: 126).

Тем не менее, ОБА соединяется с "исчисляемым" S типично "числительным" способом (свойства 8 и 9, стр. 268): *оба мальчика* как *два мальчика*, *обоим мальчикам* как *двум мальчикам* и т.д., что и заставляет меня признать ОБА числительным (сознавая всю условность подобного решения). Кроме того, если ОБА - не Num, то к какой части речи принадлежит тогда эта лексема? Ее можно считать только прилагательным [A], но это будет крайне специфическое (в действительности - уникальное) A. Мне кажется, трактовать ОБА как особое Num более целесообразно, чем считать его особым A: это явно повлекло бы значительное усложнение описания русского синтаксиса; ср. аналогичные рассуждения для ОДИН I в Экскурсе 3, стр. 275 - 277. (Интересные наблюдения относительно сочетания *oba na desete* '12' в старославянском языке см. Супрун 1977.)

6) Лично-количественные ("собирательные") числительные ДВОЕ, ТРОЕ, ..., СЕМЕРО, ..., ДЕСЯТЕРО⁴. Возможны, хотя и воспринимаются как несколько искусственные, лично-количественные Num, обозначающие числа от 11 до 20; например, *Завтра тех двадцатерых повешу* [А.Н.Майков]. (*Одиннадцатеро*, ..., *двадцатеро* и есть те "потенциальные" лексемы, о которых говорилось выше.)

7) "Большие" числительные, при которых S всегда стоит во множественном числе; все они имеют синтаксический признак "больш". К "большим" числительным относятся:

- (i) Имена единиц от 5 до 9 и имена чисел от 10 до 19: ПЯТЬ, ШЕСТЬ, ..., ДЕВЯТНАДЦАТЬ. Эти лексемы неспособны быть последним компонентом "составных числительных" (см. ниже): **десять три*, но *двадцать три*.

- (ii) Имена десятков от 20 до 90: ДВАДЦАТЬ, ТРИДЦАТЬ, ..., ДЕВЯНОСТО. Все они способны быть непоследним компонентом "составных числительных": *двадцать три, сорок шесть* и т.п.
- (iii) Архаичное или просторечное ПОЛСТА (ср. ... *благо профессорская гостиная позволяла рассадить полста людей* [Ю. Трифионов, Дом на набережной. - Дружба народов, 1976, №1, с. 112]).
- (iv) Имена сотен: СТО, ДВЕСТИ, ..., ДЕВЯТЬСОТ.
- (v) ПОЛТОРАСТА.

8) Лексема ТЫСЯЧА I - числительное. (Об отличии числительного ТЫСЯЧА I от существительного ТЫСЯЧА II см. Экскурс 5, стр. 289.)

(Полный перечень польских числительных, сопровождаемый анализом их морфологических категорий и установлением состава их парадигм, дается в Saloni 1977.)

В русистике обычно говорят также о "составных числительных" типа

- (1) *двадцать один, двадцать два, ..., сто шесть, сто сорок восемь, ..., девятьсот девяносто девять,*

причем "составные числительные" считаются подклассом числительных. Это, однако, некорректно: числительное - это часть речи, т.е. класс лексем, а в (1) мы имеем не лексем, а СОЧЕТАНИЯ ЛЕКСЕМ (= словосочетания). Если считать сочетания типа (1) элементами класса числительных, то, например, сочетания существительных типа *душа поэта* или *начальник главка министерства электропромышленности* также должны считаться элементами класса существительных (мое внимание к указанной некорректности привлекли Л.Л. Иомдин и Н.В. Перцов). Поэтому "составные числительные" - вопреки широко распространенной практике - к классу числительных мною не относятся, а считаются особой разновидностью имен чисел. Однако я считаю целесообразным сохранить сам термин "составное числительное", отметив его условность и уточнив его смысл: составными числительными в этой книге будут именоваться составные имена чисел, состоящие из одних числительных (ср. стр. 45).

Напомним, что при чисто семантическом подходе к выделению числительных (см. *Замечание* на стр. 35) в состав числительных включается еще целый ряд лексем, которые в этой книге признаются

существительными (МИЛЛИОН, МИЛЛИАРД, ...; НУЛЬ/НОЛЬ; названия дробных долей) или наречиями (ДВАЖДЫ, ТРИЖДЫ, ..., ВДВОЕ, ВТРОЕ, ...).

2. Существительные в составе имен чисел.

В составе русских ИЧ выступают S следующих шести типов:

- 1) НУЛЬ и НОЛЬ (подробнее о них см. ниже, гл. III, §3, стр. 248 - 250).
- 2) Имена чисел, кратных 1000: ТЫСЯЧА II, МИЛЛИОН, МИЛЛИАРД, ТРИЛЛИОН, КВАДРИЛЛИОН, ... (о них см. Экскурс 6, стр. 295).
- 3) ЦЕЛАЯ (*шесть целых три десятых грамма*).
- 4) ПОЛОВИНА (*две с половиной тонны*).
- 5) ТРЕТЬ И ЧЕТВЕРТЬ (*пять и две трети килограмма, два с четвертью часа*; см. Экскурс 8, стр. 322).
- 6) Имена дробных долей⁵: ВТОРАЯ, ТРЕТЬЯ, ..., ДЕСЯТАЯ, ..., СОТАЯ, ..., ДВУХТЫСЯЧНАЯ, ..., СТАСОРОКАСЕМИМИЛЛИОННАЯ, ...

Поскольку выражения вроде ДВУХТЫСЯЧНАЯ или СТАСОРОКАСЕМИМИЛЛИОННАЯ суть лексемы (хотя и сложные, т.е. это лексемы типа НЕФТЕБАЗА или САМОЛЕТОВЫЛЕТ), множество имен дробных долей оказывается открытым: такие выражения можно строить для неограниченного набора имен чисел, кратных 1000. Названное множество должно быть как-то задано, например, специальной порождающей грамматикой.

(Составные имена дробных долей - типа *двадцать первая, сто пятьдесят четвертая* или *три тысячи восемьсот тридцать седьмая* - представляют собой словосочетания.)

Никакие другие существительные компонентами русских ИЧ быть не могут. Это относится, в частности, к таким лексемам, как ПАРА (*Возьмем пару точек*), ДВОЙКА (*альпинистская двойка*), ТРОЙКА (*К финишу приближалась вторая тройка гонщиков*), ЧЕТВЕРКА, ..., ПЯТОК, ДЕСЯТОК, ДЮЖИНА, СОТНЯ и т.п.: все они обозначают не числа, а множества соответствующей мощности. Так, ДЮЖИНА = 'множество мощностей 12' (ср. выше, стр. 27, пример (2), и стр. 30, (6)).

3. Условные обозначения чисел встречаются преимущественно в научных текстах. В качестве таких обозначений используются обычно латинские буквы, а также буквы других алфавитов, цифры и математические выражения, задающие числа. Условные обозначения чисел [УОЧ] отнесены мною к особой части речи - к так называемым "формулам" (обозначение - Ф), куда включены вообще все встречающиеся

в текстах "неалфавитные" (не собственно-языковые) выражения.

Пример:

- (2) *На дне глубокого сосуда
Лежало ровно n [= эн] шаров;
Попеременно их оттуда
Таскали двое дураков*

[продолжение этого стихотворения, принадлежащего, насколько я могу судить, студенческому фольклору, см. на стр. 147, пример (20)].

УОЧ характеризуются тремя следующими особенностями:

- (i) Как правило, УОЧ не сочетается с другими компонентами русских ИЧ, т.е. не может входить в составное имя числа (см. стр. 45); в большинстве случаев УОЧ само по себе является полным именем числа.

Наиболее очевидное исключение - это употребление УОЧ (чаще всего, арабских цифр) с лексемами ТЫСЯЧА, МИЛЛИОН и т.п., например, *15 тысяч, 250 миллионов, 640 млрд. рублей*. Написания этого типа являются очень распространенными.

- (ii) УОЧ соединяется с существительными точно так же, как "большие" числительные:

(3) а. *За столом будут сидеть $2n$ рыцарей* [Н. Виленкин, "Комбинаторика", М., 1969, стр. 168] - *За столом будут сидеть пять <пятьдесят, пятьсот> рыцарей.*

б. *Женщин можно положить $2 \cdot (n!)$ способами* [Н. Виленкин, там же, стр. 169] - *Женщин можно положить пятью <пятьюдесятью, пятьюстами> способами.*

- (iii) Для УОЧ характерна, как правило, абсолютная неизменяемость - даже в тех случаях, когда в состав УОЧ входит Num, которое, вообще говоря, склоняется. Так, (36) произносится вслух следующим образом:

(36') *Женщин можно положить два на эн факториал способами;*

ср. также (4):

(4) *при два эн в квадрате возможностях = при $2n^2$ возможностях,*

где числительное ДВА выступает в основной ("словарной") форме⁶. Впрочем, арабские цифры, изображающие числительное, могут (а в ряде случаев - должны) склоняться: с 7 друзьями читается как с семью

друзьями. Это нередко приводит к смешанным записям, вроде с 7-ью, из 24-х, к 43-м, каковые в настоящей книге не рассматриваются.

Отнесение УОЧ к особой части речи нуждается в специальном обосновании. Не исключено, что было бы целесообразнее считать их разновидностью числительных или существительных. Однако предложенное решение обеспечивает большую простоту описания в рамках данной книги - и именно поэтому я выбираю его, нисколько не настаивая на его окончательности.

3. Салёни обратил моё внимание на то, что в связи с УОЧ встает следующая интересная, хотя и довольно сложная теоретическая проблема. С одной стороны, в письменном тексте УОЧ часто записываются не в алфавите данного языка, а потому их, видимо, не следует считать его полноценными единицами и описывать в рамках его грамматики. С другой стороны, однако, при устном произнесении все УОЧ читаются как обычные слова, т.е. оказываются состоящими из лексем соответствующего языка (АЛЬФА, ПИ, ЭН, ДУБЛЬВЭ, ФАКТОРИАЛ, ПЛЮС, ДРОБЬ и т.д. - все это, безусловно, русские лексемы); следовательно, они должны описываться его грамматикой.

Я полагаю, что решение проблемы, т.е. выход из указанного противоречия, заключается в очень тщательном разграничении устной речи и письменного текста, которое в предлагаемой книге не приведено с достаточной последовательностью. Я позволю себе не развивать дальше затронутый вопрос, поскольку он является периферийным для моей основной темы.

4. Союз И в составе имени смешанного числа присоединяет к имени целого числа имя дроби (состоящее, в свою очередь, из имени дробной доли - см. пункт 6 на стр. 40 - и числительного): *два и три седьмых [метра], две и семь десятых [тонны]*. См. стр. 137, синтагма 5.

Возможно, впрочем, что лексема И в составе имен смешанных чисел типа *два и три седьмых* - это не сочинительный союз, а омонимичная союзу особая служебная частица; см. об этом подробнее на стр. 51 и сл.

5. Предлог С I в составе имени смешанного числа присоединяет к имени целого числа лексемы ПОЛОВИНА и ЧЕТВЕРТЬ (имена дробей $1/2$ и $1/4$): *три с половиной тонны, шесть с четвертью тонн*.

Другие имена дробей $1/2$ и $1/4$ в данной конструкции невоз-

можны: *три с одной второй тонн, *шесть с одной четвертой тонн. Кроме того, при лексеме ЧЕТВЕРТЬ невозможно никакое числительное: *шесть с одной ← четвертью тонн, *шесть с тремя ← четвертьями тонн. См. стр. 143, синтагма 6.

Итак, все компоненты, из которых могут складываться имена чисел в русском языке, охарактеризованы. В следующем параграфе будет показано, как эти компоненты синтаксически соединяются друг с другом.⁷

С Н О С К И

- (К стр. 35.) Подчеркнем, что под означаемым имени числа мы понимаем исключительно его с м ы с л, или с и г н и ф и к а т, но отнюдь не его денотат. Именно поэтому не являются именами чисел такие выражения, как *два в квадрате* или *сумма трех и пяти*: денотаты того и другого - это, разумеется, числа (4 и 8, соответственно), однако означаемые (= сигнификаты) этих выражений - не числа, а результаты определенных арифметических операций.
- (К стр. 36.) Различные лексемы, входящие в состав вокабулы (см. об этом термине стр. 264) предлога С, условно разграничены в этой книге следующим образом:
 - С I = с + S_{твор} (человек с ружьём; встал с трудом; свойства, общие у этих слов с числительным);
 - С II = с + S_{род} (упал с криши; вернулся с Памира; сбили с ног);
 - С III = с + S_{вин} (кое-что размером с хороший огурец; с десятков учеников).
- (К стр. 37.) Наряду с числительным ОДИН I, в русском языке имеются еще четыре лексемы ОДИН, а именно:
 - ОДИН II 'некоторый' (= 'существует такой..., что...'), например: *А я хочу еще повидать одну свою знакомую; В одно прекрасное утро...; К одному врачу приходит больной и говорит...*
 - ОДИН III 'в одиночку', 'без других': *В полночь выхожу один из дома [А.Блок]; - Ты одна?; И вот, наконец, ми одни;*
 - ОДИН IV 'только': *Он один лишь бабачит и тичет [О. Мандельштам]; С тобой одною я счастлив [И. Бунин]; Смолоду живешь одними надеждами;*
 - ОДИН V 'один и тот же', 'тот же самый': *Мы живем с ним в одном доме; Они ведь из одного города.*
 ОДИН II-V - прилагательные.
См. Мишина 1960 и Virkenmaier 1976.
- (К стр. 38.) Тот факт, что обозначение "собирательные" для числительных типа ДВОЕ, ТРОЕ, ... является весьма неудачным, неоднократно отмечался в различных описаниях современного русского языка (см., в частности, Галкина-Федорук и др. 1957:

307). Дело в том, что никакого значения собирательности - наподобие того, что мы находим у существительных типа БАБЬЕ, ГОЛЫТЬБА, СТУДЕНЧЕСТВО и т.п. - у этих числительных нет. Я счел целесообразным отойти от содержательно неоправданной терминологической традиции и заменил термин "собирательные" (применительно к Num) термином "лично-количественные". Возможно, следовало бы выбрать термин "одушевленные" - или "лично-мужские", учитывая преимущественную сочетаемость этих Num с существительными мужского рода. Верно, впрочем, что Num типа ДВОЕ, ТРОЕ выражают смысл '... в виде одной группы...', 'вместе'. Так, фраза *Ко мне подошли трое мальчиков* имплицитно означает, что мальчики подошли вместе и, скорее всего, с одной общей целью, тогда как фраза *Ко мне подошли три мальчика* не несет такой имплицитации. См. об этом подробнее в Экскурсе 11, стр. 394. Указанный смысл, однако, должен характеризоваться как совместность, а не собирательность.

5. (К стр. 40.) Здесь, конечно, имеется в виду обозначение только знаменателя дроби, а отнюдь не дроби в целом.
6. (К стр. 41.) Выражения типа *два на эн факториал* или *два эн в квадрате* имеют собственное, и притом весьма специфическое ПС-строение, заниматься которым я здесь не могу.
7. (К стр. 43.) Ср. подробное описание состава и строения польских имен чисел (называемых *grupy liczebnikowe*) в статье Gruszyński - Saloni 1978.

§ 3

Строение имен чисел в русском языке

Назовем всякое имя числа, состоящее более чем из одной лексемы, **с о с т а в н ы м**. Русские составные ИЧ распадаются на четыре основных типа:

1. Составные имена целых чисел, не содержащие в себе существительных, т.е. состоящие из одних числительных: типа *сорок три* или *восемьсот семьдесят девять*. Такие ИЧ мы будем называть (см. выше, стр. 39) **с о с т а в н ы м и ч и с л и т е л ь н ы м и**.

2. Составные имена целых чисел, содержащие в себе существительные: типа *шесть миллионов* [= S] *сорок две тысячи* [= S] *двадцать* [= 6 042 012].

3. Имена дробных чисел: *сорок две сто тридцать седьмиз* [= $\frac{42}{137}$], *ноль ноль шесть* [= 0,06] и т.п.

4. Имена смешанных чисел: *три (целих) и шесть десятих*.

Каждый из этих типов имеет свои поверхностно-синтаксические особенности. Вообще говоря, описание русских составных ИЧ, в частности - характеристика их ПСС, не входит в задачу настоящей книги. Однако для лучшего понимания ПС-трактовок, предлагаемых мною для тех или иных ЧВ, необходимо хорошо представлять себе и ПС-структуры, принятые в рамках данного изложения для тех или иных составных имен чисел. Поэтому я кратко охарактеризую здесь, во-первых, внутреннее поверхностно-синтаксическое строение всех четырех указанных выше типов русских составных ИЧ, а во-вторых, их внешние ПС-связи, т.е. связь между составным ИЧ и обозначением исчисляемой сущности.

Проблемы синтаксиса и семантики имен чисел в самых разных языках (английском, французском, датском, гавайском, йоруба и т.д.) рассматриваются в книге Hurford 1975, которая является, в известном смысле, продолжением и развитием сборника Brandt Corstius 1968. Основные усилия Херфорда сосредоточены на построении формальных грамматик, задающих и семантически интерпретирующих все не-элементарные имена чисел в рассматриваемых языках, такие, как англ. *nine million trillion*, фр. *soixante et onze* [= 60 + 11 = 71], дат. *halvfemsindstuve/halvfems* [= $4\frac{1}{2} \times 20 = 90$], библейский валл. *pump a thri ugain a thri chant a mill* [= $5 + 3 \cdot 20 + 3 \cdot 100 + 1000 = 1365$] и т.д.

I. ПСС русских составных ИЧ

1. В составных именах целых чисел, не содержащих S, т.е. в

составных числительных, ПС-вершиной считается самое правое ("простое") числительное, а остальные числительные последовательно подчиняются каждое своему правому соседу посредством нумеративно-вспомогательного ПСО:

- (1) двадцать \leftarrow НУМ-ВСПОМ два [рубля]; [из] шестисот \leftarrow НУМ-ВСПОМ сорока \leftarrow НУМ-ВСПОМ пяти [рублей]; и т.п.

Участие в подобных конструкциях является одним из существенных свойств числительного, см. Экскурс 2, стр. 268, свойство 10.

Указанный способ описания ПСС русских составных числительных принят на основании следующих четырех соображений:

(i) В составных числительных на форму "исчисляемого" S влияет только самое правое Num - и только оно одно само непосредственно зависит по форме от этого S:

- (2) двадцать два метра vs. двадцать пять метров;
двадцать два метра vs. двадцать две версты.

Таким образом, "к о н т а к т н о й т о ч к о й" составного числительного, т.е. его внешним синтаксическим представителем, естественно считать именно самое правое Num в нем. А внешний синтаксический представитель словосочетания - его "контактная точка", как правило, и есть его ПС-вершина. (По существу я пользуюсь здесь не сформулированным явно критерием "контактной точки" - одним из критериев определения направления ПС-зависимостей между словоформами в высказывании. См. о нем Экскурс 9, стр. 351.)

(ii) Если за вершину составного числительного принять его самое правое Num и если считать, что все составное числительное целиком (т.е. его вершина) зависит от исчисляемого S (обоснование этого дается в гл. II), то тогда все синтаксические зависимости ВНУТРИ составного числительного естественно вести от его вершины справа налево. Специфический характер соединения простых Num в составном числительном заставляет описывать это соединение посредством особого ПСО: нумеративно-вспомогательного. (Это же ПСО используется для представления других ПС-зависимостей в составе русских имен чисел, см. ниже, стр. 212.)

(iii) Между составными числительными типа сто двадцать пять и составными порядковыми прилагательными типа сто двадцать пятый¹

имеется интуитивно очевидное существенное сходство, так что представляется желательным описывать ПСС тех и других одинаковым образом.

В составных порядковых прилагательных очевидной "контактной точкой" является самый правый компонент - простое порядковое прилагательное (*пятый*), которое и признается вершиной всего выражения. Тогда остальная часть составного прилагательного - некоторое имя числа - должно подчиняться вершине составного прилагательного, причем это подчинение удобно описывать именно посредством нумеративно-вспомогательного ПСО. Внутри же самого такого ИЧ ПС-зависимости должны идти справа налево, как вообще во всех прочих ИЧ; эти зависимости могут описываться нумеративно-вспомогательным или количественным ПСО:

- (3) сто \leftarrow нум-вспом двадцать \leftarrow нум-вспом пятый; [в] тысяча \leftarrow нум-вспом девятьсот \leftarrow нум-вспом тридцать \leftarrow нум-вспом седьмом [\leftarrow опред году]; шесть \leftarrow колич тысяч \leftarrow нум-вспом триста \leftarrow нум-вспом девятый [\leftarrow опред слу-чай].

В силу только что указанного сходства, ПСС типа (3) является для нас серьезным доводом в пользу ПСС типа (1), т.е. в пользу признания самого правого Num вершиной составного числительного.

Поскольку составные имена дробных долей (т.е. обозначения знаменателей) - это не что иное, как субстантивированные составные порядковые прилагательные, точно такая же ПСС принимается и для них:

- (4) \leftarrow колич \leftarrow нум-вспом четвертых; [семь] шестьдесят \leftarrow нум-вспом одной] две \leftarrow колич \leftarrow колич \leftarrow нум-вспом сороковой] \leftarrow нум-вспом пятисот \leftarrow нум-вспом тысячи \leftarrow нум-вспом $\frac{21}{2540}$.
[= прибавить к $\frac{21}{2540}$].

(iv) В разговорной речи некоторые непоследние (не самые правые) компоненты составных числительных могут оставаться неизме-

няемыми, т.е. они могут ставиться в именительном падеже независимо от того, в каком падеже стоит всё составное числительное:

- (5) в числе восемьсот сорока тысяч;
из сто тридцать одной страны;
для пятьсот пятьдесят трёх семей;

см. подробнее Экскурс 12, стр. 406. (В составных порядковых прилагательных неизменяемость всех компонентов, кроме самого правого, т.е. собственно прилагательного, является обязательной нормой.)

Указанный факт удобнее всего описывать, если все непоследние компоненты составных Num считаются зависящими (в конечном итоге) от самого правого Num - как своеобразные неизменяемые "префиксы", наподобие случаев типа бой-баба (к бой-бабе, с бой-бабой), блок-схема (блок-схемой, к блок-схеме) или гамма-лучи (из-за гамма-лучей, о гамма-лучах).

2. В составных именах целых чисел, содержащих существительные, ПСС подчиняется следующим соглашениям (а)-(с):

(а) Вершиной имени числа считается его самый правый компонент - Num или S.

(б) Всякое S', входящее в ИЧ, но не являющееся его вершиной, подчиняется посредством нумеративно-вспомогательного ПСО либо ближайшему справа другому S, если таковое имеется в составе ИЧ, либо (если в ИЧ отсутствует S справа от S') - самому правому Num (т.е. вершине ИЧ).

(с) Всякое S, входящее в ИЧ, но не являющееся его висячим (=концевым) узлом, подчиняет себе ближайшее слева Num посредством количественного ПСО и ближайшее слева S' - посредством нумеративно-вспомогательного ПСО.

Примеры:

- (6) шесть ← КОЛИЧ миллионов [рублей]; девять ← КОЛИЧ тысяч ←
← НУМ-ВСПОМ шестнадцать [путевок];
- (7) три ← КОЛИЧ миллиона восемь ← КОЛИЧ тысяч сто ← НУМ-ВСПОМ
← НУМ-ВСПОМ две [тонны].

В ИЧ типа (7) нумеративно-вспомогательное ПСО идет к миллиона от тысяч, а не от восемь потому, что лексемы ТЫСЯЧА и МИЛЛИОН должны быть в одном и том же падеже, тогда как Num, зависящее - косвен-

но, в качестве компонента составного ИЧ, - от ТЫСЯЧА, при определенных условиях может, вообще говоря, оформляться именительным падежом независимо от падежа всего ИЧ в целом (и от падежа таких лексем, как ТЫСЯЧА и МИЛЛИОН, в частности).

Ср. например, неправильные выражения (8):

(8) [?] с тремя миллионами восемьсот сорок тысяч двумястами пятнадцатью томами;

*с тремя миллионами восемь тысяч двумястами пятнадцатью томами;

*с три миллиона восемью тысячами шестьстами томов, где подчеркиванием выделены S, не согласованные между собой по падежу; в то же время вполне допустимо (9):

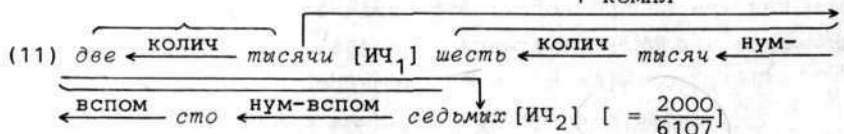
(9) с тремя миллионами восемьсот [sic!] сорока тысячами двести [sic!] пятнадцатью томами.

(Здесь имеется в виду неизменяемость некоторых компонентов составных ИЧ, допустимая в непринужденной речи; это явление, только что упомянутое в пункте (iv) на стр. 48, более подробно рассматривается на стр. 206 и в Экскурсе 12, стр. 406 и сл.)

3. Имя дробного числа всегда состоит из двух ИЧ:

- ИЧ₁, которое является обозначением числителя;

- ИЧ₂, которое обозначает знаменатель:

Вершиной в ИЧ₁ бывает либо Num, либо S (типа МИЛЛИОН), вершиной в ИЧ₂ - всегда S (имя дробной доли). Вершиной всего имени дробного числа бывает либо вершина ИЧ₂, т.е. имя дробной доли (как в (10)), если вершина ИЧ₁ представляет собой Num, либо вершина ИЧ₁, если это S (как в (11)). Под эту формулировку подходят и разговорные обозначения десятичных дробей типа ноль два [грам-

ма], ноль ноль четырнадцать [= 0,014] и т.п., где вершиной считается первое слева вхождение существительного НОЛЬ:

(12) ноль $\xrightarrow{\text{нум-вспом}}$ ноль $\xrightarrow{\text{нум-вспом}}$ четырнадцать.

(См. об этом гл. III, §3, стр. 225.)

4. В именах смешанных чисел применяется ПСС, основанная на следующих четырех соглашениях (a)-(d):

(a) Вершиной имени смешанного числа считается имя целой части - Num, S типа МИЛЛИОН или лексема ЦЕЛАЯ. Это соглашение объясняется тем, что в любом имени смешанного числа имя дробной части вводится или, во всяком случае, может вводиться сочинительным союзом (И) или предлогом (C I). Иначе говоря, самый общий вид имени смешанного числа - $X (и) Y / X e Y\text{-ом}$, где X - имя целой, а Y - дробной части. В связи с этим представляется разумным выдвинуть следующие два требования.

Во-первых, имя смешанного числа без союза/без предлога должно иметь ПСС, максимально аналогичную ПСС имени смешанного числа с союзом или предлогом. Другими словами, словосочетание (13):

(13) *шесть целых три четверти [грамма]* -

должно иметь ту же вершину, что и словосочетание (14):

(14) *шесть целых и три четверти [грамма];*

в свою очередь, это последнее должно описываться на ПС-уровне сходно со словосочетаниями (15):

(15) *шесть и три четверти [грамма];*

шесть с половиной [грамм(ов)].

Во-вторых, имя смешанного числа с союзом или предлогом должно иметь ПСС, аналогичную ПСС прочих словосочетаний с тем же союзом или тем же предлогом. Это означает установку на сходное ПС-описание пар словосочетаний типа (16):

(16) *шесть (целых) и три четверти ~ Коля и Наташа;*

шесть с половиной ~ Коля с Наташей; и т.п.

Отсюда сразу следует соглашение (a) - при условии, разумеется, что для сочетаний типа *Коля и Наташа* уже принята ПСС (16'):

(16') *Коля* $\xrightarrow{\text{однородное}}$ *и* $\xrightarrow{\text{сочин-союзное}}$ *Наташа.*

Прежде, однако, чем двинуться дальше, я хотел бы отметить следующую трудность, связанную с требованием одинаковой трактовки для имен смешанных чисел с и и обычных сочиненных групп.

В русском языке возможно - в некоторых готовых выражениях, в фольклорных или архаичных текстах - использование союза *и* в составе имен целых чисел, в частности - даже внутри составных числительных:

(17) а. "Тысяча и одна ночь" ['1001 ночь'; название сборника арабских сказок].

б. *И наехал Илья на пятьдесят и пять разбойников.*

в. *Пожаловал ему государь двести и сорок ефимков.*

г. *Сорок и три кнута ему дали* [Н.С.Лесков, "Тупейный художник"].

Если признать подобные выражения входящими в тот фрагмент русского языка, который подлежит регулярному описанию, то встает следующая дилемма.

- Либо ПС-описание, сообразованное с обычным сочинением, следует сохранить и для сочетаний типа (17), т.е. иметь ПСС (17'):

(17') тысяча $\xrightarrow{\text{нум-вспом}}$ и $\xrightarrow{\text{соч-союз}}$ одна;
 пятьдесят $\xrightarrow{\text{нум-вспом}}$ и $\xrightarrow{\text{соч-союз}}$ пять; и т.п.

(Отметим, что эти ПСС все равно отличаются от "настоящих" сочинительных ПСО - тем, что между левым членом и союзом в (17') имеет место нумеративно-вспомогательное ПСО, а не однородное ПСО, как, скажем, в (16'); см. ниже.) Тогда во ВСЕХ ИЧ вершины придется считать не самый правый компонент, т.е. не "контактную точку" (как это сделано выше: стр. 46 - 47), а наоборот - самый левый компонент (как это принято в данной системе ПС-описания для обычных сочиненных групп). В таком случае развиваемое в настоящей книге ПС-описание русских имен чисел изменится очень существенно; однако ПС-описание числовых выражений в аспекте связи между "исчисляемым" и именем числа не изменится (или изменится не принципиальным образом).

-Либо целесообразнее счесть, что лексема *И* в составных ИЧ играет совсем не такую ПС-роль, как при обычном сочинении, так что ПСС проблематичных выражений (17) имеет вид (17''):

(17'') тысяча $\xleftarrow{\text{нум-вспом}}$ и $\xleftarrow{\text{нум-вспом}}$ одна;
 пятьдесят $\xleftarrow{\text{нум-вспом}}$ и $\xleftarrow{\text{нум-вспом}}$ пять; и т.п.

Иначе говоря, тогда в составных ИЧ усматривался бы не сочинительный союз *И*¹, а омонимичная ему служебная лексема *И*² - соединительная частица, используемая только в этой роли². Другие сочинительные союзы, кроме *ДА* (*двести да сорок ефимков*), здесь, естественно, не выступают, а само *И*, если считать его союзом, функционирует весьма необычным образом: вводимое им выражение должно подчиняться своему хозяину не по однородному ПСО, как это бывает во всех без исключения обычных сочиненных группах

(*Коля* $\xrightarrow{\text{однор}}$ и $\xrightarrow{\text{соч-союз}}$ *Натasha*; не *Коля*, $\xrightarrow{\text{однор}}$ а $\xrightarrow{\text{соч-союз}}$

Натasha; и т.д.), а по нумеративно-вспомогательному ПСО.

(Необходимость использовать здесь нумеративно-вспомогательное ПСО объясняется двузначностью выражений типа *тысяча и одна ночь*: либо '1001 ночь', либо '1000 ночей и 1 ночь'; см. ниже, стр. 231 - 232). Если же и в (17) - не союз, то соглашение (а) оказывается необоснованным.

В настоящий момент я затрудняюсь сделать окончательный вы-

бор и потому предпочитают сохранить более традиционную, по моему мнению, трактовку И как сочинительного союза (в составе смешанных ИЧ). В случае, если от нее придется отказаться, то это не затронет предлагаемого ниже анализа числовых выражений и всех относящихся к нему результатов сколько-нибудь существенным образом: изменения понадобятся в основном в тех вспомогательных синтагмах, которые описывают имена смешанных чисел, стр. 227 и сл.

Что же касается словосочетаний типа (17), т.е. *тысяча и одна [ночь], пятьдесят и пять [разбойников]* и т.п., то они носят в современном русском языке настолько периферийный характер, что от них можно, по-видимому, полностью отвлечься - во всяком случае, в данной книге. В дальнейшем здесь придется, по всей вероятности, прибегнуть к понятию эллипсиса и усматривать в *Тысяча и одна ночь* результат элидирования более полного выражения *Тысяча ночей и одна ночь*, которое представляет собой вполне обычное сочинительное сочетание (кстати, точно калькирующее арабский оригинал: '*alf leila wa leila* 'тысяча ночей и ночь'). Ср. еще такие словосочетания, как *тридцать лет и <да> три года, сто церквей да ещё десять* и т.д.

Однако в ряде славянских языков - например, в древнерусском, сербо-хорватском, болгарском и словенском - употребление соединительного и (др.-рус. также *да*, слов. *in*) в составных числительных носит регулярный характер: серб.-хорв. *двадесет (и) један, сто (и) два*, болг. *деветдесет и осем, четиристотин и петнајсет*, слов. *pet in trideset* и т.д.; при этом соединение S с Num в этих языках мало отличается от соединения S с Num в русском языке. Таким образом, в принципе решения поднятого здесь вопроса избежать не удастся, так что его следует считать открытым.

(b) Зависимость имени дробной части смешанного числа от имени целой части - непосредственная или через вводящий элемент И, С I, НОЛЬ - изображается нумеративно-вспомогательным ПСО. (Выражения типа *с лишком, с заком, без малого* и т.п. присоединяются к именам чисел посредством атрибутивного ПСО: сами они не обозначают чисел и потому не входят в состав ИЧ; относительно их поверхностно-синтаксической специфики см. ниже, гл. III, §3, стр. 234.)

(c) Союз И и предлог С I, вводящие имена дробных частей, подчиняют себе эти имена в точности так же, как подчиняют свои зависимые прочие сочинительные союзы и предлоги соответственно, т.е. посредством сочинительно-союзного и предложного ПСО:

соч-союз
 [шесть] и семь ← колич → восьмиз, [два] с предлож → половиной.

Данное соглашение представляется достаточно спорным в части, касающейся И: поскольку это И, даже если оно признается союзом, подчиняется левому компоненту составного ИЧ все равно не по однородному, а по нумеративно-вспомогательному ПСО, возникает мысль о том, что И должно подчинять себе имя дробной доли также по нуме-

ративно-вспомогательному ПСО - вместо сочинительно-союзного. Иначе говоря, снова встает вопрос, не следует ли считать И просто условным соединителем компонентов составных ИЧ, не пытаюсь искать аналогии с обычными сочинительными сочетаниями. Как уже было сказано непосредственно выше, я предпочитаю сохранить здесь ту трактовку, которая кажется мне более традиционной и привычной (сознавая всю ее незлегантность).

(d) Лексема НОЛЬ, отделяющая дробную (десятичную) часть от целой в сокращенных обозначениях ИЧ типа *шесть ноль восемь* [грамма] (характерных для разговорной речи), подчиняет себе эту дробную часть (также некоторое ИЧ) посредством нумеративно-вспомогательного ПСО.

Приведем примеры ПСС для имен смешанных чисел (подчеркиванием выделена вершина ИЧ):

- (18) *шесть* $\xrightarrow{\text{нум-вспом}}$ и *пять* $\xleftarrow{\text{колич}}$ *восьмих* [грамма];
- (19) *шесть* $\xleftarrow{\text{колич}}$ *целих* $\xrightarrow{\text{нум-вспом}}$ и *восемнадцать* $\xleftarrow{\text{колич}}$
 $\xleftarrow{\text{сотих}}$ [метра];
- (20) *шесть* $\xleftarrow{\text{колич}}$ *целих* $\xrightarrow{\text{нум-вспом}}$ *восемнадцать* $\xleftarrow{\text{колич}}$ *сотих* [метра];
- (21) *две* $\xrightarrow{\text{нум-вспом}}$ с *предлож* \rightarrow *половиной* [тонны];
- (22) [к] *трём* $\xrightarrow{\text{нум-вспом}}$ с *предлож* \rightarrow *четвертью* [тоннам];
- (23) *шесть* $\xrightarrow{\text{нум-вспом}}$ ноль *восемьдесят* $\xleftarrow{\text{нум-вспом}}$ *пять*
 [грамма].

Для таких ИЧ, как представленные в (21) и (22), возможна ещё одна текстовая реализация - с другим порядком слов:

- (21') *две* $\xleftarrow{\text{колич}}$ *тонны* с *предлож* \rightarrow *половиной*
- и
- (22') к *трём* $\xleftarrow{\text{колич}}$ *тоннам* с *предлож* \rightarrow *четвертью*;

выражения типа (21') и (22') обязательно непроективны.

Заканчивая рассмотрение ПСС, предлагаемой для смешанных чисел, я должен признать, что эта ПСС ни в коей мере не претендует на окончательность. Ее некоторые недостатки были указаны выше; добавлю еще, что в силу соглашений (а) и (б) возникает содержательно неоправданный разнороб в следующих случаях: сочетание

(24) *пять седьмых тонны*

имеет ПСС (24'):

(24') *пять* ← $\xrightarrow{\text{колич}}$ *седьмых* $\xrightarrow{1 \text{ компл}}$ *тонны*,

а сходное с ним сочетание

(25) *две и пять седьмых тонны*

получает существенно иную ПСС (25'):

(25') *две* $\xrightarrow{\text{нум-вспом}}$ *и пять* ← $\xrightarrow{\text{колич}}$ *седьмых тонны*
 (соч-союз) $\xrightarrow{\text{колич}}$ *тонны*

(т.е. "исчисляемое" S зависит от имени дробной части по 1-ому комплетивному ПСО, если в ИЧ нет числительного - имени целой части; однако "исчисляемое" S подчиняет себе Num - имя целой части, а через него - и имя дробной части). Более естественно, как мне кажется, было бы приписывать сочетанию (25) ПСС (25'') более сходную с ПСС (24'):

(25'') *две* ← $\xrightarrow{\text{нум-вспом}}$ *и пять* ← $\xrightarrow{\text{колич}}$ *седьмых* $\xrightarrow{1 \text{ компл}}$ *тонны*
 (нум-вспом)

(ср. *двум и пяти седьмым тонны*, *двух и пяти седьмых тонны*, *двумя и пятью седьмыми тонны*). Это, однако, требует слишком радикального пересмотра ПС-трактовки лексемы И, на что я сейчас не готов решиться - для этого требуется особое серьезное исследование.

Заметим, что проблема ПС-строения составных имен чисел в русском языке рассматривается здесь, по-видимому, впервые. Этот факт, плюс известная периферийность данной проблемы с точки зрения основной задачи настоящей книги (описание числовых выражений как таковых, а не их компонентов, см. стр. 23), позволяют мне пока удовлетвориться предварительным решением; в конце концов, наблюдаемые следствия этого решения помогут в дальнейшем его опровержению или обоснованию.³

Итак, как видно из предыдущего изложения, в е р ш и н о й составного ИЧ бывает либо Num, либо S; это S может быть (в приме-

рах выделено подчеркиванием):

- названием числа, кратного 1000: *восемь* ← КОЛИЧ тысяч [рублей], *три* ← КОЛИЧ миллиона [частиц], *две* ← КОЛИЧ тысячи пять ← 1 КОМПЛ
- ← КОЛИЧ тысяч ← НУМ-ВСПОМ двести ← НУМ-ВСПОМ седьмих [всей массы];
- названием дробной доли: *пять* ← КОЛИЧ шестих [расстояния];
- ← НУМ-ВСПОМ три ← КОЛИЧ целих две ← КОЛИЧ десятих [метра];
- лексемой НОЛЬ: ноль ← НУМ-ВСПОМ ноль ← НУМ-ВСПОМ шесть [грамма].

II. ПС-связь между русским составным ИЧ и обозначением исчисляемого

Охарактеризовав ПС-структуры русских составных ИЧ всех четырех типов, мы остановимся теперь на их внешних связях, точнее - на ПС-зависимостях, которые соединяют составное ИЧ, выступающее в составе ЧВ в качестве компонента Q, с исчисляемым S (= с вершиной компонента С). Здесь необходимо различать два случая:

- вершиной имени числа является существительное;
- вершиной имени числа является числительное.

В первом случае, т.е. если вершина ИЧ - S, ИЧ (= Q) считается синтаксически господствующим в составе ЧВ. Исчисляемое S (= компонент С) тогда подчиняется составному имени числа посредством 1-го комплетивного ПСО:

- если в ИЧ есть имя дробной части (типа ВТОРАЯ, ТРЕТЬЯ, ... или Num, зависящее от лексемы НОЛЬ: см. стр. 53, соглашение (d)), т.е. если это ИЧ - имя дробного или смешанного числа, то исчисляемое S подчиняется имени дробной части (а не вершине ИЧ) посредством 1-го комплетивного ПСО;

- если в ИЧ нет имени дробной части, т.е. если это ИЧ - имя целого числа, то исчисляемое S подчиняется вершине ИЧ.

См. примеры (26):

(26) а. [д^{ве} ← колич тысячи пять ← колич тысяч ← нум-вспом двести ← нум-вспом седемьих] 1 компл → массы
 $f = \frac{2000}{5207} \text{ массы}$;

б. [п^{ять} ← колич шестих] 1 компл → расстояния;

в. [т^{ри} ← колич целих нум-вспом и д^{ве} ← колич деся-
тих] 1 компл → метра;

г. [ноль нум-вспом ноль нум-вспом шесть] 1 компл → грамма [= 0,06 г].

(здесь шесть выступает в качестве обозначения дробной части $\frac{6}{100}$);

д. [восемь ← колич тысяч] 1 компл → солдат;

[сорок ← колич миллионов] 1 компл → рублей.

То, что исчисляемое S подчиняется имени числа посредством 1-го комплетивного ПСО, представляется естественным, поскольку все S типа ТЫСЯЧА IIa, МИЛЛИОН, МИЛЛИАРД и т.п. и имена дробных долей ведут себя в поверхностно-синтаксическом отношении сходно с любыми другими существительными, родственными им по семантике и синтаксическим свойствам (названия совокупностей, частей, единиц измерения и т.п.). Исчисляемое S присоединяется к ним точно так же, как и ко всякому "сильноуправляющему" S': [п^{ять} шестих] → 1 компл → песка синтаксически устроено совершенно одинаково с часть 1 компл → песка, цвет 1 компл → песка, пересыпание 1 компл → песка и т.п. (ср. пяти шестим песка, пятью шестими песка, о пяти шестих песка, где песка остается в родительном падеже, не реагируя на внешние связи, - аналогично части песка, частью песка или частями песка). Сказанное верно и относительно сочетаний типа [восемь] тысяч <миллионов> 1 компл → солдат: тысяча <миллион> солдат синтаксически ведет себя неотличимо от взвод солдат, три шеренги солдат, перевозка солдат и т.п. (подробнее об этом см. Экскурс 6, стр. 296 и сл.).

Следовательно, сочетания [п^{ять}] шестих 1 компл → песка, [во-

семь] тысяча $\xrightarrow{1 \text{ КОМПЛ}}$ солдат и все им подобные должны описываться соответствующими комплетивными синтагмами - аналогично сочетаниям типа метр $\xrightarrow{1 \text{ КОМПЛ}}$ клеёнки и дюжина $\xrightarrow{1 \text{ КОМПЛ}}$ яиц, упоминавшимся выше (стр. 29 - 30), а потому в дальнейшем я от них полностью отвлекаюсь.

Нас будет интересовать лишь второй случай, т.е. ситуация, когда вершиной ИЧ является числительное. Тогда ПС-связь соединяет исчисляемое S как раз с этим числительным. Однако направление и характер данной связи достаточно проблематичны, и им посвящена отдельная - вторая - глава книги.

Таким образом, круг рассматриваемых русских ЧВ существенно сужается: мы сосредоточимся исключительно на таких ЧВ, в которых выступают имена чисел, имеющие в качестве вершины числительное (или условное обозначение числа, синтаксически сходное с числительным: см. стр. 41). Это означает, что нашим предметом являются русские ЧВ только вида Num + S (или Ф + S).

С Н О С К И

- (К стр. 46.) Термин "составное порядковое прилагательное" используется здесь для обозначения словосочетаний типа *сто двадцать пятый* по естественной аналогии с "составными числительными".
- (К стр. 51.) Именно такое решение принято в Мельчук - Перцов 1975 применительно к английским составным именам чисел типа *five hundred and twenty seven*: здесь *and* считается особой служебной частицей-соединителем, и приведенное имя числа 527 получает ПСС вида *five* $\xleftarrow{1 \text{ служ}}$ *hundred* $\xleftarrow{1 \text{ служ}}$ *and* $\xleftarrow{1 \text{ служ}}$ *twenty* $\xleftarrow{1 \text{ служ}}$ *seven* (см. синтагму 13.5 на стр. 85); ср. пример из "Brave New World" A. Huxley:
 - It was said that he had had six hundred and forty different girls in under four years.*
Подобное ПС-описание составных ИЧ в английском языке поддерживается аналогией с составными порядковыми прилагательными, где также используется лексема *and*; ср. например,
 - Lenina and Henry were soon the four hundred and first couple* [A. Huxley, "Brave New World"],
где *four hundred and first* должно, очевидно, иметь ПСС
 - four* $\xleftarrow{1 \text{ служ}}$ *hundred* $\xleftarrow{1 \text{ служ}}$ *and* $\xleftarrow{1 \text{ служ}}$ *first*.
- (К стр. 54.) В связи с вышесказанным необходимо подчеркнуть следующее. Хотя в аспекте поверхностного синтаксиса составные имена чисел и, в частности, составные числительные рассматриваются здесь как словосочетания, т.е. на тех же осно-

ваниях, что и сочетания типа Num + S, однако с точки зрения глубинного синтаксиса, а тем более - семантики, между теми и другими имеется существенное различие. В ГСС всякое ИЧ должно изображаться ОДНИМ узлом, а сочетание Num + S - двумя разными узлами: , это значит, что ИЧ представляет собой более тесное единство, чем Num + S: ИЧ родственно сложным словам (в особенности, инкорпорированным комплексам) и идиомам. По меткому выражению А. Богуславского, соединение Num с другим Num и т.п. (для формирования составного ИЧ) - это субсентенциальная операция, тогда как соединение Num с S является такой же сентенциальной операцией, как A + S, Adv + V, S + V и т.д. В еще большей степени все это верно относительно составных порядковых прилагательных (*шестьсот сорок второй* и т.п.).

ПОВЕРХНОСТНО-СИНТАКСИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА РУССКИХ ЧИСЛОВЫХ
ВЫРАЖЕНИЙ ВИДА Num + S (Ф + S)

Какую поверхностно-синтаксическую структуру следует приписывать русским ЧВ вида Num + S (а также вида Ф + S)? Эта проблема сводится к двум подпроблемам:

А. Каково НАПРАВЛЕНИЕ ПС-зависимости, связывающей компонент Q и компонент С (точнее, их вершины) в ЧВ названного типа?

Б. Каковы ТИПЫ ПСО, связывающих здесь Q и С?

Первая подпроблема гораздо сложнее и интереснее второй, да и логически, пожалуй, предшествует ей; с первой подпроблемы мы и начнем.

§ 1

Направление ПС-зависимости в русских ЧВ вида Num + S

Итак, что от чего синтаксически зависит в конструкции Num + S: существительное от числительного или наоборот? (Что же касается условных обозначений чисел - в выражениях типа *k шаров* или *c (N² - 1)м! возможностями*, - то с точки зрения направления ПС-зависимости эти обозначения ведут себя совершенно аналогично числительным. Поэтому нам достаточно говорить лишь о конструкции Num + S: решение, предлагаемое для нее, автоматически оказывается применимым и к конструкции Ф + S.)

Вопрос о поверхностно-синтаксическом хозяине в русской конструкции Num + S далеко не прост; не случайно в научной литературе на него можно найти ответы всех четырех мыслимых типов:

(i) Хозяин - всегда существительное (т.е. *две ← кошки*, *с тремя ← котами*, *пять ← мышей*, *на ста ← мостах*). Ср., в частности, Щерба 1958: 96, Супрун 1959а: 90 и Ward 1965:95.

(ii) Хозяин - всегда числительное (*две → кошки*, *с тремя → котами*, *пять → мышей*, *на ста → мостах*).

(iii) Числительное и существительное всегда связаны взаимной зависимостью, так что ни одно из них не является хозяином для другого. В самом деле, от числительного зависит число и падеж существительного, а от этого последнего - род числительного (правда,

не для всех числительных): *два* ↔ *кота* (ср. *пять котов*), но *две* ↔ *кошки*, *сто один* ↔ *кот*, но *сто одна* ↔ *кошка* и т.п.

(iv) Числительное и существительное вообще не связаны синтаксической зависимостью: Num + S - это синтаксически неразложимая группа, т.е. своеобразная синтаксическая идиома, внутри которой отдельные, достаточно автономные компоненты не выделяются. Такова наиболее традиционная точка зрения, принятая в советских школьных и вузовских учебниках (см., в частности, Валгина и др. 1971: 216)¹.

Встречаются также и различные комбинации решений типов (i) - (iv), т.е. для одних случаев предлагается одно решение, а для других - другое. Например, утверждается, что в именительном и винительном падежах хозяином является числительное, а во всех прочих падежах - наоборот, т.е. *Сидят две* → *кошки*, *Они поймали пять* → *мишей*, *Двенадцать* → *негрятят пошли купаться в море*, но для *двух* ← *кошек*, *с пятью* ← *мишами*, *двенадцати* ← *негрятят*. Или же в имен. и винит. падежах для таких Num, как *два* или *оба*, усматривается взаимозависимость, для Num типа *три*, *четыре* и т.д. - зависимость S от Num, а для всех остальных случаев - зависимость Num от S: *две* ↔ *кошки*, *три* → *кошки*, *двум* ← *кошкам*, *о трёх* ← *кошках*; и т.п. (Краткую характеристику точек зрения на ПСС конструкции Num + S в чешском языке, где эта конструкция очень сходна с русской, можно найти в статье Poldauf 1957.)

В то же время вопрос о направлении ПС-зависимости между существительным и числительным очень важен в теоретическом отношении. Дело в том, что на примере русской конструкции Num + S особенно отчетливо выявляются различия между синтаксической и морфологической (= "чисто формальной") зависимостью. Сравнивая выражения *два кота* и *пять котов*, мы видим, что форма S зависит от Num, а сравнение выражений *два кота* и *две кошки* показывает, что и Num может по форме зависеть от S. Однако зависимость ФОРМЫ, т.е. морфологической характеристики, одного слова X от другого слова Y (или от формы Y-а) вовсе не означает, что X зависит от Y-а СИНТАКСИЧЕСКИ. Синтаксическая зависимость и морфологическая зависимость (между словами в высказывании) - это две совсем разные вещи, хотя во многих случаях они связаны существенным образом: морфологическая зависимость X-а от Y-а может использоваться (и часто используется) как средство маркировки синтаксической зависимости X-а от

У-а. Подробнее об этом смотри Экскурс 9 стр. 326. (Морфологические зависимости между Num и S в составе польских ЧВ подробно характеризуются в статье Saloni 1977).

Вместе с тем разбор русской конструкции Num + S интересен и в аспекте разработки универсальных критериев, определяющих направление синтаксической зависимости между двумя синтаксически связанными словоформами. Поэтому я считаю целесообразным специально и весьма подробно остановиться на вопросе о поверхностно-синтаксическом хозяине в конструкции Num + S.

I. Обоснование решения Num ← S

Начнем прямо с формулировки окончательного результата. Многолетняя работа по формализации описания русского синтаксиса привела меня к следующему решению:

В русской конструкции Num + S поверхностно-синтаксическим хозяином во всех случаях является существительное, а числительное следует считать синтаксически зависимым (т.е. модификатором, или поясняющим словом).

Таким образом, я присоединяюсь к тем, кто дает на поставленный выше вопрос ответ типа (i).

Обосновывая мое решение, т.е. Num ← S, я не буду анализировать другие возможные решения, вскрывать их недостатки и т.п., ограничившись, в данной связи, лишь одним замечанием: решения типа (iii) и типа (iv), а также включающие их комбинированные решения, отвергаются мной из общих соображений, поскольку они противоречат моим основным допущениям о поверхностно-синтаксическом представлении текста (в частности, об использовании дерева зависимостей в качестве основного средства изображения ПСС). Однако последующее изложение покажет, как я надеюсь, что конструкция Num + S вполне удовлетворительно описывается в рамках решения (i); во всяком случае, ее рассмотрение не дает никаких особых аргументов в пользу решений типов (ii)-(iv)..

Здесь, по-видимому, будет уместно специально обратить внимание читателя на тот факт, что последующая аргументация очень сильно обусловлена принятым мной теоретическим подходом к лингвистическим описаниям вообще, т.е. подходом "Смысл ↔ Текст" (см. выше, "Введение"). Вся методика моих рассуждений существенно опирает-

ся на основные постулаты и положения теории лингвистических моделей "Смысл ↔ Текст": те или иные доводы имеют силу только в рамках подразумеваемого этими моделями понятийного и формального аппарата; и т.д. Иными словами, можно утверждать, что

приводимые ниже доказательства верны лишь при условии принятия не только подхода "Смысл ↔ Текст" в целом в качестве основного теоретического каркаса, но и ряда специфических особенностей того конкретного варианта модели "Смысл ↔ Текст" для русского языка, который разрабатывается мною.

Сказанное верно также и применительно к Главе IV. Подчеркнем, что в дальнейшем данная оговорка не повторяется.

Разумеется, связное изложение подхода "Смысл ↔ Текст" в пределах настоящей книги невозможно. Мне остается рассчитывать, во-первых, на знакомство читателя с работами, указанными на стр. 19, а во-вторых, на то, что некоторые мои теоретические тезисы могут быть поняты "индуктивно", т.е. исходя из приводимых анализов реального языкового материала.

В качестве возможного обоснования решения $\text{Num} \leftarrow S$, перечислю те содержательные факторы, на которые оно опирается. Ни один из этих факторов по отдельности, ни даже все они в совокупности не являются строгим доказательством единственности или хотя бы оптимальности предлагаемого решения; более того, несомненно, что формальное непротиворечивое и учитывающее те же самые факты описание русского поверхностного синтаксиса возможно и при обратном решении. Тем не менее, перечисляемые факторы все же представляют собой, на мой взгляд, сильные доводы в пользу решения $\text{Num} \leftarrow S$: они позволяют увидеть некоторые неприятные следствия, вытекающие из принятия противоположного решения $\text{Num} \rightarrow S$ (или какого-либо гибридного решения). Другими словами, эти факторы показывают, какую цену (по-видимому, достаточно высокую) придется заплатить в случае непринятия решения $\text{Num} \leftarrow S$.

В сфере СИНТАКСИЧЕСКИХ исследований подобные доводы существенны потому, что здесь приходится работать с абстрактными конструкциями, которые весьма удалены и от смысла и от текста, т.е. от языковой субстанции, непосредственно доступной для интуиции носителей языка. Опираясь на интуицию, сравнительно легко говорить как о смысловом содержании высказываний, так и об их формаль-

ной правильности/неправильности; однако суждения о направлении синтаксических зависимостей в ПСС часто не могут основываться на непосредственном, интуитивном чувстве языка. Здесь требуются специальные добавочные утверждения о том, как именно соотносится то или иное предлагаемое нами решение по поводу ПСС с определенными языковыми фактами, которые поддаются интуитивной оценке легче, чем само это решение. Такими добавочными утверждениями и являются факторы 1 - 6, перечисляемые ниже.

1. ПС-распределение конструкции Num + S.

Главное соображение в пользу решения Num \leftarrow S состоит в следующем: по своим возможным поверхностно-синтаксическим ролям в высказывании, т.е. по своим пассивным ПС-валентностям², конструкция Num \leftarrow S практически идентична S и сильно отличается от Num. Разберемся подробнее в том, что означает это утверждение.

Русское S как таковое имеет очень много разных возможных ПС-ролей, или пассивных ПС-валентностей: оно бывает подлежащим, дополнением при глаголе, предлоге или другом существительном, именным членом (=предикативом) при связке, обстоятельством, примененным атрибутом, приложением, обращением, вершиной безглагольных конструкций нескольких типов [*Положение в Китае; Слава родной Партии!; (Какой) идиот!; Машину бурундийского посла - к подъезду!; Хлеба и зрелищ!*] и т.д.

В то же время русское Num имеет свой (гораздо менее богатый) набор возможных ПС-ролей: оно бывает обозначением количества при исчисляемом S (*пять девушек*), компонентом составных имен чисел типа *сто двадцать пять*, идентифицирующим приложением (*у дома 40*, в Главе 6), предикативом (но, в отличие от S, не при любых связках: *Их было <оказалось, стало> пять*, однако невозможно **Их являлось пять*, **Они являлись пятью*) и вершиной элективной конструкции (*пять из девушек*).

Замечание 1. Здесь и ниже, обсуждая пассивные ПС-валентности существительного, я имею в виду существительное именно как ЛЕКСЕМУ, т.е. как совокупность всех его словоформ. Условно говоря, под пассивными ПС-валентностями данного S понимается объединение пассивных ПС-валентностей всех словоформ этого S. В строгом смысле, однако, ПС-валентности присущи только лексемам, но не словоформам, ибо в ПС-структуре, применительно к которой только и можно говорить о ПС-валентностях и ПС-ролях, выступают именно лексемы

и только лексемы.

Замечание 2. Приведенные перечни ПС-ролей русских S и Num не претендуют, разумеется, на полноту: для меня здесь достаточно указать лишь их основные ПС-роли. В частности, я сознательно отвлекаюсь от однородных и кратных конструкций (*статьи и книги ~ пять и шесть; [рейс] Париж - Лондон ~ два-три [раза]*).

Замечание 3. Числительное может, вообще говоря, выступать и в ПС-ролях существительного, но только в трех следующих ситуациях:

- либо в эллиптических (неполных и непонятных вне контекста) фразах - типа *А шесть мы оставим на потом* или *Для восьми у нас есть готовые клетки;*

- либо в качестве фразеологизованных обозначений времени, возраста, температуры, цены и т.п. (*Вот шесть ноль-ноль - И вот уже обстрел [В.Высоцкий]; Уже семь; Пробыло два; Ей давно уже за тридцать; У меня вчера было тридцать девять; Мы покупали масло по пять тридцать*);

- либо в арифметических утверждениях вроде *К пяти прибавить два, Возвести двенадцать в квадрат* и т.п.

Все такие случаи я здесь не рассматриваю, сосредоточившись исключительно на неэллиптических фразах, содержащих самые "обычные", стандартные употребления числительных. В нормальном же неэллиптическом контексте русское числительное употребляться в ПС-ролях существительного не может. Так, английский газетный заголовок *Plane Crash Kills 50* нельзя перевести понятным и семантически безупречным выражением **При авиакатастрофе погибло пятьдесят*: это выражение в качестве независимой фразы недопустимо именно синтаксически, так как Num *пятьдесят* не может выступать в роли подлежащего в подобном "нормальном" контексте. Совершенно аналогично, смысл следующей надписи на консервной банке: *Serves 6-8* - невозможно выразить по-русски как **Рассчитано на шесть-восемь* по той же самой чисто синтаксической причине (в русском тексте необходимо добавить *человек* или *порций*, ибо русское Num неспособно выступать как дополнение к предлогу во взятой вне языкового контекста фразе, даже если ее смысл абсолютно понятен). Случаи вроде *Одним махом семерых убиваю* или *Двое в степи* [повесть Э. Казакевича] объясняются тем, что в них фигурирует не числительное, а омонимичное лично-количественному числительному существитель-

ное: СЕМЕРО = 'семь мужчин', ДВОЕ = 'два мужчины' и т.д., см. ниже, Экскурс 11, стр. 377 - 380.

Что касается конструкции Num + S, то она может выступать почти во всех тех же ПС-ролях, что и S (некоторые особые ситуации, когда Num + S невозможно в ПС-роли, допустимой для S, или возможно в ПС-роли, недопустимой для S, оговариваются ниже, на стр. 68 и сл.)³:

- 1) подлежащее - *Два друга спустились к ручью;*
- 2) дополнение при глаголе - *отправили двух друзей в больницу, заинтересовался этими тремя особенностями и т.д.;*
- 3) дополнение при предлоге - *к трём друзьям, по десять рублей;*
- 4) дополнение при существительном - *Осмотр трёх друзей длился час;*
- 5) предикатив (при любой связке) - *Цветаева, Мандельштам и Пастернак являлись <оказались> теми тремя поэтами, которые...;*
- 6) обстоятельство - *закричали десятью охрипшими голосами или двигались тремя параллельными тропами (ср., однако: мчатся стрелой - *мчатся четырьмя стрелами, см. стр. 70, пункт с));*
- 7) приименной атрибут - *переменные первых пяти рангов, опыт семи лет;*
- 8) приложение (именующее) - *вилла "Три сосны";*
- 9) обращение - *Эй, три красотки!;*
- 10) вершина некоторых безглагольных конструкций - *Три особенности дробных чисел; 20 рублей победителю!;* и т.п.

В то же время в указанных на стр. 63 специфических ПС-ролях числительного конструкция Num + S исключается по очевидной семантической причине: в этих ПС-ролях по смыслу возможно лишь обозначение числа, а сочетание Num + S в общем случае не является таковым (за вычетом случаев, когда S - это одна из лексем ТЫСЯЧА, МИЛЛИОН, МИЛЛИАРД и т.п., т.е. имя числа кратного 1000; естественно, что ИЧ типа *пять тысяч* или *сто миллионов* могут выступать во всех ПС-ролях числительного).

Итак, с точки зрения поверхностного синтаксиса конструкция Num + S употребляется примерно так, как S, но совсем не так, как Num. Если же поверхностно-синтаксическая сочетаемость бинарной

конструкции $X + Y$ примерно совпадает с сочетаемостью одного из ее членов, скажем X -а, но не другого, то именно этот член, т.е. X , и естественно считать представителем конструкции в ее внешних синтаксических связях, т.е. ее вершиной (= ПС-хозяином Y -а). Таким образом, в качестве довода 1 в пользу решения $Num \leftarrow S$ я пользуюсь по существу особым критерием направления ПС-зависимости: критерием навязывания ПС-хозяином X своих ПС-валентностей всему сочетанию $X + Y$ в целом. Этот критерий будет разобран (наряду с другими критериями) в Экскурсе 9, см. стр. 349 и сл., а сейчас я укажу те известные мне случаи, когда в русском языке ПС-распределение сочетания $Num + S$ отличается от ПС-распределения S как такового.

Эти случаи бывают двух типов:

а. Случаи, когда конструкция $Num + S$ выступает в контекстах, в которых S без Num невозможно. Иначе говоря, это случаи, когда в сочетании числительного с существительным числительное не может быть опущено, т.е. $Num + S$ не заменимо на S .

б. Случаи, когда конструкция $Num + S$ не выступает в контекстах, в которых S без Num вполне допустимо; это случаи, когда к существительному не может быть добавлено числительное, т.е. S не заменимо на $Num + S$.

Именно существованием случаев а и б объясняется наличие слова "почти" в утверждении о том, что $Num + S$ может выступать ПОЧТИ во всех тех же ПС-ролях, что и S (стр. 65).

Однако прежде чем перейти к перечислению случаев неопустимости и неподставимости Num , необходимо сформулировать три важных тезиса, на которых основываются последующие рассуждения.

Тезис 1: Опустимость/подставимость тех или иных синтаксических единиц, в нашем случае - числительных, должна проверяться на дереве поверхностно-синтаксической структуры фразы, а отнюдь не на самой реальной фразе.

Так, в готовой фразе (1):

(1) *На диск нанесены двенадцать букв* - нельзя, разумеется, просто взять и опустить числительное: получится неправильное выражение:

(2) **На диск нанесены букв.*

Однако в ПСС фразы (1) числительное опускается совершенно безболезненно, а то, что получается, представляет собой ПСС совершенно правильной фразы (3):

(3) *На диск нанесены буквы.*

В то же время существительное в конструкции Num + S невозможно опустить и в ПСС: из ПСС фразы (1) получится неправильная ПСС, которой отвечает неправильное выражение (4):

(4) **На диск нанесено <нанесены> двенадцать.*

(Выражения типа (4) могут быть правильными эллиптическими фразами или правильными частями правильных фраз, содержащих эллипсис, например:

(5) *Пусть на дощечку помещено пять букв, а на диск нанесено двенадцать.*

См., однако, Тезис 2 непосредственно ниже.)

Тезис 2: Опустимость/подставимость тех или иных синтаксических единиц должна проверяться на ПС-деревьях только полных (= неэллиптических) фраз.

Привлечение к рассмотрению различных типов неполных фраз (особенно свойственных разговорной речи) может существенно менять общую картину. Заметим, что одна из наиболее тривиальных ситуаций опустимости - опустимость русского А, но не S в конструкции А + S - возможна лишь при условии учета исключительно неэллиптических предложений: вообще говоря, в конструкции А + S всегда опустимо и S, но только его опущение обязательно ведет к возникновению эллипсиса.

Тезис 3: Возможность/невозможность опущения или подстановки тех или иных синтаксических единиц (в ПС-деревьях фраз) должна оцениваться на основе чисто грамматической правильности результата, т.е. без учета семантической или денотативной правильности, осмысленности и т.п.

(Я признаю, что провести границу между грамматической и семантической правильностью во многих случаях весьма затруднительно; тем не менее, к такому разграничению всегда необходимо стремиться. См., в данной связи, Мельчук 1975а: 53 и Апресян 1978.)

Так, опустимо ли числительное в ПС-деревьях фраз типа (6)?

(6) а. *Электробритва стоит 25 рублей.*

б. *Высота Нанга-Парбат - 8087 метров.*

Фразы, получающиеся в результате опущения Num:

(7) а. *Электробритва стоит рубли.*

б. *Высота Нанга-Парбат - метри.*

звучат нелепо. Однако эта нелепость, по-моему, не языковая, а содержательная, т.е. нелепа сама сообщаемая информация; что же касается оформления данной информации по-русски, то в (7) оно представляется вполне нормальным. Более того, фразы (7) легко дополнить так, чтобы ощущение нелепости пропало:

(8) а. *Электробритва стоит рубли, а не копейки, и её надо беречь.*

б. *Высота Нанга-Парбат на этом макете - метри, а не сакти-метри.*

Поэтому я считаю, что в (6) числительное опустимо без нарушения грамматической правильности - точно так же, как чисто синтаксически опустимо прилагательное в конструкциях типа *девушка с голубими глазами* или *У неё длинные стройные ноги*: выражения *девушка с глазами* и *У неё ноги* нелепы по содержанию, но совершенно правильны в языковом отношении (ср. *девушка с наганом* и *У неё наган*; ср. также фразу из пьесы В. Розова: - *Эту, с косами, зовут Галя, а вот ту, с глазами, - Кира*).

Резюмируем: когда речь идет о поверхностном синтаксисе, опустимость и подставимость (а также замещаемость) тех или иных синтаксических единиц должны исследоваться на соответствующем уровне - т.е. не в самих фразах, а только в их поверхностно-синтаксических структурах (см. Мельчук 1975а: 38 и сл., критерий II и сопутствующие рассуждения); при этом следует привлекать ПСС исключительно не-эллиптических фраз и учитывать только грамматическую (не семантическую, не денотативную и т.п.) правильность результата.

Теперь, наконец, мы можем заняться случаями а и б.

а. Неопустимость Num в конструкции Num + S (незаменимость Num + S на S).

- Опущение Num невозможно после выражений типа *в количестве, в числе* и т.п., например, *комиссия в количестве шести специалистов*, но не **комиссия в количестве специалистов*. (Указанная неправильность является скорее всего семантической и потому данный случай неопустимости Num может нас не интересовать.)

- Опущение Num невозможно в конструкциях типа *В ней шесть пудов, Мне двадцать лет* и т.п.: **В ней - пуды, *Мне годы*. Впрочем, эллипсис лексемы ОДИН I (с сохранением смысла 'один') здесь допустим: *В ней тонна* или *Ему уже годик*. Заметим, что смысл неправильных выражений **В ней пуды* и **Мне годы* может быть оформлен по-русски вполне приемлемым образом: *Её вес исчисляется пудами* <Она ве-

сит пуды (, а не килограммы)» и Мой возраст исчисляется годами; отсюда видно, что данная неправильность (т.е. неопустимость Num в указанных конструкциях) является именно синтаксической.

- Опускание Num невозможно в составе ЧВ при наречиях типа *подряд* и *кряду*; ср. *работал три недели подряд, играли (по) пять партий кряду*, но не **работал недели подряд, *играли (по) партии кряду*. Данная неопустимость является синтаксической, ибо соответствующий смысл может быть выражен по-русски, например, так: *работал неделя за неделей <одну неделю за другой>, играли партию за партией <одну партию за другой>*.

- Опускание Num невозможно в составе ЧВ, обозначающих значения (values) физических величин и зависящих от имен таких величин, т.е. в конструкциях типа *давление в десять атмосфер* (**давление в атмосфере*) или *при температуре один градус* (**при температуре градус*); как видно из примера, здесь неопустимо даже числительное ОДИН I.⁴ (Относительно опустимости Num в ЧВ при глаголах типа *равняться, превышать, стоить, весить* и т.п. см. выше, стр. 67-68, (6)-(8).)

Кроме того, Num плохо опускаются при S, являющихся названиями единиц измерения (узюальных или окказиональных); если такое S-во множ. числе, то в определенных контекстах могут получиться неудачные - или, во всяком случае, странные - выражения:

(9) а. ?Он купил метри ситца.

б. ?На столе стояли бутылки вина [надо: бутылки с вином].

в. ?Коля принёс Наташе коробки конфет.

(Мое внимание к фактам типа (9) привлек А.Н. Барулин.)

Впрочем, при ед. числе S (тогда подразумевается 'один') такие выражения становятся вполне правильными:

(9') а. Он купил метр ситца.

б. На столе стояла бутылка вина.

в. Коля принёс Наташе коробку конфет.

Более того, выражения *метри ситца, бутылки вина, коробки конфет* сами по себе вполне правильны: нетрудно подобрать такие контексты (в частности, для этого достаточно слегка изменить фразы (9)), в которых они могут быть употреблены безупречным образом, ср.:

(10) а. Он покупал метри ситца, килограмма бумаги, вёдра клея - но ему всего было мало.

б. На столе красовались длинные узкогорлые бутылки превосходного венгерского вина.

в. Коля носил Наташе бутылки вина, коробки конфет, охапки цветов, но всё - увы! - напрасно...

Поэтому в (9) мы имеем или семантическую неправильность (неоправданное употребление единиц измерения; отсутствие семантического согласования между совершенным видом глагола и множественным числом дополнения; и т.п.), или даже синтаксическую, но все равно скорее всего не связанную просто с опущением числительного.⁵

По всей видимости, существуют и другие случаи неопустимости или затрудненной опустимости Num в конструкции Num + S, однако в мои цели не входит перечислить их все: вполне достаточно указать наиболее типовые примеры.

б. Неподставимость Num к S (незаменяемость S на Num + S).

Подставимость числительного к S (имеющему синтаксический

признак "исчисл") связана с ^большим числом исключений, чем его опустимость при S. Отнюдь не берясь перечислить их все (это отдельная и достаточно сложная задача), я укажу четыре типовых случая (a-d).

a) Добавление числительного к S невозможно, если существительное выступает в ПС-роли беспредложного (= генитивного) дополнения к другому существительному, которое обозначает совокупность и не имеет (в своей модели управления) указания об управлении беспредложным ЧВ (см. T1 на стр. 116):

- (11) *толпа двухсот школьников, *табун трёхсот орловских рисаков, *группа шести техников.

Данный запрет является чисто синтаксическим (а не семантическим), поскольку с предлогом из выражения типа (11) становятся совершенно правильными:

- (11') толпа из двухсот школьников, табун из трёхсот орловских рисаков, группа из шести техников.

b) Добавление числительного невозможно, если существительное выступает в ПС-роли квалифицирующего приложения типа осетин-извозчик:

- (12) *три девицы-три сплетницы при нормальном девицы-сплетницы [надо: три девицы-сплетницы].

Этот запрет также является синтаксическим, поскольку при квалифицирующем приложении синтаксически иного типа числительное вполне допустимо:

- (12') Эти три девицы, три ужасные сплетницы, захотели выяснить, у кого Людовик провёл прошлую ночь.

c) Добавление числительного невозможно, если существительное выступает в ПС-роли обстоятельства времени, порции или образа действия (последнее - лишь в некоторых несвободных сочетаниях):

- (13) *гулял семью вечерами [при гулял тёплыми вечерами],
 (14) *ел икру тремя ложками [в смысле 'порциями по три ложки каждая', ср. ел икру большими ложками. В качестве ответа на вопрос 'чем?', т.е. если S - обстоятельство инструмента, фраза Коля ел икру (этими) тремя ложками абсолютно правильна],
 (15) *шел пятью шагами [при шел медленными шагами],
 (16) *работал по трём понедельникам, *приезжает в пять вторников.

В (13) и (14) неправильность - явно синтаксическая, так как соответствующий смысл легко выразить правильно:

- (13') гулял семь вечеров [подряд] или гулял в течение семи вечеров,
 (14') ел икру порциями по три ложки каждая.

Что же касается (15) и (16), то здесь неправильность является, пожалуй, семантической. Ср. ниже, T2 - T4 на стр. 117.

d) Добавление числительного невозможно, если при существительном есть кванторное слово типа все:

- (17) *пять всех книг, *к девяноста всем числам и т.п.

(В правильных выражениях все пять книг <ко всем девяноста числам> прилагательное все относится не к S, а к Num, см. ниже, стр. 95 и сл.)

Эта невозможность носит синтаксический характер, поскольку выражениям (17) легко придать естественный смысл:

(17') 'все книги, а их пять'; 'ко всем числам, а их девяносто'; и т.п.

Те запреты на употребление конструкции Num + S в субстантивных позициях, которые являются синтаксическими, т.е. а), б), частично с) и д), должны быть учтены в требованиях к правильным русским ПСС, см. стр. 116 и сл.

Итак, с учетом тезисов 1-3 мы можем утверждать, что за вычетом нескольких весьма специфических случаев типа *a* и *b* в конструкции Num + S числительное опустимо без ущерба для грамматической правильности, а ко всякому S (способному, вообще говоря, соединяться с Num) числительное может быть добавлено также без ущерба для грамматической правильности.

Однако применительно к существительным, т.е., так сказать, в обратном направлении, аналогичные утверждения неверны:

- В правильной русской фразе в сочетании числительного с существительным существительное нельзя опустить почти никогда; никакие морфологические поправки не помогут сохранить грамматическую правильность. Если отвлечься (как мы это и делаем) от эллиптических фраз, то исключения возможны только в очень немногочисленных и весьма специфических случаях - например, опускаются существительные-нумеративы типа *штука, душа или человек*, которые обычно бывают избыточными: *Там было 50 (человек) офицеров; тетради в количестве восьмидесяти (штук); В блиндаже их оказалось восемь (душ)*; см. Sussex 1976.

- В правильной русской фразе к числительному почти никогда нельзя добавить существительное - обозначение исчисляемого (за вычетом количественных существительных *тысяча, миллион, миллиард, ...*). Одно из очевидных исключений - добавление только что упомянутых нумеративов: *На столе лежало двадцать тетрадей - На столе лежало двадцать штук тетрадей.*

Рассмотрение случаев *a* и *b* (стр. 68 - 69) показывает, что и Num всё-таки вносит свою лепту в состав пассивных ПС-валентностей русской конструкции Num + S: с одной стороны, Num добавляет этой конструкции некоторые новые (по сравнению с S) пассивные ПС-валентности, с другой стороны - Num лишает ее некоторых пассивных ПС-валентностей, имеющих у S. Кроме того, в отличие от "чистого" S конструкция Num + S имеет ряд особенностей в плане согласования (с S) прилагательного и личного глагола-сказуемого: *три важные/важных следствия, Пришли/Пришло десять гостей*, и т.п.

(Это и обуславливает целесообразность введения особого объекта - стандартного поверхностно-синтаксического поддерева ΔNUMP , или поддерева "числовое выражение": см. ниже, стр. 85.) Тем не менее, влияние числительного на пассивные ПС-валентности конструкции Num + S очень мало: в основном эти валентности определяются существительным, т.е. поверхностно-синтаксическое распределение конструкции Num + S почти идентично распределению одного S (т.е. S без Num) и лишь незначительно пересекается с распределением Num. Это и означает, что именно S навязывает свои пассивные ПС-валентности всей конструкции Num + S в целом, т.е. что именно S является ПС-хозяином: Num \leftarrow S.

Изложенный довод является, с моей точки зрения, центральным и наиболее существенным. Возможно даже, что этот довод - т.е. критерий навязывания пассивных ПС-валентностей - можно было бы считать необходимым и достаточным (разумеется, только в тех случаях, когда он применим, а именно, когда в конструкции X + Y члены имеют различные наборы пассивных ПС-валентностей, т.е., например, принадлежат к разным частям речи, в частности - в нашем случае); тогда никакие другие доводы для конструкции Num + S не были бы нужны. Тем не менее, поскольку теория критериев направления ПС-зависимостей еще не разработана и абсолютной уверенности в данной критерии у меня нет, представляется разумным привести и все остальные известные мне доводы в пользу решения Num \leftarrow S: ими подкрепляется и само это решение, и одновременно целесообразность принять довод 1 в качестве стандартного и достаточно общего критерия направления ПС-зависимостей.

В отличие от довода 1, доводы 2-6 имеют более частный и вместе с тем более конкретный характер: все они представляют собой ссылки на такие поверхностно-синтаксические ситуации в русском языке, описание которых оказывается более компактным (простым, элегантным) при решении Num \leftarrow S и неоправданно усложняется в противном случае; подобные доводы естественно назвать "дескриптивными". Довод 1, как уже отмечалось, рассматривается также, наряду с ещё одним критерием направления ПС-зависимостей, в Экскурсе 9, стр. 349 и сл.

Теперь мы перейдем к дескриптивным доводам в пользу решения Num \leftarrow S.

2. Несочетаемость русских Num с личными субстантивными местоимениями.

Русские числительные, за исключением лично-количественных ("собираательных") и ОБА, не сочетаются с личными субстантивными местоимениями S_(мест, личн), т.е. конструкция *Num + S_(мест, личн) невозможна:

(18) **пять нас <ми>*, **десять вас <ви>*, **два его*, **два их*, ...

Очевидно, что эта несочетаемость не зависит от смысла: смысл лексем МЫ и ВЫ не противоречит пересчету соответствующих референтов, а лексема ОНИ замещает существительные с любым смыслом; кроме того, МЫ, ВЫ и ОНИ соединяются с лично-количественными Num и с ОБА:

(19) а. *ничто, понятное только им троим*;

б. *Оба мы были готовы ко всему.*

в. *У них обеих одинаковые трудности.*

(См. синтагму 4 на стр. 135.)

Таким образом, несочетаемость (18) отражает некую чисто синтаксическую закономерность.

В то же время в русском языке хорошо известен следующий синтаксический факт очень общего характера:

(A) || Для личных субстантивных местоимений характерна крайняя ограниченность синтаксической сочетаемости с любыми зависимыми.

Иначе говоря, личное субстантивное местоимение почти не употребляется в тех контекстах, где оно должно было бы выступать в роли ПС-хозяина:

(20) а. *красный* ← *флаг*, но не **красный* ← *он*;

б. *стрела* → *с кремнёвым наконечником*, но не **она* → *с кремнёвым наконечником*

в. *соседка* → *справа*, но не **она* → *справа*;

г. *способность* → *исчезать незаметно*, но не **она* → *исчезать незаметно*; и т.п.

По-просту говоря, русские личные субстантивные местоимения вообще не могут иметь при себе ПС-зависимых - за исключением обособленных (= квалификативных, или описательных) определений, приложений и атрибутов⁶: *И тогда она, усталая, огорчённая, но ещё не впаавшая в отчаяние, решила снова поговорить с Николаем; Вы, такие опытные люди, несомненно справитесь с этим; и т.п.*

Замечание. Не-личные субстантивные местоимения под формулировку (А) не подпадают: они могут иметь при себе рестриктивные определения и атрибуты, например, *кто-то высокий, что-либо важное, некто в сером, кто-нибудь со свечой.*

Указанный факт имеет следующее естественное объяснение. Местоимение-заместитель 3-го лица (ОН, ОНА, ОНО, ОНИ) заменяет ведь не просто существительное само по себе: оно выполняет функции всей именной группы, т.е. замещает S, взятое вместе со всеми его рестриктивными определениями и атрибутами, а также дополнениями; следовательно, подобные зависимые и не должны выступать при местоимении. Зависимые квалификативного характера не входят в именную группу, подлежащую прономинализации, и потому присоединяются к местоимению совершенно свободно.

Что же касается местоимений 1-го и 2-го лиц, то они, собственно говоря, не заменяют каких-либо S (или именных групп), и в их случае прономинализация не имеет места. Однако местоимения Я, ТЫ, МЫ и ВЫ совершенно точно и исчерпывающе обозначают говорящего/слушающего в данном речевом акте, т.е. в некотором условном смысле каждое из них как бы эквивалентно целому описанию - именной группе со всеми рестриктивными модификаторами; естественно, что и при таких местоимениях рестриктивные определения и атрибуты также не выступают.

Обратная же ситуация, т.е. ограничения на синтаксическую сочетаемость субстантивного местоимения с его ПС-хозяйном, в русском языке вообще отсутствует: Я, МЫ, ТЫ, ВЫ, ОН, ОНА, ОНО и ОНИ могут иметь в качестве ПС-хозяйина лексемы любых типов (глаголы, существительные, прилагательные, предлоги, сочинительные союзы).

Сказанное вовсе не означает, будто замена S на местоимение, т.е. прономинализация, возможна в любом контексте, независимо, в частности, от того, какое ПСО связывает это S с его ПС-хозяйном (и, следовательно, должно было бы связывать с тем же хозяином замещающее местоимение). Наоборот: в русском языке имеется большое количество условий, воспрепятствующих прономинализацию в зависимости от коммуникативной структуры высказывания, ПС-роли и особенностей смыслового содержания именной группы (прежде всего, в зависимости от ее референтности), её идиоматичности (= "несвободности") и т.п.:

- (21) а. Однако понятие конверсии ... vs. * ... её понятие.
 б. Мы трактуем подобные сочетания как фраземы vs. *Мы трактуем подобные сочетания как ит.
 в. чувство долга, счастье творчества, (Колития) мускулы борца vs. *чувство его <*его чувство>, *счастье его

<его счастье>, *(Колени) мускули его;
 г. заведующий хозяйством vs. *заведующий им;
 д. работал месяцами vs. *работал ими, и т.п.

Число подобных примеров можно увеличивать неограничено.

Однако запреты на прономинализацию, посредством которых следует учесть случаи типа (21), имеют совсем иной характер, нежели запреты на сочетания типа (20): выражения *красный он, *она с конечником, *она исчезать неправильны абсолютно (т.е. не существует контекста, в котором они могли бы оказаться правильными), а такие сочетания, как её понятие, как их, его чувство <чувство его>, заведующий им или работал ими, напротив, сами по себе правильны (в том смысле, что существуют ПС-поддеревья, для которых эти сочетания являются правильными реализациями); они нехороши лишь в качестве прономинализованных вариантов выражений строго определенно-го типа.

Если считать, что в конструкции Num + S существительное является главным, а Num - его рестриктивное зависимое, то незамещаемость этого S местоимением (без Num), т.е. невозможность сочетания *Num ← S_(мест, личн) оказывается просто конкретным частным случаем в ряду других аналогичных незамещаемостей (типа (20)): русское личное местоимение вообще не может иметь при себе никаких рестриктивных ПС-зависимых - и, в частности, не может иметь и зависимого числительного.

При обратном же решении, т.е. если в Num + S главным считается числительное, невозможность сочетания *Num → S_(мест, личн) оказывается полностью изолированным фактом. Сочетания (18) неправильны абсолютно - как *красный он или *она исчезать; однако при решении Num → S неправильность *два мы <нас> или *шесть их не подходит под общее утверждение о невозможности ПС-слуг у местоимений и должна оговариваться особо. При этом получившееся правило ("Русское личное субстантивное местоимение не может иметь своим ПС-хозяином числительное") будет уникальным: других правил, запрещающих личным местоимениям подчиняться ПС-хозяевам тех или иных классов, в русском языке нет.

Таким образом, синтаксическая сочетаемость русских личных субстантивных местоимений также указывает на целесообразность трактовать Num в конструкции Num + S как ПС-слугу.

3. Соединение S с сочиненной цепью Num.

С точки зрения влияния на форму существительного в конструкции Num + S русские числительные делятся на три группы:

- СЧМН I (сто один планер);
- "м. тые" (ПОЛ¹, ПОЛТОРА, ОБА, ДВА, ТРИ, ЧЕТЫРЕ; сто три планера);
- "большие" (≥ 5 ; сто пять планеров).

Однако числительные из разных групп могут соединяться в однородную или кратную цепь: *один и три, два или десять, три-шесть* и т.п. В таком случае форма S, следующего за такой цепью, зависит только от Num, последнего в этой цепи (т.е. от линейно самого правого):

- (22) а. *один, три или восемь способов* [один способ; три способа; восемь способов];
- б. *четыре, пятнадцать и двадцать одна тонна* [четыре тонны; пятнадцать тонн; двадцать одна тонна];
- в. *четыре-пять шагов* [четыре шага <шага́>; пять шагов].

Если не принять предлагаемое выше решение относительно ПС-зависимости в конструкции Num + S, т.е. если считать, что имеет место Num \rightarrow S, то выражения (22) окажутся в противоречии со следующим хорошо известным фактом русского языка, имеющим весьма общий характер:

- (Б) || При цепи сочиненных единиц G_1, G_2, \dots, G_n не допускается "общий" ПС-слуга, если хотя бы какие-то G_i и G_j ($i \neq j$) требуют разного поверхностного оформления своих ПС-слуг.

Ср. Падучева 1974: 166, примеры (12) - (14).

В русском математическом языке приняты выражения типа *больше или равно единице <двум, трём, ...>*, противоречащие правилу (Б); однако в обычном (ненаучном) тексте они воспринимаются как аномальные. Их частичной допустимости способствует, по-видимому, тот факт, что, начиная с Num ПЯТЬ, формы родительного и дательного падежей у числительных омонимичны: *больше пяти - равно пяти* и т.д.

Так, являются неправильными следующие высказывания:

- (23) а. *Он обожает и интересуется музыкой [обожает музыку - интересуется музыкой].
- б. *Его слова пришлись по душе и вполне успокоили девушку [пришлись по душе девушке - успокоили девушку].
- в. *Боящийся и преданный барону [боящийся барона - преданный барону].
- г. *Она очень заботилась и хорошо ухаживала за больными [заботилась о больных - ухаживала за больными]⁷.

Если принять главенствование числительного в конструкции Num + S, то правило (Б) придется дополнить специальной оговоркой ad hoc относительно числительных - поскольку тогда выражения типа (22) будут противоречить этому правилу. При выбранном мною решении, т.е. при Num \leftarrow S, никаких добавлений и уточнений к правилу (Б) не требуется.

Еще одним аргументом в пользу решения Num \leftarrow S является тот факт, что числительные, изменяющиеся по роду (ОДИН и ДВА), не могут относиться к сочиненной цепи существительных разного рода; выражения (24) невозможны:

- (24) а. **пятьдесят один юноша и девушка* / **пятьдесят одна девушка и юноша*;
 б. **тридцать два юноши и девушки* / **тридцать две девушки и юноши*.

(Соответствующий смысл может быть выражен только описательно: *юноши и девушки, в количестве пятидесяти одного человека, и т.п.*)

Если признать Num зависимым, то выражения типа (24) автоматически запрещаются правилом (Б). В противном случае, т.е. при решении Num \rightarrow S, для этого потребуются специальное (и очень частное) правило.

4. Аналогия с аппроксимативно-порядковой конструкцией.

Рассмотрим фразы (25):

- (25) а. *Ты доберёшься до Пиха-дель-Куло день на десятый.*
 б. *Я начал понимать текст страницы лишь с пятой.*
 в. *Вчерашний день, часу в шестом, - Зашёл я на Сенную*
 [Н.А. Некрасов].

(Мое внимание к конструкциям этого типа привлек Л.Л.Иомдин.)

Интуитивно очевидно, что порядковое прилагательное в подобных сочетаниях (со значением приблизительности) - т.е. *день на десятый, страницы с пятой, часу в шестом* - должно зависеть от существительного, как и в любых других русских сочетаниях "существительное + согласованное с ним прилагательное". Следовательно, ПСС сочетания (25а) может быть только такой:

аппрок-порядк

┌──────────┴──────────┐

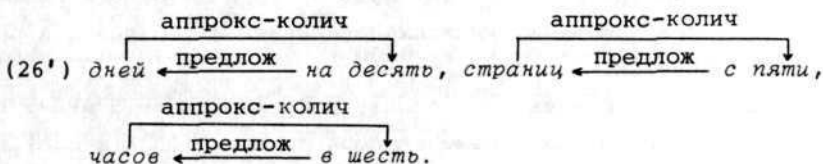
(25'а) ...*день* ← предлож *на десятый*⁸

(аналогично обстоит дело в (25 б-в)).

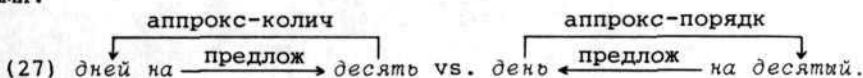
Однако сочетания типа (25) очень близки к аппроксимативно-количественным сочетаниям, ср.:

(26) *дней на десять, страниц с пяти, часов в шесть.*

При решении Num ← S сочетания типа (26) получают ПСС, максимально близкую к ПСС (25'а), а именно:

Если же в Num + S считается главным числительное, то ПСС сочетаний типа (26) и ПСС сочетаний типа (25) окажутся совсем разными:

Таким образом, если мы хотим описывать конструкцию Num + S на ПС-уровне так же, как аппроксимативно-количественную конструкцию S + Num, а эту последнюю - так же, как аппроксимативно-порядковую конструкцию типа (25), то существование в русском языке аппроксимативно-порядковых конструкций оказывается еще одним доводом в пользу решения Num ← S.

5. Конструкции с показателем приближенности.

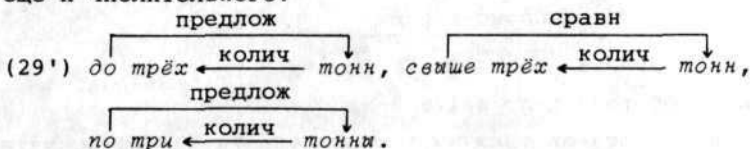
Сравним попарно следующие выражения:

- (28) [весом] *до трёх тонн* и [весом] *до тонны,*
свыше трёх тонн и *свыше тонны,*
 [каждому] *по три тонны* и [каждому] *по тонне.*

ПСС вторых членов этих (и подобных им) пар очевидна: предлог или форма сравнительной степени подчиняет себе существительное, т.е.:

- (29) *до* $\xrightarrow{\text{предлож}}$ *тонны,* *свыше* $\xrightarrow{\text{сравн}}$ *тонны,*
по $\xrightarrow{\text{предлож}}$ *тонне.*

При решении Num ← S первые члены пар (28) имеют совершенно аналогичные ПСС - те же самые, что (29), но только с добавлением еще и числительного:

(Относительно синтаксического строения выражений типа (29'), т.е. относительно ПСС у ЧВ с показателями приблизительности см. Экскурс 10, стр. 363 и сл.)

При обратном решении (т.е. при Num → S) ПСС выражений (29') отличались бы от ПСС выражений (29) очень существенно:

(30) до $\xrightarrow{\text{предлож}}$ трёх $\xrightarrow{\text{колич}}$ тонн vs. до $\xrightarrow{\text{предлож}}$ тонны.

Однако, как я полагаю, синтаксическое сходство между членами пар (28) настолько велико, что существенное различие их ПС-описаний, продемонстрированное в (30), т.е. тот факт, что в *до трёх тонн* предлог подчинял бы себе Num, а в *до тонны* - S, представляется нежелательным. Следовательно, наличие пар (28) vs. (29) также свидетельствует в пользу решения Num ← S.

Замечание. Довод 5 связан со следующей синтаксической особенностью русского языка: числительное ОДИН I может эллиптически опускаться в ПСС с сохранением, однако, смысла 'один'; особенно легко подобный эллипсис происходит при названиях счетных единиц (типа *метр, килограмм, литр, ...*). Например: *по тонне цемента* = 'по одной тонне цемента', *купил бутылку молока* = 'купил одну бутылку молока', и т.д. Сохранение смысла 'один' обеспечивается единственным числом "исчисляемого" S. См. об этом сноску 11, стр. 100.

[NB: см. корректурное примечание на стр. 489.]

6. Поведение числительного ОДИН I.

В ЧВ с лексемой ОДИН I более естественно, по-видимому, считать ПС-зависимым именно ОДИН I, в том числе - и во всех составных именах чисел, оканчивающихся на ОДИН I. Это связано с типично "адъективными" свойствами этой лексемы (см. Экскурс 3, стр. 271): она всегда согласуется с "исчисляемым" S, никак не влияя на его падеж, ср.:

один $\xleftarrow{\text{колич}}$ грамм, одна $\xleftarrow{\text{колич}}$ тонна, тридцати одной $\xleftarrow{\text{колич}}$ тонне,
 ста двадцатью $\xleftarrow{\text{колич}}$ одним серьёзным предупреждением, сорока одними $\xleftarrow{\text{колич}}$ сутками и т.п.

Если согласиться с этим и признавать ОДИН I числительным (как я и поступаю), то отсюда следует еще один довод в пользу решения Num ← S: желательным, чтобы направление количественной зависимости было одинаковым во всех сочетаниях Num + S; а в сочетаниях ОДИН I + S оно явно должно быть ОДИН I ← S, следовательно, оно должно быть таким же и для прочих числительных.

Доводы 1 - 6 и побуждают меня признать, что в русских конструкциях Num + S главным членом является существительное, а зависимым - числительное. Правда, с чисто логической точки зрения обратное решение все равно остается возможным: даже взятые вместе, мои доводы не исключают его. Однако все они указывают в одну и ту же сторону - в сторону решения Num ← S, причем сильные контрдоводы (т.е. доводы в пользу решения Num → S) мне неизвестны (ср., впрочем, потенциальные контрдоводы, упомянутые на стр. 81, 83 и 84, а также заключение § 1 на стр. 98). Следовательно, мы можем, по-видимому, считать решение Num ← S хорошо обоснованным и в поверхностно-синтаксическом описании русских числовых выражений исходить именно из него⁹.

Тем не менее, я считаю важным подчеркнуть здесь, что "хорошо обоснованное решение" еще не значит "элегантное" или хотя бы "интуитивно вполне убедительное". Русская конструкция Num + S имеет сложное историческое развитие: одни Num восходят к прилагательным, другие - к существительным; естественно, что ПС-поведение тех и других было в свое время весьма различным; затем давление общей семантики (все Num суть обозначения чисел) привело к активному выравниванию по аналогии, однако аналогические процессы далеко не везде дошли до конца, в результате чего создалась очень запутанная, внутренне непоследовательная и даже противоречивая картина. Конструкция Num + S в русском языке - это своеобразный утконос, т.е. лингвистическое яйцекладущее млекопитающее, и, как я полагаю, ее просто невозможно описать так, чтобы удовлетворить всех и во всех отношениях. Так, например, здесь вступают в противоречие два основных критерия определения направления ПС-зависимости: критерий навязывания ПС-валентностей и критерий контактной точки (см. Экскурс 9, стр. 349 и 351). Во всех остальных случаях в русском языке контактная точка словосочетания, т.е. тот его элемент, через который оно формально (= морфологически) взаимодействует с внешним контекстом, является его вершиной, однако в конструкции Num + S в именительном и винительном падежах контактной точкой оказывается слуга, т.е. Num: Я вижу два [вин] стола [род], которое и получает падеж (именительный или винительный), индуцируемый синтаксическим контекстом для всей конструкции в целом. Опираясь на доводы 1 - 6, я отдал преимущество в этом случае критерию навязывания

пассивных ПС-валентностей; однако я никак не могу устранить интуитивную неудовлетворительность - или, вернее, неполную удовлетворительность - моего решения. Максимум, на который я могу надеяться, - это то, что решение Num ← S НАИМЕНЕЕ ПЛОХОЕ из двух в общем-то плохих решений. "Хорошее" же решение в случае конструкции Num + S просто невозможно в силу объективной природы этой конструкции¹⁰.

II. Разбор некоторых контрдоводов.

Теперь мне представляется уместным рассмотреть три группы языковых фактов, которые могут (во всяком случае, на первый взгляд) показаться контрдоводами, т.е. доводами ПРОТИВ решения Num ← S, хотя, как я надеюсь показать, в действительности они таковыми не являются. Разбор этих фактов позволит читателю лучше освоиться с предложенным решением.

1. Разнородность ПС-описания семантически однотипных числовых выражений.

При решении Num ← S интуитивно очень близкие ЧВ в ряде случаев получают резко различающиеся ПСС:

(i) Имя целого числа, не кратного 1000, т.е. числительное, зависит от "исчисляемого" S, а имя целого числа, кратного 1000, т.е. существительное, наоборот, является хозяином этого S: более того, вершину ИЧ связывают с S разные ПСО:

(31) [шестьсот ← нум-вспом пятьдесят ← нум-вспом пять] ← колич метров,

но

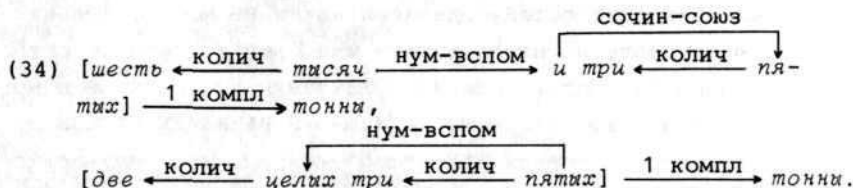
(32) [шестьсот ← нум-вспом пятьдесят ← колич тысяч] 1 компл → метров.

(ii) Имя смешанного числа, имеющее вершиной числительное, зависит от "исчисляемого" S:

(33) [две ← нум-вспом и три ← колич пятих] тонны;

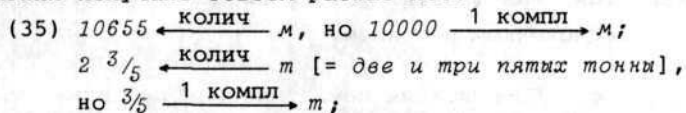
колич
 СОЧ-СОЮЗ
 ┌───────────┴───────────┐
 │ │
 │ │
 └───────────┬───────────┘

если же вершиной имени смешанного числа является существительное (S_(колич) типа МИЛЛИОН или лексема ЦЕЛАЯ), то наоборот, "исчисляемое" S само зависит от имени дробной доли (ср. выше, стр. 55 - 56):

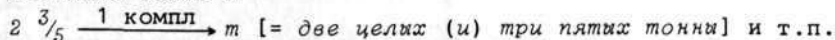

ПСО между соответствующим элементом ИЧ и "исчисляемым" S здесь тоже разные: количественное в ЧВ типа (33) и 1-ое комплексное в ЧВ типа (34).

(iii) Особенно неудачным подобный разноречивый в ПС-структурах выглядит применительно к цифровым обозначениям чисел в письменном тексте. Я считаю, что письменным выражениям с цифровыми обозначениями ИЧ следует приписывать те же ПСС, что и их словесным прочтениям; однако тогда совершенно одинаковые на вид выражения получают совсем разные ПСС:

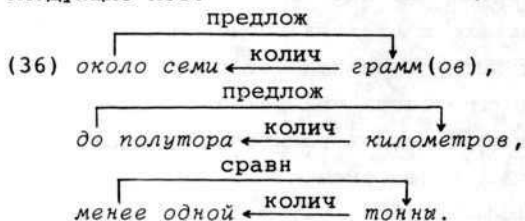
возможно также и

Однако указанное обстоятельство, т.е. факты (i) - (iii), в действительности, как я полагаю, не является контрдоводом (= доводом против решения Num ← S). В самом деле, идя вразрез с очевидной СЕМАНТИЧЕСКОЙ близостью всех ИЧ, сам русский язык трактует разные ИЧ по-разному как в СИНТАКСИЧЕСКОМ, так и в МОРФОЛОГИЧЕСКОМ аспектах. В Экскурсах 5 и 6 подробно рассматриваются существительные (ТЫСЯЧА II, МИЛЛИОН, МИЛЛИАРД, ...) в составе русских ИЧ и демонстрируется их специфика (по сравнению с числительными) в области словоизменения и с точки зрения поведения в ПС-структуре. Таким образом, поскольку в этой книге речь идет именно о поверхностно-синтаксическом представлении русских ЧВ, указанная неодинаковость трактовки является скорее достоинством, ибо она отражает неодинаковость трактовки Num и S в составе ИЧ САМИМ ЯЗЫКОМ. Что же касается цифровой записи ИЧ, то, строя описание для русского языка как такового, а не специально для его письменной разновидности, я, видимо, и не должен принимать во внимание специфические особенности письменных текстов (см. ниже, стр. 105).

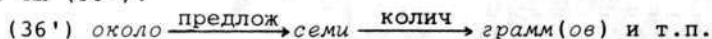
2. ПС-описание числовых выражений с показателем прибли- зительности.

Решение Num ← S приводит к известным трудностям в ПС-описании ЧВ, выражающих приближительность: *около семи грамм, до полутора километров, менее одной тонны, свыше трёхсот посетите- лей* и т.п. Вершинами подобных ЧВ как будто естественно считать предлог или сравнительное наречие (см. обоснование в Экскурсе 10, стр. 366 и сл.); следовательно, при нашем решении мы полу- чаем следующие ПСС:

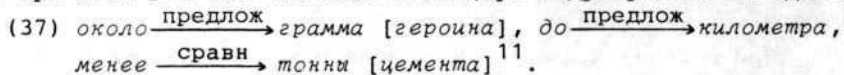

В (36) показатель приблизости ППрибл (*около, до и менее*) оказывается синтаксически вообще не связанным с числительным, хотя самая тесная связь интуитивно ощущается именно между ППрибл и Num.

При обратном решении данная трудность просто и не возникла бы: ППрибл непосредственно подчинял бы себе Num, т.е. мы имели бы (36'):

Однако этот факт также не является доводом против решения Num ← S. Дело в том, что если "исчисляемое" S обозначает единицу измерения (хотя бы окказиональную) или совокупность, характеризующуюся определенным количеством элементов, то ППрибл возможен при этом S и без числительного (при подразумеваемом ОДИН I):

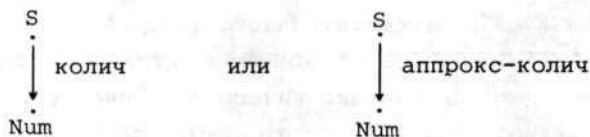

См. об этом также выше, стр. 78, пункт 5. В сочетаниях подобного типа показатель приблизости все равно должен синтаксически связываться непосредственно с "исчисляемым" S, так что именно этот случай оказывается более общим. Тем самым, структуры (36) можно, по-видимому, признать не такими уж неестественными - в особенности, если вспомнить об обычности расхождения синтаксических и семантических зависимостей (см. Эккурс 9, стр. 338 и сл.).

но, носителем ее падежа) оказывается зависимый член (стр. 80), а это встречается в поверхностном синтаксисе очень редко и потому противоречит лингвистической интуиции.

Думается, однако, что и при нашем решении трудности с падежом "исчисляемого" S преодолеваются, и притом вполне естественным способом, нужным вовсе не только в данной связи. Выше уже отмечалось, что конструкция Num + S употребляется синтаксически почти так же, как S, однако все же, как было показано, ПОЧТИ так, а не в точности так. Сочетание существительного с числительным имеет целый ряд особенностей синтаксического поведения, которых нет у существительных без числительного: выше (стр. 71) упоминались, например, сложности согласования A с S при наличии Num (*три высокие/высоких девочки, одетые/одетых в матросские костюмчики*); ср. также необходимость появления именно сочетания Num + S в качестве дополнения к глаголам типа *стоять (5 рублей), продолжаться (трое суток)* и т.п. Это делает целесообразным введение в рассмотрение стандартного поддерева ΔNUMP, задающего русские ЧВ, т.е. представляющего сочетание Num + S как некоторую цельную стандартную часть ПСС.

Говоря более конкретно, ΔNUMP есть СОКРАЩЕНИЕ: сокращенное обозначение поддерева вида

т.е. существительного с зависящим от него (по количественному или аппроксимативно-количественному ПСО) числительным: *два приятеля, [на] три часа, десять килограмм(ов), трём игрокам, [о] шести романах, тонн пятнадцать, лет (за) пятьдесят* и т.д. Данное сокращение, однако, не является чисто техническим приемом: оно отражает реальную особенность числовых выражений в русском языке, а именно - их постоянно отмечаемую "синтаксическую цельность", их своеобразное "грамматическое единство", "(почти) идиоматическую неразложимость".

Замечание. Идея использовать в поверхностно-синтаксическом зависимостном описании стандартные поддерева Δ была выдвинута в Мельчук - Перцов 1975: 204.- 211; там же предложен перечень таких Δ для английского языка. Перечень Δ для русского языка и, в

частности, описание русских Δ NUMP можно найти в Иомдин - Мельчук - Перцов 1975: 38 - 40. В этой последней работе, однако, Δ NUMP понимается шире, чем было только что указано; в частности, там к Δ NUMP отнесены поддерева выражений типа [В ящике лежало] яблок на десять рублей или [За июль построили] лодок на шесть тысяч рублей. (Кроме того, там отражено и устаревшее представление относительно количественных наречий типа много, мало, достаточно: в отличие от моей нынешней точки зрения - см. Экскурс 7, стр. 307 и сл., - все Adv(колич) тогда еще считались зависящими от "исчисляемого" S посредством количественного PCO, и потому в указанной статье поддерева выражений типа [Явилось] много школьников также относятся к Δ NUMP - что сейчас оценивается мною как ошибочное решение.) Поскольку в настоящей книге для нас существенны Δ NUMP только заданного выше вида, я позволю себе без дальнейших оговорок пользоваться впредь таким более специальным пониманием сокращения Δ NUMP, которое было только что приведено.

Наличие в моем понятийном аппарате стандартного поверхностно-синтаксического поддерева Δ NUMP позволяет обойти трудность с падежом S в конструкции Num + S следующим образом: именно, достаточно ввести понятие "падеж всего сочетания Num + S в целом", обозначая его $\underline{c}(\Delta$ NUMP) [обозначение падежа \underline{c} восходит к лат. casus 'падеж'].

Правда, при этом приходится употреблять термин "падеж" расширительно, в нестрогом смысле: обычно под падежом понимают определенную грамему (= "падеж 1") или грамматическую категорию (= "падеж 3") существительного (ср., например, Мельчук 1975с и Mel'čuk 1977), здесь же падежом называется некоторая характеристика целого словосочетания. Однако ничего особенно неприятного в этом, по моему мнению, нет. С одной стороны, условный падеж всей Δ NUMP - это всего лишь сокращение для пары реальных падежей, т.е. падежа Num и падежа S. Так, говоря, что Δ NUMP две цифры стоит в винительном падеже, мы имеем в виду, что ДВА - в винительном падеже, а ЦИФРА - в родительном падеже ед. числа, " $\underline{c}(\Delta$ NUMP) = твор" означает "Num_{твор} + S_{твор}", и т.д. С другой стороны, условный падеж группы Δ NUMP показывает ее дистрибутивную эквивалентность некоторой форме "настоящего" существительного: Δ NUMP_{вин} означает, что эта Δ NUMP взаимоподставима с S_{вин} в любом контексте (ср. Я вижу две цифры ~ Я вижу цифру и т.п.).

Обобщение понятия падежа на именные группы представляется весьма интересным в чисто теоретическом плане. Это, однако, дело дальнейших исследований. Отметим, что падеж именной группы (а не просто ее вершины) используется самым существенным об-

разом в Babby 1980: 1 - 2, 31 и сл. О падеже группы Δ NUMP см. также ниже, § 2 главы III, стр. 163.

Замечание. З. Салёни указал мне на похожую ситуацию с родом существительного в польском языке. Сочиненная именная группа может иметь род, отличный от рода составляющих ее компонентов:

(40) *Dziewszyna spacerowały* 'Девушки гуляли'.

Psy spacerowały 'Собаки гуляли'.

Dziewszyna spacerowała 'Девушка гуляла'.

Pies spacerował 'Собака гуляла'.

но:

Dziewszyna i pies spacerowali <**spacerowały*> 'Девушка и собака гуляли'.

Здесь также можно было бы ввести условный "род именной группы" как сокращение для пары <тройки, ...> реальных родов, т.е. родов отдельных сочиненных компонентов.

Благодаря тому, что имеется возможность фиксировать падеж Δ NUMP, взятой целиком, в нашем описании эта Δ NUMP выступает в соответствующей ПС-роли всегда в "правильном" падеже - т.е. именно в том, который требуется данной ролью. "Распределение" же условного падежа целой Δ NUMP по обоим ее компонентам выполняется особыми механизмами - операторами соответствия $COOTB_{Num(S)}$ и $COOTB_{S(Num)}$, которые описывают зависимость формы Num от S и формы S от Num при условии, что падеж всей Δ NUMP - такой-то. Указанные зависимости задаются булевыми формулами следующего типа:

если $\underline{c}(\Delta$ NUMP) = им, то $\underline{c}(\text{Num})$ = им и (если Num \neq ОДИН I, то $\underline{c}(S)$ = род), и т.д.

($COOTB_{Num(S)}$ и $COOTB_{S(Num)}$ подробно рассматриваются ниже, в § 2 главы III, стр. 162 и сл.)

Таким образом, факты, иллюстрируемые выражениями (38) - (39), представляются в нашем описании русского поверхностного синтаксиса примерно так:

НА II (2[вин]) + Δ NUMP_{вин}, ЗА I (2[вин]) + Δ NUMP_{вин}, V_{ЛФ} + Δ NUMP_{им} [т.е. личная форма глагола + конструкция Δ NUMP в им. падеже], V (2[вин]) + Δ NUMP_{вин} и S + " Δ NUMP_{им}"¹².

При этом Δ NUMP оказывается в ряду других подобных стандартных поддеревьев: Δ NP (= именная группа), Δ VP (= группа глагола, представляющая собой, в нашей трактовке, сложное сказуемое) и Δ APPROX (ЧВ с показателем приблизительности, типа *по восьми тонн*), см. Иомдин - Мельчук - Перцов 1975: 38 - 40. Тем самым, по-видимому, ясно, что введение Δ NUMP не является приемом ad hoc.

Итак, на стр. 81 - 87 я рассмотрел и, как мне кажется, от-
вел три потенциальных довода против решения Num \leftarrow S.

III. Дополнительные сложности.

В заключение данного параграфа, для большей полноты и яс-
ности общей картины, я собираюсь коснуться еще четырех смежных
вопросов:

- вхождение Num (в составе конструкции Num + S) в сочинен-
ные группы,
- соотношения типа *пять строк vs. Строк было пять*,
- наречия типа *примерно* при сочетаниях Num + S,
- прилагательные при сочетаниях Num + S.

Соответствующие факты не являются ни доводами в пользу ре-
шения Num \leftarrow S, ни контрдоводами, и поэтому, строго говоря, они
не имеют прямого отношения к обсуждаемой здесь проблеме - к на-
правлению ПС-зависимостей в конструкции Num + S. Тем не менее,
указанные вопросы проливают, по моему мнению, известный свет на
решение Num \leftarrow S, поскольку при этом демонстрируется связь указан-
ного решения с синтаксическим поведением конструкции Num + S в
русском языке.

Сочинение Num с лексемами других частей речи.

Если две единицы могут быть сочинены, то это, как правило,
свидетельствует о тождестве или, во всяком случае, существен-
ном сходстве их синтаксических ролей. Поэтому проверка на со-
чинимость может, вообще говоря, служить удобным тестом при
определении направления синтаксических зависимостей: если в
"сомнительном" сочетании X + Y можно сочинить X с единицами Z_1 ,
 Z_2 , ..., Z_n , безусловно зависящими от Y-а, то X тоже зависит от
Y-а; если, наоборот, X сочиняется с единицами W_1 , W_2 , ..., W_n ,
которые являются очевидными хозяевами Y-а, то и X является хо-
зяином Y-а.

Однако в случае с числительным тест на сочинимость оказы-
вается неэффективным: дело в том, что в сочетании Num + S чис-
лительное может сочиняться и с A, которое безусловно зависит от
S, и с S', которое столь же безусловно подчиняет себе S. Рас-
смотрим примеры.

С одной стороны, Num сочиняется с согласуемым адъективом *все*, для которого подчиненность существительному очевидна (этот факт специально отмечен в Bogusławski 1966: 50):

- (41) а. *все* или *только три карандаша*;
 б. *либо три, либо все карандаши*.

Далее, Num сочиняются с количественными прилагательными в косвенных падежах:

- (42) а. *многим* или *всего трём девушкам*;
 б. *для двух* или *<а не> нескольких встреч*;
 в. *одним, двумя* или *<но не> многими гостями*.

Наконец, Num сочиняются с любыми прилагательными в любых падежах в выражениях следующего типа:

- (43) *всего на два, но очень важной вопроса* или *только пятью, и притом неполными пакетами*.

(В случаях сочетания Num с А на сочинительный союз накладываются известные ограничения: в (41) и (42) возможны, по-видимому, только разделительные и противительные союзы, а в (43) - противительные и некоторые соединительные; это, однако, несущественно для данного рассуждения.)

С другой стороны, Num может сочиняться с существительным S', которое само по себе подчиняет "исчисляемое" S. S' бывает трех типов:

- Имя числа, кратного 1000, например:

- (44) *либо два, либо две* $\xleftarrow{\text{колич}}$ *тысячи километров*
 [при две тысячи $\xrightarrow{1 \text{ компл}}$ километров, см. выше, стр. 55 - 56].

- Имя множества или единицы измерения (не входящее в состав ИЧ), например:

- (45) а. *сначала двадцать, а потом сразу три* $\xleftarrow{\text{колич}}$ *сотни посетителей* [при три сотни $\xrightarrow{1 \text{ компл}}$ посетителей],
сначала одно-два, а потом сразу килограмм $\xleftarrow{\text{колич}}$ *<корзину> яблок* [при килограмм $\xrightarrow{1 \text{ компл}}$ яблок, корзина $\xrightarrow{1 \text{ компл}}$ яблок].

- Слова типа *число, количество* и т.п.:

- (46) *с тремя* или *даже большим* $\xleftarrow{\text{колич}}$ *числом корней* [при число $\xrightarrow{1 \text{ компл}}$ корней].

Кроме того, Num сочиняются и с Adv_(колич) типа много <до фи́га>, которые также подчиняют "исчисляемое" S (см. об этом Экскурс 7, стр. 307 и сл.):

- (47) а. одно или несколько решений [при несколько $\xrightarrow{1 \text{ компл}}$ → решений],
одно-два, а потом сразу до фи́га яблок
 [при до фи́га $\xrightarrow{1 \text{ компл}}$ → яблок].

Таким образом, сочинимость Num с A и с S (а также с Adv_(колич)) сама по себе не является доводом ни за, ни против решения Num ← S. Однако в связи с ПС-представлением выражений типа (41) возникают известные трудности, состоящие в следующем.

Для (41) предлагаются ПСС следующего вида:

- (41') а. $\begin{array}{c} \text{опред} \\ \swarrow \quad \searrow \\ \text{однор} \quad \text{или} \quad \text{соч-союзн} \end{array} \rightarrow \text{три килограмма,}$
 $\begin{array}{c} \text{служ} \\ \swarrow \quad \searrow \\ \text{однор} \quad \text{или} \quad \text{соч-союзн} \end{array} \rightarrow \text{все карандаши.}$

Их особенность заключается в том, что морфологическое оформление существительного (здесь - карандаш) зависит только от последнего (самого правого) компонента однородной цепи, который с этим существительным синтаксически непосредственно не связан. Однако подобная ситуация характерна и для однородных цепей, состоящих из одних числительных: см. выше, стр. 76, примеры (22). Поэтому случаи типа (41') все равно должны учитываться в соответствующей количественной синтагме (см. стр. 139, синтагма 5); для них необходимо, кроме того, и специальное уточнение в правилах оформления зависимого члена (= прилагательного) при определительном ПСО в русском языке.

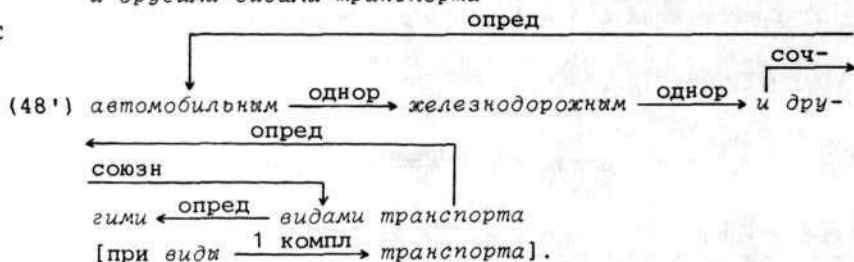
Выражения типа (42) и (43) не вызывают никаких особых проблем; что же касается выражений (44) - (47), то их ПСС таковы:

- (44') $\begin{array}{c} \text{колич} \\ \swarrow \quad \searrow \\ \text{служ} \quad \text{соч-союзн} \\ \swarrow \quad \searrow \quad \swarrow \quad \searrow \\ \text{однор} \quad \text{или} \quad \text{колич} \end{array} \rightarrow \text{либо два} \quad \text{либо две} \quad \text{тысячи километров}$
 (45') а. $\begin{array}{c} \text{соч-союзн} \\ \swarrow \quad \searrow \\ \text{однор} \quad \text{или} \quad \text{колич} \end{array} \rightarrow \text{двадцать,} \quad \text{а потом три} \quad \text{сотни посе-} \\ \text{тителей [а потом трактуется мною как цельное} \\ \text{союзное речение, т.е. как фразема], и т.п.}$

Сомнительным здесь может показаться, во-первых, ненасыщенность активных ПС-валентностей количественных S типа *тысяча* или *сотня*, а во-вторых, как в случаях типа (416), зависимость формы "исчисляемого" S не от своего слуги-числительного, а от конечного (самого правого) компонента однородной цепи (опять-таки с ним непосредственно синтаксически не связанного). Однако, как известно, ненасыщенность активных валентностей особо характерна именно для компонентов сочиненных групп: *готовить, подавать и сведать* → *обед* (не насыщены валентности на прямое дополнение у *готовить* и *подавать*), *из* ← *получение* и *обработка* (не насыщена валентность на дополнение у *обработка*), и т.д.¹³ В то же время в русском языке имеется и другой случай морфологической зависимости существительного от конечного компонента однородной цепи, возглавляемой слугой этого существительного: мы имеем в виду выражения типа

(48) [Он заинтересовался] *автомобильным, железнодорожным и другими видами транспорта*

с ПСС

Параллелизм ПСС (44') - (45'), с одной стороны, и (48'), с другой, очевиден. Именно этот параллелизм и важен здесь: он показывает, в частности, что наличие выражений типа (44) - (47) не препятствует признанию числительного слугой в конструкции Num + S, хотя и не способствует такому решению. (На конкретном ПС-представлении выражений типа (44) - (47), предложенном выше, я не настаиваю: оно могло бы быть и каким-либо иным; важно лишь, что это никак не отзывается на предлагаемом решении Num ← S.)

Соотношения типа *пять строк* - *Строк было пять*.

Рассмотрим фразы типа (49):

(49) *Вариантов оказывается тридцать два.*

Мальчиков было пятеро.

Они очень близки по строению к фразам типа (50):

(50) *Варианты оказываются неполными [= Y].*

Мальчики были усталыми/усталие [= Y].

Задача была с подвохом [= Y].

В (50) компонент, выступающий в роли предикатива Y при связке (оказываться, быть и т.п.), т.е. в роли именной части сказуемого в предикативной конструкции $X \xleftarrow{\text{предик}} V \xrightarrow[\text{(связ)}]{1 \text{ компл}} Y$, в непредикативном употреблении является поверхностно-синтаксическим зависимым подлежащего X: *неполные* ← варианты, *усталие* ← мальчики, *задача* → с подвохом, т.е. $Y \leftarrow X$. Соображения аналогии подталкивают к тому, чтобы считать и Num, выступающее в (49), синтаксически зависимым в непредикативном употреблении, т.е. принять ПСС *тридцать два* ← варианты и *пятеро* ← мальчиков.

Однако в русском языке возможны и такие ситуации, когда в роли предикатива Y (при связке) выступает единица, которая в непредикативном употреблении является ПС-хозяйном X-а, т.е. в непредикативном употреблении имеет место $Y \rightarrow X$. Укажем здесь два известных нам подобных случая.

(i) Конструкции с показателем приблизительности, ср.:

(51) $[Y \text{ нас}] \text{ будет} \xrightarrow{\text{предик}} \text{свыше тридцати} \xleftarrow{\text{колич}} \text{вариантов}$
 vs.
Таких вариантов ← предик *будет* → 1 компл *свыше*
сравн → тридцати,

где X = варианты, а Y = свыше. В качестве Y-а возможен любой показатель приблизительности (см. о них Экскурс 10, стр. 362 и сл.).

(ii) Конструкции с существительным - обозначением единицы измерения:

(52) $Y \text{ нас было два} \xleftarrow{\text{колич}} \text{ведра} \xrightarrow{1 \text{ компл}} \text{воды}$
 vs.
Воды ← предик *было два* ← колич *ведра*,

Здесь X = вода, а Y = ведро. В качестве Y-а возможно любые названия единиц измерения, как узувальные (*метр, грамм, дюйм, му, ...*), так и окказиональные (*вагон, комната, полк, ...*).

Наличие конструкций (i) - (ii) как будто не позволяет сформулировать общее правило о том, что в качестве предикатива (при связке) при нейтральной интонации (т.е. без контрастного уда-

и

о́гран

(54") *только немецкий язык* (т.е. 'Он знает немецкий язык, а больше вообще ничего не знает').

Однако если счесть числительное главным членом сочетания Num + S, то отразить различие типа (54') vs. (54") в ПСС, т.е. посредством дерева зависимостей, невозможно: в дереве зависимостей нельзя естественным образом показать разницу между зависимостью от всего сочетания в целом и зависимостью только от вершины этого сочетания¹⁵.

Создается впечатление, что двузначность выражений типа (53) является доводом (хотя и не очень сильным) в пользу предложенного мною решения Num ← S. Тем не менее, это не так. Дело в том, что в русском языке существуют выражения по крайней мере двух типов, имеющие в точности ту же неоднозначность, что и (53), но при этом такие, что выразить соответствующее смысловое различие средствами дерева зависимостей никак нельзя.

Во-первых, это выражения типа

(55) *примерно тысяча* $\xrightarrow{1 \text{ компл}}$ *дюжин яиц* (либо '(примерно тысяча) дюжин', либо 'примерно (тысяча дюжин)');

здесь *тысяча*, несомненно, синтаксически господствует над *дюжин*, что и мешает отображению в ПСС соответствующего смыслового различия. (Мое внимание к конструкциям типа (55) привлек А.К.Жолковский.)

Во-вторых, это выражения типа

(56) *около <свыше, ...> пяти тысяч рублей*, т.е. либо '(около <свыше, ...> пяти) тысяч', либо 'около <свыше, ...> (пяти тысяч)';

здесь адекватному отображению смыслового различия в ПСС препятствует тот факт, что показатель приближительности *около <свыше, ...>* является ПС-хозяином соответствующего ЧВ (см. об этом Экскурс 10, стр. 366).

Поскольку в случаях (55) и (56) выразить неоднозначность только средствами дерева зависимостей всё равно невозможно, то к этой невозможности нельзя апеллировать и в случаях типа (53), аргументируя в пользу решения Num ← S.

Я обратил внимание на конструкции (53) - (56) потому, что они интересны для общей проблемы адекватности дерева зависимостей в качестве средства изображения ПСС. Как мне кажется,

наличие двузначных выражений типа (55) и (56) не является свидетельством против адекватности дерева зависимостей: скорее соответствующие смысловые различия, в реальной фразе передаваемые просодикой (смыслы (53'), (54') и т.п. требуют сильного ударения и повышения тона на первом по порядку слове: примерно *десять тысяч рублей, знает только немецкий язык* и т.п.), должны отражаться не в ПСС фразы, а в ее поверхностно-просодической структуре, т.е. в другом компоненте поверхностно-синтаксического представления фраз¹⁶. Впрочем, более подробное рассмотрение данной проблемы увело бы нас слишком далеко в сторону. Здесь для нас достаточно убедиться, что выражения типа (53) не являются аргументами ни в пользу нашего решения, ни против него.

Прилагательные и причастия при сочетаниях Num + S.

В парах выражений

(57) *эти пять столбцов* vs. *пять этих столбцов*

и

мои пять столбцов vs. *пять моих столбцов*

имеется определенное смысловое различие: в левых членах пар предполагается, что рассматриваемых столбцов всего пять, тогда как в правых членах это не предполагается. Ср. еще пример, указанный мне Л.Л.Июмдиным:

(58) *мои пять рублей* [возможно - одна пятирублевка]

vs.

пять моих рублей [скорее - пять отдельных рублевков].

Указанные различия передаются в тексте типично синтаксическими средствами - порядком слов и формами согласования; следовательно, они должны отображаться непосредственно в ПСС. Это предлагается делать, приписывая приведенным выражениям следующие ПСС:

(57') *эти* ← опред *пять* ← колич *столбцов*

vs.

пять этих ← опред *столбцов*,
мои ← опред *пять* ← колич *столбцов*

vs.

пять моих ← опред *столбцов*, и т.д.

Иначе говоря, в случаях типа *эти пять столбцов* прилагательное

считается зависящим от числительного, а в случаях типа *пять этих столбцов* - от существительного. (Именно это решение выдвинуто в Иомдин 1979а: 36 - 39.)

Целесообразность принятия ПСС типа (57') подкрепляется четырьмя следующими соображениями.

1) При $A \leftarrow Num \leftarrow S$ становится возможным сформулировать некоторое общее правило относительно размещения ПС-слуг существительного в русском языке:

- (B) || Числительное в ЧВ обязательно предшествует всем адъективным слугам своего "исчисляемого" существительного.

Правило (B) учтено в виде общего условия к русским количественным синтагмам: см. ниже, стр. 126. Оно имеет такую силу, что не нарушается и в аппроксимативно-количественных конструкциях, где Num следует за S - в таком случае у S не может быть ПРЕПОЗИТИВНЫХ адъективных слуг, ср.:

(58) Он купил десять старинных книг.

*Он купил старинных книг десять.

1 компл

Он купил штук аппрокс-колич → десять старинных книг.

Он купил книг десять, старинных и очень дорогих.

См. подробнее об этом на стр. 151, условие 4 к аппроксимативно-количественной синтагме. Ср. еще такого же рода общие правила (A) на стр. 73, и (B) на стр. 76.

При ПСС (57') такие выражения, как *эти пять столбцов*, не противоречат правилу (B), так как я усматриваю здесь наличие адъективных слуг у числительного, а не у существительного.

2) Легко формулируется запрет на (59):

(59) **пять добрых рублей* [при правильном *добрых пять рублей*],

**пять целых рублей* [при правильном *целых пять рублей*]

[выражения (59) неправильны, разумеется, только при условии, что прилагательные *добрых* и *целых* взяты в значении ≈ 'и это, как ты понимаешь, много'; например, при *целый* в значении 'неповрежденный' *пять целых рублей* - абсолютно нормальное выражение].

Если принять ПСС (57'), то для исключения выражений (59) достаточно указать, что *добрый* и *целый* в соответствующих зна-

чениях подчиняются только числительным (или существительным, означающим числа и единицы измерения, при условии, что от этих S не зависит Num: *добрый миллион долларов, целая тонна зерна*).

Вообще, перед Num в составе Δ NUMP могут выступать только местоименные, порядковые и "количественные" A - т.е. те A, которые СЕМАНТИЧЕСКИ способны сочетаться с Num. Нормальные A в такой позиции не употребительны: *мои <эти последние, все, первые, целых, ...> пять книг, но не *французские <дорогие, переплетённые, ...> пять книг*. Этот факт представляется хорошим аргументом в пользу ПСС $A \leftarrow \text{Num} \leftarrow S$.

3) При $A \leftarrow \text{Num} \leftarrow S$ легче описываются различия в согласовании прилагательного: отдельно указываются правила согласования для A с S, отдельно - для A с Num.

4) В (57') естественным образом отражается некоторый параллелизм между парами (57) и такими многочисленными парами, как (60):

(60) наш $\xleftarrow{\text{опред}}$ миллион $\xrightarrow{1 \text{ компл}}$ солдат

vs.

$\xrightarrow{1 \text{ компл}}$
миллион наших $\xleftarrow{\text{опред}}$ солдат,
моя $\xleftarrow{\text{опред}}$ треть $\xrightarrow{1 \text{ компл}}$ няя

vs.

$\xrightarrow{1 \text{ компл}}$
треть моего $\xleftarrow{\text{опред}}$ няя, и т.п.

Смысловое различие между членами пар (60), по-видимому, больше, чем между членами пар (57); тем не менее, соотношения смыслов и там и там одинаково¹⁷.

Замечание. Принятие для конструкций $A + \text{Num} + S$ vs. $\text{Num} + A + S$ существенно различающихся ПСС $A \xleftarrow{\text{опред}} \text{Num} + S$ vs. $\text{Num} + A \xleftarrow{\text{опред}} S$, т.е. признание ПС-хозяйном для A в одном случае числительного, а в другом существительного, может в принципе оказаться доводом против основного обсуждаемого в настоящей главе решения, а именно против решения $\text{Num} \leftarrow S$. Дело в том, что в ПСС (57') содержательное различие между подчинением прилагательного одному существительному и подчинением его всей группе $\text{Num} + S$ передается следующим формальным приемом: во втором случае прилагательное A подчиняется ЗАВИСИМОМУ члену нужной

нам группы. Однако в рамках формализма деревьев зависимостей как будто целесообразно придерживаться противоположного принципа: зависимость словоформы от синтаксической группы в целом должна интерпретироваться и изображаться как зависимость от вершины этой группы (а не как зависимость от одного из зависимых компонентов группы). Тогда подчинение прилагательного числительному выглядело бы естественнее, если бы Num считалось вершиной группы Num + S:

А подчинялось бы либо одному S (*пять моих* ← *книг*), либо всей группе целиком в лице ее вершины-числительного (*мои* ← *пять* → *книг*). Таким образом, если признать только что сформулированный принцип абсолютным требованием, то синтаксическое описание конструкций A + Num + S vs. Num + A + S могло бы, как сказано выше, быть признано доводом против решения Num ← S. Однако сам этот принцип не настолько очевиден, чтобы я был готов в данный момент считаться с ним столь существенным образом. (Ср. сноску 15 на стр. 101.)

На этом я считаю возможным закончить рассмотрение первой подпроблемы данной главы – проблемы направления ПС-зависимости в сочетаниях Num + S. Наиболее веским соображением в пользу принятого решения является, в конечном итоге, его удобство с точки зрения всей системы количественных синтагм: удачное решение должно обеспечивать максимальную компактность и простоту этой системы. Таким образом, окончательное суждение относительно предложенной трактовки сочетаний Num + S следует выносить только после ознакомления с главой III, т.е. перечнем русских количественных синтагм.

А теперь мы перейдем ко второй подпроблеме, указанной на стр. 59.

СНОСКИ

1. (К стр. 60.) Ср. еще в Шахматов 1925: 42: "...сочетания... числительного [в им. или вин. падеже] с род. падежом ед. или мн. числа ... синтаксически неразложимы, они составляют одно грамматическое целое, ибо с точки зрения современного языка форма род. падежа не может зависеть от числительного".
2. (К стр. 63.) О понятии пассивной поверхностно-синтаксической

валентности см. Мельчук 1975с, а также Предметно-терминологический указатель к этой книге, стр. 503.

3. (К стр. 65.) Ср. Супрун 1964: 94: "Сочетания числительных с существительными выступают во всех тех функциях, в которых могут выступать существительные". (Правильнее все же говорить "п о ч т и во всех тех функциях ...").
4. (К стр. 69.) В полном описании русского поверхностного синтаксиса неопустимость Num в позиции зависимости от выражений указанного здесь типа учитывается посредством специальных помет при моделях управления подобных выражений (т.е. посредством помет в соответствующих зонах словарных статей).
5. (К стр. 69.) Приведем еще пример такой неопустимости Num, которая не является специфичной для Num как такового. Числительное может быть неопустимо в составе приименной атрибутивной группы с "неопустимым" определением, типа *человек тонкого ума* (*человек ума). Так, при *опит семи лет* невозможно **опит лет*; это, однако, не связано именно с Num: *опит этих <прошлых, долгих> лет*, откуда видно, что здесь Num выступает на равных основаниях с любым другим определением.
6. (К стр. 73.) Встречающиеся в художественных текстах выражения вроде *Иду усталый я* или ... *в четырёхлетнюю меня* [М.Цветаева] воспринимаются как безусловные отклонения от нормы, рассчитанные на определенный выразительный эффект.

Кроме того, при местоимениях возможны очень специфичные согласованные определения с кванторным значением: *В тот день всю тебя [от гребёнок до ног] ...* [В.Пастернак] или *Одна она [= 'только она'] меня ласкает, а также комитативные атрибуты типа я с двумя детьми, он со своим братом, мы с тобой.*

7. (К стр. 76.) В английском языке, например, правило (Б) не действует (возможно, что это связано с отсутствием управляемых падежей), поэтому грамматически безупречны английские фразы вроде следующих:

- (i) *A Japanese picture of a hill both differs from and resembles a typical European painting of the same kind of hill.*
- (ii) *It became connected with, and a cornerstone of, automatic translation.*
- (iii) *The structure is contained in, depends on, or modifies the string.*

Впрочем, в газетных текстах, объявлениях, деловых бумагах и т.п. ошибки типа (23) встречаются не так уж редко и в русском языке. Сам факт, что о них обычно много говорится в пособиях по русской стилистике и культуре речи, доказывает их известную распространенность. Тем не менее, выражения типа (23) являются безусловно недопустимыми с точки зрения русской литературной нормы, тогда как английские фразы (i) - (iii) совершенно обычны и даже вполне элегантны.

8. (К стр. 77.) Необходимость в (25'а) особого - аппроксимативно-порядкового - ПСО доказывается противопоставлением *на десятый день* vs. *день на десятый* = 'примерно на десятый день'. Ср. критерий I в Мельчук 1975а: 33 и Mel'čuk 1981b.

Любопытный пример фразы с аппроксимативно-порядковой конструкцией, в которой выступает составное порядковое прилагательное мы находим в переводе М.Дьяконова "Ярмарки шеславиа" Теккерера (Москва: Изд-во худ. лит-ры, 1968, стр. 52):

(i) - *Хотя лет тридцать назад, в году тысяча семьсот восьмидесятом - ведь так, пожалуй? - ты, может быть, и имела на это право.*

9. (К стр. 80.) Еще 40 лет назад Л.В.Щерба трактовал числительное в конструкции Num + S именно как зависимый член: в сочетании *пять книг* "'пять' все же скорее определение. Я признаю что 'пять' относится к [= зависит от - И.М.] 'книг', и это вскрывается в дальнейшем: мы не говорим 'пятью книг', а говорим 'пятью книгами'. Значит, определяемым [= главным - И.М.] являются 'книги'" (Щерба 1958: 96). Ср., далее, точку зрения А.Е.Супруна: "Сочетания числительных с существительными ... следует рассматривать как один член предложения, внутри которого числительное можно считать определением, а существительное определяемым" (Супрун 1959а: 90). Наконец, аналогичное мнение высказывает Д.Уорд: в выражении *четыреста двадцать замесов* он считает синтаксической вершиной (the head of the phrase) словоформу *замесов*, подчеркивая как существенную особенность русского синтаксиса тот факт, что в позиции после числительного падеж существительного-хозяина, или вершины, определяется синтаксическим слугой, тогда как обычно именно хозяин управляет падежом слуги (Ward 1965: 95; мое внимание к исключительно интересной - в частности, в аспекте числительных - книге Уорда привлек Фриц Нойбауер).
10. (К стр. 81.) А.В.Исаченко, обсуждая вопрос о ПС-хозяине в русской конструкции Num + S, прямо указывает, что удовлетворительное описание здесь построить невозможно: и решение Num ← S, и решение Num → S имеют, по его мнению, очень серьезные недостатки (Isačenko 1962: 529).
11. (К стр. 83.) Опустимость лексемы ОДИН I при сохранении (в высказывании) ее смысла уже упоминалась при рассуждениях о ПСС русских ЧВ: см. стр. 79. Возникает вопрос, не следовало ли бы усматривать в ПСС выражений типа (37) нулевую лексему $\emptyset_{\text{ОДИН}}$, синонимичную с ОДИН I. Я склонен отвечать на этот вопрос отрицательно: для постулирования в русском языке этой нулевой лексемы не видно специфически синтаксических оснований (в частности, каких-либо не объяснимых иным образом согласований); скорее здесь уместно говорить о регулярном ПС-эллипсисе лексемы ОДИН I. (О нулевых лексемах см., например, Мельчук 1974b.)
12. (К стр. 87.) Использование условного падежа для цельного словосочетания ΔNUMP требует дополнить перечень русских синтагм (о синтагмах см. ниже, стр. 108 и сл.) следующим общим правилом:
 Во всякой синтагме, в правой части которой указан падеж с, маркирующий ее зависимый член - существительное S, необходимо различать два случая:
 - либо S не является вершиной группы ΔNUMP (т.е. от S непосредственно не зависит Num), и тогда с - это реальный падеж, который характеризует само S,
 - либо S является вершиной группы ΔNUMP (от S непосредственно зависит Num), и тогда с - это условный падеж, который характеризует ΔNUMP.
13. (К стр. 91.) Впрочем, аналогия здесь является неполной. Во-первых, в случае однородных глаголов и отглагольных S остаются ненасыщенными активные валентности именно

тех членов цепи, которые не примыкают к общему слуге (т.е. линейно отделены от него как раз тем однородным членом, активная валентность которого насыщена этим общим слугой); напротив, в случае однородных Num и S_(колич) ненасыщенная валентность остается у того однородного члена, который непосредственно примыкает к "исчисляемому" S.

Во-вторых, в однородных цепях глаголов или отглагольных существительных всегда имеется общий слуга (именно только слуга!), тогда как в однородных цепях, состоящих одновременно из Num и S_(колич), "исчисляемое" S является хозяином для Num, но потенциальным слугой для S_(колич):

пять ← ^{колич} рублей, миллион ^{1 компл} рублей,

← ^{колич} ← ^{один} → или ^{соц-союзн} → миллион рублей.

14. (К стр. 93.) Указанная неоднозначность признается не всеми носителями русского языка. Возможно, она воспринимается более отчетливо в выражениях типа

(i) *более сорока тысяч*:

либо

(ii) '(более сорока) тысяч', т.е. 'сорок одна, сорок две или сорок три тысячи',

либо

(iii) 'более (сорока тысяч)', т.е. например, 40020 или 40100.

15. (К стр. 94.) Говоря сугубо формально, следует признать, что способ выразить в (53) различие (53') vs. (53'') посредством только дерева зависимостей все-таки существует и в том случае, если бы Num было признано ПС-хозяином:

(i) *примерно* ← ^{огран} *десять* ^{колич} *тысяч*

vs.

(ii) *примерно* ^{огран} *десять* ^{колич} *тысяч*.

Однако структура (ii) представляется мне крайне неестественной: различие между подчинением вершине некоторой группы (как в (i)) и всей группе (как в (ii)) показано путем подчинения слуге, и притом через "голову хозяина". Ср. замечание на стр. 97.

16. (К стр. 95.) Различия, отмеченные в (53) - (56), в принципе могут быть отражены и в ПСС, но только посредством указания о синтаксических группах, добавляемого к дереву зависимостей. (Вообще говоря, в модели "Смысл ↔ Текст" предусматривается использование синтаксических групп в тех немногочисленных случаях, когда "чистое" дерево зависимостей оказывается неадекватным средством изображения ПСС, ср. Мельчук 1974а: 214 - 216.) В данном случае, однако, мне кажется, что подобные различия отражать в ПСС и НЕ НУЖНО, так как по своей природе они являются не синтаксическими. Обосновывать здесь эту точку зрения я не могу и ограничусь ссылкой на случаи типа

Все | не спали или Все | не спали в смысле '∃x(спал)(x)' vs.
 Все | не спали, т.е. '∀x(спал)(x)', где различия в смысле ('Никто не спал' vs. 'Неверно, что спали все') явно не

должны отражаться в ПСС. Различия типа (53) - (56) представляются сходными именно с такими случаями.

17. (К стр. 97.) Зависимость прилагательного от числительного в конструкциях типа А + Num + S используется ниже, в Экскурсе 13, стр. 425, при обосновании категории одушевленности у русских Num:

(i) *И тогда в зал внесли (все) эти четыре ящика vs.*

(ii) *И тогда в зал ввели (всех) этих четырёх молодцов.* Различие форм (все) эти vs. (всех) этих я предполагаю описывать посредством граммем "неодуш" vs. "одуш", которые переходят к А от Num (у Num они появляются в результате согласования с "исчисляемым" S). - Подчеркнем, что если прилагательное предшествует не простому Num, а составному числительному, то оно считается зависящим от его вершины:

опред

(iii) Где же разместить этих (тысячу ← нум-вспом) шесть-
 сот ← нум-вспом пятьдесят человек?

Если же составное ИЧ включает в свой состав S(колич), то А не может подчиняться его вершине; фразы типа (iv) представляются неудачными:

(iv) **Где же разместить этих (пять миллионов) двести тысяч семьсот человек?*

Вместо (iv) следует употреблять (v):

(v) *Где же разместить эти (пять миллионов) двести тысяч семьсот человек?*

где прилагательное *эти* считается зависимым от ближайшего S(колич) справа, т.е. от миллионов (или от тысяч, если компонент *пять миллионов* отсутствует).

Вообще, согласование препозитивного А с Num осложняется целым рядом дополнительных особенностей, вроде следующей:

(vi) *все эти двести одно правило.*

Здесь оба А должны быть во множественном числе (из-за *все*), тогда как вершина составного Num, т.е. *одно*, и "исчисляемое" S (= *правило*) стоят в единственном числе. Ср. еще свободное варьирование в

(vii) *это/эти двести одно правило,*
 где *все* отсутствует. См. § 1 гл. III, стр. 122 - 123.

§ 2

Типы ПС-зависимостей в русских ЧВ вида Num + S

Если принять предлагаемую трактовку русских сочетаний Num + S, т.е. считать в этих сочетаниях главным членом существительное, то для представления ПСС сочетаний Num + S оказываются необходимыми два типа поверхностно-синтаксических отношений [PCO], связывающих S в качестве ПС-хозяина с Num в качестве ПС-слуги. Поскольку выражения типа *пять килограмм* и *килограмм пять*, различающиеся только синтаксическими средствами (в данном случае - порядком слов), имеют разный смысл: '5 кг' vs. 'приблизительно 5 кг', то в соответствии с критерием I, введенным в Мельчук 1975а: 33 (см. ниже, критерий В.І - Экскурс 9, стр. 355 и сл.), здесь требуются два разных типа PCO. Соответственно, для русских ЧВ вида Num + S, т.е. для количественных синтагм, предлагаются количественное и аппроксимативно-количественное PCO: *пять* ← ^{колич} *килограмм* и *килограмм* → ^{аппрокс-колич} *пять*.

Отметим, что в аппроксимативно-количественной конструкции не могут употребляться ИЧ, содержащие "количественное" существительное (типа ТЫСЯЧА II, МИЛЛИОН и т.д. или название дробной доли):

- (1) **рублей* [C] *шестьдесят* ← ^{колич} *миллионов* [Q],
 **рублей* [C] *две тысячи пятьсот* [Q],
 **тонны* [C] *три пятих* [Q], и т.д.

При этом безразлично, какую позицию внутри ИЧ занимает S_(колич) - конечную или не-конечную: самого наличия S_(колич) в составе ИЧ в любой позиции достаточно для того, чтобы это ИЧ уже не могло выступать в аппроксимативно-количественной конструкции данного типа¹.

Подчеркнем, что данная невозможность представляет собой чисто синтаксический, а не семантический факт, поскольку выражение приблизительности при таких ИЧ другими средствами вполне обычно:

- (2) *примерно* <*предположительно, приблизительно, ...*> *шестьдесят миллионов рублей,*
примерно <*предположительно, ...*> *две тысячи пятьсот рублей,*

примерно <предположительно, ...> три пятых тонны.

Указанный факт еще раз подчеркивает поверхностно-синтаксическую специфичность русских ИЧ, содержащих S_(колич) (= имена чисел, кратных 1000, имена дробных долей и лексему ЦЕЛАЯ).

В соответствии с двумя вышеназванными ПСО русские количественные синтагмы, приводимые в главе III, разбиты на две группы: собственно количественные синтагмы (стр. 124 - 147) и аппроксимативно-количественная синтагма (стр. 147 - 160).

СНОСКА

1. (К стр. 103.) Последнее утверждение нуждается в уточнении, а именно, наличие в составе ИЧ существительного с предлогом С I не мешает этому ИЧ выступать в аппроксимативно-количественной конструкции:

(i) тонны две с половиной,

километров шесть с четвертью, и т.п.

(см. также ниже § 1 гл. III, стр. 149 - 150).

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ СИНТАГМЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

При чтении настоящей главы необходимо иметь в виду два следующих существенных обстоятельства.

1) Я описываю количественные синтагмы, свойственные русскому языку как таковому, игнорируя специфику числовых выражений в его ПИСЬМЕННОЙ разновидности. Дело в том, что в научном тексте при цифровой записи имен чисел допускаются такие выражения, которые с точки зрения "обычного" русского языка являются безусловно неправильными. Вот, например, фраза из книги Н.Я.Виленкина "Комбинаторика" (Москва, 1969):

(1) Среди первых 100.000.001 чисел Фибоначчи найдутся две пары p_1 и p_2 такие, что...

Как прочесть эту фразу вслух? Правильный вариант должен быть таким:

(1') Среди первых ста миллионов одного числа [а не *чисел!] фибоначчи...

Однако автор фразы (1) написал ее, ориентируясь только на "глазное" чтение - или на так называемое формальное произнесение, когда всякое имя числа ставится в словарной форме (= в именительном падеже) независимо от контекста и никаких не влияет на форму "исчисляемого" S , т.е.:

(1'') Среди первых сто миллионов один чисел фибоначчи..., что противоречит строгим литературным нормам.

В настоящее время подобная неизменяемость имен чисел, в частности - числительных, т.е. их формальное произнесение, все больше распространяется в речи научных работников и вообще образованных людей, особенно - при произнесении громоздких формул и обсуждении профессиональных вопросов (Панов 1968: 87-89).

Тем не менее, хотя появление в текстах фраз типа (1) - явление само по себе крайне интересное, в этой книге подобные выражения не учитываются, поскольку они явно требуют специального исследования.

Кроме того, я отвлекаюсь и от широко распространенных способов смешанной записи форм числительных: в 3-х дивизиях, после 25-ти лет разлуки, со всеми 4-мя синовиями. Указанные письмен-

ные сокращения - отдельная проблема, которая здесь рассматриваться не будет.

Однако сказанное вовсе не означает, будто я вообще не рассматриваю таких ЧВ, в которых имя числа записано цифрами, т.е. ЧВ, присущих только письменному языку: 237 тонн; 1100 голов скота; 12-14 поросят; От 100 овцематок получено по 60 ягнят; 8,5 кормовой единицы <8¹/₂ кормовых единиц>; 6¹/₁₁ площади; и т.п. Все подобные ЧВ учитываются предлагаемым ниже описанием - если только они соответствуют литературной норме современного языка, т.е. если в отличие от (1) они могут быть правильно прочитаны вслух. Их анализ и синтез обеспечивается соответствующими синтагмами. Оставлены в стороне только такие особенности письменных ЧВ, которые не присущи литературному языку.

Кроме того, вовсе не рассматривается и выходящий за тематические рамки данной книги вопрос о преобразовании цифровой записи имен чисел в словесную (т.е. правила словесного чтения письменных ЧВ) - и наоборот; см., в данной связи, Цейтин 1958, 1961 и Brandt Corstius 1968.

2) Сфера русских ЧВ характеризуется очень значительными КОЛЕБАНИЯМИ НОРМЫ И УЗУСА; пожалуй, это сфера наибольшей неустойчивости нормы в современном русском языке. В Bogusławski 1973: 29-31 подчеркивается тот факт, что среди польских конструкций с Num имеется очень много сочетаний, "недоопределенных" самим языком: неизвестно (носителям языка, а не ^тего исследователям), как надо говорить, т.е. что считать правильным, а что - нет. Богуславский приводит многочисленные польские примеры: *dwójce imienin* 'двое именин' или *dwie pary imienin*, букв. 'две пары именин'? Или ни то, ни другое? При правильном *On miał około dwustu złotych* 'Он имел около двухсот золотых' можно ли сказать *Został z około dwustu złotymi*, букв. 'Он остался с около двухсот золотыми'? Что правильнее: *Wszystkie pięć jabłek były kwaśne* 'Все пять яблок были кислые', *Wszystkie pięć jabłek było kwaśnych*, букв. 'Все пять яблок было кислых' или *Wszystkich pięć jabłek było kwaśnych*, букв. 'Всех пять яблок было кислых'? Или же все три варианта равно неудовлетворительны и подобной конструкции следует вообще избегать? Всё, сказанное А.Богуславским, применимо, *mutatis mutandis*, и к русскому языку. *Четверо женщин* - правильно или нет? Нормативные грамматики отвечают "нет" (но обычно оговари-

вают, что подобные нарушения - т.е. так называемые собирательные Num с S женского рода - встречаются довольно часто); однако многие носители русского языка, принадлежащие к среднему и младшему поколениям, воспринимают такие сочетания как абсолютно нормальные. Как следует говорить: *двое часов <бряк>* или *две пары часов <бряк>*? Можно ли сказать *За обедом съели двух поросят с хреном* - или надо говорить ...*съели два поросёнка с хреном*? Или оба варианта допустимы? А если так, то есть ли между ними смысловое различие? Правильна ли фраза *Ему нет и полгода* ("Известия", 12 апр.1962) - или следовало выразиться *Ему нет и полугода*? Можно ли сказать *Им раздали по тридцати семи деталей каждому* - или лучше было бы употребить здесь Num в словарной форме: *Им раздали по тридцать семь деталей каждому*? Число подобных вопросов можно без труда увеличить, но это вряд ли нужно: ясно и так, что в области русских числовых выражений неустойчивость и неопределенность языковой нормы особенно велики.

Однако в этой книге даже и не делается попытка исследовать и выяснить существующие в реальной русской речи нормы употребления ЧВ. Приводимые примеры и оценки их правильности/неправильности отражают только языковую интуицию самого автора, контролирурованную, впрочем, языковой интуицией первых читателей и критиков книги (см. список лиц на стр. 17). Поэтому среди используемого материала можно найти немало спорных случаев; я стремился, однако, к тому, чтобы не вполне надежные примеры (т.е. высказывания, вызывающие сильное расхождение информантов во мнениях) не использовались как основа для каких-либо общих утверждений. Кроме того, решительное несогласие отдельных информантов с автором и остальными информантами обычно оговаривается особо.

Напомним также (Введение, стр. 25), что разного рода теоретические рассуждения, в частности - обоснования принимаемых решений, вынесены в содержательные экскурсы (глава IV).

Однако более специальные комментарии не слишком большого объема, носящие характер фактических пояснений, даются непосредственно в тексте данной главы - при описании соответствующих явлений. Начало и конец таких комментариев отмечаются знаком ♦.

Наконец, мне остается указать, что иллюстративный материал я черпал, в первую очередь, из собственной речи и - в не-

сколько меньшей степени - из текстов: научных, газетных и художественных, включая поэзию. Однако текстовые примеры используются без специальных оговорок только в том случае, если они согласуются с моим языковым чутьем, т.е. не кажутся мне ни слишком архаичными, ни слишком просторечными и т.п. Таким образом, я беру на себя полную ответственность за все приводимые факты русского языка, стремясь тем самым обеспечить их максимальную однородность.

Итак, в главе III будет дано поверхностно-синтаксическое описание определенного класса русских числовых выражений - вида Num + S, но без учета тех их особенностей, которые характерны исключительно для письменного текста и без специального исследования существующих в речи закономерностей их употребления. Рассматриваемые ЧВ трактуются только в плане поверхностного синтаксиса и в рамках преимущественно описательного подхода (хотя затрагивается и несколько важных теоретических проблем).

§1

Перечень русских количественных синтагм

И по объему, и по содержанию данный параграф является центральным в книге. Он имеет следующие строение:

- А. Содержательная характеристика состава и группировки русских количественных синтагм.
 - Б. Краткое изложение используемого формализма: синтагма, условия к синтагме, операторы установления формального (= морфологического) соответствия между числительным и существительным, общие условия к нескольким синтагмам.
 - В. Собственно перечень количественных синтагм.
- А. Состав и группировка русских количественных синтагм

Синтагмы (о понятии синтагмы см. ниже, стр. 110 и сл.), описывающие русские ЧВ вида Num + S, называются количественными. Количественные синтагмы, установленные мною для русского языка, делятся, как уже было указано на стр. 104, на собственно количественные (Num \leftarrow количественное S) и аппроксимативно-количественную (S аппрокс-количеств \rightarrow Num); первые, в свою

очередь, могут классифицироваться на основе пяти следующих признаков:

1) Наличие обязательной линейной инверсии компонентов данного ЧВ с обычным разрывом между ними (инверсия и разрыв обуславливаются эмфатической тематизацией группы "исчисляемого", т.е. компонента С).

(1) $\overbrace{\text{Подобных памятников [С] вы сможете увидеть ровно}}$
 $\underbrace{\text{двадцать один [Q]}}$;

(2) $\overbrace{\text{Разных вариантов такого типа [С] мы имеем}}$
 $\underbrace{\text{либо три, либо пять [Q]}}$; и т.д.

2) Наличие (в качестве Q) однородной или кратной цепи имен чисел (вместо одного ИЧ);

(3) $\overbrace{\text{две, четыре или шесть задач}}$;

(4) ... $\overbrace{\text{дает в четыре-пять раз больше информации}}$.

В соответствии с нашим предложением, "исчисляемое" S подчиняет самое левое Num в такой цепи (т.е. вершину цепи) и определяет его морфологическую форму; в то же время форма самого S зависит только от самого правого Num, т.е. от последнего члена цепи:

(5) $\overleftarrow{\text{две}} \leftarrow \text{колич}$ задачи,

но $\overbrace{\text{две, четыре или шесть задач}}$,

а не $\overbrace{\text{*две, четыре или шесть задачи}}$.

См. об этом также выше, гл. II, стр. 75 и сл.

3) Наличие (в качестве Q) числительного ПОЛ¹ ('половина'); его соединение с "исчисляемым" S имеет ряд особенностей.

4) Наличие (в качестве Q) имени смешанного числа с вершиной-Num. В таких ЧВ форма "исчисляемого" S не зависит от Num, ибо S всегда стоит в родительном падеже единственного числа: например, *шестьсот и семь восьмидесяти метров*. (Напомним, что ЧВ с именами смешанных чисел, имеющими вершину S, и ЧВ с именами дробных чисел в этой книге не описываются: такие ЧВ должны покрываться комплетивными синтагмами. См. об этом § 3 главы I, стр. 55 - 57.)

5) Наличие (в качестве Q) числительного ОБА или лично-количественного ("собирабельного") числительного при личном субстантивном местоимении мн. числа; соответствующие сочетания (*оба они, они оба, нам троим, ...*) отличаются несколькими специфическими чертами.

Перечисленные пять признаков обуславливают введение шести (собственно) количественных синтагм; в результате получается следующая группировка и расположение синтагм в данном параграфе:

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ СИНТАГМЫ: стр. 128 - 146

I.

Количественные синтагмы без эмфатико-тематической инверсии

A.

Синтагмы без однородно-кратной цепи имен чисел

1. "Обычная" количественная синтагма (не с ПОЛ¹, не с именем смешанного числа и не с личным местоимением): стр. 128
2. Количественная синтагма с ПОЛ¹ (*полгорода*): стр. 131
3. Количественная синтагма с именем смешанного числа (*две и две третьих тонны*): стр. 133
4. Количественная синтагма с личным местоимением (*оба они, нам троим*): стр. 135

B.

5. Количественная синтагма с однородно-кратной цепью имен чисел (*четыре-пять шагов*): стр. 137

II.

6. Количественная синтагма с эмфатико-тематической инверсией (*Таких шагов [требуется] восемь*): стр. 143
7. АППРОКСИМАТИВНО-КОЛИЧЕСТВЕННАЯ СИНТАГМА (*тонн двести*): стр. 147

B. Синтагма; формализм, используемый для записи синтагм

Всякая синтагма, или поверхностно-синтаксическое правило, описывает некое множество G словосочетаний рассматриваемого языка; обычно это бинарные словосочетания, т.е. сочетания двух словоформ.

Для всякого словосочетания $G_1 \in G$, соответствующая синтагма соотносит между собой поверхностно-синтаксическую структуру со-

четания G_1 и глубинно-морфологическую реализацию этой структуры, или г л у б и н н о - м о р ф о л о г и ч е с к у ю с т р у к - т у р у (ГМС) сочетания G_1 .

Поскольку термин "глубинно-морфологическая структура" раньше мною не употреблялся, здесь будет уместно следующее разъяснение.

ГМС высказывания Е - это центральный компонент глубинно-морфологического представления (ГМП) высказывания Е (точно так же, как ПСС есть центральный компонент ПСП, а ГСС - центральный компонент ГСП). Помимо ГМС, в ГМП высказывания входит еще его просодическая структура.

ГМС(Е) представляет собой линейно упорядоченную цепочку ГМП всех словоформ высказывания Е. Например, фраза (1)

(1) Я люблю тебя!

(с сильным контрастным ударением и восклицательной интонацией) имеет ГМС (1')

(1') Я им ЛЮБИТЬ несов, изъяв, непрощ, 1 ед, невозвр Ты вин; вся прочая информация, передаваемая фразой (1), отображается на ГМ-уровне в просодической структуре (в составе ее ГМП).

Говоря формально, синтагма имеет вид

(2) $T \leftrightarrow S | C$

где:

\leftrightarrow означает "соответствует";

T (от англ. tree 'дерево') - фрагмент ПС-структуры;

S (от англ. string 'цепочка') - отвечающий этому фрагменту фрагмент ГМ-структуры;

C (от англ. condition 'условие') - разного рода условия (как на T , так и на S), при которых имеет место указанное соответствие.

Синтагма есть элементарный языковой знак ПС-уровня (определение языкового знака и элементарного языкового знака см. в Мельчук 1975 b : 22-27 и Mel'čuk 1982: 40-48). Означающее синтагмы - это поверхностно-синтаксическое отношение (ПСО), задаваемое в T ; ее означающее - S ; наконец, ее синтактика - C^1 . Синтагмы, имеющие тождественное означающее, т.е. характеризующие одно и то же ПСО, объединяются в одну с и н т а г м е м у (аналогично морфам, объединяемым в одну морфему). В настоящем параграфе описываются две русские синтагмы:

- количественная (стр. 128 - 146), представленная пятью синтагмами;

- аппроксимативно-количественная (стр. 147), представленная

всего одной синтагмой.

У читателя может создаться впечатление, что синтагма как языковой знак слишком уж радикально отличается от таких знаков, как морфа, словоформа или словосочетание: эти последние суть, в некотором смысле, "вещи", а синтагма - схема множества определенных вещей (словосочетаний). В данной связи хотелось бы заметить следующее.

С одной стороны, вполне естественно, что языковые знаки разных уровней обладают каждый своими специфическими свойствами. Языковой знак - это весьма общее и абстрактное понятие, так что "физического" сходства знаков разных уровней представления нечего и ожидать.

С другой стороны, не следует преувеличивать конкретность морф и словоформ. Так,

берег- = <'берег'; /b'er'eg/; S, II, муж, ...>

-это представляющая морфа лексемы БЕРЕГ; однако в реальном тексте выступают только ее алломорфы /b'ér'ik-/ *берег*, /b'ér'ig-/ *бэрега*, /b'ir'ig-/ *берега́*, /b'ir'éž-/ *побережье* или /br'éž-/ *прибрежный*, т.е. ни одна морфа не появляется в виде /b'er'eg-/; тем не менее, именно этот вид означающего, обеспечивающий наиболее экономное и стандартное получение всех прочих алломорф, разумно выбрать для записи и хранения представляющей морфы в словаре. Но даже и в тех случаях, когда представляющая морфа совпадает с одной из реально наблюдаемых алломорф, эта представляющая морфа - все равно не реальная "вещь", а абстрактная схема множества "вещей", т.е. действительных акустических комплексов, связанных с определенными смысловыми комплексами. Таким образом, В ПРИНЦИПЕ разница между синтагмами и морфами не так уж велика.

Рассмотрим теперь по отдельности все три компонента синтагмы.

Компонент \bar{I} - левая часть синтагмы - есть дерево зависимостей, обязательно содержащее фрагмент следующего вида:

$$(3) \quad \begin{array}{c} X(\Sigma_X)X'_X \\ \downarrow r \\ Y(\Sigma_Y)X'_Y \end{array}$$

где:

- 1) r - ПСО, описываемое данной синтагмой, т.е. ее означаемое;
- 2) узлы X и Y - главный и зависимый члены ПСО r , соответственно;
- 3) (Σ_X) и (Σ_Y) - синтактики лексем, стоящих в узлах X и Y (в рамках нашего изложения в синтактиках лексем указываются часть речи и синтаксические признаки);

4) χ'_X и χ'_Y - семантически нагруженные морфологические характеристики лексем, стоящих в узлах X и Y (например, число у S, вид, наклонение и время у V).

NB: Вместо χ'_X и χ'_Y мы будем также (там, где это удобно) писать $\chi'(X)$ и $\chi'(Y)$. Кроме того, в выражениях вида $X(\Sigma_X)$, $X\chi'_X$, $Y(\Sigma_Y)$ и $Y\chi'_Y$ будет опускаться нижний индекс, поскольку это не ведет к неоднозначности понимания. Таким образом, $X(\Sigma)$ означает "лексема X с синтактикой (Σ)", а (Σ_X) - "синтактика лексем X". Сказанное здесь имеет силу и в отношении морфологических характеристик χ''_X и χ''_Y , см. ниже, пункт 3 на стр. 114.

Если в Γ , помимо фрагмента (3), имеются еще какие-либо другие узлы и ветви, то все они образуют **д р е в е с н ы й** **к о н т е к с т** синтагмы, выступающий без изменения и в правой ее части (см. ниже, стр. 114).

Компонент S - правая часть синтагмы - есть цепочка из двух узлов, имеющая, в общем случае, вид

$$(4) \text{ а. } X_{(\Sigma_X)\chi''_X} (+(\dots+))Y_{(\Sigma_Y)\chi''_Y}$$

или

$$\text{ б. } Y_{(\Sigma_Y)\chi''_Y} (+(\dots+))X_{(\Sigma_X)\chi''_X}$$

Здесь:

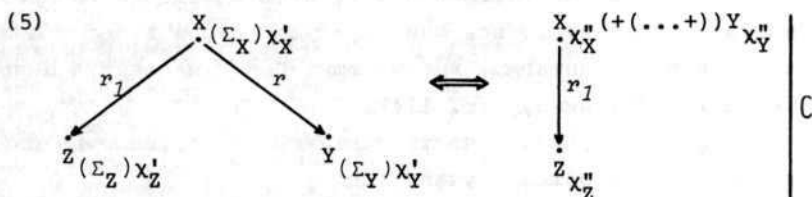
1) Знак + означает "следовать за" (в смысле линейной последовательности слева направо); знак ... показывает, что между X и Y возможен разрыв (т.е. в тексте между X-ом и Y-ом могут находиться вхождения других лексем); наконец, круглые скобки вокруг выражения +...+ указывают на его факультативность. Таким образом, $X + Y$ означает, что Y следует за X-ом непосредственно, $X + \dots + Y$ - что Y следует за X-ом не обязательно непосредственно, а $X(\dots)Y$ - что X и Y могут располагаться в любом порядке и (не) обязательно непосредственно друг за другом.

2) (Σ_X) и (Σ_Y) имеют тот же смысл, что и выше: это синтактики лексем, стоящих в узлах X и Y.

NB: В связи с тем, что синтактики одного и того же узла в левой и правой частях синтагмы идентичны, я буду ради большей компактности записи, т.е. в порядке сокращения, опускать синтактики в правой части - в глубинно-морфологической структуре соответствующего сочетания.

3) χ_X'' и χ_Y'' суть морфологические характеристики X-а и Y-а, включающие, во-первых, значения всех семантически нагруженных морфологических переменных (приписанные узлам X и Y уже в левой части синтагмы), а во-вторых, значения тех синтаксически обусловленных морфологических переменных, которыми маркируется ПСО r в данной синтагме. (Ср. χ_X' и χ_Y' в пункте 4 непосредственно выше, стр. 113) Ясно, что в общем случае $\chi_X' \subseteq \chi_X''$ и $\chi_Y' \subseteq \chi_Y''$.

С учетом того, что было только что сказано о древесном контексте и синтактике узлов, абстрактная схема синтагмы (2) получает более развернутый вид, например, (5):

Компонент C - условия - представляет собой разного рода дополнительные требования к узлам и соотношениям между ними - такие, что их неудобно или невозможно выразить непосредственно в T или S. Условия в C связаны между собой конъюнктивно, т.е. для применения синтагмы они должны выполняться обязательно все. Эти условия бывают шести основных типов; в компоненте C условия даются именно в том порядке, в каком мы перечислим их здесь:

(i) Дополнительные требования к отдельным узлам (к X-у, к Y-у или к узлам древесного контекста). Обычно это требования типа "X должен/не должен быть одной из нескольких перечисляемых лексем".

(ii) Отрицательные требования к древесному контексту отдельных узлов: "X не должен входить в такую-то конфигурацию в древесном контексте".

(iii) Достаточно сложные требования к соотношениям между свойствами разных узлов, задаваемые булевыми формулами.

(iv) Требования к линейному разрыву между X-ом и Y-ом: что именно может/не может находиться между ними.

(v) Требования к линейному упорядочению X-а или Y-а относительно тех или иных контекстных узлов.

(vi) Ситуации разрешенной непроективности, характерные

для данной конструкции (отмечаются знаком \triangle).

Кроме того, бывают и более специальные условия, оговариваемые непосредственно там, где они встречаются.

Прежде чем перейти к перечню синтагм, необходимо сделать еще два следующих замечания относительно компонента C .

Во-первых, некоторые условия являются ОБЩИМИ для нескольких (или всех) количественных синтагм. Такие условия не повторяются в каждой синтагме заново, а выписываются только один раз - перед теми синтагмами, к которым они относятся. Это делается как в целях повышения компактности записи, так и ради более эксплицитного и общего формулирования определенных закономерностей.

Во-вторых, все количественные синтагмы отличаются исключительно сложными и запутанными соотношениями между ФОРМАМИ обоих компонентов, т.е. между морфологическим оформлением Num и S. Здесь наблюдается, в частности, и взаимозависимость форм: форма Num зависит от формы S, а форма этого последнего зависит, в свою очередь, от формы Num (хотя, вообще говоря, подобная ситуация встречается в естественных языках достаточно редко).

В определении форм Num и S в конструкции Num + S участвует большое количество разных факторов (см. ниже, стр. 167); их взаимодействие описывается громоздкими булевыми формулами, в которых глубина вложения импликаций достигает пяти. При этом подобные формулы, весьма многочисленные, должны были бы повторяться чуть ли не полностью для каждого типа конструкций Num + S, т.е. для каждой количественной синтагмы. Поэтому правила морфологического оформления Num и S задаются ОТДЕЛЬНО ОТ СИНТАГМ - в виде двух уже упоминавшихся (стр. 87) операторов соответствия:

$COOTB_{Num(S)}$ определяет форму Num в зависимости от "исчисляемого" S, а $COOTB_S(Num)$ определяет форму S в зависимости от Num (с учетом, как было указано на стр. 86, падежа всей $\Delta NUMP$ в целом).

Так как эти операторы весьма сложны и нуждаются в целом ряде содержательных комментариев, им посвящен отдельный параграф (§ 2).

В заключение необходимо еще отметить следующую условность, допускаемую мною в описании синтагм. Иногда одной фиксированной левой части (синтагмы) отвечают несколько разных правых частей, обычно - и с разными условиями. В соответствии с опре-

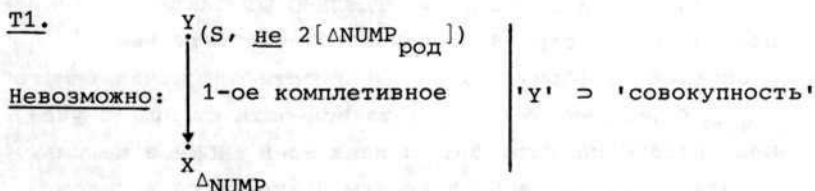
делением синтагмы на стр. 110 в таком случае следует говорить о нескольких разных синтагмах, точнее - о группе синтагм с одинаковой левой частью. Однако в целях упрощения изложения я позволил себе пренебречь строгостью и называть подобные группы просто синтагмами (ср. ниже, например, стр. 131 и 135).

В. Собственно перечень синтагм

Требования к правильным русским ПСС, содержащим ЧВ

На употребление всех количественных синтагм (включая сюда и аппроксимативно-количественную) самим русским языком наложены известные ограничения: выше (стр. 69 - 71) уже отмечалось, что в некоторых синтаксических ролях, характерных для S, ЧВ невозможны. Эти ограничения естественно формулировать в виде требований к правильным русским поверхностно-синтаксическим структурам. Я выпишу здесь в качестве примера четыре подобных требования (T1 - T4), не претендуя ни в малейшей степени на полноту этого списка: существуют, вне всякого сомнения, и другие требования такого же типа. В то же время T1 - T4 не могут претендовать и на окончательность, поскольку они формулируются здесь в очень приблизительном виде. Короче говоря, выписывая T1 - T4, я преследую сугубо иллюстративные цели.

T1. ЧВ невозможно в качестве беспредложного дополнения к S, обозначающему совокупность, если в модели управления этого S нет указания "2[Δ NUMP_{род}]" (т.е. нет эксплицитного разрешения управлять беспредложной Δ NUMP в качестве дополнения):

◆ В узле Y стоит лексема-существительное, в означаемое которой входит компонент 'совокупность', а в синтактике которой отсутствует указание о способности управлять в качестве основного дополнения группой Δ NUMP в родительном падеже без предлога.

Данное требование запрещает такие сочетания, как *стадо пятидесяти пяти коров, *отряд трехсот бойцов, *комитет сорока

членов, *штабель двух тонн дров, *множество $(n + 1)^{2+n}$ элементов, и т.п. Благодаря ему смысл 'стадо, включающее ровно 55 коров' получает только правильные выражения: *стадо, насчитывающее 55 коров* или *стадо (, состоящее) из 55 коров*. См. выше, стр. 70, пункт а).

В то же время T1 не исключает выражений типа *совокупность (этих) шести методов* или *сумма десяти слагаемых*, поскольку лексемы СОВОКУПНОСТЬ и СУММА имеют в своих моделях управления указание "2 [Δ NUMP_{род}]" .

Говоря содержательно, T1 отражает тот факт, что способность управлять беспредложным ЧВ в родительном падеже является у обозначений совокупностей индивидуальным лексическим свойством, которое должно отображаться в словарных статьях соответствующих лексем. Если же информация о возможности/невозможности присоединения беспредложной Δ NUMP_{род} имеется в моделях управления, то в достаточно полном описании русского языка без T1 можно обойтись, ибо это требование является тривиальным частным случаем следующего общего правила:

|| В правильной ПСС всякая i-ая комплетивная ветвь должна соответствовать указанию в модели управления лексемы, стоящей в узле-хозяйяние.

Я, однако, счел целесообразным привести T1 здесь - во-первых, для того, чтобы на конкретном примере продемонстрировать суть подобных ограничений, а во-вторых (и это главное), потому что максимальная эксплицитность представляется мне желательной пусть даже за счет дублирования некоторой информации; см. ниже, замечание на стр. 119, об общем статусе требований к правильным ПСС. ♦

T2 - T3. ЧВ невозможно в качестве обстоятельства времени - за исключением точных указаний момента времени (*в шесть часов, в десять минут восьмого*) и "момента возраста" (*шести лет от роду, в 18 лет*); ср. выше, стр. 70.

T2.

Невозможно: $\begin{array}{c} Y \\ \downarrow \\ X \end{array}$ Δ NUMP
 темпорально-обстоятельное

X \neq ГОД II [ГОД II - единица измерения возраста: *Ему год; Ей двадцать лет;...*]

- (1) *работал тремя часами [но: работал (долгими) часами];
 (2) *работал семью вечерами [но: работал (зимними) вечерами]

vs.

- (3) работал семь вечеров (подряд) [где семь вечеров зависит от работал посредством дуративно-обстоятельственного ПСО];

- (4) *работал пятнадцатью годами [здесь ГОД I - единица измерения времени]

vs.

- (5) работал (там) пятнадцати лет отроду [здесь лет - форма лексемы ГОД II].

◆ Я несколько не настаиваю на упомянутых здесь темпорально-обстоятельственном, дуративно-обстоятельственном (пример (3)) и порционно-обстоятельственном (см. ниже, T4) ПСО. Вопрос об обстоятельственных (или обстоятельственном?) ПСО очень сложен и должен исследоваться специально - в другое время и в другом месте. Здесь же я позволю себе ограничиться простым намеком. ◆

T3.

если Z = VII [e + S_{вин}],
 то X ≠ ЧАС II, МИНУТА II.

- (1) *работал по трем вечерам [но: В эти три дня он работал по вечерам];
 (2) *работал в шесть вторников [но: Он работал в каждый из шести вторников];
 (3) *работал на двух следующих неделях [смысл (3) можно выразить, например, так: работал и на ближайшей, и на следующей за ней неделе].

T4. ЧВ невозможно в качестве обстоятельства порции.

T4.

- (1) *Шампанское тремя стаканами тянул [но: Шампанское стаканами тянул [А.С.Грибоедов]];
- (2) *ел икру пятью ложками [но: ел икру ложками]. (Ср. стр. 70, пункт с.)

Замечание. Набор требований к правильным ПСС является одним из существенных компонентов модели языка (типа "Смысл ↔ Текст") - наряду, разумеется, с аналогичными наборами требований к правильным ГСС, к правильным ГМС и вообще к любым компонентам представлений высказываний на всех уровнях. Всякое представление уровня n есть текст на некотором искусственном языке (глубинно-морфологическом, поверхностно-синтаксическом и т.п.: см. о лингвистических языках класса I в Мельчук 1975b: 5-6 и 1978); и этот текст должен быть правильным с точки зрения данного уровня. Совокупность правильных представлений уровня n может задаваться порождающей грамматикой (например, типа грамматик Хомского) или системой требований-фильтров (в духе окрестностных грамматик Борщева - Хомякова: Борщев - Хомяков 1973). Требования T1 - T4 соответствуют скорее второму способу.

Правильность представлений уровня n (и одновременно уровня $n + 1$) может также автоматически контролироваться самим преобладающим компонентом модели, т.е. механизмом, задающим соответствие между представлениями уровней n и $n + 1$: ведь этот механизм должен ставить в соответствие правильным представлениям некоторого уровня тоже правильные представления смежного уровня и отвергать неправильные представления. Тем не менее, я полагаю, что для большей эксплицитности, ясности и общности утверждений необходимо описывать правильные объекты каждого уровня независимо от описания соответствий между уровнями. В общем случае ряд свойств правильных ПСС отражается и учитывается в синтагмах, задающих соответствие между ПСС и ГМС фраз; это, однако, делается непоследовательно, не всегда в достаточно явной форме и, так сказать, неконцентрированно. Именно поэтому и предполагается отдельный компонент модели "Смысл ↔ Текст", описывающий правильные русские ПСС сами по себе.

Более подробное обсуждение теоретического статуса требований к правильным ПСС здесь вряд ли уместно. Ср., однако, перечень требований к правильным ПСС русских имен чисел в § 3 данной главы, стр. 214 и сл.

Теперь, в соответствии с тем, что было сказано об общих условиях к синтагмам на стр. 115, будет выписано условие, являющееся общим для ВСЕХ количественных синтагм. (Условия, общие лишь для тех или иных групп синтагм, помещаются перед началом соответствующих групп.)

Общее условие к синтагмам 1-7

Если [(Y = ОДИН I и не Z $\xleftarrow{\text{нум-вспом}}$ Y), или Y = 1, или Y = ПОЛ¹, или Y = (Ф, цифр, дроб)],
и не Y \xrightarrow{r} W | r = однородное/кратное,
то n'(X) = ед;
если [(Y ≠ ОДИН I или Z $\xleftarrow{\text{нум-вспом}}$ Y), и Y ≠ 1, ПОЛ¹, (Ф, цифр, дроб)]
или Y \xrightarrow{r} W | r = однородное/кратное,
то n'(X) = мн.

◆ Символ n' обозначает здесь то грамматическое число, которое имеет существительное в ПСС (в отличие от n" - того числа, которое существительное имеет в ГМС; как мы увидим ниже, при наличии Num число n' и число n" могут и не совпадать).

Выписанное условие гласит: S имеет в ПСС единственное число, если от него зависит одиночное ОДИН I (т.е., например, не двадцать один), цифра 1, Num ПОЛ¹ или записанная цифрами дробь $\frac{1}{7}$ или 0,3) и если при этом отсутствует однородно-кратная цепь имен чисел (т.е. не один или два километра); в противном случае S имеет в ПСС множественное число. ◆

Суть этого условия заключается в следующем. Грамматическое число русского существительного считается, вообще говоря, семантически нагруженной категорией; в соответствии с этим в ПСС у всех существительных должно быть показано их число (в отличие, например, от падежа, который считается синтаксически обусловленной категорией и как таковой в подавляющем большинстве случаев в ПСС не представляется). Однако хорошо известно, что во многих контекстах грамматическое число у русского S не имеет семантической нагрузки, так как обуславливается контекстом - см., в частности, Падучева 1974: 211 и сл. В особенности же это верно применительно к S в сочетании Num + S: здесь число S всегда полностью зависит от Num. В самом деле, ясно, что в 121 большой единственное число лексемы БОЛЬНОЙ не передает значение

'один', и т.п. Однако различать на уровне семантики и на уровне синтаксиса разные употребления грамматического числа, считая одни семантическими, а другие синтаксическими, очень неэкономно. Стремясь сохранить единообразие представления грамматических категорий, я поступаю так: в русских ГСС и ПСС, в частности - в ГСС и ПСС русских числовых выражений грамматическое число существительного считается семантической категорией всегда, а в ГМС число существительного в ряде случаев может признаваться и синтаксической категорией. Таким образом, для

(1) 121 больной

мы имеем ГМС (1'):

(1') СТО_{им} ДВАДЦАТЬ_{им} ОДИН_{муж, ед, им} БОЛЬНОЙ_{ед, им}

и ПСС (1''):

(1'') СТО ← ^{нум-вспом} ДВАДЦАТЬ ← ^{нум-вспом} ОДИН ←
 ← ^{колич} БОЛЬНОЙ_{мн};

аналогично, для

(2) три ряда

ГМС и ПСС выглядят, соответственно, так:

(2') ТРИ_{им} РЯД_{ед, счетн};

(2'') ТРИ ← ^{колич} РЯД_{мн}.

Особое внимание необходимо обратить в данной связи на *plurality tantum*, т.е. на S с синтаксическим признаком "мн!": в ГМС они всегда имеют множественное число (которое у них появляется автоматически - в результате действия особого правила, приписывающего п" = мн всем S_(мн!)), а в ПСС их число бывает и единственным, и множественным - в зависимости от смысла. Так,

(3) Он сел в сани

имеет ГМС

(3') ОН_{ед, им} СЕСТЬ_{сов, изъяв, прош, невозвр, муж} В II САНИ_{мн, вин}

и ПСС

(3'') ОН ← ^{предик} СЕСТЬ ^{1 компл} → В II ^{предлож} САНИ_{ед};

в то же время фраза

(4) Проехали 21 сани

получает следующие ГМС и ПСС:

(4') ПРОЕХАТЬ $\xrightarrow{\text{сов, изъяв, прош, невозвр, мн}}$ 21 $\xrightarrow{\text{им}}$ САНИ $\xrightarrow{\text{мн, им}}$;

(4'') ПРОЕХАТЬ $\xrightarrow{\text{предик}} \xrightarrow{\text{сов, изъяв, прош}}$ САНИ $\xrightarrow{\text{мн}} \xrightarrow{\text{колич}}$ 21.

Нужное значение переменной \underline{n} ", т.е. "глубинно-морфологического" числа существительных, задается, в частности, оператором $\text{COOTB}_{S(\text{Num})}$; нужное значение переменной \underline{n}' , т.е. "поверхностно-(и глубинно-) синтаксического" числа существительных, обеспечивается только что выписанным общим условием к синтагмам 1-7.

ФОРМА существительного, т.е. поверхностно-морфологическая реализация S , зависит в русском языке только от "морфологического" числа \underline{n} ", характеризующего это S .

СМЫСЛ существительного, т.е. количественная характеристика S в СемП-е высказывания, зависит только от "синтаксического" числа \underline{n}' , приписанного этому S в (поверхностно-) синтаксической структуре.

Что же касается СИНТАКСИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ S , то оно, как явление промежуточное между формой и смыслом, зависит иногда от \underline{n}' , иногда от \underline{n} ". Это означает, в частности, что зависимое A (или причастие) согласуется с S в одних случаях с учетом \underline{n}' , в других - с учетом \underline{n} ". Укажем эти случаи:

(i) При согласовании с *pluralia tantum* учитывается только \underline{n} " (т.е. ГМ-число): *одни большие [мн] сани, в одних больших [мн] санях - трое больших [мн] саней, в трех больших [мн] санях* и т.д. Этот факт, по-видимому, подкрепляет мнение А.А.Зализняка (Зализняк 1967: 75-78) о том, что в русском языке *pluralia tantum* образуют особый согласовательный класс (а не просто являются такими S , которые всегда стоят во множ. числе).

(ii) При согласовании с S , имеющим при себе "малое" Num (и потому стоящим в единственном числе: \underline{n} " = ед), учитывается только \underline{n}' (ПС-число): *три больших [мн] ящика [\underline{n} " = ед], но не *три большого ящика; четыре рубля [\underline{n} " = ед], впервые заработанные <заработанный> [мн] им, но не *четыре рубля, впервые заработанного им.*

(iii) При согласовании с S , имеющим при себе Num ОДИН I (и потому стоящим в единственном ГМ-числе: \underline{n} " = ед), происхо-

дит одно из двух:

- препозитивное прилагательное или причастие, зависящее от S, учитывает только \underline{n} , т.е. *двадцать одно синтаксическое дерево* [$\underline{n}' = \text{мн}$, $\underline{n}'' = \text{ед}$], но не **двадцать одно синтаксические дерево*;

- постпозитивное прилагательное или причастие, зависящее от S, может учитывать и \underline{n}' , и \underline{n}'' , т.е. возможно и *двадцать одно дерево, полученное в эксперименте* и *двадцать одно дерево, полученные в эксперименте*. (Что касается сочетаний типа *полученное/полученные в эксперименте двадцать одно дерево*, то в них, как уже говорилось - стр. 95 и сл. - адъективное определение считается зависящим от Num, а не от S и согласуется именно с Num; поэтому здесь подобные сочетания рассматриваться не должны.)

Из пунктов (i)-(iii) непосредственно видно, что различие "синтаксического" и "морфологического" числа у русских S неминуемо сказывается на правилах согласования A с S. Необходимо специальное исследование, которое выяснило бы, влияет ли подобное различие на сложность правил согласования и если да, то в каком направлении. Результаты этого исследования могли бы дать доводы за или против различия у русского S чисел двух уровней.

Замечание. Вопрос о расщеплении той или иной грамматической категории на субкатегории разных уровней является гораздо более общим, чем это может показаться на первый взгляд. Так, в русском языке наклонение имеет на синтаксическом уровне 3 граммы: изъявительное, сослагательное и повелительное, а на глубинно-морфологическом - только 2: изъявительное и повелительное (сослагательное наклонение выражается сочетанием формы прошедшего времени изъявительного наклонения и частицы *би*: *читал би* и т.п.). Аналогично обстоит дело с русским глагольным временем, которое также имеет 3 граммы на синтаксическом уровне: настоящее, прошедшее и будущее, но только 2 на глубинно-морфологическом: непрошедшее и прошедшее (поскольку особых морфологических средств выражения будущего времени в русском языке не существует: оно выражается либо комбинацией настоящего времени с совершенным видом: *режу vs. разрежу, сидишь vs. посидишь, едет vs. уедет* и т.п., либо аналитически: *буд- + V_{инф}*). В английском языке целый ряд категорий существует только на синтаксическом уровне - все категории, маркированные граммы которых выражаются аналитическими формами, т.е. словосочетаниями: перфектность (*has written*), вид (*is writing*), залог (*is written*), следование (*will/would write*), см. Перцов 1976 и 1977. Проблема связи между грамматической категорией и уровнями представления высказываний обязательно должна быть учтена при разработке теории грамматических категорий. Ср., в этой связи, Jacobson 1971.

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ СИНТАГМЫ

I

Количественные синтагмы без эмфатико-тематической инверсии

(1 - 5)

|| Общие условия к синтагмам 1-5

Обозначения: $X = C$, т.е. X - это имя исчисляемой сущности; $Y = Q$, т.е. Y - это имя числа.Условие 1: не $X < 'L$ и не $Y < 'Ч$.

◆ Синтагмами 1-5 описываются такие ЧВ, в которых группа исчисляемого (C) не входит в состав эмфатически подчеркнутой, или выделенной, темы высказывания ($'L$), а само имя числа (Q) - в состав его эмфатически подчеркнутой ремы ($'Ч$).

Сравним фразы (1) и (2):

(1) При этом мы получим ровно три $[Y]$ приемлемых анализа $[X]$
vs.

(2) Приемлемых анализов $[X]$ при этом мы получим ровно три $[Y]$

Принимается, что (1) и (2) имеют одну и ту же ПСС, различаясь только коммуникативной структурой (= "актуальным членением": в (2) - в отличие от (1) - компонент приемлемые анализы, представляющий собой исчисляемое, является эмфатически подчеркнутой темой (а компонент ровно три - эмфатически подчеркнутой ремой).

Совершенно аналогично предлагается трактовать различия в парах (3) - (4) и (5) - (6):

(3) При этом у нас получится по три $[Y]$ приемлемых анализа $[X]$
на фразу
vs.

(4) Приемлемых анализов $[X]$ при этом у нас получится по три $[Y]$ на фразу;

(5) При этом у нас получится не свыше трёх $[Y]$ приемлемых анализов $[X]$
vs.

(6) Приемлемых анализов $[X]$ при этом у нас получится не свыше трёх $[Y]$.

Если согласиться с предложенным ПС-представлением русских числовых выражений, то допущение о тождестве ПСС в (1) и (2), (3) и (4), (5) и (6) приводит к результатам, которые - во вся-

ком случае, на первый взгляд - могут показаться неестественными. В самом деле, поскольку мы имеем

(7) $\begin{array}{c} \text{предлож} \\ \text{колич} \\ \text{по три} \leftarrow \text{анализа} \end{array}$

и

(8) $\begin{array}{c} \text{сравн} \\ \text{свыше трёх} \leftarrow \text{анализов} \end{array}$

(см. выше, стр. 78 - 79), то получается, что в (4) предлог *по* подчиняет линейно предшествующее ему *S анализа* (а это последнее подчиняет следующее за предлогом *Num три*, так что возникает непроективность); в (6) точно так же ведет себя показатель приближительности - сравнительное наречие *свыше*.

Однако предлог, управляющий налево, т.е. подчиняющий предшествующее ему *S*, встречается в русском языке и в других случаях:

- во-первых, в аппроксимативных конструкциях типа *день* \leftarrow предлож \leftarrow *на шестой, километрах* \leftarrow предлож *в двух* (см. стр. 158), где возможен в такой же позиции и показатель приближительности - Adv_{сравн} (*дней не меньше пяти*);
- во-вторых, некоторые предлоги (*ради, спустя, вопреки, ...*) часто подчиняют себе именно предшествующее *S*: *не користи ради, целый век спустя, рассудку вопреки*.

Если же, кроме того, учесть, что *S*, зависящее от количественного наречия в сравнительной степени посредством 1-го комплетивного ПСО, также может предшествовать своему хозяину (*Коля съел ути* \leftarrow 1 компл *больше, чем Наташа, Лёня и Матфей вместе*; см. ниже, стр. 315), то ПСС (4) и (6) не будут выглядеть так уж необычно.

К тому же я просто не вижу никакого другого решения, т.е. я не могу предложить для фраз (2), (4) и (6) какие-либо иные, с интуитивной точки зрения более удовлетворительные ПСС. См. об этом выше, стр. 109; см. также Иомдин - Мельчук - Перцов 1975: 34, комментарий к синтагме 5, где идет речь о фразах типа (2), (4) и (6).

Заметим, что трактовка фраз типа (2), (4) и (6) как имеющих те же ПСС, что и соответствующие фразы без эмфатико-тематической инверсии и разрыва числового выражения, т.е. (1), (3) и (5), выдвигалась еще А.А.Потебней, А.А.Шахматовым и А.М.Пешковским; см. об этом в Попов 1974b, где также приводятся ар-

гументы в пользу данной точки зрения и собрано большое количество примеров фраз с "разъединенными количественно-именными сочетаниями" в роли подлежащих и прямых дополнений. ♦

Условие 2: если Z (A) ← опред X, то $Y + \dots + Z$.

♦ Если при "исчисляемом" S есть адъективное определение, то это последнее обязательно следует за Q, т.е. за именем числа; иначе говоря, в русских количественных выражениях всякое ИЧ обязательно предшествует ВСЕМ адъективным определениям существительного (ср. правило (B) на стр. 96):

(1) сто двадцать пять [Y] кадровых [Z] военнослужащих [X],

но не

(2) *кадровых сто двадцать пять военнослужащих;

(3) ... доставили 608 [Y] откормленных [Z] свиней [X],

но не

(4) *... доставили откормленных 608 свиней;

(5) 246,3 [Y] морской [Z] мили [X],

но не

(6) *морской 246,3 мили; и т.п.

В выражениях типа

(7) все пятнадцать представителей, мои сто колец, последние пять суток, полученные двадцать одно решение

мы имеем прилагательное (или причастие), зависящее от числительного, а не от существительного:

(7') все ← опред пятнадцать представителей,
мои ← опред сто колец [ср. сто моих ← опред колец]

'сто из моих колец', т.е. у меня имеется больше ста колец],

последние ← опред пять суток,

полученные двадцать ← опред одно решение;

см. об этом выше, стр. 95 и сл.

Пользуясь случаем, отмечу, что при ΔNUMP в именительном или в винительном (при S(неодуш)) падеже адъективные определения к S и к Num обладают целым рядом особенностей согласования (Gallis 1947: 68-73; Супрун 1957, 1959а: 79-80 и 1964: 81-88), а именно - определения эти могут быть либо в именительном или винительном, либо в родительном падеже:

(8) Две его мощные руки обхватывают её за талию [А.И.Куприн, "Allez!"]

vs.

- (9) И вдруг две мощных руки обхватывают её за талию;
 (10) На это понадобится какая-нибудь тысяча рублей

vs.

- (11) На это понадобится каких-нибудь тысяча рублей;
 (12) Возле горы Качканар за предыдущие три пятилетки построен горнообогатительный комбинат

vs.

- (13) Предыдущие три пятилетки ушли на благоустройство южных окраин;
 (14) Перед ним стояли двести девушек, молодые, решительные, готовые на всё

vs.

- (15) Перед ним стояли двести девушек, молодых, решительных, готовых на всё,

но не

- (15') *... стоял миллион девушек, молодые и решительные [надо: молодых и решительных; это объясняется тем, что миллион не Num, а S]. Отметим, однако, что при сказуемом во мн. числе постпозитивное прилагательное в именительном падеже становится возможным:

- (15") Перед ним стояли миллион девушек, молодых/-ие, решительных/-ие, готовых/-ие на всё.

В одних случаях мы имеем здесь факультативное варьирование, в других - выбор нужного варианта диктуется большим числом самых разнообразных факторов:

- Определенность/неопределенность исчисляемого S (определенность, как в (8), связывается скорее с именительным и винительным падежами, неопределенность - с родительным; еще А.Галлис отмечал, что "тип эти три красивые коня встречается в текстах гораздо чаще, чем тип эти три красивых коня", см. Gallis 1947: 71).

- Референтность/нереферентность исчисляемого S (референтность, как и определенность, тоже связывается в большей степени с именительным и винительным падежами, нереферентность - с родительным).

- Грамматический род S (при женском роде как будто преобладают именительный и винительный падежи, при мужском и среднем роде - родительный).

- Семантика S (при обозначениях людей предпочитается именительный падеж).

- Тип Num (при "больших" Num прилагательное, стоящее между Num и S, имеет всегда родительный падеж; при ДВА предпочитается именительный или винительный падеж, при ТРИ именительный/винительный и родительный употребляются одинаково часто, при ЧЕТЫРЕ преобладает родительный, см. Gallis 1947: 69-70 и Супрун 1957: 99; при ПОЛ¹ возможен только родительный; и т.п.).

- Характер прилагательного (прилагательные на -ин, -ов имеют почти исключительно родительный падеж: три папиных книги, два отцовых шарфа; ср. еще добрых <*добрые> два часа или 0, где мои <*моих> семнадцать лет?)

- Позиция прилагательного, зависящего от S (в позиции между Num и S родительный падеж A более обязателен, чем в позиции после S).

- Наличие других определений (в особенности - указательных прилагательных этот или тот, которые способствуют именительному/винительному падежу, поскольку создают 'определенность', см. выше).

- Зависимость прилагательного от S или от Num.

- Характер согласования со сказуемым (если при подлежащем - ΔNUM сказуемое стоит во мнж. числе, то определения в составе ΔNUM будут, ceteris paribus, скорее в именит. падеже); и т.д.

См., в частности, Bogusławski 1966: 237-240, где дается обзор намеченных разными авторами факторов, влияющих на форму прилагательного-определения при S, входящем в Δ NUMP.

Однако сколько-нибудь серьезно рассматривать здесь указанную проблему неуместно: она выходит за рамки нашей основной задачи, т.е. ПС-описания числовых выражений. Все соответствующие факты должны быть учтены в определительных синтагмах и операторе $COOTB_A(S)$ (см. Иомдин 1979b). Я ограничусь тем, что просто обратю внимание читателей на любопытный случай семантической нагруженности такой чисто согласовательной категории, как падеж русского прилагательного: ср. упомянутую выше связь противопоставления "имен.-винит. падеж vs. род. падеж прилагательного" с противопоставлением "определенность vs. неопределенность определяемого S", а также "референтность vs. нереферентность определяемого S".

Вопрос о противопоставлении между именительным/винительным и родительным падежами прилагательного, зависящего от S, при котором имеется Num *два, три* или *четыре*, подробно обсуждается в Šerch 1952, гл. II, стр. 123 и сл. - на материале различных славянских языков (включая и русский), но с особым вниманием к украинскому. ♦

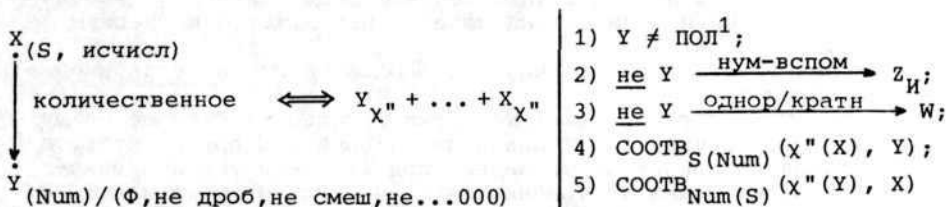
А. Количественные синтагмы

без однородной или кратной цепи имен чисел

1.

"Обычная" количественная синтагма

(не с ПОЛ¹, не с именем смешанного числа и не с личным местоимением)

♦ Условие 1 исключает из рассмотрения ЧВ с ПОЛ¹ (*полтаблица*, *пол-абажура*): такие выражения описываются синтагмой 2, стр. 131.

Условие 2 исключает ЧВ с именами смешанных чисел (*восемь [Y]* и *[Z] две третьих тонны [X]*) - для них предусмотрена синтагма 3, стр. 133.

Условие 3 отвергает ЧВ не с единственным (быть может, составным) именем числа, а с целой цепью ИЧ, последовательно подчиненных одно другому (посредством однородного или кратного ПСО), типа *четыре или шесть врачей; 8, 12 и 16 очков соответственно*;

по 50-60 коров каждые 3-5 часов. Подобные ЧВ описываются синтагмой 5, стр. 137.

Условие 4 - оператор $COOTB_{S(Num)}$ - обеспечивает соответствие формы существительного X (по падежу и числу) числительному или цифровому обозначению числа Y; подробнее об операторах $COOTB_{S(Num)}$ и $COOTB_{Num(S)}$ см. ниже стр. 162 и сл.

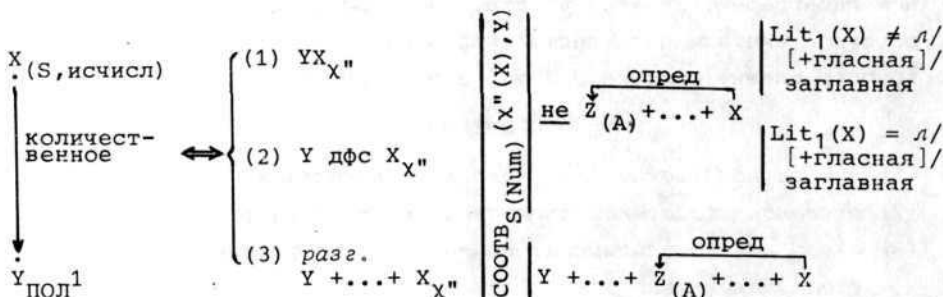
Условие 5 - оператор $COOTB_{Num(S)}$ - обеспечивает для числительного (или для цифрового обозначения²) соответствие его формы (по падежу, а где надо - по роду и по числу) существительному. ♦

ПРИМЕРЫ:

- (1) Она скашивала в день по шесть $[Y_1]$ гектаров $[X_1]$ при норме четыре $[Y_2]$ гектара $[X_2]$.
- (2) В пустынных степях аравийской земли Три $[Y]$ гордые пальмы $[X]$ высоко росли [М.Ю.Лермонтов].
- (3) Ты просто парень из тайги - Один $[Y_1]$ винчестер $[X_1]$, две $[Y_2]$ ноги $[X_2]$ [С.Городницкий].
- (4) Температура верхнего слоя равна минус двадцати $[Y]$ градусам $[X]$.
- (5) И она быстро погладила по головам четырёх $[Y]$ стоявших вокруг неё детей $[X]$.
- (6) Иметь таких двух $[Y]$ отцов $[X]$ было бы для тебя нелишне.
- (7) В колхозе "Стальная колонна" 17 $[Y_1]$ женщин $[X_1]$ за 15 $[Y_2]$ дней $[X_2]$ убрали хлеб более чем на 140 $[Y_3]$ гектарах $[X_3]$.
- (8) Заварить 2 $[Y_1]$ стаканами $[X_1]$ кипятка и принимать за 1 $[Y_2]$ час $[X_2]$ до еды по 2 $[Y_3]$ столовых ложки $[X_3]$ 4 $[Y_4]$ раза $[X_4]$ в день.
- (9) Гравитационное поле придаёт телу достаточное ускорение меньше чем за 10 $[Y]$ секунд $[X]$.
- (10) На нее давило более пяти $[Y]$ тысяч $[X]$ тонн воздуха.
- (11) В первые 9 месяцев войны на Алтай поступило оборудование 24 заводов; всего же к нам было переведено за годы войны более 100 мощных предприятий.
- (12) Машине пришлось работать 5,5 часов [здесь 5,5 должно читаться как пять с половиной [при чтении пять и пять (десятих) была бы необходима форма часа, так что (12) имело бы вид ... работать 5,5 часа].

- (13) - А какой срок планировать? - От одних до двух суток [ПСС
здесь такова: от $\xrightarrow{\text{предлож}}$ $\xleftarrow{\text{предлож}}$ одних до двух $\xleftarrow{\text{колич}}$ суток;
см. Иомдин-Мельчук-Перцов 1975: 40].
- (14) И вдруг он очутился на глубине полутора метров.
- (15) На сто девять рублей наказали буфет [М.А.Булгаков].
- (16) Двести $\xleftarrow{\text{НУМ-ВСПОМ}}$ сорок $\xleftarrow{\text{НУМ-ВСПОМ}}$ девять [Y_1]
тысяч [X_1] рублей в пяти [Y_2] сберкассах [X_2] [М.А.Булгаков].
- (17) И он приказал с королевского трона: "Подать мне немедленно
три $\xleftarrow{\text{колич}}$ миллиона $\xleftarrow{\text{колич}}$ шесть $\xleftarrow{\text{колич}}$ тысяч $\xleftarrow{\text{колич}}$ пять-
 $\xleftarrow{\text{НУМ-ВСПОМ}}$ сот $\xleftarrow{\text{НУМ-ВСПОМ}}$ тридцать $\xleftarrow{\text{НУМ-ВСПОМ}}$ семь черепаш!"
И ахи, и охи, и охи, и ах!! [Д-р Сюз, "Ертель-Тертель",
в пер. Е.Гай и Ф.Льва].
- (18) В экспедиции было пять [Y_1] человек [X_1] - два [Y_2] пилота [X_2] и трое [Y_3] учёных [X_3] [А.и Б.Стругацкие].
- (19) Девятиклассников пригласили на заседание комитета и восьмерым [Y] комсомольцам [X] объявили вигговор.
- (20) И тогда мушкетёры бросились на шестерых [Y] швейцарцев [X].
- В примерах (18)-(20) появляются лично-количественные числительные. Закономерности их употребления представляют собой особую проблему, которая освещается в Экскурсе 11, стр. 381.
- (21) Как мальчишки, мечтая о победах, Умчались в неизвестные края Два ангела на двух велосипедах - Любовь моя и молодость моя [М.Светлов, "Бессмертие"].
- (22) Четырём лошадям На фронтоне Большого театра - Он задаст им овса, Он им скажет весёлое "тпру"... [М.Светлов, "Артист"].
- (23) Разрази меня гром на четыреста восемь частей! [Саша Черный].

2.

Количественная синтагма с числительным ПОЛ¹

◆ Запись YX означает слитное написание Y -а с X -ом, а " Y дфс X " - написание Y -а и X -а через дефис; таким образом, подправила 2(1) и 2(2) ориентированы на письменный текст. Отметим, что принятое написание ПОЛ¹ слитно или через дефис является неоправданной причудой русского правописания: будучи отдельной лексемой (см. Экскурс 4, стр. 280), ПОЛ¹ должно было бы писаться отдельно во всех сочетаниях.

Общее условие к подправилам 2(1) и 2(2) предусматривает отсутствие при "исчисляемом" S препозитивного согласованного определения, которое должно было бы (в соответствии с общим условием 2 ко всем количественным синтагмам, см. выше, стр. 126) стоять между Y -ом и X -ом; условие к подправилу 2(3), напротив, требует наличия такого определения, отделяющего Y от X -а (конструкция, характерная для разговорной речи): *съел полгруши vs. съел пол большой груши.*

Условие к подправилу 2(1) обеспечивает слитное написание *пол* и S , если первая буква этого S (т.е. Lit_1) - не л , не гласная и не заглавная; в противном случае условие к подправилу 2(2) обеспечивает написание через дефис, ср. примеры (1)-(3) ниже.

Относительно числительного ПОЛ¹ см. Экскурс 4.

Напомню, что поскольку в синтагме 2 одной и той же левой части соответствуют три разные правые части, то перед нами, строго говоря, не одна, а три разные синтагмы (ср. определе-

ние (2) на стр. 111 и текст на стр. 113). Однако, следуя оговорке на стр. 115 - 116, я позволяю себе - в порядке сокращения - говорить в этом и еще одном аналогичном случае в данном параграфе (синтагма 4, стр. 135) просто о синтагме (а не о группе синтагм с тождественной левой частью). Такое же словоупотребление сохранено и в § 3 этой главы. ♦

ПРИМЕРЫ :

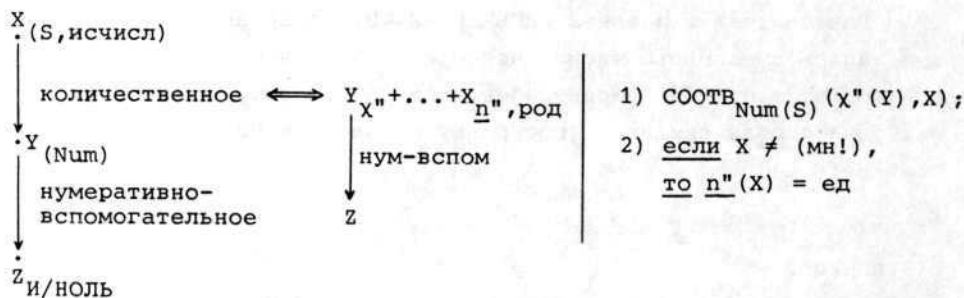
- (1) *прошел полдороги, съел полбулки <полтарелки борща>;*
- (2) *съел пол-обеда <пол-апельсина, пол-лимона>;*
- (3) *знает пол-Новосибирска; Пол-Одессы она удовлетворяет, а его одного - нет.*
- (4) *Нью-Йорку ежемесячно нужен заём в более чем полмиллиарда долларов ["Правда", 7.X.1975].*
- (5) *Полсутки нам хватит.*
- (6) *Накануне войны с пол-Европой Россия стояла идеалом [Ф.М. Достоевский, "Бесы"].*
- (7) *- Да кто управляет-то? три человека с полчеловеком! [Ф.М. Достоевский, "Бесы"].*
- (8) *В полкилометре от села било небольшое озеро.*

♦ Примеры (5)-(8) иллюстрируют употребление группы Δ NUMP, содержащей ПОЛ¹, в родительном, творительном и предложном падежах. Такое употребление, осуждаемое нормативной грамматикой, широко распространено в разговорной речи и встречается в языке прессы; ср. ниже, стр. 184, а также указание М.В.Панова: "... словосочетания *больше получаса, в полуверсте, около полуроти, до полминуты* постоянно заменяются выражениями *больше полчаса, в полверсте, около полроти, до полминуты* и т.д." (Панов 1962: 53). Именно в связи с этим фактом мы сочли целесообразным не включать в условия к синтагме 2 требование, чтобы группа Δ NUMP была обязательно в именительном или винительном падеже. Соответствующее ограничение на падеж ЧВ с ПОЛ¹ учитывается в операторе COOTB_S(Num): см. правило 16, стр. 184. А именно, COOTB_S(Num) допускает Δ NUMP, содержащую ПОЛ¹, в косвенных падежах, только в разговорном стиле. ♦

- (9) *Випью я полбанки и дам вот этому по морде - сразу переводят меня на дерьмовоз [А. и Б.Стругацкие, "Улитка на склоне"].*
- (10) *На это у Юри уйдет пол рабочих дня.*

3.

Количественная синтагма с именем смешанного числа

ПРИМЕРЫ:

- колич
- (1) *шесть* [Y] $\xrightarrow{\text{нум-вспом}}$ *и* [Z] *три* $\xleftarrow{\text{колич}}$ *четверти суток* [X];
- соц-союзн
- (2) *к шести* [Y] *и* [Z] *трем четвертям суток* [X];
- (3) *два* [Y] *и* [Z] *пять седьмых килограмма* [X] vs.
две [Y] *и* [Z] *пять седьмых тонны* [X];
- колич
- (4) *двадцать* $\xleftarrow{\text{нум-вспом}}$ *пять* [Y] $\xrightarrow{\text{нум-вспом}}$ *и* [Z]
- соц-союзн
- колич
- три* $\xleftarrow{\text{колич}}$ *седьмых килограмма* [X];
- (5) *со всеми этими двадцатью пятью* [Y] *и* [Z] *тремя седьмыми килограмма* [X];
- (6) *шесть* [Y] *ноль* [Z] *ноль двенадцать грамма* [X] [= 6,0012 г];
- (7) *две* [Y] *ноль* [Z] *семь унции* [X];
- (8) *к пятнадцати* [Y] *ноль* [Z] *ноль трем <три> грамма* [X].

◆ Напомним, что ЧВ с такими именами смешанных чисел, где вершиной является S (*шесть целых (и) три четверти*; *восемь тысяч (и) три пятых*; и т.п.), не описываются количественными синтагмами: в этих ЧВ между Q и C имеет место не количественное,

а 1-ое комплетивное ПСО, т.е. [шесть целых (и) три четверти] $\xrightarrow{1 \text{ компл}}$ килограмма. См. стр. 55.

Для синтеза и анализа ПИСЬМЕННЫХ ЧВ, содержащих цифровую запись смешанного числа, непосредственно в их графической форме, т.е. без "перевода" в словесную форму, необходима еще одна особая синтагма (поскольку в подобных ЧВ отсутствует союз И):

3'.

X (S, исчисл)

↓
количественное $\leftrightarrow Y + \dots + X_n$, род↓
Y (Ф, цифр, смеш)1) $Y \neq N000, M$ и $Y \neq N000 \frac{M_1}{M_2}$ [т.е. целая часть Y-а не есть число, кратное 1000];2) если $X \neq (mn!)$,то $n(X) = \text{ед}$

ПРИМЕРЫ:

(1) $12\frac{3}{4}$ [Y] суток [X];

(2) Муратов набрал 79,375 [здесь 79,375 читается как семьдесят девять и триста семьдесят пять тысячных].

(3) Итого по 3,2 женщины в год [Е.Кушев, "Отрывки из текста", "Грани", 1974, №91, стр.121].

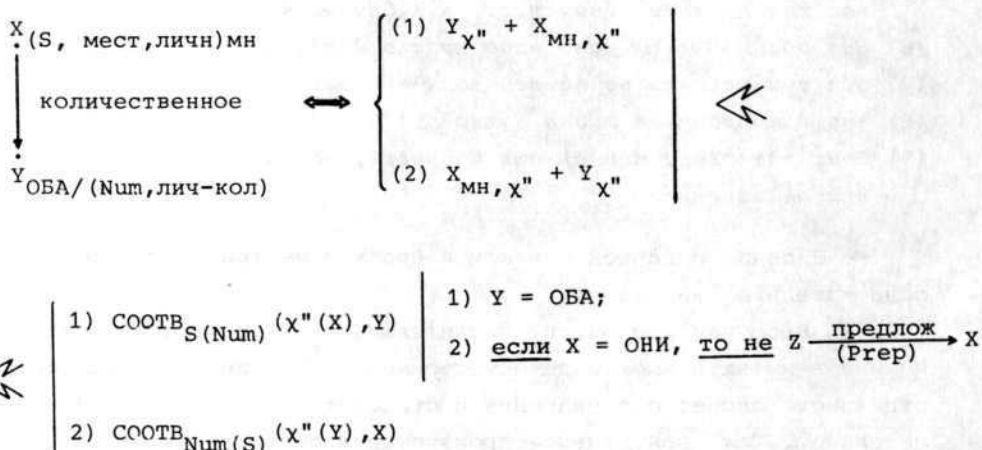
◆ Условие к правилу 3' исключает из рассмотрения выражения типа 6000,23 тонны или $3000\frac{4}{5}$ тонны, где - в соответствии с принятым соглашением о ПС-представлении русских количественных выражений (гл. I, стр. 55) - усматривается 1-ое комплетивное ПСО между изображением числа и "исчисляемым" S:

$$6000,23 \xrightarrow{1 \text{ компл}} \text{тонны}; \quad 3000\frac{4}{5} \xrightarrow{1 \text{ компл}} \text{тонны}.$$

(Это объясняется тем, что имена чисел, кратных тысяче, являются существительными, которые сильно управляют обозначением исчисляемых сущностей: см. выше, стр. 55-56. ◆

4.

Количественная синтагма с личным местоимением

◆ Синтагма 4 описывает допустимые сочетания личных местоимений с числительными: с ОБА (*мы оба, оба они*) и с лично-количественными (*для нас троих, все они четверо*). В таких сочетаниях числительное, как правило, постпозитивно; его препозиция допускается только в том случае, если Num = ОБА и при этом, если местоимение – ОНИ, то при нем нет предлога: *к обоим ним <им>, *для обеих их <них>, *двое нас [не явилось <не явились>], *двое мы [не явились], ср. подправило 4(1) и условия к нему; однако к обоим нам, для обеих вас.

Отметим специфическое согласование местоимения с числительным, отличное от согласования неместоименных (= исчисляемых) S: *мы оба, оба мы* (правило 10(2), стр. 180), *мы двое* (правило 19(3), стр. 188), но не **оба инженеры, *двое инженеры* [надо: *оба инженера, двое инженеров*]. ◆

ПРИМЕРЫ:

- (1) *Мы оба северяне. Нам сродни Чудачества, и жмель, и нас-мурные дни* [В. Луговской].
- (2) *Мать недовольна вами обеими.*

- (3) *Врач пришел к ним обоим <*обоим им/ним>.*
 (4) *Оба ми люди уже немолодые.*
 (5) *И сквозь виденья сна и в шёпоте молчанья Сердца в обоих нас так медленно стучат... [К.К.Случевский].*
 (6) *Вам обеим <Обеим вам> надо просто дождаться меня.*
 (7) *Оба они исчезли из нашего поля зрения.*
 (8) *Что нам троим от жизни нужно?*
 (9) *В их разговоре таился еще и другой, понятный только для них двоих смысл.*

◆ В связи с данной синтагмой необходимы три следующие содержательные замечания.

1. В случае препозиции числительного ОБА при личном местоимении в именительном падеже местоимение, как правило, лишается отдельного словесного ударения и становится энклитикой при числительном. Так, нейтральное произношение фразы (4) таково:

(4') *Оба-ми люди уже немолодые;*

произношение же

(4'') *Оба ми люди уже немолодые*

воспринимается как необычное, специально маркированное.

Можно было бы предположить, что указанная энклитичность местоимения свидетельствует о его синтаксически подчиненной роли, т.е. что (4') является некоторым доводом против решения Num ← S. Однако это не так, поскольку в русском языке в паре синтаксически связанных слов клиткой может быть и одно, и другое; ср., например, пары *на-руку* vs. *на-руку*, *под-гору* vs. *под-гору* и т.п., где клиткой бывает и ПС-хозяин - предлог (= проклитика), и ПС-слуга - существительное (= энклитика).

2. Особую проблему представляет употребление с личными местоимениями обычных (= не лично-количественных) числительных. Некоторые сочетания таких числительных с личными местоимениями, по-видимому, возможны (хотя и только в косвенных падежах):

(10) *Вами тремя я вполне доволен;*

(11) *Их четырёх я с собой не возьму; и т.п.*

Однако следующие фразы недопустимы или нежелательны:

(12) *Врач пришел к ним двум [ср. (3) выше].

(13) ?Вам пяти надо просто дождаться меня [ср. (6) выше].

(14) ?Что с нами семью можно сделать?

Похоже, что более приемлемы в сочетаниях с личным местоимением формы числительных ТРИ и ЧЕТЫРЕ. Тем не менее, без специального исследования я не решился включить соответствующие указания в синтагму 4 и позволил себе отвлечься от того факта, что фразы типа (10) и (11) являются вполне правильными, а (13) и (14) - почти правильными: нашим описанием подобные фразы не учитываются.

3. Конструкции типа

(15) Дуся и нас пятеро [название рассказа В.Максимова]

или

(16) Их трое туда пошло,

где местоимение стоит в родительном падеже (а не в именительном, ср. (1) или (4), что типично как раз для данной синтагмы и обеспечивается правилом 19(3) оператора $COOTB_S(Num)$, стр. 188, рассматриваются как имеющие эмфатически выделенную тему - существительное; такие конструкции описываются синтагмой 6, см. ниже, стр. 143. ♦

Б. Количественная синтагма

с однородной или кратной цепью имен чисел

(или близких к ИЧ по смыслу выражений)

5.

X (S, исчисл)

↓
количественное

Y_α

⋮
{r}

↓
Z_β

↔

Y_X" + ... + X_X"

⋮
{r}

↓
Z

⊲

α = (Num) / (Ф, не дроб, не ...000)

β = (Num) / (Ф) / (S, колич) / (S, 'количество' / 'совокупность')

(A, колич/квант) / (Adv, колич)

{r} = {однородное, сочинительно-союзное, кратное}

- 1) путь $\rightarrow \{r\}$ - максимальный по длине среди всех путей $\rightarrow \{r\}$, исходящих из $Y-a$;
- 2) (a) если $Z = (\text{Num})$, то:
- i. если не $Z \xrightarrow{\text{нум-вспом}} W_{II}$,
то $\text{COOTB}_{S(\text{Num})}(X''(X), Z)$;
 - ii. если $Z \xrightarrow{\text{нум-вспом}} W_{II}$,
то $\underline{c}(X) = \text{род и}$
[если $X \neq (\text{мн!})$,
то $\underline{n}''(X) = \text{ед}$];
- (b) если $Z = (\Phi)$, то:
- i. если $Z = (\text{не дроб, не смеш, не...000})$,
то $\text{COOTB}_{S(\text{Num})}(X''(X), Z)$;
 - ii. если $Z = (\text{дроб/смеш})$,
то $\underline{c}(X) = \text{род и}$
[если $X \neq (\text{мн!})$,
то $\underline{n}''(X) = \text{ед}$];
 - iii. если $Z = (...000)$,
то $\underline{n}''(X) = \text{мн}$, $\underline{c}(X) = \text{род}$;
- (c) если $Z = (S)/(\text{Adv})$,
то $\underline{n}''(X) = \text{мн}$, $\underline{c}(X) = \text{род}$;
- (d) если $Z = (A)$,
то $\underline{n}''(X) = \text{мн}$, $\underline{c}(X) = \underline{c}(X_{\Delta\text{NUMP}})$;
- 3) если $Y = (\text{Num})$ и не ($Y = \text{ОДИН I}$ и $W_{\text{ПО III}} \xrightarrow{\text{предлож}} X$),
то $\text{COOTB}_{\text{Num}(S)}(X''(Y), X)$

◆ $\rightarrow \{r\}$ обозначает такой путь в дереве ПСС, который состоит только из стрелок, помеченных именами ПСО из набора $\{r\}$; в данном случае имеются в виду однородные (стрелки "однор" и "сочин-союз"), кратные ("кратн") и смешанные (однородно-кратные) пути.

Условие 1, требуя максимальности пути $\rightarrow \{r\}$, гарантирует, что Z - это последний узел в цепи однородных и/или кратных числительных, то есть что у самого Z уже нет одно-

родного или кратного зависимого. (В то же время узел Z не обязан быть концевым, поскольку другие - не однородные и не кратные - зависимые у Z возможны: три, шесть или примерно ← огран ← десять [Z] → атриб → с половиной килограмм.)

Одновременно это условие позволяет учесть случаи типа *два-три*, или *четыре-пять*, или, наконец, *шесть-семь раз*, когда от числительного *два* [Y] идут три однородно-кратных пути: один в *три*, другой - в *пять* (*два* → или → *четыре-пять*), а третий в *семь*, причем нужным является только последний - самый длинный, т.е. максимальный - путь.

Условие 2 обеспечивает соответствие формы "исчисляемого" существительного последнему компоненту максимальной однородно-кратной цепи (т.е. линейно самому правому ее компоненту).

Если однородно-кратная цепь — {r} → заканчивается числительным Num, то необходимо различать два случая: либо Num является вершиной имени целого числа, и тогда форма S зависит от этого Num в соответствии с оператором COOTB_S(Num); либо же Num является вершиной смешанного числа, и тогда S стоит в родительном падеже (не *pluralia tantum* - и в единственном числе: *к двум* или *четырем* [Z] → нум-вспом → и [W] *трех пяти* тонны, ср. синтагму 3 на стр. 133 (указанное оформление обеспечивается пунктом (а) условия 2, стр. 138).

Если цепь — {r} → заканчивается цифровым выражением или условным обозначением числа (пункт (b)), то различаются три случая:

- Либо цифровое выражение изображает целое число, не кратное 1000, или мы имеем условное обозначение числа (т.е. выражение, синтаксически эквивалентное числительному), и тогда S оформляется оператором COOTB_S(Num).

- Либо цифровое выражение изображает дробное или смешанное число, и тогда S стоит в родительном падеже единственного числа: *к 2,10* или *500 тоннам* vs. *к 2,10* или *500³/₄ тонны* и т.п. (если, конечно, это S - не *plurale tantum*).

- Либо цифровое выражение изображает целое число, кратное 1000, и тогда S стоит в родительном падеже множественного числа: *к 2,10* или *500 тоннам* vs. *к 2,10* или *5000 тонн*.

Далее, цепь $\{r\} \rightarrow$ может заканчиваться существительным (количественным типа МИЛЛИОН, обозначением количества типа ЧИСЛО II или КОЛИЧЕСТВО, обозначением совокупности типа НАБОР, ТОЛПА, КУЧА), количественным наречием (МНОГО, НЕСКОЛЬКО) или сложным количественным выражением (типа СКОЛЬКО ПОЛОЖЕНО). Тогда "исчисляемое" S всегда стоит в родительном падеже множ. числа: *к двум [Y], двадцати или двум ^{← КОЛИЧ} тысячам [Z] ячеек [X]; всеми сорока [Y] или большим числом [Z] ячеек; всего пятью [Y] или целой толпой [Z] студентов; один [X] или несколько [Z] корней (пункт (с)).*

Наконец, если цепь $\{r\}$ — заканчивается количественным или кванторным прилагательным (*многие, несколько, ...; все, некоторые, ...*) то форма S вообще не зависит ни от Y-а, ни от Z-а: "исчисляемое" S — всегда во множ. числе, а его падеж совпадает с падежом всей Δ NUMP: *возьму три, пять или все карандаши; Придут все тридцать или только некоторые студенты?; к одному или нескольким решениям [при к одному решению] (пункт (d)).*

Заметим, что пункт (с) условия 2 к данной синтагме необходим в связи с уже отмечавшимся выше (стр. 88 и сл.) фактом: мы имеем в виду допустимость сочинения числительных с такими единицами, которые, вообще говоря, — в отличие от числительного — безусловно подчиняют себе "исчисляемое" S и которые в составе цепи $\{r\} \rightarrow$ определяют форму этого последнего (родительный множественного) независимо от числительного.

Условие 3 определяет — в зависимости от существительного X — форму первого в цепи (самого левого) числительного, т.е. форму вершины цепи. Формы всех остальных числительных в цепи определяются в сочинительных (= однородных и сочинительно-союзных), а также кратных синтагмах.

Оговорка относительно Y = ОДИН I имеет в виду весьма специфический случай, когда падеж числительного расходится с падежом всей группы Δ NUMP: *по одному-два монёра <*по одному-двум монёрам>*; здесь после распределительного *по* [= ПО III] Δ NUMP получает винительный падеж, а Y = ОДИН I — дательный; см. синтагму 1 на стр. 238. ◆

ПРИМЕРЫ:

(1) *Мне нужно четыре [Y] или восемь [Z] килограмм(ов) [X].*

- (2) Экс-чемпион мира вновь победил на дистанциях пятьсот [Y] и три ← КОЛИЧ тысячи [Z] метров [X] [см. условие 2(с)].
- (3) В результате работы данного компонента может получиться одна [Y] или несколько [Z] расстановок [X].
- (4) И вдруг - два [Y₁]-три [Z₁] крохотных события [X₁], две [Y₂]-три [Z₂] случайные встречи [X₂], и мир начинал терять свою устойчивость [В.Максимов].
- (5) Сегодня в Москве ожидается облачная погода, ветер северо-западный, 3-7 метров в секунду, температура 4-6 градусов мороза.
- (6) По 50-60 коров обслуживают уже многие животноводы.
- (7) Принимать по 1-2 столовых ложки <по 1 столовой ложке> через 3-5 часов <через 3-4 часа>.
- (8) Цветки образуют 4-6 мутовок.
- (9) За год по стране построены детские сады и ясли на 2,5 [Y]-2,8 [Z] миллиона [X] мест [см. условие 2(b)].
- (10) Нагано заявил императору, что гарантирует победу в течение одного [Y], максимум полутора [Z] лет [X] войны ["Звезда", 1975, №7, стр. 125].
- (11) У этих людей нет ни трёх [Y], ни пяти [Z] тысяч [X] [Ф.М. Достоевский].
- (12) Всякое натуральное число можно представить в виде суммы k [Y] или меньшего числа [Z] k-угольных чисел [X].
- (13) Эти конструкции характеризуются наличием в них одного (а не двух!) основных ударений.

◆ Примеры типа (13) показывают, что в случае "скобочных выражений" поверхностно-синтаксические отношения должны устанавливаться, так сказать, невзирая на скобки: в (13) между одного и а не двух имеет место однородное ПСО, т.е.:

Информацию, передаваемую на письме скобками, а в речи - особой просодикой (паузы, интонация, темп), следует, по-видимому, отображать не в ПСС, а в ином компоненте ПСП: в поверхностно-просодической (или в поверхностно-коммуникативной) структуре фразы.

Наконец, еще несколько слов о согласовании S с Num в данной синтагме. Хотя в случае однородно-кратной цепи числительных "исчисляемое" S полагается, вообще говоря, согласовывать с ли-

нейно последним из них, т.е. с самым правым, в текстах встречаются фразы, где S согласуется с линейно первым (самым левым) Num:

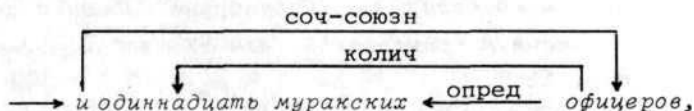
(14) На верблюда вьючили четыре [Y]-пять [Z] чайных ящика [X] [Л.С.Берг, "Великие русские путешественники"].
Пункт (а) условия 2 к синтагме 5 требует здесь *четыре-пять ящиков*. Фразы типа (14) характерны для несколько архаичного стиля, т.е. для языка не позже конца XIX и самого начала XX века. Эта особенность в нашем описании сознательно не учтена.

Отметим в заключение, что фразы типа (15):

(15) *Всего было взято в плен свыше ста военнослужащих противника, в том числе - четыре треплийских и одиннадцать муракских офицеров -*

не описываются данной синтагмой, поскольку в них однородная цепь ИЧ не усматривается. (15) получает ПСС вида

(15') (в том числе -) *четыре* ← колич ← *треплийских* → однород →

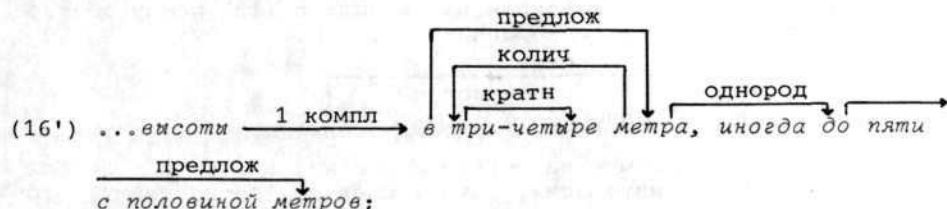

т.е. считается, что первое Num зависит от прилагательного.

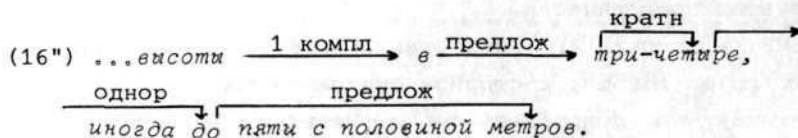
Особую трудность представляют примеры типа (16):

(16) *Саксаул достигает высоты в три-четыре, иногда до пяти с половиной метров* [Л.С.Берг].

Неясно, какова должна быть ПСС подобных фраз. Либо в них следует усматривать эллипсис слова *метра* после кратной цепи *три-четыре*, и тогда (16) получила бы ПСС (16'):

либо (16) следует признать грамматически полной и описывать эту фразу посредством ПСС (16''):

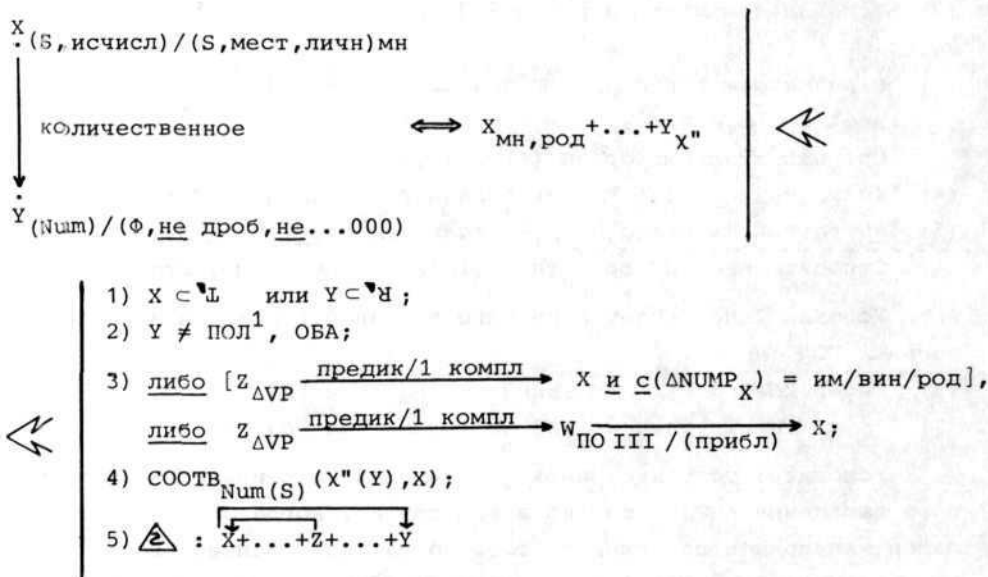
Так как вопрос относительно ПСС для фраз типа (16) относится к нашей теме достаточно косвенным образом, я не буду решать его здесь окончательно. ♦

- (17) Они хотят, чтобы я взял одну, двух, трёх или сколько пожелаю жён и не думал уезжать в Россию [Н.Н.Миклухо-Маклай].
 (18) И сюжет ... с "голой скоростью" летит через три-четыре-пять строб под откос романтики [Ю.Тынянов "Промежуток"]

II.

Количественная синтагма с эмфатико-тематической инверсией

6.

♦ Символы L и Ч обозначают, соответственно, тему (= то, о чем говорится во фразе) и рему (= то, что сообщается о теме). Жирные знаки акцента над L и Ч показывают, что данные L и Ч являются эмфатически выделенными. В русском языке это выделение

реализуется просодически.

ΔVP (в условии 3) - это стандартное поддерево глагольной группы (грубо говоря, составное сказуемое традиционной русской грамматики); см. подробнее Иомдин - Мельчук - Перцов 1975: 38 - 39. Использование ΔVP в данном условии связано с тем, что в соответствующих сочетаниях вместо одного глагола может выступать глагольная цепь с модальными и фазовыми глаголами: ср. *Таких решений оказывается ровно три* vs. *Таких решений может оказаться ровно три* и т.д.

Условие 1 означает, что в данной синтагме либо существительное-вершина "исчисляемого" входит в состав эмфатически выделенной темы фразы, либо же имя числа входит в состав эмфатически выделенной ремы, либо наконец, "исчисляемое" S входит в 'L, а имя числа - в 'Y:

(1) *Таких случаев [X \supset 'L] мы различаем ровно три [Y]*

или

(2) *Мы различаем таких случаев [X] ровно три [Y \subset 'Y]*

vs.

(3) *Мы различаем ровно три [Y] таких случая [X],*

где $X \notin$ 'L и $Y \notin$ 'Y.

Ср. неправильные фразы (4) и (5):

(4) **Таких случая [X \subset 'L] мы различаем ровно три [Y];*

(5) **Мы различаем ровно три [Y] таких случаев [X \notin 'L].*

Относительно ПСС фраз типа (1) и (2) см. выше, стр. 124 - 125.

Условие 2 исключает появление в данной конструкции числительных ПОЛ¹ и ОБА:

(6) **Вёдер <Ведра> [X] мы выпили только пол [Y].*

(7) **Этих <Таких> случаев [X] мы рассмотрим оба [Y].*

Условие 3 допускает эмфатико-тематическую инверсию числового выражения $\Delta NUMP_X$ только в том случае, когда оно - подлежащее или прямое дополнение, т.е. когда оно подчинено глаголу по предикативному или 1-ому комплетивному ПСО: либо непосредственно (и вся $\Delta NUMP$ имеет тогда именительный или винительный падеж соответственно), либо через распределительный предлог ПО III или показатель приблизительности (около пяти, не более шестидесяти). См. примеры:

- (8) *Таких случаев [X] на каждую работу приходится ровно три [Y] <не более трёх [Y]> [ΔNUMP_X - подлежащее];*
- (9) *Таких случаев [X] мы будем различать ровно три [Y] <свыше десяти [Y]> [ΔNUMP_X - прямое дополнение].*

Любопытно отметить, что данное ограничение должно формулироваться ОДНОВРЕМЕННО и в терминах ПСО и в терминах падежей; одних только ПСО или одних только падежей недостаточно, ср.:

- (10) **Таких классов <Таким классам> [X] эта единица принадлежит трём [Y]*

или

- (11) **Таких классов <Такими классами> [X] мы интересуемся тремя [Y],*

где ΔNUMP зависит от глагола по 1-ому комплетивному ПСО, но оформляется дательным и творительным падежом;

- (12) **И таких дней [X] я работал над книгой в точности десять [Y],*

где ΔNUMP - в винительном падеже, но зависит от V не по 1-ому комплетивному, а по обстоятельственному ПСО (= обстоятельство длительности); при небольшом изменении - замене *работал* на *проработал*, благодаря чему сочетание *десять таких дней*, не меняя своей формы, становится прямым дополнением, - (12) делается правильной фразой:

- (12') *И таких дней я проработал над книгой в точности десять.*

Приведенные факты как будто указывают на целесообразность введения в описание русского языка прямо - комплетивного ПСО, противопоставленного косвенно - предложно - комплетивным; при наличии прямо-комплетивного ПСО условие 3 к данной синтагме формулировалось бы, возможно, несколько проще, а главное - естественнее. Сказанное становится особенно очевидным, если учесть возможность появления в рассматриваемой конструкции такой ΔNUMP , которая является прямым дополнением, но стоит в родительном падеже - при отрицании:

- (13) *Тогда положительных решений [X] мы не получим только трёх [Y].*

NB: Впрочем, фразы типа (13) находятся на грани допустимости; многие носители русского языка отвергают их совсем. В связи с такими фразами встает следующий интересный вопрос: может ли вообще в конструкциях Num + S с эмфатико-тематической инверсией появляться глагол с отрицанием? (Т.е. не следует ли дополнить условие 3 к синтагме 6, стр. 143, требованием и не $W_{HE} \xleftarrow{\text{огран}} Z?$) Во всех имеющихся у меня бесспорных примерах глагол, разделяющий Num и S, отрицания при себе не имеет. Я, однако, не решаюсь предложить здесь какое-либо окончательное решение.

При описании русских ЧВ выявляются и некоторые другие факты, свидетельствующие о необходимости пересмотреть принятую в настоящее время систему комплетивных ПСО для русского языка.

Условие 4 связано с заданием формы Num в ЧВ рассматриваемого типа. Их специфика состоит в том, что падеж Num не зависит от падежа S (он зависит только от падежа всей $\Delta NUMP$), а число и падеж S не зависят от падежа или каких-нибудь иных свойств Num. (Именно поэтому оператор $COOTB_S(Num)$ в данной синтагме не нужен.) В частности, S не употребляются здесь в счетной форме:

(14) *Людей <*Человек> нужного нам типа мы найдём ровно десять при*

(14') *Мы найдём ровно десять человек <*людей> нужного нам типа;*

(15) *Годов <*Лет> с избытком осадков у нас получается как раз десять*

при

(15') *У нас получается как раз десять лет <? годов> с избытком осадков.*

О счетной форме множ. числа см. стр. 430 и сл. ◆

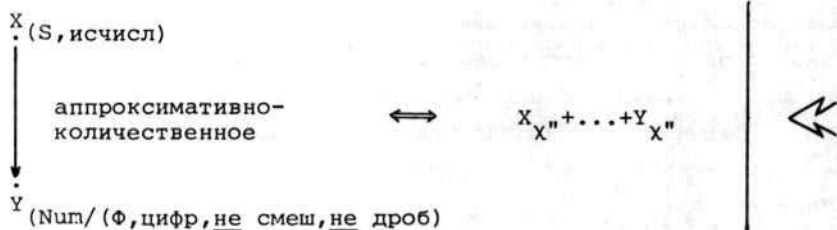
ПРИМЕРЫ:

(16) *Подобных решений $[X_1]$ мы обнаружим двадцать одно $[Y_1]$, а переменных $[X_2]$ при этом мы имеем не менее чем тридцать одну $[Y_2]$.*

- (17) Биений [X] сердца до этого я испытывал не менее десяти [Y] [М.А.Булгаков].
- (18) Больных [X] у нас осталось всего четверо [Y].
- (19) Значит, неудачных попыток [X] придётся рассмотреть 248831 [Y] <двести сорок восемь тысяч восемьсот тридцать одну [Y]>.
- (20) Ввиду события такого Сколь вероятность велика, Что был один глупей другого, Когда шаров [X] он вынул к [Y]? [произносится [ка]; начало стихотворения - см. (2) на стр. 41].
- (21) Их [X] появилось сразу пятнадцать [Y] <четверо [Y]>.
- (22) Страницы были сплошь покрыты крестиками, и таких крестиков [X] было ровным счётом пятьсот двадцать три [Y] [В.Набоков, "Подлец"].

АППРОКСИМАТИВНО-КОЛИЧЕСТВЕННАЯ СИНТАГМА

7.

- 1) $Y \neq \text{пол}^1$, один I, ОБА (, ТЫСЯЧА I);
- 2) если $Y = (\text{лич-кол})$, то [$Y = \text{ДВОЕ/ТРОЕ/ЧЕТВЕРО}$, и $X = (\text{мн!})$, и $c(\Delta \text{NUMP}_X) = \text{им/вин}$];
- 3) не $Y \xrightarrow{\text{нум-вспом}}$ Z' И/НОЛЬ и не $Y \xrightarrow{\text{нум-вспом}}$ Z'' (S);
 ↓
 опред
- 4) не $Z (A) + \dots + X$;
- 5) если $Y \xrightarrow{\text{кратн}}$ W , то нежелательно [$Y = (\text{мал})$ и $W = (\text{больш})$]
- 6) $\text{COOTB}_{S(\text{Num})}(X''(X), Y)$;
- 7) $\text{COOTB}_{\text{Num}(S)}(X''(Y), X)$;
- 8) если $\dots \supset U$, то:
 (а) либо $X \leftarrow U_\alpha$ или $X \leftarrow T_\alpha \dots \rightarrow U$ | $\alpha = (\text{Прер, первообр}) / (\text{прибл})$;
 (б) либо $U \leftarrow \dots \rightarrow Y$;

- 9) если $c(\Delta NUMP_X) = \text{дат/твор}$, то $Y \neq \text{СТО, ДВЕСТИ, ..., ДЕВЯТЬСОТ}$;
- 10) \triangleleft : $X + \dots + T + \dots + U + \alpha + \dots + Y$ | $\alpha = (\text{Преп}) / (\text{прибл})$;
 (a) $X + \dots + T + \dots + U + \alpha + \dots + Y$
 (b) $U + \dots + X + \dots + Y$

◆ Условие 1 исключает появление в аппроксимативно-количественной конструкции числительных ПОЛ¹, ОДИН I (и составных ИЧ, оканчивающихся на ОДИН I, в том числе - и в цифровой записи), а также ОБА:

- (1) *выпил литра пол;
- (2) *привезли тонну одну <двадцать одну, 21>;
- (3) *На фундамент уйдет <уйдут> тонны [X] обе [Y] бетона.

В (1) и (2) неправильность носит чисто синтаксический характер, поскольку по смыслу эти выражения вполне нормальны; их смысл можно выразить примерно так:

- (1') предположительно <приблизительно> пол-литра, около полу-литра;
- (2') предположительно <приблизительно> (двадцать) одну тонну, около одной тонны, около двадцати одной тонны.

Для ПОЛ¹ употребление в данной конструкции все же возможно, хотя лишь в поэтической речи или крайне разговорном стиле:

- (4) Если свободны - часа на пол Запарживайте на авиабол [В.Маяковский];
- (5) Банка небольшая, так литра на пол будет.

По моему мнению, (4) и (5) стоят уже за гранью допустимого в современной литературной норме.

Выражение (3), напротив, неправильно скорее по смыслу:

- (3') *приблизительно обе тонны, *почти обе тонны, *около обеих тонн, *[израсходовали] до обеих тонн, ...

По-видимому, смысл определенности и исчерпанности, содержащийся в 'оба' ('оба' = 'все эти два'), логически несовместим со смыслом приблизительности, передаваемым аппроксимативно-количественной конструкцией; ср. ниже, стр. 156 и сл. Тем не менее, в связи с недостаточной ясностью как самого семантического наполнения данной конструкции, так и способов его фиксации, мы сочли целесообразным выразить неправильность сочетаний типа (3) также и в синтаксических терминах.

Некоторые дополнительные затруднения связаны с числительным ТЫСЯЧА I; его промежуточный характер (между Num и S) называется и здесь, проявляясь в том, что хотя в косвенных падежах оно невозможно в данной конструкции (**рублям к тысяче, *рублями (с) тысячью, *рублях о тысяче*), в именительном и винительном падежах многие носители языка (в том числе - и я сам) признают его допустимым:

(6) *В поселке проживает человек тысяча; Мы встретили человек тысячу; и т.п.*

Ср. также строчку В.В.Маяковского:

(7) *Беда надвигается. Две тысячи вёрст. Вёрст за тысячу*
[В.Маяковский, "150.000.000"].

Я отметил этот факт, поставив в условии 1 вокруг ТЫСЯЧА I скобки факультативности.

Условие 2 допускает употребление (в аппроксимативно-количественной конструкции) лично-количественных (= собирательных) числительных только при *pluralia tantum* и только в тех случаях, когда при *pl.tantum* невозможны обычные количественные Num (при S_(мн!) невозможны "малые" Num в составе Δ NUMP, стоящей в именительном или винительном падеже):

(8) - *Ты у меня продневалишь суток трое <*три>!* [М.А.Молохов].

Ср. неправильные (8') и (9):

(8') **Ты у меня продневалишь суток пятеро* [надо: ... суток пять];

(9) **Пришло всего человек четверо* [надо: ... человека четыре, поскольку человек - не *plurale tantum*].

Ср., однако, ниже, стр. 383.

Условие 2 не является категорическим: некоторые носители языка признают допустимыми не только фразы типа (8'), но и такие, как (10):

(10) *Им недоставало всего человек <людей> четверих; Я рассказал это человекам <людям> троим; и т.п.*

В моем идиолекте, однако, фразы (8') и (10) недопустимы.

Условие 3 делает три разные вещи.

Во-первых, оно исключает (в рассматриваемой здесь конструкции) имена смешанных чисел с союзом И:

- (11) *килограмм(ов) <килограмма> [X] десять [Y] и [Z] три четверти, *километров <километра> [X] шесть [Y] и [Z] одна вторая.

Данное ограничение является чисто синтаксическим, ср.:

- (11') примерно десять и три четверти килограмма, приблизительно шесть и одна вторая километра.

Наличие же при числительном группы с половиной или с четвертью (которая, хотя и образует составное ИЧ - см. стр. 42 - но не вводится союзом И), не мешает ему выступать в аппроксимативно-количественной конструкции (ср. сноску 1 к § 2 гл. II, стр. 104)

- (12) километров шесть с половиной <с четвертью>.

Во-вторых, это условие исключает сокращенные словесные обозначения десятичных дробей; ср.

- (13) *грамм(ов) <грамма> [X] шесть [Y] ноль [Z] восемь

при абсолютно нормальном

- (13') примерно шесть ноль восемь грамма.

Невозможны здесь также и цифровые обозначения смешанных и дробных чисел, равно как и условные обозначения чисел:

- (14) *килограмма $15\frac{3}{4}$; *миллиграмма $\frac{1}{100} <0,01>$; *чисел $k^{(n-1)}$;

выражения типа (14) запрещаются, однако, не условием 3, а требованием к синтактике лексемы, стоящей в узле Y, см. стр. 147.

Заметим, что условие 3 не мешает появлению в аппроксимативно-количественной конструкции разного типа сочиненных групп:

- (15) Он выпивал в день примерно литра [X] три [Y] и даже четыре;

Килограмм(ов) десять или пятнадцать будет довольно;

Ему дадут килограмм(ов) десять, но не пятнадцать;

Горючего оставалось мало - литров пятьдесят, (может быть) шестьдесят.

В-третьих, условие 3 не допускает употребления в аппроксимативно-количественной конструкции таких составных имен чисел, которые включают существительные (типа МИЛЛИОН):

- (16) *тонн шесть тысяч пятьсот, *километров три миллиона шестьсот, *долларов два миллиарда восемьсот;

ср., в то же время,

- (16') примерно шесть тысяч пятьсот тонн, примерно три миллиона шестьсот километров, примерно два миллиарда восемьсот долларов.

Условие 4 воспрещает наличие у исчисляемого S препозитивного согласованного определения:

(17) *Он провёл там тяжёлых [Z] лет [X] пять [Y],

(18) *Он купил дорогих [Z] книг [X] 20 [Y] и т.п.,

при правильных

(17') Он провёл там лет пять

или

(17'') Он провёл там примерно пять тяжёлых лет <... около пяти тяжёлых лет>.

Постпозитивное согласованное определение при S не препятствует его использованию в аппроксимативно-количественной конструкции:

(17''') Он провёл там лет [X] пять [Y], по-настоящему тяжёлых и изнурительных;

(18') Он купил книг [X] 20 [Y], дорогих, но действительно красивых.

Не препятствуют этому и постпозитивные несогласуемые зависимые исчисляемого S (дополнения и атрибуты):

(19) Нам привезли ящиков [X] десять [Y] с бронебойными снарядами;

Он дал мне статей [X] пятнадцать [Y] по теории эргативной конструкции;

В комнате оказалось парней [X] двадцать [Y] очень высокого роста и всего трое низкорослых.

Мы пошли туда часов [X] в пять [Y] вечера.

Данное условие выражает отмечающуюся выше (стр. 96, правило (B)) общую закономерность русского языка: Num должно предшествовать всем прочим определениям и атрибутам своего "исчисляемого" S.

Условие 5 учитывает нежелательность таких аппроксимативно-количественных конструкций, в которых Q представляет собой кратную цепь числительных, причем вершинный и концевой узлы этой цепи являются один малым, а другой - большим числительным:

(20) ?Дерево имело в высоту метра [X] четыре [Y]-пять [W].

В (20) сталкиваются два противоречащих друг другу принципа: оформление "исчисляемого" S в зависимости от ближайшего к нему

Num vs. оформление S в зависимости от самого правого (последнего) компонента (однородно-)кратной цепи; здесь ближайшее к S числительное и числительное в конце кратной цепи требуют РАЗНЫХ форм S и поэтому возникает конфликтная ситуация. В результате (20) оказывается нежелательной (по крайней мере, в моем собственном идиолекте).

Впрочем, эта нежелательность не слишком категорична: некоторые информанты (Л.Н.Иорданская, Н.В.Перцов) находят (20) вполне допустимой; аналогичные фразы встречаются и в литературе: (21) *Это примерно часа четыре-пять ходу* [В.Максимов].

В случае однородной (а не кратной) цепи числительных данное ограничение вообще не имеет места:

(22) *Это дерево имело в высоту метра четыре или пять; Мир был мал, человека четыре, пять* [Ю.Трифонов, "Дружба народов", 1976, №1, стр.101].

Условия 6 и 7 обеспечивают правильное морфологическое оформление обоих членов данной синтагмы. Это оформление в точности таково же, как и во всех "обычных" количественных синтагмах.

Условие 8 требует контактного расположения существительного и числительного, допуская между ними выражения только трех следующих типов:

(i) Предлог, от которого зависит существительное, и союз, от которого зависит числительное, при этом предлог и союз являются показателем приблизительности (см. Экскурс 10, стр. 362), - т.е. тоже предлог или особое наречие в форме сравнительной степени:

- (23) а. *А впереди, километров [X] на [U] сорок [Y], простиралась голая степь;*
 б. *Грач ползал вокруг Береговой недель [X] около [U] двух [Y]* [В.Максимов];
 в. *С самого своего соломенного вдовства, т.е. лет [X] не меньше [U] пяти [Y], Васёна привикла угадывать суда по гудкам* [В.Максимов].

Все типы не-первообразных предлогов между X-ом и Y-ом в данной конструкции невозможны:

(24) **Минут спустя двадцать он пришел,*

vs.

(24') Спустя минут двадцать он пришёл;

возможно также и

(24'') Минут двадцать спустя он пришёл;

(25) *- Очков относительно тридцати и говорить не стоит [надо: Относительно очков тридцати...];(26) *- В выступлениями в связи с пятью я готов высказаться [надо: В связи с выступлениями пятью...].

(ii) Выражения, прямо или косвенно зависящие от предлога или показателя приблизительности, упомянутых в пункте (i). Это ограничительные или вводные выражения:

(27) а. Продуктов у нас осталось дней [X] только [U] на [T] пять [Y],б. ...дней [X], как [U₁] я полагаю, только [U₂] на [T] пять [Y].

(iii) Выражения, прямо или косвенно зависящие от числительного Y, т.е. ограничительное выражение (как в (28)), вводное выражение (в (29)) или компоненты составного числительного (в (30)):

(28) а. Провел я там дней [X] примерно [U] пять [Y].б. Да пудов [X] эдак [U] пять [Y] или шесть,
Больше ему не съесть! [К.Чуковский].(29) На это понадобится рублей [X], я полагаю [U], четыреста [Y].(30) ... рублей [X] сто [U₁] $\xleftarrow{\text{НУМ-ВСПОМ}}$ сорок [U₂] $\xleftarrow{\hspace{1cm}}$
 $\xleftarrow{\text{НУМ-ВСПОМ}}$ пять [Y].

Какие-либо выражения, зависящие от существительного X, между X-ом и Y-ом невозможны:

(31) *ящиков [X] \rightarrow галет шесть [Y] [надо: ящиков шесть галет];*ящиков [X] \rightarrow с галетами шесть [Y] [надо: ящиков шесть с галетами].Условие 9 отражает тот факт, что аппроксимативно-количественные сочетания невозможны (по крайней мере, в моем идиолекте) в дательном и творительном падежах, если Y - обозначение сотен (относительно записи $\underline{c}(\Delta\text{NUMP}_X)$, см. ниже, стр. 163).

(32) *[равен] килограммам <килограммов> девятистам, *студентам к ста, *рублями <рублей> тремястами, *тоннами <тонн> с четырьмястами;

ср.:

(32') [равен] примерно девяностам килограмм <килограммов>, приблизительно к ста студентам, примерно тремястами рублями <рублей>, приблизительно с четырьмястами тоннам <тонн>.

В действительности дело обстоит сложнее. Аппроксимативно-количественные сочетания встречаются преимущественно в именительном, винительном и родительном падежах: почти все собранные мною примеры именно таковы. Предложный падеж также возможен, хотя и во много раз реже. Что же касается дательного и творительного падежей, то ни одного текстового примера на употребление аппроксимативно-количественных сочетаний в этих падежах я не нашел.

Тем не менее, языковое чутье заставляет меня допустить подобное употребление:

(33) килограммам к пяти, километрами сорока, рублями с пятьюдесятью и т.п.

- абсолютно нормальные высказывания. В то же время при других S и других Num могут возникать затруднения:

(34) ?Он работал группами с двадцатью

по моему ощущению гораздо хуже, чем

(34') Он работал примерно с двадцатью группами или

(35) Он обследовал групп двадцать.

По-видимому, вообще говоря, дательный и творительный падежи, так сказать, противопоставлены аппроксимативно-количественному сочетанию, однако их употребление облегчается, если в роли S выступает типичное счетное слово, т.е. обозначение единицы измерения. Возможно, что имеются и другие факторы, способствующие или препятствующие допустимости данного сочетания в дательном и творительном падежах. Однако, поскольку эти факторы мне неизвестны, а сами языковые факты недостаточно устойчивы и очевидны, я ограничился фиксацией в условии 9 невозможности, наиболее безусловной с моей точки зрения. Необходимо, впрочем, отметить, что некоторые информанты допускают, хотя и с трудом, даже сочетания типа [равен] килограммам девяностам и рублями тремястами.

Наконец, условие 10 характеризует две ситуации непроективности, возможные в связи с аппроксимативно-количественной конструкцией:

- (36) а. ...тесму в вершок шириной и вершков [X] примерно [Т] в [U] восемь [Y] длиной [Ф.М.Достоевский; случай (а)].
б. С балкона осторожно заглядывал в комнату бритый, темно-волосый человек, примерно [U] лет [X] тридцати восьми [Y] [М.А.Булгаков; случай (b)].

О возможности комбинирования аппроксимативно-количественной синтагмы с другими синтаксическими средствами выражения приблизительности (типа *пять-шесть километров, десять или двадцать тонн*), а также с лексическими показателями приблизительности (ср. примеры (21), (22), (23б), (23в), (28), (36)) более подробно говорится ниже, на стр. 157. ♦

ПРИМЕРЫ:

- (37) Их искали часа полтора.
(38) - Не заметил, какая была мощность снега?
- Думается, метра три-четыре.
(39) Лет так до двенадцати я был маменькин сынок.
(40) Сейчас поверят в это разве?...
Лет двадцать пять тому назад,
Что политически я развит,
Мне видал справку детский сад [Е.Винокуров].
(41) а. На плите посвистывал чайник,
И мужчина годков с полста,
По всему похоже - начальник,
К Антонине уже пристал.
б. ...И объявляем друг другу мат
Раз по полста - не меньше. [В.Корнилов, "Пофер"].
(42) а. У этой двери тоже была очередь, но не чрезмерная, человек в полтораста [М.А.Булгаков].
б. Взять би этого Канта, да за такие доказательства года на три в Соловки! [М.А.Булгаков].
(43) Монгольский верблюд может прожить без пищи дней восемь-десять [Л.С.Берг].
(44) Метрах в тридцати от себя он увидел женщину в красных штанах.

- (45) *В самолет грузили ящики, вмещавшие каждый килограммов по пятьдесят ВВ.*
- (46) *Кюхельбекера перевели вёрст за 500 от Баргузина [И.Д. Якушин].*
- (47) - *Через дней пять-шесть, а?* [М.А.Булгаков].
- (48) *В шагах пяти он замер* [К.Федин, "Необыкновенное лето"].

◆ В связи с аппроксимативно-количественной синтагмой представляются уместными четыре следующих содержательных замечания.

1) Подобная конструкция (с инверсией числительного) является очень специфическим средством выражения НЕОПРЕДЕЛЕННОГО (или, точнее, не вполне определенного) числа, известным, как кажется, только в восточнославянских языках. ср. укр. *Пришло чоловік вісім, Він прочитав сторінок десять, Я купив би цукру кілограмів (з) п'ять* и т.п. Даже в других славянских языках (в польском, чешском, сербском, болгарском) аппроксимативно-количественных синтагм не существует.

NB: Инверсию числительного в сочетаниях Num + S отмечают также в абхазском языке, но здесь инвертированная конструкция имеет совсем другой смысл, обозначая, насколько я мог судить по доступным мне описаниям абхазского языка, объединительность; так, при *жәиза цла '11 деревьев'* словосочетание *цла жәиза*, букв. 'деревьев 11', означает 'все эти 11 деревьев вместе'.

2) Особую проблему представляет собой определение точного смысла аппроксимативно-количественного PCO. В Супрун 1962 и 1964 указывается, что посредством аппроксимативно-количественной синтагмы показывается "скорее предположительный характер обозначаемого числа, чем приблизительный характер его: выражение *Ему было года два* может означать, что ему, может быть, было не два, а три года; выражение же *Ему было примерно два года* означает, что ему о к о л о двух лет, т.е. может быть год и десять месяцев или два года и два месяца, но не три года" (Супрун 1964: 80). Я не уверен, однако, что отмеченное различие в точности таково, как оно сформулировано А.Е.Супруном; ср., в частности, мини-диалоги (49) и (50), из нормальности которых следует, по-видимому, что оба выражения - *года два* и *примерно два года* - не могут значить 'три года':

- (49) *Ему года два. - Да нет, ты ошибся: ему уже три.*

(50) - *Ему примерно два года. - Да нет, ты ошибся: ему уже три.*

Тем не менее, А.Е.Супрун прав, говоря о предположительности в значении аппроксимативно-количественного ПСО. Мне тоже кажется, что это ПСО выражает скорее субъективную неуверенность говорящего в точности количественной характеристики, т.е. отсутствие у говорящего надежных знаний на тему "сколько" (при этом предполагаемая неточность не может быть слишком большой - больше, скажем, $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{3}$ называемой величины: именно поэтому *года два* не должно покрывать 'один год' или 'три года'). В то же время слова типа *примерно, приблизительно, около, до[ста килотонн]* и т.п. характеризуют скорее объективный "допуск", т.е. вполне надежное знание, но, так сказать, не о точке, а о некотором интервале.

Сказанное подтверждается соображениями двух типов.

(i) В ряде контекстов аппроксимативно-количественная конструкция не может быть заменена словами *приблизительно* или *около*: подобная замена ведет к семантической аномальности высказывания. Так, пусть некто А собирается на день рождения к мало знакомому коллеге В; жена спрашивает у А, сколько лет исполняется В, и А отвечает:

(51) - *Не знаю; по-моему, лет тридцать <года тридцать два>.*

В этой ситуации (52) невозможно:

(52) - *Не знаю; по-моему, приблизительно тридцать лет <примерно тридцать два года>,*

поскольку в день рождения В ему должно исполняться обязательно целое число лет. (Фраза (52), абсолютно правильная во всех отношениях, неуместна, однако, при описанных условиях разговора.)

Подобная незаменяемость как будто свидетельствует о семантических расхождениях между аппроксимативно-количественной конструкцией и словами типа *приблизительно* или *примерно*.

(ii) В то же время аппроксимативно-количественная конструкция легко сочетается с лексическими показателями приближенности, что является еще одним доводом в пользу признания за данной конструкцией, с одной стороны, и за словами типа *приблизительно* или *около*, с другой, разных типов смысла:

(53) *дня примерно три, рублей около пятисот, тысяч до семи, человек приблизительно пятьдесят,*

а также (21), (22), (23б), (23в), (28), (36), (39), (41а).

Во всех подобных выражениях мы имеем, скорее всего, "не дублирование и не 'возведение в степень' приблизительности, а накладывание приблизительности на предположительность числа" (Супрун 1962: 6; ср. еще Супрун 1964: 81).

Наряду с аппроксимативно-количественной конструкцией для выражения неточного характера числа в русском языке существует и другое синтаксическое средство: кратные и однородные (с *или*) конструкции, ср.:

(54) *пять-шесть человек; десять или пятнадцать человек.*

Эти конструкции обозначают не число, а либо числовой интервал, причем заданный "размыто" (кратная конструкция), либо некоторую дизъюнкцию чисел (однородная конструкция), и тем самым создают нужную неопределенность.

Конструкции типа (54) свободно сочетаются и с аппроксимативно-количественной конструкцией и с лексическими показателями приблизительности:

(55) *дней пять-шесть; дней пять или шесть; приблизительно пять-шесть дней; около пяти или шести дней.*

Вполне обычны и комбинации всех трех типов средств сразу:

(56) *дней примерно пять-шесть; дней около пяти или шести;*

см. также примеры (21), (22), (38), (43), (47). Это возможно, как кажется, потому, что конструкции вида $\text{Num}^1 \xrightarrow{\text{кратн}} \text{Num}^2$ или $\text{Num}^1 \xrightarrow{\text{однор}} \text{или} \xrightarrow{\text{соч-союзн}} \text{Num}^2$ несут смысл, отличный и от смысла аппроксимативно-количественной конструкции, и от смыслов лексем типа *приблизительно* или *около*.

Во всяком случае, семантика всех указанных здесь средств выражения неточного числа еще нуждается в специальном исследовании.

3) Если в синтагме 7 "исчисляемое" S зависит от предлога и этот предлог - первообразный (см. стр. 152, (i)), то, как правило, он размещается в тексте между S и Num, т.е. справа от управляемого им S (об этом см. также выше, стр. 125): примеры (4), (5), (7), (23а), (27), (36а), (39), (41), (42), (44) - (46). Так же обстоит дело и с лексическим показателем приблизительности типа *более чем, не менее* и т.п.: (23в). Однако в отдель-

ных случаях допустимо размещение первообразного предлога (или выражения *более чем, не менее*) перед управляемым S: примеры (47) и (48). Подобная конструкция носит разговорный характер и встречается достаточно редко. Особенности линейного размещения предлога при аппроксимативно-количественной конструкции должны быть учтены в предложных синтагмах.

4) В качестве компонента Q в аппроксимативно-количественной конструкции выступают, вообще говоря, только числительные (да и то не все: см. условие 1, стр. 148). Способность к такому употреблению обычно признается конституирующим свойством числительных как части речи, см. свойство 11, стр. 268. В самом деле:

(57) а. **Этот остров населяет человек миллион* [надо: ...около миллиона человек <примерно миллион человек>].

б. **В этом ящике будет тонны три пятих* [надо: ...около трех пятих тонны <примерно три пятих тонны>].

Тем не менее, в принципе употребление в аппроксимативной конструкции некоторых S, обозначающих множества, все-таки возможно:

(58) а. *Так прошли они шагов [X] сотню [Y]* [Ф.М.Достоевский, "Преступление и наказание"].

б. - *И купи еще булочек [X] десяток [Y]!*

в. *Он как-то съел в один присест яиц [X] дюжину [Y]*.

Фразы (58) носят разговорный характер, но, как я полагаю, не выходят за пределы литературной нормы; ср., в особенности, следующие строки:

(59) а. *Я недаром погибал от жажды, Я фронтов десяток пересёк* [М.Светлов, "Золото"].

б. *А еще лет через десяток узнали они, что гонораром за книгу может стать решётка и проволока* [А.И.Солженицын, "Бодался теленок с дубом"].

тем не менее, подобные случаи не учтены в синтагме 7 - прежде всего, потому, что ПСО \bar{r} не является аппроксимативно-количественным: это, как уже неоднократно отмечалось, одно из комплетив-

ных ПСО (либо 1-ое комплетивное, либо особое - аппроксимативно-комплетивное³). Кроме того, абсолютно не ясны условия, при которых в аппроксимативной конструкции компонент Q может быть существительным; ср. недопустимые выражения (60):

(60) а. *...превосходит ее раз в пару [надо: ...примерно в пару раз].

б. *Там проживает рыбаков сотня [надо: ...примерно сотня рыбаков] ◆

С Н О С К И

- (К стр. 111.) Данная формулировка весьма приблизительна, что, однако, достаточно для наших целей. В действительности, она нуждается в ряде уточнений; в частности:

 - Означающим синтагмы является не вся цепочка S, а только те ее компоненты, которые маркируют выражаемое ПСО, именно - сведения о линейном порядке словоформ и об их синтаксически обусловленных морфологических значениях. (Остальная часть цепочки S относится к синтактике синтагмы, см. ниже.)
 - Часть означающего синтагмы может быть помещена в условия C (например, операторы СООТВ, см. стр. 162; это делается из соображений простоты и компактности записи синтагм).
 - В C содержится далеко не вся синтактика синтагмы: существенные фрагменты синтактики могут находиться также в T и S - в виде древесного контекста, синтактики узлов и семантически нагруженных морфологических характеристик (см. непосредственно ниже).

Не исключено, что было бы целесообразно изменить форму записи синтагмы так, чтобы каждый ее компонент выполнял одну и только одну знаковую функцию. В таком случае следовало бы перенести все контекстные ограничения из T и S в C, а сведения об означающем - из C в S. Логически более последовательная, эта форма была бы, однако, менее наглядной, а потому - хуже обозримой. В этой книге я принял компромисс, который представляется мне максимально удобным для читателя.
- (К стр. 129.) В действительности, цифровые обозначения выступают в тексте чаще в неизменяемой форме: ср. примеры (7) и (8) на стр. 129, а также выражения вроде *к 12 часам, при 125 блокадных граммах, с 90 процентами опрошенных* и т.п.; поэтому для ЧВ с цифровым обозначением оператор СООТВ^{Num(S)} можно было бы и не применять. Существуют, однако, смешанные обозначения чисел, вроде *120-ью, 3-мя, 33-х, 125-ти* и т.п., причем они встречаются в текстах тоже не так уж редко. Учет или неучет смешанных ("цифрово-словесных") обозначений, т.е. цифр с падежными окончаниями, должен сказаться на морфологическом компоненте модели: если мы хотим синтезировать и анализировать письменные формы типа *120-ью* или *3-мя* морфологический компонент должен "уметь" работать с ними, в противном же случае он может их игнорировать.
- (К стр. 160.) Вопрос о ПСО в конструкциях типа (58) далеко

не прост, поскольку значение предположительности появляется здесь не всегда, а лишь при определенной просодике. Ср.:

(58') *Купи еще булочек десяток и масла двести грамм*, где предположительность отсутствует, и

(58'') *Купи еще булочек десяток*, где она явно наличествует. Не исключено, что именно просодика (а не особое ПСО) и должна быть носителем значения предположительности в редких случаях указанного здесь типа.

§ 2

Морфологическое оформление существительного и числительного
в русских числовых выражениях

Как отмечалось выше (стр. 115), соответствие между морфологическими формами существительного и числительного в составе русских ЧВ, т.е. в сочетаниях типа Num + S, носит столь сложный и запутанный характер, что представляется целесообразным описывать это соответствие ОТДЕЛЬНО от самих количественных синтагм - посредством двух особых наборов правил, один из которых определяет форму S в зависимости от Num, а другой - форму Num в зависимости от S.

С теоретической точки зрения, морфологические зависимости между S и Num бывают весьма различной природы: в одних случаях здесь усматривают бесспорное **с о г л а с о в а н и е** Num с S (*один дом ~ одна хата, обоим мальчикам ~ обеим девочкам*), в других - столь же бесспорное **у п р а в л е н и е** со стороны Num (*три стола ~ пять столов*), в третьих, наконец, мнения расходятся: в *три* **стол**а или (*о*) **двадцати** **книг**ах видят то согласование Num с S, то совсем особый вид связи - "**к о о р д и н а - ц и ю**", или "**с о о б р а з о в а н и е**". Поскольку, однако, понятия согласования и управления (а тем более - сообразования) далеко не ясны и их разграничение представляет собой отдельную задачу, я полностью абстрагируюсь здесь от соответствующей проблематики и буду пользоваться только наиболее общим и абсолютно нейтральным в данном отношении термином "соответствие".

Поэтому упомянутые выше наборы правил называются **о п е р а т о р а м и с о о т в е т с т в и я** и обозначаются следующим образом:

COOTB_S(Num) - оператор, определяющий форму S в зависимости от Num,

и

COOTB_{Num}(S) - оператор, определяющий форму Num в зависимости от S.

Введем ряд необходимых понятий вместе с соответствующими обозначениями.

1) ΔNUMP_X - числовое выражение (группа) с вершиной X , т.е. стандартное поддерево вида $\overset{Y}{\leftarrow} \text{колич } X$ или $\overset{Y}{\leftarrow} \text{аппрокс-колич } X$.
 О стандартных поддеревьях и о ΔNUMP , в частности, речь шла выше, на стр. 85 и сл.

2) $X_{\Delta\text{NUMP}}$ - узел в ПСС (помеченный символом некоторой лексемы), который является вершиной числового выражения ΔNUMP .

3) $\underline{c}(\Delta\text{NUMP}_X)$ - падеж числового выражения (группы) ΔNUMP_X в целом, т.е. условная падежная характеристика, которая приписывается группе ΔNUMP_X как некоторому целому - в качестве сокращенного обозначения пары реальных падежных характеристик: падеж Num + падеж S (см. стр. 86). Условный падеж приписывается группе ΔNUMP_X в соответствии с той ПС-ролью, которую эта группа играет в данной ПСС. Как правило (за исключением специальных, особо оговариваемых случаев, например, с распределительным предлогом ПО III: *по трое больных* [вин], *но по килограмму* [дат], см. подробнее ниже, стр. 236), это тот падеж, который имеет S, не входящее в числовое выражение (= не имеющее при себе зависимого Num), если оно оказывается в синтаксической позиции, занимаемой группой ΔNUMP_X . Например, в *Рассмотрим все эти шесть случаев*, где ΔNUMP_X = *шесть случаев*, а X = *случаев*, $\underline{c}(\Delta\text{NUMP}_X)$ = вин; в *Ограничимся этими шестью случаями* (ΔNUMP_X = *шестью случаями*, X = *случаями*) $\underline{c}(\Delta\text{NUMP}_X)$ = твор; и т.д.

Посмотрим, что делается с условным падежом групп ΔNUMP при поверхностно-синтаксическом синтезе и анализе текста.

Синтез. Пусть в исходной ПСС имеется поддерево $\overset{\text{ко-}}{\leftarrow} Y \text{ (Num)}$
 $\overset{\text{лич}}{\leftarrow} X_{(S)}$, т.е. $\Delta\text{NUMP}_{(X)}$; пусть, далее, $X_{(S)} \overset{r}{\leftarrow} Z$ (существительное X , являющееся вершиной ΔNUMP , зависит от лексемы Z посредством ПСО r). Тогда при морфологизации данной ПСС для X устанавливается, в частности, падеж: по ПСО r , свойствам лексемы Z (например, по модели управления этой лексемы) и, возможно, тем или иным особенностям более широкого контекста. Это делается посредством одной из синтагм, описывающих ПСО r . Однако выработанная падежная характеристика приписывается не прямо самому X -у, а всей группе ΔNUMP_X , т.е. заносится в специальное место, отличное от тех мест, куда помещаются падежные ха-

характеристики конкретных субстантивных словоформ. (Это обеспечивается тем общим правилом, дополняющим список синтагм, о котором было сказано в сноске 12 на стр. 100.) В ходе оформления ПСО "колич", связывающего X (в роли хозяина) с Y-ом, т.е. в процессе применения какой-то из количественных синтагм, эта условная падежная характеристика "распределяется" по членам данного ПСО посредством обоих операторов СООТВ, которые определяют для X-а и Y-а "настоящие" падежи. Так, при морфологизации ПСС (1)

(1) РАССМОТРЕТЬ $\xrightarrow{1 \text{ компл}}$ СЛУЧАЙ_{МН} $\xrightarrow{\text{колич}}$ ШЕСТЬ

для ΔNUMP СЛУЧАЙ_{МН} $\xrightarrow{\text{колич}}$ ШЕСТЬ вырабатывается "условный" винительный падеж, потом превращаемый в "настоящие" падежи: винительный у Num и родительный у S.

Анализ. ПС-анализ в общих чертах симметричен (точнее, обратен) ПС-синтезу. Пусть в исходной цепочке ГМП словоформ, т.е. в анализируемой ГМС фразы, имеется подцепочка

(2) Z_(V, 2[вин]) Y_{(Num)вин} X_{(S)МН, род'}

Тогда с помощью подходящей количественной синтагмы устанавливается ПСО "колич" между X-ом (в роли хозяина) и Y-ом; тем самым образуется группа ΔNUMP_X и из "настоящих" падежей Y-а и X-а посредством обоих операторов СООТВ "вычисляется" условный падеж этой группы: $\underline{c}(\Delta\text{NUMP}_X) = \text{вин}$. В ходе дальнейшего анализа, в частности, при установлении ПСО (1-го комплетивного) между Z-ом и X-ом, используется именно этот падеж (опять-таки благодаря только что упомянутому общему правилу из сноски 12, стр. 100). Например, пусть (2) имеет конкретный вид (3):

(3) РАССМАТРИВАТЬ_(V, 2[вин]) сов, непрощ, пов, 1 МН, невозвр
ШЕСТЬ_{(Num)вин} СЛУЧАЙ_{(S)МН, род'}

т.е. *Рассмотрим шесть случаев.*

Когда *шесть* связывается анализатором со *случаев*, то этой образующейся ΔNUMP в целом приписывается условный винительный падеж, что позволяет связать *случаев* - в качестве вершины ΔNUMP , имеющей винительный падеж! - с *рассмотрим*. (Сама по себе, вне ΔNUMP , форма род. падежа *случаев* не может быть прямым дополне-

нием при переходном глаголе без отрицания.)

Мы видим, что как при синтезе, так и при анализе текста стандартное поддерево, или группа, ΔNUMP ведет себя как некоторый единый объект, имеющий свою собственную морфологическую характеристику, отличную, вообще говоря, от морфологических характеристик его вершинного - субстантивного - компонента. В то же время очевидно, что ΔNUMP (как и все прочие стандартные поддерева) не является составляющей в строгом смысле термина, как этот последний понимается в классической теории систем составляющих: для компонентов группы ΔNUMP не определен взаимный порядок и они не обязательно являются смежными (*три гордые пальмы*); в то же время, и Num и S могут иметь свои собственные зависимые, не входящие в ΔNUMP . Как уже говорилось на стр. 85, ΔNUMP - это просто сокращение для выражения "S с непосредственно зависящим от него Num".

То же самое верно и относительно "условного" падежа, приписываемого группе ΔNUMP : он не подходит под строгое определение падежа как грамматической категории определенного класса лексем, а именно - существительных. Наш "условный" падеж представляет собой сокращение - обозначение пары реальных падежей (см. стр. 86). В то же время, это своеобразное обобщение "настоящего" падежа, так сказать, абстрактно-морфологический конденсат синтаксической позиции. Подобные "условные" грамматические категории, характеризующие не отдельные словоформы, а стандартные поддерева (= группы), могут оказаться достаточно удобным средством описания как глубинной морфологии, так и поверхностного синтаксиса. Пока, однако, я вынужден ограничиться этими беглыми замечаниями.

4) Пусть через \underline{c} (лат. *casus*) обозначен падеж, а через \underline{n} (лат. *numerus*) - число. Тогда через $\underline{c}(A)$ мы будем обозначать "падеж единицы A", а через $\underline{n}(A)$ - "число единицы A".

5) Различаются два типа групп ΔNUMP - прямые и косвенные. Они определяются следующим образом.

(а) $\Delta\text{NUMP}_X = \text{прям } \stackrel{\text{def}}{=} \underline{c}(\Delta\text{NUMP}_X) = \text{им}$

или $(\underline{c}(\Delta\text{NUMP}_X) = \text{вин } \underline{n} X \neq (\text{одуш}))$,

т.е. группа ΔNUMP называется прямой в одном из двух случаев: либо ΔNUMP - в им. падеже, либо она в вин. падеже, но при этом ее вершинное S - неодушевленное (это существенно потому, что при одушевленном S в вин. падеже группа ΔNUMP оформляется в определенных случаях так же, как при S в род. падеже). Примеры: [подошли] три девочки, [получено] пять тонн, [получили] пять тонн, [за] две тонны и т.д.

$$(b) \Delta\text{NUMP}_X = \text{косв} \stackrel{\text{def}}{=} \underline{c}(\Delta\text{NUMP}_X) \neq \text{им, вин}$$

или $\underline{c}(\Delta\text{NUMP}_X) = \text{вин и } X = (\text{одуш}),$

т.е. группа ΔNUMP называется косвенной также в одном из двух случаев: либо она не в им. и не в вин. падеже, либо она в вин. падеже и ее вершинное S - одушевленное. Примеры: [для] пяти тонн, [с] тысячью рублями, [о тех] шести поцелуях, [интересовался] пятью девушками, [вижу] трёх девушек, [поцеловал] пять девушек, [увёл всех] четверых гостей, [встретил двадцать] три девушки и т.д. (Таким образом, выражение типа три девушки может быть манифестацией как $\Delta\text{NUMP}_{\text{прям}}$, например [Пришли (двадцать)] три девушки, так и $\Delta\text{NUMP}_{\text{косв}}$, например [Встретил двадцать] три девушки.)

NB: Как показано ниже (Экскурс 13, стр. 420), словарный признак русских S "одушевленность" в действительности должен быть расщеплен на два признака - "м о р ф о л о г и ч е с к а я одушевленность" (характеризует только совпадение формы винительного падежа с формой именительного или же с формой родительного) и "с и н т а к с и ч е с к а я одушевленность" (определяет значение согласовательной категории "одушевленность" у согласуемых адъективов). То же самое относится и к категории одушевленности у Num. Более того, аналогичное расщепление целесообразно и для словарного признака "грамматический род" (Зализняк 1967: 138-140). Поскольку, однако, это несущественно для моих целей в данном контексте, я предпочел не усложнять и без того сложное изложение и пользоваться в конкретном описании русских ЧВ традиционными, т.е. нерасщепленными, признаками.

Прежде чем перейти к выписыванию самих операторов $COOTB_{S(Num)}$ и $COOTB_{Num(S)}$, мы укажем здесь, для лучшей ориентации читателя, 12 основных факторов, от которых зависит форма как S , так и Num в конструкции $Num + S$:

- 1) Тип числительного. С точки зрения оформления "исчисляемого" S (и самого Num) русские Num делятся на десять типов:
 - (i) ПОЛ¹; (ii) ОДИН I; (iii) ПОЛТОРА; (iv) ДВА; (v) ОБА;
 - (vi) ТРИ и ЧЕТЫРЕ; (vii) ПЯТЬ, ШЕСТЬ и т.п. до СТО включительно; (viii) названия сотен, начиная от ДВЕСТИ; (ix) ТЫСЯЧА I; (x) лично-количественные Num .
- 2) Является ли Num одиночным - или оно представляет собой самый правый (= вершинный) компонент составного числительного? (Т.е. *два* или *тридцать* ← НУМ-ВСПОМ *два*?)
- 3) Является ли Num вершиной имени смешанного числа?
- 4) Каков падеж всего ЧВ в целом, т.е. каков $\underline{c}(\Delta NUMP)$: именительный, винительный или один из прочих?
- 5) Одушевленность/неодушевленность S .
- 6) Род S : женский или не женский?
- 7) Является ли S plurale tantum?
- 8) Имеет ли S особую счетную форму? Если да, то в единственном или множественном числе? Является ли эта счетная форма сильной или слабой (см. стр. 431 и сл.)?
- 9) Является ли S по происхождению субстантивированным прилагательным?
- 10) Является ли S личным именем собственным, в частности - русской фамилией на *-ин/-ов*?
- 11) Есть ли при S согласованное препозитивное определение?
- 12) Зависит ли все ЧВ в целом от предлога ПО в распределительном значении (*Всем дали по две корзины*)?

Кроме того, может быть существенной зависимость от некоторых других предлогов и глаголов, см. Экскурс 15, стр. 445.

Весьма сложные соотношения между всеми этими факторами и описываются приводимыми ниже операторами $COOTB_{S(Num)}$ и $COOTB_{Num(S)}$.

Оператор COOTB _S (Num)

Говоря о морфологической форме существительного в составе русских ЧВ и о ее зависимости от числительного, удобно различать четыре основных класса случаев.

1. При числительном ОДИН I, при составном числительном, оканчивающемся на ОДИН I, или при таком цифровом обозначении числа, которое оканчивается на 1 (но не на 11), существительное - если только оно не *plurale tantum* - имеет единственное число (и падеж всей группы Δ NUMP): *двадцать один школьник, для 261 семьи, к 1241 виду. Pluralia tantum* сохраняют множественное число: *тридцать одни часы, к 41 саням.*

2. При "малых" числительных - ПОЛ¹, ПОЛТОРА, ДВА, ТРИ, ЧЕТЫРЕ, ОБА, при составных Num, оканчивающихся на ДВА, ТРИ или ЧЕТЫРЕ, или при таком цифровом обозначении числа, которое оканчивается на 2, 3 или 4 (но не на 12, 13, 14), существительное ПРЯМОЙ Δ NUMP имеет, как правило, единственное число и родительный падеж: *полтора литра <года>, два столбца, обе колонки, тридцать три богатыря, 254 самолётовилета.*

При этом возможны следующие три осложнения:

а) S адъективного склонения (т.е. по происхождению - субстантивированные прилагательные), не являющиеся мужскими фамилиями на -ин/-ов, обязательно имеют множ. число: *два насекомых <*насекомого>, сто четыре шашличных <*шашличной>*. Кроме того, адъективные S женского рода, а в некоторых специальных случаях - и мужского рода (см. стр. 176) допускают, наряду с родительным, и именительный падеж: *сто четыре шашличные <шашличных>, обе дежурные <дежурных>, обе Кузьмины <Кузьминных>, оба Лазурские и т.п. (Ср., однако, *три портные или *четыре насекомые, где S - мужского и среднего рода, соответственно.)*

Мужские фамилии на -ин/-ов обладают той особенностью, что допускают при "малых" Num и единственное число: *Иомдин - два Иомдина <Иомдинных>, Санников - два Санникова <Санниковых>*. Ср. **две Иомдиной, *две Санниковой, *два Лазурского*. (Напомним, что имена собственные на -ин/-ов, не являющиеся фамилиями, - например, названия городов: *Пушкин* и *Киров*, - склоняются не по адъективному склонению, т.е. не принадлежат к S (адъект) .)

б) Несколько S имеют (в единственном числе) особую счетную форму, отличную от род. падежа и выступающую при Num: *два часа́*, но не **два ча́са*, ср. *в течение ча́са* или *два долги́х ча́са*.

в) При *pluralia tantum* "малые" Num (за исключением ПОЛ¹) в ПРЯМОЙ ΔNUM невозможны: **два <две> саней*, **три ворот*, **четыре ребят*; здесь необходимы лично-количественные Num: *двое саней*, *трое ворот*, *четверо ребят*. Однако в КОСВЕННОЙ ΔNUM "малые" Num возможны: *к двум саням*, *за тремя воротами*, *о четырёх ребятах*. Подробнее об этом см. Экскурс 11, стр. 384.

3. При "больших" числительных - ПЯТЬ, ШЕСТЬ, ..., ДЕВЯТНАДЦАТЬ, ДВАДЦАТЬ, ТРИДЦАТЬ, ..., СТО, ДВЕСТИ, ..., ДЕВЯТЬСОТ, при составных именах чисел, оканчивающихся на одно из "больших" числительных, при числительном ТЫСЯЧА I, при лично-количественных числительных ДВОЕ, ТРОЕ, ..., ДЕСЯТЕРО, при таком цифровом обозначении числа, которое оканчивается на 0, 5, 6, 7, 8, 9, 11, 12, 13 или 14, а также при любом условном обозначении числа (вида n , N^c , $i-1$) сумествительное ПРЯМОЙ ΔNUM имеет множественное число и родительный падеж: *пять цифр*, *тысяча двести детей*, *Пришло семеро друзей*, *Я вижу трое саней*, *дороже на тысячу долларов*, *108 процентов*, *110065 жителей*, *Пусть имеется $(n+k)^2$ элементов*.

Возможные осложнения:

а) Если числительное имеет при себе название дробной части в словесной форме, вводимое союзом И (т.е. если это Num - вершина имени смешанного числа), то существительное (не *pluralia tantum*) ставится в ед. числе: *шесть и три четверти килограмма*; *в $3/4$ килограмма*; *в,7 ведра*; *пять и ноль шесть грамма* (= 5,06 грамма); см., в частности, синтагму 3 на стр. 133, условие 2. (Однако выражения *с половиной* и *с четвертью* не вызывают указанного осложнения: *шесть с половиной килограмм(ов)*, *пять с четвертью грамм*.)

б) Некоторые S имеют (во множественном числе) особую счетную форму, отличную от род. падежа и выступающую при Num: *восемьсот гаусс <рентген>*, но не **восемьсот гауссов <рентгенов>*; однако *Всех этих гауссов <рентгенов> будет недостаточно, чтобы...*

4. Существительное КОСВЕННОЙ Δ NUMP при любых числительных и условных обозначениях чисел имеет, как правило, множественное число и падеж всей группы: *Мы интересуемся следующими двумя особенностями; Стипендия выплачивается ста двадцати четырём студентам; до 3-х раз; с сорока пятью партнёрами; более полутора лет; Он, как Христос, напоил всех полутора литрами; вижу трёх девушек <пять девушек>.*

Осложнения:

а) Если числительное - ОДИН I или оканчивается на ОДИН I и т.п. (см. пункт 1, стр. 168), то S имеет единственное число: *к ста двадцати одному студенту.*

б) Если числительное - "малое" и является вершинным (самым правым) компонентом имени числа, а падеж группы Δ NUMP - винительный и S одушевленное, то S имеет единственное число и родительный падеж: *проэкзаменовал (тысячу шестьсот) двадцать две студентки, но проэкзаменовал двух студенток <*две студентки>.*

Эти четыре класса случаев определяют грубую схему оператора $COOTB_S(Num)$, к выписыванию которого мы и переходим.

$$COOTB_S(Num) (x''(X), Y)$$

Напомним, что $x''(X)$ - это глубинно-морфологическая характеристика X-a, т.е. существительного. Именно ее компоненты - число и падеж - задаются оператором $COOTB_S(Num)$ в зависимости от свойств Y-a, т.е. числительного (а также в зависимости от падежа всей группы Δ NUMP).

Все синтаксические признаки, использованные в правилах данного и следующего (стр. 171 - 205) операторов, поясняются в § 4 данной главы, стр. 251 и сл.

Форма записи операторов $COOTB$ - в виде пар форм слов, отвечающих друг другу при определенных условиях, т.е. по существу в том же виде, что и синтагмы, - была предложена Л.Л.Иомдиным и заимствована мною из работы Иомдин 1977b.

Y - ОДИН I или цифровое выражение,
оканчивающееся на 1 (но не на 11)

(Правило 1)

1.

$$Y_{\text{ОДИН I/(Ф,цифр-1)}} : \begin{cases} (1) X_{(\underline{\text{не}} \text{ мн!})\text{ед,}\underline{c}} \\ (2) X_{(\text{мн!})\text{мн,}\underline{c}} \end{cases} \left| \underline{c} = \underline{c}(\Delta\text{NUMP}_X) \right.$$

◆ Знак "!", появляющийся в синтактиках в правиле 1 и ниже, читается 'только'; он не является, однако, отдельным символом, имеющим постоянное значение: "!" входит как чисто мнемонический компонент в определенные нечленимые символы, смыслы которых задаются определениями каждого символа, взятого как целое. Так, "мн!" означает *plurale tantum*, т.е. S, в парадигме которого отсутствуют формы единственного числа; в то же время "счётн!" (например, правило 2 на стр. 172) означает такую счетную форму типа *часá*, которая не чередуется после "малых" Num с родительным падежом: *три часá*, но не **три чáса*, в отличие от *три шагá* и *три шáга*. ◆

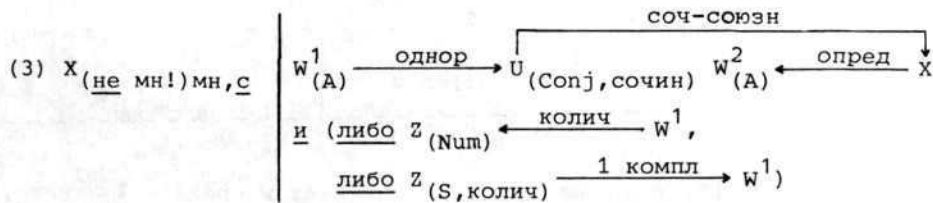
- (1) сто сорок один [Y] случай [X];
- (2) с пятьюдесятью <разг. с пятьдесят/пятидесяти> одним [Y] случаем [X];
- (3) из 231 [Y] столбца [X];
- (4) у девяноста одних [Y] саней [X];
- (5) к 1241 [Y] ножницам [X];
- (6) корабль, изрешеченный 821 [Y; = восьмьюстами двадцатью одним <восьмьсот двадцатью одним>] попаданием [X].
- (7) В этой бухте погиб двадцать один [Y] моряк [Н.Чуковский, "Водители фрегатов"].
- (8) 141 матрос и морской пехотинец были убиты или утонули [Сб. "Прометей 11", Москва, 1977, стр.15].

◆ Правилем 1 не учитываются случаи вроде следующего:

- (9) Погибло около сорока человек, в том числе два датских и один [Y] американский бизнесмены [X] ["Правда", 25 янв. 1976 г.].

В соответствии с правилом 1 здесь следовало бы сказать ... и один американский бизнесмен. Тем не менее, (9) представляется

мне допустимым, хотя стилистически и не безупречным высказыванием. Если пожелать, чтобы правило 1 предусматривало и такую возможность, его надо будет дополнить подправилом 1(3):

Однако в связи с тем, что случаи типа (9) достаточно редки, а подправило 1(3) весьма специфично, я предпочел не включать его в основной текст оператора. ♦

Y - "малое" числительное (ПОЛ¹, ПОЛТОРА, ОБА, ДВА, ТРИ, ЧЕТЫРЕ)
или цифровое выражение, оканчивающиеся на
2, 3 или 4 (но не на 12, 13 или 14)
(Правила 2-16)

|| Общее условие к правилам 2-12: $\Delta \text{NUMP}_X = \text{прямая}$
2.

$\Upsilon_{(\text{мал})/(\Phi, \text{цифр}-i)} : X \left(\begin{array}{l} \underline{\text{не}} \text{ мн!}, \underline{\text{не}} \text{ адъект}, \\ \underline{\text{не}} \text{ (мест, личн)}, \\ \underline{\text{не}} \text{ счѐтн}, \underline{\text{не}} \text{ счѐтн!} \end{array} \right) \text{ед, род}$
 $i = 2/3/4$

ПРИМЕРЫ:

- (1) Мы живѐм, под собою не чуя страны,
Наши речи на десять шагов не слышны,
А как хватит на пол [Y]-разговорца [X],
Так припомнят кремлёвского горца [О.Мандельштам].
- (2) Всего купили полтора [Y] килограмма [X] <полтора [Y]
тонны [X]>.
- (3) Льѐт дождь. На даче снят два [Y] сына [X],
Как только в раннем детстве снят [Б.Пастернак].
- (4) Явились оба [Y] друга [X].
- (5) Три [Y] гордые пальмы [X] высоко росли [М.Ю.Лермонтов].
- (6) Всего было произведено 11644 [Y] приёмника [X].
- (7) Дочка просила у мамы конфетку.
- Сунь-ка ты лучше два пальца в розетку!

Сморщилось тельце, обуглились кости...

Долго смеялись над шуткою гости [советская прибаутка; продолжение: см. пример (10) на стр. 186].

◆ Как видно из правила 2, мы считаем, что в сочетаниях *Num + S*, представленных в (1)-(6), *S* стоит в родительном падеже единственного числа. Однако эта точка зрения не является общепринятой (хотя большинство русистов придерживается именно ее и она господствует в стандартных учебниках и пособиях).

Так, В.В.Виноградов (1947: 294-295, 302-303) полагал, что форма *S* при *Num* *два, три* и *четыре* "не находит семантического оправдания в системе живых падежных форм русского *S*", т.е. что в сочетаниях типа *два сына, три пальца, четыре приёмника* форма *S* не является формой родительного падежа ед. числа. Виноградов не указывает, какая же эта форма, а ограничивается тезисом о том, что сочетания *два <три, четыре> + S* суть "грамматические идиомы".

В статье Кобылянский 1953: 77 прямо утверждается, что при *Num* *два, три* и *четыре* в русском языке выступают "параллельные формы имен. и винит. падежей множественного числа существительных", т.е. *стола в [...стояли] два стола* есть особая форма именительного множественного. (Сходную позицию занимал и Л.А. Булаховский, см. Булаховский 1952: 314.) Выдвигаемые Кобылянским доводы таковы:

- Единственное число формы типа *стола* противоречило бы реальной множественности обозначаемых предметов.

- Значение родительного падежа препятствует его употреблению при числительных. (Кобылянский в указанной статье подчеркивает, что в большинстве индоевропейских и очень многих неиндоевропейских языках существительное никогда не выступает при числительном в родительном падеже: стр. 74-76.)

- Согласования типа *два опытные <опытных> охотника* противоречат тому, чтобы считать форму *охотника* родительным падежом ед. числа.

- Формы типа *стола* исторически восходят к древним формам именительного и винительного падежей двойственного числа.

Однако неубедительность этих доводов представляется очевидной. В самом деле, в *сто сорок одна книга* безусловное ед.

число формы *книга* противоречит реальной множественности книг, но это несколько не мешает успешному функционированию русского языка в данной области; родительный падеж широко употребляется в самом русском языке при "больших" числительных и количественных существительных и наречиях: *пятьдесят книг, миллион книг, сотня книг, много книг* и т.п. (ср. также такое типично "количественное" употребление русского родительного, как *Дай мне пирога!, Нет ли спичек?, Принеси стакан воды*; "количественный" характер ряда употреблений родительного отметил Д. Уорт, возражая В. В. Виноградову, см. Worth 1959: 122, в особенности - сноска 10); с согласованиями типа *опытные vs. опытных* при *два охотника* все равно останутся свои сложности, чем бы ни считалась форма S; а доводы *ad historiam* вообще неправомерны в строго синхроническом исследовании. К тому же постулирование у русских S параллельных форм именительного и винительного падежей мн. числа (т.е. *столи ~ стола*), выбор между которыми определяется синтаксическим контекстом (отсутствием/наличием "малого" Num), противоречит принципу внешней независимости падежных форм (см. Экскурс 13, стр. 415).

А. В. Исаченко в своем фундаментальном описании русского языка (Исаѣнко 1962: 529-530), выдвигая те же доводы, предлагает считать *стола* в *два <три, четыре> стола* формой особого падежа - нумератива, или счетного. Однако в разделе о падежах существительного (стр. 82-83) этот падеж им даже и не упоминается. Таким образом, Исаченко сам не готов принять все следствия из своего предложения и ввести нумератив в состав парадигм русских S.

Формы, выступающие в контексте *Вот три...*, трактуются как манифестации счетного падежа и в Зализняк 1967: 46-48, где, впрочем, отмечается существенная специфичность этого падежа, так что в конце концов он все равно именуется не падежом, а "счетной формой" (теоретический статус которой остается неясным). Мне, однако, кажется неправильным введение в падежный инвентарь русского языка целого нового падежа только на основе согласования S с "мальми" Num, каковое носит совершенно особый характер; естественнее, по моему мнению, допустить более сложные правила этого согласования, нежели более сложную падежную систему.

Подход Зализняка принят также в Naylor 1977. ◆

3.

$Y_{\text{ПОЛ}}^1 : X_{(\text{МН})\text{МН}, \text{РОД}}$

(1) *Провел там полсуток.*

◆ Pluralia tantum в им. и вин. падежах не сочетаются с другими малыми числительными: *полтора <полтори> суток, *оба <обе> часов [от ЧАСЫ], *три суток; для выражения соответствующего смысла вместо малых числительных должны использоваться лично-количественные: двое суток, трое часов, четверо саней, см. Эккурс 11, стр. 388. ◆

Замечания.

1. В разговорном языке возможно уникальное сочетание *пóлтора суток* (Виноградов 1947: 293); оно, по-видимому, должно быть указано в словарной статье лексемы СУТКИ.

2. Встречающиеся в прессе выражения вроде *163 славных суток* не могут быть произнесены, поскольку и *сто шестьдесят три славных суток и *сто шестьдесят трое славных суток неправильны (первое - из-за несоединимости лексем ТРИ и СУТКИ, второе - из-за невозможности для лично-количественного числительного *трое* входить в составное имя числа). В подобных случаях следует вообще избегать pluralia tantum или пользоваться счетным словом типа *штука, пара* и т.д.: *163 славных дня, 264 пары брук*.

4.

$Y_{\alpha/(\Phi, \text{цифр-}i)}$:

(1) $X_{(\text{адъект})\text{МН}, \underline{c}}$

1) $\underline{c} = \underline{c}(\Delta\text{NUMP}_X)$;
2) если $X \neq (\text{жен})$,
то $Z (A, \text{мест}) \xleftarrow{\text{опред}} Y/X$

(2) $X_{(\text{адъект})\text{МН}, \text{РОД}}$

1) если $X = (\text{жен})$,
то (нежелательно $Y = \text{ОБЛ}$
и не $Z (A, \text{мест}) \xleftarrow{\text{опред}} Y/X$);
2) предпочтительно: $X \neq (\text{жен})$

(3) $X_{(\text{адъект}, \text{муж}, \text{фам} -\text{ов})\text{ЕД}, \text{РОД}}$

$\alpha = \text{ОБА/ДВА/ТРИ/ЧЕТЫРЕ}$

$i = 2/3/4/$

◆ Подправила 4(1) и 4(2) отражают наблюдающуюся в русском языке вариативность форм существительных адъективного склонения (т.е. S, происходящих из субстантивированных А: *портной, столовая, жаркое*) при "малых" Num. Эти S соединяются с "малыми" Num (кроме ПОЛ¹ и ПОЛТОРА) в составе прямой Δ NUMP одним из двух способов (о мужских фамилиях на *-ин/-ов* см. ниже): будучи всегда во мн. числе, S может стоять либо в том же падеже, что и вся Δ NUMP, т.е. в именительном или винительном (*Построены две столовые; Построили две столовые*), либо в родительном падеже, независимо от падежа Δ NUMP (*Построены две столовых; Построили две столовых*).

При этом:

- Если S - женского рода, то оно чаще принимает падеж всей Δ NUMP (ср. условие 2 к подправилу 4(2)).

- Если же S - мужского или среднего рода, то оно обычно стоит в родительном падеже, однако если при Num или при S есть зависимое местоименное прилагательное (*этот, тот, весь, мой, ...*), то это S - по крайней мере, в моем идиолекте - может стоять и в падеже всей Δ NUMP, т.е. в именительном или винительном.

Создается впечатление, что противопоставление падежей у S может быть в данном случае смысловым. Как и в других аналогичных ситуациях, противопоставление "именительный-винительный vs. родительный" связано с определенностью/неопределенностью (или, может быть, с референтностью/нереферентностью) существительного: именительный и винительный падежи соотносятся скорее с референтностью и определенностью, родительный - с нереферентностью и неопределенностью:

(1) *Теперь возьмём все три наши переменные*
vs.

(2) *Теперь возьмём наугад три переменные*

(3) *Оба эти рулевые нам необходимы*

vs.

(4) *Нам требуются два рулевых.*

Указанное смысловое различие проводится очень непоследовательно; это всего лишь тенденция, а не абсолютное правило. Так, в (2) вполне возможна и форма *переменные* (она становится даже желательной, если к ней добавлено зависимое А, которое в

соответствии с принятой нормой должно быть скорее в имен. или винит. падеже: *Возьмём наугад три какие-нибудь переменные несколько лучше, чем ...три каких-нибудь переменных*), а в (3) - форма *рулевиx*: *Оба этих рулевиx нам необходимы*. Тем не менее, различие, о котором идет речь, все же существует: в (1) форма родит. падежа недопустима (см. условие 1 к подправилу 4(2)), равно как в (4) недопустим имен. падеж. Далее, выражение (5) [?]*Возьмем обе переменных*

представляется неудачным именно потому, что смысл 'оба' включает в себя известную референтность и определенность сразу ('все два')¹.

Условие 2 к подправилу 4(1) и условие 1 к подправилу 4(2) представляют собой попытку хотя бы грубо учесть референтность и определенность существительного в рассматриваемой Δ NUMP: без специально подчеркнутой определенности не-женское S адъективного склонения может быть только в родительном падеже, а подчеркивание определенности достигается соответствующим местоименным определением. Напротив, женское S может быть в родит. падеже скорее при достаточно отчетливой неопределенности (не-референтности), что, однако, в правиле 4 не отражено, поскольку в настоящее время я не умею в полной мере учитывать все эти тонкие семантические особенности.

Подправило 4(3) описывает добавочную вариативность, присущую русским фамилиям на *-ин/-ов*: они могут выступать при "малых" Num и в родительном падеже единственного числа. Таким образом, фамилия типа *Касаткин* бывает при "малых" Num в трех разных формах:

- (6) *Эти три Касаткини* - настоящие молодцы [правило 4(1)];
 (7) *Нам для этого нужны три Касаткиниx и два Санниковиx* [правило 4(2)];
 (8) *Три Лёни Касаткина* - это очень хорошо [правило 4(3)]. ◆

ПРИМЕРЫ:

- (9) *В результате мы получили обе <две, три, четыре> кривые.*
 (10) *Возьмём две-три кривые и исследуем их в данном интервале.*
 (11) *Нам нужны всего два рабочиx.*
 (12) *Эти четыре рабочиe - ребята хоть куда.*

◆ Некоторые информанты решительно отвергают фразу (12). Она неудачна и по моему собственному мнению, однако, как мне кажется,

только из-за того, что при S (адъект) мужского рода предпочитают лично-количественные Num, так что, вообще говоря, вместо (12) следовало бы сказать (12'):

(12') *Эти четверо рабочих - ребята хоть куда.*

В интересующем нас аспекте, т.е. с точки зрения падежа, фраза (12) представляется допустимой; это подтверждается тем, что (12")

Эти четыре рабочих - ребята хоть куда. ♦

(13) *Все эти четыре слабительные в случае диспенсического ректита безусловно противопоказаны.*

(14) **Нам нужны два рабочие* [нарушено условие 2 к подправилу 4(1)].

(15) *Пусть эти три прямые пересекаются в одной точке.*

(16) *Две уборные, две двери в них; разнополые служащие пользуются уборными* [А.Платонов, "Шарманка"].

5.

Y_{ПОЛ}¹ : X (адъект) ед, род

(1) *Света съела полмороженого* <*полмороженых>.

(2) *Вомбой снесло полшашличной* <*полшашличных>.

6.

Y_{ПОЛТОРА} : (1) X (адъект) мн, род

(2) X (адъект, не жен) ед, род

♦ Правило 6 учитывает допустимую вариативность у не-женских S (адъект): *полтора мороженых* <мороженого>, обеспечивая только одну форму для женских S (адъект): *полтора столових* <*столовой>.

Необходимо отметить, что, вообще говоря, сочетания ПОЛТОРА + S (адъект) вызывают затруднения у многих носителей языка. Некоторые даже считают все подобные сочетания невозможными и вставляют "прокладку" типа *порция, штука* и т.п., т.е. вместо *съел полтора мороженого* <мороженых> говорят только *съел полтора порции мороженого*. В идиолекте этих говорящих правило 6 отсутствует. ♦

(1) *За обедом Юрий Дереникович съел полтора заливных* <заливного>.

(2) На эти деньги можно построить не одну, а полторы столовые <столовой>.

7.

$$Y_{\alpha}/(\Phi, \text{цифр}-i): \begin{array}{l} (1) X \text{ (счётн) ед, счётн/род} \\ (2) X \text{ (счётн) ед, род} \end{array} \left| \begin{array}{l} Y + X \\ Y + \dots + Z + \dots + X \end{array} \right.$$

$\alpha = \text{ДВА/ТРИ/ЧЕТЫРЕ}$

$i = 2/3/4$

- (1) Зарецкий тридцать два шага́ Отмерил с точностью отменной [А.С.Пушкин].
- (2) До тебя мне дойти нелегко, А до смерти четыре шага́ [А.Сурков].
- (3) Два ша́га - прыжок, И шаг хромал, Человек один пришёл на вокзал [Н.Тихонов].
- (4) Еще четыре ша́га - и мисс Кант остановилась, не спуская с меня глаз.
- (5) Зал - а не первик три ряда́ [К.Симонов].
- (6) Они заняли все двадцать три ря́да.
- (7) *Оставалось два коротких шага́ [надо: ...ша́га].
- (8) *Они заняли два с лишним <с половиной> ряда́ [надо: ...ря́да].

◆ В (7) и (8) нарушено условие к подправилу 7(1) - требование контактного расположения Num и S в счетной форме; относительно этого условия, а также условия к подправилу 7(2) см. ниже, стр. 180, комментарий к правилу 9. ◆

8.

$$Y_{\alpha} : X \text{ (счётн) ед, род}$$

$\alpha = \text{ПОЛ}^1/\text{ПОЛТОРА/ОБА}$

- (1) полша́га, полря́да;
- (2) *полшага́, *полряда́;
- (3) полтора ша́га;
- (4) *полтора шага́;
- (5) оба ша́га <ша́ра, ря́да>;
- (6) *оба шага́ <шара́, ряда́>.

9.

$$Y_{\text{(мал)}} / (\Phi, \text{цифр} - i) :$$
(1) X_(счётн!) ед, счётн(2) X_(счётн!) ед, род

Y ≠ ОБА

$$\left[\begin{array}{l} \text{опред} \\ \text{не } Y + \dots + Z \text{ (A)} + \dots + X \end{array} \right]$$

$$\left[\begin{array}{l} \text{опред} \\ Y + \dots + Z \text{ (A)} + \dots + X \end{array} \right]$$

$$\left[\begin{array}{l} \text{атриб} \\ \text{или } Y + \dots + Z + \dots + X \end{array} \right]$$

i = 2/3/4

(1) *полчасá, полтора часá;*(2) **полчáса, *полтора чáса;*(3) *двадцать четыре <24> часá;*(4) **двадцать четыре <24> чáса;*(5) **оба часá [см. правило 10];*

(6) *два с половиной часá <*чáса> [с половиной зависит от два посредством не атрибутивного, а нумеративно-вспомогательного ПСО - см. стр. 233 - и потому не подходит под условие к подправилу 9(2); ср. следующий пример];*

(7) *два с лишним часá <чáса>;*(8) **два изнурительных часá [нарушено условие к подправилу 9(1)];*(9) *два изнурительных чáса.*

◆ Условия к подправилам правил 7 и 9 отражают тот факт, что на употребление счетной формы влияет наличие между Num и S каких-либо других слов, могущих препятствовать появлению счетной формы: см. подправила 7(2) и 9(2). Более подробно об этом говорится в Экскурсе 14, стр. 432. ◆

10.

Y_{ОБА} : (1) X_(счётн!) ед, род(2) X_(мест, личн) мн, им(1) *оба чáса;*(2) **оба часá;*(3) *мы оба;*(4) *обе они.*

11.

$$Y_{\text{(мал)}} / (\text{Ф, цифр-}i) : (1) X_{\alpha_{\text{ед, род}}}$$

если X = СТОРОНА/ЩЕКА;
то не во фраземах на все че-
 тире стóроны/за обе щёки,
 соответственно

$$(2) X_{\alpha_{\text{мн, с}}}$$

- 1) $\underline{c} = \underline{c}(\Delta\text{NUMP}_X)$;
 2) если X = ЩЕКА/РУКА,
то в сочетаниях за обе щёки/
 за обе рúки, соответ-
 ственно;
 3) если X = ПОЛОСА/ГОЛОВА,
то $\overset{\text{опред}}{\underline{z}} \downarrow$ (A) + ... + Y и 11(2) - устар.;
 4) если X = КОСА³, ...,
то 11(2) - устар.

$\alpha = \text{ПРОСТЫНЯ/СТОРОНА/ЩЕКА/РУКА/ГОЛОВА/ПОЛОСА/КОСА}^3 \text{ [волосы]}/...$
 $i = 2/3/4$

◆ Данное правило в достаточной степени условно и приведено здесь исключительно для полноты общей картины: в современном русском формы им. и вин. падежа мн. числа существительного возможны при "малых" числительных только у нескольких лексем женского рода, причем либо во фраземах или фиксированных сочетаниях (см. условия к обоим подправилам), либо соответствующие выражения носят, как правило, более или менее архаичный характер; запись "11(2) - устар." в условиях 3 и 4 к подправилу 11(2) означает, что применение этого подправила при выполнении указанных условий возможно лишь в устаревших оборотах речи.

Существенно, что за исключением фразем на все четыре стóроны (\approx 'куда угодно') и за обе щёки (\approx 'с аппетитом, очень интенсивно'; обычно при *уписывать* и *уплетать*) форма им. и вин. падежей мн. числа не бывает обязательной при малых числительных - она свободно чередуется с "нормальной" для данных случаев формой родительного падежа ед. числа.

Наиболее свободно форма им. и вин. падежей мн. числа выступает у лексемы ПРОСТЫНЯ (как указано в Worth 1959: 122, это, по-видимому, объясняется контаминацией с просторечной лексемой ПРÓ-СТЫНЬ). ◆

ПРИМЕРЫ:

- (1) Отнеси в стирку эти три простини́ <прóстини>!
- (2) У меня осталось всего полпростини́ <полпрóстини>.
- (3) На три стóроны света Три задумани в Вильне похода [А.С. Пушкин].
- (4) Он уписывал жаркое за обе щёки <*за обе щеки>.
- (5) Он ущипнул её за обе щёки <за обе щеки>.
- (6) Мир разлетелся на две стóроны:
С луною и без луны.
Тонкие рельсы настроены
Строем тревожной струны [Е.Винокуров].
- (7) Безумная беспечность.
На все четыре стóроны
Равнина. Бесконечность.
Кричат зловеще вороны [В.Гроссман, "Жизнь и судьба"].

12.

$Y_{\text{(лич-кол)}} : X_{\text{мн, род}} \quad \left| \quad X \neq \text{ЧЕЛОВЕК 1} \quad [\text{см. правило 19, стр. 187}] \right.$

- (1) И трое друзей отправились по домам.
- (2) Первые двое нарт остановились.
- (3) Затем Филоктет воздвиг трое знаменитых ворот Фиванского дворца.
- (4) Двое или трое прохожих строителей. Двое рабочих, разбирающих строение [А.Платонов, "Шарманка"].

$\left| \quad \text{Общее условие к правилам 13-15: } \underline{c}(\Delta\text{NUMP}_X) = \text{вин} \quad \right.$

13.

$Y_{\text{ПОЛ}^1/\text{ПОЛТОРА}} : X_{\text{(одуш) ед, род}}$

- (1) В один присест они съели полбарана <полщуки>.
- (2) За ужином съели (по) полтора зайца <(по) полтора щуки>.

14.

$Y_{\text{(мал/лич-кол) одуш}/(\Phi, \text{цифр-}i) \text{ одуш}} :$

- (1) $X_{\text{(одуш, не счётн-мн!) мн, вин}}$
- (2) $X_{\text{(одуш, счётн-мн!) мн, счётн-мн}}$

$\left| \quad Y \neq \text{ПОЛ}^1, \text{ ПОЛТОРА} \quad \right.$

15.

Y (мал/лич-кол) неодуш / (Ф, цифр-1) неодуш :

(1) X (одуш, не адъект) ед, род

(2) X (одуш, адъект) мн, род

Y ≠ ПОЛ¹, ПОЛТОРА

i = 2/3/4

◆ Посредством правил 14 и 15 учитывается следующая важная особенность русского языка.

Назовем ΔNUMP, включающую одушевленное S, одушевленной: *два мальчика, три девочки, оба тигра*. Когда одушевленная ΔNUMP, с Num *два, три, четыре, оба* или с лично-количественным Num ставится в винительном падеже, числительное, как правило, согласуется с S по одушевленности, а S получает форму винительного падежа множественного числа. Таким образом, мы имеем:

- (1) Я вижу двух <обоих> мальчиков <*два/оба мальчика>.
- (2) Врач осмотрел всех трёх <трёих> больных <*три/трое больных>.
- (3) На курсах приняли четырёх девушек из Рязани <*четыре девушки>.
- (4) - У нас отняли трёх <трёих> человек! <*три человека> [здесь человек = ЧЕЛОВЕК₁ мн, счётн-мн, см. подправило 13(2)].

Относительно согласовательной категории одушевленности у русских Num (и А) см. Экскурс 13, стр. 412 и сл.

Однако имеется целый ряд ситуаций, когда внутри одушевленной ΔNUMP, стоящей в винительном падеже, числительное может или даже должно не согласовываться с S по одушевленности (т.е. иметь признак "неодуш"), и тогда S получает форму родительного падежа (един. числа у обычных S и множ. числа у S адъективного склонения типа *портной*); иначе говоря, эта ΔNUMP образует "неодушевленную" форму винительного падежа:

- (5) В каждый класс направили по два мальчика <*по двух мальчиков>.
- (6) Кибердворник дядя Федя, Силой ровно в три медведя... <*в трёх медведях> [А. и Б. Стругацкие].
- (7) Сегодня врач осмотрел двадцать два <*двух> больных.
- (8) За ужином гости съели две фаршированные щуки <двух фаршированных щук>.

Описание всех ситуаций, в которых возможно или обязательно несогласование Num по одушевленности с $S_{(одуш)}$, дается в виде условий к правилам 10 и 11 оператора $COOTB_{Num}(S)$, стр. 199; обоснование принятого решения (т.е. допущение несогласования Num с $S_{(одуш)}$ по одушевленности в определенных контекстах при употреблении одушевленных $\Delta NUMP$) см. в Экскурсе 15, стр. 440. ♦

16.

разг. $Y_{ПОЛ^1}$:(1) $X_{(не\ мн!)} ед, \underline{с}$ (2) $X_{(мн!)} мн, \underline{с}$ 1) $\underline{с}(\Delta NUMP_X) = \text{род/дат/тв/предл}$;2) $\underline{с} = \underline{с}(\Delta NUMP_X)$;3) если $[\underline{с}(\Delta NUMP_X) = \text{род}$ и не $Z_{(Prep)} \xrightarrow{\text{предлож}} X]$,то 16 - нейтр.

♦ Условия 1 и 2 означают, что в данном правиле описываются $\Delta NUMP$, стоящие в любом падеже, кроме именительного и винительного; при этом "исчисляемое" S всегда получает падеж всей $\Delta NUMP$.

Условие 3 связано со следующим обстоятельством. Сочетание $ПОЛ^1 + S$, входящее в группу $\Delta NUMP$ в косвенном падеже (т.е. не в именительном и не в винительном), в нейтральном стиле, в частности - в научно-деловой, официальной или книжной речи, не употребляется: соответствующие выражения (см. (1)-(4) ниже) носят отчетливо выраженный разговорный характер.

Если, однако, $\Delta NUMP$ стоит в родительном падеже и при этом не зависит от предлога, то сочетание $ПОЛ^1 + S$ является вполне нейтральным (см. (7) и (8)). Кроме того, некоторые сочетания $ПОЛ^1 + S$ в косвенных падежах, несмотря на их разговорный характер, встречаются в авторском тексте художественных произведений, в частности - в поэзии (см. (9)-(10)).

В ряде случаев вместо невозможного или стилистически нежелательного сочетания с $ПОЛ^1$ применяется сложное слово с ПОЛУ-: *До села осталось полкилометра vs. В полкилометре от села...*; *Уничтожили полбатальона пехоты vs. Уничтожили до полубатальона пехоты*; и т.д. Подробнее о соотношении $ПОЛ^1$ и ПОЛУ- см. Экскурс 4, стр. 280. ♦

ПРИМЕРЫ:

- (1) - Если к таким полсуткам добавить еще хоть час, то нам не выдержать!
- (2) На их месте возник его сосед Федя с ковригой пеклеванного подмышкой и с полбутылкой в свободной руке [В.Максимов, "Семь дней творенья"].
- (3) - А теперь разбавь всё это полстаканом водки!
- (4) - Не станем же мы ругаться из-за полчайника этой жижи!
- (5) - От полкило <От полметра> ничего с тобой не будет!
- (6) - Ну, Наумовна у нас заводится с пол-оборота!
- (7) Не уступим врагу ни полметра нашей земли!
- (8) Жомини да Жомини, А об водке - ни полслова [Д.Давыдов].
- (9) Вот он - в полвершке - противник. Носом к носу. Теснота [А.Твардовский, "Василий Теркин"].
- (10) В полверсте, в кустах - противник [там же].

У - "большое" числительное (ПЯТЬ и выше),
цифровое выражение, оканчивающееся на 5, 6, ..., 9, 0, 11, ..., 14,

неодушевленное лично-количественное числительное
или условное обозначение числа (типа $(k + 1)^2$ и т.п.)

(Правила 17-20)

|| Общее условие к правилам 17-19: $\underline{c}(\Delta\text{NUMP}_X) = \text{им/вин/род.}$

17.

$Y_\alpha : X_{\left(\begin{array}{l} \text{не счѣтн-мн} \\ \text{не счѣтн-мн!} \end{array} \right)}$ мн, род

$\alpha = (\text{больш}) / (\text{лич-кол}) \underline{\text{не}} \text{ одуш} / (\Phi, \text{цифр} = j) / (\Phi, \underline{\text{не}} \text{ цифр})$

$j = 5/6/7/8/9/0/11/12/13/14$

ПРИМЕРЫ:

- (1) "Белоснежка и семь гномов" [название сказки].
- (2) "Али-Баба и сорок разбойников" [название сказки].
- (3) На факультет санитарной техники в прошлом году приняли триста студентов <более трёхсот студентов>.
- (4) На четверо саней материала у нас не хватает.
- (5) По улице промчалось трое саней.

- (6) В наши палаты положили по двое новых больных.
 (7) Хунхэ добыла за сезон 217 белок.
 (8) ... диаметром (более) $0,37 \cdot 10^{-11}$ миллиметров.
 (9) А теперь выберем среди $(n - k)^2$ комбинаций n таких, которые удовлетворяли бы нашему условию.
 (10) Плакал папаша над кучкой углей:
 - Новый костюмчик! За сорок рублей! [советская прибаутка; начало: см. пример (7) на стр. 172].

18.

Y_α : (1) X _{(счётн-мн)мн, счётн-мн} (2) X _{(счётн-мн!)мн, счётн-мн} (3) X _{(счётн-мн)мн, род} (4) X _{(счётн-мн!)мн, род}	1) <u>не</u> Y+...+Z $\xrightarrow{\text{опред}}$ (A) +...+X; 2) <u>не</u> X $\xrightarrow{\text{атриб}}$ U
	$Y+...+Z \xrightarrow{\text{опред}} (A) +...+X,$ <u>или</u> X $\xrightarrow{\text{атриб}}$ U, <u>или</u> Y $\xleftarrow{\text{аппрокс-колич}}$ X

$\alpha = (\text{больш}) / (\Phi, \text{цифр} = j) / (\Phi, \text{не цифр})$
 $j = 5/6/7/8/9/0/11/12/13/14$

◆ Правило 18 посвящено тем S, которые имеют во множественном числе особую счетную форму: см. Экскурс 14, стр. 430. Подправила 18(1) и 18(3) описывают случаи, когда счетная форма множ. числа чередуется при "большом" Num с родительным падежом: 25 килограмм [счетная форма] или 25 килограммов [родит. падеж]; подправило 18(2) предусматривает выражения, в которых при Num - разумеется, в случае выполнения условий 1 и 2 - возможна только счетная форма (Погибло 25 человек <*людей>), а подправило 18(4) - выражения, в которых сумествительное, стоящее при числительном, обязано, вообще говоря, иметь счетную форму, однако если либо эти Num и S разделены прилагательным, относящимся к S, либо при S есть атрибутивная группа, то это S должно иметь родительный падеж (25 вооружённых людей <*человек>, ср. примеры (5) и (6) ниже); если же X и Y связаны не количественным, а аппроксимативно-количественным ПСО, то S может иметь родительный падеж (свободно чередующийся со счетной формой мн. числа):

Человек <Людей> примерно двести явилось при Явилось примерно двести человек <*людей>; см. пример (7) ниже. Употреблению родительного падежа способствует наличие между X-ом и Y-ом каких-либо слов (вводных выражений или наречий, зависящих от Num); эта деталь в данном правиле не учтена. Условия обеспечивают учет отсутствия/наличия как согласованного A между Num и S, так и атрибута при S.

Отметим, что наличие между Num и S слов, зависящих от Num (а не от S), не мешает употреблению счетной формы: 50 с лишним человек <*людей>.

Ср. правила 7, стр. 179 и 9, стр. 180. ◆

ПРИМЕРЫ:

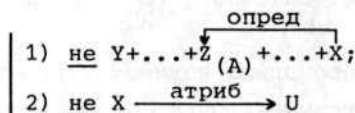
- (1) Двести грамм жизнью правят [А.И.Солженицын, "Один день Ивана Денисовича"].
- (2) На брата, наверное, грамм по пятьдесят [там же].
- (3) Десять человек погибло.
- (4) Девять граммов в сердце Постой, не зови! [Б.Окуджава].
- (5) Дружный натиск пяти [Y] раздраженных [Z] этой нелепой историей людей [X] <*человек> сделал свое дело.
- (6) Я уничтожил девятьсот пять [Y] людей [X] <*человек> неизвестного звания [U] [Е.Шварц, "Дракон"].
- (7) Хвост огромный в кабинет -
Из людей [X], пожалуй, ста [Y] [В.Высоцкий].
- (8) Пятнадцать человек на сундук мертвеца!
Ио-то-то и бутылка рому! [пиратская песня из "Острова сокровищ" Р.Стивенсона].

19.

Y (лич-кол):

(1) X_{ЧЕЛОВЕК 1} мн, счётн-мн

(2) X_{ЧЕЛОВЕК 1} мн, род

(3) X_{(мест, личн)мн, с}

- 1) $\underline{с} = \underline{с}(\Delta\text{NUMP}_X)$;
 2) если X = ОНИ,
то антедецент X-а:
 (а) либо обозначение людей,
 (б) либо обозначение дете-
 нышей животных,
 (с) либо [X = (мн!) ,
и Y = ДВОЕ/ТРОЕ/ЧЕТВЕРО
и ΔNUMP_X = прям]

◆ Подправила 19(1) и 19(2) учитывают допустимые колебания формы лексемы ЧЕЛОВЕК 1² при лично-количественных Num в ΔNUMP именительного, винительного и родительного падежей:

- (1) *На вызов явилось всего трое человек <людей>.*
 (2) *По дороге мы встретили пятерых человек <людей>.*
 (3) *Место здесь есть только для троих человек <людей>.*

В действительности, подобные колебания встречаются и при обычных Num:

- (4) *Туда, где десять лет работал он один, поставили четырёх людей* ["Тарусские страницы", 1961, стр. 14];

однако, из-за некоторой ненормативности фраз типа (4), а также из-за невыясненности условий их допустимости, я не отразил сочетания *двух <трёх, четырёх> людей* в правилах оператора $\text{COOTB}_S(\text{Num})$.

Условие 1 к подправилу 19(1) учитывает невозможность определения-прилагательного между Num и счетной формой:

- (5) **трое [Y] усталих [Z] человек [X] [надо: людей],*

а условие 2 - невозможность наличия при счетной форме каких бы то ни было атрибутов (выражений, зависящих от счетной формы):

- (6) *Все уставились на четверых людей <*человек> в странной форме.*

Необходимо подчеркнуть, что счетная форма мн. числа человек лексемы ЧЕЛОВЕК 1 вообще затрудненно сочетается с Num_(лич-кол), так что обычно мы имеем для этой лексемы либо Num_(не лич-кол) + ЧЕЛОВЕК 1_{счѣтн-мн (человек)}, либо Num_(лич-кол) + ЧЕЛОВЕК 1_{род (людей), ср.:}

- (7) *В плен взято два человека <*двое человек>* [М.А.Булгаков];

- (8) На борту самолёта находилось четыре человека <? четверо человек> [из газет].
- (9) Перед Вильгельмом было трое, четверо людей <? человек> [Ю. Тынянов].

Однако поскольку фразы (1)-(3) представляются мне правильными, а точные ограничения на сочетания типа двое <трое, ...> человек мне неизвестны, я предпочел сохранить подправило 19(1) - хотя бы в приблизительном виде.

Подправило 19(3) описывает специфическое согласование личного местоимения множественного числа с лично-количественным числительным (см. синтагму 4, стр. 135):

- (10) Мы двое <Вы четверо, они шестеро> приходили к ней при невозможном
- (11) *Нас $\xrightarrow{\text{колич}}$ двое <Вас четверо, их шестеро> приходили к ней;

выражение

- (12) Нас двое <Вас четверо, их шестеро> приходило к ней правильно, но только как альтернативная реализация совсем другой конструкции, а именно:
- колич

- (12') Нас $\xleftarrow{\text{предик}}$ приходило двое, Вас приходило четверо, Их приходило шестеро,

где "исчисляемое" S принадлежит к эмфатически выделенной теме (см. синтагму 6, стр. 143).

См. также:

- (13) Я видел вас двоих <их шестерих>.
- (14) У нас троих <У них шестерих> все в порядке.

Условие 2 к подправилу 19(3) учитывает тот факт, что лично-количественные Num сочетаются с обозначениями людей, детской животных и (при определенных ограничениях) с *pluralia tantum*; ср.:

- (15) Гости уже прибили; все они шестеро были люди молодые и энергичные,

но не

- (16) Фартеру удалось построить искомые алгоритмы; *все они трое записаны на языке ASS-2 [надо: все три алгоритма... или все они...]. ◆

Y_{α} : (1) $X_{\text{мн, род}}$

(2) $X_{\text{(счётн-мн/счётн-мн!)мн, счётн-мн}}$

α = ДВЕСТИ/ТРИСТА/.../ДЕВЯТЬСОТ/ТЫСЯЧА I / (Ф, цифр-00, не цифр-000/100)

◆ Правило 20 описывает допускаемое современным русским языком употребление "исчисляемого" S при именах (круглых) сотен и Num ТЫСЯЧА I в родительном падеже (или счетной форме) множественного числа - независимо от падежа всей ΔNUMP : с двумястами всадников, к четырёмстам долларам, в девятистах зданиях, под тысячью тонн, с тремястами человек <людей> и т.п. (Альтернативные сочетания, в которых S имеет падеж всей ΔNUMP , т.е. с двумястами всадниками, к четырёмстам долларам, в девятистах зданиях, под тысячью тоннами, описываются правилом 21.)

Следует, однако, отметить, что сочетания указанного типа - не с лексемой ТЫСЯЧА I - вызывают заметные расхождения в оценках у носителей языка; некоторые представители среднего и старшего поколений считают даже, что выражения типа (1)-(5) нежелательны или вообще невозможны. Тем не менее, нормативные пособия и описательные грамматики современного русского языка безоговорочно признают их правильными; в моей собственной речи они также не только вполне употребительны, но даже, пожалуй, и предпочтительны по сравнению с выражениями, где S стоит в падеже всей ΔNUMP . ◆

ПРИМЕРЫ:

- (1) Промисли связаны с нефтяной магистралью двумястами [Y] километров [X] трубопровода.
- (2) Температура жидкости приблизилась к (двум тысячам) семистам [Y] градусов [X].
- (3) Примерно в 500 [Y] населённых пунктов [X] открыты торговые точки.
- (4) ... с тысячью рублей в кармане.
- (5) Родись я двумястами лет позже, я был бы другим [А.П.Чехов, "Палата №6"].

Y - любое числительное, любое цифровое выражение или
условное обозначение числа,

ΔNUMP_X - косвенная

(Правило 21)

21.

$Y(\text{Num}) / (\Phi) : X_{\text{мн}, \text{с}}$

- 1) ΔNUMP_X = косвенная;
- 2) $Y \neq \text{ПОЛ}^1$, ОДИН I;
- 3) если [Y = (больш) и X = (одуш)],
то $\underline{с}(\Delta\text{NUMP}_X) \neq \text{вин}$;
- 4) $\underline{с} = \underline{с}(\Delta\text{NUMP}_X)$;
- 5) если Y = ТЫСЯЧА I,
то желательно X - имя единицы измерения

◆ Условие 3 исключает из рассмотрения в правиле 21 сочетания типа (*вижу*) пять мальчиков: они описываются правилом 17, стр. 185.

Условие 5 отражает попытку учесть следующую тонкость: исчисляемое S при Num ТЫСЯЧА I далеко не всегда может стоять в падеже всей ΔNUMP . Так, при вполне нормальном

(1) ... с тысячью рублями в кармане (ср. пример (4) выше, правило 20)

мы имеем

(2) Он ушел, осипая меня тысячью проклятий <*проклятиями> [А. Беляев, "Голова профессора Доуэля"]

и

(3) Он быстро зашагал..., тревожимый тысячью опасений <*опасениями> [Ч. Диккенс, "Жизнь и приключения Николаса Никльби", в пер. А. В. Кравцовой].

Далее, для меня не ясна степень приемлемости таких выражений, как

(4) с тысячью пассажирами (на борту), ... обратился к тысяче слушателям, В тысяче жилих зданиях, ...

Лично я воспринимаю их как нежелательные, предпочитаю

(4') с тысячью пассажиров, к тысяче слушателей, в тысяче зданий.

Возможно, что в (2), (3) и (4') мы имеем не Num - ТЫСЯЧА I а S - ТЫСЯЧА IIa (см. Экскурс 5, стр. 289), несмотря на "чис-

лительную" форму творительного падежа (тысячью вм. тысячей). Но здесь предложено другое решение: считать, что в падеже всей $\Delta NUMP$ при ТЫСЯЧА I желательны только названия отчетливо пересчитываемых объектов - в первую очередь, единиц измерения. ♦

ПРИМЕРЫ:

- (5) *К полутора [Y] суткам [X] ожидания добавилось ещё несколько часов.*
- (6) *И я схватил ее обеими руками прямо за... [Л.Стерн, "Сентиментальное путешествие"].*
- (7) *Я успел поговорить только с тремя людьми.*
- (8) *Ты меня не любишь больше: Истина в пяти словах [М.Цветаева].*
- (9) *...присоединяется ко всем сорока шести [Y] внешним зажимам [X].*
- (10) *К двумстам [Y] метрам [X] каната он прикрепил ещё метров сорок пять двойного шнура.*
- (11) *Ведь мне ещё пятерых [Y] ребят [X] поднимать! ["Тарусские страницы", 1961: 13].*
- (12) *Выборы прошли уже в 237 округах.*
- (13) *В каждый из $N[Y_1]$ ящиков $[X_1]$ положили по две коробки с $n[Y_2]$ шарами $[X_2]$ каждая.*
- (14) *Теперь попытаемся решить эту задачу в $(k-1)^{2n+1}$ измерениях.*
- (15) а. *В трёхстах шагах стрельба [К.Симонов, "Дни и ночи", Москва, 1945: 85].*
б. *Она была всего в каких-нибудь пятистах шагах от него [там же: 159].*
- (16) *Наиблагороднейшая девушка замешана в семистах [Y] рублях [X] [Ф.М.Достоевский, "Бесы"].*
- (17) *Когда врагов утешат слухом,
Что я закопан в тесном склепе,
То кто поверит ста старухам,
Что я бывал великолепен? [И.Гарик, "Еврейские дацзыбао"].*

Оператор $COOTB_{Num}(S)$

Различные случаи зависимости морфологической формы числительного от существительного в составе русских ЧВ подразделяются на пять классов (ср. выше, стр. 168).

1. Числительное ОДИН I (в том числе - и в качестве самого правого, т.е. вершинного, компонента составных числительных, типа *двадцать один, ..., сто один, ...*) согласуется с S так же, как обычное прилагательное: по роду (в ед. числе: *один килограмм vs. одна унция vs. одно яблоко*), по одушевленности (в вин. падеже: *[вижу] одного слона vs. [вижу] один столб*), по числу (*одна телега vs. одни сани*) и по падежу. О категории одушевленности у русских Num и A см. Экскурс 13, стр. 412 и сл.

2. Числительное ОБА согласуется с S в некотором смысле "более полно", чем обычное прилагательное; именно, оно различает мужской-средний и женский род во всех падежах и при S во множественном числе: *оба глаза vs. обе руки vs. оба уха; обоими глазами vs. обеими руками vs. обоими ушами*; и т.д. (Ни одна другая адъективная лексема в русском языке не различает грамматических родов во всех падежах при S во множ. числе: *красивыми глазами/руками/ушами*.) ОБА согласуется с S по роду, одушевленности (*[вижу] обоще слонов vs. [вижу] оба стола*) и падежу; по числу ОБА не изменяется, как и вообще все Num, за исключением ОДИН I.

3. Числительные ПОЛТОРА и ДВА (последнее также и в качестве самого правого компонента составных числительных, типа *двадцать два* и т.п.) в составе прямой $\Delta NUMP$ согласуются с S по роду: *полтора дня vs. полторы недели, два мальчика vs. две девочки*.

Отметим, что эти Num сохраняют родовое согласование и при S_{MN} : *полтора насекомых vs. полторы столових, два рулевих vs. две горничних*, но - в отличие от ОБА - только в именительном падеже или в винительном падеже при $S_{(неодуш)}$.

4. Все Num (за исключением $ПОЛ^1$, ОДИН I, ОБА и ПОЛСТА), т.е. ПОЛТОРА, ДВА, ТРИ и т.д. - до ДЕВЯТЬСОТ включительно, в том числе - и лично-количественные Num (ДВОЕ, ТРОЕ, ...) в составе косвенной $\Delta NUMP$ согласуются с S по падежу; кроме того, в

винительном падеже все "малые" (ДВА, ТРИ, ЧЕТЫРЕ) и лично-количественные числительные согласуются с S еще и по одушевленности: см. Экскурс 14, стр. 420. Относительно случаев рассогласования этих Num с S (одуш) по одушевленности см. Экскурс 15, стр. 440.

5. Наконец, числительные ПОЛ¹ и ПОЛСТА являются неизменяемыми. Кроме того, неизменяемость характерна в разговорной речи также для числительных ДВЕСТИ, ТРИСТА, ЧЕТЫРЕСТА и в несколько меньшей степени - для ПЯТЬСОТ, ..., ДЕВЯТЬСОТ:

- (1) - *И такую работу доверить этим двести лодирям!*
 (2) - *А потом он и ко мне сунулся со своими триста рублями.*

(См. ниже, стр. 206 и сл.)

Замечание. В чешском языке неизменяемость числительных распространена гораздо больше, чем в русском: ср. нормативное *o dvacetjedna žácih*, букв. 'о двадцать-одна студентах'; *o dvacetdva žácih*, букв. 'о двадцать два студентах'; *se stotři dětmi*, букв. 'со сто-три детьми'; и т.д. См. Poldauf 1957: 57.

Эти пять классов случаев образуют содержательную схему оператора $COOTB_{Num(S)}$. Выпишем теперь его полностью.

$$COOTB_{Num(S)}(X^*(Y), X)$$

X - неодушевленное S или $\Delta NUMP_X$
не в винительном падеже

(Правила 1-6)

|| Общее условие к правилам 1-6: $\underline{c}(Y) = \underline{c}(\Delta NUMP_X)$

◆ Данное условие гласит, что падеж числительного в составе $\Delta NUMP$ названного типа зависит только от условного падежа этой $\Delta NUMP$ (= совпадает с ним), т.е. никак не зависит от падежа "исчисляемого" S. Сказанное подтверждается простыми примерами вроде следующего:

- (1) Мы получим двадцать $\xleftarrow{\text{НУМ-ВСПОМ}}$ одну [Y] или двадцать $\xleftarrow{\text{НУМ-ВСПОМ}}$ пять тонн [X],

где падеж всей $\Delta NUMP$ (один $\xleftarrow{\text{КОЛИЧ}}$ тонна) - винительный, падеж $S = X_{\Delta NUMP}$ (т.е. тонн) - родительный, а падеж Num (двадцать одну - винительный). ◆

Общие условия к правилам 1-4:

|| 1) если $\underline{c}(\Delta\text{NUMP}_X)$ = вин, то $X \neq$ (одуш)

◆ Это условие отвергает ЧВ с одушевленным S в винительном падеже: из-за специфики согласования (по одушевленности и падежу) русских Num с такими S указанные ЧВ описываются отдельно, правилами 8-13. ◆

|| 2) если $\underline{c}(\Delta\text{NUMP}_X)$ = вин, то $\underline{an}(Y)$ = неодуш

◆ Если ΔNUMP - в винительном падеже, то в ситуациях, описываемых правилами 1-4 оператора $\text{COOTB}_{\text{Num}}(S)$, по категории одушевленности (= $\underline{an}(\text{imatio})$) числительное характеризуется граммемой "неодуш(евленное)". - Категория одушевленности у русских A и Num сочтена релевантной только в винительном падеже: см. Эккурс 13, стр. 423. Напомним (см. выше, стр. 166, а также Эккурс 13, стр. 420), что в более тонком описании категория одушевленности у русских S должна быть расщеплена на морфологическую и синтаксическую одушевленность. С целью облегчить изложение, это расщепление здесь не проводится, что не вызывает никаких трудностей или недоразумений. ◆

Y - числительное ОДИН I

1.

ОДИН I, \underline{q} , ед, \underline{c} : $X_{(\underline{\text{не}} \text{ мн!}, \underline{q})}$

(1) ...добили один [Y] килограмм [X] <одну [Y] тонну [X]> урановой руды.

(2) ... с двадцатью $\xleftarrow{\text{нум-вспом}}$ одной [Y] тонной [X].

2.

$\overset{Y}{\text{ОДИН I}}, \text{ мн}, \underline{c}$: $X_{(\text{мн!})}$

(1) За сезон были построены сто $\xleftarrow{\text{нум-вспом}}$ одни [Y] тракторные сани [X].

(2) Сначала на борт были доставлены одни [Y], а затем ещё трое саней [X].

(3) - Одними [Y] санями [X] мы никак не обойдёмся, нужны по крайней мере ещё двое.

У - числительное ОБА

3.

$$Y_{\text{ОБА}, \underline{a}, \underline{c}} : X(\underline{a})$$

- (1) Возьмём оба грамма <обе тонны>.
- (2) ... с обоими граммами <обеими тоннами>.
- (3) Оба мальчика <Обе девочки> поправляются.
- (4) Подушка уже горяча с обеих сторон [А.Ахматова].

У - числительное ПОЛТОРА

4.

$$Y_{\text{ПОЛТОРА}, \underline{a}, \underline{c}} : X(\underline{a}) \quad \left| \underline{c}(\Delta\text{NUMP}_X) = \text{им/вин} \right.$$

- (1) Прошло полтора [У] часа [X].
- (2) Прошло полторы [У] недели [X].
- (3) Сейчас скважина даёт по полторы [У]-две тонны [X] нефти в сутки.

Общие условия к правилам 5-6:

- 1) ΔNUMP_X - прямая;
- 2) если $\underline{c}(\Delta\text{NUMP}_X) = \text{вин}$, то $\underline{a}(\underline{c}) = \text{неодуш}$

У - числительное ДВА

5.

$$Y_{\text{ДВА}, \underline{a}, \underline{c}} : X(\underline{a})$$

- (1) Разведка боем - два [У] коротких слова [X] [И.Эренбург].
- (2) Он произнёс всего две [У] коротких фразы [X].

У - числительное ТРИ, ЧЕТЫРЕ или лично-количественное

6.

$$Y_{\alpha, \underline{c}} : X$$

$\alpha = \text{ТРИ/ЧЕТЫРЕ/(лич-кол)}$

- (1) Кинематограф. Три [У] скамейки [X]. Сентиментальная горячка [О.Мандельштам].
- (2) Встретились ему два арестанта в кандалах и с ними четыре [У] конвойных [X] с ружьями [Л.П.Чехов, "Палата №6"].

- (3) Семеро [Y] учащихся [X] получили ранения.
- (4) У него забрали во время обыска три [Y = ТРИ^{неодуш,вин}] магнитофона [X].
- (5) Мой милёнок от тоски
Выбил членом три доски.
Возрастает год от года
Мощь советского народа! [Советская частушка].
- (6) К обеду мы выкрасили все четверо [Y] ворот [X].

Y - числительное ПОЛТОРА, ДВА, ТРИ, ЧЕТЫРЕ
или лично-количественное

(Правило 7)

7.

$$Y_{\alpha, \underline{c}} : X \quad \left| \begin{array}{l} 1) \underline{c} = \underline{c}(\Delta\text{NUMP}_X); \\ 2) \underline{c}(\Delta\text{NUMP}_X) \neq \text{им,вин} \end{array} \right.$$

α = ПОЛТОРА/ДВА/ТРИ/ЧЕТЫРЕ/ лич-кол

- (1) - Полтора [Y] килограммами [X] нам не обойтись!
- (2) "Неизвестный - рекеиум в двух [Y] шагах [X] с эпилогом"
[название поэмы А.Вознесенского].
- (3) Я хочу быть солучьем двух [Y] лазурных планет [X].
Я хочу быть созвучьем между "да", между "нет" [И.Северянин].
- (4) Он вижил лишь благодаря этим четырём [Y] врачам [X].
- (5) И осталась она одна с пятерыми [Y] ребятами [X] ["Тарусские страницы", 1961, стр. 13].

X - одушевленное S и ΔNUMP_X - в винительном падеже

(Правила 8-14)

Общее условие к правилам 8-14: $\underline{c}(\Delta\text{NUMP}_X) = \text{вин}$ и $X = (\text{одуш})$

Y - числительное ОДИН

8.

$$Y_{\text{ОДИН I}, \underline{c}, \text{одуш,вин}} : X(\underline{c})$$

- (1) ... доби́ли за сезон двадцать \leftarrow нум-вспом одного [Y] кабана [X].
- (2) Я могу принять ещё только одного [Y] больного [X].

У - числительное ОБА

9.

(1) $Y_{\text{ОБА, } \underline{g}, \text{ одуш, вин}}$	}	X (<u>g</u>)	X - скорее <u>не</u> название рыбы, птицы
или животного, приготовленного в
качестве пищи
(2) $Y_{\text{ОБА, } \underline{g}, \text{ неодуш, вин}}$			

◆ Фигурная скобка в правиле 9 показывает, что две разные левые части отвечают одной и той же правой части. По существу, здесь следовало было бы иметь два разных правила. ◆

- (1) *У него я встретил обоих мальчиков <обеих девушек>.*
- (2) **У него я встретил оба мальчика <обе девушки>.*
- (3) ... *съели обеих щук <обоих карасей>* [щуки <караси> были скорее живые и их съели хищники, так что естественным началом фразы (3) было бы *Барракуди <дельфины, ...> съели [обеих щук]*; тем не менее, возможно и *Гости съели обеих щук*, хотя - во всяком случае, для меня - здесь предпочтительнее (4)].
- (4) *Гости съели обе щуки <оба карася>* [щуки <караси> мыслятся как фаршированные, зажаренные в сметане, приготовленные под польским соусом и т.п., - т.е. как особое блюдо].

◆ В связи с правилом 9 уместны два следующих замечания.

1. Название рыбы и т.п., приготовленной в пищу, без осложняющего зависимого Num (т.е. без ОБА или другого "малого" Num, см. ниже, правила 10-11, стр. 199) само по себе остается одушевленным:

- (5) *Гости съели всех фаршированных щук <карасей>*,
но не
- (6) **Гости съели все фаршированные щуки <караси>.*

Специфически "неодушевленную" форму винительного падежа (совпадающую с формой именительного падежа) ΔNUMP с подобными S могут иметь только при наличии "малых" числительных, которые способствуют неизменяемости S. Этот факт и описывается здесь как **р а с с о - г л а с о в а н и е** Num с S по одушевленности при условии особой семантики S: подправило 9(2), а также правила 10 и 11, условия 8.

2. Подправило 9(2) применимо для названий рыбы в большей сте-

пени, чем для названий птицы, для названий птицы - в большей степени, чем для названий животных, а среди этих последних - для названий мелких и диких животных - в большей степени, чем для крупных и домашних. Кроме того, подправило 9(2) явно предпочитается для существительных женского рода. Таким образом, *Гости съели обе щуки* звучит для меня несколько лучше, чем *съели оба окуня*, а *Гости съели обе (жареных) курицы <индюшки>* - лучше, чем *съели оба (жареных) петуха <индюка>*; далее, *Гости съели оба зайца* как будто лучше, чем *съели оба барана*, а *съели обе коровы* лучше, чем *съели оба быка*. Однако поскольку степень приемлемости тех или иных выражений подобного рода весьма неопределенна и сильно колеблется от одного говорящего к другому³, я счел возможным не отражать все указанные тонкости в условиях к подправилам 9(1) и 9(2). ♦

У - числительное ДВА-ЧЕТЫРЕ, ДВЕСТИ-ЧЕТЫРЕСТА

или лично-количественное

(Правила 10-12)

10.

$Y_{\text{ДВА}, \underline{q}, \text{неодуш}, \text{вин}} : X_{(\underline{q})}$

11.

$Y_{\alpha, \text{неодуш}, \text{вин}} : X$

A = { (a) $Z \xleftarrow{\text{нум-вспом}} Y$;

(b) или $U_{(\text{Преп}, \text{колич})} \xrightarrow{\text{предлож}} X$;

(c) или $W_{(V, \text{колич})} \xrightarrow{1 \text{ компл}} X$ };

B = { (d) или [X = (лич-собст),

и ΔNUMP_X обозначает несколько образов одного и того же существа,

и $Y \neq$ (лич-кол),

и $T_{(V)} \xrightarrow{1 \text{ компл}} X$ | T - глагол восприятия];

(e) или X - нереферентно/неопределенно

и [X = (жен),

или X - не название человека,

или X = ЧЕЛОВЕК 1/2,

или $U \xleftarrow{\text{огран}} Y$];

- (f) или Y = ДВЕСТИ/ТРИСТА/ЧЕТЫРЕСТА;
- (g) или X - название рыбы, птицы или животного, приготовленного в качестве пищи,
и Y ≠ (лич-кол);
- (h) или 10 <11> - устар.

α = ТРИ/ЧЕТЫРЕ/ДВЕСТИ/ТРИСТА/ЧЕТЫРЕСТА/ (лич-кол)

12.

- $Y_{\alpha, \text{одуш, вин}} : X$:

1) <u>не</u> A [см. правила 10 - 11];
2) <u>если</u> Y = ДВЕСТИ/ТРИСТА/ЧЕТЫРЕСТА, <u>то</u> X - референтно и определено

α = ДВА/ТРИ/ЧЕТЫРЕ/ДВЕСТИ/ТРИСТА/ЧЕТЫРЕСТА/ (лич-кол)

◆ Условия к правилам 10-12 учитывают тот факт, уже отмечавшийся выше (стр. 183), что числительное, в принципе согласующееся с S по одушевленности, в определенных ситуациях факультативно или обязательно не согласуется с ним по этой категории, т.е. при S_(одуш) числительное выступает в Δ NUMP как "неодуш". Условия A задают три известных мне контекста, в которых рассогласование по одушевленности обязательно, условия B - пять ситуаций, в которых такое рассогласование возможно, но не обязательно.

Пункт (а) предусматривает обязательное рассогласование Num ДВА, ТРИ и ЧЕТЫРЕ, а также ДВЕСТИ-ЧЕТЫРЕСТА с S по одушевленности в том случае, если это Num является вершиной составного имени числа:

- (1) Он нежно любил двух [Y] девушек [X] <*две девушки>, но
- (2) Он нежно любил двадцать [Z] \leftarrow НУМ-ВСПОМ две [Y] девушки [X] <*двадцать двух девушек>.
- (3) Море... оставило на берегу Тридцать три богатыря [А.С.Пушкин].
- (4) У него родословная в тридцать два предка.

В литературе изредка встречаются отклонения от закономерности пункта (а), ср. (5):

- (5) Утро застало в живих только двадцать двух человек [К.Паустовский, "Кара-Бугаз"; цит. по Супрун 1964: 73].

Любопытные примеры встречаются в газетах:

(6) *Группа террористов... отпустила всех 134 заложников* ["Известия", 1977, 11 марта, № 59];

здесь, судя по форме заложников число 134 должно читаться как *сто тридцать четирѣх*: при *сто тридцать четыре* было бы заложника.

(В (6), по-видимому, оказывает влияние препозитивная форма *всех*.)

Подобные выражения, однако, воспринимаются мною как аномальные, и в правилах 10-12 оператора $COOTB_{Num(S)}$ они не отражены⁴.

Пункт (b) задает обязательное рассогласование Num с S по одушевленности в контексте зависимости всей группы $\Delta NUMP_X$ от предлога/послелого с синтаксическим признаком "колич". Этот признак имеют предлоги и послелог, вводящие (в данном значении) "измерительное" или "счетное", - т.е. принципиально нереферентное - выражение: ПО III (распределительное *по*), В I после имен величин (*силой <весом> в*), НА I после выражений сравнения (*больше <меньше> на, увеличиваться <возрастать> на*), ЧЕРЕЗ в значении 'на расстоянии' (*стоял от неё через три человека*), ТОМУ НАЗАД:

(7) *В палату клали по три мальчика <по трое раненых>*.

(8) *... тяжѣлая осадная машина, весом в целых четыре слона.*

(9) *... две жень тому назад* [К.Воннегут].

Пункт (c) делает то же самое, что и пункт (b), но только для глаголов с признаком "колич": *составлять, превышать, стоить, весить* и т.п., как во фразах (10) и (11):

(10) *Плотность населения в этом районе составляет всего <превышает> два человека на квадратный километр.*

(11) - *Этот меч стоит три юных рабни или три искусных раба* [разговор на рынке в Афинах V в. до н.э.].

ПВ: правильное описание форм ЧВ в (10) и (11) обеспечивается правилами 10 и 11 оператора $COOTB_{Num(S)}$ и подправилом 15(1) оператора $COOTB_{S(Num)}$, стр. 183.

Рассмотрим теперь ситуации возможного, но не обязательного появления $Num_{неодуш}$ при $S_{(одуш)}$.

Пункт (d) относится к весьма экзотическим примерам типа следующего:

(12) *И он увидел перед собой сразу три Катю.*

Для многих носителей русского языка (в частности, для меня) фраза (12) имплицитно подразумевает наличие одного "растроившегося" образа -

скажем, три портрета одной и той же Кати или три образа Кати при галлюцинации; одним словом, "он", упоминаемый в (12), увидел одну и ту же Катю в трех лицах. В отличие от этого, в (13):

(13) *И он увидел перед собой сразу трёх Кать* -
речь скорее идет о трех разных женщинах или девочках, носящих одно и то же имя.

При этом данное семантическое противопоставление возможно далеко не при всех глаголах:

(14) *Куда же мы денем двух Гэрретов* <*два Гэррета>?

[Р.Бредбэри; речь идет о человеке и его двойнике-роботе].
Формулировка (d) отображает соответствующие факты весьма приблизительно.

Пункт (e) предусматривает возможность (во всяком случае, в разговорной речи) фраз вроде следующих:

(15) - *Если Колюнька купит ещё три коровы* <трёх коров>, это будет уже слишком, - проворчала графиня Наталья.

(16) - *За целое утро поймал каких-то жалких три карасика* <трёх карасиков>!

(17) *Он успевает осмотреть за день не более чем четыре человека* <четырёх человек>.

Такие фразы звучат тем нормальнее, чем менее референтны соответствующие Δ NUMP. Допустимости фраз типа (15)-(17) способствуют также следующие три фактора, перечисленные в пункте (e) условия B:

- женский род S;
- то, что S не обозначает человека, или же S - это лексема ЧЕЛОВЕК 1 или лексема-нумератив ЧЕЛОВЕК 2 (*Он осмотрел сегодня три человека* <*трёх человек> больниц);
- наличие при Num ограничительного наречия или частицы (*ещё, только, более чем, примерно, ...*).

Пункт (f) касается Num ДВЕСТИ, ТРИСТА и ЧЕТЫРЕСТА, имеющих варианты формы в винительном падеже.

Пункт (g) относится к случаям, когда X обозначает блюдо (см. выше, стр. 198):

(18) *Хозяйка подала гостям четыре поросёнка* <четырёх поросят> с хреном.

- И, наконец, пункт (h) описывает архаичные выражения типа
(19) *На них он вименял борзие три собаки* [А.С.Грибоедов]. ♦

ПРИМЕРЫ:

К правилам 10 и 11:

- (20) *Я очень испугался, увидев перед собой двадцать [Z] два [Y] маленьких чудовища [X] <*двадцать двух маленьких чудовищ>*, ср. (22).
(21) *Так и оставили на день в квартире Сорок [Z] четыре [Y] весёлых чиха [X] <*сорок четырёх весёлых чихей>* [С.Я.Маршак], ср. (23) ниже.

К правилу 12:

- (22) *Я очень люблю этих двух [Y] маленьких чудовищ [X] <*два маленьких чудовища>*, ср. (20).
(23) *Так и оставили... четырёх [Y] чихей [X] <*четыре чиха>*, ср. (21).
(24) *Всех троих синовой унесла у неё война.*
(25) *Коля поймал на себе трёх клопов <*три клопа>*,
но не
(25') **Коля поймал на себе тридцать трёх клопов [надо: ...тридцать три клопа, по правилу 11].*
(26) *Четырёх [Y] пострадавших [X] пришлось отправить в больницу* (ср. Он потерял уже трое щипцов, где трое - форма неодушевленного падежа; данное ЧВ обрабатывается правилом 6, стр. 196).
(27) *Вся страна славит этих двухсот [Y] героев [X].*
(28) *Ехал он, ехал, и наехал в аккурат на тех самих четырёхсот [Y] разбойников [X]*,
но не
(28') **... и наехал на тысячу четырёхсот разбойников [здесь нарушено условие 1(а) к правилу 12; надо: ... наехал на тысячу четыреста разбойников, что обеспечивается правилом 11].*

♦ В связи с примерами (27) и (28) встает следующая проблема. Форма одушевленного винительного падежа у имен сотен ДВЕСТИ, ТРИСТА и ЧЕТЫРЕСТА не является, вообще говоря, обязательной: так, в (27) и (28) возможна и неодушевленная форма винительного падежа этих Num, ср.:

(27") ... славит двести своих героев,

(28") ... наехал на четыреста вчерашних разбойников.

Подобная вариантность характерна только для трех русских числительных-имен сотен, указанных выше: ДВЕСТИ, ТРИСТА и ЧЕТЫРЕСТА. При этом более предпочтительной в современной речи представляется, как кажется, "неодушевленная" форма:

(29) На своей картине Пук-Филинов изобразил тех самых двести
<триста, четыреста> пилигримов

выглядит несколько нейтральнее, нежели

(29') ... тех самых двухсот <трѣхсот, четирѣхсот> пилигримов.

В ряде контекстов одушевленная форма винительного падежа у названных имен сотен вообще невозможна:

(30) Партизаны взяли в плен примерно двести <*двухсот> вражеских солдат;

(31) За неделю мы опросили и обмерили триста <*трехсот> взрослых пигмеев; и т.д.

По-видимому, одушевленный винительный падеж у числительных ДВЕСТИ, ТРИСТА и ЧЕТЫРЕСТА допустим лишь при условии о п р е д е л е н н о с т и "исчисляемого" S. (Фразы типа (30) и (31) обеспечиваются правилом 11 оператора $COOTB_{Num}(S)$, фразы типа (27), (28), (27") и (28") - правилом 12.)

Таким образом, здесь мы еще раз встречаемся с явлением семантической эксплуатации такой согласовательной категории, как одушевленность русских Num, т.е. категории, которая, вообще говоря, является чисто синтаксической. Указанная особенность отражена в правиле 11, условие (e), и в правиле 12, условие 2. ♦

(32) Пароход "Качалов" доставил на Малую Землю триста [Y]
бойцов [X].

(33) Пароход "Качалов" доставил этих <вчерашних> триста <трѣх-
сот> бойцов на Малую Землю.

X - любое S, Y - "большое" Num, ΔNUMP_X - в любом падеже
(но не в винительном падеже при одушевленном S)

(Правило 13)

13.

$Y_{(\text{больш})} \underline{c} : X$ $\left\{ \begin{array}{l} 1) \underline{c} = \underline{c}(\Delta\text{NUMP}_X); \\ 2) \underline{\text{если } \underline{c}(\Delta\text{NUMP}_X)} = \text{вин}, \\ \quad \underline{\text{то } X} \neq (\text{одуш}) \end{array} \right.$

- (1) Мне кажется, я слышу телефон. Пять [Y]-шесть звонков [X] с риданьем захлебнутся [А.Кушнер].
- (2) На станции он встретился с восемью [Y] новоприбывшими [X].
- (3) В живых осталось только трое из восемнадцати [Y] ребят [X] [советская песня].
- (4) ... небольшой городок с тремястами жителей <жителями>.
- (5) Высота стены - от $\xrightarrow{\text{предлож}}$ пяти до десяти [Y] $\xleftarrow{\text{колич}}$ мет-ров [X] [здесь ΔNUMP_X = десяти метров].
- (6) - Что ж, Петька, я ведь двадцатью шестью с половиной годами старше, чем ты!
- (7) ... к тысяче [Y] рублей <рублям> [X].
- (8) Семнадцать [Y] месяцев [X] кричу,
 Зову тебя домой,
 Кидаюсь в ноги палачу,
 Ты сын и ужас мой [А.Ахматова].

◆ Поскольку "большие" Num, кроме ДВЕСТИ, ТРИСТА и ЧЕТЫРЕСТА, не различают одушевленных и неодушевленных форм, в правилах оператора $\text{COOTB}_{\text{Num}}(S)$ их согласование с "исчисляемым" S и не упоминается. Таким образом, я считаю, что во фразах типа

(9) числительное вообще не охарактеризировано по одушевленности:

- (9) а. Иван пригласил восемь гостей.
 б. - А теперь приведите тех тридцать больных, о которых речь шла вчера.

В то же время, прилагательное, зависящее от "большого" Num, получает характеристику "одуш" (или "неодуш") от "исчисляемого" S; ср. (10):

- (10) а. Туда Машков отрядил всех двадцать пять [Y] завербованных [X] ["Известия", 1974, № 299].

б. Туда отвозили все двадцать пять [Y] телевизоров [X].

Тем самым, "большое" Num как бы передает через себя одушевленность от S к прилагательному, само оставаясь при этом вне категории одушевленности. Соответствующее правило должно быть помещено в определительные синтагмы, ибо оно касается особенностей согласования русского прилагательного. Подробнее об этом см. Экскурс 13, стр. 425 и сл. ♦

*

* *

Заканчивая описание оператора $COOTB_{Num(S)}$, я хотел бы бегло рассмотреть разговорные конструкции с "неизменяемым" числительным-именем числа сотен, типа (1)-(2), упомянутые выше, на стр. 194, пункт 5:

(1) - И вот к девятьсот школьникам приехали их родители.

(2) - Так он и ушёл, наконец, с шестьсот рублями.

В моей собственной речи подобные фразы вполне обычны, а у представителей младшего поколения "неизменяемость" имен сотен, по-видимому, преобладает: в проведенном мною небольшом эксперименте, когда нескольким московским школьникам в возрасте от 10 до 13 лет предлагалось читать вслух выражения с именами сотен, записанными цифрами (к 900 школьникам, с 600 рублями и т.п.), числительное практически всегда произносилось в "неизменяемой", т.е. словарной, форме.

Спрашивается, следует ли учесть указанные факты в описании поверхностного синтаксиса русских Num - и если да, то где именно?

На этот вопрос я вижу два возможных ответа:

I. Имена сотен ДЕВЯТЬСОТ и ШЕСТЬСОТ в (1) и (2) стоят в именительном падеже - вопреки обычной необходимости согласовываться в падеже с подчиняющим их S. Тогда в составе оператора $COOTB_{Num(S)}$ необходимо еще одно правило, обеспечивающее для имен сотен от ДВЕСТИ до ДЕВЯТЬСОТ именительный падеж - вне зависимости от падежа целой $\Delta NUMP$. При данной трактовке фраза (1) имела бы ГМС (1'):

(1') ... К ДЕВЯТЬСОТ_{ИМ} ШКОЛЬНИК_{МН,ДАТ} ...

II. Имена сотен в (1) и (2) стоят в соответствующих паде-

передачи падежной характеристики либо от S через Num к A (= прилагательное), слуге этого Num, либо от целой $\Delta NUMP$ к A, не входящему в эту $\Delta NUMP$.

Нежелательность подобных правил и заставляет меня остановиться на решении II. Тем самым, факты типа (1)-(2) должны учитываться в морфологическом (а не в поверхностно-синтаксическом) описании русских числительных.

Решение II возможно, разумеется, только при условии, что "неизменяемые" формы имен сотен допустимы в ЛЮБОМ синтаксическом контексте, т.е. что их выбор определяется исключительно стилем речи. Именно так, насколько я могу судить, и обстоит дело в действительности. В частности, "неизменяемые" формы возможны и в составных именах чисел, и при "абсолютном" употреблении Num (т.е. вообще без S):

(5) Если к шестьсот прибавить сорок...

(6) Если из девятьсот вычесть семнадцать...

и в случае эллипсиса существительного:

(7) Всего у нас восемьсот отдыхающих. Для пятьсот из них имеется трёхэтажный жилой корпус, остальным триста будут отведены места в палатках.

Верно, однако, что у Num ДВЕСТИ, ТРИСТА и ЧЕТЫРЕСТА родительный падеж бывает скорее "изменяемым": ? для триста рублей явно хуже, чем для трёхсот рублей, тогда как к триста рублям <рублей> в разговорном стиле более приемлемо, чем к трёмстам рублям <рублей> и т.д. Тем не менее, все это - при решении II - относится к определению состава разговорных парадигм числительных, т.е. должно описываться на морфологическом уровне и здесь нас может не интересовать.

Заметим, впрочем, что "морфологическое" решение (= разные падежи, реализуемые одной и той же омонимичной формой) возможно далеко не во всех случаях "неизменяемости" Num: см. ниже, § 3 настоящей главы, стр. 221, а также Экскурс 12, стр. 406.

Читатель обратил, конечно, внимание на различие между моим подходом к неизменяемости некоторых Num по падежу и подходом к неизменяемости "больших" Num по одушевленности. С одной стороны, для случаев типа (5) - (7) я предлагаю считать, что на глубинно-морфологическом уровне Num характеризуется тем падежом, который подсказывается его синтаксическим кон-

текстом; этот падеж, однако, реализуется на поверхности омонимичной формой, т.е. в (5), например, мы имеем *шестьсот* = ШЕСТЬСОТ_{дат.}. С другой стороны, в примерах (9) - (10) [к правилу СООТВ_{Num(S)} 13] я усматриваю в Num отсутствие самой категории одушевленности. Соответственно, в моем описании препозитивные А, зависящие от Num, согласуются по падежу непосредственно с этим последним, а по одушевленности - с S (так сказать, через голову Num). Основание для такого решения очевидно: "большие" Num просто внеположны категории одушевленности (см. ниже, стр. 421), тогда как "неизменяемое" Num в случаях типа *к шестьсот* или *из девятьсот* не может считаться не имеющим никакого падежа. Решение I означает, что прилагательное А ← Num должно было бы брать свой падеж от S через голову Num, ИМЕЮЩЕГО НЕКОТОРЫЙ ПАДЕЖ, что представляется мне противоестественным. С одушевленностью дело обстоит по-другому: в А ← Num А берет свою одушевленность от S через голову Num, не имеющего никакой одушевленности. (Я оставляю открытым вопрос о том, не следует ли признать некоторые числительные вообще неизменяемыми словами, наподобие наречий. В этом случае Решение II перестало бы быть убедительным.)

О частичной падежной неизменяемости ряда русских Num см. Эккурс 12, стр. 409 и сл.

С Н О С К И

1. (К стр. 177.) Тот факт, что в русском языке прямое дополнение при глаголе с отрицанием ставится в родительном падеже скорее тогда, когда соответствующее S не имплицитно указывает свое референтное значение в данный момент и в данном месте, отмечен Э.Далем (Dahl - Karlsson 1976: 20), который приводит следующие примеры:

(i) [Отойди, а то] я не вижу мать

vs.

(ii) Я не вижу матери [- она, видимо, ушла].

2. (К стр. 188.) ЧЕЛОВЕК 2 - это нумератив, или счетное слово, выступающее в выражениях типа *В комнате толпилось человек десять мужиков* или *Команда собралась пёстрая: несколько греков, двое итальянцев, два турка, негр и пятнадцать человек русски*. В отличие от ЧЕЛОВЕК 1, лексема ЧЕЛОВЕК 2 совсем не имеет форм мн. числа с основной луд-; именительного падежа мн. числа у нее вообще нет, так как такая форма невозможна при числительных, а без них ЧЕЛОВЕК 2 не употребляется; во всех прочих падежах мн. числа эта лексема образует свои формы от основы *человек-*, ср., например, фразу из рассказа "Капитан" А.И.Куприна: *Впоследствии он спас жизнь всем нам, тридцати человекам <*людям> команды.*

3. (К стр. 199.) В частности, А.А.Реформатский признавал правильными только "одушевленные" варианты: *свели двух щук <двух карасей, двух баранов, двух кур, ...>*, допуская "неодушевленные" с большим трудом как нежелательные лишь для названий рыб и птиц женского рода с согласованным прилагательным: *?свели две фаршированные щуки <три варёные курицы>*.
4. (К стр. 201.) Заметим, что одушевленное Num в винительном падеже в качестве вершины составного ИЧ кажется мне более допустимым, если от него зависит не другое Num, а S (колич). Иначе говоря, я воспринимаю фразы

(i) Привезли тысячу ← НУМ-ВСПОМ трёх мальчиков;

(ii) Привезли две тысячи ← НУМ-ВСПОМ трёх мальчиков;

(iii) Привезли три миллиона ← НУМ-ВСПОМ трёх мальчиков - как существенно более удачные, нежели (iv):

(iv) *Привезли тридцать трех мальчиков.

Нормой, однако, является, насколько я могу судить, неодушевленность вершинного Num и в случаях типа (i) - (iii), т.е.

(v) Привезли тысячу <две тысячи, три миллиона> три мальчика.

Данная частность в условиях к правилам 10 - 11 оператора COOTB_{Num(S)} также не учтена.

§ 3

Нумеративно-вспомогательные ситагмы;
предложные синтагмы с распределительным ПО

В настоящем параграфе будут рассмотрены два синтаксических явления русского языка:

- достаточно разнообразные поверхностно-синтаксические конструкции, обозначающие числа и называемые с о с т а в - н ы м и и м е н а м и ч и с е л ИЧ (см. выше, стр. 45);
- предложные конструкции с предлогом *по* в распределительном значении (= ПО III ¹), типа *Им досталось по три девочки каждому*.

Эти явления непосредственно не связаны друг с другом, однако оба они тесно связаны с русскими ЧВ: составные ИЧ чаще всего выступают в составе ЧВ (в качестве Q), а конструкции с ПО III обычно имеют ЧВ в качестве зависимого члена. Поэтому, хотя описание поверхностно-синтаксического и глубинно-морфологического представлений указанных конструкций, а также соответствия между этими представлениями не входит, строго говоря, в задачи данной книги, тем не менее, охарактеризовать составные ИЧ и конструкции с ПО III в аспекте поверхностного синтаксиса представляется полезным: без этого трудно понять многие решения, принимаемые мною относительно ЧВ.

Начнем с составных имен чисел.

Принципиальные проблемы ПС-строения русских составных ИЧ достаточно подробно рассматривались в главе I, § 3: возможные компоненты составных ИЧ (стр. 35 и сл.), ПС-вершина составных ИЧ разных типов (стр. 45 и сл.), ПС-отношения, связывающие компоненты составных ИЧ (там же, *passim*). Здесь достаточно напомнить, что внутреннее строение всех составных ИЧ предлагается описывать посредством четырех следующих ПСО:

1. Количественное ПСО для всех сочетаний Num + S (т.е. Num + S_(колич), Num + S_(дроб), Num + ЦЕЛАЯ) внутри составных ИЧ, например, *шесть* ← КОЛИЧ *тысяч, сто шестьдесят*
семь ← КОЛИЧ *миллионов, пять сорок шесть* [= $\frac{5}{46}$] и т.п.

дробных долей и порядковых прилагательных: *шестьдесят* ← дроб-
нум — *четвертая*);

- и смешанно-нумеративное (для присоединения названия дроб-
ной части к названию целой части; например, *две целых семь десятых*
или *восемь* — смешнум → *и пять седьмых*).

При использовании этих четырех ПСО многие формулировки, описывающие составные ИЧ, стали бы проще и естественнее; в то же время, данные ПСО удовлетворяли бы всем известным в настоящее время критериям типов ПС-зависимостей. Существенно также отметить, что первое, второе и четвертое из названных "специально"-нумеративных ПСО относятся к классу СОЧИНИТЕЛЬНЫХ (их зависимые члены способны выполнять ту же ПС-роль, что и их главные члены, и потому первые согласуются со вторыми по синтаксически обусловленным характеристикам, в нашем конкретном случае - по падежу), тогда как третье [= дробно-нумеративное] является скорее ПОДЧИНИТЕЛЬНЫМ. Таким образом, единое нумеративно-вспомогательное ПСО оказывается неоднородным и с точки зрения противопоставления "сочинительное vs. подчинительное": лишний довод в пользу его расщепления.

Тем не менее, поскольку в рамках книги, посвященной русским числовым выражениям, вопрос о внутреннем ПС-строении составных ИЧ представляется мне в достаточной мере периферийным, я предпочел - в качестве сугубо предварительного решения - более грубую, а потому менее ответственную трактовку: одно единое ПСО для ВСЕХ тех конструкций внутри составных ИЧ, которые не являются количественными, союзно-сочинительными или предложными. Думается, что как первое приближение эта трактовка вполне приемлема (невзирая на ее отмеченные недостатки) - тем более, что, насколько мне известно, внутренний синтаксис русских ИЧ до сих пор не изучался вовсе.

Тем самым, все специфические синтагмы, описывающие русские составные ИЧ (т.е. не количественные, не сочинительно-союзные и не предложные), имеют в левой части одно и то же нумеративно-вспомогательное ПСО, образуя, тем самым, одну синтагмему.

НУМЕРАТИВНО-ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ СИНТАГМЫ

Прежде всего, целесообразно выписать те требования, которым должны удовлетворять **п р а в и л ь н ы е П С С** русских составных имен чисел. Этими требованиями задается ОБЛАСТЬ ПРИМЕНИМОСТИ нумеративно-вспомогательных синтагм 1-6 (при рассмотрении синтаксиса ИЧ в направлении от смысла к тексту). Об общем статусе подобных требований говорилось выше, в § 1 этой главы (стр. 116 - 119); здесь достаточно напомнить, что их использование позволяет существенно упростить запись самих синтагм и, в то же время, сделать их содержательно более естественными.

Пусть X - главный, а Y - зависимый члены нумеративно-вспомогательного ПСО. Тогда для всякой правильной ПСС составного ИЧ в русском языке должны одновременно выполняться по крайней мере следующие 13 требований, подразделяемые на три группы: А-В.

Требования к правильным ПСС русских составных ИЧ

А. Требования Т1 и Т2 задают возможные лексические заполнения обоих членов нумеративно-количественного ПСО безотносительно друг к другу.

Т1 : X = (Num) / (S, колич) / ЦЕЛАЯ / НОЛЬ_{ед} / НУЛЬ_{ед};
Y = (Num) / (S, колич) / НОЛЬ_{ед} / И / С I.

◆ В силу Т1 признаются неправильными такие, в частности, фрагменты ПСС, как

(1) а. *X_И $\xrightarrow{\text{нум-вспом}}$ Y

или

б. *X_(Num) $\xrightarrow{\text{нум-вспом}}$ НУЛЬ_{ед} ◆

Т2 : X, Y ≠ ПОЛ¹, ПОЛТОРА, ОВА, ПОЛСТА, (лич-кол).

◆ Num, перечисленные в Т2, никогда не входят в составные ИЧ; иначе говоря, они не обладают одним из важных свойств русских Num: см. стр. 268, свойство 10. ◆

Б. Требования Т3 - Т8 определяют возможное лексическое заполнение одного из членов нумеративно-вспомогательного ПСО в зависимости от заполнения другого.

Т3 : если Y = ДЕСЯТЬ, то X = НОЛЬ_{ед}.

◆ Т3 допускает лексему ДЕСЯТЬ в качестве зависимого члена

нумеративно-вспомогательного ПСО только в выражениях типа

(2) (ноль $\xleftarrow{\text{нум-вспом}}$) *ноль* $\xrightarrow{\text{нум-вспом}}$ *десять* [т.е. 0,010 или 0,10];

в прочих случаях вхождение ДЕСЯТЬ в составные ИЧ в качестве У-а невозможно:

(3) **десять* $\xleftarrow{\text{нум-вспом}}$ *один*, **десять* $\xleftarrow{\text{нум-вспом}}$ *шесть* и т.п.

(вместо указанных выражений в русском языке употребляются производные числительные *одиннадцать*, *шестнадцать* и т.п.). ♦

T4 : если X = ОДИННАДЦАТЬ, ДВЕНАДЦАТЬ, ..., ДЕВЯТНАДЦАТЬ, то Y ≠ ДВАДЦАТЬ, ТРИДЦАТЬ, ..., ДЕВЯНОСТО.

♦ T4 отражает невозможность выражений вроде

(4) **сорок* $\xleftarrow{\text{нум-вспом}}$ *пятнадцать*, **шестьдесят* $\xleftarrow{\text{нум-вспом}}$ *одиннадцать*, **восемьдесят* $\xleftarrow{\text{нум-вспом}}$ *тридцать*

(ср. фр. *soixante-onze*, букв. 'шестьдесят-одиннадцать' [= 71], или *quatre-vingt-treize*, букв. 'четыре-двадцать-тринадцать' [= 93]). ♦

T5 : если X = (S, колич), то Y ≠ (Num).

♦ От S (колич) типа *миллион* в качестве X-а не может зависеть по нумеративно-вспомогательному ПСО никакое числительное, ср.:

(5) **восемь* $\xleftarrow{\text{нум-вспом}}$ *тысяч* [надо: *восемь* $\xleftarrow{\text{колич}}$ *тысяч*], **миллион* $\xrightarrow{\text{нум-вспом}}$ *шесть* [надо: *миллион* $\xleftarrow{\text{нум-вспом}}$ *шесть*, т.е. 1000006] и т.п.

Существительное - ИЧ (типа *тысяча II*, *миллион*, *миллиард*, ...) может подчинять себе посредством нумеративно-вспомогательного ПСО (т.е. внутри составных ИЧ) только:

- либо другое существительное такого же типа; например, (6):

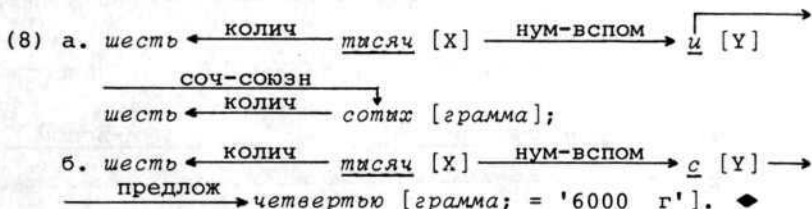
(6) *шесть* $\xleftarrow{\text{колич}}$ *миллионов* [Y] *сто* $\xleftarrow{\text{нум-вспом}}$ *во-*
 $\xleftarrow{\text{нум-вспом}}$
семь $\xleftarrow{\text{колич}}$ *тысяч* [X];

- либо обозначение десятичной дроби (разговорный вариант), вводимое лексемой НОЛЬ или НУЛЬ:

(7) *шесть* $\xleftarrow{\text{колич}}$ *тысяч* [X] *ноль* [Y] *шесть* [грамма];

- либо обозначение дробной части, вводимое союзом И или

предлогом С I:

T6 : если X = ЦЕЛАЯ, то Y = (S, дроб)/НОЛЬ_{ед}/И.

◆ Данное требование очевидным образом допускает лишь три типа правильных выражений со словом *целая*:

- (9) а. *три целых* [X] *семь десятых* [Y] [грамма] [= 3,7 г];
 б. *три целых* [X] *ноль* [Y] *семь* [грамма] [= 3,07 г];
 в. *три целых* [X] *и* [Y] *семь десятых* [грамма] [= 3,7 г].

Благодаря этому требованию исключаются такие выражения, как

- (10) а. **три целых* [X] *семь* [Y] [грамма];
 б. **три целых* [X] *с* [Y] *четвертью* [грамма]; и т.д.

[В случае (10 б) неправильность не является абсолютной. Ряд носителей русского языка воспринимает подобные имена чисел как допустимые.] ◆

T7 : невозможно X = (S, дроб) и Y = (S, дроб).

◆ Требование 7 исключает непосредственное соединение посредством нумеративно-вспомогательного ПСО двух названий дробных долей:

- (11) **[три] шестих* [X] $\xrightarrow{\text{НУМ-ВСПОМ}}$ *восьмая* [Y] и т.д. ◆

T8 : если X, Y = (Num), (S, колич),
то X обозначает число младшего разряда по сравнению с Y-ом.

◆ Требование T8 связано с двумя следующими фактами различной природы.

С одной стороны, оно отражает важное ЯЗЫКОВОЕ свойство: в современном русском языке имя числа старшего разряда в составных ИЧ всегда линейно предшествует имени числа младшего разряда, например, *двадцать пять*, но не **пять двадцать*. Ср. нем. *fünfundzwanzig*, букв. 'пять-и-двадцать', или возможные в древнерусском языке *шесть да сто*, *три и сорок* и т.д., где имя числа старшего разряда не предшествует имени числа младшего разряда, а наоборот - следует за ним³. (Правда, соединение двух Num происходит

здесь, в отличие от современного русского, обязательно через сочинительный союз.)

С другой стороны, Т8 отражает некоторое свойство принятого мной ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ: я считаю, что в русских составных ИЧ при соединении любых двух обозначений числовых разрядов более левый компонент всегда зависит от более правого, подчиняясь этому последнему посредством нумеративно-вспомогательного ПСО (см. стр. 45 и сл.).

Требование Т8 отвергает как неправильные такие фрагменты ПСС как (12) **пять* ← ^{НУМ-ВСПОМ} *сорок*, **одиннадцать* ← ^{НУМ-ВСПОМ} *сто*, **шестнадцать* ← ^{КОЛИЧ} *тысяч* ← ^{НУМ-ВСПОМ} *миллион* и т.п. ◆

В. Наконец, требования Т9-Т13 фиксируют допустимые в правильной ПСС древесные контексты для нумеративно-вспомогательного ПСО.

Т9 : если $X = (\text{Num})$ и $Y = (S, \text{колич})$,

то $X \leftarrow \text{колич} Z (S, \text{не колич})$ и $\text{не } W (S, \text{колич}) \leftarrow \text{ВСПОМ-НУМ } X$,
где W - число младшего разряда по сравнению с Y .

◆ Количественное существительное типа МИЛЛИОН может зависеть от числительного (внутри составного ИЧ), только если это последнее является вершиной ИЧ (т.е. если это числительное само непосредственно зависит по количественному ПСО от S , не входящего в ИЧ) и если между ними нет другого $S_{(\text{колич})}$. Так, для выражения (13):

(13) *шесть миллионов двести двадцать тысяч двести [рублей]*

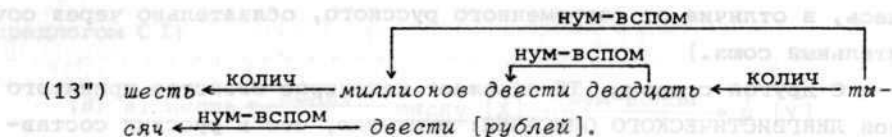
требование Т9 не допустит следующих неправильных ПСС:

(13') а. *шесть миллионов [Y] ← ^{*НУМ-ВСПОМ} двести [X] двадцать тысяч двести ← ^{КОЛИЧ} [рублей];*

б. *шесть миллионов [Y] ← ^{*НУМ-ВСПОМ} двести ← ^{КОЛИЧ} двадцать [X] тысяч двести [рублей];*

в. *шесть миллионов [Y] ← ^{*НУМ-ВСПОМ} двести ← ^{НУМ-ВСПОМ} двадцать тысяч [W] двести [X] [рублей];*

правильная ПСС для (13) должна выглядеть так:

В то же время для (14)

(14) шесть миллионов двести двадцать [рублей]

T9 допускает ПСС (14'):

НУМ-ВСПОМ

(14') шесть миллионов двести двадцать ← КОЛИЧ [рублей]. ♦

T10 : если $X = (S, \text{колич})$ и $Y = (S, \text{колич})$,

то не $Z (S, \text{колич}) \leftarrow \text{НУМ-ВСПОМ} X$,

где Z - число младшего разряда по сравнению с Y .

♦ $S_{(\text{колич})}$ может зависеть только от "ближайшего" по разряду другого $S_{(\text{колич})}$ (из имеющихся в ПСС):

*НУМ-ВСПОМ

(15) три миллиарда [Y] двадцать миллионов [Z] десять тысяч [X]

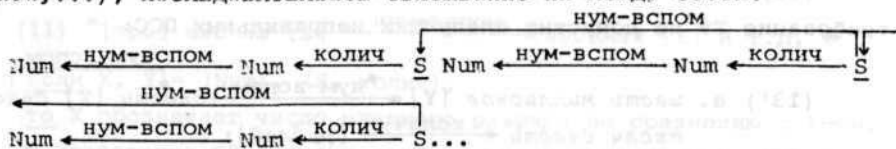
воспримается именно требованием T10; однако

НУМ-ВСПОМ

(15') три миллиарда [Y] десять тысяч [X]

признается правильной.

Взятые вместе, T9 и T10 обеспечивают, в случае наличия внутри составного ИЧ более чем одного количественного S (типа тысяча II, миллион, ...), ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОЕ связывание их между собой:

Подобное ПС-представление удобно потому, что при допустимой в русском языке неизменяемости некоторых компонентов составных ИЧ все количественные S, входящие в одно ИЧ, должны быть в одном и том же падеже, сведения о котором легче передавать по цепочке последовательно связанных S; см. об этом выше, стр. 48 - 49. ♦

T11 : если $Y = И$,

то $Y \xrightarrow{\text{СОЧ-СОЮЗН}} Z (S, \text{дроб}) / \text{разг. (Num)} / \text{разг. НОЛЬ}$

♦ От союза И в составном ИЧ может и должно зависеть только обозначение дробной доли; если это обозначение - числительное

или вводится лексемой НОЛЬ, то получившееся выражение носит разговорный характер:

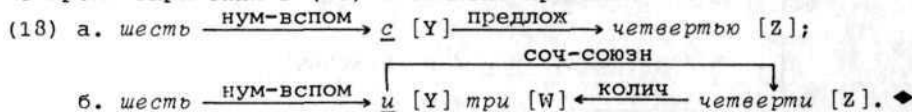
NB: Факты типа *сорок и пять* [ефимков], см. стр. 51 - 52, сознательно игнорируются мною в описании составных ИЧ современного русского языка. ♦

T12 : если Y = CI ,
 то Y $\xrightarrow{\text{предлог}}$ Z ПОЛОВИНА/ЧЕТВЕРТЬ и не Z \rightarrow W.

♦ От предлога CI в составном ИЧ может и должна зависеть одна из двух указанных лексем, не имеющая при этом собственных зависимых:

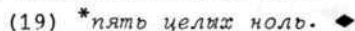

В то же время выражения в (18) абсолютно правильны:

T13 : если Y = НУЛЬ_{ед}/НОЛЬ_{ед'} , то Y $\xrightarrow{\text{НУМ-ВСПОМ}}$ Z.

♦ От лексем НУЛЬ или НОЛЬ в составном ИЧ (разговорный вариант) обязательно должно зависеть нечто, и притом - по номеративно-вспомогательному ПСО:

Следует отметить, что данный перечень требований к правильным ПСС русских составных ИЧ не претендует на полноту. Так, например, в нем не учтено "буквальное" чтение десятичных дробей, носящее сугубо разговорный характер и распространенное, главным образом, в профессиональной речи: *6,5* читается как *шесть запятая пять* и т.п. (Ср. нормальное для английского языка чтение выражений *6.5* или *.05* как *six point five* и *point o five*, соответственно.)

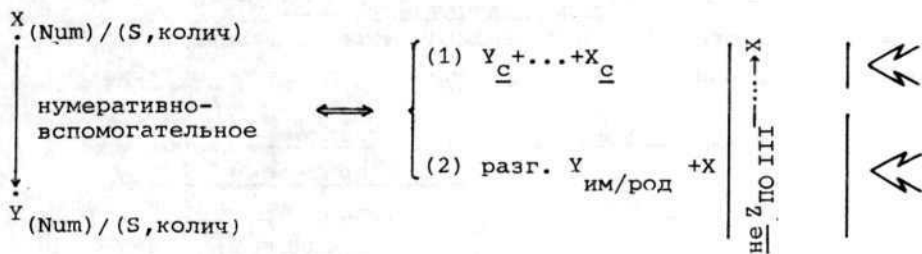
Задав с помощью требований T1-T13 правильные ПСС для русских составных имен чисел, мы можем теперь перейти к самим нумеративно-вспомогательным синтагмам, т.е. к правилам, задающим соответствия между правильными ПСС русских ИЧ и правильными ГМС этих последних.

Перечень нумеративно-вспомогательных синтагм

I

Составные имена целых чисел

1.

\swarrow | если ... $\supset W$, то $Y = (S, \text{колич})$ и $W = (\text{Num})$

- \swarrow |
- 1) $X \neq (S, \text{колич})$ или $Y \neq (S, \text{колич})$;
 - 2) нежелательно $Y = (S, \text{колич})$;
 - 3) либо $X = \text{ОДИН I}$,
либо ($X = \text{ДВА/ТРИ}$ и $\underline{c}(X) \neq \text{твор}$),
либо $Y \neq \text{ДВАДЦАТЬ, ТРИДЦАТЬ, СОРОК, СТО}$;
 - 4) особенно желательно
если $Y = \text{ДВЕСТИ/ТРИСТА}/\dots/\text{ДЕВЯТЬСОТ}$
или $W \leftarrow \text{НУМ-ВСПОМ} \text{ } Y$

◆ Данная синтагма описывает наиболее массовый, обычный случай составных ИЧ: составные имена целых чисел, состоящие только из числительных и количественных существительных типа МИЛЛИОН.

В тщательной, в особенности письменной, речи зависимый член синтагмы 1 оформляется тем же падежом, что и ее главный член. (ИВ: таким образом, мы имеем здесь хороший пример СОЧИНИТЕЛЬНОЙ конструкции.) Это оформление предусматривается подправилом 1(1); например:

- (1) а. к пятидесяти [Y] одному [X] больному;
 б. *пятнадцатью* ← ^{КОЛИЧ} *тысячами* [Y₁] *восемьюстами* [X₁; Y₂] *сорока* [X₂] *рублями*;
 в. с тремя миллионами [Y₁] *двумястами* [Y₂] *тридцатью* [X₂; Y₃] *двумя* [X₃; Y₄] *тысячами* [X₁; X₄; Y₅] *шестьюстами* [X₅] *рублями*.

Однако в разговорной речи допускается (при определенных условиях, см. ниже) полная "неизменяемость" зависимого члена нумеративно-вспомогательного ПСО, т.е. постановка его в именительном падеже, или его частичная "неизменяемость", т.е. постановка в родительном падеже, невзирая на падеж всего ИЧ в целом:

- (2) а. к пятьдесят [Y] одному [X] больному [вместо к пятидесяти одному больному];
 б. *пятнадцатью тысячами* восемьсот <восьмисот> [Y] *сорока* [X] *рублями* [вместо восемьюстами сорока];
 и т.д. ("неизменяемый" компонент выделен в этих примерах подчеркиванием).

Подобные ИЧ очень часто произносятся даже в официальной обстановке, в частности, в радио- и телепередачах, но в тщательном стиле обычно не пишут, так как их употребление осуждается нормативной грамматикой. Тем не менее, соответствующие примеры попадают и в художественных текстах, в том числе - и в авторской речи: тенденция к падежной "неизменяемости" определенных компонентов составных ИЧ очень сильна в современном русском языке. Указанное явление и описывается подправилом 1(2). Подробнее об этом см. Экскурс 12, стр. 406 и сл.

Общее условие к обоим подправилам исключает из рассмотрения ИЧ, косвенно зависящие от распределительного ПО III, т.е. ИЧ,

входящие в состав ЧВ, подчиненного этому предлогу. Морфологическое оформление всех ЧВ в контексте распределительного ПО III носит столь специфический характер, что оно должно описываться особыми синтагмами - см. синтагмы 1-4 на стр. 235 и сл. Именно эти синтагмы отвечают за выражения типа (3):

(3) *по двести тридцать одному рублю.*

Условие к подправилу 1(1) означает, что дистантное расположение членов данной синтагмы возможно лишь при условии, что зависимый член - существительное типа МИЛЛИОН, а разделяющие компоненты - числительные:

(4) а. *от трёх миллионов [Y] ста [W₁] сорока [W₂] шести [W₃] тысяч [X] [рублей],*

где миллионов зависит от тысяч (см. § 3, гл. I, стр. 48);

б. *от трёх миллионов [Y] ста [W₁] сорока [W₂] шести [X] [рублей],*

где миллионов зависит от шести (см. там же).

Теперь мы займемся условиями к подправилу 1(2) - ИЧ с "неизменяемыми" компонентами.

Условие 1 воспрещает "неизменяемость" зависимого члена в случае, когда оба члена - количественные существительные:

(5) *с шесть миллионов [Y] *двумястами тридцатью тысячами [X] [рублей],*

где ЧВ *шесть миллионов* - в именительном падеже [надо: с *шестью миллионами двумястами тридцатью тысячами рублей*].

NB: Допустимые (хотя только в предельно разговорном стиле) выражения типа (6):

(6) [?]к *три миллиона [Y] восьмьсот тысяч [X] ста сорока трём [единицам] -*

описываются подправилем 1(1). Здесь Y стоит в том же падеже, что и X, а именительный падеж X-а получается в соответствии с подправилем 1(2) как нежелательное (условие 2), но все же возможное явление:

(6') [?]к *три миллиона восьмьсот тысяч [Y] ста сорока трём [X] [единицам].*

Условие 2 выражает нежелательность постановки в именительном падеже группы количественного существительного (зависящего от

числительного не в именительном падеже); см. пример (6') выше, а также (7):

(7) ? *из двадцать пять тысяч [Y] шестисот сорока двух [X] [новобранцев] [надо: из двадцати пяти тысяч ...]*

Условие 3 учитывает следующий факт русского языка: неизменяемость зависимого члена синтагмы 1, т.е. применение подправила 1(2) допускается лишь при выполнении любого из трех требований, перечисленных в условии. Подтвердим сказанное примерами.

Релевантность первого требования видна из сопоставления (8) с (8'):

(8) с двадцать [Y] одним [X] студентом,

причем вместо *двадцать* возможно любое другое Num, но не

(8') *с двадцать [Y] пятью [X] студентами.

Далее, необходимость второго требования доказывается следующей подборкой фактов:

(9) а. В тридцать [Y] двух [X] редакциях стоял страшный крик [А.Н.Толстой, "Гиперболоид инженера Гарина"];

б. к двадцать [Y] трём [X] студентам;

в. *с тридцать <тридцати> [Y] двумя [X] редакциями;

г. *с двадцать <двадцати> [Y] тремя [X] студентами;

д. *в тридцать [Y] четырёх <пяти> редакциях.

Наконец, из того, что возможно (10):

(10) с семьдесят <восемьдесят; семидесяти, восьмидесяти> [Y] пятью [X] студентами, с пятьдесят <шестьдесят> [Y] тремя [X] студентами, ...

но не (10'):

(10') *с двадцать <тридцать> [Y] пятью [X] студентами,

*к сорок <сто> [Y] трём [X] студентам,

*из тридцать <девятьсто> [Y] двух [X] студентов,

следует необходимость третьего требования в условии 3.

Рассмотренные три требования имеют любопытные содержательные объяснения: см. сноску 4, стр. 246.

Условие 4 к подправилу 1(2) по своей логической природе существенно отличается от прочих условий ко всем прочим синтагмам, приведившимся выше. Дело в том, что всякое "нормальное" условие есть условие, выполнение которого НЕОБХОДИМО для того, чтобы соответствующее (под)-правило было применимо; при этом, как уже

говорилось, все условия одного подправила или общие условия к обоим подправилам связаны конъюнктивно: (под)правило (т.е. синтагма) имеет место, только если эти условия выполняются одновременно все. Однако условие 4 к подправилу 1(2) указывает не то, когда это подправило можно применить, а когда его **ОСОБЕННО ЖЕЛАТЕЛЬНО** применить. Другими словами, оно фиксирует ситуацию наибольшей предпочтительности подправила 1(2), каковой является ситуация, когда у Y-а имеется свой собственный нумеративно-вспомогательный зависимый или когда Y - имя числа сотен. В самом деле, выражение

(11) *с двести [W] семьдесят [Y] пятью [X] студентами*

звучит несколько лучше, чем

(12) *с семьдесят [Y] пятью [X] студентами;*

в то же время, выражение

(13) *с двести [Y] пятью [X] студентами*

также несколько лучше, нежели (12).

В предполагаемом описании эти небольшие различия в качестве текстов (11)-(13) учтены как раз посредством условия 4. С формальной точки зрения, (11) и (13) признаются более удачными, чем (12), потому что они, в отличие от (12), удовлетворяют условию, в котором сказано особенно желательно если.

Я полагаю, что утверждения типа условия 4 в принципе должны оформляться особым образом - в соответствии с их особым логическим статусом. В частности, подобные утверждения могли бы образовать новый раздел в составе синтагмы: (сравнительная) оценка качества текстов. Однако пока, в силу редкости утверждений такого типа, я предпочел оставить условие 4 в составе условий к синтагме. ◆

ПРИМЕРЫ:

(14) *к пятидесяти <пятьдесят> одному больному;*

(15) *к пятидесяти <пятьдесят> трём больным;*

(16) *с пятьюдесятью <пятьдесят; пятидесяти> тремя больными;*

(17) *с сорока <*сорок> тремя больными;*

(18) *с двумястами пятьюдесятью/пятидесятью <*пятьдесят/*пятидесяти> пятью больными*

[формы *пятьдесят и *пятидесяти исключаются в (18) потому, что при Num *пятьдесят* или *пятидесяти* невозможна зависящая от него по нумеративно-вспомогательному PCO форма *двумя-*

стами: синтагма 1 требует от ДВЕСТИ либо совпадения с ПЯТЬДЕСЯТ в падеже, либо именительного падежа];

- (19) с двести пятьюдесятью <= пятидесятью/пятидесяти⁵; пятьдесят > пятью больными;
- (20) к двести сорока <сорок> трём больным;
- (21) *с двести сорок тремя больными [условие 3 к подправилу 1(2)];
- (22) к восьми миллионам [Y₁] восьмистам <восьмисот; восемьсот> [Y₂] четырнадцати [X₁; X₂] рублями;
- (23) ?к восемь миллионов [Y] восьмистам <восьмисот; восемьсот> четырнадцати [X] рублям [условие 2 к подправилу 1(2)].

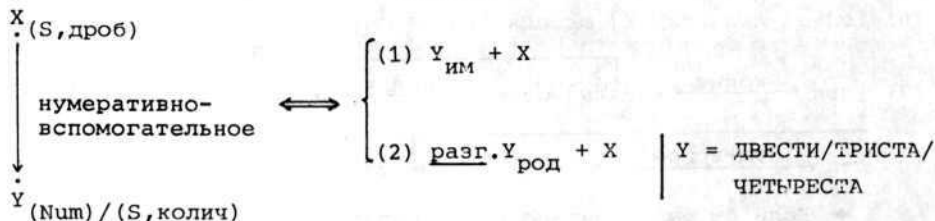
◆ В примере (23) вариант с *восьмистам* или с *восьмисот* много хуже, чем вариант с *восемьсот*: не следует "изменять" (т.е. склонять) числительное внутри такого имени числа, в котором не склоняется даже существительное типа МИЛЛИОН. Эта существенная деталь не учтена, однако, в нынешних условиях к подправилу 1(2). Не учтена также и та особенность, что чем более громоздким и длинным делается составное ИЧ, тем приемлемее становится "неизменяемость" количественных S в его составе. Так, (24) представляется более допустимым, нежели (23)⁶. ◆

- (24) ?к восемь миллионов шестьсот сорок две тысячи восьмистам <восьмисот; восемьсот> четырнадцати рублям.

II

Составные имена дробных чисел

2.

◆ Эта же синтагма фактически должна описывать, наряду с именами дробей типа (одна) тридцать вторая или (шесть) сто сорок пять, все порядковые прилагательные:

- (1) [в] тысяча $\xleftarrow{\text{нум-вспом}}$ девятьсот $\xleftarrow{\text{нум-вспом}}$ семьдесят $\xleftarrow{\text{нум-вспом}}$ седьмом [году]; и т.п.

Для этого достаточно добавить в качестве еще одного возможного заполнения главного члена X порядковые прилагательные: X (А, поряд). Я не делаю этого из нежелания перегружать изложение отвлекающими сведениями.⁷

Подправило 2(2) описывает разговорные выражения типа

- (2) а. [одна] трёхсот ← ^{НУМ-ВСПОМ} — пятидесятая [= 1/350];
 б. [двадцать] двухсот ← ^{НУМ-ВСПОМ} — шестнадцатых [= 20/216];
 и т.п.

Подобные выражения возможны и для порядковых прилагательных:

- (3) а. [к] двухсот восьмидесятому [году нашей эры];
 б. трёхсот четвёртая [встреча]

(так постоянно говорил кинорежиссер Ю. Шнейдеров в московской телепередаче "Клуб кинопутешествий", называя номер очередной передачи; примеры (3) любезно сообщены мне Н.А. Еськовой).

В выражениях типа (2)-(3) наблюдается разговорное употребление родительного падежа вместо нормативного именительного; это употребление представляет собой любопытную параллель к появлению родительного падежа у зависимых компонентов составных ИЧ вместо прочих косвенных ("частичная неизменяемость", описываемая в подправиле 1(2), стр. 225). ♦

ПРИМЕРЫ:

- (4) [одна] шестьдесят [Y] четвёртая [X];

КОЛИЧ

- (5) [три] сто ← ^{НУМ-ВСПОМ} — шестьдесят [Y] четвёртых [X];

- (6) [одна] миллион [Y] шестая [X] [= 1/1000006];

1 КОМПЛ

- (7) [три] ← ^{КОЛИЧ} — тысячи] шесть ← ^{КОЛИЧ} — тысяч ← ^{НУМ-ВСПОМ} — две-

сти ← ^{НУМ-ВСПОМ} — сорок [Y] седьмых [X] [= 3000/6247]

♦ Если бы было сочтено целесообразным учитывать периферийные (предельно разговорные и находящиеся на грани нормы) выражения типа

- (8) а. в трёхсот сорок седьмом году,
 б. к восьми двухсот шестьдесят пятым,
 в. из девятнадцати четырёхсот тридцать пятым,

где выделенный подчеркиванием компонент стоит в родительном

падеже вместо "законного" именительного, то это повлекло бы необходимость усматривать в синтагме 2 особое ПСО - отличное от ПСО синтагмы 1, скажем, дробно-нумеративное (см. выше, стр. 212). Тогда было бы легко сказать, что зависимый член ПСО "дробно-номер" всегда стоит в именительном падеже или (для Num ДВЕСТИ, ТРИСТА и ЧЕТЫРЕСТА) в родительном (разговорный вариант). В этом случае выражения

(9) [шесть ← КОЛИЧ → тысяча] ←^{r₁} восемьсот ←^{r₁} сорок ←^{r₁} [три]

и

(10) шесть ← КОЛИЧ → тысяча ←^{r₂} восемьсот ←^{r₂} сорок ←^{r₂} [третий]

описывались бы разными ПСО - в зависимости от вершинного члена: r₁ - нумеративно-вспомогательное, r₂ - дробно-нумеративное. Я не решился принять подобную трактовку, опираясь только на такие периферийные факты, как (8). Возможно, однако, что в будущем будут обнаружены и другие соображения в пользу выделения особого ПСО в конструкциях, описываемых синтагмой 2; ср. выше, стр. 213. ♦

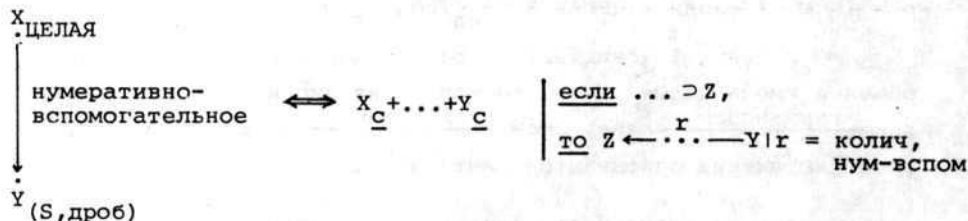
III

Составные имена смешанных чисел

А. Без союза И и без предлога С I

3.

Стандартный вариант

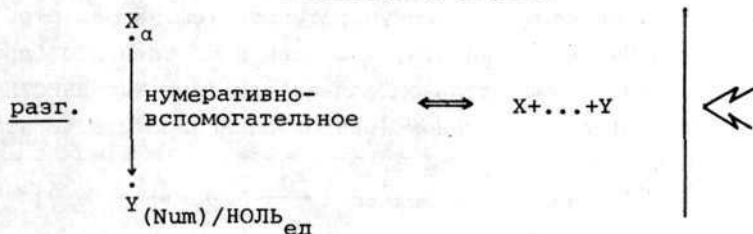
♦ Условие означает, что вершина имени дробной части может отделяться от существительного ЦЕЛАЯ только прочими компонентами имени дробной части. ♦

ПРИМЕРЫ:

- (1) [для одной] целой [X] колич НУМ-ВСПОМ [восьми [Z₁] двадцать [Z₂] →] НУМ-ВСПОМ [пятих [Y] [метра] [= для 1 ⁸/₂₅ метра];
- (2) [с пятью] целыми [X] НУМ-ВСПОМ [триста →] НУМ-ВСПОМ [тридцать →] НУМ-ВСПОМ [вторыми [Y] [тонны] [= с 5 ³/₁₃₂ тонны].

4.

Разговорный вариант

- 1) если X = (Num), то Y = НОЛЬ;
- 2) если X = НУЛЬ, то с(X) ≠ им, вин;
- 3) если (X = НУЛЬ, и не Z $\xrightarrow{\text{нум-вспом}}$ X, и Y ≠ НОЛЬ, ОДИН I), то с(Y) = с(X);
- 4) если X = НОЛЬ и Y ≠ НОЛЬ, ОДИН I, то:
- а. если W $\xrightarrow{\text{не нум-вспом}}$ U $\xrightarrow{\text{нум-вспом}}$ X, то с(Y) = с(U);
- б. если W $\xrightarrow{\text{не нум-вспом}}$ X, то с(Y) = с(X);
- 5) если Y = НОЛЬ, то с(Y) = им;
- 6) если Y = ОДИН I, то с(Y) = им, п(Y) = ед, д(Y) = муж;
- 7) если Y = ДВА, то д(Y) = муж/жен;
- 8) если X ≠ НУЛЬ, НОЛЬ, то ... = Λ;
- 9) если ... T, то T $\xleftarrow{\text{нум-вспом}}$ Y

α = (Num) / (S, колич) / ЦЕЛАЯ/НОЛЬ_{ед}/НОЛЬ_{ед}

◆ Условие 1 исключает из рассмотрения в данной синтагме обычные имена целых чисел, состоящие из числительных, типа *со-рок* $\xleftarrow{\text{нум-вспом}}$ *пять*, *сто* $\xleftarrow{\text{нум-вспом}}$ *семнадцать* и т.п.; такие выражения описываются синтагмой 1.

Условие 2 воспрещает использование лексемы НУЛЬ (в данной конструкции) в именительном или винительном падеже:

(1) **шесть ноль [X] восемь [грамма] [надо: шесть ноль восемь грамма; = 6,08 г];*

ср., в то же время, (2):

(2) *с нулём [X] ноль восемью [грамма] [= с 0,08 г].*

Аналогично, условие 5 предписывает употребление лексемы НОЛЬ (в качестве Y-а в данной конструкции) только в именительном падеже:

(3) *с нулём [X] нолём [Y] восемью [грамма]

(ср. (2) выше).

Более подробно о лексемах НУЛЬ и НОЛЬ см. сноску 8, стр. 248.

Условия 3 и 4 определяют падеж зависимого члена данной синтагмы в двух следующих случаях.

Условие 3 обеспечивает синтез и анализ выражений типа (4):

(4) с [Z] $\xrightarrow{\text{предлож}}$ нулём [X] шестью [Y] $\xrightarrow{1 \text{ компл}}$ грамма
[= с 0,6 г] (о ПС-описании подобных разговорных обозначений десятичных дробей см. § 3 гл. I, стр. 49 - 50).

Следует отметить, что многие носители русского языка считают выражения типа (4) недопустимыми; по моей собственной оценке, они находятся на грани допустимого. Тем не менее, я счел желательным отразить их в описании, поскольку "прямая" форма подобных выражений - *ноль шесть грамма* [= 0,6 г] или *ноль пять литра* [= 0,5 л] - совершенно нормальна и мне не хотелось в явном виде запрещать их "косвенные" формы. Верно, однако, что выражения рассматриваемого типа становятся гораздо более приемлемыми, если от вершины имени числа зависит лексема НОЛЬ (в именит. падеже):

(4') с нулём ноль шестью грамма [= 0,06 г],
с нулём ноль ноль шестью грамма [= с 0,006 г] и т.п.

Условие 4 предусматривает случай типа (5):

(5) а. с [W] шестью [U] ноль ноль ноль [X] тремя [Y] грамма
[= с 6,0003 г];

б. Он выпил ноль [X] пять [Y] литра мукузани.

Условие 6 фиксирует форму числительного ОДИН I - в виде *один*:

(6) с шестью ноль [X] один [Y] грамма [= с 6,01 г];

(7) *с шестью ноль [X] одним [Y] грамма.

В синтагме 4 сознательно не учтена еще одна возможность для ОДИН I: стоять в форме единственного числа *женского* рода (= согласование с "опушенным" названием дробной доли: ДЕСЯТЛЯ, СОТАЯ, ТЫСЯЧНАЯ), и в этом случае принимать падеж всего ИЧ:

(8) с шестью ноль [X] одной [Y] грамма.

Я позволил себе проигнорировать данный факт, чтобы не усложнять и без того сложную систему условий.

Условие 7 отражает вариативность в роде числительного ДВА:

(9) *по* ноль [X] два <две> [Y] грамма.

Наконец, условия 8 и 9 допускают дистантное расположение членов данной синтагмы в тексте, только если X - НУЛЬ или НОЛЬ, а Y - вершина составного ИЧ, прочие компоненты которого и отделяют Y от X-а:

- (10) с [W] *шестью* [U] *ноль* [X] *ста* [T₁] *сорока* [T₂] *пятью* [Y] *грамма*
(см. условия 4 и 9).

Громоздкость условий к синтагме 4 свидетельствует, как мне кажется, о необходимости распечатать ее на несколько синтагм, а также, возможно, о целесообразности введения нескольких разных нумеративных ПСО (вместо нынешнего единого нумеративно-вспомогательного.) ♦

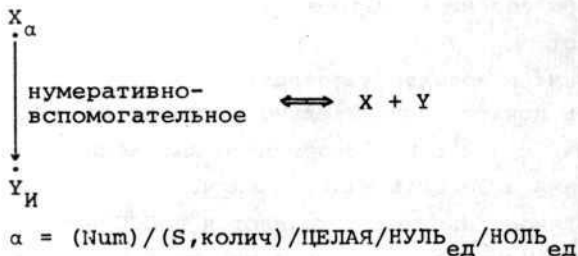
ПРИМЕРЫ:

- (11) *Тогда возьми шесть* [X₁] *ноль* [Y₁;X₂] *пятнадцать* [Y₂] *грамма*
[= 6,015 г].
- (12) ... с *двумя* ← **КОЛИЧ** *целыми* [X₁] — **НУМ-ВСПОМ** → *ноль* [Y₁;X₂]
ВСПОМ ↓ **НУМ-ВСПОМ** *сорока* [T] ← *тремя* [Y₂] *грамма* [= с 2,043 г].
- (13) *Для трёх целых* [X₁] *ноль* [Y₁;X₂] *ноль* [Y₂;X₃] *семи* [Y₃] *метра* <= для 3,007 м > этого будет достаточно.
- (14) *Если от нуля* [X₁] *ноль* [Y₁;X₂] *шести* [Y₂] *грамма* <= от 0,06 г > *отнять* *ноль* [X₃] *ноль* [Y₃;X₄] *два* *грамма* <= 0,02 г >, то ...
- (15) *Хоцуписин выпускается в форме таблеток по 0,2 грамма, что может читаться двумя способами:*
- более литературное прочтение - ... по *ноль целых две десятих* *грамма* (см. выше, стр. 227, синтагма 3);
 - более разговорное прочтение - ... по *ноль два <две> грамма*, описываемое данной синтагмой. [Относительно вариантов *два/две* см. замечание к условию 7 выше.]

Б. С союзом И или с предлогом С И (ср. выше, стр. 52 - 53)

5.

Составные имена смешанных чисел с союзом И

ПРИМЕРЫ:

- (1) *шесть [X] и [Y] восемнадцать сотих [метра];*
- (2) *к шести [X] и [Y] восемнадцати [метра];*
- (3) *шесть тысяч [X] и [Y] три восьмых [метра];*
- (4) *от трёх целых [X] и [Y] ноль восемнадцати [метра];*
- (5) *ноль [X] и [Y] четыре пятых [метра];*
- (6) - *У Сидорюка температура была высокая. Тридцать восемь [X] и [Y] два.*
 - *Сколько раз говорил тебе, не "два", а "две". Две десятых [В.Лухов, "Ординатор", журнал "Дружба народов", 1976, №8, стр. 162].*

◆ Пример (6) показывает любопытную особенность оформления числительного, обозначающего дробную долю, в разговорных выражениях типа *шесть и три* в смысле '6 $\frac{3}{10}$ ': в соответствии со строгой нормой, подобное числительное (зависящее от союза И) должно быть в женском роде - в силу очевидной "этимологии" (оно, так сказать, согласуется с опускаемым S ДЕСЯТАЯ); однако в разговорной речи (видимо, в частности, в силу очень разговорного характера всей конструкции в целом) данное требование нормы обычно не соблюдается.

Отметим наличие синтаксической омонимии в случаях типа

- (7) *шесть и четыре килограмма:*
 либо
 (7') 'шесть килограммов и четыре килограмма',
 либо
 (7") 'шесть и четыре десятых килограмма'⁹.

При "больших" Num в роли обозначения десятичной доли, а также в ковенных падежах, подобная омонимия не возникает:

(8) *шесть и восемь килограмма*

означает только '6 $\frac{8}{10}$ кг'; смысл '6 и 8 кг' выражается иначе:

(9) *шесть и восемь килограмм(ов)*.

Аналогично

(10) *с тремя и восьмью килограмма*

может быть понято исключительно в смысле 'с 3 $\frac{8}{10}$ килограмма'; для смысла 'с 3 и 8 кг' необходимо выражение

(11) *с тремя и восьмью килограммами*.

Указанное различие сохраняется в ПСС выражений типа (7)-(9) посредством использования двух разных сочинительных ПСО: нумеративно-вспомогательного в (7) и (8), но однородного в (9), ср.:

(8') *шесть* $\xrightarrow{\text{нум-вспом}}$ *и* $\xrightarrow{\text{соч-союз}}$ *восемь килограмма* [= 6,8 кг];

колич

(9') *шесть* $\xrightarrow{\text{однор}}$ *и* $\xrightarrow{\text{соч-союз}}$ *восемь килограммов* [= 6 и 8 кг].

колич

Таким образом, выражение (7), взятое вне контекста, получает две разные ПСС, отвечающие двум его разным интерпретациям - (7') и (7''):

(7') *шесть* $\xrightarrow{\text{однор}}$ *и* $\xrightarrow{\text{соч-союз}}$ *четыре килограмма* [= 6 и 4 кг],

колич

(7'') *шесть* $\xrightarrow{\text{нум-вспом}}$ *и* $\xrightarrow{\text{соч-союз}}$ *четыре килограмма* [= 6,4 кг].

колич

Однако в некоторых контекстах данная синтаксическая омонимия может разрешаться. Например, выражение

(12) *два, три и четыре килограмма*

может быть синтаксически проанализировано и понято только как

(12') '2 кг, 3 кг и 4 кг',

тогда как, например, (13):

(13) *два и три и четыре килограмма*

имеет иную (но тоже единственную) интерпретацию (13'):

(13') '2 кг и 3,4 кг'.

Приведенные трактовки выражений (12) и (13) связаны с общими правилами строения однородных цепей в русском языке: цепи вида

(14) X_1, X_2, X_3, \dots и X_n

являются вполне обычными (так устроено (12)), а цепи вида

(15) *X₁, X₂

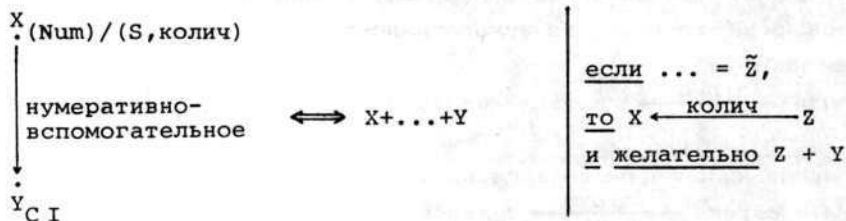
или

*X₁ и X₂ и X₃

нет (так были бы устроены (12) и (13) при неправильных интерпретациях)¹⁰. Подобные правила должны формулироваться в виде требований к правильным ПСС в русском языке - в связи с однородным поверхностно-синтаксическим отношением. ◆

6.

Составные имена смешанных чисел с предлогом С I

◆ Условие к данной синтагме означает, что группа с половиной <с четвертью> может отделяться от своего хозяина-числительного только группой хозяина этого последнего, т.е. группой того существительного Z, от которого зависит X; при этом желательно, чтобы группа с половиной <с четвертью> располагалась в тексте непосредственно вправо от этого Z.

NB: Тот факт, что Y является здесь вершиной именной группы с половиной или с четвертью указан в условиях правильности ПСС русских составных ИЧ, см. требование T12, стр. 219.

Предложенная формулировка синтагмы 6 допускает линейное расположение группы с половиной <с четвертью> как влево от "исчисляемого" S (т.е. между Num и S), так и вправо от него:

(1) три с половиной кило

и

(2) три кило с половиной.

Данное варьирование является, насколько я могу судить, факультативным. ◆

ПРИМЕРЫ:

(3) восемь [X] с [Y] половиной морских миль;

(4) восемь [X] морских миль [Z] с [Y] половиной;

- (5) *восемь [X] морских [Z] с половиной миль;
 (6) семь [X] с [Y] половиной километров горной дороги;
 (7) ? семь [X] километров [Z] горной дороги с [Y] половиной;
 (8) шесть тысяч [X] с [Y] половиной тонн.

◆ В связи с данной конструкцией представляются уместными два следующих замечания.

1. Как было отмечено выше (стр. 52), выражения типа *с лишним*, *с лишком*, *с небольшим*, *с чем-то*, *с хвостиком*, *с гаком*, *без малого* и т.п. не считаются компонентами составных имен чисел: они рассматриваются как поясняющие атрибуты и присоединяются к своим ПС-хозяевам не нумеративно-вспомогательным, а атрибутивным ПСО:

(9) а. три $\xrightarrow{\text{атриб}}$ с лишним килограмма;

б. $\xrightarrow{\text{атриб}}$ шесть километров с небольшим;

в. лет сорока $\xrightarrow{\text{атриб}}$ с хвостиком.

Помимо того, что все эти выражения не обозначают чисел (в отличие от групп *с половиной* и *с четвертью*), они характеризуются по крайней мере двумя чисто синтаксическими особенностями:

- Их линейное размещение отличается от размещения групп *с половиной* и *с четвертью*:

- (10) а. пятьдесят с лишком лет при пятьдесят лет с лишком;
 б. без малого двадцать лет или двадцать лет без малого, но ? двадцать без малого лет;
 в. *сорок с гаком километров при сорок километров с гаком или километров сорок с гаком.

- При интерпозиции (между Num и S) подобные атрибуты делают факультативным употребление сильных счетных форм (см. Экскурс 14, стр. 433):

- (11) а. два с небольшим часá <чáса>,
 б. три с лишним часá <чáса>,
 в. четыре с чем-то часá <чáса>,
 тогда как при *с половиной* сильная счетная форма остается обязательной:
 г. два с половиной часá <*чáса>.

2. Группа *с четвертью* несколько отличается по своему поверхно-синтаксическому поведению от группы *с половиной*:

- Группа с четвертью допускает (при интерпозиции) вариативное соответствие "исчисляемого" S с "большим" Num в именительном или винительном падеже, что исключается для группы с половиной:

(12) *шесть с четвертью тонн <тонны>*

(первый вариант представляется несколько более нормативным)

| но не

(13) **шесть с половиной тонны [надо: тонн].*

- Группа с четвертью делает счетную форму факультативной или даже нежелательной, тогда как при с половиной, как только что было отмечено, сильная счетная форма остается обязательной:

(14) *два с четвертью часа <часá: для ряда информантов - ?часá>*,
но не

(15) **два с половиной часа [надо: часá].*

Ср. стр. 433. ◆

Покончив с составными именами чисел, мы можем перейти к предложным конструкциям с предлогом ПО в распределительном значении. Эти конструкции описываются шестью следующими синтагмами.

ПРЕДЛОЖНЫЕ СИНТАГМЫ С РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫМ ПО [= ПО III]

I

Зависимый член - числовое выражение

(1 - 4)

|| Общее условие к синтагмам 1 - 4

(X = ПО III; Y = S, зависящее от ПО III; Z = Num, зависящее от S)

Если $Z_1 \leftarrow \text{нум-вспом} Z$, то $\forall U \cup U \in Z_1 \leftarrow \dots \leftarrow Z$ и $U \neq Z$:

(a) если U = ТЫСЯЧА I / (S, колич), то:

(i) если либо не $U_1 \leftarrow \text{нум-вспом/колич} U$,
либо $T_{\text{ОДИН I}} \leftarrow \text{колич} U$, то $c(U) = \text{дат}$;

(ii) если $T \leftarrow \text{колич} U$ и $T \neq \text{ОДИН I}$, то $c(\Delta \text{NUMP}_U) = \text{вин}$;

(iii) если $W \leftarrow \text{нум-вспом} U$ и не $T \leftarrow \text{колич} U$, то:
если $c(\Delta \text{NUMP}_W) = \text{дат}$, то $c(U) = \text{дат/им}$;
если $c(\Delta \text{NUMP}_W) = \text{вин}$, то $c(U) = \text{им}$;

(b) если $U = (\text{Num})$ и $U \xleftarrow{\text{НУМ-ВСПОМ}} U_1$, то:

(i) если $U = \text{ДВЕСТИ/ТРИСТА/ЧЕТЫРЕСТА}$, то $\underline{c}(U) = \text{вин}$;

(ii) если $U \neq \text{ДВЕСТИ/ТРИСТА/ЧЕТЫРЕСТА}$, то:

если $\underline{c}(U_1) = \text{дат}$, то $\underline{c}(U) = \text{род/вин}$;

если $\underline{c}(U_1) = \text{род}$, то $\underline{c}(U) = \text{род/вин}$ и

(если $U_1 = Z$), то:

если U - имя числа десятков,

то $\underline{c}(U) = \underline{c}(U_1)$;

если U - не имя числа десятков,

то нежелательно $\underline{c}(U) \neq \underline{c}(U_1)$;

если $\underline{c}(U_1) = \text{вин}$, то $\underline{c}(U) = \text{вин}$.

◆ Громоздкость данного условия, равно как и относительно большое число синтагм вида ПО III + ЧВ объясняется (во всяком случае, хотя бы отчасти) тем фактом, что распределительное *по* управляет - в одном и том же значении! - ТРЕМЯ РАЗНЫМИ падежами:

- дательным (*Все получили по одной буханке хлеба*);
- винительным (*Все получили по две буханки <*по двум буханкам> хлеба*; подробнее об этом см. Экскурс 15, стр. 443 и сл.
- родительным (*Все получили по пяти буханок <*по пяти буханкам> хлеба*; см. ниже, комментарий 1 к синтагме 3, стр. 241.

При этом в контексте предлога ПО III возможно соединение однородных числительных в разных падежах: *по одному [дат] - два [вин] килограмма*; в отдельных случаях употребление того или иного падежа придает всему выражению несколько архаический характер; наконец, если ЧВ в составе предложной группы с ПО III содержит составное имя числа, то влияние предлога весьма сложным образом сказывается на всех внутренних компонентах этого последнего, причем - по-разному в зависимости от целого ряда факторов. Указанная особенность, т.е. воздействие ПО III на компоненты составного ИЧ в рамках предложной группы, и описывается общим условием к синтагмам 1-4. Оно гласит:

"Если в ЧВ, подчиненное предлогу, входит составное ИЧ (т.е. Z имеет зависимые по нумеративно-вспомогательному или количественному ПСО), то для всякого компонента U этого ИЧ, отличного от его вершины ($U \neq Z$), должно выполняться одно из двух:

(a) Если рассматриваемый компонент - ТЫСЯЧА I или S типа

МИЛЛИОН, то при отсутствии у него количественных и нумеративно-вспомогательных зависимых, отличных от ОДИН I, сам этот компонент ставится в дательном падеже (пример (1)), а в противном случае - при наличии количественного зависимого - вся количественная группа этого компонента (ΔNUMP_U) получает винительный падеж (примеры (2)-(4)):

- (1) по одной тысяче [U] сто сорок [Z] рублей [Y];
 (2) по три тысячи [ΔNUMP_U] <по пять тысяч [ΔNUMP_U] > восемьсот [Z] рублей [Y];
 (3) по шесть ← КОЛИЧ миллионов [U₁] семьдесят ← КОЛИЧ тысяч [U₂] восемьсот [Z] рублей [Y];
 (4) по миллиону [U₁] семьдесят ← КОЛИЧ тысяч [U₂] восемьсот [Z] рублей [Y]

Особый (очень редкий и фактически недоопределенный самим языком) случай представляют примеры типа (5)-(6), учтенные пунктом (a-iii) общего условия:

- (5) по (одному) миллиону — НУМ-ВСПОМ → тысяче <тысяча> [U] восемьсот [Z] рублей [Y];
 (6) по два миллиона — НУМ-ВСПОМ → тысяча <тысяче> [U] восемьсот [Z] рублей [Y].

(b) Если рассматриваемый компонент - числительное, зависящее от другого числительного по нумеративно-вспомогательному PCO, то различаются два случая:

- ДВЕСТИ, ТРИСТА и ЧЕТЫРЕСТА ставятся всегда в винительном падеже, см. примеры (7) - (9):

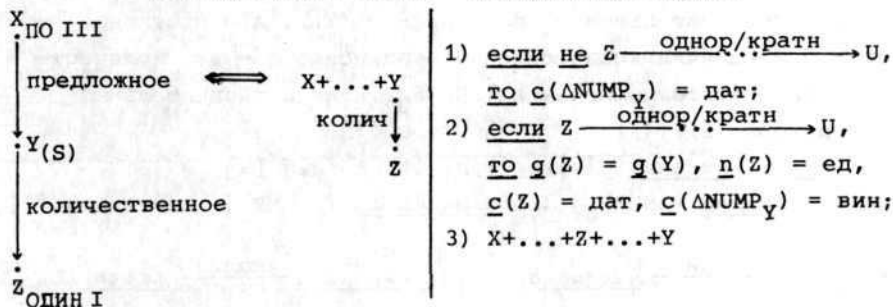
- (7) по двести [U] три [U₁] рубля;
 (8) по четыреста [U] пятьдесят [U₁] одному рублю;
 (9) *по двумстам <двухсот> [U] одному [U₁] рублю.

- У прочих числительных падеж зависит от падежа их хозяина, как указано в пункте (b - ii) общего условия:

- (10) по двадцати <двадцать> [U] одному [U₁] рублю;
 (11) по двадцати <*двадцать> [U] пяти [U₁ = Z] рублей;
 (12) по шестисот <шестьсот> [U] сорока [U₁] пяти [Z] рублей;
 (13) по ста <?сто> [U] пяти [U₁ = Z] рублей;
 (14) по двадцать <*двадцати> [U] пять [U₁] рублей. ♦

1.

Вершина имени числа - числительное ОДИН I

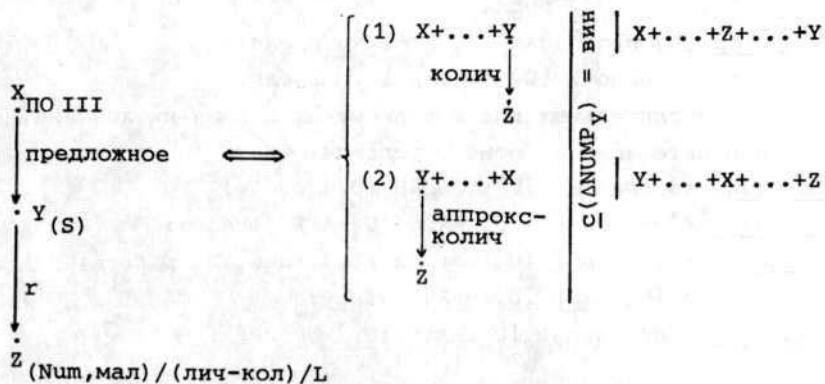

◆ Условие 2 предусматривает однородные и кратные цепи числительных, начинающиеся с ОДИН I, в контексте ПО III: в таких цепях ОДИН I получает дательный падеж, согласуясь по роду и числу с "исчисляемым" S (которое должно быть в единственном числе), тогда как вся остальная часть числового выражения ставится в винительном падеже:

- (1) по одному [Z] или два [U] человека [Y];
- (2) по двадцать одной [Z], двадцать две [U₁] и даже двадцать три [U₂] девушки [Y];
- (3) по одному [Z]-два [U] посетителя [Y];
- (4) *по одному [Z]-двум [U] посетителям [Y]. ◆

2.

Вершина имени числа - "малое" или лично-количественное числительное, ДВЕСТИ, ТРИСТА или ЧЕТЫРЕСТА

r = количественное/аппроксимативно-количественное

L = ДВЕСТИ/ТРИСТА/ЧЕТЫРЕСТА

ПРИМЕРЫ:

- (1) по два [Z] человека [Y];
 (2) по четыре [Z] тонны [Y];
 (3) *по двум людям <человекам>, *по двух человек <людей>;
 (4) по двести <триста> [Z] рублей [Y];
 (5) *по трёмстам рублям <рублей>;
 (6) *по трёхсот рублей;
 (7) человека [Y] по [X] три [Z];
 (8) тонн [Y] по [X] четыреста [Z];
 (9) Утром начали по три человека в Трактир бегать греться [М.А.Булгаков, "Белая гвардия"].
 (10) В каждую комнату поместили по шестеро приезжих.
 (11) За один раз он брал на борт по двести <*двухсот> бойцов.
 (12) На каждый км² почвы приходится примерно по миллиону ^{нум-}пять-
^{вспом}сот ^{колич} ^{тысяч} ^{нум-вспом} четыреста этих созданий.

◆ Данная синтагма отличается от следующей (синтагмы 3) тем, что здесь невозможна вариативность падежной формы у ЧВ: при "малых" и лично-количественных Num, а также при ДВЕСТИ, ТРИСТА и ЧЕТЫРЕСТА группа ΔNUMP выступает всегда только в винительном падеже, тогда как при "больших" числительных винительный падеж может чередоваться с родительным:

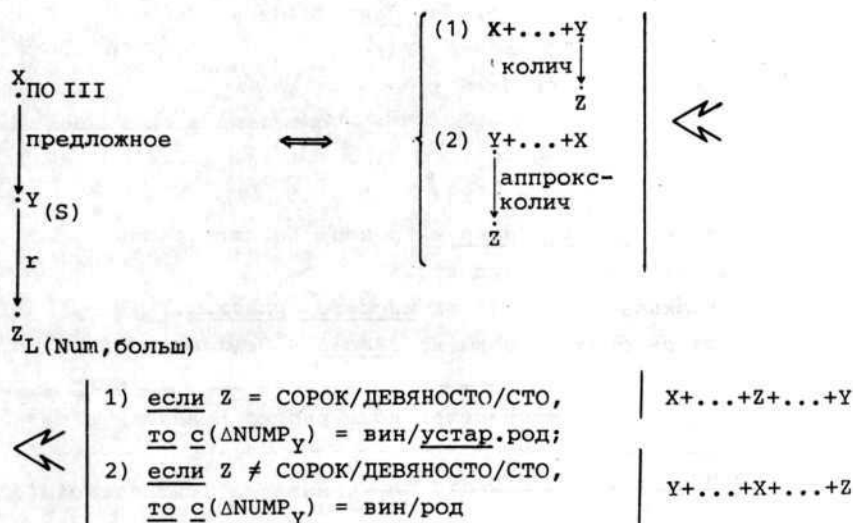
- (13) по два <три, четыре> рубля vs. по пять <пяти> рублей, что и учтено в синтагме 3.

Относительно винительного падежа у ЧВ типа по два человека, по трое больших см. Экскурс 15, стр. 438 и сл.

Анализ предложных групп с распределительным ро в польском языке содержится в Ёojasiewicz 1979. ◆

3.

Вершина имени числа - "большое" числительное,
отличное от ДВЕСТИ, ТРИСТА, ЧЕТЫРЕСТА

r = количественное/аппроксимативно-количественное

$L \neq \text{ДВЕСТИ, ТРИСТА, ЧЕТЫРЕСТА}$

◆ Данная синтагма учитывает допустимую при "больших" числительных (за исключением трех вышеупомянутых имен сотен) вариативность: винительный или родительный падеж группы ΔNUMP ; ср. примеры (1)-(6). ◆

ПРИМЕРЫ:

- (1) по пять <пяти> рублей каждому.
- (2) Чохи [= китайские монеты] нализывались на нитку по пятисот [здесь было бы возможно и пятьсот] штук [Л.С.Берг].
- (3) Из обычной печи можно вывезти по двадцати [здесь возможно и двадцать] тачек на брата [В.Максимов].
- (4) Я положу на каждого, до совершеннолетия, по тысяче пятисот [возможно и пятьсот] рублей капитала [Ф.М.Достоевский, "Преступление и наказание"].
- (5) ?У открытых ворот стояло по сто шести гвардейцев [Л.Раковский, "Кутузов"] [надо: либо ...по ста шести (архаичное выражение, уместное в стилизованном историческом романе), либо ...по сто шесть (современный способ выражения)].

◆ Дательный падеж у ТЫСЯЧА I в примере (4) и винительный падеж у СТО в примере (5) (с пометой о нежелательности) определяются общим условием к синтагмам 1 - 4, стр. 235; для ТЫСЯЧА I см. пункт (a-i), для СТО - пункт (b-ii), вторая импликация. ◆

- (6) *Надо чистить платье щёткой, раз по пяти и шести [возможно: пять и шесть] в день [Ф.М.Достоевский].*
- (7) *По тысяче двести одному рублю на брата. Нет, нет, пересчёт... Значит, каждому по одной тысяче ста шестидесяти рублей [здесь было бы возможно и по одной тысяче сто шестьдесят шесть рублей; Е.Кушев, "Отрывки из текста", "Грани", № 91, 1974, стр. 92].*
- (8) *По пятьсот грамм мяса на человека, где это видано? ... Молока - то же самое, от пуза, пей - не хочу, по полтора литра на человека, по поллитра утром, днём и вечером, красота! [Е. Кушев, там же, стр. 89].*

◆ К синтагме 3 необходимы по крайней мере два следующих комментария.

1. Форма числительного в выражениях типа *по пяти тонн, по двадцати человек* традиционно считается формой дательного падежа (Виноградов 1947: 296-297; Буторин 1964; Граудина и др. 1976: 47). Это, однако, явное недоразумение, объясняемое обращением к истории языка: исторически формы *пяти, двадцати* и т.п. в цитированных выше конструкциях, действительно, являются формами дательного падежа числовых существительных *пять* и *двадцать*, подчиняющих себе "исчисляемое" S в родительном падеже, - совершенно аналогично современным сочетаниям типа *по миллиону тонн*. В современном языке, однако, *пять, двадцать* и т.п. - уже не существительные, а числительные, сами подчиняющиеся "исчисляемому" S: *пять* в дательном падеже соединяется с S тоже в дательном падеже и т.д., ср. примеры:

- (7) *к пяти тоннам vs. по пяти тонн <*тоннам>;*
*к двадцати людям vs. по двадцати человек <*людям>;*
*к восемьдесят килограммам vs. по восемьдесят килограмм <*килограммам>.*

В то же время мы говорим *в количестве пяти тонн <двадцати человек, восемьдесят килограмм>*, т.е. ΔNUMP в правом столбце выступают в типичном контексте родительного падежа.

Тот факт, что Num в выражениях типа *по пяти тонн* стоит в родительном, а не в дательном падеже, становится особо очевидным в случае употребления в конструкции после ПО III имен от ДЕВЯТЬСОТ:

- (8) *по пятисот <*пятистам> рублей,*
*по шестисот <*шестистам> штук* и т.п..

тогда как формы дательного падежа - именно *пятистам, шестистам* и т.п.:

- (9) *к пятистам рублям <рублей>,*
к шестистам штукам <штук>...

(Тот факт, что в *по пятисот, по шестисот* и т.п. числительное имеет "своеобразную" форму дательного падежа отмечен в Буторин 1964: 144; там, однако, никак не объясняется, почему, собственно, эту "своеобразную" форму надо считать дательным падежом.)

2. Употребление после ПО III числовых выражений в родительном падеже (*по пяти рублей*) было нормой для письменного языка вплоть до начала 20 века; еще В.В.Виноградов 1947: 297 считал постановку ЧВ в винительном падеже фактом разговорной речи ("*... все больше и больше прав приобретает в разговорной речи конструкция *по пять рублей, по двадцать штук, по сто рублей*"*). Однако в настоящее время Δ NUMP_{вин} после ПО III встречается более чем в 5 раз чаще, чем Δ NUMP_{род} (Граудина и др. 1976: 47); конструкции с Δ NUMP_{род} воспринимаются мною как устарелые, особенно при Num СОРОК, ДЕВЯНОСТО и СТО:

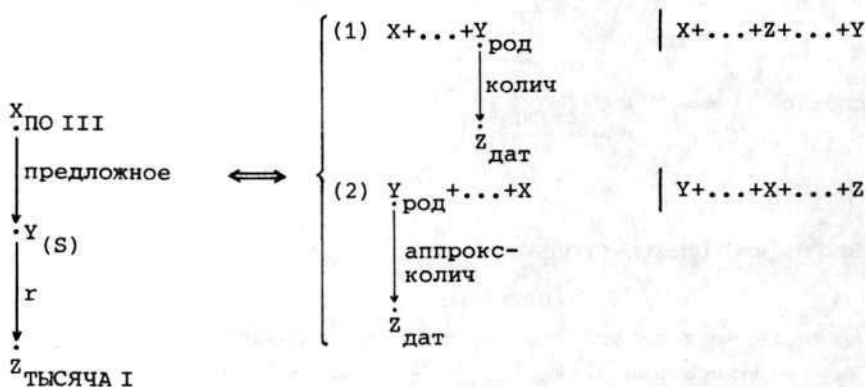
- (10) *Переходи он делал по сорока верст в день* [В.Гаршин].
 (11) *Он получал жалованье по девятиста копеек в месяц* [Мельников-Печерский].
 (12) *... Собирали по ста арестантов...*

Подборку примеров с Δ NUMP_{род} после ПО III из русских авторов 19 века см. в Буторин 1964. Подобные конструкции помечаются как устарелые благодаря условию 1 к предложной синтагме 4.

Прочие же выражения с Δ NUMP_{род} признаются отвечающими современной литературной норме - поскольку такова официальная точка зрения русской нормативной грамматики. ◆

4.

Вершина имени числа - числительное ТЫСЯЧА I

r = количественное/аппроксимативно-количественное

ПРИМЕРЫ:

- (1) по [X] тысяче [Z] рублей [Y];
 (2) рублей [Y] по [X] тысяче [Z] каждому.

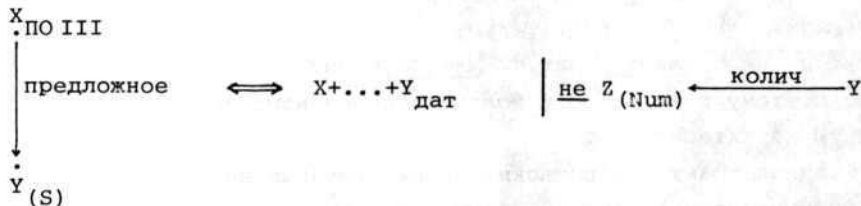
◆ В выражениях типа по одной тысяче рублей, по две тысячи рублей, по десять тысяч рублей выступает не числительное, а существительное ТЫСЯЧА IIa (см. Экскурс 5, стр. 289); такие выражения описываются предложными синтагмами 1 - 3, стр. 238 - 240. ◆

II

Зависимый член - существительное, не входящее в ЧВ

Данная синтагма описывает конструкцию, не содержащую ЧВ, и приводится здесь исключительно для полноты общей картины.

5.

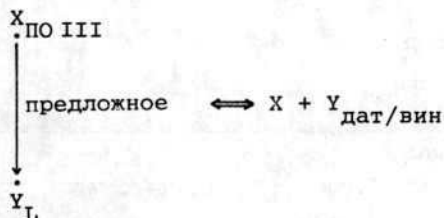
ПРИМЕРЫ:

- (1) по тонне песка, по килограмму хлеба; [всем] по выговору;
 (2) С каждого дерева упало по груше.
 (3) С миру по нитке - голому рубашка [пословица].

III

Зависимый член - количественное наречие

6.

L = МНОГО, НЕСКОЛЬКО, СКОЛЬКО

ПРИМЕРЫ:

- (1) По многу <много> раз в день пытался он связаться с Колей.
- (2) Гостей разместили очень быстро - по нескольку <несколько> в каждую комнату.
- (3) Спрашивается: по скольку <сколько> шаров попадает в каждую коробку?

◆ Интересной особенностью данной синтагмы являются формы *многу*, *нескольку*, *скольку*: это безусловно формы лексем МНОГО, НЕСКОЛЬКО и СКОЛЬКО, определяемые синтаксическим контекстом и характеризующиеся стандартным показателем -у. Как мне кажется, не остается ничего другого, как признать эти формы падежными, а именно - формами дательного падежа. Подобное решение заставляет считать, что у некоторых русских наречий (возможно, лишь у трех указанных лексем) существуют остаточные формы склонения: именительный, винительный (внешне совпадающий с именительным) и дательный падежи:

- (4) На столе лежит многу [имен.] груш;
- (5) Он купил многу [винит.] груш;
- (6) Он дал им по многу [дат.]/ многу [винит.] груш.

Именно поэтому в синтагме 6 количественное наречие Y получает падежную характеристику.

Сходная трактовка польских количественных наречий типа *dużo* была предложена в Saloni 1973; см. об этом Экскурс 7, стр. 308 и 320.

Формы *многу*, *нескольку*, *скольку* свободно чередуются в позиции после ПО III с формами *много*, *несколько*, *сколько*, т.е. формы дательного или винительного падежей здесь факультативны.

В соответствии с моей собственной языковой интуицией формы дательного падежа носят несколько более литературный характер и более уместны в тщательной, особенно письменной речи; формы винительного падежа более разговорны и в некоторых контекстах приближаются к просторечию.

Замечание. Остаточные падежные формы встречаются в русском языке и у некоторых других наречий, например, у наречий ЗАВТРА и ПОСЛЕЗАВТРА; такие формы, однако, воспринимаются как просторечные:

(7) прост. *Сделай это к завтраму <к завтраму>.*

(8) прост. *Даю тебе сроку до послезавтрего.*

(9) *Вы можете считать себя обеспеченными до послезавтраго утра [Ф.М.Достоевский, "Бесы", ч.3, гл.4].*

Отметим еще редкий и совершенно устаревший случай употребления наречия *сколькo* в родительном падеже:

(10) *Я не могу сказать, до сколькa градусов достигала стужа [С.Аксаков, "Семейная хроника"].* ◆

С Н О С К И

1. (К стр. 211.) В наших условных обозначениях, ПО I объединяет полтора десятка разных значений предлога *по*, управляющих дательным падежом: *идти по дороге, бегать по магазинам, специалист по вертолетам, работать по плану, по его мнению, ошибиться по рассеянности, передать по радио, равни по весу* и т.д.

ПО II - это *по*, управляющее винительным падежом (в значении 'вплоть до'): *по колено в воде, с первого по шестое января*.

ПО III - это распределительное *по*, рассматриваемое в данном параграфе: *по тонне на каждого, по два человека в номер* и т.д.

ПО IV - это *по*, управляющее предложным падежом (в значении 'непосредственно после'): *по истечении срока, по получении этого письма* и т.д.

2. (К стр. 212.)

А. Случаи, когда наше нумеративно-вспомогательное ПСО не удовлетворяет критерию В.II (т.е. не обладает свойством Кунце):

- Зависимое S (дроб) из поддерева типа

нум-вспом

[шесть] целых [три] ← КОЛИЧ → пятих не может быть перевешено
в поддерева типа тридцать ← нум-вспом → четыре или трид-

цать ← нум-вспом четвёртая; в противном случае получатся неправильные ПСС:

нум-вспом
* четыре [три] ← колич пятых или *[три] пятых ← нум-вспом четвёртая.

- Зависимое Num из поддерева типа сто ← нум-вспом шесть не может быть перевешено в поддеве типа [восемь] целых нум-вспом → и [пять восьмых], ибо получится неправильная ПСС

* [восемь] целых нум-вспом → сто.

- Предлог С I из поддевера три нум-вспом → с [четвертью] не может быть перевешен в поддевере типа три ← нум-вспом пятых или [две] целых [три] седьмых: поддеверья * пятые нум-вспом → с [четвертью] и *[две] целых нум-вспом → с [четвертью] являются неправильными.

Есть и другие примеры "некунцевости" нумеративно-вспомогательного ПСО.

Б. Случай, когда нумеративно-вспомогательное ПСО не удовлетворяет критерию В. III, т.е. является ограниченно повторяемым, а именно, может быть повторено только дважды и только при определенных зависимых:

- если один из зависимых - Num, а другой - союз И:

тридцать ← нум-вспом шесть нум-вспом → и [три сотых];

- если один из зависимых - Num, а другой - НОЛЬ:

тридцать ← нум-вспом шесть нум-вспом → ноль [ноль семнадцатьх];

- если один из зависимых - Num, а другой - предлог С I:

тридцать ← нум-вспом шесть нум-вспом → с [половиной];

- если один из зависимых - Num, а другой S (колич)' в составном ИЧ следующего типа:

к восьми ← колич миллионам восьмистам <восемьсот> ← нум-вспом четырнадцати [рублям].

Здесь также есть и другие примеры ограниченной повторяемости нумеративно-вспомогательного ПСО (в частности, с S (колич)' вместо Num в трех первых случаях: ср.

три ← колич тысячи ← нум-вспом шесть нум-вспом → и [три сотых] и т.п.).

3. (К стр. 216.) В древнерусских и, особенно, старорусских памятниках достаточно часто встречаются имена чисел и с современным порядком компонентов:

(1) ... на праздник давал по сту стерлядей и по двадцати [Гр. 1486 г.];

(2) ... да отъ Бориса Бужвостова восемьдесят восьмъ памятей всяких [1670 г.];

(3) триста сорокъ восьмъ ядеръ [1614 г.] и т.п. [примеры см., в частности, в Bogusławski 1966: 115].

4. (К стр. 223.) Отметим здесь, какими специфическими свойствами обладают числительные, упоминаемые в требованиях условия 3.

Числительное ОДИН I вообще специфично во многих отношениях и сильно отличается от наиболее типовых Num. (см. Экскурс 3, стр. 274); неудивительно, что оно выделено и в данной связи - при нем неизменяемость зависимого члена нумеративно-вспомогательного ПСО возможна всегда.

ДВА и ТРИ не в творительном падеже о д н о с л о ж н ы в отличие от всех прочих числительных в любом косвенном (= не именительном и не винительном) падеже. Возможно, что здесь мы имеем хороший пример связи между фонологическим и поверхностно-синтаксическим уровнями представления высказываний. Не исключено, что второе требование в условии 3 следовало бы записать следующим образом:

либо /X/ - односложно, где /X/ обозначает фонологическое представление X-а.

Num ДВАДЦАТЬ, ТРИДЦАТЬ, СОРОК и СТО характеризуются тем, что у них - в противоположность всем именам десятков, кроме ДЕВЯНОСТО, и именам сотен - при склонении не происходят внутренние изменения:

двадцати, тридцатью, сорока vs. пятидесяти [пятьдесят], шестьдесятью [шестьдесят], двумстам [двесть].

Таким образом, и особенности внутреннего морфологического строения могут влиять, как мы видим, на возможность их употребления в той или иной конструкции. Поэтому, по всей вероятности, можно было бы ввести признак "наличие внутренних изменений при склонении" - "внутр-изм" - и записывать третье требование так:

либо X ≠ (внутр-изм).

Однако, как и в случае со вторым требованием, я предпочел решение, которое представляется мне более традиционным.

Числительное ДЕВЯНОСТО, при ударении на предпоследнем слоге, имеет конечную редуцированную гласную /э/ и в именительном, и в косвенных падежах. Иначе говоря, письменные формы *девьянсто* и *девьянста* на слух не различаются, а потому однозначная трактовка этого числительного невозможна.

(Отмечу мимоходом, что наличие внутренних изменений в числительных типа *семьдесят* ~ *семьюдесятью* или *триста* ~ *тремястами* и т.п.) ставит перед лингвистикой интересную морфологическую проблему: в самом деле, что представляют собой эти изменения? Являются ли они особыми чередованиями, или инфиксами, или интерфиксами? Что следует считать основой в подобных числительных? Эти вопросы все еще ждут убедительного ответа.)

5. (К стр. 225.) Формы *пятидесятью* и *пятидесяти* являются хорошим примером ЧАСТИЧНОЙ "неизменяемости" числительных в составе ИЧ. Как мне кажется, в современном русском языке наблюдается упрощение парадигм сложных числительных, а именно упрощается внутреннее изменение их: *пятидесятью* вм. *пятьюдесятью*, *шестцстами* вм. *шестьюстами* и т.д. (упрощенные формы допустимы только в разговорной речи, но не на письме). Данное явление в принципе не касается настоящего изложения, так как целиком относится к области поверхностной морфологии: речь идет просто о другой форме того же падежа сложных числительных.

Однако употребление форм типа *пятидесяти* вм. *пятьюдесятью* должно рассматриваться именно здесь: это употребление другого падежа (а не другой формы того же падежа).

Формы родительного падежа употребляются вместо дательного, творительного и предложного падежей в тех же условиях, что и формы именительного падежа. Поскольку, однако, у имен десятков формы родительного, дательного и предложного падежей совпадают (*пятидесяти* - род., дат. и предл. падежи), то с уверенностью здесь можно говорить об употреблении родительного вместо творительного. Однако у имен сотен различаются все падежные формы, и мы ясно видим, что родительный падеж может выступать вместо всех прочих косвенных падежей:

- (1) а. *к трёхсот* [вместо *трёхстам*] *сорока рублям*;
 б. *с трёхсот* [вместо *тремястами*] *сорока рублями*;
 в. *о трёхсот* [вместо *трёхстах*] *сорока рублям*.

(Выражения типа (1) возможны лишь в разговорной речи.)

Факт "полной неизменяемости" некоторых компонентов составных ИЧ, т.е. постановка их в именительном падеже, хорошо известен в русистике (со времен Р.Кошутича, см. Экскурс 12, стр. 406). В то же время факт "частичной неизменяемости" компонентов ИЧ, т.е. использование для них родительного падежа безотносительно к падежу самого ИЧ в целом, как мне кажется, до сих пор в описаниях русского языка не освещался. См. также ниже, стр. 226 и сл.

6. (К стр. 225.) Чтобы отразить в синтагме 1 различные степени допустимости (вариантов) выражений (23) и (24), необходимо использовать в качестве условий требования **г л о б а л ь н о г о** типа, например:

(а) В составном ИЧ нежелательно одновременное наличие "изменяемого" компонента - числительного и "неизменяемого" компонента - количественного существительного.

(б) Прибавление еще одного "неизменяемого" компонента с вершиной типа МИЛЛИОН повышает приемлемость составного ИЧ, содержащего "неизменяемые" компоненты.

Я не решился, однако, усложнять и без того громоздкое описание составных ИЧ введением подобных условий.

7. (К стр. 226.) Отметим смысловое противопоставление *двадцать седьмая* [= $\frac{1}{27}$] vs. *двадцать седьмиз* [= $20\frac{1}{7}$], фиксируемое в ПСС посредством различных ПСО:

двадцать ← **нум-вспом** *седьмая* vs. *двадцать* ← **колич** *седь-*
мая.

8. (К стр. 229.) НУЛЬ и НОЛЬ: одна лексема или две разные лексемы?

Традиционно, формы *нуль* (*нуля, нулю, ...*) и *ноль* (*ноля, нолю, ...*) считаются "вариантами одного и того же слова" (Тарабасова 1955: 227). Именно так трактуют их и толковые словари русского языка - от Ушакова до Ожегова. Основания: семантическое тождество и фонетическая близость. Иначе говоря, соотношение *нуль* - *ноль* приравнивают к соотношениям типа *шкап* ~ *шкаф*, *галоши* ~ *калоши* и т.п. или типа *скирд* ~ *скирда*, *рельс* ~ *рельса*, *клавиш* ~ *клавиша*. Однако что в точности означает выражение "варианты одного и того же слова"? Видимо, "варианты одной и той же лексемы"; но если под лексемой понимается определенное множество словоформ (= лекс, имеющих одинаковое лексическое значение, содержащих одинаковые или связанные регулярными чередованиями основы и различающихся только грамматическими значениями), то ни-

каких вариантов у лексемы быть не может: само выражение "вариант множества" представляется бессмысленным. Уже по этой, чисто логическо-терминологической причине необходимо отвергнуть традиционную формулировку, заменив ее следующей альтернативной: формы *нуль* ~ *ноль* принадлежат либо одной и той же лексеме (= являются ее элементами), либо двум разным лексемам. Определение лексемы см. в сноске 1 к Экскурсу 1, стр. 264.

Для того, чтобы формы *нуль* и *ноль* (соответственно, *нуля* и *ноля*, *нулю* и *нолю*, ...) могли быть признаны формами одной и той же лексемы, необходимо одно из двух:

- либо эти формы находятся в отношении свободного варьирования;

- либо выбор между ними зависит только от каких-то свойств самой этой лексемы, например, от значения тех или иных ее морфологических переменных, но не от внешнего контекста. (Ср. Принцип внешней независимости падежных форм, Экскурс 13, стр. 415.) Иными словами, правила лексической сочетаемости должны относиться к лексемам, а не к элементам лексем, т.е. не к лексам.

Как же обстоит дело с формами *нуль* и *ноль*?

В очень многих контекстах эти формы свободно чередуются:

(1) *А я для тебя просто нуль/ноль;*

К этой цифре прибавьте справа десять нулей/нолей;
Эту точку мы будем считать нулём/нолём - началом координат; и т.д.

В ряде других контекстов наблюдается как бы дополнительное распределение этих форм: в именительном и винительном падежах - *ноль*, во всех прочих (= косвенных) падежах - *нуля*, *нулю*, *нулём*; ср. примеры:

(2) *Условием обращения в ноль главного напряжения служит равенство нулю третьего инварианта* ["Основы современных методов расчета на прочность", 1950: 17];
Установив стрелку на ноль, мы легко убеждаемся, что разность потенциалов стремится к нулю; и т.д.

Настоящего дополнительного распределения здесь, однако, все же нет, ибо *нуль* также встречается в именительном и винительном падежах: фраза

(3) *Мы не рассматриваем случай, когда что-нибудь обращается в нуль* [журнал "Квант", 1976, № 9, стр. 14] является абсолютно правильной.

Тем не менее, существуют контексты и третьего типа - такие, что в них допустима лишь одна из двух рассматриваемых форм, причем выбор зависит от внешних факторов - т.е. от сочетаемости с другими лексемами.

Только *ноль* возможен, в частности, в следующих случаях:

- (4) а. *ноль* целих, ноль часов - **нуль* целих, **нуль* часов;
б. *ноль-ноль* в обозначениях круглого числа часов (в двадцать три *ноль-ноль* <**нуль-нуль*>);
в. некоторые идиомы: *ноль* без палочки 'ничтожество' <**нуль* без палочки>, *ноль* внимания 'никакого внимания' <? *нуль* внимания>.

Только *нуль* возможен в выражениях *круглый нуль* 'полное ничтожество' и *абсолютный* <*постоянный*> *нуль*, *сидеть на нулях* 'быть без денег', *по нулям* 'безрезультатно' и т.п.

Уменьшительное существительное образуется только от *ноль* - *нолик*: *А параноики Рисуют нолики* [А.Галич] (Форма *нолик* представляется мне устаревшей); в то же время относительное прилагательное и глагол образуется только от *нуль*: *нулевой* и *обнулять* (технический термин, обозначающий установку прибора, регистра памяти и т.п. на нуль/ноль). [Выражение *нолевое ударение*, встретившееся в книге Е.Эткинда "Разговор о стихах", Москва 1970: 9, в моем идиолекте невозможно.]

Все это заставляет меня признать, что формы *нуль* и *ноль* принадлежат двум разным лексемам: НУЛЬ и НОЛЬ, соответственно. Эти лексемы являются интересным примером сравнительно редкой в русском языке полной лексической синонимии.

9. (К стр. 231.) Указанная синтаксическая омонимия существует не для всех носителей русского языка: некоторые считают интерпретацию (7") невозможной, т.е. выражение (7) в смысле (7") неправильным; по мнению этих лиц (в частности, Л.Н. Иорданской), конструкции типа (7) в смысле (7") допустимы только в сильно фразеологизованных контекстах, а именно для обозначения температуры человеческого тела (без "исчисляемого" S): *тридцать семь и шесть, сорок и три* и т.п.) В моей собственной речи, однако, выражения типа (2) и (7) (в смысле (7")) вполне допустимы.
10. (К стр. 233.) Сказанное не следует понимать слишком буквально: однородные цепи вида (15), вообще говоря, вполне возможны в русском языке, но лишь при определенных условиях, тогда как цепи вида (14) возможны всегда.

§ 4

Синтаксические признаки, используемые в описании
русских числовых выражений

Синтаксическим признаком лексемы L называется такой символ, входящий в состав синтактики этой лексемы (= приписываемый ей в словаре), который характеризует ее поверхностно-синтаксические свойства, т.е. свойства, используемые в описании поверхностного синтаксиса данного языка. В отличие от частей речи, синтаксические признаки не разбивают множество лексем на непересекающиеся классы: они индуцируют "скользящую классификацию" лексем (см. Экскурс 2, стр. 266). О синтаксических признаках см., в частности, Corbett 1981.

Ниже приводятся в алфавитном порядке все синтаксические признаки, необходимые в поверхностно-синтаксическом описании русских числовых выражений: в количественных синтагмах, в операторах соответствия между Num и S, в нумеративно-вспомогательных синтагмах и в предложной синтагме с ПО III.

Каждый признак описывается по следующей схеме:

- 1) условное имя признака;
- 2) краткое содержательное пояснение;
- 3) примеры лексем, характеризующихся данным признаком;
- 4) указания мест в нашем описании ЧВ, где используется данный признак: сначала тех мест, где требуется его наличие, затем - после символа "отриц" - тех, где требуется его отсутствие.

В этих указаниях применяются следующие сокращения:

КС - количественная синтагма;

НВС - нумеративно-вспомогательная синтагма;

ПС - предложная синтагма с ПО III;

$COOTB_S(Num)$ - оператор соответствия существительного числительному;

$COOTB_{Num}(S)$ - оператор соответствия числительного существительному;

ТИЧ - требования к правильным ПСС русских имен чисел.

1. адъект - существительные адъективного склонения ("субстантивированные прилагательные"): *портной, мостовая, насекомое, командировочные, ...*
См. $COOTB_{S(Num)}$ 4, 5, 6, 15; отриц: $COOTB_{S(Num)}$ 2.
2. больш - "большие" числительные (от ПЯТЬ и выше), которые требуют при себе S во множественном числе (ср. признак "мал", № 11).
См. КС 7; ПС 2; $COOTB_{S(Num)}$ 17, 18, 21; $COOTB_{Num(S)}$ 13.
3. дроб - существительные адъективного склонения, обозначающие дробные доли: *вторая, третья, ..., двадцатая, ...* (но не *половина, треть и четверть!*); все S_(дроб) входят в класс S_(колич) (обратное, разумеется, неверно).
См. КС 5; общее условие к КС; ТИЧ 6, 7, 11; отриц: КС 1, 6, 7.
4. жен - существительные женского рода и числительное ТЫСЯЧА I.
См. $COOTB_{S(Num)}$ 4; $COOTB_{Num(S)}$ 10, 11; отриц: $COOTB_{S(Num)}$ 6.
5. исчисл - существительные, способные соединяться с числительными: *буква, кирпич, заявление, удар, Кузьмина, ...*
См. КС 1, 2, 3, 5, 6, 7.
6. квант - кванторные слова; в нашем случае - прилагательные *все, все, всякий, некоторый, любой, ...*
См. КС 5. (Кроме того, признак "квант" имеют наречия *везде, всегда, нигде, никогда, ...*)
7. колич:
 - а) Существительные, способные входить в состав имен чисел и обозначающие числа, кратные 1000: *тысяча, миллион, миллиард, ...* О характерных свойствах S_(колич) говорится на стр. 296 - 300.
Признак "колич" при S используется в следующих случаях:
КС 5; НВС 1, 2, 4, 5, 6; ТИЧ 1, 5, 8, 9, 10.
 - б) Наречия типа *много, мало, несколько*; подробнее см. Эккурс 7, стр. 305 и сл.
Признак "колич" (при Adv) используется в КС 5.
 - в) Предлоги типа В I, НА I, ПО III и т.п., способные вводить количественные выражения в конструкциях типа *силой в три лошади, больше на четыре человека, по трое больных* и т.п.
См. $COOTB_{Num(S)}$ 10, 11.
 - г) Прилагательные типа *многие*. См. КС 5.
 - д) Глаголы типа *стоять, насчитывать*. См. $COOTB_{Num(S)}$ 10, 11.

8. лич-кол - лично-количественные (= "собирательные") числительные: *двое, трое, четверо, ...*
См. КС 4, 7; ПС 2; ТИЧ 2; СООТВ_{S(Num)} 12, 14, 15, 17, 19; СООТВ_{Num(S)} 6, 7, 10, 11, 12.
Более подробно о лично-количественных Num говорится в Экскурсе 11, стр. 376 и сл.
9. лич-собств - лично-собственные имена, т.е. имена лиц, типа *Юра* или *Петров*.
См. СООТВ_{Num(S)} 10, 11.
10. личн - личные субстантивные местоимения *я, ты, он, она, оно, мы, вы, они*.
См. КС 4, 6; СООТВ_{S(Num)} 10; отриц: СООТВ_{S(Num)} 2.
11. мал - "малые" числительные (до ПЯТЬ), которые требуют при себе S в единственном числе (ср. признак "больш", № 2).
См. КС 7; ПС 2; СООТВ_{S(Num)} 2, 9, 11, 14, 15.
12. мест - местоименные слова:
а) существительные *я, он, нечто, это, ...*
б) прилагательные *мой, какой-либо, этот, ...*
в) наречия *там, тогда, столько, ...*
См. КС 4, 6; СООТВ_{S(Num)} 4, 10; отриц: СООТВ_{S(Num)} 2.
13. мн! - существительные *pluralia tantum*: *ножницы, трусики, чернила, похороны, ...*
См. КС 3, 3', 5, 7; СООТВ_{S(Num)} 1, 3, 16; СООТВ_{Num(S)} 2; отриц: СООТВ_{S(Num)} 2, СООТВ_{Num(S)} 1.
(Знак "!" в составе синтаксических признаков означает 'только': ср. ниже §§ 20 и 22.)
14. муж - существительные мужского рода.
См. СООТВ_{S(Num)} 4.
15. одуш - одушевленные существительные (имеющие в винительном падеже единственного и/или множественного числа форму, совпадающую с формой родительного падежа): *мальчик, девушка, мертвец, чудовище, девчата, ...*
См. СООТВ_{S(Num)} 13, 14, 15, 21; общее условие к СООТВ_{Num(S)} 8-14; СООТВ_{Num(S)} 13.
16. первообр - первообразные предлоги: *в, для, к, на, о, про, у, ...* (но не *благодаря, вопреки, относительно, в связи с* и т.п.).
См. КС 7.

17. **прибл** - лексические показатели приблизительности, вводящие ЧВ:
- а) Предлоги *около, до, от - до, под, за* (около сорока рублей, лет под тридцать и т.п.)
- б) Наречия сравнительной степени *свыше, (не) более <менее>, (не) больше <меньше>* (свыше двух километров, не более пятнадцати раз за ночь).
- См. КС 6, 7.
18. **смеш** - цифровое выражение, изображающее смешанное число, т.е. либо не начинающееся с нуля и содержащее внутри запятую (типа 13,643), либо имеющее вид $X\frac{Y}{Z} <X^Y/Z>$, где X, Y, Z - цепочки цифр (например, $13\frac{643}{1000}$ или $4\frac{2}{3}$).
- См. КС 3', 5; отриц: КС 1, 7.
19. **счѐтн** - существительные, имеющие в единственном числе особую счетную форму, которая может употребляться при "малых" Num (в именительном или винительном падеже) наряду с формой родительного падежа: *два ря́да ~ два ря́да; ср. начало ря́да <*ряда́>* (с л а б а я счетная форма ед. числа).
- См. COOTB_S(Num) 7, 8; отриц: COOTB_S(Num) 2.
- NB: о всех типах счетных форм (признаки № 19 - 22) см. Экскурс 14, стр. 430 и сл.
20. **счѐтн!** - существительные, имеющие в единственном числе особую счетную форму, которая при контактном расположении Num и S обязательно должна употребляться при "малых" Num (в именительном или винительном падеже) вместо формы родительного падежа: *два часа́, но не *два ча́са; ср. в течение ча́са <*часá>* (с и л ь н а я счетная форма ед. числа).
- См. COOTB_S(Num) 9, 10; COOTB_S(Num) 2.
21. **счѐтн-мн** - существительные, имеющие во множественном числе особую счетную форму, которая может употребляться при "больших" Num (в именительном или винительном падеже) наряду с формой родительного падежа: *пять килограмм ~ пять килограммов; ср. вычитать из килограммов <*килограмм> килограмми* (с л а б а я счетная форма мн. числа).
- См. COOTB_S(Num) 18, 20; отриц: COOTB_S(Num) 17.
22. **счѐтн-мн!** - существительные, имеющие во множественном числе особую счетную форму, которая при контактном расположении Num и S обязательно должна употребляться при "больших" Num

(в именительном или винительном падеже) вместо формы родительного падежа: *шесть человек*, но не **шесть людей*; ср. *множество людей* <*человек> (с и л ь н а я счетная форма множественного числа).

См. COOTB_S(Num) 14, 18, 20; отриц: COOTB_S(Num) 17.

23. фам -ов - русские мужские фамилии на -ин или -ов (*Дрейзин, Щеглов*).

См. COOTB_S(Num) 4.

24. цифр - цифровые обозначения числительных (135; $61\frac{4}{5}$; 0,001; и т.п.)

См. КС 3', 6; общие условия к КС 1-7; отриц: COOTB_S(Num) 17, 18.

25. цифр-і - цифровые выражения, оканчивающиеся цифрой і, которой не предшествует 1; так, "цифр-2" задает выражения 2, 22, 22, 32, ..., 102, 122, ..., но не 12, 112, ...

См. COOTB_S(Num) 1, 4, 7, 9, 11, 14, 15.

26. цифр=j - цифровые выражения, оканчивающиеся цепочкой цифр j; так, "цифр=000" задает выражения 1000, 2000, ..., 10 000, ..., 153 000, ... Ср. "цифр=3": 3, 23, 33, ..., но не 13, 113, 213, ... vs. "цифр-3": 3, 13, 23, 33, ..., 103, 113 и т.п.

См. COOTB_S(Num) 17, 18, 20.

Тот факт, что для описания поверхностного синтаксиса русских числовых выражений требуется 26 синтаксических признаков, еще раз подчеркивает их необычайную сложность. По существу, наши признаки - это внутренние факторы, обуславливающие строение и поведение русских ЧВ. (Кроме того, имеются еще внешние факторы - те или иные элементы, выступающие в синтаксическом контексте числовых выражений.)

Г Л А В А IV

СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ЭКСКУРСЫ

ЭКСКУРС 1

Семантические особенности "исчисляемых" и "неисчисляемых" существительных в русском языке и их лексикографическое описание

Среди наиболее сложных вопросов, встающих перед лексикографом, я хотел бы выделить здесь два следующих:

- разбиение "многозначного слова", или *вокабулы*, на отдельные значения, или *лексемы*¹;
- выбор стандартной, унифицированной формы толкований для семантически родственных лексем.

Этим двум вопросам и посвящен настоящий Экскурс.

Когда речь идет о многозначном существительном, то удобным приемом, помогающим разграничению его значений и одновременно стандартизации их описания, является тест на квантификацию: возможность образования в данном значении множественного числа, а также возможность соединения с разнообразными количественными словами.

Особенно эффективным критерием разграничения значений русских S является их сочетаемость/несочетаемость с числительными. Напомним, что те S, смысл которых допускает соединение с Num, называются "исчисляемыми", а все прочие - "неисчисляемыми" (стр. 32). Примеры исчисляемых S: *(две) книги, (три) яблока, (четыре) прыжка, (пять) мнений*; примеры неисчисляемых S: *(*две) пехоты, (*три) ма-лины, (*четыре) неповиновения, (*пять) честностей*. Оказывается, что словарное описание русских S сильно зависит от их исчисляемости/неисчисляемости: некоторое S может быть исчисляемым в одном значении и неисчисляемым в другом. Однако существующие толковые словари русского языка пренебрегают этим критерием и в результате, как правило, плохо описывают семантические различия между "исчисляемыми" и "неисчисляемыми" существительными. Рассмотрим для примера три класса случаев: А) названия овощей, Б) названия звуков и В) названия видов пищи и напитков.

А. В словаре Ожегова (1972 г., 9-ое изд.) мы имеем следующие толкования значений слов КАРТОФЕЛЬ, ОГУРЕЦ, МОРКОВЬ и т.д. (толкования даются здесь в сокращенном и унифицированном виде):

КАРТОФЕЛЬ ~ 'растение, а также его клубни';

ОГУРЕЦ ~ 'растение';

МОРКОВЬ ~ 'растение';

МОРКОВКА ~ 'один корешок моркови';

ПОМИДОР ~ 'растение, а также его плод';

КАПУСТА ~ 'растение' и т.п.

Однако все эти толкования неверны: в действительности дело обстоит гораздо сложнее. Чтобы показать это, я приведу примерные толкования для нескольких названий овощей, стремясь последовательно учесть в этих толкованиях (и особенно - при разбиении вокабул на значения) сочетаемость соответствующих S с Num.

Подчеркнем, что предлагаемые толкования являются приблизительными в такой степени, что могут претендовать исключительно на статус иллюстраций, демонстрирующих лишь ПРИНЦИПЫ разбиения вокабул на значения и конструирования толкований. Так, даже и не делается попытка указать *differentia specifica* растений 'картофель 1' vs. 'морковь 1' vs. 'огурец 1' и т.п. или звуков 'крик' vs. 'рѣв' vs. 'возглас'; более того, в толкованиях не сказано, что картофель, огурец, морковь и т.д. - это овощи, а крик, рев и возглас - голосовые звуки (крик - человека или птицы; рев - человека или животного, а также шум природного явления: *рѣв урагана, водопада*; возглас - только человека); существенная неясность связана с используемыми семантическими компонентами 'совокупность' vs. 'вид'; дополнительного исследования требует компонент 'квант... продукта': не следует ли связать его с понятием 'полезный плод растения...' и, если да, то как? и т.п.

КАРТОФЕЛЬ

1. ~ 'Вид растений ... или совокупность растений этого вида'
У нас хорошо растёт картофель, огурцы, помидоры; три грядки картофеля.
 Но не '(одно) растение': **Подкопай этот картофель справа!*;
 '(одно) растение вида картофель 1' = КАРТОФЕЛЬНЫЙ КУСТ.
2. ~ 'Съедобный продукт, доставляемый растением картофель 1'
Я люблю картофель, гречневую кашу, макароны.

Но не 'квант продукта': **На тарелке лежало три картофеля;*
'квант съедобного продукта, доставляемого картофелем 1' =
КАРТОФЕЛИНА, КАРТОШКА 2, КАРТОШИНА.

КАРТОШКА (разг.)

1. ≈ 'Вид растений... или совокупность растений этого вида
[= картофель 1]'
У нас хорошо растет картошка; Весь огород под картошкой.
Но не '(одно) растение': **В конце грядки растет три картошки.*
2. ≈ 'Съедобный продукт, доставляемый растением картофель 1
[= картофель 2]'
Я люблю жареную картошку.
3. ≈ 'Квант съедобного продукта, доставляемого растением карто-
фель 1 [= картофелина]'
Дома осталось всего четыре гнилых картошки.

КАРТОФЕЛИНА = КАРТОШИНА (разг.)

- ≈ 'Квант съедобного продукта, доставляемого растением карто-
фель 1'

ОГУРЕЦ

1. ≈ '(Одно) растение вида огурца 1 [см. ниже]'
Полей третий огурец в этом ряду.
Но не 'вид... или совокупность растений': **У нас хорошо
растет огурец; *две грядки огурца/под огурцом.*
2. ≈ 'Квант съедобного продукта, доставляемого растением огур-
цы 1'
Я купил пять длинных огурцов.
Но не 'доставляемый... продукт': **В картофеле и огурце много
витаминов; *Я люблю картошку, капусту и огурец; 'достав-
ляемый огурцами 1 продукт' = ОГУРЦЫ 2, см. непосредственно
ниже.*

ОГУРЦЫ

1. ≈ 'Вид растений... или совокупность растений этого вида'
*Здесь прекрасно растут огурцы; две грядки огурцов / под
огурцами.*

2. ≈ 'Съедобный продукт, доставляемый растением огурцы 1'
В картофеле, моркови и огурцах много витаминов.
 Кроме того, форма огурцы имеет еще два значения: мн. число от ОГУРЕЦ 1 и ОГУРЕЦ 2, соответственно. Ср. фразы (1) - (4):
 (1) - *Полей вон те огурцы справа!* [= ОГУРЕЦ 1].
 (2) - *Покроши в салат эти огурцы!* [= ОГУРЕЦ 2].
 (3) - *Мой сосед выращивает огурцы* [ОГУРЦЫ 1].
 (4) - *Я люблю огурцы* [ОГУРЦЫ 2].
 Ср., в данной связи, Зализняк 1967: 61 о двузначности форм типа сапоги: plurale tantum 'одна пара сапог' и множ. число от 'сапог'.

МОРКОВЬ

1. ≈ 'Вид растений... или совокупность растений этого вида'
Совхоз "Свет коммунизма" выращивает морковь на тридцати гектарах.
2. ≈ '(Одно) растение вида морковь 1'
Что-то плохо растёт вот эта морковь, третья справа на грядке.
3. ≈ 'Съедобный продукт, доставляемый растением морковь 1'
Терпеть не могу вареную морковь.
4. ≈ 'Квант съедобного продукта, доставляемого растением морковь 1'
Возьмите три моркови.

МОРКОВКА (разг.)

1. ≈ 'Вид растений... или совокупность растений этого вида [= МОРКОВЬ 1]'
Здесь плохо растет морковка; целая грядка под морковкой.
2. ≈ '(Одно) растение вида морковь 1 [= МОРКОВЬ 2]'
 - *Видерни-ка вон ту морковку, с краю грядки!*
3. ≈ 'Съедобный продукт, доставляемый растением морковь 1'
 [Монахиня - другим монахиням:] - *Ура! Морковку привезли!* ²
4. ≈ 'Квант съедобного продукта, доставляемого растением морковь 1'
 - *Покроши в салат пять морковок.*

НВ : КАРТОФЕЛЬ : КАРТОШКА ≠ МОРКОВЬ : МОРКОВКА, поскольку у КАРТОФЕЛЬ (в отличие от МОРКОВЬ) отсутствуют значения 'растение' и 'квант продукта', а в КАРТОШКА это значение имеется.

ПОМИДОР

1. ≈ '(Одно) растение вида...'

- Вот этот помидор <эти три помидора> надо удобрить дополнительно.

Но не 'совокупность растений' и не 'вид растений': *У нас хорошо растет помидор; *две грядки помидора <*под помидором> [надо: хорошо растут помидоры, две грядки помидоров <под помидорами>]; 'вид, к которому принадлежит помидор 1, или совокупность растений этого вида' = ПОМИДОРЫ 1

2. ≈ 'Квант съедобного продукта, доставляемого растением помидоры 1'

Он принёс на кухню три помидора.

Но не 'съедобный продукт': *Лёня терпеть не может помидора [надо: Лёня терпеть не может помидоров].

ПОМИДОРЫ

1. ~ 'Вид растений... или совокупность растений этого вида'

Здесь крестьяне выращивают картофель, свеклу и помидоры.

2. ~ 'Съедобный продукт, доставляемый растением помидоры 1'

Больше всего я люблю помидоры и виноград.

Кроме того, форма помидоры является также мн. числом от ПОМИДОР 1 и ПОМИДОР 2, ср. ОГУРЦЫ. В отличие от соотношения КАРТОФЕЛЬ : МОРКОВЬ, здесь мы имеем точную пропорцию, т.е. ПОМИДОР : ПОМИДОРЫ = ОГУРЕЦ : ОГУРЦЫ.

КАПУСТА

1. ~ 'Вид растений... или совокупность растений этого вида'

Целое поле капусты; Весь день поливали капусту.

2. ~ 'Съедобный продукт, доставляемый растением капуста 1'

Они наелись на ночь кислой капусты - то-то была потеха!

Но не 'квант продукта': *пять капуст <*две капусты>; 'квант съедобного продукта, доставляемого растением капуста 1' = КОЧАН (КАПУСТЫ).

Как видно из вышеизложенного, тест на исчисляемость позволяет выделить для семантического поля 'овоци' в русском языке четыре типа лексемных значений:

- (i) 'Вид растений... или совокупность растений этого вида' - неисчисляемые лексемы. Диагностические контексты: *X хорошо/плохо растёт здесь; Целая грядка <поле> под X-ом; и т.п.*
- (ii) '(Одно) растение вида...' - исчисляемые лексемы. Диагностические контексты: *Эти три X-а в ряду справа... и т.п.*
- (iii) 'Съедобный продукт, доставляемый растением...' - неисчисляемые лексемы. Диагностические контексты: *Я люблю X; В X-е много воды <белков>; и т.п.*
- (iv) 'Квант съедобного продукта...' - исчисляемые лексемы. Диагностические контексты: *Покроши эти три X-а в салат; Положи эти четыре X-а на стол; и т.п.*

Соответствующие лексемы распределены по вокабулам необычайно прихотливым образом. В некоторых "овощных" вокабулах имеется только одна из четырех возможных лексем (КАРТОФЕЛИНА), в других - две (ОГУРЕЦ или КАПУСТА), три (КАРТОФЕЛЬ) или все четыре (МОРКОВЬ).

Б. Аналогично обстоит дело и с обозначениями звуков. Не цитируя здесь толкований из существующих словарей, я сразу укажу то разбиение на значения и те толкования, которые представляются мне правильными (хотя они и являются весьма приблизительными).

КРИК

- 1. ~ 'Звук...'
 - Из камеры доносился непрерывный крик.*
- 2. ~ 'Квант звука крик 1'
 - Послишались один за другим три крика.*

РЕВ

- ~ 'Звук...'
 - Из клетки доносился непрерывный рёв.*
 - Но не 'квант звука': *три рёва.

ВОЗГЛАС

≈ 'Квант звука...'

Послишалось три возгласа.

Но не 'звук...': **слишался непрерывный возглас.*

Таким образом, в семантическом поле звуков и шумов сочетаемость с Num позволяет выделить два типа лексемных значений:

- (i) 'Звук...' - неисчисляемые лексемы. Диагностические контексты: *Доносится непрерывный X* и т.п.
- (ii) 'Квант звука...' - исчисляемые лексемы. Диагностические контексты: *Послишались, один за другим, три X-а* и т.п.

В. Многие названия пищи и напитков, при которых, вообще говоря, числительное невозможно, имеют в русском разговорном языке дополнительное значение: 'одна порция пищи/напитка в предприятии общественного питания' - и в этом значении они сочетаются с Num: *Дайте мне пять борщей [= 'пять порций борща'] <десять кефиров, семь чаёв, двенадцать винегретов>.*

Любопытно, что некоторые из таких лексем, сочетаясь с числительным, являются *singularia tantum* (т.е. сочетаются только с теми Num, которые требуют ед. числа исчисляемого S), хотя формально множественное число у них есть: *Дайте мне четыре масла*, но не *... *пять масел*; *Дайте мне три вина*, но не *... *десять вин*; в обоих случаях следует говорить *пять порций масла, десять порций <рюмок, бокалов, ...> вина*, хотя формы *масла́* и *вина́* (означающие 'сорта́ масла <вина́>') существуют³. (Кроме того, здесь широко употребительны разговорные выражения типа *Мне, пожалуйста, десять масла <пива>*, с очевидным эллипсисом - пропускается слово *порция, кружка* и т.п.)

Число примеров можно существенно увеличить, однако в этом нет необходимости. Моя цель состояла только в том, чтобы показать, насколько важно учитывать сочетаемость с числительными при описании смысла многих русских существительных. (Интересные наблюдения относительно соотношения между смыслом существительного и его синтаксической "исчисляемостью" в английском языке содержатся в McCawley 1975.)

С Н О С К И

1. (К стр. 257.) Понятия лексемы и вокабулы играют важную роль в настоящем изложении (ср., в частности, Экскурс 11). Поэтому представляется целесообразным дать здесь их определения.

Лексемой я называю множество всех форм слова, взятого в одном конкретном значении, со всеми синтаксическими и морфологическими особенностями, присущими этому слову в данном значении.

Лексема является элементарной (= базовой) единицей лексикографического описания. Каждой лексеме отвечает ровно одна словарная статья, и каждая словарная статья описывает ровно одну лексему.

Если толкования двух лексем L_1 и L_2 содержат нетривиальную общую часть, то мы будем говорить, что L_1 и L_2 семантически и непосредственно связаны. Если имеется последовательность лексем $L_0, L_1, L_2, \dots, L_n$, такая, что всякие две соседние лексемы семантически непосредственно связаны, а L_0 и L_n семантически непосредственно не связаны, мы говорим, что L_0 и L_n семантически связаны (хотя и не непосредственно). Пример:

$L_0 = abcd$, $L_1 = abed$, $L_2 = klen$, $L_3 = pqrn$;

L_0 семантически непосредственно связана с L_1 (общие компоненты: abd), L_1 - с L_2 (общий компонент: e), L_2 - с L_3 (общий компонент: n); L_0 непосредственно с L_2 и L_3 семантически не связана. Однако все четыре лексемы семантически связаны (L_2 с L_0 - посредством L_1 ; L_3 с L_1 - посредством L_2 ; L_3 с L_0 - посредством L_1 и L_2).

Теперь мы можем определить вокабулу.

Вокабула - это семейство лексем, таких, что:

(i) их означающие тождественны,

(ii) любые две из них семантически связаны.

Две лексемы, принадлежащие к одной вокабуле, находятся между собой в отношении полисемии. Две лексемы, имеющие тождественные означающие, но принадлежащие к разным вокабулам, находятся в отношении омонимии.

Примеры:

ВЫСОТА 1 'линейный размер по вертикали' (*высота мачты*), ВЫСОТА 2 'расстояние по вертикали от земли' (*на большой высоте*), ВЫСОТА 3 'возвышенность, холм' (*высота Долгая*), ВЫСОТА 4 'характеристика звука как бы по высоте 1' (*высота ее голоса*) и т.д. суть лексемы одной вокабулы. Это типовой пример полисемии.

БЛОК 1 'устройство для подъема тяжестей' и БЛОК 2 'нечто цельное; объединение', БРАК 1 'супружество' и БРАК 2 'изъян' или БОР 1 'сосновый лес' и БОР 2 'сверло' принадлежат к разным вокабулам. Толкования этих лексем не имеют общих компонентов, и, следовательно, они являются омонимами.

2. (К стр. 260.) Данная фраза представляет собой начало известного анекдота; его окончание таково:

Настоятельница: - *Нечему радоваться, сёстри! Морковка варёная... [или: тёртая].*

3. (К стр. 263.) Соответствующий запрет помещается в словарной статье, т.е. указывается, что *масло* в значении 'одна порция масла (на предприятии общественного питания)' - *singulare tantum*.

ЭКСКУРС 2

Числительное как отдельная часть речи в русском языке

При описании любого естественного языка лингвисту необходимо иметь возможность говорить не только об отдельных лексемах, но и сразу о КЛАССАХ схожих между собой лексем. Интерес для лингвиста представляет, разумеется, не всякое сходство лексем, а лишь их сходство с точки зрения некоторых СУЩЕСТВЕННЫХ СВОЙСТВ - существенных, конечно, в рамках поставленной задачи и выбранного способа описания. Поэтому прежде всего исследователь должен зафиксировать набор существенных свойств лексем описываемого им языка.

Я исхожу из того постулата, что описать некоторый естественный язык значит описать соответствие между смыслами и текстами этого языка, т.е. построить для него модель типа "Смысл \leftrightarrow Текст" (Мельчук 1974: 9-12). Следовательно, существенными свойствами лексем я хочу считать те их свойства, которые необходимы для использования в подобной модели.

Итак, пусть имеется множество лексем L (данного языка) и множество P их существенных свойств. Разобьем множество всех лексем рассматриваемого языка на ряд непересекающихся подмножеств K_i , $L = \cup K_i$, таким образом, что для любых двух разных подмножеств K_i и K_j верно следующее:

- (A) Любые две разные лексемы, принадлежащие K_i (или K_j), гораздо больше похожи друг на друга, т.е. имеют гораздо больше общих свойств из P , чем какая бы то ни было лексема из K_i и какая бы то ни было лексема из K_j .

Требование "гораздо большего" с х о д с т в а лексем из одного подмножества между собой (нежели с лексемами из другого подмножества) обеспечивает м а к с и м а л ь н о с т ь подмножеств K_i в следующем смысле: никакие два подмножества K_i и K_j невозможно разумным образом объединить в одно подмножество K_i^* так, чтобы для K_i^* выполнялось (A).

Полученные в результате подобного разбиения множества лексем и называются ч а с т я м и р е ч и.

Замечание. Об исключительной важности неопределяемого понятия сходства для лингвистической теории см. Kuipers 1975; это понятие существенным образом использовано также при разработке основ концептуального аппарата морфологии в Мельчук 1975: 20, 32, 37-38 (ср. также Mel'čuk 1982: 32-33).

Другими словами, часть речи - это такое максимальное по объему подмножество множества всех лексем данного языка, внутри которого лексемы имеют максимум общих свойств, существенных с точки зрения нашего описания этого языка.

Классификация на части речи является, как было сказано, **р а з б и е н и е м**: части речи суть непересекающиеся подмножества; это значит, что никакая лексема не может принадлежать более чем к одной части речи. (В случаях типа англ. *(to) kiss* 'целовать' - *(a) kiss* 'поцелуй' мы имеем две разные лексемы, связанные определенным словообразовательным отношением; словообразовательным средством здесь является **к о н в е р с и я**, см. Мельчук 1973.)

Внутри одной части речи лексемы обычно разбиваются еще и на подклассы, которые в общем случае являются пересекающимися. Эти подклассы задаются посредством **п р и з н а к о в**, которые, как и часть речи, приписываются лексемам в словаре (именно, они включаются в **с и н т а к т и к у** лексем). Признаки, обеспечивающие "скользящую классификацию" лексем, характеризуют их различные морфологические и синтаксические свойства¹. Поскольку эта книга посвящена поверхностному синтаксису числительных, нас интересуют в основном **с и н т а к с и ч е с к и е п р и з н а к и**, т.е. те признаки, которые нужны главным образом для описания синтаксиса. Синтаксические признаки числительных перечисляются в § 4 главы III, стр. 251 - 255.

Русские числительные составляют отдельную часть речи, характеризующуюся специфическим набором существенных свойств; эти свойства будут выписаны непосредственно ниже. Необходимо только помнить, что приводимый список далеко не полон, особенно в синтаксической части: ведь для того, чтобы перечислить **в с е** поверхностно-синтаксические свойства русских числительных, необходимо заранее иметь полный перечень русских синтагм и указывать, в каких синтагмах и при каких условиях могут/не могут участвовать числительные; подобного перечня синтагм, однако, в настоящее время еще не существует.

СПИСОК КОНСТИТУИРУЮЩИХ СВОЙСТВ РУССКОГО ЧИСЛИТЕЛЬНОГО

Семантические свойства:

1. Быть именем числа: ПОЛ¹ = '1/2', ПОЛТОРА = '1 1/2', ПЯТЬ, ШЕСТЬСОТ, ... [МИЛЛИОН, МИЛЛИАРД и т.п. являются именами чисел, но не являются числительными: см. Экскурс 6, стр. 296; ДЕСЯТОК, СОТНЯ и т.п. являются не именами чисел, а именами множеств: см. выше, стр. 27 и 40]. Этим свойством обладают все Num.

Морфологические свойства:

2. Не иметь семантически нагруженной категории числа. Этим свойством обладают также все Num. (Ср. ниже, свойство 4.)

3. Не иметь синтаксического признака рода [т.е. не требовать от прилагательных согласования с собой по роду, а для глагола допускать только средний род: *Если бы шесть <двадцать один> делилось на четыре без остатка*]. Этим свойством обладают все Num кроме ТЫСЯЧА I, см. Экскурс 5, стр. 289: *Если бы тысяча делилась на три...*

4. Не иметь согласовательной категории числа [т.е. не изменяться по числам в зависимости от S]: все Num, кроме ОДИН I (см. *один лорнет, одно пенсне, одна труба vs. одни очки*).

5. Не иметь согласовательной категории рода: все Num, кроме ОДИН I, ПОЛТОРА, ДВА, ОБА.

NB: Num ОДИН I, ДВА, ОБА, ТРИ и ЧЕТЫРЕ имеют, аналогично прилагательным, согласовательную категорию одушевленности: *вижу одного слона vs. один столб, вижу двух мальчиков vs. два мальчика* и т.д. Одушевленность/неодушевленность формально различается у данных Num только в винительном падеже.

6. Иметь набор падежей не как у существительных, а как у прилагательных [ни у одного Num нет партитива, локатива, вокатива и тем более - аднумератива (если признать его отдельным падежом, см. стр. 435)].

Синтаксические свойства:

7. Сочетаться только с исчисляемыми S, т.е. с S, имеющими синтаксический признак "исчисл": *два шага, три рубля, четыре жизни*, но не **два песка, *три лая, *четыре красоты*; ср. *много песка*,

сколько угодно красоты или две \leftarrow КОЛИЧ \rightarrow пятах песка, где много, сколько угодно и две пятах - не числительные. Этим свойством обладают все Num.

8. Соединяться с S специфическим образом, требуя от S родительного падежа, если вся группа Δ NUMP стоит в именительном или винительном падеже, и согласуясь с S в падеже во всех прочих случаях: *возьмем два числа vs. с двумя числами; ср. возьмем сотню и с сотней чисел*. Указанным способом с S соединяются все Num, кроме ОДИН I, ПОЛСТА и (отчасти) ПОЛ¹.

9. Управлять грамматическим числом S (обращая, тем самым, эту категорию у S в синтаксически обусловленную: см. стр. 120 и сл.); таковы все Num.

10. Соединяться с другими Num, образуя "составные Num": *двадцать* \leftarrow НУМ-ВСПОМ \rightarrow *один, триста* \leftarrow НУМ-ВСПОМ \rightarrow *шестьдесят* \leftarrow НУМ-ВСПОМ \rightarrow *пять* и т.д. [все Num, кроме ПОЛ¹, ПОЛТОРА, ОБА, ПОЛСТА и лично-количественных].

11. Выступать в аппроксимативно-количественной конструкции: *часа два, лет под сорок, рублей около пятисот, человек шестеро* [все Num, кроме ПОЛ¹, ОДИН I и ОБА].

12. Обуславливать вариантное согласование адъективных определений к существительному: в препозиции - *две замечательные/замечательных картины* [только ДВА, ТРИ и ЧЕТЫРЕ] и в постпозиции - *пять картин, замечательные/замечательных своей судьбой*. Так ведут себя все Num, кроме ПОЛ¹, ОДИН I и ПОЛСТА.

13. Допускать препозитивные адъективные определения (к Num, а не к S) со специфическим (далеко не всегда вариантным, как в п. 12) согласованием: *целих/целые пятнадцать лет, битих/*битые два часа, эти/*этих сто рублей* и т.п. [все Num, кроме ОБА и одиночного ОДИН I не при именах чисел, кратных 1000].

14. Обуславливать вариантное согласование глагола-сказуемого (единственное число среднего рода или множественное число): *На приём явились/явились шестеро больных* [все Num, кроме ПОЛ¹, одиночного ОДИН I и ОБА].

15. Не сочетаться с личными местоимениями: **два их, *три нас; ср. *Привезли кровати, и тут же пять их* [надо: *пять из них*] *отдали в больницу, но Привезли муку, и тут же треть её отдали в больницу* [все Num, кроме ОБА и лично-количественных].

16. Образовывать специфические распределительные конструкции с предлогом ПО: *по пять/пяти пирожных каждому, по одному-два гостя* и т.п. (см. стр. 235 и сл.) [все Num, кроме ОБА].

17. Выступать в назывательно-аппозитивной конструкции типа *дом шестнадцать, ячейка 522, бронепоезд 14-69* [все Num, кроме ПОЛ¹, ПОЛТОРА, ОБА и ПОЛСТА].

Любое из свойств 1-17, взятое отдельно, может быть присуще лексемам и другим частям речи - существительным, прилагательным или наречиям; однако всеми этими свойствами или, во всяком случае, большинством этих свойств ОДНОВРЕМЕННО обладают только числительные, а именно - такие наиболее типичные числительные, как, скажем, *три, четыре, пять, пятнадцать* и *пятьсот*. Некоторые числительные лишены тех или иных свойств из приведенного перечня - это отмечалось попутно. Тем не менее, они, обладая большинством остальных свойств, гораздо более сходны с типичными числительными, чем с чем-либо иным. (Ниже, в Экскурсе 3, это специально показывается для лексемы ОДИН I.)

Теперь мы можем предложить определение русского числительного:

Русская лексема является числительным тогда и только тогда, когда она обладает одновременно всеми свойствами 1-17 или большинством этих свойств (в последнем случае обязательно обладая свойствами 1, 2, 6, 7 и 9, которые присущи любому числительному).

К сказанному следует добавить два разъяснения.

(i) Список свойств 1-17 ни в коей мере не является окончательным. С одной стороны, в нем явно есть избыточные свойства, после удаления которых список все равно будет задавать только числительные; с другой стороны, не исключено, что в нем отсутствуют какие-то свойства (скорее всего, синтаксические), обладающие большой дифференцирующей силой и позволяющие существенно улучшить его. Составление оптимального в некотором смысле списка конституирующих свойств русского числительного - это особая задача, которая здесь всерьез и не ставится.

(ii) Идею определять русское числительное именно совокуп-

ностью специфических свойств выдвинул Д.С.Уорт в своей известной статье Worth 1959; там был предложен и первый пробный список подобных свойств. Эта идея успешно развита А.Е.Супруном в книге Супрун 1971, где вычисляется, в частности, коэффициент сходства (= ассоциации) между несколькими русскими лексемами с количественным значением; подсчеты выполнены на основе списка свойств Уорта. Оказывается, что лично-количественные ("собираательные") числительные имеют с ПЯТЬ довольно высокий положительный коэффициент ассоциации, а у ЧЕТВЕРТЬ и ТРЕТЬ коэффициент ассоциации с тем же ПЯТЬ - отрицательный; ПОЛ¹ и ПЯТЬ имеют друг с другом коэффициент +0,22, а ТРИ <ЧЕТЫРЕ> и ПЯТЬ - +0,5 (т.е. ПОЛ¹ имеет меньше "числительных" свойств, нежели ТРИ и ЧЕТЫРЕ); и т.п. Коэффициент ассоциации K для пары слов W_1 и W_2 вычисляется по формуле

$$K = \frac{ad - bc}{\sqrt{(a+b)(a+c)(b+d)(c+d)}}$$

где a - число свойств, имеющих и у W_1 , и у W_2 ,
 b - число свойств, имеющих у W_2 , но не у W_1 ,
 c - число свойств, имеющих у W_1 , но не у W_2 ,
 d - число свойств, отсутствующих и у W_1 , и у W_2
 (Супрун 1971: 116 и сл.).

Коэффициент ассоциации K может оказаться очень полезным при решении некоторых спорных вопросов классификации лексем.

Сам принцип определения части речи на основе набора свойств, присущих членам этой части речи, был отчетливо сформулирован в статье Crystal 1966. Там же предлагается выделять для каждой части речи "ядерную, или центральную, зону", к которой принадлежат наиболее типичные представители этой части, а также ряд "периферийных зон", единицы которых характеризуются большим или меньшим сходством с единицами ядерной зоны.

СНОСКА

1. (К стр. 266.) Признаки в противопоставлении частям речи (пересекающиеся vs. непересекающиеся подклассы лексем), а также "скользящая классификация" лексем были эксплицитно введены в Мельчук 1963 и с тех пор постоянно использовались автором в лингвистических описаниях. - Осведомленный читатель без труда проведет очевидную параллель между парой "части речи ~ признаки" и хорошо известным в стандартной теории трансформационной грамматики Хомского противопоставлением "categories < categorial symbols > ~ features".

ЭКСКУРС 3

Является ли ОДИН I числительным?

Традиционно ОДИН I признается количественным числительным (например, в *Виноградов 1947:292* и *Виноградов и др. 1960:366-370*). Однако в русистике неоднократно высказывалась мысль, что ОДИН I - не числительное, а прилагательное.

- В.Н.Сидоров относит лексему ОДИН I к прилагательным по формальным признакам, поскольку ее словоизменительная парадигма аналогична адъективным парадигмам (ср. парадигму лексемы ЭТОТ), а в синтаксическом аспекте она согласуется с S, как все русские адъективы (*Аванесов - Сидоров 1945:83-87, 137-143*). То же самое мнение отстаивается в *Шведова 1970:308*.

- Д.Уорт настаивает на том, что ОДИН I - не числительное, ссылаясь на наличие у этой лексики множественного числа (*одни сани*), тогда как все остальные числительные не знают числового противопоставления (*1959:120, сноска 6*). Ср. свойство 4 в нашем списке, Экскурс 2, стр. 267.

- А.Богуславский также исключает ОДИН I из состава числительных, но скорее по чисто семантическим соображениям: 'один' входит в смысловое противопоставление с 'все' ~ 'некоторые', так что ОДИН I должен считаться кванторным словом (прилагательным? *Boğusławski 1966:50-51*).

К этому можно добавить еще две чисто синтаксические особенности лексики ОДИН I, отличающие ее почти от всех других русских числительных и сближающих ее с прилагательными:

- ОДИН I не влияет на падеж S (ср. свойство 8, стр. 268).
- ОДИН I не употребляется в аппроксимативно-количественной конструкции (даже и тогда, когда ОДИН I является вершиной составного ИЧ; свойство 11, стр. 268), ср. (1):

(1) а. *Привезли тонну (двадцать) одну (угля).

б. Привезли тонны (двадцать) две <три> (угля).

в. Привезли примерно <приблизительно, ...> двадцать одну тонну (угля).

г. Привезли тонны полторы (угля).

Очевидно, что неправильность (1а) объясняется только синтаксически: соответствующий смысл легко выражается с помощью наречий *примерно* и т.п., см. (1в).

Кроме того, лексемы ОДИН II ('некоторый'), ОДИН III ('в одиночку'), ОДИН IV ('только'), и ОДИН V ('тот же самый') - см. сноску 3 на стр. 43 - являются, несомненно, прилагательными. Поэтому, признавая ОДИН I числительным, мы создаем следующую трудность: в пределах одной вокабулы (т.е. в рамках полисемии) оказываются лексемы разных частей речи. (Ведь вряд ли разумно считать ОДИН I - числительным, с одной стороны, и все прочие ОДИН, с другой, омонимами.)

Из сказанного выше ясно видно, что ОДИН I - лексема в высшей степени специфичная; тем не менее, я предпочитаю считать ее весьма специфичным числительным, а не, скажем, весьма специфичным прилагательным (или существительным), и вот почему.

ОДИН I обладает целым рядом синтаксических свойств, общих для всех русских (количественных) Num.

а)

Лексема ОДИН I выступает в четырех конструкциях, типичных для русских Num:

1. Как числовой квантификатор (- *Купи один килограмм яблок и два пакета груш!*): ср. свойство 1, стр. 267.

2. Как идентифицирующее приложение (*Он жил в доме один на проспекте Апресяна; теорема двадцать один*): ср. свойство 17, стр. 269.

3. Как вершина (= самый правый компонент) составного имени числа (*сорок один; с тремястами восьмьюдесятью одним пациентом*): ср. свойство 10, стр. 268.

4. Как вершина (= левый член) в кратных и сочиненных группах с числительным (*один-два часа; один или два билета*).

б)

Лексема ОДИН I оказывает на определенные члены предложения в точности такое же морфологическое воздействие, что и прочие русские Num:

1. ОДИН I допускает при себе те же препозитивные прилагательные (в том числе - *целих* и *битих*), которые обычно употребляются перед числительным. Если все соответствующее ЧВ стоит в именительном или в винительном падеже (последнее - только при неодушевленном S), то препозитивное прилагательное может быть, вообще говоря, или в соответствующем падеже, или в родительном:

- (2) а. Все [мн, им] *сто двадцать* один человек били здоровы.
 б. Возьмём какие-нибудь [мн, вин] *тридцать* одно решение.
 в. Каждые [мн, вин] / Каждую [ед, вин] *двадцать* одну секунду включается счётчик.
 г. Битих [мн, род] *двадцать* один час ушёл у меня на это.
 д. Каких-нибудь [мн, род] *пятьдесят* один миллион - и всё будет в порядке.
 е. Нам нужно всего какие-нибудь [мн, им] / каких-нибудь [мн, род] *один* миллион гульденов.

Распределение именительного-винительного и родительного падежей у препозитивного прилагательного в конструкциях типа (2) вовсе не произвольно: оно регулируется весьма сложными семантическими условиями. Не вдаваясь в эту (периферийную для нас) проблему, отметим, однако, что для ОДИН I эти условия идентичны с условиями для прочих Num. Ср. свойство 13, стр. 268.

2. Лексема ОДИН I, когда она выступает в качестве вершины составного имени числа, квантифицирующего грамматическое подлежащее, обуславливает вариантное согласование глагола-сказуемого. Этот последний может быть либо в единственном, либо во множественном числе, в зависимости от таких факторов, как референтность подлежащего, его определенность, степень индивидуальной активности (в семантическом смысле) отдельных элементов, обозначенных подлежащим, наличия препозитивного прилагательного и т.п. Ср.:

- (3) а. При этом должно [ед]/должны [мн] *бить* рассмотрено [ед]/рассмотрены [мн] *двадцать* одно правило.

vs.

При этом рассматриваются [мн]/*рассматривается следующие *двадцать* одно правило.

б. Тридцать один вражеский офицер попал [ед]/попали [мн] в плен к партизанам.

vs.

В плен к партизанам попал [ед]/*попали тридцать один вражеский офицер.

Вариативность в согласовании сказуемого почти идентична тому, что происходит при всех других русских Num: ср. свойство 14. (Относительно 'почти' см. ниже, третий абзац на стр. 275.)

3. В качестве вершины составного имени числа лексема ОДИН I обуславливает вариантное согласование постпозитивного прилагательного, определяющего "исчисляемое" S, - точно так же, как и прочие Num; однако в отличие от этих последних, ОДИН I влечет колебания в числе, а не в падеже:

(4) а. двадцать одно правило [ед], известное [ед, им]/известные [мн, им] всем;

б. двадцать пять правил [мн], известные [мн, им]/известных [мн, род] всем;

в. *двадцать одно правило, известного [ед, род]/известных [мн, род] всем.

(Тот факт, что при ОДИН I вариативность в согласовании касается только постпозитивных прилагательных, для наших целей несущественен: так же обстоит дело со всеми русскими Num, кроме ДВА, ТРИ и ЧЕТЫРЕ; лишь эти последние допускают вариативность также и в препозитивных прилагательных.)

Описанные свойства лексемы ОДИН I очевидным образом характеризуют ее как числительное. В то же время, однако, эта лексема имеет ряд особенностей, отличающих ее от наиболее типичных русских Num.

С одной стороны, лексема ОДИН I лишена двух важных синтаксических свойств, присущих всем остальным Num (ср. замечание на стр. 271):

- ОДИН I не влияет на падеж "исчисляемого" S.

- ОДИН I не выступает в аппроксимативно-количественной конструкции.

Более того, если лексема ОДИН I употребляется отдельно, т.е. не как вершина составного имени числа, то она не допускает вариативности согласования глагола-сказуемого и постпозитивных

прилагательных:

- (5) а. одно правило, известное <*известные> всем;
 б. Один вражеский офицер попал <*попали> в плен к партизанам.

С другой стороны, лексема ОДИН I обладает четырьмя синтаксическими свойствами, которых нет ни у одного русского Num:

- ОДИН I (в индивидуальном употреблении или в качестве вершины составного имени числа) требует постановки "исчисляемого" S в единственном числе; это происходит независимо от падежа всего ЧВ. (Существуют три других Num, которые также требуют единственного числа "исчисляемого" S - "малые" Num, см. выше, стр. 37 - но только в именительном или винительном падеже; последнее - лишь при неодушевленных S). Ср.:

- (6) двадцать одной книгой [ед, твор] ~ двадцатью двумя книгами [мн, твор].

Иначе говоря, вопреки реальной множественности исчисляемых объектов, при любом составном имени числа, оканчивающемся на ОДИН I, русское S должно быть в единственном числе в любом падеже. Это свойство абсолютно уникально.

- В качестве вершины составного имени числа, зависящего от S-подлежащего, ОДИН I обуславливает вариативное согласование сказуемого и постпозитивных прилагательных несколько иначе, чем все остальные Num. Именно, при ОДИН I, но не при другом Num, становится возможным согласование в роде. (Дело в том, что глагол и прилагательное различают роды только в единственном числе, а при ОДИН I, как было только что сказано, единственное число "исчисляемого" S обязательно.)

- В определенных контекстах ОДИН I может или должно опускаться, не нарушая грамматическую правильность и не изменяя смысл предложения:

- (7) а. Река была в (одном) километре от дома.
 б. Мать дала нам по (одному) бутерброду.
 в. Мы купили (один) килограмм яблок.

- ОДИН I согласуется в числе с pluralia tantum (одни ножницы, одни именины) - в отличие от всех прочих Num. Это - типично адъективное свойство.

В результате, если считать ОДИН I числительным, то происхо-

дит следующее:

- Большинство синтаксических употреблений лексемы ОДИН I будет автоматически покрыто уже имеющимися правилами, необходимыми для прочих Num.

- Нам придется добавить в общие синтаксические правила для Num ряд частных ограничений, чтобы исключить ОДИН I из тех конструкций, где - в отличие от остальных Num - эта лексема не выступает. Однако, во-первых, таких ограничений немного (см. выше), а во-вторых, из-за этимологической разнородности русских количественных Num, правила, описывающие синтаксис числительных, все равно буквально кишат индивидуальными ограничениями и оговорками (ДВА ведет себя не так, как ТРИ, а ТРИ не так, как ПЯТЬ; ПЯТЬ отлично от ПЯТЬДЕСЯТ и от ПЯТЬСОТ; и т.п.). Поэтому добавление специальных уточнений для ОДИН I в общие синтаксические правила, касающиеся русских Num, не изменяет картину сколько-нибудь ощутимым образом.

- Нам придется ввести несколько новых синтаксических правил, описывающих индивидуальные особенности лексемы ОДИН I. Однако поскольку она вообще уникальна в этом отношении, добавочные правила все равно необходимы - независимо от того, сочтем ли мы ОДИН I числительным или прилагательным.

Таким образом, единственное неприятное последствие трактовки лексемы ОДИН I как числительного - это необходимость добавить несколько частных оговорок в синтаксические правила для числительных. Посмотрим теперь, что получится, если считать ОДИН I прилагательным.

Лексема ОДИН I не выступает ни в одной типовой синтаксической роли прилагательного. Она не может быть ни определением, ни именной частью сказуемого при связке; она не может быть вершинной адъективного оборота; к ней не присоединяются (по очевидным семантическим причинам) такие приадъективные наречия, как ОЧЕНЬ, СОВСЕМ и т.п.; она не сочиняется с "настоящими" прилагательными; и т.д.¹ Поэтому, если мы отнесем ОДИН I к прилагательным, то нам понадобится:

- Исключить ОДИН I из всех общих правил для русских прилагательных (посредством индивидуальных оговорок).

- Включить ОДИН I, опять-таки посредством индивидуальных

оговорок, во все те правила для числительных, под которые эта лексема подходит.

- Ввести специфические правила специально для ОДИН I (точно так же, как и при первом решении).

Поскольку третье следствие одинаково при обоих решениях, мы можем от него абстрагироваться и сравнивать только первые два. Это сравнение ясно показывает, что ОДИН I - это в гораздо большей степени отклоняющееся числительное, чем отклоняющееся прилагательное. В самом деле, ОДИН I не имеет с прилагательными ничего общего, кроме сходства в типе согласования и в парадигме склонения - но обе эти особенности наблюдаются и у ряда бесспорных числительных; к тому же, парадигма лексемы ОДИН I, хотя является безусловно адъективной по типу, весьма специфична в деталях (например, имеет беглое /i/: *один ~ одн-(ого)*, и ее все равно необходимо задать индивидуально. С числительными же ОДИН I делит 13 из 17-ти определяющих свойств (минус свойства 4, 5, 8 и 11), что, как мне кажется, вполне оправдывает отнесение этой спорной лексемы к числительным. Обратное решение неминуемо ведет к чрезмерному усложнению описания русского синтаксиса.

Рассмотрим теперь аргументы против "числительности" лексемы ОДИН I, упомянутые на стр. 271; я попытаюсь показать, что они могут быть легко отведены.

Аргумент Сидорова

Адъективное склонение лексемы ОДИН I само по себе еще ничего не доказывает: ведь в русском языке все "малые" Num и лично-количественные Num имеют скорее адъективные, нежели субстантивные окончания. Ср. -x в родительном падеже: *дв-ух, обо-их/обе-их, тр-ѐх, четыр-ѐх, дво-их, тро-их, ...*; это -x, действительно, типично для прилагательных. Тем не менее, никто (включая самого Сидорова) не считает ДВА, ТРИ, ..., ДВОЕ, ... прилагательными. Что же касается согласования, то и тут ДВА, ПОЛТОРА, ОБА и все лично-количественные Num согласуются очень похоже на прилагательные; однако это не считается достаточным, чтобы усомниться в их "числительной" природе. (Адъективные парадигмы и адъективное согласование ряда русских Num объясняется тем, что исторически они действительно были прилагательными.)

Аргумент Уорта

Различение форм единственного и множественного числа - это и вправду уникальная особенность лексемы ОДИН I по сравнению с другими русскими Num. Однако очень многие русские Num имеют уникальные особенности. Так, лишь ОБА, ПОЛТОРА и ДВА различают роды; только ПОЛТОРА, ПЯТЬДЕСЯТ, ..., ВОСЕМЬДЕСЯТ плюс имена сотен, начиная от ДВЕСТИ, имеют внутреннюю флексию (*полтора, пятьдесятью, тридцот*); только ТЫСЯЧА I обуславливает согласование глагола в женском роде; только ОБА - из всех русских лексем - различает род при согласовании с S во множественном числе (*обеими* [муж/ср, твор] *мальчиками* - *обеими* [жен, твор] *девочками*); и т.д. Поэтому наличие у ОДИН I уникальной особенности не является, по моему мнению, достаточным основанием для исключения этой лексемы из состава числительных.

Аргумент Богуславского

Верно, что с семантической точки зрения ОДИН I - квантор; но ведь и любое другое числительное - тоже квантор. Верно и то, что по смыслу ОДИН I отличается от любого другого числительного больше, чем ДВА от ТРИ, ТРИ от ЧЕТЫРЕ и т.д. Однако, как было сказано в главе I, при выделении русских Num в отдельную часть речи мы решительно отказываемся встать на позиции чисто семантического подхода. Поэтому тонкое наблюдение Богуславского, само по себе совершенно справедливое, для нас аргументом являться никак не может. Заметим еще, что ОДИН I в качестве вершины имени числа легко сочетается с кванторными словами (*каждый, все, какой-нибудь, ...*), хотя сами кванторные слова между собой не сочетаются:

(8) а. *Каждые двадцать одну секунду включается регистрирующий счетчик.*

б. *Все сто двадцать один человек были здоровы.*

в. *Возьмем наудачу какие-нибудь тридцать одно решение.*

Остается еще проблема зачисления в одну вокабулу лексем различных частей речи: ОДИН I - числительное, ОДИН II - V - прилагательные. Можно ли признать такое положение вещей отрицательным следствием трактовки ОДИН I как числительного? Думается, что нет, поскольку в русском языке подобная двойственность (лексемы двух разных частей речи оказываются в одной вокабуле) харак-

терна для всех лично-количественных Num: каждое из таких Num, как ДВОЕ, ТРОЕ, ... имеют соответствующее S, входящее с ним в одну вокабулу. Например, вокабула ДВОЕ включает числительное ДВОЕ 1 '2' (как в *двое саней*) и существительное ДВОЕ 2 'два мужчины или мужчина и женщина, образующие группу' (как в *Эти двое застали на месте*); подробнее об этом см. Экскурс 11, стр. 379 и сл. Следовательно, наличие в одной вокабуле разных частей речи не может служить аргументом против "числительности" лексемы ОДИН I.

Подытожив все сказанное, можно прийти к выводу, что наиболее традиционная трактовка лексемы ОДИН I как числительного совершенно верна и попытки пересмотреть ее следует оставить.

СНОСКА

1. (К стр. 276.) В действительности, дело обстоит сложнее. ОДИН I, равно как и любое другое русское Num, может выступать в некоторых синтаксических ролях прилагательного - однако лишь в крайне ограниченных и весьма специфических контекстах. Вот два примера:

- (i) *Таких решений получается ровно двадцать одно <семь, пятьсот, ...>* [именная часть сказуемого].
- (ii) *Я знал одной лишь думы власть, Одну - но пламенную страсть* [М. Лермонтов; сочинение с прилагательным].

Подобные факты не противоречат утверждению, что лексема ОДИН I не выступает в адъективных ролях каким-либо образом, отличным от всех прочих русских Num.

ЭКСКУРС 4

О числительном ПОЛ¹

Мы живем, под собою не чуя страны,
 Наши речи на десять шагов не слышны.
 А коль хватит на полразговорца,,
 Так припомнят кавказского горца.

О. Мандельштам.

В настоящем Экскурсе я попытаюсь ответить на два следующие вопроса:

(i) Чем является единица пол¹- в составе таких выражений, как полкило (Я коньячку принял полкило - А. Галич), полдома, полтарелки, полчаса или полразговорца (см. эпиграф)?

Традиционный ответ, даваемый толковыми словарями русского языка, таков: пол¹- - это начальная часть составных (сложных) слов. Тем самым, единица пол¹- не имеет статуса отдельной словоформы и, соответственно, отдельной лексемы русского языка; она зачисляется в тот же разряд единиц, что и авиа- (авиапромышленность), кино- (кинозвезда), авто- (автопробег) и т.п.

(ii) Каково отношение между единицами пол¹- и полу¹- в таких парах, как полкилометра - (в) полукилометре, полроти - (до) полуроти, полчаса - свише получаса?

Традиционный ответ словарей гласит, что полу¹- - это форма единицы пол¹-, так что полкилометра и полукилометре, полроти и полуроти, полчаса и получаса суть попарно формы одной и той же лексемы: соответственно, ПОЛКИЛОМЕТРА, ПОЛРОТЫ, ПОЛЧАСА и т.п.

Я, однако, полагаю, что приведенные ответы на оба вопроса неправильны и склонен предложить иную трактовку единиц пол¹- и полу¹-.

I

О статусе единицы пол¹-

1. Единица пол¹- является отдельной словоформой современного русского языка, принадлежащей к лексеме ПОЛ¹ 'одна из двух равных частей чего-либо' (синонимичной лексеме ПОЛОВИНА).
2. ПОЛ¹ является числительным - в отличие от лексемы ПОЛОВИНА, которая принадлежит к существительным.

Довод в пользу утверждения 1:

В разговорном стиле между $пол^1$ - и "исчисляемым" существительным S всегда возможна вставка произвольного прилагательного (или даже нескольких прилагательных), зависящего от S. См. примеры (1):

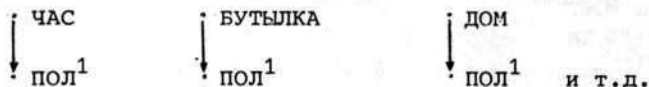
(1) а. В приступе неистовой страсти она отхватила пол моего уха.

б. Колюнька, скушай пол этой чудесной бараньей котлетки <пол нашего вкусного лосиного гуляша>.

в. Пол нашей группы уже ушло.

В то же время, начальная часть сложного слова (каковой традиционно считают $пол^1$ -) в русском языке не может отделяться от остальной части целыми самостоятельными словоформами. Исключения составляют лишь сочинительные союзы и отрицание (фото- и кинотовари; панеле-, а не рудовози), некоторые частицы (на парт-то собрании; проф же комиссия) и жестко фразеологизованные модификаторы отделяемой части (типа двух-с-половиной-килограммовий). Возможность появления ЛЮБЫХ адъективных определений между единицей $пол^1$ - и "исчисляемым" S доказывает, по моему мнению, полную лексическую автономность единицы $пол^1$ -.

Таким образом, слитные (или через дефис) написания полчаса, полбутылки, полдома, пол-литра, пол-яблока, пол-Москвы и т.п. суть, как мне кажется, просто причуда русской орфографии: в действительности, все эти выражения - не словоформы, хотя бы и составные (composita), а бинарные, т.е. двухсловные, словосочетания. В (поверхностно-)синтаксической структуре фразы эти сочетания должны представляться двумя узлами:

Соответственно, было бы более последовательно писать $пол^1$ отдельно во всех случаях. Напомним, что 35 - 40 лет назад написания в пол пятого 'в 4.30', с пол шестого 'с 5.30' и т.п. считались нормативными (см. словарь Ушакова: 503, ПОЛ³)¹.

Довод в пользу утверждения 2:

Сочетание $пол^1$ + S синтаксически ведет себя в ряде отношений

аналогично сочетаниям других Num с S, чем доказывается принадлежность лексемы ПОЛ¹ к Num. В частности, пол¹ + S требует от препозитивных прилагательных и глаголов-сказуемых такого же согласования, что и прочие Num:

- (2) *каждые полкилометра* - как *каждые два километра*;
последние полвека - как *последние пятьдесят лет*;
целих полтонны - как *целих четыре тонны*;
мои/моих полдома - как *мои/моих пять домов*.
- (3) *Пришло всего полкласса* - как *Пришло всего три класса*;
Нам досталось полкомнаты - как *Нам досталось пять комнат*.

Правда, указанное сходство между пол¹ и остальными Num ограничено тремя следующими обстоятельствами:

- Это сходство наблюдается главным образом в тех синтаксических позициях, в которых именные группы выступают в именительном или винительном падеже (в позиции подлежащего, прямого дополнения, обстоятельства длительности и т.д.). В других позициях, т.е. в других падежах, сочетание пол¹ + S в нейтральном стиле литературного языка употребляется лишь при достаточно специфических условиях (см. однако, сноску 2).

- Сочетание пол¹ + S в роли подлежащего требует глагола-сказуемого только в ед. числе (в прош. времени - в среднем роде), тогда как все прочие сочетания Num + S допускают и множ. число сказуемого:

- (4) а. *Две группы пришло/пришли*, но *Полгруппы пришло/*пришли*;
 б. *Остаётся/остаются ещё пять километров*, но *Остаётся/*остаются ещё полкилометра*.

- Только при пол¹ возможно противопоставление типа *пол жутких часа́* ('жуткая половина часа') vs. *пол жуткого ча́са* ('половина жуткого часа'); *пол жутких часа́* = *жутких полчаса́*. При других Num дело обстоит не так: *пять жутких часов* ('пять из многих жутких часов') ≠ *жуткие/жутких пять часов* ('пять жутких часов из многих [необязательно жутких] часов').

Тем не менее, из 17 свойств числительных (см. Экскурс 2, стр. 267 и сл.) единица пол¹ обладает 12-ью (1 - 5, 7 - 9, 12, 13, 15, 16), что вполне оправдывает ее отнесение к Num.

Итак, в соответствии с мнениями Д.С. Уорта и А.А. Зализняка, но в противоположность традиционной точке зрения, единица $пол^1$ является самостоятельной словоформой - формой (лексой) лексемы $ПОЛ^1$, количественного числительного.

II

О соотношении числительного $пол^1$ с единицей $полу^1$ -

В тех синтаксических контекстах, где требуется "косвенная" форма группы $пол^1 + S$ (т.е. любой падеж, отличный от именительного и винительного), в ряде случаев вместо этой группы должно использоваться сложное (или производное? - см. ниже) слово с начальным элементом $полу^1$ -:

(5) а. Он прошел полкилометра.

б. Станция была примерно в полукилометре от села.

Принято считать, что $полу^1$ - - это форма всех косвенных падежей единицы $пол^1$ (так, в словаре Ожегова изд. 1972 г., стр. 506 мы читаем: "ПОЛ... - первая часть сложных слов, принимающая в косвенных падежах форму <полу>"). Если согласиться с этим, то выражения типа (в) полукилометре или полукилометру должны описываться на поверхностно-синтаксическом уровне точно так же, как выражения с $пол^1$: поскольку выражения с $пол^1$ - это бинарные словосочетания, то получается, что и выражения с $полу^1$ - те же бинарные словосочетания, но только в косвенных падежах.

Однако отношение между $пол^1$ и $полу^1$ - совсем не таково, как, например, между полтора и полтора, двадцать и двадцати/двадцатью и т.п. По моему мнению, числительное $пол^1$ не имеет форм косвенных падежей, а $полу^1$ - - это не отдельное слово (в частности, не падежная форма от $пол^1$).

1. Единица $полу^1$ - не является отдельной словоформой современного русского языка: это словообразовательный формант (префикс или начальная часть сложного слова³), по смыслу очень близкий к числительному $пол^1$ или даже тождественный ему.
2. Следовательно, выражения с $полу^1$ - являются производными (или сложными) словами; это единые словоформы особых лексем, представляемые в поверхностно-синтаксической структуре фраз одним узлом.

Довод в пользу утверждения 1:

В отличие от $пол^1$, единица $полу^1$ - не может отделяться ничем (в частности, прилагательным) от обозначения "исчисляемого" S. Ср.:

- (6) Я проведу эти полгода в Итаке ~ Я проведу пол будущего года в Итаке.
 (7) После полугода ожидания... ~ *После полу очередного года ожидания...,

где фраза с разделением $полу$ и $года$ абсолютно невозможна; ср. После двух очередных лет ожидания...

Таким образом, в указанном отношении $полу^1$ - ведет себя именно как префикс (или как начальная часть сложного слова), а не как отдельная словоформа.

Истинность утверждения 2 автоматически следует из истинности утверждения 1 (если $полу^1$ - не отдельная словоформа, а словообразовательный формант, то выражения типа *получаса, полукилометре* и т.п. - не словосочетания, а цельные словоформы). Тем не менее, представляется целесообразным привести следующий дополнительный довод в пользу утверждения 2, поскольку тем самым подкрепляется утверждение 1.

В то время как сочетания $пол^1 + S$ образуются абсолютно свободно (никаких ограничений на S, кроме чисто семантических, тут нет), соответствующие выражения с $полу^1$ - возможны лишь в очень ограниченном числе случаев, причем ограничения эти не носят систематического характера и являются, по-видимому, чисто лексическими. Так, наряду с

- (8) После получаса <полугода> ожидания...

мы не имеем

- (9) *После полудня <полусубботы, полнедели, полумарта, полдесятилетия> ожидания...,

хотя вполне нормально

- (10) Прождали полдня <полсубботы, полнедели, полмарта, полдесятилетия>.

Аналогично:

- (11) Теперь вилей туда полкастрюли бульона!

но не

- (12) *Теперь разбавь это полукаструлей бульона!
 (13) Он просмотрел уже примерно полрукописи,

но не

(14)* *С полурукописью он возился три дня;*

и т.п.

Сказанное отчетливо свидетельствует, на мой взгляд, о том, что выражения с *полу*¹ - это фразеологизованные словарные единицы, т.е. особые лексемы, образуемые и употребляемые достаточно прихотливо⁴. Подобные выражения должны указываться в словарных статьях соответствующих исходных лексем и сопровождаться индивидуальными сведениями относительно их употребления. Так, в словарной статье лексемы КИЛОМЕТР следует сообщать о существовании производной (или сложной) лексемы ПОЛУКИЛОМЕТР (с формами *полукилометру* <-ом, -е> и т.п., см. ниже), в словарной статье которой должны даваться сведения о правилах употребления этих форм; в словарной статье лексемы НЕДЕЛЯ подобные указания отсутствуют (**после полунедели ожидания*, ср. пример (9) выше).

Резюмируем: *полу*¹ - относится к *пол*¹ вовсе не так, как одна падежная словоформа некоторой лексемы к другой падежной словоформе той же лексемы; следовательно, мое решение - не считать выражения с *полу*¹ - формами косвенных падежей выражений с *пол*¹ и т.д. - представляется вполне оправданным.

III

Два заключительных замечания

1. О дефектных парадигмах

Признание выражений с *полу*¹ - производными (или сложными) словами влечет признание существования в русском языке большого числа **д е ф е к т н ы х п а р а д и г м**, в русистике ранее не рассматривавшихся. Так, из выражения *после полугода ожидания* извлекается лексема ПОЛУГОД, не имеющая именительного и винительного падежей ед. числа: **полугод* не существует в современном русском языке (вместо этой формы обязательно употребляется сочетание *полгода*); кроме того, данная лексема лишена, повидимому, всех форм множественного числа. Точно так же, в выражении *Он уничтожил до полуроты вражеских автоматчиков* мы имеем лексему ПОЛУРОТА 1, у которой в современном языке нет форм **полурота* и **полуроту* (ср. *Их атаковало примерно полроты* и *Они уничтожили примерно полроты вражеских автоматчиков*)⁵.

Появление многих дефектных парадигм (практически все лексемы с *полу*¹-, соотносительные с *пол*¹ + S, не имеют именительного и винительного падежей ед. числа, а часто и других падежей) - это один из возможных доводов против моей трактовки. Впрочем, это не очень убедительный довод, поскольку теории дефектных парадигм не существует, и я не знаю, когда в общем случае признание дефектных парадигм целесообразно, а когда его следует избегать.

2. Об омонимическом "отталкивании"

В русском языке имеется, по-видимому, какая-то не вполне понятная мне связь между возможностью образовать от некоторого S производную лексему вида *полу-S*, имеющую смысл 'половина S', и наличием в словаре готовой фразеологизованной лексемы вида *полу-S*, обладающей другим смыслом, например, *полукруг*, *полумаска*, *полуостров*, *полутон*, *полуфинал* и т.п. Я имею в виду следующее: невозможность таких выражений, как

- (15) а. **После первого полукруга ...* (в смысле 'после первой половины круга', ср. *После первых двух кругов*);
 б. **Если к этому полуострову присоединить ...* (в смысле 'если к этой половине острова', ср. *Если к этим двум островам присоединить...*).

может определяться (во всяком случае, наряду с другими факторами) наличием лексем ПОЛУКРУГ и ПОЛУОСТРОВ с совсем другими смыслами⁶.

СНОСКИ

1. (К стр. 281.) Тот факт, что *полчаса* и т.п. - это скорее сочетание двух слов, решительно подчеркивается в Worth 1959: 129 (выражения типа *пол-оборота*, пишет Уорт, "имеют много морфологических и синтаксических особенностей, характерных не для слов, а для словосочетаний Num + S"). - Кроме того, ср. соглашение, принятое А.А.Зализняком в его описании русского именного словоизменения: "Вопреки написанию, единицы с начальной морфемой *пол* типа *полметра*, *полчаса*, *полверсты* должны рассматриваться не как единые словоформы, а как словосочетания, аналогичные, например, словосочетаниям *два часа*, *три ведра* и т.д. (а такие словоформы, как *получаса*, *полуведром*, *полуверсты* и т.д. должны считаться принадлежащими лексемам *получас*, *полуведро*, *полуверста*") - Зализняк 1967: 78, сноска 61.

2. (К стр. 282.) Употребление косвенных падежей группы $пол^1 + S$ в письменном языке нейтрального стиля осуждается нормативной грамматикой. Тем не менее, подобное употребление широко распространено в разговорном стиле и не так уж редко встречается в письменных текстах: у классиков 19 века, в современной прозе и поэзии, в прессе; см. многочисленные примеры:
- (i) *Накануне войны с пол-Европой Россия стояла идеалом* [Ф.М.Достоевский, "Бесы"].
 - (ii) *Да кто управляет-то? три человека с полчеловеком!* [там же].
 - (iii) *Жомини да Жомини, А об водке - ни полслова!* [Д.Давыдов].
 - (iv) *На их месте возник его сосед Федя... с полбутылкой в свободной руке* [В.Максимов, "Семь дней творения"].
 - (v) *Вот он - в полвершке - противник. Носом к носу. Теснота* [А.Твардовский, "Василий Теркин"].
 - (vi) *В полверсте, в кустах - противник* [там же].
 - (vii) *Оно молодо - ему нет и полгода* ["Известия", 12 апр. 1962].
 - (viii) *В подлужине тюрем произошли серьезные волнения* ["Правда", 28 дек. 1970].
- Ср. в данной связи указание М.В.Панова: "... словосочетания больше полчасца, в полуверсте, около полуроты, до полуминуты постоянно заменяются выражениями больше полчасца, в полверсте, около полроты, до полминуты и т.д. (Панов 1962: 53); по результатам опросов, содержащимся в Граудина - Ицкович - Катлинская 1976: 259, сочетание $пол^1 + S$, взятое во всех контекстах, употребляется в 5 - 6 раз чаще, чем слова типа $полу^1-S$. Все более распространяющееся употребление группы $полу^1 + S$ в любых синтаксических позициях усиливает сходство $пол^1$ с прочими числительными.
3. (К стр. 283.) Я сознательно не поднимаю вопроса о том, является ли формант $полу^1$ - префиксом или начальной частью сложного слова, т.е. следует ли здесь говорить о производных словах. Для наших целей ответ на этот вопрос не существен. Заметим, что наряду с интересующим нас $полу^{-1}$ (= 'половина') в русском языке имеется еще и другой формант $полу^{-2}$, означающий 'не настоящий', 'не вполне': ср. пушкинское *Полумилорд, полукупец, Полумудрец, полуне звезда, Полуподлец* [- но есть надежда, Что будет полким, наконец!]. Этот второй $полу$ - обладает гораздо более свободной сочетаемостью, чем рассматриваемый здесь $полу$ -.
4. (К стр. 285.) Напомним, что фразеологизованными бывают сочетания не только слов, но и морф, так что наряду с фраземами-словосочетаниями широко распространены и фраземы-слова, как производные, так и сложные (эту мысль неоднократно высказывал и развивал в своих работах М.В.Панов; см. также Мельчук 1964b). Пример фразеологизованного производного слова - яичница 'особым образом зажаренное содержимое яйца' или представление (театральное); пример фразеологизованного сложного слова - паровоз 'наземное транспортное средство, движимое силой пара' (при свободных бензовоз, рудовоз, панелевоз 'транспортное средство для перевозки бензина/руды/панелей').
5. (К стр. 285.) Сказанному не противоречит тот факт, что в русском языке имеется другая лексема, равноименная данной, - исторический термин ПОЛУРОТА 2 (ср. *полубатальон, полу-*

батерея, полуэскадрон, полубригада), обладающая в с е м и падежными формами.

6. (К стр. 286.) Трудность анализа разнообразных явлений, связанных с числительным ПОЛ¹ и формантом ПОЛУ¹-, дополнительно усугубляется наличием форманта ПОЛ¹-, выступающего в таких лексемах, как ПОЛДЕНЬ, ПОЛДНИК, ПОЛНОЧЬ, а также разговорные ПОЛЛИТРОВКА, ПОЛБУТЫЛКА, ПОЛСТАВКА, ПОЛСАПОЖКИ (при нормативном ПОЛУСАПОЖКИ) и другие. Ср. *Зачем ему полставка? Она работает у нас на полставке; Полставкой его не соблазнишь; и т.п.* Ср. еще особо после полудня и *По небу полуночи ангел летел* [М.Ю.Лермонтов].

В итоге необходимо различать (помимо существительных ПОЛ² и ПОЛ³, см. выше):

ПОЛ¹ - числительное (*полкило, пол-яблока*);

ПОЛ¹- - формант (начальная часть сложного слова или префикс), не чередующийся с ПОЛУ³- (см. непосредственно ниже; *поллитровка*);

ПОЛ²- - формант, чередующийся с ПОЛУ³- (*полдень, полночь*).

В то же время, имеется три разных форманта ПОЛУ-:

ПОЛУ¹-, означающий 'половина' и соотносительный с ПОЛ¹ (*в течение полугода*).

ПОЛУ²-, означающий 'не вполне' (*полуживой, полуостров, полу-сапожки, полусвет, полумера*);

ПОЛУ³-, механический вариант форманта ПОЛ²- (в лексемах *полдень и полночь*).

Но и это еще не все: существует также несклоняемое существительное ПОЛ⁴ 'половина', выступающее только в обозначениях времени; например: *пришёл в полпервого <к полтретьего>; сидим здесь с полшестого; За полтретьего будет и полчетвёртого; и т.п.*

Именно эта путаница формально схожих и семантически очень близких (зачастую тождественных) единиц и породила ошибочные трактовки пар типа *полкилометра - в полкилометре, полугода - до полугода* и т.п. Обзор возможных образований с *пол-* и *полу-* в русском языке см. в Качевская 1969 и Осовская 1971.

Для внесения известной ясности будет, видимо, нелишним указать, что смысл 'одна из двух равных частей (некоторого целого)' выражается по-русски по крайней мере следующими четырьмя единицами:

- 1) существительным ПОЛОВИНА, имеющим максимально широкое употребление (наименее идиоматичный способ);
- 2) существительным ПОЛ⁴ (только в обозначениях времени типа *в полпервого*);
- 3) числительным ПОЛ¹ (в выражениях типа *полугодом, полкомнати, полкастрили*);
- 4) формантом ПОЛУ¹- (*в течение полугода*).

ЭКСКУРС 5

О лексемах ТЫСЯЧА I и ТЫСЯЧА IIa

Представляется целесообразным различать в русском языке по крайней мере две равноименные лексемы, имеющие один и тот же смысл - '1000': ТЫСЯЧА I - числительное (с тысячью рублями <рублей>) и ТЫСЯЧА IIa - существительное (со своей тысячей рублей).¹

Лексема ТЫСЯЧА I обладает двумя следующими особенностями, отличающими ее от типичных числительных:

- ТЫСЯЧА I, взятое без "исчисляемого" S, характеризуется женским родом, тогда как все прочие Num рода вообще не имеют (глагол-сказуемое согласуется с Num-подлежащим по среднему роду: свойство 3, стр. 267); ср.

(1) Если бы тысяча делилась <*делилось> на 12...,
но

(2) Если бы девятьсот <девянсто девятнадцать ...> делилось <*делилась> на 12...

- ТЫСЯЧА I не может иметь при себе зависимое Num, подчиненное ему посредством нумеративно-вспомогательного ПСО, т.е. ТЫСЯЧА I не употребляется в конструкциях типа двадцать ← нум-вспом пять [кроватей] или триста ← нум-вспом семьдесят ← нум-вспом шесть [рублей]. В сочетаниях пять ← колич тысяч [кроватей], двадцать ← нум-вспом две ← колич тысячи [рублей] выступает S ТЫСЯЧА IIa, и Num зависит от него по количественному ПСО; это следует из того, что в таких сочетаниях не могут иметь места называемые ниже "числительные" свойства лексемы ТЫСЯЧА I.

В то же время у ТЫСЯЧА I есть три другие особенности, характерные только для числительных, а именно:

1. ТЫСЯЧА I не имеет (как и все прочие русские Num) множественного числа² и характеризуется особой формой творительного падежа на -/ju/, невозможной у существительных I-го склонения: тысячью; ср. дача - дачей <*дачью>, туча - тучей <*тучью> и т.п., а также [целой <полновесной>] тысячей <*тысячью>, где тысячей - форма от ТЫСЯЧА IIa,б. Формы твор. падежа на -ью как раз типичны для числительных: пятью, пятнадцатью, пятьюдесятью <разг. пятидесятью>.

2. ТЫСЯЧА I может соединяться с S, как числительное, а именно - в косвенных падежах согласовываться с S по падежу: *к тысяче рублям, с тысячью рублями* и т.п., как *к пяти рублям, с пятью рублями* (ср., однако, **миллиону рублям, *миллионом рублями*) - свойство 8, стр. 268. Правда, параллельно возможен и иной способ соединения с "исчисляемым" S, типичный для существительных (в том числе - и для S_(колич)): "исчисляемое" S ставится при ТЫСЯЧА I всегда в родительном падеже множ. числа независимо от падежа самой лексемы ТЫСЯЧА I, т.е. *к тысяче рублей, с тысячью рублей* и т.д. Однако этот факт также не противопоставляет лексему ТЫСЯЧА I числительным - подобная вариативность имеет место и у "несомненных" числительных, обозначающих сотни (от 200 и выше): *с двумястами рублями/рублей, к пятьюстам рублям/рублей, ...*, см. выше, стр. 190, правило 20 оператора COOTB_S(Num).

3. Лексема ТЫСЯЧА I допустима, хотя и с большими ограничениями, в аппроксимативно-количественной конструкции (см. выше, стр. 149, а это свойство (11, стр. 268) считается характерным именно для Num.

Кроме того, ТЫСЯЧА I обладает еще двумя "числительными" свойствами, которые, однако, в отличие от трех только что названных, присущи и всем S_(колич), а именно - лексемам типа МИЛЛИОН и т.п.:

- ТЫСЯЧА I может иметь препозитивное определение во множественном числе (в частности, и в родительном множественного вместо ожидаемого именительного или винительного; свойство 13, стр. 268):

(3) - *Будешь должен мне тысячу рублей. - Какие (такие) тысячу рублей?!*

(4) *Он заработал на этом деле целые <целих> тысячу рублей.*

В (4) возможно и ...целую тысячу рублей, но тогда тысячу является формой не от ТЫСЯЧА I, а от ТЫСЯЧА IIa. Это доказывает следующим примером:

(5) *Речь идёт о каких-нибудь тысяче рублях* [Л.В.Щерба, "Избр. работы", 1958, стр. 15];

если в (5) заменить *каких-нибудь* на *какой-нибудь*, т.е. согласовать это A с формой *тысяче* так, как полагается согласовывать

А с S, то форма *рублях* станет неуместной и должна быть заменена на *рублей*:

(5') Речь идёт о какой-нибудь тысяче рублей <*рублях>, где тысяче - форма от ТЫСЯЧА IIa, почему и невозможно чисто "числительное" ее соединение с S.

Аналогично, если сочетание тысяча + S выступает в роли подлежащего и при тысяча есть А, согласованное с ним по образцу "нормального" согласования А с S (т.е. в роде, числе и падеже), то глагол-сказуемое обязательно согласуется с тысяча в женском роде:

(6) Первая тысяча посетитель собралась <но не *собралась, *собралось> у входа.

Ср., однако, (7):

(7) Когда, наконец, собрались <собралось, но не *собрались> добрых тысяча посетителей...

В (6) мы имеем S ТЫСЯЧА IIa (или IIб; это различие здесь нейтрализовано), в (7) - Num ТЫСЯЧА I.

- ТЫСЯЧА I + S в роли подлежащего требует согласования сказуемого (глагольной и именной части) либо в единственном числе среднего рода, либо во множественном числе:

(8) а. Первых тысяча страниц уже было снято на пленку.

б. Прошло <прошли> (целих) тысяча лет.

в. Тысяча рублей били висланн [Ф.М.Достоевский, "Бесы"].

В случае согласования сказуемого по женскому роду форма тысяча принадлежит лексеме ТЫСЯЧА IIa; тогда при тысяча невозможно препозитивное прилагательное во множественном числе:

(9) Тысяча солдат с топорами отправилась прорубать дорогу на север

но не

(9') Добрых <целих> тысяча солдат... *отправилась... [надо: отправилось/отправились]

(ср. примеры (6) и (7) непосредственно выше).

Итак, в (10) употреблено числительное ТЫСЯЧА I:

(10) а. к (каким-нибудь) тысяче рублям <рублей>;

б. с тысячью рублями <рублей> в кармане;

в. - Дело, конечно же, не в этих жалких тысяче рублях <рублей>.

Напротив, в (11) выступает существительное ТЫСЯЧА IIa :

(11) а. к одной <какой-нибудь, целой ...> тысяче рублей
<*рублям>;

б. с пятью тысячами рублей <*рублями> в кармане;

в. - Дело не в этой жалкой тысяче рублей <*рублях>.

Важно отметить, что возможны выражения типа (12):

(12) а. с этой своей тысячью рублей,

где, судя по согласованию прилагательных, мы имеем S ТЫСЯЧА IIa и где, таким образом, тысячью - "незаконная" форма творительного падежа существительного;

б. На 200 тысячах квадратных километрах плодородной земли кактус занял огромную площадь [Й.Бринке, "Окно в каменный век", пер. С.Баранниковой и Ю.Преснякова, Москва, 1975, стр. 192],

где после Num 200 выступает S ТЫСЯЧА IIa, при котором лексема КИЛОМЕТР должна была бы иметь, в соответствии с грамматической нормой, родительный падеж множ. числа: на 200 тысячах километров.

В силу контаминации форм двух очень близких лексем - ТЫСЯЧА I и ТЫСЯЧА IIa, имеющих идентичный смысл и сходное синтаксическое поведение, граница между ними зачастую оказывается размытой. Тем не менее, если отказаться от различия тысячи-числительного и тысячи-существительного, то для описания допустимости обоих вариантов в (10) и недопустимости согласования S с тысяча по падежу в (11) понадобится множество разнообразных оговорок. Где именно придется помещать эти оговорки, зависит от того, чем мы сочтем лексему ТЫСЯЧА: числительным или существительным; однако они обязательно будут дублировать сведения либо о синтаксическом поведении S (если ТЫСЯЧА всегда признается Num), либо о синтаксическом поведении Num (если ТЫСЯЧА всегда считается S).

Любопытно отметить похожие соотношения в немецком и английском языках, где также различаются числительное нем. *tausend*, англ. *thousand* (не имеющие форм мн. числа и подчиняющиеся "исчисляемому" S) и существительное нем. *Tausend*, англ. *thousand*

(имеющие мн. число и подчиняющие себе "исчисляемое" S через предлог); ср.:

(13) а. нем. *eintausend Bücher* '1000 книг', *zwanzigtausend Bücher* '20.000 книг' и т.п.,

но

б. *Tausende (von) Bücher(n)* 'тысячи книг'; *Ich habe ein gutes Tausend (von) Bücher(n) gelesen* 'Я прочел добрую тысячу книг';

(14) а. англ. *a thousand books* '1000 книг', *twenty thousand books* '20.000 книг'.

но

б. *thousands of books* 'тысячи книг'.

Во французском языке мы имеем числительное *mille*, противопоставленное существительному *millier*:

(15) а. фр. *mille livres* '1000 книг', *vingt mille livres* '20.000 книг',

но

б. фр. *des milliers de livres* 'тысячи книг'.

Отметим попутно следующую любопытную особенность числительных со значением '100' и '1000' в немецком, английском и французском языках: они могут сочетаться с кванторными словами, что абсолютно исключено в русском, ср.:

(16) а. нем. *wenige hundert <tausend> Meter* 'немногие сотни <тысячи> метров';

б. англ. *How many thousand times!* [Е.О'Neil] 'Сколько тысяч раз!';

в. фр. *quelque mille blessés* 'несколько тысяч раненых'.

[В переводах выражений (16) русская форма *тысячи* принадлежит к лексеме-существительному ТЫСЯЧА IIa .]

В немецком, английском и французском языках в составе имен чисел выступает всегда только числительное 'тысяча', а существительное 'тысяча' возможно лишь вне ИЧ: см. (13)-(15). В отличие от этого, в русском языке существительное ТЫСЯЧА IIa участвует и в образовании ИЧ - наряду с другими S_(колич) - типа МИЛЛИОН или (одна) ШЕСТАЯ. См. об этом также Экскурс 6, стр. 299.

СНОСКИ

1. (К стр. 289.) ТЫСЯЧА IIб = 'множество мощности 1000': ср. *На улицах - тысячи людей; У подъезда толпилась добрая тысяча людей*; и т.д. По смыслу ТЫСЯЧА I относится к ТЫСЯЧА IIб так же, как пять к пяток, десять - к десяток, сто - к сотня и т.п.; в то же время, ТЫСЯЧА I и ТЫСЯЧА IIа полностью синонимичны. Кроме того, мы отвлекаемся здесь от устар. ТЫСЯЧА III = 'воинское подразделение в 1000 бойцов'.
2. (К стр. 289.) Известные строки *Я желал бы бить сучочком, Что-бы тысячам девчочкам На моих сидеть ветвях* (из стихотворения Г.Р.Державина "Шуточное желание", включенного в либретто оперы П.И.Чайковского "Пиковая дама") содержат полностью устаревшее и невозможное в современном языке выражение. В сочетаниях *многие тысячи людей, среди тысяч разных дорог* и т.п. мы имеем формы существительного ТЫСЯЧА IIб.

ЭКСКУРС 6

Лексеми типа МИЛЛИОН в составе имен чисел:

существительные или числительные?

Как известно, в составе русских ИЧ могут выступать словоформы лексем МИЛЛИОН, МИЛЛИАРД, БИЛЛИОН, ТРИЛЛИОН, ..., СЕКСТИЛЬОН, ... Эти лексемы обозначают числа, кратные тысяче; их множество является в принципе открытым, поскольку имеется способ построения любых подобных названий из латинских и греческих корней. (На практике словесные названия слишком больших чисел не употребляются: в обычной жизни в них не возникает нужды, а в науке пользуются указанием степени десятки, т.е., например, 73.000.000.000.000.000 читают и обычно записывают как $73 \cdot 10^{15}$ = *семьдесят три на десять в пятнадцатой (степени).*) Спрашивается, к какой части речи следует относить лексемы указанного типа? Пытаясь ответить на этот вопрос, я приму за их представителя лексему МИЛЛИОН и буду говорить о "лексемах типа МИЛЛИОН" или просто о лексеме МИЛЛИОН, имея в виду весь упомянутый ряд. Это возможно потому, что любой его член обладает в точности теми же грамматическими свойствами, что и МИЛЛИОН.

Наиболее официальная точка зрения в русистике признает МИЛЛИОН и т.д. числительным; см., в частности, вузовские учебники Галкина-Федорук и др. 1957: 299-300 и Валгина и др. 1971, где приводится ряд аргументов в пользу такого решения. Эти аргументы можно подытожить следующим образом:

- 1) Слова типа МИЛЛИОН являются единственными словесными обозначениями соответствующих чисел в русском языке.
- 2) Слова типа МИЛЛИОН записываются цифрами (в отличие от *пяток, дюжина* и т.п.).
- 3) Слова типа МИЛЛИОН могут входить в составные имена чисел.
- 4) Слова типа МИЛЛИОН сочетаются с любыми S, с которыми только могут сочетаться числительные.
- 5) От слов типа МИЛЛИОН регулярно образуются порядковые прилагательные, как и от всех прочих Num: *миллионный, миллиардный, ...*

Однако перечисленные аргументы легко отводятся: то, что некоторое слово является единственным обозначением некоторого числа, само по себе вовсе не означает, что это слово - числительное (см. стр. 35); МИЛЛИОН записывается цифрами, а ДЮЖИНА и т.д. - нет по очевидной семантической причине: первое есть (единственное) имя соответствующего числа, а второе - имя множества; считать вхождение в составное ИЧ достаточным критерием принадлежности к Num есть *petitio principii*; широта сочетаемости слов типа МИЛЛИОН никак не может доказывать того, что они - Num (ср., например, еще более широкую сочетаемость количественных наречий *много* или *мало*); наконец, порядковые прилагательные образуются от МИЛЛИОН и т.д., но не от ПЯТОК, ДЮЖИНА, ... опять - таки по только что указанной семантической причине.

Слова типа МИЛЛИОН относят к числительным также те исследователи, которые исходят из чисто семантического взгляда на выделение числительных: например, А.В.Исаченко и А.Богуславский (см. *Замечание* на стр. 35).

В то же время недонократно высказывалась и противоположная точка зрения: "*Миллион, миллиард* и другие обозначения больших величин не принадлежат к категории числительных" (Виноградов 1947: 293) или "Такие слова, как *тысяча, миллион, миллиард* и т.д., - уже не числительные" (Реформатский 1960: 386); ср. также Ward 1965: 210. Именно эта точка зрения представляется мне верной; для удобства читателя я резюмирую здесь все те доводы (пяти типов), которые выдвигались или могут быть выдвинуты для ее обоснования.

1. Лексемы типа МИЛЛИОН характеризуются настоящим субстантивным словоизменением: все они имеют грамматический род и различают единственное и множественное число, что совершенно не свойственно числительным (см. свойства 2 и 3, стр. 267).

2. С "исчисляемыми" S лексема типа МИЛЛИОН соединяется только как обычное существительные (и никогда - как числительное); ср.:

А				В			
два	← колич	миллиона	1 компл →	тонн	две	← колич	тонны
двух	← колич	миллионов	1 компл →	тонн	двух	← колич	тонн
двум	← колич	миллионам	1 компл →	тонн	двум	← колич	тонна
двумя	← колич	миллионами	1 компл →	тонн	двумя	← колич	тонна

vs.

При этом (2) абсолютно невозможно:

- (2) *двум $\xleftarrow{\text{КОЛИЧ}}$ миллионам тоннам, *миллиону тоннам,
 *двумя $\xleftarrow{\text{КОЛИЧ}}$ миллионами тоннами, *миллионом тоннами,
 *о двух $\xleftarrow{\text{КОЛИЧ}}$ миллионах тоннах, *о миллионе тоннах

(в отличие от ТЫСЯЧА I, которая допускает сочетания типа (2) - ср. примеры на стр. 290, пункт 2).

Сочетания же типа (1А) синтаксически полностью идентичны сочетаниям (3), где в позиции лексемы МИЛЛИОН выступает бесспорное существительное:

- (3) два $\xleftarrow{\text{КОЛИЧ}}$ вагона $\xrightarrow{1 \text{ КОМПЛ}}$ день,
 двух $\xleftarrow{\text{КОЛИЧ}}$ вагонов $\xrightarrow{1 \text{ КОМПЛ}}$ день,
 двум $\xleftarrow{\text{КОЛИЧ}}$ вагонам $\xrightarrow{1 \text{ КОМПЛ}}$ день,
 двумя $\xleftarrow{\text{КОЛИЧ}}$ вагонами $\xrightarrow{1 \text{ КОМПЛ}}$ день и т.п.

Из сопоставления (1А) с (3) ясно видно, что МИЛЛИОН и все другие лексемы этого типа соединяются с "исчисляемым" S точно так же, как любые существительные, обозначающие множества, количества, величины, единицы измерения и т.п.: *десяток уток, толпа матросов, [купил] кучу [= 'много'] книг*; сочетания последнего типа представляются, как уже указывалось, в своих внешних синтаксических связях именно обозначением множества, количества или величины, которое подчиняет себе "исчисляемое" S посредством 1-го комплетивного ПСО (о русских количественных выражениях типа $S \xrightarrow{1 \text{ КОМПЛ}} S^2$ см. выше, в частности - стр. 29 и 30.) Таким образом, МИЛЛИОН не обладает свойством 8 числительных, см. стр. 268.

3. При образовании составных ИЧ лексема типа МИЛЛИОН соединяется с числительным тоже так, как все существительные, но совсем не так, как числительные: сочетания типа

- (4) два миллиона, двух миллионов, двум миллионам, два и три пятих миллиона

с точки зрения поверхностного синтаксиса совершенно аналогичны сочетаниям

- (5) два километра, двух километров, двум километрам, два и три пятих километра

и резко отличны от сочетаний числительных типа

- (6) двадцать два, двести семьдесят три, восемьюстами сорока четырьмя.

Конструкции (4) и (5) описываются одинаково - количественным ПСО, а конструкции (6) - иначе, нежели (4) и (5), а именно нумеративно-вспомогательным ПСО (см. стр. 46 и сл., а также стр. 212). Если считать МИЛЛИОН числительным, то пришлось бы, во-первых, продублировать большинство количественных синтагм (для конструкций типа Num + МИЛЛИОН, поскольку при МИЛЛИОН = Num они не подходили бы под синтагмы, рассчитанные на конструкции Num + S), а во-вторых, осложнить особыми оговорками синтагму, задающую составные имена целых чисел (чтобы сочетание типа Num + МИЛЛИОН не подходило под описание конструкции Num + Num, типа *пятьдесят два*, имеющей совсем другое оформление; см. синтагму 1 на стр. 128). Тем самым, МИЛЛИОН не обладает и свойством 10, стр. 268.

4. МИЛЛИОН невозможен в количественно-аппроксимативной конструкции (свойство 11 числительных, стр. 268):

(7) **истратили рублей миллион* <по миллиону>,

**истратили рублей два миллиона* <миллиона два> и т.п.;

ср. правильные

(8) *истратили примерно* <предположительно, ...> *миллион рублей*

и

истратили миллиона $\xrightarrow{\text{аппрокс-колич}}$ *два рублей*.

5. Наконец, характернейшей особенностью "настоящих" числительных является их сочетаемость только с "исчисляемыми" S, т.е. только с S, допускающими квантификацию и имеющими множественное число (свойство 7, стр. 267). В то же время лексемы типа МИЛЛИОН - аналогично существительному ТЫСЯЧА IIa - сочетаются и с собирательными S, не допускающими квантификации и не имеющими множественного числа:

(9) а. *Генерал Ла-Бит направил против Перцовского редута*
десять тысяч конницы.

б. ... *попало тысяч по сорока скумбрии* [А.И.Куприн];

в. *три миллиона пехоты.*

Числительные здесь абсолютно невозможны: **пятьсот конницы*, **сто скумбрии*, **двадцать пять пехоты*.

Отсутствие у лексем типа МИЛЛИОН тех существенных свойств числительного, которые были указаны в пунктах 1-5, представля-

ется безусловным доказательством того, что эти лексемы суть не числительные, а существительные. Для них не имеет смысла и расщепление на две единицы - подобно тому, как это предлагается в Экскурсе 5 для *тысяча*: ТЫСЯЧА I - Num, ТЫСЯЧА II - S; МИЛЛИОН и ему подобные лексемы ни в каком употреблении не имеют таких "числительных" особенностей, как ТЫСЯЧА I (стр. 289 - 290). Итак, МИЛЛИОН, МИЛЛИАРД, ТРИЛЛИОН, ... - это существительные.

Однако на этом дело не кончается. Лексемы типа МИЛЛИОН (включая сюда и ТЫСЯЧА IIa, см. стр. 289) - это все-таки особые S, имеющие синтаксический признак "колич" (см. стр. 252). Данный признак характеризует четыре следующие особенности соответствующих S:

1) Все эти и только эти S могут входить в состав имен чисел.

2) Все эти и только эти S требуют при себе счетную форму "исчисляемого" S (о счетных формах см. Экскурс 14)¹:

(10) *шесть миллионов человек* <[?]людей>,
три миллиарда ангстрем <[?]ангстремов> и т.п.

(О сочетаниях типа *миллион людей* см. ниже, стр. 301.)

3) Все эти и только эти S, будучи в именительном или винительном падеже ед. числа, допускают при себе препозитивное адъективное определение в именительном/винительном или родительном падеже мн. числа (ср. свойство 12 числительных, стр. 268):

(11) а. *И протекли очередные миллион лет.*

б. *Допустим, что все эти миллиард частиц можно перебрать одну за другой.*

в. *На этом деле он заработал целых миллион долларов.*

Формы типа *целых, добрых* и т.п. выступают при S (колич), как кажется, только при условии, что "исчисляемое" S, зависящее от этого S (колич), употреблено нереферентно, т.е. не относится к каким-либо совершенно конкретным объектам реального мира.

Так, (12) невозможно:

(12) *С помощью элексира "Мощь и радость" Фартер сумел бы осчастливить добрых [надо: добрый] миллион своих соотечественников.

Заметим, что "настоящее" числительное никак не реагирует в указанном аспекте на референтность/нереферентность своего "исчисляемого" S:

(12') ...*Фартер сумел бы осчастливить добрых* пятьсот своих соотечественников.

Если наше наблюдение относительно (12) vs. (12') справедливо, то мы имеем здесь еще один любопытный пример непосредственной связи весьма поверхностных феноменов (падеж прилагательного-определения) с достаточно глубинными и тонкими семантическими различиями.

Любопытный случай вариативного согласования прилагательных с лексемой типа МИЛЛИОН (*этот миллион бойцов vs. эти миллион бойцов*) анализируется ниже, на стр. 302.

4) Все $S_{(колич)}$ и только они, выступая в роли подлежащего, допускают согласование глагола-сказуемого с собой по среднему роду (хотя сами $S_{(колич)}$ могут быть и мужского и женского рода; свойство 14, стр. 268):

(13) *В этих цистернах помещалось* (примерно) миллион тонн сырой нефти [возможно и ...помещался примерно миллион тонн].

(14) *Этими работами было занято* миллион <тысяча> человек. Здесь тоже от "исчисляемого" S как будто требуется нереферентность:

(14') **Этими работами было занято* [надо: был занят] миллион жителей нашего города.

Особенности 1 - 4 очевидным образом роднят $S_{(колич)}$ с числительным. Получается, что МИЛЛИОН и т.п. оказываются чем-то промежуточным между Num и S : то ли это S с добавочными "числительными" свойствами, то ли это Num без некоторых существенных "числительных" свойств. Возникает вопрос: а почему же все-таки здесь сочтено целесообразным признать МИЛЛИОН особым S , а не особым Num? Ответ заключается в следующем. С одной стороны, МИЛЛИОН имеет гораздо больше "существительных" свойств, нежели "числительных", а именно - он имеет все "существительные" свойства плюс лишь некоторые "числительные"; с другой стороны, русские S как таковые характеризуются куда более широким кругом употреблений, чем Num, и занимают в описании языка несравненно больше места. Поэтому, если признать МИЛЛИОН существительным, то эта лексема (и ей подобные) автоматически подойдет под все многочисленные утверждения о словоизменении

и синтаксисе русских S, не требуя никаких специальных оговорок, - и это как раз то, что нам нужно. Специальные оговорки все же будут необходимы, но только для другого: чтобы подвести особые S вроде МИЛЛИОН под те утверждения относительно русских Num, которые верны и для этих S, т.е. под утверждения о способности входить в составные имена чисел, требовать счетную форму "исчисляемого" S, допускать препозитивные определения типа целие <целих> миллион рублей и допускать согласование сказуемого по среднему роду (см. выше). Ясно, что эти оговорки касаются очень небольшого числа весьма специфических случаев.

Если же поступить наоборот и счесть МИЛЛИОН числительным, то пришлось бы формулировать очень большое число оговорок, чтобы МИЛЛИОН подходил не под все утверждения о русских Num - ибо лексемы типа МИЛЛИОН отличаются по своим свойствам от типичных Num весьма значительно (ср. хотя бы пункты 1 - 5 на стр. 296 - 298)². В то же время специально для МИЛЛИОН и т.п. пришлось бы продублировать чуть ли не все субстантивные синтагмы, да еще и описание словоизменения существительных. Таким образом, признание лексем типа МИЛЛИОН числительными влечет существенное усложнение описания русского языка в целом и потому должно быть отвергнуто.

Напомню, что примерно такими же доводами - ссылкой на неоправданное усложнение описания - обосновывалось отнесение лексемы ОДИН I к числительным, а не к прилагательным: Экскурс 3, в особенности - стр. 277.

В заключение необходимо отметить, что МИЛЛИОН (как и прочие S (колич) этого же типа) имеет еще и другое, не чисто числовое значение: 'множество мощностью 1.000.000'; в этом значении лексемы типа МИЛЛИОН требуют при себе скорее не счетную форму мн. числа, а родительный падеж мн. числа, "настоящее" согласование адъективных определений и т.п.:

- (15) а. *многие миллионы людей* <*человек> в Европе и Азии;
 б. По этой линии передаются <*передается> в час миллиарда битов <?бит> ценнейшей информации.

Это значит, что, строго говоря, следует различать две лексемы: МИЛЛИОН а - S (колич), выступающее в составе ИЧ и т.д., и МИЛЛИОН б - имя множества, использованное в (15).

Этой регулярной многозначностью лексем типа МИЛЛИОН объясняется семантическое различие, наблюдаемое в (16) - (17):

- (16) а. первое миллион чисел [противопоставляются миллион первому, миллион второму и т.д. числу]

vs.

- б. первый миллион чисел [противопоставляется второму/другому миллиону чисел].

- (17) а. эти миллион детей [речь идет об этих детях - в количестве миллиона]

vs.

- б. этот миллион детей [речь идет об этом миллионе, вообще говоря, каких-то детей].

В (16а) и (17а) выступает S_(колич) МИЛЛИОН а (имя числа), а в (16б) и (17б) - простое S МИЛЛИОН б (имя множества, т.е. S, аналогичное лексемам ПЯТОК, ДЕСЯТОК и т.п.).

Та же самая неоднозначность - 'число N' vs. 'множество мощностью N' - наблюдается и у существительного ТЫСЯЧА II :

- (18) а. На площади собралась (ровно <целая>) тысяча человек <?людей>.

- б. Туда направили (не менее чем) целую тысячу человек <?людей> <шесть тысяч человек <?людей>>;

однако

- (19) а. многие тысячи людей <*человек> в Европе и Азии;

- б. С этими своими тысячами людей <*человек> он многого не сделает.

В (18) выступает S ТЫСЯЧА IIa = '1000', а в (19) - S ТЫСЯЧА IIб = 'множество мощностью 1000'.

Это же самое смысловое соотношение реализуется и в парах *десять - десяток* 'множество мощностью 10', *сто - сотня* 'множество мощностью 100': *десяток людей, сотня людей*.

Различию между МИЛЛИОН а - S_(колич) и МИЛЛИОН б - имя множества отвечает в английском языке различие между числительным *million* (в (20)) и существительным *million* (в (21)):

- (20) *three million tons of pressure*

'давление в три миллиона тонн'

vs.

- (21) *many millions of tons of pressure*

'давление во много миллионов тонн'.

Заканчивая рассмотрение русских S_(колич), т.е. S, способ-

ных входить в составные имена чисел, я хотел бы особо отметить одно существительное с дефектной парадигмой, представленной формами *сот, стам, стами, стах*. Это S можно условно записывать как СТА_(МН!), хотя формы именительного падежа мн. числа (*ста) у него как раз нет. (Еще в прошлом веке данная парадигма имела формы ед. числа и более широкое употребление; ср. перевод А.Фетом известного стихотворения Катулла: *Сто раз целый меня, и тысячу, и снова Ещё до тысячи, опять до ста другого, До новой тысячи, до новых сот опять.*)

Лексема СТА_(МН!) 'сотня' (т.е. 'множество мощностью 100') имеет в современном языке очень ограниченную сочетаемость: она употребляется только с наречиями МНОГО и НЕСКОЛЬКО, а также с прилагательным НЕСКОЛЬКИЕ (тоже дефектным), ср.:

(22) а. много <несколько> *сот лет тому назад*;

б. Нью-Йорк потерял несколько сот тысяч жителей
[*"Правда"*, 7 окт. 1975].

в. Это оказалось так в нескольких стах случаев.

г. Ибн-Зубб аль-Фардж добрался до океана всего с несколькими стами спутников.

Я отношу СТА_(МН!) к S (а не к Num) прежде всего потому, что эта лексема обозначает не число, а множество и для нее невозможно "числительное" соединение с S:

(23) а. *в нескольких стах случаях [надо: ...случаев],

б. *с несколькими стами спутниками [надо: ...спутников].

В то же время данная лексема не может входить в состав имен чисел и не имеет других свойств, типичных для S_(колич), за исключением одного: СТА_(МН!) сочетается со счетной формой мн. числа (как, впрочем, и некоторые другие названия множеств, см. сноску 1, на стр. 304), например:

(24) Погибло несколько сот человек;

впрочем, счетная форма (даже сильная, см. стр. 431) здесь не обязательна:

(24') Погибло несколько сот людей.

Указанная особенность должна быть учтена индивидуальным образом в словарном описании лексемы СТА_(МН!).

СНОСКИ

1. (К стр. 299.) Данное утверждение не вполне верно: счетную форму требуют также некоторые названия множеств определенной мощности, например, *десяток человек, сотня-другая человек, пара человек*; род. падеж мн. числа при них тоже, разумеется, возможен: *десяток людей, сотня-другая людей, пара людей*.
2. (К стр. 301.) Между лексемами типа МИЛЛИОН и числительными есть отличия даже в пределах их сходств: в типично "числительных" конструкциях (11) МИЛЛИОН требует нереферентности "исчисляемого" S, тогда как обычные Num безразличны к референтности/нереферентности "исчисляемого" S (см. выше, стр. 299 - 300).

ЭКСКУРС 7

Лексеми типа МНОГО: наречия или числительные?

Выше, на стр. 36, было прямо сказано, что я не считаю такие лексемы, как МНОГО, МАЛО, НЕСКОЛЬКО и т.п., числительными; для меня - это наречия с синтаксическим признаком "колич" (стр. 252). Эдесь будут приведены те соображения, которые заставляют меня думать так и, вследствие этого, отказаться от описания сочетаний типа много + S посредством количественного ПСО (направленного от S к много): в сочетаниях типа много + S я считаю ПС-хозяином не S, а количественное наречие, которое подчиняет себе S посредством 1-го комплетивного ПСО, так что ПСС подобных сочетаний имеют вид много $\xrightarrow{1 \text{ компл}}$ девушек, мало $\xrightarrow{1 \text{ компл}}$ времени, несколько $\xrightarrow{1 \text{ компл}}$ раз, сколько $\xrightarrow{1 \text{ компл}}$ наслаждения! и т.п.

Прежде всего, отметим, что к неопределенно-количественным числительным традиционно относят только следующие лексемы:

- (1) сколько, столько, несколько, много, немного, мало, достаточно (Виноградов 1947: 311; ср. также Garde 1980: 234).

Однако, как мне кажется, в эту же группу следует включить такие наречия и наречные предложения, как перечисленные ниже, в (2) и (3):

- (2) Со смыслом 'много': сколько угодно <хочешь>, разг. видимо-невидимо, разг. полным-полно, разг. без счёта, разг. без числа, разг. бог <чёрт> знает сколько, прост. страсть <страх, ужас, жуть, беда> сколько, прост. навалом, прост. до потолка, прост. до черта, прост. до фига, прост. залейся, прост. завались, прост. ешь - не хочу, прост. как собак нерезаных и т.д.
- (3) Со смыслом 'мало' или 'несколько': чуть-чуть, разг. всего ничего, прост. кот заплакал, прост. с гулькин нос, прост. на доньшке; несколько, прост. ни черта, прост. ни фига, ...

Разумеется, между разными выражениями в (2) имеются семан-

тические, стилистические и лексико-комбинаторные различия, в том числе - и довольно существенные; то же верно и относительно (3). Однако в рамках данного рассуждения от этих различий можно отвлечься: здесь важно лишь, что наречия и наречные речения, выписанные в (2) и (3), могут выступать вместо много в сочетаниях типа много + S:

(4) а. На углу собралось много <видимо-невидимо, ужас сколько, до фига, навалом, ...> студентов.

б. Мы купили много <полним-полно, черт знает сколько, чуть-чуть, всего ничего, ...> яблок.

в. Мы не купили нисколько <ни фига> яблок.

Поэтому, если признать (неопределенно-количественными) числительными все лексемы в (1), то нельзя не признавать числительными и выражения в (2) и (3) - а это сразу кажется антиинтуитивным.

Правда, между разными выражениями в (2) и (3) наблюдаются различия также и в синтаксическом поведении. Так, *чуть-чуть* (в отличие, например, от *видимо-невидимо* или *полним-полно*) сочетается с S, имеющими признак "исчисл", не во всех контекстах:

(5) ?*Явилось чуть-чуть детей*

звучит странно, хотя

(6) *Ещё чуть-чуть детей - и хватит*

- вполне нормальная фраза.

Далее, такие выражения, как *залейся, ешь - не хочу* и *как собак нерезаных*, употребляются преимущественно в функции предикатива или копредикативного члена (но не непосредственно с "исчисляемым" S), причем только в связи с обозначением напитка, еды и людей, соответственно:

(7) *Водки там - залейся,*

но не

(8) **Випили они залейся водки [... жуть сколько водки - правильно];*

(9) *Яблок в этом году - ешь - не хочу,*

но не

(10) **Яблок в этом году - как собак нерезаных;*

(11) *Помощниц у него - как собак нерезаных; и т.д.*

Тем не менее, ведь и между лексемами в (1) есть серьезные

синтаксические различия: например, *несколько* не сочетается с "неисчисляемыми" S (**несколько чая/чаю*), но это не мешает В.В. Виноградову относить *несколько* в один разряд с *много* (ср. также ниже, стр. 317, пункт (v), различия в их сочетаемости со счетной формой). Мне кажется, что индивидуальные различия между выражениями в (1), (2) и (3) не так уж велики (во всяком случае, не больше, чем различия в сочетаемости между разными "настоящими" числительными) и не препятствуют тому, чтобы рассматривать всю указанную выше (в (1) - (3)) группу лексем и выражений вместе. Итак, во всех дальнейших рассуждениях, говоря о сочетаниях типа *много* + S, я буду иметь в виду сочетания с любыми из перечисленных выражений.

В подкрепление предлагаемой здесь трактовки ($\text{Adv} \xrightarrow[\text{(колич)}]{1 \text{ компл}} S$; лексемы типа *много* и т.п. = $\text{Adv}_{\text{(колич)}}$) можно привести следующие пять доводов.

1. Сочетания типа *много* + S резко отличаются от сочетаний Num + S по своей поверхностно-синтаксической сочетаемости: Num + S возможны (как уже отмечалось на стр. 65) почти во всех контекстах, в которых возможно S; однако *много* + S возможны только в тех ПС-ролях, в которых требуется S в именительном или винительном падеже, т.е. в роли подлежащего, прямого дополнения, обстоятельств длительности и кратности, а также (при некоторых дополнительных ограничениях) в роли дополнения к предлогу, управляющего винительным падежом (и при предлоге ПО III, см. ниже):

- (12) а. *Пришло много <без счёта, до черта, ..., мало, совсем чуть-чуть> детей.*
 б. *В зал впустили много <без счёта, ...> детей.*
 в. *Геркул повторял свой тринадцатый подвиг много <несколько, без счёта, сколько угодно, ...> раз.*
 г. *Продуктов хватит на много <несколько, ...> недель.*
 д. *Она стояла через несколько <разг. много> человек от Коли.*
 е. *Этот садик рассчитан на очень много детей.*

После предлога, т.е. в выражениях типа (12г-е), предложения из (2) и (3) нежелательны или вообще невозможны, особенно те, которые сами включают в свой состав предлог или предлогообраз-

ную приставку (хотя бы исторически):

(13) *на до черта недель; *через навалом дней; и т.п.

Кроме того, в этом же контексте затруднено использование самого *много*:

(14) а. *Он смотрел на много детей.

б. *Дробь попала во много уток.

в. *Волны бились о много свай.

Невозможность (14) связана, по-видимому, с семантикой слова *много*, имплицитующего известную "нерасчлененность", "слитность" множества исчисляемых объектов: *много X-ов* = 'взяты вместе X-ы, число которых велико'; см. об этом непосредственно ниже.

Во всех тех ПС-ролях существительного, которые требуют косвенных падежей, т.е. в роли косвенного дополнения, в роли дополнения к предлогу, управляющего не вин. падежом, в роли при-субстантивного атрибута и т.п. сочетания *много* + S не употребляются:

(15) а. *Раздали подарки много детям/детей.

б. *Он привык руководить много людьми/людьми <человек>.

в. *для много детей, *ко много детям/детей, *со много детьми/детей;

г. *вкуси много детей.

З.Салёни предложил описать соответствующие факты (применительно к польскому *dużo* и аналогичным ему лексемам, которые ведут себя так же, как русское *много*) следующим образом: считать, что наречия типа *много* в принципе знают изменение по падежам, однако имеют только две (внешне совпадающие) падежные формы - имен. и вин. падежи (Saloni 1973: 254). К этому предположению я еще вернусь ниже, на стр. 311.

Утверждая, что сочетания *много* + S не выступают в синтаксических позициях, требующих того или иного косвенного падежа, мы вступаем в противоречие с принятым в русистике взглядом (см., в частности, Виноградов 1947: 313-314), согласно которому *много* + S в косвенных падежах возможно; считается, что тут просто используются формы соответствующих прилагательных типа МНОГИЕ, так что выражения в (15) должны иметь следующий вид:

(15') а. Раздали подарки многим детям.

б. Он привык руководить многими людьми.

в. для многих детей, ко многим детям, со многими детьми;

г. вкусы многих детей.

Этот традиционный взгляд, однако, неверен. Дело в том, что прилагательное МНОГИЕ и наречие МНОГО - это две разные лексемы, так что формы сочетания МНОГИЕ + S нельзя считать формами сочетания МНОГО + S (т.е. формы многих, многим, многими нельзя трактовать как члены лексемы МНОГО). В пользу этого положения мы можем указать по крайней мере четыре следующих факта:

(i) МНОГО и МНОГИЕ имеют разный смысл. Формы много и многие могут выступать в одном и том же контексте, противопоставляясь по смыслу. Так, фразы (16а) и (16б) не синонимичны:

(16) а. Много детей получили <получило> подарки

vs.

б. Многие дети получили подарки.

(16а) означает, что количество детей, получивших подарки, велико, а (16б) - что велика доля детей (из некоторого неназываемого количества детей), получивших подарки.

Примерно так же различаются (17а) и (17б):

(17) а. На войне погибло много писателей

vs.

б. На войне погибли многие писатели.

В то же время, МНОГО, как было отмечено выше, предполагает единую совокупность, "нерасчлененное множество" исчисляемых объектов, а МНОГИЕ - наоборот, "расчлененное множество"; ср. например:

(18) а. Под его командой оказалось сразу много людей [скорее целый отряд или толпа, во всяком случае - совокупность людей в одном месте]

vs.

б. Под его командой оказались сразу многие люди [скорее отдельные люди в разных местах].

(19) а. Там Коля встретил много знакомых девушек [скорее сразу в одном месте - скажем, группой]

vs.

б. Там Коля встретил многих знакомых девушек [скорее в разное время и в разных местах, т.е. по отдельности].

- (20) а. *Много детей весят <весит> в этом возрасте по тридцать килограмм ["объединительное" значение лексемы МНОГО противоречит "распределительному" значению конструкции с по]

vs.

- б. Многие дети весят в этом возрасте по тридцати килограмм.

Указанное противопоставление наблюдается только в именительном, винительном и дательном падежах (см. пункт (iii) ниже): в прочих падежах оно нейтрализуется в пользу прилагательного МНОГИЕ. Тем не менее, даже частичная смысловая оппозиция двух лекс не позволяет, как я полагаю, относить их к одной лексеме.

(ii) МНОГО и МНОГИЕ имеют разную синтаксическую сочетаемость. Так, МНОГИЕ, в отличие от МНОГО, не сочетается с *plurality tantum*, обозначающими вещества (по-видимому, в связи со смыслом расчлененности, присущим этому прилагательному); например, смысл фразы

- (21) Он вылил на стол много чернил

'Он вылил на стол чернила в большом количестве'

невозможно выразить посредством (22):

- (22) *Он залил стол многими чернилами.

(Взятая сама по себе, фраза (22) является правильной, но совсем в другом смысле: 'Он залил стол разными, и притом многочисленными, сортами чернил'. Вместо (22) можно было бы также сказать

- (22') Он залил стол большим количеством чернил.)

Кроме того, МНОГИЕ управляет предлогом ИЗ, а МНОГО - нет:

- (23) а. многие из нас <присутствующих>;

- б. *много из нас <присутствующих>.

(iii) Между формами лексем МНОГО и МНОГИЕ отсутствует дополнительное распределение в пределах соответствующей парадигмы. Во-первых, обе лексемы могут выступать в именительном и винительном падежах, будучи при этом представлены разными формами, которые различаются и по смыслу, см. выше, примеры (16) - (19). В силу этого формы *много* и *многие* отнюдь не являются взаимозаменяемыми в любых контекстах; так, в (12в) форма *многие* невозможна:

(12') *Геракл повторял свой тринадцатый подвиг многие рази. Во-вторых, обе лексемы могут выступать в позиции дательного падежа, также имея разные формы, которые к тому же никогда не употребляются в одинаковых контекстах: МНОГО - *многу*, МНОГИЕ - *многим*. Мы имеем в виду специфические формы лексем МНОГО, НЕСКОЛЬКО, СКОЛЬКО после предлога ПО III (по в распределительном значении):

(24) а. Каждая из девушек обслуживает сразу по многу гостей.

б. Матчи с участием мастеров посещают по несколку десятков тысяч зрителей ["Правда", 26. I. 76 г.].

в. - Ну, и по сколькx раз за ночь?

В контекстах типа (24), т.е. после ПО III, формы соответствующих прилагательных вообще невозможны:

(24') а. *обслуживает по многим гостям;

б. *посещают по нескольким десяткам;

в. *по скольким разам за ночь.

Таким образом, мы видим, что лексема МНОГО имеет свою собственную, пусть дефектную, систему форм, противопоставленных и по смыслу, и по сочетаемости формам лексемы МНОГИЕ.

(iv) Подавляющее большинство лексем и сочетаний в (1)-(3) вообще не имеет соотносительных прилагательных (типа *многие* для *много*): их нет у *мало*, *достаточно* и *недостаточно*, не говоря уже о всех выражениях в (2) и (3).

Факты (i)-(iv) и заставляют меня считать, что сочетания типа МНОГИЕ + S в косвенных падежах не могут рассматриваться как "недостающие" формы сочетаний типа МНОГО + S, так что фразы (15') (стр. 308) не противоречат главному утверждению пункта 1 на стр. 307 (о том, что сочетания типа МНОГО + S возможны только, так сказать, в именительном и винительном падежах - плюс, разумеется, употребление в дательном падеже при ПО III).

Указанное распределение вовсе не характерно для существительных, но зато в высшей степени характерно для выражений типа *много*, которые способны и без S, т.е. сами по себе, употребляться в ПС-роли подлежащего, прямого дополнения или обстоятельства длительности:

(25) а. В этот рюкзак входит очень много <чёрт знает сколько, до фига, совсем мало, с гулькин нос>.

- б. Мы прошли уже много <ещё мало, всего ничего, чуть-чуть, достаточно>.
- в. Под солнцем горячим, Под ночью слепю
Немало пришлось нам пройти [М.Светлов, "Каховка"].
- г. Он работает очень много <бог знает сколько, до фига, совсем мало>.

Иначе говоря, сочетания типа МНОГО + S употребляются примерно так же, как МНОГО, но совсем не так, как S. Поэтому я и предпочитаю считать вершиной сочетания МНОГО + S наречие МНОГО, подчиняя ему S посредством 1-го комплетивного ПСО (аналогично конструкциям с такими S, как *куча, прорва, пропасть, тьма-тьмущая, гора, ...*: купил кучу $\xrightarrow{1 \text{ компл}}$ книг, Собралась тьма-тьмущая $\xrightarrow{1 \text{ компл}}$ народу и т.д.). Это подкрепляется еще и тем, что на "внешнее" ПС-воздействие реагирует своей формой¹ именно наречие: *по многу гостей, по нескольку десятков* и т.п.

Итак, все лексемы и наречия, перечисленные в (1) - (3), считаются в этой книге особым подклассом наречий - наречиями с синтаксическим признаком "колич", т.е. количественными наречиями.² Поскольку сочетания Adv_(колич) + S имеют такое же ПС-употребление, как Adv_(колич), но не такое, как S, то именно Adv_(колич) признается хозяином (= главным компонентом) в данных сочетаниях.

Отметим аналогичную ситуацию во французском языке, где противопоставляются ЧВ, состоящие из числительных, типа *trois livres* 'три книги', *trois cent livres* '300 книг', *trois mille livres* '3000 книг' (здесь мы имеем Num $\xleftarrow{\text{колич}}$ S), и КВ с количественными наречиями, типа *beaucoup de livres* 'много книг', *peu de livres* 'мало книг' (где ПСС другая: Adv $\xrightarrow{1 \text{ компл}}$ (колич) \rightarrow de \rightarrow предлож \rightarrow S).

2. Трактовка Adv_(колич) как главного в сочетаниях Adv_(колич) + S (в отличие от Num в Num + S) подкрепляется еще и следующим поверхностно-синтаксическим фактом. Если подлежащее выражено сочетанием Adv_(колич) + S, то препозитивное сказуемое, согласуясь с ним, может иметь только 3-е лицо ед. числа (в прошедшем времени - средний род); согласование по 3-му лицу мн. числа тут исключается, ср.:

(26) а. На лекцию явилось <*явилсь> много слушателей.

б. У Виталия Ш. было <*били> тогда видимо-невидимо писидийских надписей.

Сочетания с Num допускают для препозитивного сказуемого оба типа согласования (с различием в смысле: согласование по 3-му лицу мн. числа имплицитно определяет определенность подлежащего):

- (26') а. На лекцию явилося <явились> двадцать три слушателя.
 б. У Виталия Ш. лежало <лежали> тогда пятьдесят писем-
 дийских надписей.

Замечание. Что касается постпозитивного сказуемого, то оно может согласовываться обоими способами ВСЕГДА, в том числе - и при S типа (целый) ряд, большинство и т.п.:

- (27) а. У нас бог знает сколько <видимо-невидимо, до фига> сотрудников может <могут> ездить за границу.
 б. У нас целый ряд <большинство> сотрудников может <могут> ездить за границу.

Ср., однако,

- в. У нас может <*могут> ездить за границу целый ряд <большинство> сотрудников.

3. Между выражениями типа много, т.е. Adv (колич), и числительными имеется также и очень существенное различие в сочетаемости с существительным.

Одно из характернейших синтаксических свойств числительных состоит в том, что они сочетаются только с S, имеющими признак "исчисл", т.е. с S, обозначающими отдельные объекты, акты, свойства и т.п. (то, что может пересчитываться): ни одно Num не сочетается ни с обозначениями веществ, ни, тем более, с обозначениями абстрактных состояний и т.п.: свойство 7, стр. 267.³

В то же время количественные наречия типа много совершенно свободно сочетаются с названиями веществ, различных абстракций и даже с местоименными словами (см. (28е) - (28з), что для Num абсолютно невозможно (свойство 15, стр. 268):

- (28) а. много <мало, достаточно, до фига, ...> водки;
 б. Коле дают машину, двух лаборанточек и до черта денег.
 в. чуть-чуть человеческого тепла;
 г. много горя, немного радости;
 д. В работе полно <навалом> всякой философии <до черта ерунды>.
 е. Много их было расстреляно, кое-кто отправлен на Колуму.

ж. У нас много <ужас сколько> всего.

з. У нас было всего навалом <сколько точешь>.

Указанное различие в сочетаемости с существительным является еще одним доводом против отнесения наречий типа *много* к числительным и подведения сочетаний *много страниц*, *много метров* и т.п. под количественное ПСО.

4. Отметим, далее, что количественные наречия (типа *много*) не употребляются в целом ряде контекстов, наиболее типичных для числительных:

- В составе имен чисел (что совершенно понятно - по семантическим причинам).

- В аппроксимативно-количественной конструкции:

(29) а. **Коля купил книг много <мало>*.

б. **Коля выпил водки до фига* [в смысле 'предположительно - очень много'].

Постпозиция подобных наречий и наречных речений возможна (особенно - для разговорных и просторечных выражений), но без всякого значения приблизительности или предположительности.

- С лексическими показателями приблизительности:

(30) а. **до много рублей*;

б. **около много рублей*;

в. **свыше много рублей*.

- В качестве идентифицирующего приложения (типа *вагон 4*, *привило 75*, *дом 40*).

- В контекстах слов типа *температура*, *диаметр* и т.п. (при именах величин):

(31) а. **при температуре чуть-чуть <мало, немного> градусов* [данный смысл надо выразить так: *при (очень) низкой температуре*; ср. *при температуре 6 градусов*];

б. **окружность диаметром много метров* [надо: ... *имеющая в диаметре много метров*; ср. *окружность диаметром сто пятьдесят метров*].

Если признавать наречия типа *много* числительными, то практически во всех синтагмах, описывающих поведение числительных, придется делать оговорки, исключаящие *много*, *мало* и т.п. из соответствующих конструкций. Кроме того, придется различать два типа ΔNUMP - с "настоящими" Num и с выражениями типа *много*, и опять-

таки делать во многих местах оговорки относительно $\Delta NUMP$ с *много*.

Если же считать слова типа *много* наречиями, то никаких дополнительных оговорок нигде не понадобится, поскольку описать поведение этих наречий в свободном употреблении (без S) все равно необходимо, а группы типа *много* + S имеют почти такое же поведение. Иначе говоря, признание наречий типа *много* неопределенно-количественными числительными обязательно ведет к усложнению описания русского поверхностного синтаксиса, тогда как трактовка их как особого подкласса наречий позволяет избежать специальных оговорок, дополнительных правил и т.п.

5. Наконец, еще один довод в пользу предлагаемого решения (*много* + S = Adv $\xrightarrow[\text{(колич)}]{1 \text{ компл}}$ S) дает рассмотрение сравнительных степеней лексем *много* и *мало*:

(32) а. Я прочитал на пять книг больше, чем ты.

б. Я прочитал пятью книгами больше, чем ты.

Выражения *на пять книг* и *пятью книгами* явно зависят от *больше* (в частности, они могут быть опущены без нарушения грамматической правильности: *Я прочитал больше, чем ты*); следовательно, в (32) мы имеем *больше* в функции прямого дополнения к *прочитал*. Возможность подобного сочетания обязательно должна быть предусмотрена особой синтагмой [$V \xrightarrow[\text{(перех)}]{1 \text{ компл}}$ Adv (колич)] при любом решении. Поэтому в (33):

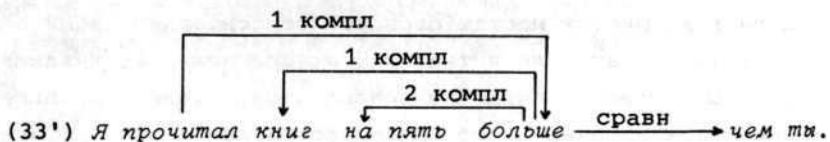
(33) Я прочитал книг (на пять) больше, чем ты -

разумно также считать *больше* вершиной группы *книг (на пять) больше*, т.е. ПОДЧИНЯТЬ словоформу *книг* словоформе *больше*. В противном случае понадобится одно из двух:

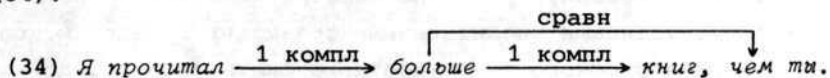
- Либо придется ввести дополнительную синтагму, обеспечивающую подчинение существительного S в род. падеже мн. числа переходному глаголу (в ПС-роли прямого дополнения при этом последнем) - при условии, что от самого этого S зависит *больше* или *меньше*.

- Либо сочетания *больше <меньше>* + S придется включить в состав $\Delta NUMP$, что потребует многочисленных оговорок в самых разных местах, поскольку данные сочетания ведут себя во многих отношениях не так, как прочие $\Delta NUMP$, что было только что отмечено.

Таким образом, чтобы не усложнять описание русского поверхностного синтаксиса, в (33) следует применять ПСС (33'): :

Тогда по аналогии мы считаем, что книг зависит от больше и в (34):

Если же принять ПСС (34), то тогда естественно и в много книг считать много главным.

Наряду с доводами синтаксического характера, полезно указать и важную семантическую особенность, отличающую лексемы типа много от числительных: много, мало, достаточно и т.п. (но не столько, сколько и несколько!) не просто указывают на неопределенное количество, а характеризуют это количество принципиально относительным образом (Супрун 1962:13). Это значит, что одно и то же количество в разных ситуациях может быть оценено и как много, и как мало: смотря когда, для чего, для кого и т.п.⁴ В то же время числительные характеризуют количество АБСОЛЮТНО, т.е. безотносительно к чему бы то ни было — в том числе и тогда, когда они характеризуют его неточно или предположительно. (В смысл лексем типа много или достаточно входит компонент 'нормально для данных объектов в данной ситуации с точки зрения данного говорящего'; фраза У Коли дома много книг означает 'У Коли дома больше книг, чем я считаю нормальным для человека Колиного типа'. В смысле "настоящих" числительных ничего подобного нет.)

Справедливость требует отметить два факта, противоречащие аргументам, которые излагались на стр. 307 - 316.

Во-первых, все же не все выражения, перечисленные в (1) - (3), синтаксически ведут себя в точности так же, как много, и отличаются от числительных так же сильно. Например, наречие несколько отличается от много (и, следовательно, от типовых Adv (колич) в следующих шести отношениях:

(i) Несколько вообще не употребляется самостоятельно, т.е. без "исчисляемого" S: *Он несколько читает, *В этот рюкзак входит несколько и т.д.

(ii) При подлежащем несколько + S препозитивное сказуемое может

быть и во множественном числе: *Не явились несколько <*много> слушателей* (ср. (26) на стр. 312).

(iii) Как и Num, *несколько* сочетается только с S (исчисл): **несколько води <радости>*.

(iv) Сочетание *несколько* + S возможно в контекстах типа

(35) *волокна диаметром несколько микрон,*

где другие Adv (колич) недопустимы, ср.

(35') **волокна диаметром много <мало, достаточно, ...> микрон [можно, однако: волокна диаметром во много микрон],*

но где зато свободно употребляются все Num.

(v) *Несколько* соединяется предпочтительно со счетной формой мн. числа: *несколько человек <грамм, бит, ангстрем, ..., цветков>*, хотя родительный падеж тоже остается возможным (*несколько людей <граммов, битов, ангстремов, цветов>*). В то же время типовые Adv (колич) требуют только родительного падежа: *много <немало, достаточно, до фига, ...> людей* [но не **человек*] и т.п.

(vi) Форма **несколькие* не существует, так что противопоставление типа *много vs. многие* для НЕСКОЛЬКО невозможно; поэтому здесь меньше оснований отрицать трактовку сочетаний *нескольких S, несколькими S* и *несколькими S* как форм косвенных падежей сочетания НЕСКОЛЬКО + S. Впрочем, одно основание все же остается: (по) *нескольку vs. несколькими*, ср. **по несколькими разам* [надо: (по) *нескольку раз*].

Особенности (i)-(vi) показывают, что *несколько* гораздо ближе к Num, чем прочие Adv (колич). (Это имеет, по-видимому, чисто семантическое объяснение: *несколько* характеризует неопределенное не слишком большое количество - грубо говоря, от 4 до 9, - но характеризует его абсолютно, как все числительные, т.е. безотносительно к типу объектов, ситуации, мнению говорящего и т.п. Указанная особенность еще отчетливее проявляется в украинских *кілька* [от 4 до 9], *кільканадцять* [от 11 до 19] и *кількадесят* [от 30 до 90], семантика которых еще ближе к семантике "настоящих" числительных.⁵)

Промежуточное положение занимают наречия *скільки* и *стільки*: они тоже отличаются от *много*, но не так значительно, как *несколько*.

Можно сказать, что Adv_(колич) образуют более или менее непрерывный ряд, на одном конце которого находится большое число наречий и наречных речений типа *много* - совсем далеких от Num и употребляющихся в конструкции типа *много* $\xrightarrow{1 \text{ компл}}$ S; на другом конце ряда - наречие *несколько*, настолько близкое к Num, что если бы других Adv_(колич) не было вовсе, то его можно было бы считать числительным без слишком больших натяжек. А между *много* и *несколько* располагаются такие лексемы, как *сколько* и *столько*. (Отметим, что *сколько* и *столько* в значении 'очень много' относятся к типу *много*, требуя, в частности, только родительный множественного, но не счетную форму: *Сколько людей* <*человек> там било! или *Там било столько людей* <*человек>! В значениях же 'какое количество?' и 'такое количество' эти лексемы допускают оба варианта: *Сколько человек* <всего людей> пришло? и *Пришло столько же человек* <людей>, *сколько и в прошлый раз.*)

Относительно подобного ряда возможны в принципе два решения.

- Либо весь этот ряд считается единым, т.е. признается, что Adv_(колич) типа *много* слишком многочисленны и тянут *несколько* в свою сторону так дружно, что и эта лексема по аналогии с *много* и ему подобными должна быть зачислена в Adv_(колич) (с многочисленными оговорками, разумеется).

- Либо этот ряд разбивается, и *несколько* (а также, возможно, *столько* и *сколько*) включаются в состав числительных. При этом аналогии с *много* признаются недостаточными, а внешний параллелизм конструкций (36) и (37) - обманчивым:

(36) *много студентов* - *многими студентами*

и

(37) *несколько студентов* - *несколькими студентами*

трактуются тогда на поверхностно-синтаксическом уровне совсем по-разному, а именно:

(36') МНОГО $\xrightarrow{1 \text{ компл}}$ СТУДЕНТЫ vs. МНОГИЕ $\xleftarrow{\text{опред}}$ СТУДЕНТЫ,

но

(37') НЕСКОЛЬКО $\xleftarrow{\text{колич}}$ СТУДЕНТЫ, НЕСКОЛЬКИЕ $\xleftarrow{\text{колич}}$ СТУДЕНТЫ.

Такое решение тоже потребует ряда специальных оговорок, поскольку *несколько* по своим употреблениям все-таки не совпадает и с Num.

В пользу второго решения имеется следующий теоретический довод (указанный мне Н.А.Еськовой). Если бы *несколько, сколько и столько* были признаны числительными, то они образовали бы среди Num подкласс местоименных Num. В русском языке имеются местоименные S (*я; он; кто?; кто-то, ...*), A (*всякий; какой?; который*), V ("*местоглаголие*" М.В.Панова: *что делать?; делать это*) и Adv (*там; где?; теперь*). Наличие местоименных Num сделало бы систему более стройной.

В то же время, описание русских KB усложнилось бы не чрезмерно: просто в соответствующих синтагмах надо добавить там, где это требуется, запреты на Num_(мест) (аналогично запретам на Num_(лич-кол) и т.п.). Тем не менее, склоняясь ко второму решению, я пока не рискнул отразить его в описании русских KB; в этой книге данный вопрос по-просту обойден молчанием.

Во-вторых (см. "во-первых" на стр. 316), числительное может быть сочинено с Adv_(колич) (хотя далеко не со всяким):

(38) а. один или несколько случаев

(впрочем, возможно, что *несколько* - это Num_(мест), что отмечалось выше);

б. - *А мне не все равно, сможешь ли ты один <два> или много раз!*

Это, разумеется, усложняет описание формальных (= морфологических) соответствий между числительным и существительным и создает достаточно парадоксальную ситуацию. Тем не менее, ничего страшного для нашей трактовки сочетаний Adv_(колич) + S в этом нет. Напомню, что выше (стр. 88 - 91) уже рассматривался один очень похожий случай: сочинение числительного с существительным - в конструкциях типа *с двумя или миллионом случаев, к шести и большому числу случаев* и т.п. И вообще, вполне обычна (во всяком случае, в русском языке) следующая картина:

- элементы класса X обязательно подчиняются элементам класса Z (т.е. $X \xleftarrow{r_1} Z$);

- элементы класса Y обязательно подчиняют элементы класса Z (т.е. $Y \xrightarrow{r_2} Z$);

- тем не менее, возможна сочиненная цепь элементов X-а и Y-а, вся в целом зависящая от элемента Z-а,

т.е.:
$$\begin{array}{c} \Gamma_1 \\ \downarrow \quad \uparrow \\ X \xrightarrow{\text{однор}} Y \quad Z \end{array}$$

Кроме случаев, где X = числительное, Y = количественное существительное или количественное наречие, а Z = существительное (два или миллион раз, один или много слушателей), типичным является случай с X = прилагательное, Y = существительное и Z = существительное:

(39) с автомобильным, железнодорожным и другими видами транспорта.

Факты типа (39) должны учитываться в правилах согласования русских прилагательных, а также в синтагмах, описывающих морфологическое оформление S, зависящих от предлога.⁶

СНОСКИ

1. (К стр. 312.) Мы сознательно отвлекаемся здесь от вопроса о том, что это за форма, т.е. следует ли считать *много* формой именно дательного падежа и притом именно от наречия. Напомним, что Э.Салёни предлагал приписывать подобным наречиям именительный и винительный падежи (стр. 308), так что сама по себе идея о наличии у некоторых наречий частичных парадигм не должна считаться такой уж дикой (ср. еще разг. к *завтраму*, до *завтраго*). В то же время можно было бы подумать и о том, чтобы относить лексемы типа МНОГО к существительным, хотя такое решение кажется мне сомнительным - ср., в частности, формы сравнительной степени: *много* - *больше* и *мало* - *меньше*. Впрочем, здесь ответ на все подобные вопросы, сами по себе весьма интересные, для наших целей несущественен.
2. (К стр. 312.) Именно в этом месте Любо Дюрович задал мне удивленный вопрос: "А почему *много* и ему подобные считаются именно наречиями? Что общего, например, между *много* {→ *книг*} и [*приехал* →] *вчера*?" Ответить на этот резонный вопрос не так просто, а главное - ответ совершенно нерелевантен в рамках данной книги. Единственная цель Экскурса 7 - чисто отрицательная: показать, что лексемы и фразеологизмы типа МНОГО не должны включаться в один класс с числительными и тем самым вывести их за пределы нашего рассмотрения. Куда же они должны включаться, это, в некотором смысле, не наше дело, и этикетка "количественные Adv" предлагается просто в качестве рабочей гипотезы. Тем не менее, поскольку это проблема так или иначе затронута, я позволю себе высказать несколько соображений относительно причисления МНОГО и т.п. к наречиям, не претендуя на их окончательность.

На вопрос, почему я зачисляю МНОГО, МАЛО и т.п. именно в наречия, я отвечаю: "А куда вы хотите, чтобы я их зачислил?" (в духе героя еврейского анекдота - специалиста по обрезаниям, который вывесил в своей витрине будильник и на вопрос, почему именно будильник, отвечал: "А что вы хотите, чтобы я вывесил?"). И в самом деле, считать МНОГО прилагательным, глаголом, предлогом или союзом очевидным образом невозможно. Известная синтаксическая близость к существительным у МНОГО имеется: МНОГО (без зависимого S) выступает в роли

подлежащего, прямого дополнения и обстоятельства длительности, см. (25) на стр. 311. Однако, во-первых, такие употребления возможны лишь в весьма специфичных контекстах, а во-вторых, МНОГО не может фигурировать во всех прочих субстантивных ролях: косвенные дополнения всех типов, дополнение к предлогу, приложение и т.п. В то же время, лексема МНОГО и сходные с ней выражения имеют некоторые синтаксические особенности, типичные именно для наречий, в первую очередь, употребление в роли обстоятельства:

(i) Он много [≠ 'усиленно', 'интенсивно'] работает.

(ii) Сначала он чёрт знает сколько [= 'долго'] возится, а потом спешит.

(iii) - Я Ваше письмо чуть-чуть [= 'слегка'] поправил.

Далее, МНОГО и т.п. модифицируются типично наречными выражениями ОЧЕНЬ, БЕЗУМНО, СОВСЕМ, ..., каковые не могут зависеть от S. Наконец, МНОГО и МАЛО имеют, как указывалось в сноске 1, степени сравнения, что невозможно для S.

Заметим еще, что состав русских наречий и в самом деле очень пестр. Между *вчера* и *быстро*, *вчера* и рядом (с) или *между* *вчера* и *очень* тоже не так уж много общего, во всяком случае - не больше, чем между *вчера* и *много*. Поэтому я считаю, что МНОГО и ему подобные выражения могут описываться как особый подкласс наречий [= Adv(колич)]. Возможная альтернатива - признать их отдельной частью речи - в настоящий момент не кажется мне убедительным решением; я, однако, не могу продолжать здесь ее обсуждение. Не рассматривая я также и вопрос о том, не следует ли различать две лексемы МНОГО: МНОГО 1 (как в *много* *детей* <хлеба, страсти>) и МНОГО 2 (как в *много* *работает*); для наших целей в этой книге ответ на указанный вопрос несущественен.

3. (К стр. 313.) Обозначения дробных долей - *половина*, *треть*, *шесть тринадцатых*, ... - признаны в этой книге существительными; поэтому сочетания вроде *половина* *муки*, *три седьмых* *шоколада* или *0,2* *бумаги* не противоречат сказанному выше. Не противоречат этому и выражения типа *три борща*, *четыре пива*, *шесть кефиров*, обозначающие порции соответствующих блюд или напитков; см. Экскурс 1, стр.
4. (К стр. 316.) Ср. следующую ходячую шутку:
 - Два волоса, это много или мало?
 - А это смотря где. На голове - мало, в супе - много.
5. (К стр. 317.) В данной связи уместно привести следующий польский пример:
 - (i) *Pokażmy jak wyglądała ta seks-bomba przed dwudziestu kilku laty* 'Покажем, как выглядела эта секс-бомба лет двадцать с хвостиком тому назад'.
 Польское *kilka* 'несколько', способное входить в составные Num, скорее всего, является числительным.
6. (К стр. 320.) Семантика и синтаксис слов типа МНОГО, МАЛО, НЕМАЛО, НЕСКОЛЬКО характеризуются в Larson 1973 и 1978.

ЭКСКУРС 8

О лексемах ТРЕТЬ и ЧЕТВЕРТЬ

В Worth 1959: 119 *треть* и *четверть* считаются числительными (хотя там же - стр. 130 - подчеркивается их промежуточный характер: "они могут функционировать и как не-числительные"; это, по-видимому, следует понимать в том смысле, что у обеих этих лексем надо усматривать и другие значения - существительные). В подтверждение хотя бы отчасти "числительной" природы лексем ТРЕТЬ и ЧЕТВЕРТЬ Д. Уорт приводит следующие три довода (и соответствующие примеры):

(i) В *добрых* <*целих*> *четверть часа* формы *добрых* и *целих* свидетельствуют о том, что *четверть* - числительное; ср. *добрых* <*целих*> *две тонны*, но **добрых* <**целих*> *десяток тонн*: надо *добрий* <*целый*> *десяток тонн*.

(ii) При *четверть* употребляется счетная форма существительного: *четверть часа* (возможно и *четверть ча́са*); ср. *пятая* (*часть*) *ча́са* <**часá*>.

(iii) С сочетанием *четверть* + S сказуемое согласуется, как с любым сочетанием Num + S, т.е. в ед. числе (в прошедшем времени - в среднем роде): *Осталось четверть часа*. (Возможно также и *Осталась всего четверть ча́са*.)

К примерам Уорта стоит добавить еще два:

(1) а. Он умрёт в ближайшие *четверть суток* [А. и Б. Стругацкие, "Полдень, XXII век", М., 1975: 195].

б. За последние *четверть столетия* береговая линия сильно отодвинулась.

Теперь рассмотрим все эти примеры и сделаем из них необходимые выводы.

Во-первых, ни в одном примере не фигурирует лексема ТРЕТЬ. Это не случайно: ТРЕТЬ и не может выступать ни в одной из указанных конструкций. Ср.:

(2) а. **добрых* <**целих*> *треть часа* [надо: *Прождал добрую* <*целую*> *треть часа*; *Прошла добрая* <*целая*> *треть ча́са*]; **треть часа* [надо: *треть ча́са*];

б. **Осталось* (ещё) *треть часа* [надо: *Осталась* ещё *треть ча́са*].

- в. *в ближайше треть суток, *за последние треть сто-
летия [надо: в ближайшую треть суток, за последнюю
треть столетия].

Отсюда сразу же следует, что лексема ТРЕТЬ вовсе не имеет никаких "числительных" свойств и была зачислена в числительные, скорее всего, по недоразумению (просто по аналогии с ЧЕТВЕРТЬ, хотя в действительности, как мы видим, их поведение вовсе не аналогично). В действительности, ТРЕТЬ - такое же S, как, скажем, ПОЛОВИНА или (одна) ТРЕТЬЯ.

Во-вторых, лексема ЧЕТВЕРТЬ действительно обладает указанными "числительными" свойствами, но только в нескольких строго определенных контекстах.

1) Формы типа *добрѣх* и *целих* возможны при *четверть* лишь при условии, что "исчисляемое" S - нереферентно; обычно это S бывает названием единицы измерения:

(3) а. На это ушло *добрѣх* <*целих*> *четверть* *века*.

б. Ему привезли *добрѣх* <*целих*> *четверть* *тонни ананасов*.

в. Коле выделили для работы *добрѣх* <*целих*> *четверть* *комнати* [т.е. площадь размером в четверть комнаты: никакая конкретная комната в виду не имеется].

г. Коле выделили для работы *добрѣх* <*целих*> *четверть* *нашей комнаты*.

"Обычные" числительные никаких не реагируют на референтность/нереферентность "исчисляемого" S (*Нам нужны две комнаты - Ему выделили две наших комнаты* и т.п.), так что в этом отношении лексема ЧЕТВЕРТЬ оказывается весьма специфичной. Эту специфичность, однако, ЧЕТВЕРТЬ разделяет с существительными типа МИЛЛИОН (см. Экскурс 6, стр. 299, примеры (11) - (14)), которые тоже допускают при себе формы *добрѣх* и *целих*, но только если зависящее от них S нереферентно.

2) Что касается счетных форм, то при ЧЕТВЕРТЬ употребляется счетная форма только от ЧАС: *четверть часа*, но **четверть ряда* <*шага*, *шара*> [надо: *четверть ряда* <*шага*, *шара*>]. Однако даже и счетная форма от ЧАС невозможна, если при ЧЕТВЕРТЬ есть зависимое числительное: *одна четверть часа* <**часа*>, *две* <*три*> *четверти часа* <**часа*>.

Впрочем, при числительном ПОЛ¹ тоже допустима (и обязатель-

на) счетная форма только от ЧАС: *полчасá*, но *полрjада*, *полшага*, *полшара* < **полрjада*, **полшага*, **полшара*>.

3) Согласование сказуемого по среднему роду само по себе не доказывает "числительного" характера лексемы ЧЕТВЕРТЬ, поскольку точно так же сказуемое может согласовываться и с существительным типа МИЛЛИОН:

(4) а. *В этих колоссальных баках помещалось примерно миллион тонн сырой нефти.*

б. *Для этого нам понадобилось бы не менее чем миллиард аналогичных частиц [не менее чем считается наречием, зависящим от миллиард - наподобие наречий примерно или приблизительно; см. Экскурс 10, стр. 363].*

Однако подобное согласование сказуемого возможно только при нереферентности "исчисляемого" S, ср.:

(5) **Его приборами было занято [надо: ... была занята] примерно четверть нашей комнаты.*

4) Наконец, особое согласование прилагательных, наблюдаемое в (1) и (2), возможно также и с существительными типа МИЛЛИОН:

(6) а. *За очередные миллион лет существенных изменений не произойдет.*

б. *Однако следующие миллиард тонн будут добыты с морского дна.*

Все это показывает, как мне кажется, что особых оснований для того, чтобы считать лексему ЧЕТВЕРТЬ числительным, нет. Выражение *четверть часа* следует рассматривать отдельно - как фразеологизованное сочетание с особыми свойствами. Во всех остальных случаях ЧЕТВЕРТЬ гораздо ближе не к числительным, а к существительным типа МИЛЛИОН, т.е. к S_(колич) - но не к таким существительным, как ПОЛОВИНА, ДЕСЯТОК, СОТНЯ или (одна) ТРЕТЬЯ.

Итак, Д.Уорт справедливо поднял вопрос о синтаксическом статусе лексем ТРЕТЬ и ЧЕТВЕРТЬ: в связи с их употреблением возникает немало сложностей. Однако я отвечаю на этот вопрос иначе, чем Уорт. А именно, обе эти лексемы я не считаю числительными; ТРЕТЬ и ЧЕТВЕРТЬ, по моему мнению, существительные, но разных типов: ТРЕТЬ - обычное S, а ЧЕТВЕРТЬ - такое же, как МИЛЛИОН, МИЛЛИАРД и т.п. (поэтому конструкции типа (1) и (3) будут учитываться теми же синтагмами, что и конструкции типа (2) - (4) и (6)).

Аналогичная точка зрения высказана и в Супрун 1964: 8 (сноска), где ТРЕТЬ и ЧЕТВЕРТЬ также решительно отнесены к существительным; ср. еще Garde 1980: 190.

ЭКСКУРС 9

О типах синтагматических зависимостей между словоформами в тексте

В докладе Мельчук 1964а было введено различие ТРЕХ типов синтагматических зависимостей, возможных между словоформами в пределах одной фразы:

- морфологические,
- синтаксические и
- семантические зависимости.

Содержание указанного доклада (с необходимыми уточнениями и дополнениями) удобно резюмировать в виде трех следующих пунктов:

- I. Типы зависимостей между словоформами.
 - II. Возможные комбинации типов зависимостей между двумя словоформами.
 - III. К понятию синтаксической зависимости.
- Рассмотрим эти пункты по порядку.

I

Типы зависимостей между словоформами

Будем рассматривать в качестве элементарных (т.е. далее не разложимых) единиц фразы отдельные словоформы, точнее - глубинно-морфологические представления словоформ, поскольку реальный вид словоформ в данном отношении несущественен.

Глубинно-морфологическое представление (ГМП) словоформы - это выражение вида L_{χ} , где L - имя соответствующей лексемы, т.е. заглавное слово некоторой словарной статьи, а индекс χ - полная морфологическая характеристика данной словоформы, т.е. цепочка значений всех ее морфологических переменных.

Например:

(1) а. ГМП(текстов) = ТЕКСТ_{мн, род}

б. ГМП(использовалась) = ИСПОЛЬЗОВАТЬ_{несов, возвр, прош, же}

в. ГМП(полной) = $\left\{ \begin{array}{l} \text{ПОЛНЫЙ} \text{ жен, ед, род} \\ \text{ПОЛНЫЙ} \text{ жен, ед, дат} \\ \text{ПОЛНЫЙ} \text{ жен, ед, твор} \\ \text{ПОЛНЫЙ} \text{ жен, ед, предл} \end{array} \right.$

(словоформа *полной* морфологически четырехзначна).

Однако в поверхностно-синтаксической структуре фразы используется сокращенное, или *частичное*, ГМП словоформ. Это ГМП, где опущены те значения морфологических переменных, которые полностью обусловлены синтаксической структурой; иначе говоря, те морфологические значения, которые являются просто маркерами поверхностно-синтаксических связей. Так, для вышеприведенных примеров мы имеем:

- (1') а. ГМП^{част}(*текстов*) = ТЕКСТ_{мн} [опущен индекс "род", ибо падеж навязывается управлением];
- б. ГМП^{част}(*использовалась*) = ИСПОЛЬЗОВАТЬ_{несов,возвр,прощ} [опущен индекс "жен", ибо род глагола-сказуемого навязывается согласованием с подлежащим];
- в. ГМП^{част}(*полной*) = ПОЛНЫЙ [опущены все морфологические значения, ибо они навязываются согласованием с определяемым существительным].

Понятие частичного ГМП словоформы понадобится нам ниже, при описании понятия синтаксической зависимости.

Целесообразно различать по крайней мере три типа СИНТАГМАТИЧЕСКИХ ЗАВИСИМОСТЕЙ между словоформами фразы:

А. Морфологические (или чисто формальные) зависимости.

Б. Синтаксические (или формально-смысловые) зависимости.

В. Семантические (или чисто смысловые) зависимости.

Существуют и другие синтагматические связи между словоформами в тексте, однако совершенно иной природы. Укажем, в частности, два примера.

- Анафорическая связь. Когда словоформы w_1 и w_2 обозначают один и тот же конкретный объект действительности, между ними устанавливается анафорическая связь. Так, в отрывке из М.Ю.Лермонтова

(2) *Так две волны несутся дружно... - Их гонит вместе ветер южный*

имеется анафорическая связь между *две волны* и *их*. (Анафорическая связь возможна, разумеется, и между словоформами из двух разных фраз.)

- Совместное вхождение двух словоформ в тему (или в рему) фразы. Подобные связи не являются зависимостями (в частности, они симметричны)¹ - и здесь нас интересовать не будут. Речь пойдет исключительно о трех только что названных типах синтагмати-

ческих зависимостей; при этом следует иметь в виду, что предлагаемые описания этих типов отнюдь не претендуют на статус строгих определений: это всего лишь наброски определений, которые еще предстоит построить.

А. Морфологические зависимости

- (А) Будем говорить, что в данном высказывании словоформа w_1 морфологически (непосредственно) зависит от словоформы w_2 , если значение хотя бы одной из морфологических переменных словоформы w_1 зависит от w_2 (безразлично, от морфологической характеристики w_2 или от ее синтактики).

Например, во фразе (3):

- (3) *И на груди её булжнкой*

Блестит роса серебряным сосцом [В.Хлебников] - прилагательное *булжнкой* морфологически (непосредственно) зависит от существительного *грудь* - по роду, числу и падежу: ср. *на лбу булжн^ом*, *на грудях булжн^ных*, *в грудь булжн^ную*. В этой же фразе *грудь* морфологически зависит от *на* - по падежу (ср. *над грудью* или *в грудь*), а *блестит* зависит от *роса* - по числу и лицу (ср. *блестят росы*, *блестишь ты*).

Морфологическая зависимость имеет три существенные особенности.

Во-первых, во всяком языке имеются морфологически неизменяемые слова, которые - именно в силу своей неизменяемости - никогда не бывают морфологически зависимыми от какого-либо другого слова фразы. Таковы, в частности, в русском языке предлоги, союзы, частицы, междометия; вследствие их наличия морфологические зависимости в русской фразе в общем случае не образуют связной структуры. Вот, например, морфологические зависимости (показаны стрелками вида $\xrightarrow{\text{morph}}$, направленными от главного слова к зависимому) во фразе (4):

- (4) *Берези не рядите в ряски,*
-

Чтоб девичью хранить их честь [Л.Мартынов].

Более того, в изолирующих языках (китайский, вьетнамский, тайский, кхмерский, многие тибето-бирманские, индонезийский, ряд западно-африканских - типа йоруба и т.д.) вовсе не бывает морфологических зависимостей между словоформами в тексте. Поэтому морфологические зависимости должны быть признаны в некотором смысле маргинальным типом синтагматических зависимостей - любой язык иногда, а некоторые языки всегда обходятся без них.

Во-вторых, морфологическая зависимость может быть двусторонней в следующем смысле: w_1 зависит от w_2 по своей морфологической переменной $\chi_i(w_1)$, а w_2 зависит от w_1 по своей переменной $\chi_j(w_2)$, $i \neq j$. Например, в *две волны* словоформа *две* морфологически зависит от *волн* по роду (ср. *два вала*), а *волн* - от *две* по числу (ср. *пять волн*) и падежу (ср. *одна волна* или *Волны несутся*). Подобная двусторонняя зависимость особенно характерна для языков с эргативной конструкцией такого типа, при котором падеж подлежащего зависит от времени/вида глагола, а лицо и число глагола - от лица и числа подлежащего. Ср., например, в грузинском:

(5) а. *Is* [ном,ед] *ambob-s* [3 ед,презент], *rom...*

'Он говорит, что...'

Man [эрг,ед] *tkv-a* [3 ед,аорист], *rom...*

'Он сказал, что...'

(*amb-* и *tkv-* - супплетивные основы одного и того же глагола *tkma* 'говорить/сказать');

Mav [дат,ед] *utkvam-s* [3 ед,перфект], *rom...*

'Он, оказывается, сказал, что...'

vs.

б. *Isini* [ном,мн] *ambob-en* [3 мн,презент], *rom...*

'Они говорят, что...'

Mat [эрг,мн] *tkv-es* [3 мн,аорист], *rom...*

'Они сказали, что...'

Mat [дат,мн] *utkvam-(s)t* [3 мн,перфект], *rom...*

'Они, оказывается, сказали, что...'

В языках с полиперсонным спряжением глагола и с падежным словоизменением существительного (в частности, в том же грузинском или в чукотско-камчатских) совершенно аналогичная двусторонняя морфологическая зависимость связывает глагол с его дополнениями: падеж дополнения зависит от глагола, а объектное лицо и объектное число (в грузинском - еще и версия) глагола

зависят от лица и числа дополнения.

В-третьих, поскольку у слова может быть несколько морфологических переменных, оно может морфологически зависеть сразу от нескольких других слов. Так, в (6):

(6) Она кажется совсем больной vs. Он кажется совсем больным

прилагательное *больной* зависит по роду и числу от *она/он*, а по падежу - от *кажется* (ср. *Она лежит совсем больная* <**больной*>).

Грузинский личный глагол может морфологически зависеть сразу от трех слов: от подлежащего, прямого дополнения и косвенного дополнения. В табасаранском языке глагол-сказуемое может морфологически зависеть как от подлежащего (по классу), так и от дополнения или обстоятельства или даже от некоторого определения (= лично-притяжательного прилагательного) к подлежащему, дополнению или обстоятельству (по лицу-числу):

(7) а. *Иц мудур учвуьна гве-б-гну-йиц*

'Наш козлёнок к-вам убежал-наш'

или

б. *Иц мудур уччуьна гве-б-гну-чуьна*

'Наш козлёнок к-вам убежал-к-вам',

где *-б-* в составе глагольной словоформы указывает

на класс подлежащего (ср. *Мурад гве-р-гну* 'Мурад

убежал' - с подлежащим другого класса), а суффиксы -

на лицо и число либо определения к подлежащему

('наш'), либо дополнения или обстоятельства ('к вам').

Б. Синтаксические зависимости

Пусть имеется синтаксическая единица *U* - словоформа (т.е. элемент некоторой лексемы), словосочетание, предложение или целая фраза. Назовем набором пассивных поверхностно-синтаксических валентностей единицы *U* список конструкций, или, точнее, поверхностно-синтаксических ролей, в которых *U* способна выступать либо в качестве зависимого (= подчиненного) компонента, либо в качестве абсолютной вершины. Подчеркнем, что способность *U* быть абсолютной вершиной, т.е. не зависеть ни от чего, рассматривается как частный случай ее способности зависеть от единиц определенных типов U^1 , U^2 , U^3 , ... Набор пассивных ПС-валентностей

единицы U обозначается $VAL_{\text{пасс}}^{\text{ПС}}(U)$. Примерный набор пассивных ПС-валентностей русского существительного указан выше, в главе II, стр. 63.

Рассматривая пассивные ПС-валентности, следует постоянно иметь в виду следующие важные положения (ср. тезисы 1-3, глава II, стр. 66 - 67):

- ПС-валентности некоторой единицы определяются только относительно ПС-структур, а не реальных фраз.
- При изучении ПС-валентностей учитываются ПС-структуры только полных (= не-эллиптических) фраз.
- ПС-валентности определяются с учетом только чисто грамматической правильности структур (семантическая правильность, осмысленность и т.п. игнорируются).

Поскольку в ПС-структуре каждая словоформа изображается своим ЧАСТИЧНЫМ ГМП (т.е. без синтаксически обусловленных морфологических значений), набор $VAL_{\text{пасс}}^{\text{ПС}}$ конкретной словоформы w должен интерпретироваться как $VAL_{\text{пасс}}^{\text{ПС}}(L(w))$, т.е. как набор пассивных ПС-валентностей соответствующей леммы. Таким образом, пассивные ПС-валентности, или "синтаксический потенциал", некоторой словоформы определяется исключительно ее лексическими (= лексикографическими) свойствами. Синтаксически обусловленные морфологические значения выступают как показатели насыщения валентностей, т.е. как маркеры актуальных синтаксических связей. Например, тот или иной падеж русского S не меняет его пассивную ПС-валентность, каковая зависит только от основы данного S ; этот падеж, отсутствующий в поверхностно-синтаксической структуре фразы, сигнализирует в глубинно-морфологической структуре той же фразы конкретную ПС-роль, выполняемую существительным.

Имея в виду все вышеприведенные пояснения, мы можем теперь обратиться к синтаксической зависимости. Строго говоря, это понятие определяется достаточно сложной СИСТЕМОЙ КРИТЕРИЕВ (см. раздел III ниже). Здесь я укажу лишь один из них - тот, который кажется мне наиболее важным; это позволяет предложить, в качестве предварительной иллюстрации, цельную, хотя и грубую картину всех зависимостей.

(Б) Будем говорить, что в данном высказывании словоформа w_1 синтаксически (непосредственно) зависит от словоформы w_2 , если набор пассивных ПС-валентностей словосочетания w_1 — w_2 определяется (полностью или хотя бы преимущественно) набором пассивных ПС-валентностей словоформы w_2 .

(Б) означает, в частности, что пассивные ПС-валентности словосочетания w_1 — w_2 не зависят или слабо зависят от набора пассивных ПС-валентностей словоформы w_1 . Напомним, что набор пассивных ПС-валентностей есть по-просту список синтаксических ролей, так что слова "набор пассивных ПС-валентностей определяется полностью или преимущественно..." следует понимать в смысле '[нечто] определяет все или хотя бы большинство элементов этого списка'.

Прямая синтаксическая зависимость изображается стрелкой synt →, направленной от главного слова к зависимому.

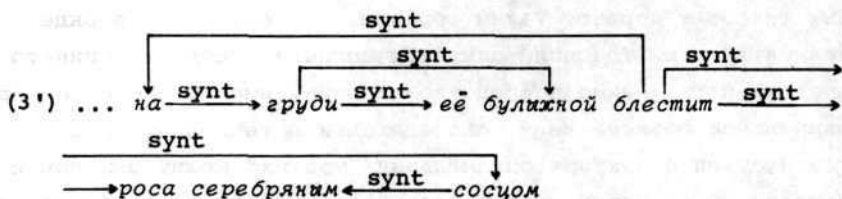
Мое предложение определять синтаксическое главенствование через навязывание пассивных ПС-валентностей всему выражению отнюдь не является чем-то абсолютно новым. Так, более тридцати лет назад Ч.Бейзел писал: "В бинарном словосочетании главным является тот член, функции которого суть функции всего словосочетания в целом" (Bazell 1949: 6; ср. также Bazell 1950: 11). Ряд аналогичных попыток указывается в сноске 6, стр. 360. Я постарался, однако, добиться более высокого уровня формализации.

Перейдем к примерам.

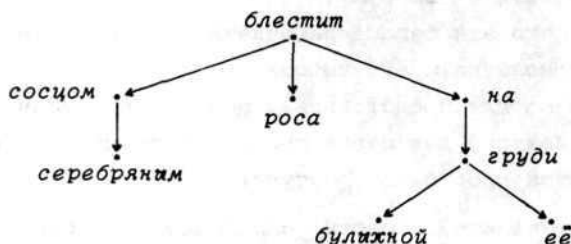
В (3) прилагательное *серебряным* синтаксически непосредственно зависит от существительного *сосцом*, поскольку выражение *серебряным сосцом* может выступать в качестве синтаксически зависимого члена практически в тех же самых конструкциях, что и *сосцом*; наличие определения *серебряным* никак не сказывается на пассивных ПС-валентностях выражения в целом. Существительное *груди* синтаксически зависит от предлога *на*, поскольку пассивные ПС-валентности сочетания *на груди* целиком определяются предлогом. Наконец, *роса* синтаксически зависит от *блестит*, поскольку основные пассивные ПС-валентности предикативной группы *роса блестит* — а именно, способность образовывать полное самостоятельное высказывание и способность образовывать придаточные предложения, вводимые подчинительными союзами *когда*, *что* и т.п.,

- определяются только наличием личного глагола-сказуемого (ср. *Он заявил, что изящнейшая ножка).

Система синтаксических зависимостей для фразы (3), т.е. ее ПСС, выглядит следующим образом:

Нетрудно видеть, что (3') по существу представляет собой дерево (в математическом смысле термина), точнее говоря - дерево зависимостей:

Дерево зависимостей используется в настоящей книге как единственное формальное средство изображения ПС-структур. Я не могу вдаваться здесь в подробности, относящиеся к общей теории синтаксических зависимостей (см., в частности, Mel'čuk 1979: 3-21). Хотелось бы, однако, отметить, что выбор дерева зависимостей для ПСС не случаен, а диктуется одной из наиболее глубоких антиномий естественного языка: принципиально линейная, развертывающаяся во времени речь отображает принципиально нелинейные, многомерные семантические структуры (Tesnière 1959: 19-21). В силу этого семантическая структура фразы формально описывается как сеть (произвольный граф без циклов); морфологическая же структура фразы есть линейный граф - цепочка словоформ. Тогда естественно потребовать, чтобы синтаксическая структура фразы, т.е. нечто ПРОМЕЖУТОЧНОЕ между семантической и морфологической структурами, была по возможности именно промежуточным образованием, т.е. чтобы она была, так сказать, равноудалена и

от семантической и от глубинно-морфологической структур фразы. С чисто формальной точки зрения это требование приводит к тому, что для синтаксической структуры (= для изображения синтаксических связей) выбирается наиболее простой² из нелинейных графов - дерево. Таким образом, тот факт, что в ряде грамматических традиций синтаксические зависимости принято представлять именно посредством дерева, имеет, возможно, принципиальное объяснение - подсознательную тенденцию видеть в синтаксической структуре оптимальный "мостик" между смыслом и текстом, т.е. между семантической структурой фразы (почти произвольный граф - сеть) и глубинно-морфологической структурой фразы (линейный граф - цепочка глубинно-морфологических представлений отдельных словоформ).

Очевидно, что эти беглые замечания не могут заменить серьезного обоснования моего выбора дерева зависимостей в качестве формализма для представления поверхностно-синтаксических структур. Поэтому для целей последующего изложения этот выбор принимается просто как постулат.

Здесь, по-видимому, уместно следующее разъяснение. У читателя может создаться впечатление, будто в (Б) - предлагаемой схеме определения синтаксической зависимости - имеется порочный круг: в самом деле, понятие синтаксической зависимости определяется через пассивные ПС-валентности, а понятие пассивной ПС-валентности само включает в себя способность синтаксически зависеть от тех или иных (типов) словоформ. Тем не менее, порочного круга тут не получается - за счет того, что в понятие пассивной ПС-валентности входит еще и способность быть полным самостоятельным высказыванием (т.е. способность ни от чего не зависеть), и именно эта способность постулируется как интуитивно очевидная для личного глагола. (Можно даже, по-видимому, сказать, что личный глагол должен определяться исключительно через эту способность.) Иначе говоря, я предлагаю принять "вершинный характер" лично-глагольного сказуемого в качестве аксиомы, а затем сводить к этому случаю, возможно - через много ступеней, все интуитивно не очевидные (т.е. спорные) случаи синтаксических зависимостей.

Особенности синтаксической зависимости резко отличают ее от морфологической.

Во-первых, синтаксическая зависимость универсальна (в противоположность морфологической): нет естественных языков, в которых были бы неизвестны синтаксические зависимости, и ни в одном языке нет таких слов, которые никогда не участвовали бы в синтаксических зависимостях. В любой фразе любого языка синтаксические зависимости связывают обязательно в с е словоформы, т.е. образуют связную структуру: во фразе не может быть слова, которое не было бы синтаксически связано ни с одним другим словом этой фразы.

Во-вторых, синтаксическая зависимость не может быть двусторонней: если в некоторой фразе w_1 синтаксически зависит от w_2 , то в той же самой фразе w_2 никогда синтаксически не зависит от w_1 . С одной стороны, это содержательно вытекает из нашего понимания синтаксической зависимости как навязывания хозяином своих пассивных ПС-валентностей всему сочетанию "хозяин + слуга" в целом; с другой стороны, таковы свойства дерева как математического объекта.

В-третьих, в данной фразе всякая словоформа может синтаксически зависеть только от одной другой словоформы (условие единственности синтаксического хозяина); это имеет точно такие же содержательные и формальные объяснения, что и условие односторонности синтаксической зависимости.

В. Семантические зависимости

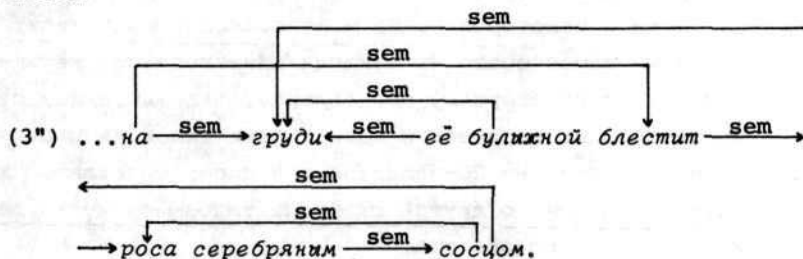
(В) Будем говорить, что в данном высказывании словоформа w_1 семантически (непосредственно) зависит от словоформы w_2 , если смысл словоформы w_2 описывается в словаре данного языка предикатом $P_{w_2} = 'w_2'$, а смысл $'w_1'$ является в данном высказывании аргументом этого предиката $'w_2(\dots, w_1, \dots)'$.

В случае, когда w_1 семантически непосредственно зависит от w_2 , мы будем писать $w_1 \xleftarrow{\text{sem}} w_2$.

Например, во фразе (3) словоформа *сосюм* семантически зависит от словоформы *серебряним*, поскольку *серебряный* = 'серебряный(X)', а в (3) имеет место 'серебряный(сосед)'. Далее,

блестит и *грудь* семантически зависят от *на*: смысл 'на' описывается двухместным предикатом 'X [имеет место] на поверхности Y-а' и в (3) мы имеем 'на-поверхности(блестеть, грудь)', т.е. 'блеск(роса) имеет место на поверхности груди'. Наконец, [*блестеть*] *сосцом* = 'P(X), причем X выглядит как сосец', и поэтому *роса* семантически зависит от *сосец*: 'выглядеть-как-сосец(роса)'; а так как *сосец* = '[быть] часть женской груди - небольшая выпуклость, через которую поступает молоко...' и, следовательно, 'сосец(грудь)', то в (3) словоформа *грудь* также семантически зависит от *сосцом*.

Таким образом, система семантических зависимостей во фразе (3) такова:

Резюмируем особенности семантической зависимости.

Во-первых, семантическая зависимость универсальна - так же, как и синтаксическая: она известна всем естественным языкам и всем словам любого языка; в любой фразе семантические зависимости образуют связную структуру.

Во-вторых, опять-таки аналогично синтаксической зависимости, семантическая зависимость бывает только односторонней, т.е. в пределах одной фразы невозможно одновременно ' $w_1(w_2)$ ' и ' $w_2(w_1)$ '.

В-третьих, в отличие от синтаксической зависимости и сходно с морфологической, семантическая зависимость отнюдь не требует единственности хозяина: в данной фразе относительно одного и того же объекта могут одновременно утверждаться разные предикаты. Так, во фразе (3) словоформа *грудь* семантически зависит от *булжной*, от *на*, от *её* и от *сосцом*.

Итак, морфологические, синтаксические и семантические зависимости между словоформами в тексте обладают очень разными свойствами, которые удобно подытожить в следующей таблице:

Тип зависимостей Свойство	Морфологические	Синтаксические	Семантические
1. Универсальность (т.е. обязательно ли имеется в любом языке)	нет	да	да
2. Связность (т.е. обязательно ли распространяется на все слова фразы)	нет	да	да
3. Односторонность (т.е. обязательно ли из $w_1 \rightarrow w_2$ следует, что $w_1 \not\leftarrow w_2$)	нет	да	да
4. Единственность жозяина (т.е. обязательно ли из $w_1 \rightarrow w_2$ следует, что $w_3 \not\rightarrow w_2$, если $w_1 \neq w_3$)	нет	да	нет

Морфологические зависимости служат, как правило, для маркировки синтаксических зависимостей, а эти последние - для маркировки семантических. Такие положение дел, однако, часто нарушается: из $w_1 \xrightarrow{\text{morph}} w_2$; вообще говоря, не следует $w_1 \xleftarrow{\text{synt}} w_2$, а из $w_1 \xleftarrow{\text{synt}} w_2$ не следует $w_1 \xleftarrow{\text{sem}} w_2$; более того, из наличия морфологической зависимости между двумя словоформами не следует даже наличие между ними какой-либо непосредственной синтаксической зависимости (аналогично - для синтаксических и семантических зависимостей).

Замечание. Промежуточный характер синтаксической зависимости, помещаемой между морфологической и синтаксической зависимостями, подчеркнут в Bazell 1950: 9: "Под синтаксическим отношением между элементами высказывания здесь понимается только такое отношение, которое может быть определено совершенно безотносительно как к смыслу, так и к морфологической форме высказывания".

II

Возможные комбинации типов зависимостей
между двумя словоформами

Охарактеризированные три типа синтагматических зависимостей логически независимы друг от друга. Следовательно, можно ожидать, что в естественных языках встречаются любые их комбинации. Рассмотрим соответствующий вопрос подробнее.

С точки зрения одной морфологической зависимости между словоформами w_1 и w_2 в данной фразе возможны ровно три соотношения:

- (а) w_1 и w_2 морфологически вообще не связаны;
- (б) w_1 морфологически зависит от w_2 (или наоборот);
- (с) w_1 и w_2 морфологически зависят друг от друга.

На эти три случая накладывается наличие/отсутствие непосредственной синтаксической зависимости между w_1 и w_2 , что - с учетом совпадения/несовпадения направления морфологической и синтаксической зависимости в случае (б) - дает семь соотношений:

	morph	synt
(а)	$\left\{ \begin{array}{l} 1. w_1 \quad w_2 \\ 2. w_1 \quad w_2 \end{array} \right.$	$\begin{array}{l} w_1 \quad w_2 \\ w_1 \leftarrow w_2 \text{ (или } w_1 \rightarrow w_2) \end{array}$
(б)	$\left\{ \begin{array}{l} 3. w_1 \leftarrow w_2 \\ 4. w_1 \leftarrow w_2 \\ 5. w_1 \leftarrow w_2 \end{array} \right.$	$\begin{array}{l} w_1 \quad w_2 \\ w_1 \leftarrow w_2 \\ w_1 \rightarrow w_2 \end{array}$
(с)	$\left\{ \begin{array}{l} 6. w_1 \rightleftarrows w_2 \\ 7. w_1 \rightleftarrows w_2 \end{array} \right.$	$\begin{array}{l} w_1 \quad w_2 \\ w_1 \leftarrow w_2 \text{ (или } w_1 \rightarrow w_2) \end{array}$

Соотношения (с6) и (с7), весьма интересные сами по себе, не добавляют по существу ничего нового в плане исчисления возможных комбинаций типов зависимостей между двумя словоформами в тексте и поэтому в дальнейшем они не учитываются. Однако поскольку двусторонняя морфологическая зависимость характерна как раз для русских числительных, являющихся основным объектом этой книги, соответствующие примеры приводятся в пункте 11.

Добавим теперь еще семантические зависимости:

		morph		synt		sem	
(a)	1. 1.	w ₁	w ₂	w ₁	w ₂	w ₁	w ₂
	1. 2.	w ₁	w ₂	w ₁	w ₂	w ₁ ← w ₂	
	2. 3.	w ₁	w ₂	w ₁ ← w ₂		w ₁	w ₂
	2. 4.	w ₁	w ₂	w ₁ ← w ₂		w ₁ ← w ₂	
	2. 5.	w ₁	w ₂	w ₁ ← w ₂		w ₁ → w ₂	
(b)	3. 6.	w ₁ ← w ₂		w ₁	w ₂	w ₁	w ₂
	3. 7.	w ₁ ← w ₂		w ₁	w ₂	w ₁ ← w ₂	
	3. 8.	w ₁ ← w ₂		w ₁	w ₂	w ₁ → w ₂	
	4. 9.	w ₁ ← w ₂		w ₁ ← w ₂		w ₁	w ₂
	4.10.	w ₁ ← w ₂		w ₁ ← w ₂		w ₁ ← w ₂	
	4.11.	w ₁ ← w ₂		w ₁ ← w ₂		w ₁ → w ₂	
	5.12.	w ₁ ← w ₂		w ₁ → w ₂		w ₁	w ₂
	5.13.	w ₁ ← w ₂		w ₁ → w ₂		w ₁ ← w ₂	
	5.14.	w ₁ ← w ₂		w ₁ → w ₂		w ₁ → w ₂	

Таким образом, между двумя словоформами произвольной фразы логически возможны 14 соотношений по морфологической, синтаксической и семантической зависимости. Проиллюстрируем эти соотношения примерами.

а.1.1. Отсутствие какой бы то ни было непосредственной зависимости: словоформы *на* и *серебряним* в (3), стр. 328.

а.1.2. Семантическая зависимость при отсутствии какой-либо иной: *грудь* семантически зависит от *сосцом* или *роса* зависит от *сосцом* в (3); см. также выше, стр. 335 - 336.

а.2.3. Синтаксическая зависимость при отсутствии какой-либо иной: в (3) *сосцом* синтаксически зависит от *блестит*, но ни морфологически, ни семантически эти два слова не связаны - морфологически форма *сосцом* в значении 'выгляда как сосец' может считаться независимой (если творительный сравнения признавать семантическим падежом), а семантически она выступает как хозяин для *роса*.

Хороший пример комбинации 3 дают японские количественные наречия:

(8) Яп. *Huransugo-no hon-o takusan yomimasita*
 французский язык - ГЕН книга - АКК много прочитал
 '[Он] прочитал много французских книг'.

Наречие *takusan* 'много', морфологически неизменяемое, синтакси-

чески зависит от глагола *yomimasita* 'прочитал'; семантически, однако, *takusan* связано с *hon* 'книга', ибо 'много(книга)'.
 В европейских языках обычен случай так называемого смещенного отрицания (Богуславский 1978а,б): морфологически неизменяемая отрицательная частица синтаксически зависит от глагола, тогда как семантически она связана с совсем другим словом. Например:

(9) а. Фр. *Tous les ordinateurs ne possèdent pas les trois hiérarchies de mémoires* [с семантической точки зрения, отрицается 'tous', а не 'posséder': 'Не все компьютеры обладают тремя типами памяти'].

б. Англ. *They did not die for the glory* [семантически, отрицается 'for the glory', а не 'die': 'Они погибли не ради славы'].

а.2.4. Совпадающие по направлению синтаксическая и семантическая зависимости при отсутствии морфологической: дополнение к глаголу в языке, где нет ни падежей существительного, ни объектного сиряжения (например, в китайском), или сочетания типа англ. *his arrival* = 'прибывать(он)'.
 а.2.5. Разнонаправленные семантическая и синтаксическая зависимости при отсутствии морфологической: прилагательное-определение в языке, где прилагательные неизменяемы (например, в англ. *special effects, human life* и т.д. мы имеем $\begin{matrix} \text{synt} \\ \text{A} \rightarrow \text{S} \\ \text{sem} \end{matrix}$, причем морфологически S и A вообще не связаны); или V + Prep, V + Adv и т.п. в любом языке ($\begin{matrix} \text{synt} \\ \text{V} \rightarrow \text{Prep} \\ \text{sem} \end{matrix}$, $\begin{matrix} \text{synt} \\ \text{V} \rightarrow \text{Adv} \\ \text{sem} \end{matrix}$).

б.3.6. Морфологическая зависимость сказуемого *гвебнуйиц* от определения к подлежащему (т.е. от *иц* 'наш') наблюдается в табасаранском примере (7), стр. 330; при этом *гвебнуйиц* и *иц* ни синтаксически, ни семантически непосредственно не связаны.

Этот же тип соотношений имеет место там, где глагол, управляющий инфинитивом, может зависеть по форме от дополнения к этому инфинитиву. Возьмем венгерские примеры:

(10) а. *Mindent tudni akar* ' (Он) все знать хочет'
 vs.

б. *Azt tudni akarja* ' (Он) это знать хочет';
 здесь разные формы глагола *akar* 'хотеть' (безобъектная vs. объектная) обусловлены различиями в неопределенности/опреде-

ленности прямого дополнения к *tudni* 'знать' (в венгерском языке *mindent* 'все' является грамматически неопределенным). Таким образом, *akar* в (10а) и *akarja* в (10б) морфологически зависят от *mindent* и *aszt* соответственно, а непосредственной синтаксической или семантической зависимости тут нет.

б.3.7. Реальный пример для данного случая мне неизвестен; искусственный пример мог бы выглядеть так:

(11) *Отец-ан вернулся усталый,*

где форма *отецан* морфологически зависит от наличия и характера копредикатива *усталый* (суффикс *-ан* при подлежащем сигнализирует наличие при сказуемом субъектно-копредикативного члена - качественного прилагательного), а *усталый* от *отец* морфологически не зависит: ср. *Отец вернулся; Сестра-ан вернулся усталый; Отец-ур вернулся один*. Очевидно, что синтаксически *отец* и *усталый* непосредственно не связаны, а семантически мы имеем 'усталый (отец) '.

б.3.8. Разнонаправленность морфологической и семантической зависимости наблюдается между *она* и *больной* (*она* $\xrightarrow{\text{morph}}$ *больной* по числу и роду; *она* $\xleftarrow{\text{sem}}$ *больной*, поскольку 'больной (она) ' в (12):

(12) *Она* $\xleftarrow{\text{synt}}$ *казалась* $\xrightarrow{\text{synt}}$ *больной*;

непосредственная синтаксическая зависимость между *она* и *больной* отсутствует.

Еще один пример того же типа - японские конструкции с числительным:

- (13) а. *Zibiki-o* *san-satu* *kaimasita*
словарь - АКК три - КНИГОБРАЗНОЕ купил
'[Он] купил три словаря'.
- б. *Empitu-o* *san-bon* *kaimasita*
карандаш - АКК три - ДЛИННОЕ купил
'[Он] купил три карандаша'.
- в. *Kuruma-o* *san-dai* *kaimasita*
машина - АКК три - ЭКИПАЖ купил
'[Он] купил три (авто)машины'.

Во фразах (13) числительное синтаксически зависит от глагола, а морфологически - от прямого дополнения, которое определяет его классифицирующий аффикс: *zibiki* $\xrightarrow{\text{morph}}$ *san-satu*,

empitu $\xrightarrow{\text{morph}}$ *san-bon*, *kuruma* $\xrightarrow{\text{morph}}$ *san-dai*. В то же время, семантически прямое дополнение зависит от числительного: 'три(словарь)', 'три(карандаш)', 'три(машина)'.

б.4.9. Примером может служить согласованное определение к существительному-nomen actionis в примерах типа (14):

(14) *испуганное молчание детей, испуганный крик детей*
и т.п.,

где прилагательное морфологически и синтаксически зависит от *молчание* и *крик*, соответственно, однако семантически оно связано с *детей*: 'испуганные(дети)'.

Любопытный случай комбинации 9 анализируется А.А.Холодовичем (1971: 121-131) в японском языке:

(15) а. *Kuruma-ga* *kowareta-no-o* *naomasita*
машина - НОМ сломалась - это - АКК починил
'[Он] починил сломавшуюся машину', букв.
'[Он] починил сломанность машины/то, что машина сломалась'.

б. *Suruto* *Sugiko-ga* *mon-kara*
тогда Сугико - НОМ дверь - АБЛ
 deru-no-ni *atta*
выходит - это - ДАТ встретил
'[Он] встретил Сугико, выходящую из двери', букв.
'[Он] встретил выхождение Сугико из двери/то, что Сугико выходила из двери' (глагол *atta* управляет дативом).

в. *Tabemono-ga* *tumetaku* *natta-no-o* *attameta*
еда - НОМ холодно стала - это - АКК разогрел
'[Он] разогрел остывшую еду', букв. 'Он разогрел становление еды холодной/ то, что еда стала холодной!'

Во всех этих фразах номинализированный личный глагол на *-no* синтаксически и морфологически зависит от главного сказуемого, хотя прямой семантической связи между этими единицами нет: 'починил(машина)', а не '*починил(сломанность)'; 'встретил(Сугико)', а не '*встретил(выходение)'; 'разогрел(еду)', а не '*разогрел(остылость)'.

Еще один яркий пример того же типа цитируется в Hale - Ki-

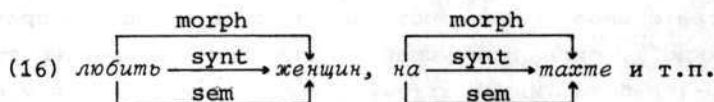
tagawa (1976-77: 51):

г. John-wa Hanako-ga heya-kara
 Джон - ТЕМА Ханako - НОМ комната - АБЛ
 tobidasite kita tokoro-ni dekiwasita
 бегом вышла момент - ДАТ встретил

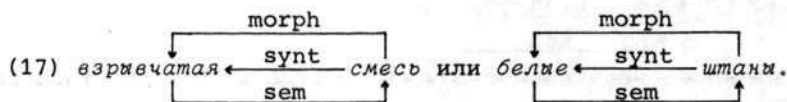
'Джон встретил Ханako в момент, когда она выбегала из комнаты', букв. 'Джон встретил момент (глагол *dekiwasita* управляет дативом), когда Ханako вы- бегала из комнаты'.

Как видно из примеров (15), японский язык проявляет отчетли- вую тенденцию к расхождению семантических связей при номинали- зации определенных типов придаточных предложений.

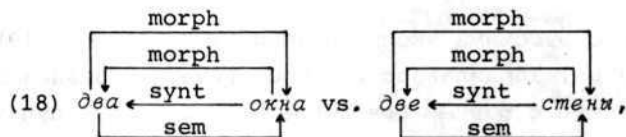
б.4.10. Очень массовый случай: дополнения к глаголу и к предлогу в языках с падежами, т.е.:

б.4.11. Морфологическая и синтаксическая зависимости сов- падают по направлению, а семантическая обратна им; это тоже массовый случай, а именно - согласованные определения типа (17):

Особо следует отметить здесь двунаправленную морфологи- ческую зависимость, характерную для русских Num:

где по роду *два* морфологически зависит от S, а по числу и па- дежу, наоборот, S зависит от *два*; или еще

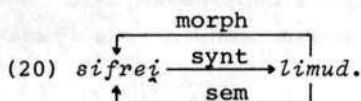
(19) *двадцать одно окно* vs. *двадцать одна стена*,

где *один* зависит от S по роду и падежу, а S морфологически зависит от *один* по числу.

б.5.12. Реальный пример мне не известен, но его легко сконструировать по аналогии с (14), имея в виду язык с изафе- том персидского типа (см. пункт 13 ниже): прилагательное (*ис- пуганный*) должно быть неизменяемым, а существительное должно

реагировать специальными аффиксами на наличие прилагательного-определения (т.е. морфологически S зависит от A), так что противопоставляются выражения *испуганный молчание-ан* детей и *молчание детей*.

b.5.13. Морфологическая и семантическая зависимость совпадают по направлению, а синтаксическая противоположна им: различные определительные и атрибутивные конструкции с маркировкой синтаксического хозяина. Типовой пример - так называемая изафетная конструкция персидского типа, ср. тадж. *бинои нав* 'здание новое' или *дафтару ман* 'тетрадь моя', где *бино* = 'здание', *дафтар* = 'тетрадь', *нав* = 'новый', *ман* = 'я', а *-и* - это изафет, т.е. морфа, показывающая, что при существительном, в состав которого она входит, имеется определение или атрибут. Еще один пример - атрибутивная конструкция семитских языков, где существительное-хозяин выступает в особой форме ("сопряженное состояние"), сигнализирующей наличие при нем другого существительного-атрибута: иврит *sifreḵ limúḵ* 'книги учения = учебники', где *sifreḵ* - сопряженное состояние существительного *sfarim* 'книги' (абсолютное состояние), т.е.

(В отличие от персидского изафета - отдельной сегментной единицы, т.е. морфы, сопряженное состояние в иврите реализуется несегментной единицей, а именно, значащим чередованием, или апофонией.)

Конструкции с русскими числительными, типа (18) и (19), пункт 11, в силу двунаправленности морфологической зависимости в них, могли бы быть с равным основанием отнесены и в пункт 13.

b.5.14. Совпадение синтаксической и семантической зависимостей при обратном направлении морфологической наблюдается в предикативных и комплетивных конструкциях языков с полиперсонным спряжением, но без падежного словоизменения существительных. Так, в абхазском языке мы имеем:

- (21) а. *Куаста Надшва или-теит ашеку*
'Коста Надше отдал книгу',

где все актанты-существительные стоят в неизменной форме, а фор-

ма глагола, т.е. префиксы *и-* (объектный 3 ед), *л-* (косвенно-объектный 3 ед) и еще одно *и-* (субъектный 3 ед), зависит от актантов; ср.

б. *Сара Надшва илис-теит ашэку*

'Я Надше отдал книгу',

где вместо второго (субъектного) *и-*, сигнализирующего 3 ед, выступает субъектное *с-* (1 ед) (*-и-* - соединительный элемент).

Ср. также:

в. *Куаста сара исц-теит ашэку*

'Коста мне отдал книгу'

и

г. *Куаста Надшва сли-теит сара*

'Коста Надше отдал меня'.

Еще один типичный случай соотношения 14 дает притяжательная конструкция многих урало-алтайских языков, хорошо иллюстрируемая венгерскими примерами:

(22) а. *a könyv felépitése*

'книги строение',

где *a* - определенный артикль, *könyv* = 'книга', *felépités* = 'строение', а *-e* - так называемый показатель притяжательности, сигнализирующий наличие при *felépités* атрибута (или дополнения?) *könyv*;

б. *az apám háza*

'моей-матери дом'

az - определенный артикль; *apám* = 'моя мать'; *háza* = 'дом'; *-a* - показатель притяжательности; т.е. *háza* = 'дом, принадлежащий...'. См. Mel'čuk 1973.

Учет двусторонних морфологических зависимостей, как уже отмечалось, не добавляет новых типов соотношений: просто возникают ситуации, подходящие сразу под два типа. Так, в венгерском языке переходный глагол-сказуемое по типу спряжения (объектное или безобъектное) зависит от прямого дополнения (от его определенности/неопределенности), а это последнее зависит по падежу от глагола, ср.:

(23) а. *Ezt a pohárt kéri*

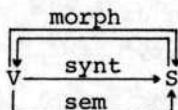
'Этот стакан (он) просит'

vs.

б. *A törött pohár helyett egy másikat kér*

'Вместо разбитого стакана другой (он) просит'.

Винительный падеж словоформ *pohárt* 'стакан' в (23а) и *másikat* 'другой' в (23б) обусловлен глаголом *kérni* 'просить', а разные формы глагола (*kéri* vs. *kér*) - определенностью/неопределенностью его дополнения (*a pohárt* - определенное, *egy másikat* - неопределенное). Случаи типа (23) подходят одновременно под соотношения 10 и 14:

III

К понятию синтаксической зависимости

Я не могу предложить строгое определение синтаксической зависимости; однако поскольку это понятие представляется исключительно важным, особенно - в рамках данной книги, я позволю себе указать ряд предварительных, неформальных соображений, призванных прояснить характер синтаксической зависимости - в той степени, в какой это возможно для меня в настоящий момент.

Прежде всего, необходимо отметить два важных обстоятельства.

Во-первых, все, что говорится здесь, относится к поверхностно-синтаксическому уровню представления высказываний, так что речь идет только о ПС-связанности, ПС-зависимостях и т.п.

Во-вторых, учитываются только полные и грамматически безупречные фразы; в эллиптических, разговорных и т.п. высказываниях многое может оказаться сложнее. Ср. Тезис 2 на стр. 67.

Определение понятия ПС-зависимости предполагает установление трех групп критериев:

А. Критерии ПС-связанности, т.е. критерии НАЛИЧИЯ ПС-зависимости между словоформами w_1 и w_2 в высказывании E; иначе говоря, $w_1 \text{ --- } w_2$ или $*w_1 \text{ --- } w_2$?

Б. Критерии НАПРАВЛЕНИЯ ПС-зависимости, т.е. критерии, позволяющие определить, какая из двух ПС-связанных словоформ w_1 и w_2 (в высказывании Е) является главной (= хозяином), а какая - зависимой (= слугой); иначе говоря, если $w_1 \rightarrow w_2$, то $w_1 \leftarrow w_2$ или $w_1 \rightarrow w_2$?

Именно эта группа критериев играет центральную роль в данной книге: глава II посвящена почти целиком проблеме направления ПС-зависимости в словосочетаниях вида Num + S.

В. Критерии ТИПОВ ПС-зависимости, т.е. критерии, позволяющие определить, одинаковы ли типы ПС-зависимостей (= типы ПСО) в сочетаниях $w_1 \xrightarrow{r_1} w_2$ и $w_3 \xrightarrow{r_2} w_4$; иначе говоря, если $w_1 \xrightarrow{r_1} w_2$ и $w_3 \xrightarrow{r_2} w_4$, то $r_1 = r_2$ или $r_1 \neq r_2$?

О каждой из этих групп критериев я скажу несколько слов; перед этим, однако, необходимо еще раз подчеркнуть, что все критерии и проводимые в связи с ними рассуждения существенным образом опираются на следующее допущение (о котором фактически уже много говорилось выше, в особенности - стр. 333 - 334):

|| Все поверхностно-синтаксические зависимости между словоформами в тексте описываются исключительно в терминах бинарных направленных отношений.

А. Критерии наличия ПС-зависимости

В основе критериев группы А должны лежать, как мне кажется, два следующие требования:

- (i) линейная соотнесенность словоформ;
- (ii) просодическая соотнесенность словоформ.

Оба эти требования должны выполняться одновременно; иначе говоря, для того, чтобы словоформы w_1 и w_2 в высказывании Е считались непосредственно ПС-связанными, необходимо, чтобы w_1 и w_2 были линейно и просодически соотнесены (смысл этих требований разъясняется непосредственно ниже).

Мне неизвестно, являются ли требования (i) и (ii) независимыми, т.е. могут ли две словоформы быть соотнесены линейно, не будучи соотнесены просодически, или наоборот; я не знаю также, являются ли требования (i) и (ii) достаточными - или же в естественных языках возможна ситуация, когда две словоформы в составе одного высказывания соотнесены и линейно, и просодически, но тем не менее непосредственной поверхностно-син-

таксической связи между ними все-таки нет³. Таким образом, требования (i) и (ii) указывают лишь разумное направление для попыток формализации понятия ПС-связанности.

Охарактеризируем названные требования подробнее.

КРИТЕРИЙ А. I

(линейная соотнесенность синтаксически связанных словоформ)

(A.I) Если словоформы w_1 и w_2 непосредственно ПС-связаны в высказывании E , то линейное расположение одной из них в данном высказывании невозможно задать без ссылок на другую.

Замечание. Сказанное вовсе не означает, что одна из линейно соотнесенных словоформ должна определять расположение другой обязательно однозначно: могут быть допустимы оба порядка, т.е. и $w_1 + \dots + w_2$, и $w_2 + \dots + w_1$ (возможно, при определенных контекстных условиях). Существенно лишь, что, говоря о месте словоформы w_2 во фразе, мы не можем не упомянуть w_1 : например, " w_2 может стоять либо перед w_1 , либо после нее"; и т.п.

Так, во фразе (24):

(24) *Я качался в далёком саду* [О.Мандельштам] -

место предлога *в* нельзя задать без ссылки на *саду* ("*в* стоит обязательно перед *саду*") и без ссылки на *качался* ("*в* может стоять как справа, так и слева от *качался* - в зависимости от целого ряда факторов"), место прилагательного *далёком* - без ссылки на *саду* и т.д.

КРИТЕРИЙ А. II

(просодическая соотнесенность синтаксически связанных словоформ)

(A.II) Если словоформы w_1 и w_2 непосредственно ПС-связаны в высказывании E , то:

- либо w_1 и w_2 способны образовывать в данном языке просодическое единство, в частности - автономное высказывание (допустимое между двумя максимальными паузами);
- либо одна из них, например, w_1 , способна образовывать просодическое единство с такой цепочкой ϕ ПС-связанных словоформ⁴, в которой ПС-вершиной (= 'синтаксически главным элементом) является w_2 (хотя с

|| отдельно взятой w_2 словоформа w_1 не образует просодического единства).

Последнее условие в А.ІІ предусматривает описание ПС-связанности знаменательных слов с различными служебными словами (предлогами, союзами и т.п.), вводящими, в свою очередь, другие знаменательные слова. Так, в (24) сочетание *я + качался* образует просодическое единство, а *качался + в* - разумеется, нет; однако поскольку *качался + в + саду* - это несомненное просодическое единство, а в сочетании *в + саду* ПС-вершиной является *в*, пара *качался + в* удовлетворяет второму условию критерия А.ІІ и, соответственно, может считаться ПС-связанной.

Основной практический прием установления ПС-связанности словоформ во фразе состоит в разбиении фразы на *м и н и - м а л ь н ы е в ы с к а з ы в а н и я* (автономные высказывания, которые сами уже не могут быть разбиты на автономные высказывания). В (24), например, минимальные высказывания таковы: *я качался, качался в саду, в саду, далёком саду*; их рассмотрение с учетом критериев А.І и А.ІІ, а также допущения о представлении всех ПС-зависимостей в терминах только бинарных отношений сразу дает для (24) следующую систему ПС-зависимостей (пока без направления):

(24') Я — качался — $\overbrace{в \text{ далёком } — саду}^5$.

Б. Критерии направления ПС-зависимости

В настоящий момент мне известны два критерия направления ПС-зависимости:

- Критерий навязывания своих пассивных ПС-валентностей.
- Критерий контактной точки.

Об обоих критериях уже шла речь в главе ІІ: см., в особенности, стр. 65 - 66. Здесь мы охарактеризируем их более подробно.

КРИТЕРИЙ Б.І

(навязывание своих пассивных ПС-валентностей)

(Б.І) || В сочетании двух непосредственно ПС-связанных словоформ w_1 — w_2 ПС-хозяйном, т.е. главной, считается та, которая в большей степени, нежели другая, определяет пассивные ПС-валентности всего сочетания w_1 — w_2 .

Пусть w_1 имеет в языке L набор пассивных ПС-валентностей $VAL_{\text{пасс}}^{\text{ПС}}(w_1)$; это, как было сказано, не что иное, как список конструкций, в которые w_1 может входить в качестве синтаксически зависимого члена, и конструкций, в которых w_1 может быть абсолютной вершиной (т.е. ни от чего не зависеть). Аналогичным образом определяются наборы пассивных валентностей $VAL_{\text{пасс}}^{\text{ПС}}(w_2)$ и $VAL_{\text{пасс}}^{\text{ПС}}(w_1 - w_2)$; при этом $VAL_{\text{пасс}}^{\text{ПС}}(w_1) \neq VAL_{\text{пасс}}^{\text{ПС}}(w_2)$, так как в противном случае критерий Б.І не применим, см. ниже. Через $N(VAL_{\text{пасс}}^{\text{ПС}}(w))$ обозначается число конструкций, содержащихся в списке $VAL_{\text{пасс}}^{\text{ПС}}(w)$.

Тогда, если и только если либо $VAL_{\text{пасс}}^{\text{ПС}}(w_1 - w_2) = VAL_{\text{пасс}}^{\text{ПС}}(w_1)$, либо $N(VAL_{\text{пасс}}^{\text{ПС}}(w_1 - w_2) \cap VAL_{\text{пасс}}^{\text{ПС}}(w_1)) > N(VAL_{\text{пасс}}^{\text{ПС}}(w_1 - w_2) \cap VAL_{\text{пасс}}^{\text{ПС}}(w_2))$, то w_1 является ПС-хозяином, т.е. мы имеем $w_1 \rightarrow w_2$.

Например, пассивные ПС-валентности сочетания *я качался* в точности те же, что у *качался*, но совсем не такие, что у *я*: наряду с *когда я качался*, возможно и *когда качался*, но не **когда я*. Это значит, что ПС-валентности сочетания *я качался* определяются только и полностью ПС-валентностями словоформы *качался*, каковая, следовательно, является ПС-хозяином. Пассивные ПС-валентности сочетания *около десяти девушек* определяются показателем приблизительности *около*: это сочетание возможно лишь в позиции именительного или винительного падежа (не после предлога), тогда как без *около* сочетание *десять девушек* возможно в любой позиции, в которой употребляются существительные; ср. *Пришло <Виху> около десяти девушек*, но не **к около десяти девушкам*, **увлекся около десятью <десяти> девушками <девушек>* и т.п. при абсолютно нормальных *к десяти девушкам*, *увлекся десятью девушками* и т.п. Следовательно, *около* является ПС-вершиной сочетания *около десяти девушек* (несмотря на то, что именованно *около* всегда опустимо в данном сочетании, а *десять девушек* - нет; см. об этом подробнее ниже, стр. 353, а также Экскурс 10, стр. 367 и сл.⁶

КРИТЕРИЙ Б. II

(точка морфологического контакта)

(Б. II) В сочетании двух непосредственно ПС-связанных словоформ w_1 — w_2 ПС-хозяином считается та, которая морфологически взаимодействует с контекстом в большей степени, нежели другая ("является морфологически контактной точкой"): она либо сама морфологически изменяется в соответствии с требованиями контекста, либо вызывает морфологические изменения в контексте, и это взаимодействие в целом сильнее, чем у второй словоформы.

Так, пусть в контексте словоформы w_3 морфологически изменяются и w_1 и w_2 , однако на внешний контекст может морфологически влиять только w_1 ; тогда w_1 считается контактной точкой и, следовательно, ПС-вершиной сочетания w_1 — w_2 .

Замечание. Приведенная формулировка критерия Б. II является очень приблизительной; в частности, в ней остается неясным понятие "контекста" и не уточнено, как сравнивать по силе взаимодействие с контекстом двух разных словоформ в различных сложных (промежуточных) случаях.

Критерий Б. II нужен для тех словосочетаний, которые состоят из словоформ одинаковых классов, так что пассивные ПС-валентности сочетания w_1 — w_2 совпадают как с $VAL_{пасс}^{ПС}(w_1)$, так и с $VAL_{пасс}^{ПС}(w_2)$, и поэтому критерий Б. I оказывается неприменимым. Так обстоит дело, например, с аппозитивными сочетаниями в русском языке: *Жили три друга-товарища в маленьком городе Эн* [С. Я. Маршак], *век-волкодав* [О. Мандельштам], *юбка-штаны*, *аэросани-гелиссер* и т. п. Контактной точкой и, соответственно, ПС-вершиной здесь является левый член: *Юбка-штаны*, *сшитая* <*сшитие> ... или *Аэросани-гелиссер появились* <*появился> см. об этом Ward 1973: 4-6 и Урысон 1982.

Рассмотрим теперь соотношение критериев Б. I и Б. II между собой, а также их логический статус (вопрос об их необходимости и достаточности).

Критерий Б. I признается главным, так как он универсальнее и, так сказать, синтаксичнее критерия Б. II: он применим и в тех

случаях, когда в языке вообще или хотя бы в рассматриваемой конструкции морфологические изменения отсутствуют вовсе. Там, где критерий Б.І применим, т.е. там, где w_1 и w_2 принадлежат к разным классам словоформ, показания критерия Б.ІІ во внимание не принимаются.

Насколько я могу судить на основании известных мне синтаксических фактов, в подавляющем большинстве случаев критерии Б.І и Б.ІІ не противоречат друг другу: обычно, если они применимы оба, их показания совпадают. Тем не менее, логической необходимости тут нет и по крайней мере один случай расхождения критериев Б.І и Б.ІІ известен: это подробно исследованная в данной книге русская конструкция Num + S в позиции именительного или винительного падежа. Здесь морфологически контактной точкой является числительное, принимающее падеж всего сочетания в целом; однако преимущество отдается критерию Б.І, в соответствии с которым ПС-хозяином и здесь является существительное.

Говоря о необходимости/достаточности критериев Б.І и Б.ІІ приходится различать 1) логико-математический и 2) бытовой смысл этих терминов.

В логико-математическом смысле я считаю и тот, и другой критерии достаточными. Другими словами, в случаях, когда критерий Б.І применим, словоформа, навязывающая словосочетанию в целом свои пассивные ПС-валентности, обязательно признается его ПС-вершиной; если же критерий Б.І не применим, а критерий Б.ІІ применим, то ПС-вершиной словосочетания обязательно признается его морфологически контактная точка. Однако уверенности в том, что критерии Б.І и Б.ІІ не вступят в противоречие с интуитивным ощущением ПС-главенствования в каких-нибудь конструкциях, пока что не привлекавших внимания исследователей, у меня нет (ср. ситуацию с местоименными клитиками, сноски 3, стр. 359), и поэтому логическая достаточность критериев Б.І и Б.ІІ постулируется, но не гарантируется.

В бытовом смысле критериев Б.І и Б.ІІ очевидным образом недостаточно: очень легко представить себе ситуации, в которых ни тот, ни другой неприменимы; таковы, например, любые несочиненные сочетания словоформ одинаковых классов в изолирующих языках. Следовательно, для общей теории поверхностного син-

таксиса требуются еще какие-то другие критерии направления зависимостей. Вот два возможных основания для конструирования таковых:

а) У ч е т с м ы с л а. В словосочетании w_1 — w_2 ПС-службой считается тот элемент, при опускании которого в смысле всего сочетания ' w_1 — w_2 ' тоже происходит только опускание, а не радикальная перестройка.

б) У ч е т ф о р м ы. В словосочетании w_1 — w_2 ПС-службой считается тот элемент, который оформляется в тексте так же (например, занимает ту же линейную позицию или связан с той же просодикой), как и другие ПС-слуги в данном языке.

Что касается необходимости, то я полагаю, что в логико-математическом смысле и критерий Б.І, и критерий Б.ІІ должны считаться необходимыми (по крайней мере, пока). Это значит, что если критерий Б.І применим к сочетанию w_1 — w_2 и не указывает, скажем, на w_1 как на ПС-вершину, то w_1 и не может считаться ПС-вершиной; аналогично относительно критерия Б.ІІ. Впрочем, как уже только что было сказано, я не убежден в том, что указанные критерии никогда не противоречат интуитивным ощущениям, а потому я не настаиваю на их необходимости, как не настаивал и на их достаточности.

В бытовом смысле всерьез обосновывать необходимость критериев Б.І и Б.ІІ я не могу. Другими словами, я не берусь доказывать, что для определения направления ПС-зависимостей нельзя обойтись без того или другого из этих критериев. Тем не менее, в данной связи будет, по-видимому, нелишним обратить внимание читателей на непригодность двух других наиболее популярных критериев определения направления синтаксической зависимости.

К р и т е р и й о п у с т и м о с т и с л у г и (при неопустимости хозяина) нехорош тем, что в принципе он может давать неверный результат: в ходе исследования русских количественных выражений обнаружился случай свободной опустимости именно ПС-хозяина (при неопустимости слуги). Я имею в виду конструкцию с П(оказателем) Прибл(изительности) или с распределительным предлогом *по*, типа *около пяти тонн, свыше пятисот рублей, не более миллиона тугриков, по здоровому огурцу, где*

ППрибл и по - безусловно, ПС-хозяева, однако они всегда опустимы, тогда как остальная часть словосочетания неопустима: *истратили около пяти тонн и истратили пять тонн*, но не **истратили около*; *Каждой досталось по здоровому огурцу и Каждой достался здоровый огурец*, но не **Каждой досталось по*. (Напомним, что, говоря об опустимости, я имею в виду опустимость только в ПС-структуре, т.е. в синтаксическом дереве, а не в реальной фразе: стр. 66. Подробнее о данной конструкции говорится в Экскурсе 10, стр. 366 и сл.) Указанный факт свидетельствует о том, что опустимость не имеет необходимой логической связи с ПС-главенствованием и, следовательно, не может считаться критерием направления ПС-зависимостей. Это, однако, не противоречит тому, чтобы использовать опустимость как удобный эвристический прием, поскольку она присуща ПС-слугам в подавляющем большинстве случаев, а ПС-хозяевам - лишь изредка.

Критерий предсказуемости (= прогнозируемости) предлагает считать, что в сочетании w_1 — w_2 ПС-службой является та словоформа, которая сильнее прогнозирует все сочетание в целом; тем самым, предполагается, что всякое определение (= слуга) сильно предсказывает свое определяемое (= хозяина), тогда как обратное неверно. Например, всякое А сильнее прогнозирует сочетание А + S, чем всякое S. Предсказуемость тесно связана с опустимостью (то, что опустимо, встречается реже и потому прогнозирует сильнее), но несколько удобнее этой последней, так как предсказуемостью можно пользоваться и в таких конструкциях, в которых неопустим ни один из членов: например, в конструкции $P_{\text{пр}}$ + S (при условии, разумеется, что $P_{\text{пр}}$ не является ППрибл или распределительным по), где ни $P_{\text{пр}}$, ни S неопустимы. Однако именно применительно к подобным сочетаниям и обнаруживается непригодность предсказуемости в качестве критерия направления ПС-зависимости: $P_{\text{пр}}$ прогнозирует сочетание $P_{\text{пр}}$ + S сильнее, чем S, а Conj прогнозирует Conj + V сильнее, чем V; тем не менее, интуитивно очевидно, что $P_{\text{пр}}$ и Conj - ПС-хозяева в указанных сочетаниях, а отнюдь не слуги. (Это же получается по нашему критерию Б.І.) Прогнозируемость словосочетания одним из его членов - это важ-

ное свойство словосочетаний, не имеющее логически необходимой связи ни с ПС-слугами, ни с ПС-хозяевами⁷.

Итак, опустимость и прогнозируемость не могут считаться критериями направления ПС-зависимости; упомянутый в сноске 6 (стр. 360) критерий репрезентируемости не имеет точного смысла. Тем самым, мне неизвестна какая-либо альтернатива для предлагаемых выше критериев Б. I и Б. II, которые, следовательно, можно признать необходимыми (в бытовом смысле слова, т.е. необходимыми для теории поверхностного синтаксиса).

В. Критерии типов ПС-зависимости

В Мельчук 1977 (см. также Mel'čuk 1979: 91-150) предлагаются и подробно комментируются на основе анализа ряда языковых примеров три критерия, с помощью которых можно решать, следует ли в парах $w_1 \xrightarrow{r_1} w_2$ и $w_3 \xrightarrow{r_2} w_4$ усматривать разные типы ПСО. (При этом, однако, данные критерии ничего не говорят о том, какие именно типы ПСО должны быть использованы в каком словосочетании, т.е. какие пары словосочетаний следует ОТОЖДЕСТВЛЯТЬ: эти критерии позволяют только различать. Отождествления же - как всегда в языке! - приходится осуществлять на основе неформализуемых соображений большего/меньшего сходства.) Здесь я ограничусь краткими формулировками и простейшими иллюстрациями.

КРИТЕРИЙ В. I

(семантический контраст в минимальных парах)

Пусть в языке L имеются два бинарных словосочетания G_1 и G_2 , состоящие из одинаковых лексем X и Y, которые обладают одинаковыми семантически нагруженными морфологическими характеристиками и связаны ПС-зависимостью в одинаковом направлении, например, $X \rightarrow Y$; при этом:

- означающие словосочетаний G_1 и G_2 либо различаются только синтаксическими средствами, оформляющими ПС-зависимость между X-ом и Y-ом, либо не различаются вовсе;

- G_1 и G_2 могут выступать в одной и той же синтаксической позиции, т.е. в данном языке существуют пары высказываний $\langle E_1^1, E_1^2 \rangle$ такие, что E_1^1 содержит G_1 , а E_1^2 содержит G_2 и между E_1^1 и E_1^2 нет никаких других физических различий. Подобные пары высказываний называются о б ъ е м л ю ч и м и д л я G_1 и G_2 .

(В. I) Для представления G_1 и G_2 в ПСС два разных ПСО r_1 и r_2 ($r_1 \neq r_2$) используются тогда и только тогда, когда среди пар высказываний $\langle E_1^1, E_1^2 \rangle$, объемлющих для G_1 и G_2 , в L найдется пара высказываний $\langle E^1, E^2 \rangle$, не равных по смыслу: ' E^1 ' \neq ' E^2 '.

ПРИМЕРЫ:

1) *Десять рублей vs. рублей десять*: различие в означающих - чисто синтаксическое, а именно - порядок слов; объемлющая пара неравнозначных высказываний: '*Я получил десять рублей*' \neq '*Я получил рублей десять*'; следовательно, *десять* $\xrightarrow{r_1}$ *рублей* vs. *рублей* $\xrightarrow{r_2}$ *десять*, где $r_1 \neq r_2$ (r_1 = количественное ПСО; r_2 = аппроксимативно-количественное ПСО).

2) *Чем Лена vs. чем Лену*: различие в означающих - чисто синтаксическое, а именно - падеж; объемлющая пара неравнозначных высказываний: '*Я люблю Машу меньше, чем Лена*' \neq '*Я люблю Машу меньше, чем Лену*'; следовательно, *чем* $\xrightarrow{r_1}$ *Лена* vs. *чем* $\xrightarrow{r_2}$ *Лену*, где $r_1 \neq r_2$ (r_1 = предикативно-союзное ПСО; r_2 = 1-ое комплетивно-союзное ПСО).

3) *Приглашение Лени vs. приглашение Лени*: различия в означающих нет вовсе; объемлющая пара неравнозначных высказываний: *Приглашение Лени взволновало Лёню* ('То, что Лена пригласила Леню, взволновало его') vs. *Приглашение Лени взволновало Лёню* ('То, что кто-то пригласил Леню, взволновало Леню'); следовательно, *приглашение* $\xrightarrow{r_1}$ *Лени* vs. *приглашение* $\xrightarrow{r_2}$ *Лени*, где $r_1 \neq r_2$ (r_1 = агентивное ПСО; r_2 = 1-ое комплетивное ПСО).

КРИТЕРИЙ В. II

(взаимозамещаемость поддеревьев в деревьях ПСС)

Этот критерий приводится здесь в упрощенной формулировке, поскольку его точная формулировка является слишком громоздкой (см. Mel'čuk 1979: 115ff.).

Пусть в языке L имеются словоформы типов X и Y , полные остаточные поддеревья Z_Δ и W_Δ (т.е. поддеревья, имеющие вершинами словоформы типов Z и W) и правильные (фрагменты) ПСС $X \xrightarrow{r_i} Z_\Delta$ и $Y \xrightarrow{r_i} W_\Delta$.

(В. II) $\left\{ \begin{array}{l} \text{Для всякого ПСО } r_i, \text{ используемого при описании ПСС} \\ \text{языка } L, \text{ и для всяких правильных ПСС } X \xrightarrow{r_i} Z_{\Delta} \text{ и} \\ Y \xrightarrow{r_i} W_{\Delta}, \text{ фрагменты ПСС } X \xrightarrow{r_i} W_{\Delta} \text{ и } Y \xrightarrow{r_i} Z_{\Delta} \\ \text{также всегда правильны.} \end{array} \right.$

Это означает, что любые члены всякого ПСО r_i должны быть взаимозамещаемы в любых правильных ПСС. При этом в перевешиваемых поддеревьях Z_{Δ} и W_{Δ} допускаются чисто синтаксические перестройки (не оговоренные в нашей краткой формулировке критерия В. II), позволяющие "подогнать" Z_{Δ} и W_{Δ} к новым ПС-хозяевам: разрешается удалять, добавлять или заменять служебную вершинную лексику (например, сильноуправляемый предлог), а также транспонировать Z и W в другие части речи со всеми необходимыми сопутствующими синтаксическими транспозициями (например, перевешиваемое поддерево можно номинализовать).

Относительно ПСО, удовлетворяющего критерию В. II, предлагается говорить, что оно обладает свойством Кунце (по имени исследователя; впервые рассмотревшего взаимозамещаемость зависимых членов одного и того же ПСО: Kunze 1972). Следовательно, в описании некоторого языка должны использоваться только такие ПСО, которые обладают свойством Кунце.

ПРИМЕРЫ:

1) В английских словосочетаниях *the* $\xleftarrow{r_1}$ *method* и *analytical* $\xleftarrow{r_2}$ *method* ПСО r_1 и ПСО r_2 должны быть разными, поскольку, если в словосочетании *the analytical method* прилагательное *analytical* заменить на артикль *the* (в предположении, что прилагательное и артикль суть зависимые члены одного и того же ПСО), получится явно неправильная ПСС: **the the method* (r_1 = детерминативное ПСО; r_2 = определительное ПСО).

2) В русских словосочетаниях *из* $\xrightarrow{r_1}$ *штанин* vs. *что-бы* $\xrightarrow{r_2}$ *достал* (И я достая из широких штанин ... - В. Маяковский) ПСО r_1 и ПСО r_2 должны быть разными, поскольку невозможно **что-бы* \rightarrow *штанина*. Далее, в *и* $\xrightarrow{r_3}$ *штанина* vs. *из* $\xrightarrow{r_1}$ *штанин* ПСО r_3 и r_1 также должны быть разными, ибо не все то, что может висеть на r_3 , может быть повешено и на r_1 : ср. *и* $\xrightarrow{r_3}$ *из* $\xrightarrow{r_1}$ *штанин* и *для* $\xrightarrow{r_1}$ *штанин*; если поддерево *из штанин* перевесить с r_3 на r_1 во второе выражение, получится неправильный фрагмент ПСС **для* $\xrightarrow{r_1}$ *из* $\xrightarrow{r_1}$ *штанин*. Наконец, в *и* $\xrightarrow{r_3}$ *штанина* vs. *что-*

бы $\xrightarrow{r_2}$ достал ПСО r_3 и r_2 тоже различны: *чтобы \longrightarrow штанина - неправильная ПСС (r_1 = предложное ПСО; r_2 = подчинительно-союзное ПСО; r_3 = сочинительно-союзное ПСО).

КРИТЕРИЙ В. III

(повторимость зависимых членов в деревьях ПСС)

Если в языке L ПСС $Y \xleftarrow{r_1} X \xrightarrow{r_2} Z$ является правильной, то ПСО r_i называется п о в т о р и м ы м.

(В. III) $\left\{ \begin{array}{l} \text{Всякое ПСО } r_i, \text{ используемое при описании ПСС данного} \\ \text{языка L, должно быть либо вообще не повторимым, либо} \\ \text{повторимым при любых зависимых членах; т.е. в языке} \\ \text{L ПСС } Y \xleftarrow{r_1} X \xrightarrow{r_2} Z \text{ либо неправильна при любых Y и} \\ \text{Z, либо, наоборот, правильна при любых Y и Z.} \end{array} \right.$

Когда $Y \xleftarrow{r_1} X \xrightarrow{r_2} Z$ оказывается правильной при одних Y и Z и неправильной при других, критерий В. III требует "расщепления" ПСО r_i на два разных ПСО.

ПРИМЕР:

В английских словосочетаниях $[They] \xrightarrow{r_1} returned \xrightarrow{r_2} rich \ men$ vs. $[They] \xrightarrow{r_2} returned \xrightarrow{r_1} all$ ПСО r_1 и r_2 должны быть разными; в самом деле, если бы это было одно ПСО $r(?)$, то оно было бы повторимо при одних зависимых членах и не повторимо при других:

$They \ all \ \xleftarrow{r(?)} \ returned \ rich \ men \ \xrightarrow{r(?)}$

но не

$*[They] \ returned \ \xrightarrow{r(?)} \ heroes \ rich \ men.$

Именно, ПСО $r(?)$ было бы повторимо лишь при условии, что по крайней мере в одном случае его зависимый член - адъективное местоимение определенного типа: два S, висящих на ПСО $r(?)$ при одном хозяине, невозможны. В результате мы имеем: r_1 = субъектно-копредикативное ПСО, а r_2 = местоименно-субъектно-копредикативное ПСО.

С Н О С К И

1. (К стр. 327.) Синтаксическая зависимость есть бинарное отношение, обладающее свойствами антирефлексивности, антисимметричности и транзитивности, т.е. это отношение н и е п о р я д к а (в математическом смысле термина). Однако для описания связей между словоформами текста в этой книге используется, как правило, только н е п о с р е д с т в е н н а я з а в и с и м о с т ь - отношение, являющееся антирефлексивным, антисимметричным и антитранзитивным (т.е. удовлетворяющее принципу "слуга моего слуги - не мой слуга"). Я везде имею в виду именно непосредственную зависимость, хотя в целях краткости оговариваю это не всегда.
2. (К стр. 334.) "Наиболее простой" означает здесь "такой, на который наложен максимум естественных ограничений". В самом деле, наложение дальнейших естественных ограничений на дерево превращает его в цепь, т.е. в линию.
3. (К стр. 348.) В данной связи особый интерес (и особые сложности) представляет ситуация с местоименными клитиками, в частности, во французском языке (см. Iordanskaja 1982). Если считать, что местоименная клитика синтаксически зависит от той же словоформы, от которой зависело бы соответствующее существительное (т.е. существительное, замененное данной клитикой), то тогда получается, что требования линейной и просодической соотнесенности не являются достаточными: клитики во французском языке могут образовывать просодическое единство не со своим ПС-хозяином, а с так называемым о п о р н ы м с л о в о м (понятие, определяемое в Iordanskaja 1982), относительно которого клитики размещаются и линейно. Например,

(i) *J'en ai commenc  le premier chapitre*

vs.

(ii) *J'ai commenc  le premier chapitre de ce trait ,*

где *en* в (i) заменяет предложную группу *de ce trait *, синтаксически зависит, следовательно, от *chapitre*, а линейно и просодически соотнесено с *ai* (которое является для *en* опорным словом).

Проблемы, поднятые в Iordanskaja 1982, заставляют думать по крайней мере о трех возможных решениях:

(а) Считать, что местоименная клитика зависит не от той же самой словоформы, от которой зависело замененное клитикой *S*, т.е. допустить, что при прономинализации система ПС-зависимостей может изменяться.

(б) Добавить к критериям А.I и А.II (на стр. 348) оговорку о том, что они не релевантны для местоименных клитик, т.е. признать, что они не являются достаточными.

(в) Расширить понятие линейной и просодической соотнесенности - так, чтобы под него подошли и случаи с местоименными клитиками (типа французских); в принципе это возможно, поскольку само опорное слово, к которому линейно и просодически примыкает клитика, определяется через ПС-хозяина этой последней, так что линейно-просодическую соотнесенность клитики с опорным словом можно трактовать как "обобщенную" соотнесенность с ПС-хозяином.

В настоящее время я не умею сделать обоснованный выбор

между решениями (а) - (в). Наименее болезненным, пожалуй, мне пока представляется решение (в).

4. (К стр. 348.) ПС-связанность цепочки ϕ должна определяться по первому условию, так что порочный круг в данной логической конструкции не возникает.
5. (К стр. 349.) Б.В.Сухотин неоднократно высказывал следующую любопытную идею определения ПС-связанности словоформ (см., в частности, Сухотин 1973). Пусть имеются два класса словоформ: a и b ; для них вычисляется вероятность их совместной встречаемости в одной фразе: $P_{a,b}$. Затем через $P_{a,b}$ определяется сила взаимной вероятностной прогнозируемости классов a и b для языка в целом. После этого для данной фразы Φ строится множество SS всех теоретически мыслимых ПС-структур (= деревьев зависимости; каждое слово фразы Φ последовательно выбирается в качестве вершины, а остальные слова подчиняются ему - необязательно непосредственно, разумеется, - всеми возможными способами); наконец, из SS в качестве правильной для Φ выбирается та структура, в которой суммарная взаимная прогнозируемость смежных (т.е. синтаксически связанных) слов является максимальной. (Аналогичным образом, Б.В.Сухотин определяет морфу как такую цепочку фонем, которая характеризуется максимальной взаимной прогнозируемостью смежных фонем.)
6. (К стр. 350.) Критерий навязывания пассивных ПС-валентностей можно считать уточнением многократно предлагавшегося ранее критерия репрезентируемости (Курилович 1962: 49 - 51; Холодович 1970: 322): главный член словосочетания - это тот, через который должны идти внешние связи сочетания. В такой формулировке критерий репрезентируемости не имеет точного смысла; в уточнении нуждаются выражения "внешние связи словосочетания" (поскольку внешние связи могут быть как активные, так и пассивные) и "должны идти через". См. также относительно критерия KI в Kunze - Ljudskanov 1975 - ниже, сноски 7.
7. (К стр. 355.) Данное обстоятельство отмечено в статье Bazell 1950. - Критериям направления ПС-зависимостей посвящена специальная статья Kunze - Ljudskanov 1975, где выдвинуты три следующие критерия KI - KIII.
 - KI предлагает считать синтаксической вершиной любой конфигурации в смысле Кулагиной (Кулагина 1958; конфигурация \approx цепочка слов, которую при определенных условиях можно заменить во фразе одним словом - так называемой результирующей) ту словоформу конфигурации, которая по своим грамматическим свойствам наиболее близка к ее результирующей. KI в известной степени родственен нашему основному критерию - критерию навязывания ПС-валентностей (Б.И.).
 - KII гласит, что всякое обязательное дополнение некоторой словоформы является ее слугой. Это критерий предсказуемости, но, так сказать, вывернутый наизнанку, благодаря чему KII свободен от главного недостатка своего прототипа: в соответствии с ним группы, вводимые предлогом или союзом, оказываются, как это и должно быть, слугами этих последних.
 - KIII провозглашает ПС-слугами любые опустимые элементы (критерий опустимости в чистом виде).
 Подробный разбор критериев KI - KIII здесь вряд ли уместен.

Особого упоминания заслуживает в данной связи также статья Robinson 1970, содержащая детальное сопоставление систем составляющих (phrase structure systems) и систем зависимостей. В частности, в этой статье обсуждается вопрос об определении поверхностно-синтаксической вершины (head) словосочетания (стр. 272 и сл.), и в качестве центрального сообщения выдвигается принцип "характеризующего класса": синтаксическим хозяином в данном словосочетании признается тот его компонент, который в большей степени (нежели другие компоненты) обуславливает синтаксическое поведение (распределение, сочетаемостные ограничения и т.п.) сочетания в целом. Этот принцип Дж.Робинсон достаточно близок к нашему критерию Б.І.

В порядке исторического примечания следует еще отметить статью Pittman 1948, где были (по-видимому, впервые) четко сформулированы критерии установления синтаксической вершины в словосочетаниях всевозможных типов. В этой книге, однако, невозможно предложить обстоятельный обзор всех работ, посвященных определению синтаксической зависимости вообще и ее направления, в частности.

ЭКСКУРС 10

*Русские числовые выражения с показателем приближенности
(типа около сорока человек)*

В состав русских ЧВ наряду с именем числа могут входить так называемые показатели приближенности (ППрибл) - слова и словосочетания, выражающие смысл 'приблизительно' (математическое " \approx " или " \cong "). Говоря более точно, разные ППрибл выражают смысл, обязательно содержащий компонент 'приблизительно', но в ряде случаев и некоторые другие компоненты: ср. *примерно пять грамм* 'немного менее или более пяти грамм или пять грамм' vs. *около пяти грамм* 'немного менее пяти грамм' и т.д. Обзор русских ППрибл см. в Супрун 1962¹.

С чисто синтаксической точки зрения все ППрибл характеризуются обязательной сочетаемостью с количественными выражениями. Это значит, что к ППрибл следует относить лишь такие выражения, которые употребляются только либо с S, от которого зависит Num (*приблизительно пять грамм*), либо с количественным S или S - именем единицы измерения (*приблизительно миллион <тонна>*). Исключения должны быть ограничены специальными контекстами, также содержащими значения количества, степени или величины: *приблизительно столько же девушек; приблизительно с такой же страстностью; приблизительно так же умело* (здесь *приблизительно* возможно лишь благодаря выражениям *столько же, такой же, так же*; ср., однако, **приблизительно красный*, **приблизительно генерал*, **приблизительно мастерски*).

В силу сказанного не являются ППрибл (вопреки мнению, выраженному в Супрун 1962) такие вводные слова, как *скажем, допустим, пожалуй*, такие наречия, как *почти*, или такие формы сравнительной степени, как *не выше, не старше, не дальше*. Все подобные выражения, действительно легко сочетаясь с ЧВ, не менее легко употребляются и без таковых:

(1) а. *рублей, скажем, пятьсот;*

vs.

б. *Встречает он, скажем, свою директрису.*

(2) а. почти двадцать раз;

vs.

б. почти кончил, почти удовлетворен, почти по-человечески;

(3) а. детей не старше шести лет;

vs.

б. детей не старше Кати.

При таком узком понимании в русском языке оказывается очень немного показателей приблизительности; они естественным образом подразделяются на три следующих синтаксических типа:

- (i) ППрибл - наречия и наречные предложения (либо вида Adv^{сравн} + чем, либо вида Прер + S): *приблизительно, примерно, этак, эдак, (не) более <больше> чем, (не) менее <меньше> чем, без малого, с лишком, с хвостиком, с гаком,...*
- (ii) ППрибл - предлоги: *около, до, от - до, с (с десяток поцелуев, рублей этак с пятьсот), под (под сорок лет), за (лет за пятьдесят).*
- (iii) ППрибл - формы сравнительной степени: *более, больше, менее, меньше (Явилось не меньше ста претендентов), свыше.*

Если считать по отдельности каждый вариант, т.е. рассматривать этак vs. эдак, более vs. больше, не более vs. более и т.д. как разные ППрибл, то у нас получится немногим более трех десятков ППрибл; эти и только эти ППрибл рассматриваются мною далее.

Синтаксическое строение конструкции с ППрибл типа (i) представляется очевидным: ППрибл-наречие зависит от имени числа, подчиняясь ему посредством ограничительного ПСО:

(4) а. приблизительно ← огран двадцать раз;

б. рублей этак ← огран пятьсот;

в. За год зарубежные студии оказывают услуги

более чем ← огран пятидесяти советским фильмам.

Относительно ППрибл-наречий представляются уместными следующие пять замечаний.

1. ППрибл-наречия могут сочетаться с ППрибл типов (ii) и (iii), тогда как эти последние между собой не сочетаются:

(5) а. Лёня получал тогда рублей этак с пятьсот.

б. Лёня получал тогда приблизительно около трёхсот рублей.

в. Кивлингавут добывала за сезон не менее чем до двухсот белок.

Впрочем, некоторые мыслимые сочетания ППрибл типа (i) с ППрибл типов (ii)-(iii) не употребляются по семантическим и стилистическим причинам: *примерно не менее двухсот, *этак свыше десяти (этак - разг., свыше - книж.).

2. Наречия *этак* и *эдак* употребляются преимущественно при числительном в аппроксимативно-количественной конструкции:

(6) рублей этак двадцать; рублями эдак двадцатью; этак рублей двадцать;...

однако нежелательно

(6') ?этак двадцать рублей; ?эдак двадцатью рублями,...

3. Наличие при числительном наречия-ППрибл не мешает соответствующему ЧВ выступать во всех возможных для него синтаксических ролях (это вытекает из того, что наречие-ППрибл является ПС-зависимым членом: как правило, зависимые не влияют на потенциальные пассивные связи своих хозяев). В частности, ЧВ с наречием-ППрибл может подчиняться предлогу; в этом случае предлог ставится обязательно между ППрибл и его хозяином-числительным, что всегда создает непроективность:

Совершенно аналогично ведут себя и другие ограничительные наречия при Num: *только, ровно, по крайней мере, хотя бы, в точности* и т.п., ср. *только к сорока рублям, в точности <по крайней мере> к сорока рублям,...*

4. Если имя числа имеет вид Num ← S (колич), т.е. *пять тысяч, сто пятьдесят миллионов* и т.п., то при добавлении к нему наречия-ППрибл возникает неоднозначность:

(8) *примерно двести тысяч* [рублей]

может означать либо '(примерно двести) тысяч', т.е. от 190 до 210 тысяч, либо 'примерно (двести тысяч)', т.е. от 190.000 до 210.000; первый смысл предполагает целое число тысяч, близкое

к 200, а второй - любое число, близкое к 200.000 (данная неоднозначность признается не всеми носителями языка).

Указанную неоднозначность можно изображать в ПСС следующим образом:

(8') а. примерно ← огран двести ← колич тысяча
vs.

б. примерно двести ← колич тысяча

(Ср. выше, стр. 93 - 95)

5. Выражения (не) более <больше> чем и (не) менее <меньше> чем являются именно наречными предложениями; синтаксически они полностью эквивалентны таким "очевидным" наречиям, как *приблизительно* или *примерно*, и резко отличаются по своему поведению от форм сравнительной степени (не) более и (не) менее, требующих при себе ЧВ в родительном падеже:

(9) а. Мы получим не более чем восемнадцать решений.
vs.

б. Мы получим более восемнадцати решений.

в. ... не более чем к восемнадцати решениям,
но не

г. *... более к восемнадцати решениям ...

*... к более восемнадцати решений;

д. Помощь оказана более чем двумстам пострадавшим,
но не

е. *Помощь оказана более двумстам пострадавшим; и т.п.

Примеры (9) хорошо показывают отличие выражений (не) более <меньше> чем от ППрибл типа (iii). Именно, в (не) более <меньше> чем мы имеем своеобразное с и н т а к с и ч е с к о е " о п р о щ е н и е ", аналогичное тому, что наблюдается в *только что* (Наташа только что ушла), *куда как* (Куда как ловок!), *не то чтобы* (Коля не то чтобы хотел её), Num_{им} + S ('единица времени') род + как (Он уже два часа как ушёл) и в других наречных предложениях, исторически восходящих к сочетаниям с подчинительными союзами. Наречный статус выражений (не) более <больше, менее, меньше> чем подтверждается также следующими употреблениями:

(10) а. Я более чем устал [ср. очень устал].

б. *Лёвка Скворцов всегда поступает более чем подло*
[ср. *ужасно подло*].

Ср. распространенное в английском языке сходное употребление наречных речений *more than, kind <sort> of, far from*:

(11) а. *I am more than tired.*

б. *He kind of smiled.*

в. *We far from exhausted our possibilities.*

При передаче просторечного произношения даже пишут *sorta, kinda* (т.е. *I sorta <kinda> smiled* - вм. *sort of, kind of*), чем еще больше подчеркивается чисто наречный характер этих выражений.

Приведем примеры на употребление выражений (*не*) *более <больше, ...> чем*:

(12) а. *Мы осуществляем контакты более чем со ста странами мира.*

б. *Традиционного орла дополнял шикарный удав, на колотий не меньше чем в четыре иголки* [В.Максимов; речь идет о татуировке].

Перейдем теперь к вопросу о синтаксическом строении ЧВ, содержащих ППрибл типов (ii) и (iii). Проблему здесь создает сам ППрибл: является ли он хозяином остальной части ЧВ, т.е. вершиной всей группы - или же всякий ППрибл двух последних типов тоже должен считаться зависимым и трактоваться наподобие ППрибл-наречия (типа (i))? Интуиция (во всяком случае, интуиция автора этих строк) требует считать ППрибл типа (ii) или (iii) вершиной; в частности, он управляет формой "исчисляемого" S точно так же, как управляют формой S любые предлоги и прилагательные/наречия в сравнительной степени, в том числе - омонимичные ему самому предлоги и формы сравнительной степени.

Действительно:

(13) *около трёх тонн - как около стен;*

до пяти метров - как до краёв;

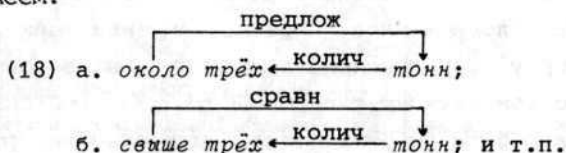
больше трёх тонн - как больше Маши; и т.д.

Если бы мы сочли ППрибл типа (ii) или (iii) зависимым и подчиняли бы его числительному посредством, скажем, ограничительного ПСО (аналогично всем ППрибл типа (i)), нам пришлось бы

продублировать правила оформления сумествительных при предлоге и при сравнительной степени (т.е. предложные синтагмы и часть сравнительных синтагм), повторив их для ограничительного ПСО, да еще и в более сложном виде: ППрибл, сам зависящий от Num, определял бы форму S, подчиняющего это Num. Иначе говоря, правила, реализующие конструкцию типа ОКОЛО $\xrightarrow{\text{предлож}}$ СТЕНА_{МН} (= около стен), должны были бы быть повторены в описании русского языка еще и для реализации конструкции типа ОКОЛО $\xleftarrow{\text{огран}}$ ТРИ $\xleftarrow{\text{колич}}$ ТОННА_{МН} (= около трёх тонн). Такое положение дел, однако, представляется достаточно неестественным.

Данное рассуждение подкрепляется следующим доводом, который, по моему мнению, является основным при определении направления ПС-зависимости; я имею в виду *argumentum ad distributionem*: в двучленной конструкции хозяином считается тот член, который в большей степени определяет пассивные поверхностно-синтаксические валентности (\cong дистрибуцию) всей конструкции в целом (это критерий Б.1 в Экскурсе 9, стр. 349). Сочетание же ЧВ с ППрибл типа (ii) или (iii) имеет весьма специфическую дистрибуцию - совсем не такую, как ЧВ без подобного ППрибл. В то время, как ЧВ без ППрибл (ii)/(iii) выполняет практически все те же ПС-роли, что и любое S в любой форме, сочетание ППрибл (ii)/(iii) + ЧВ выступает только в некоторых из тех ролей, в которых возможно S, а именно - лишь в тех, где требуется S в именительном или винительном падеже: сочетание ППрибл (ii)/(iii) + ЧВ может быть только подлежащим (До пятидесяти человек погибло), прямым дополнением (Они убили до пятидесяти человек), обстоятельством длительности или кратности (Он читал эту книгу около двух месяцев <свыше пяти раз>) и приложением (приименным дополнением?) при названиях величин (при температуре около <свыше> тысячи градусов). Ни в каких других ПС-ролях - например, в качестве дополнения при глаголе, управляемом каким-либо косвенным падежом, в качестве присубстантивного атрибута, в качестве дополнения при предлоге и т.п. - сочетание ППрибл (ii)/(iii) + ЧВ невозможно². Так как указанное ограничение дистрибуции связывается только с ППрибл (ii)/(iii), то этот последний и должен считаться вершиной всего сочетания; ЧВ подчиняется ему посредством того же ПСО, которое применяется

в случае обычных предлогов и сравнительных степеней (этим избегается упомянутое выше ненужное дублирование правил). Итак, мы имеем:

(В несколько иной связи речь о подобных конструкциях шла выше, на стр. 93 - 94; трудность, заключающаяся в том, что при трактовке типа (18) ППрибл не имеет непосредственной поверхностно-синтаксической связи с именем числа, обсуждалась на стр. 83. Семантико-синтаксический анализ русских ЧВ с ППрибл-предлогом содержится в Babby 1984, где автор приходит к другим выводам относительно синтаксического строения выражений типа *около трёх тонн*.)

Признание ППрибл (ii)/(iii) ПС-вершиной всего соответствующего сочетания приводит к следующему любопытному выводу. Дело в том, что в подобных сочетаниях именно ППрибл (ii)/(iii) является всегда опустимым! (Напомним - стр. 66, - что мы имеем в виду опустимость в дереве ПСС, а не в реальной фразе.) Это значит, что в любой правильной русской ПСС, где есть ППрибл (ii)/(iii) при ΔNUMP, этот ППрибл может быть выброшен, и при этом правильность ПСС не нарушается. Ср. пары фраз в (19):

- (19) а. Он получает около <до, свыше, более> ста рублей ~ Он получает сто рублей.
- б. Диктаторский режим уничтожил около <свыше, более> пятидесяти тысяч человек ~ Диктаторский режим уничтожил пятьдесят тысяч человек.

Таким образом, мы наблюдаем здесь ОПУСТИМОСТЬ СИНТАКСИЧЕСКОГО ХОЗЯИНА. Эта ситуация (хотя, вообще говоря, и достаточно редкая) доказывает, что опустимость сама по себе не может считаться не то что единственным, но даже и ведущим критерием при определении направления синтаксических зависимостей: в сочетании (точнее, в ПС-структуре) вида $X \rightarrow Y$ опустимым может оказаться как Y , так и X , как мы только что видели на примере с ППрибл (ii)/(iii). Ср. выше, стр. 353 - 354.

Заметим, что с английскими ППрибл типа *about* 'около', *above* 'свыше', *from ... to* 'от ... до' и т.д. дело обстоит по-другому: они не только опустимы (как и в русском языке), но и (почти) не изменяют дистрибуции соответствующих ЧВ (об одном случае изменения дистрибуции английских ЧВ под воздействием ППрибл см. ниже, стр. 370). Сочетания типа *about* <*above*> + ЧВ останутся возможными во всех тех же ПС-ролях, что и само ЧВ, в том числе - даже после предлогов:

- (20) а. *in about hundred cases* 'примерно в ста случаях';
 б. *for above twenty girls* 'более чем для двадцати девушек';
 в. *among from 30 to 50 children* 'среди детей в числе от 30 до 50'.

(Русские конструкции, синтаксически калькирующие выражения (20), абсолютно невозможны:

- (20') **в около ста случаев* <случаях>;
 **для свыше двадцати девушек*;
 **среди от 30 до 50 детей.*)

Каково же синтаксическое строение английских словосочетаний с ППрибл типа *about* или *above*? Оказывается, что здесь имеют место два разных случая: ППрибл *about* противостоит другим ППрибл - таким, как *above* <*below*> и (*from*) ... *to*.

- *About* 'приблизительно, около' является в качестве ППрибл не предлогом, а наречием типа *approximately*; это подтверждается его употреблением во фразах типа (21):

- (21) а. *The environmental impact will be about as serious as pencil line on a football field* 'Воздействие на окружающую среду будет примерно столь же значительным, сколь [могла бы быть заметна] карандашная линия на футбольном поле'.
 б. *About half of this research was done ...* 'При-
мерно половина этого исследования была проведена ...'
 в. *He is about your height* 'Он примерно твоего роста'.
 г. *The Philippines is about the only country in the world that does not have a parliament* 'Филиппины - это чуть ли не [букв. примерно] единственная

страна в мире, которая не имеет парламента'.

д. *It was about dusk* [Е.Рое] 'Наступали сумерки',
букв. 'Были примерно сумерки'.

е. *I'm about as radical as Tom Heflin* 'Я примерно
столь же радикален, сколь Том Хефлин'.

Следовательно, *about* синтаксически родственно русским ППрибл типа (i) и зависит от Num: для (20а) мы имеем ПСС вида (20"а):

$$\begin{array}{c} \text{предл} \\ \hline \text{(20") а. } \textit{in about} \xleftarrow{\text{огран}} \textit{hundred} \xleftarrow{\text{колич}} \textit{cases.} \end{array}$$

Точно так же обстоит дело и с *no more <less> than*:

(22) *in less than* $\xleftarrow{\text{огран}}$ *thirty-six* $\xleftarrow{\text{колич}}$ *hours*;
ср. пункт 5 на стр. 365.

- Такие английские ППрибл, как *above*, *below*, (*from*) ... *to* и т.п. в выражениях типа (21) не употребляются; выступая в качестве ППрибл, синтаксически они остаются предлогами, которые в соответствии с языковой интуицией (во всяком случае, моей) должны ПС-подчинять себе числовое выражение. Здесь, однако, немедленно возникает вопрос о критериях направления ПС-зависимости, поскольку наш основной критерий - ПС-хозяин навязывает всему сочетанию, в которое он входит, свои пассивные ПС-валентности - к сочетаниям типа *above twenty hours* или (*from*) *ten to twenty hours* представляется неприменимым, во всяком случае - без специальных оговорок. Впрочем, это не вполне так: существует по крайней мере один контекст, в котором ППрибл типа *above* определяет пассивные ПС-валентности своего ЧВ. Мы имеем в виду дополнение, обозначающее значение величины, при имени величины; ср.:

(23) *at the temperature above <below> 2000°C*;
at the temperature from 2000° to 3000°C,

но не

(23') **at the temperature 2000°C* [надо: *at the temperature of 2000°C*].

Возможно, противопоставление типа (23) vs. (23') достаточно для того, чтобы признать критерий навязывания пассивных ПС-валентностей применимым и для ППрибл типа *above*; тогда никаких особых проблем здесь не остается.

Вернемся, однако, к основной линии нашего изложения.

Итак, в русских ЧВ с ППрибл_{(ii)/(iii)} этот последний считается вершиной в силу того, что именно он определяет пассивные ПС-валентности всего сочетания в целом. Поскольку же сочетания ППрибл_{(ii)/(iii)} + ЧВ выступают лишь в части тех ПС-ролей, в которых возможно S (и ΔNUMP), оказывается удобным ввести в рассмотрение еще одно стандартное поддерево: ΔAPPROX = ППрибл_{(ii)/(iii)} + ΔNUMP. Применение ΔAPPROX позволяет упростить и сделать более компактной запись предикативных, комплетивных, а также соответствующих обстоятельственных и аппозитивных синтагм; см., в частности, Иомдин и др. 1975: 39-40, откуда мы заимствуем описание ΔAPPROX.

ΔAPPROX есть дерево одного из следующих 14 видов:

(i)

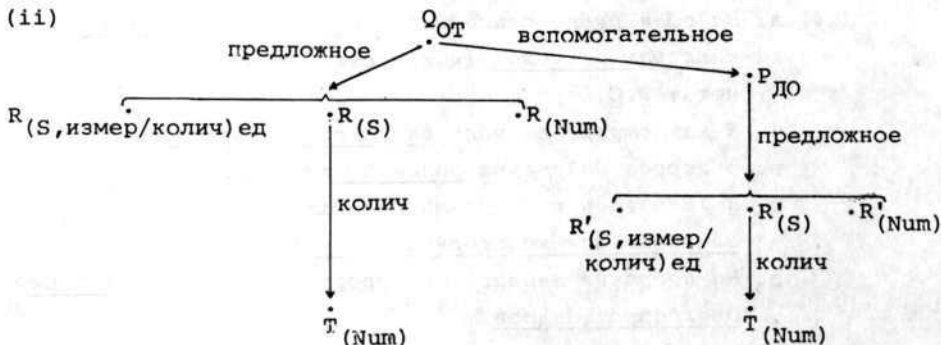
Q = ДО, ОКОЛО, ОТ, С 2 [с тонну грузов]

если Q = С 2, то R = (S, измер)

Здесь описаны деревья трех следующих видов:

- 1) до тоння; от килограмма (и больше); с десяток гостей;
- 2) около ста рублей; рублей до пятисот;
- 3) около сорока; от десяти (и выше).

(ii)

Здесь описаны деревья восьми следующих видов:

- 1) от килограмма до тонны; от миллиона до миллиарда;
- 2) от килограмма до шести тонн;
- 3) от килограмма до шести;
- 4) от шести килограмм до тонны;
- 5) от шести килограмм до шести тонн;
- 6) от шести килограмм до шестидесяти;
- 7) от шести до шестидесяти килограмм;
- 8) от шести до шестидесяти.

(iii)

Q = БОЛЕЕ, БОЛЬШЕ, МЕНЕЕ, МЕНЬШЕ, СВЫШЕ

Здесь описаны деревья трех следующих видов:

- 1) более тонны; выше километра; менее тысячи;
- 2) не менее трёх тонн; меньше ста километров;
- 3) больше шести; выше пятидесяти.

В заключение мы приведем примеры употребления ΔAPPROX в различных ПС-ролях.

Подлежащее:

- (24) а. На один рубль приходилось около трёх с четвертью килограммов чохов [чоx - старинная китайская монета; Л.С.Берг].
- б. В катастрофе погибло около сорока человек.
- в. В городе действуют более 20 тысяч таких новинок.
- г. К 1880 году под пулями федеральных войск пало до 95 процентов калифорнийских индейцев.
- д. На собрание явились три профессора и около <выше> двухсот студентов.

Согласование сказуемого с подлежащим-ΔAPPROX определяется такими же (весьма сложными) правилами, что и в случае с подлежащим-ΔNUMP. Здесь рассматривать эти правила невозможно; я ограничусь лишь двумя следующими указаниями.

Во-первых, число глагола-сказуемого зависит (в частности) от лексической природы самого глагола и существительного - вершины группы подлежащего. Так, глагол ПРИХОДИТЬСЯ¹ ('сколько приходится на сколько') требует, по-видимому, согласования в ед. числе: в (24а) мн. число сказуемого невозможно, ср. **На один рубль приходились около трёх с четвертью килограммов чохов*. Далее, сказуемое в ед. числе предпочитается в случае, если вершиной группы подлежащего является название единицы измерения, ср. (24г), где мы имеем в этом качестве *проценти*. При обозначении времени в качестве подлежащего ед. число сказуемого обязательно: *Прошло* <*Прошли> *больше трёх лет*; *Было* <*Били> *уже около двух*.

Во-вторых, число глагола-сказуемого зависит от целого ряда семантических причин. Если подлежащее - неопределенное или если оно используется в объединительном значении (см. McCawley 1968: 152 и сл.; joint vs. nonjoint noun phrases), т.е. обозначаемые им объекты рассматриваются как одно целое и сказуемое предиктируется относительно них как совокупности, то сказуемое должно быть скорее в ед. числе. В противном случае, т.е. при определенности подлежащего или при его использовании в распределительном значении (каждый объект активен отдельно, так что сказуемое предиктируется им по одному, а не всем вместе), более вероятно мн. число сказуемого:

(25) *Перед ним стояло около трёхсот женщин,*

но

(26) *Около трёхсот таких женщин бросились к нему со всех сторон.*

Впрочем, подобные правила не слишком категоричны, так что в (25) и (26) допускается и обратное распределение чисел у сказуемых (хотя тогда получатся несколько менее естественные фразы). Ср. Супрун 1959: 90-91.

В данной связи возникает следующая интересная проблема. В примерах типа (24) - (26) мы имеем случаи семантической нагру-

женности такой традиционно согласовательной, т.е. чисто синтаксической, категории, как число глагола-сказуемого: если подлежащее - ΔAPPROX, то число сказуемого может нести информацию об определенности/неопределенности подлежащего, о его объединительности/распределительности и, возможно, еще о каких-то его семантических свойствах. Спрашивается, где и каким образом следует фиксировать указанную информацию? Иначе говоря, как именно должна эта информация представляться в ПСС и ГСС? Пока что этот вопрос остается для нас открытым. (Предварительное решение: в ПСС следует просто сохранять число сказуемого при подлежащем - ΔAPPROX; в ГСС соответствующая информация может передаваться специальными "словечками" - адъюнктами при подлежащем.)

Прямое дополнение:

- (27) а. Тот, пройдя уже шагов с пятьдесят, обернулся и посмотрел на него [Ф.М.Достоевский, "Преступление и наказание"].
- б. Готовое сирье не должно содержать посторонних примесей более 1%.

В (27б) мы видим перемещение в препозицию компонента С = *посторонних примесей*, входящего в состав группы прямого дополнения *более 1% посторонних примесей*. Подобная препозиция компонента С таких русских КВ, у которых компонент Q содержит имя единицы измерения (*процент, килограмм, метр, ящик, кусок, ...*), характерна для непринужденного стиля речи:

- (28) а. Коля купил яблоко кило шесть.
- б. На стройку привезли цемента целых пять тонн.
- в. Под навесом лежало брёвен штук десять; и т.п.

Данная особенность должна быть учтена в соответствующей комплексивной синтагме, описываемой сочетания "имя единицы измерения + обозначение исчисляемого" (*килограмм мяса, бутылка пива, процент ошибок и т.п.*).

Обстоятельства длительности и кратности:

- (29) Раймунд IV "Старый" около шести лет жил в изгнании; он был женат не менее пяти раз, но оставил только двух законных сыновей.

Приложение:

- (30) *За это время между советскими импортными организациями и датскими фирмами было заключено контрактов на сумму более трёх миллионов крон.*

С Н О С К И

1. (К стр. 362.) Помимо лексических ППрибл, в русском языке существуют синтаксические средства выражения приблизительности в широком смысле: аппроксимативно-количественная конструкция (*Раз пятнадцать он тонул*), а также кратные конструкции с именами чисел (*десять-пятнадцать раз*). Здесь подобные конструкции нас интересовать не будут. Об аппроксимативно-количественной конструкции речь шла выше: стр. 103, 147 - 160, в особенности - 156 - 159.
2. (К стр. 367.) Фраза
- (i) **Более 20 из них грозит тюремное заключение* [газета "Труд", 14 марта 1976 г., стр. 3] неправильна; она объясняется контаминацией форм родительного падежа *двадцати* (после *более*) и дательного падежа *двадцати*: малограмотный журналист воспринял все выражение *более двадцати* как форму дательного падежа. В действительности следовало сказать (ii):
- (ii) *Более чем 20 из них грозит тюремное заключение.*

ЭКСКУРС 11

Лично-количественные ("собираательные") числительные
в русском языке

"Наше употребление: *двое* - не смело
и даже смешно, мы говорим *двое мо-*
лодцов, но не скажем *двое человек...*"

[К.С.Аксаков]

В настоящем Экскурсе я рассмотрю две тесно связанные проблемы:

I. Соотношение между "обычными" числительными ДВА, ТРИ, ЧЕТЫРЕ, ..., с одной стороны, и лично-количественными числительными ДВОЕ, ТРОЕ, ЧЕТВЕРЕ, ..., с другой.

II. Правила употребления лично-количественных числительных.

Каждой проблеме посвящен особый раздел.

I

Соотношение между числительными типа ДВА и числительными типа ДВОЕ

Рассмотрим следующий ряд неправильных выражений:

- (1) * [купили] две стола <два кровати> [надо: два стола <две кровати>];
- (2) * [принял] двое больных [надо: двоих больных];
- (3) * [купили] двое столов <кроватей> [см. (1)];
- (4) * [купили] два <две> саней [надо: двое саней].

(1) - (4) неправильны только из-за числительных, выделенных подчеркиванием. Спрашивается: в каком месте описания русского языка и как именно следует запретить подобные выражения? Однако прежде чем я смогу ответить на этот вопрос, необходимо предварительно ответить на другой вопрос: одинаковы ли по своей языковой природе все неправильности, представленные в (1) - (4)? А это, в свою очередь, требует еще одного предварительного ответа: как соотносятся между собой формы *два/две* и *двое*? (Аналогично, *три* и *трое*, *четыре* и *четверо* и т.п., т.е. "обычное" Num и соответствующие ему лично-количественное; об этом термине см. сноску 4 на стр. 43.)

Последний вопрос удобно переформулировать следующим образом: Являются ли *два/две* и *двое* словоформами одной и той же лексемы - или это представители [= лексы] двух разных, хотя и близких по смыслу и форме лексем?

Ответ на этот вопрос полностью определяет оба остальных ответа. Ибо если *два/две* и *двое* - это словоформы одной и той же лексемы, то в (1) - (4) все неправильности одинаковы: именно, неверно выбраны ФОРМЫ данной лексемы; за правильным оформлением Num в конструкции Num + S следит оператор $COOTV_{Num(S)}$ (стр. 193), и, следовательно, все выражения типов (1) - (4) должны отвергаться правилами именно этого оператора. Если же *два/две* и *двое* - это формы разных лексем, то в (1) - (4) мы имеем две разные неправильности: в (1) и (2) неверно выбраны ФОРМЫ одной лексемы, и устранение этой неправильности действительно должен взять на себя $COOTV_{Num(S)}$; однако в (3) и (4) неверно выбраны САМИ ЛЕКСЕМЫ, а за выбор лексем $COOTV_{Num(S)}$ не отвечает. Более того, выбор нужных лексем по заданному смыслу вообще не входит в компетенцию синтаксических (глубинно-синтаксического и поверхностно-синтаксического) компонентов модели языка: это дело семантического компонента (грубо говоря, словаря).

Поэтому прежде всего мне надо ответить на вопрос о принадлежности единиц типа *два/две* и *двое* к одной лексеме.

Положительный ответ на этот вопрос дает, например, А. Богуславский (Bogusławski 1966: 69); ср. также Bogusławski - Karolak 1970: 9 - 11, 452.

А.А.Зализняк (Зализняк 1967: 87 - 88) предлагает частично отрицательный ответ: он настаивает на существовании двух разных лексем ДВА и ДВОЕ, но считает сегмент *двое* - только в им. и вин. падежах! - принадлежащим как той, так и другой лексеме (таким образом, по Зализняку, ДВА = {*два, две, двое, двух, двум, двумя*}, ДВОЕ = {*двое, двоих, двоим, двоими*}; аналогично, для ТРИ vs. ТРОЕ и ЧЕТЫРЕ vs. ЧЕТВЕРО, но не для ПЯТЬ vs. ПЯТЕРО и дальше; подобное решение мотивируется наличием сочетаний типа *двое <*два/две> саней, двух <*двоих> саней, ... , но пять <*пятеро> саней* и т.п.

Я, однако, склонен дать на сформулированный выше вопрос чисто отрицательный ответ: *два/две* и *двое* суть лексы двух разных лексем (ДВА и ДВОЕ 1, соответственно). В порядке обоснования этого решения можно привести следующие четыре довода: один морфологический, один синтаксический и два лексических.

Довод 1 (ad morfologiam)

Если признать *двое* формой лексемы ДВА, то необходимо определить ту словоизменительную (= формообразовательную) категорию, по которой форма *двое* противопоставляется формам *два/две* - аналогично тому, как *два* и *две* противопоставляются по роду, а *два* и *двух* - по падежу или по одушевленности. Однако эта категория будет резко выпадать из системы словоизменительных категорий русского Num: род, одушевленность, число, падеж (см. Экскурс 13, стр. 412). Она окажется не только уникально присущей лишь числительному, но и по своему характеру совсем непохожей на прочие согласовательные категории у русских А и Num: дело в том, что выбор форм типа *двое, трое, четверо* (вместо *два, три, четыре*) обуславливается не только морфологическими и синтаксическими свойствами S, но и его смыслом. Ср., например, *двое студентов*, но [?]*двое деканов, двое матросов*, но [?]*двое адмиралов* и т.п., где *двое* нежелательно с названиями лиц высокого общественного ранга. Реакция на такой конкретный смысл, как 'высокий общественный ранг', совсем не характерна для словоизменительных категорий согласования в русском языке.

Поэтому представляется более естественным считать категорию, противопоставляющую *два/две* и *двое*, словообразовательной, что влечет признание форм типа *два/две* vs. *двое* лексами двух разных лексем (связанных, однако, регулярным словообразовательным отношением, которое выражается при помощи суффиксов *-oj-* и *-er-*; ср., например, *буква* vs. *буквочка, камень* vs. *камешек, озеро* vs. *озерко* и т.п.).

Довод 2 (ad syntaxem)

Одной из определяющих особенностей русских количественных Num является способность входить в составные имена чисел типа *сто два, двести сорок два* и т.п. (стр. 268, свойство 10) - во всех возможных падежах (и родах - для ОДИН I и ДВА). В то же время лично-количественные Num не могут входить в составные ИЧ - даже в тех случаях, когда это необходимо с точки зрения потребностей общения: так, записи *43 суток, 74 суток* и т.п. не могут быть произнесены вслух (ср. стр. 105), поскольку **сорок трое* или **семьдесят четверо* абсолютно невозможны, а *сорок три* и *семьдесят четыре* не сочетаются с pluralia tantum.¹

Если считать, что *двое, двоих* и т.п. (или хотя бы только

двое) суть формы лексемы ДВА, придется формулировать крайне неестественную (во всяком случае, по моему мнению) оговорку о том, что определенная часть форм некоторых лексем из класса Num лишена одного из конститутивных свойств лексем этого класса. По-видимому, запрет на участие в определенной конструкции лучше задавать в терминах некоторого (под)класса лексем, а не (под-)класса ФОРМ лексем, да еще таких лексем, для которых как раз характерно участие в этой конструкции.

Довод 3 (ad lexicam)

Правила употребления согласовательных категорий типа рода, одушевленности или падежа являются в русском языке достаточно строгими, стандартными и регулярными; однако правила выбора форм типа *двое* далеки и от строгости, и от стандартности, и от регулярности:

- Относительно противопоставления *два/две* vs. *двое* колебания узуса столь велики, что здесь можно говорить в основном лишь о достаточно определенной тенденции, но не о четком правиле.

- Пестрота факторов, влияющих на выбор лично-количественного Num, усматривается непосредственно из перечня соответствующих правил на стр. 398 - 399.

- Даже в тех случаях, когда выбор лично-количественного Num максимально автоматичен, т.е. при *pluralia tantum*, настоящая регулярность все же отсутствует: [?]*двое брюк* [лучше: *две пары брюк*], **трое сапог* [надо: *три пары сапог*], **четверо часов* [[?]*четыре пары часов*, [?]*четыре штуки часов*] и т.п.

Правила употребления лично-количественных Num гораздо ближе к правилам лексической сочетаемости - прихотливым, нестрогим и размытым, зачастую привязанным к индивидуальным лексемам, нежели к правилам употребления форм, т.е. к правилам согласования и управления. Это также свидетельствует о том, что *два/две* и *двое* принадлежат к разным лексемам.

Довод 4 (ad lexicam)

Для каждого лично-количественного Num в русском языке имеется равноименное ему существительное: *двое 1* [большин] - *двое 2* 'два мужчины или мужчина и женщина', *трое 1* [знаком] - *трое 2* 'три мужчины или три мужчины и женщины' и т.д. То, что *двое 2* или *трое 2* являются настоящими S, следует непосредственно из

рассмотрения фраз типа (5) - (6):

(5) У самой воды лежали пятеро.

vs.

(5') * У самой воды лежали <лежало> пять.

[Как уже отмечалось (стр. 64), русское Num не может само по себе, т.е. без S, выступать в типовой роли S в грамматически автономной, неэллиптической фразе.]

(6) а. И холодно стало третьему вдруг

От жуткого счастья двоих [М.Светлов].

б. "Трое в серых шинелях" [название повести В.Добровольского].

в. "Четверо спустились с гор" [название фильма].

Тем самым, лексемы ДВОЕ (S) 'два мужчины или мужчина и женщина', ТРОЕ (S) 'три мужчины или три мужчины и женщины' и т.п. необходимы в словаре русского языка независимо от того, куда будет решено относить формы *двое 1, трое 1, четверо 1, ...*

(= лично-количественные Num). Возникает следующая ситуация: имеется лексема ДВА и лексема ДВОЕ 2 (с лексами *двое 2, двоих 2, ...*); имеется также ряд лекс *двое 1, двоих 1, двоим 1* и т.п.; спрашивается, к какой лексеме принадлежит этот ряд? Возможны три ответа: либо к лексеме ДВА (ответ А.Богуславского, см. выше, стр. 377), либо к лексеме ДВОЕ 1, которая образует с лексемой ДВОЕ 2 одну вокабулу (т.е. "одно многозначное слово"), либо частично к лексеме ДВА, а частично - к лексеме ДВОЕ (ответ А.А.Зализняка, стр. 377). При первом и третьем ответе два совпадающие по форме и очень близкие по смыслу ряда лекс разрываются между двумя вокабулами. При втором ответе эти ряды оказываются в двух "смежных" лексемах одной вокабулы (т.е. "в двух значениях одного и того же слова"); второй ответ представляется мне более естественным. Однако в соответствии с ним формы типа *двое* не должны включаться в состав лексем типа ДВА.

Соображения 1 - 4 и заставляют меня считать, что *два/две* и *двое* всегда принадлежат к РАЗНЫМ лексемам. Следовательно, в (1) - (2) и в (3) - (4) мы имеем разные неправильности: (1) - (2) иллюстрируют нарушение морфологической сочетаемости, или сочетаемости форм, каковая описывается операторами COOTB; в (3) и (4) нарушена лексическая сочетаемость. Законное место сведений о лексической сочетаемости - в семантических правилах, т.е. в сло-

варе. В частности, именно при семантических (= словарных) правилах, сопоставляющих числовым значениям русские лексемы, и должны содержаться указания, необходимые для выбора лично-количественных Num. Вот пример такого семантического правила:

$$'6' \iff \begin{cases} 1) & \text{ШЕСТЬ} & | C_1 \\ 2) & \text{ШЕСТЕРО 1} & | C_2 \end{cases}$$

где C_1 и C_2 суть условия выбора между ШЕСТЬ и ШЕСТЕРО 1 (грубо говоря, это правила, изложенные ниже, в разделе II).

Таким образом, сочетаемость лично-количественных Num выходит за рамки этой книги, которая посвящена исключительно поверхностному синтаксису числовых выражений. Однако для большей полноты предложенной картины я все же приведу здесь правила употребления лично-количественных Num в русском языке.

II

Правила употребления лично-количественных числительных

Сведения об употреблении Num_(лич-кол) будут сгруппированы в четыре следующие рубрики:

- А. Условия, при которых Num_(лич-кол) МОЖЕТ быть употреблено.
- Б. Условия, при которых Num_(лич-кол) ДОЛЖНО быть употреблено.
- В. Условия, которые БЛАГОПРИЯТСТВУЮТ употреблению Num_(лич-кол).
- Г. Условия, которые ПРЕПЯТСТВУЮТ употреблению Num_(лич-кол).

Затем предлагается компактная сводка правил употребления Num_(лич-кол) и подробный анализ сложного реального примера с помощью этих правил.

О сочетаемости русских Num_(лич-кол) см. специальную заметку Супрун 1959b, а также Bogusławski 1966: 203 - 210; о значении числительных типа *двое*, *трое* в славянских языках - и в частности, о расширении и изменении сферы их употребления - см. Šerech 1952: 21 - 38. См. также Галкина-Федорук и др. 1957: 306 - 307 и Виноградов и др. 1960: 371.

- А. Условия, при которых Num_(лич-кол) может быть употреблено.

Лично-количественные числительные могут сочетаться с S трех следующих типов:

- Обозначения людей.
- Обозначения детенышей животных.
- Pluralia tantum.

1. Обозначения людей.

- (7) а. Двое или трое греков быстро хватили правой рукой две, а левой три рыбы [А.И.Куприн].
- б. Затем они направились к троим любителям домино, за-
севшим здесь уже с полудня.
- в. Казнь пятерых патриотов - визов всему прогрессивному
человечеству ["Правда", № 280 (20884), 7 окт. 1975 г.].
- г. У меня синовья, и дочь, и двое внучат [Б.Слуцкий].

В нормативных грамматиках и различных пособиях по русскому языку обычно отмечают, что лично-количественные Num не сочетаются с S женского рода, т.е. с обозначениями женщин. Однако в действительности данная закономерность очень часто нарушается:

- (8) а. У меня жена, двое дочек [А.П.Чехов, "Три сестры"].
- б. Пятеро доярок колхоза им. 30-летия ВЛКСМ пишут в
"Правду Украины".
- в. Шестеро благочестивейших католичек
Влезло на борт парохода "Эспань" [В.В.Маяковский].
- г. На обследование были направлены семеро пострадавших
работниц.
- д. Относительно всех пятерых девиц он сразу стал на
бесцеремонную ногу весёлого дядюшки [А.Куприн,
"Молох"].

Фразы (8) воспринимаются мной как абсолютно нормальные. (Однако, например, покойный А.А.Реформатский оценивал их как неправильные. По-видимому, сочетание Num_(лич-кол) + S_(жен) - это широко распространившийся, но еще не полностью победивший синтаксический неологизм.)

Особый случай представляет собой числовой классификатор, или нумератив, ДУША 2 (ср. ЧЕЛОВЕК 2, ШТУКА, ...). Это существительное женского рода легко сочетается с Num_(лич-кол) (а в случае "малых" числительных просто требует этого последнего) даже в речи тех представителей старшего поколения, которые возражали бы против фраз типа (8):

- (9) а. У него четыре душ <*четыре души> детей.
- б. Слышали, товарищ? ... вырезали семью ... семеро душ
[И.С.Шмелев, "Кровавый грех"].

Объяснение очевидно: ДУША 2 не обозначает существо женского пола.

Что касается S среднего рода, то среди них очень мало слов, обозначающих людей. Однако при этих немногих S_(ср) лично-количественное Num вполне допустимо и даже желательно; ср. ЛИЦО II (человек) и ЧУДОВИЩЕ 2 (как обозначение человека):

- (10) а. В комнате оказалось трое лиц китайского происхождения <четверо неизвестных лиц>.
 б. Эти трое маленьких чудовищ буквально не давали мне покоя.

В то же время Num (лич-кол) неупотребительно с S_(ср) типа СИЯТЕЛЬНОСТЬ, ВЫСОЧЕСТВО, ВЕЛИЧЕСТВО, СВЯТЕЙШЕСТВО и т.п.:

- (11) все три Их Высочества <? все трое Их Высочеств>.

Это происходит потому, что Num (лич-кол) не сочетаются с обозначениями высоких общественных рангов, см. ниже, стр. 396.

Исключения:

Лично-количественные числительные не сочетаются или неохотно сочетаются с обозначениями людей в трех следующих случаях:

- Группа Num + S является "счетным выражением", зависящим, например, от количественного предлога (но не ПО III) или количественного глагола (ср. синтаксический признак "колич", стр. 252); при этом S ≠ ДУША 2. Ср.:

- (12) а. У нас в классе стало на два ученика <на *двое/?двоих учеников> больше.
 б. Это заказ - на три лица <*на трое/?троих лиц>.
 в. Колонна была глубиной в четыре всадника <*в четверо/четверих всадников>.
 г. Я стоял в очереди за картошкой через три мальчика <*через трое/троих мальчиков> от неё.
 д. Их потери составляют всего два <?двое/*двоих> пленных и четыре <?четверо/*четверих> раненых.

При распределительном предлоге ПО III или с ДУША 2 лично-количественное Num остается возможным:

- (13) а. В палаты клали по трое/три больных.
 б. У него стало в доме больше на пятеро/пять душ.

- S = нумератив ЧЕЛОВЕК 2:

- (14) а. На судне осталось четыре человека <*четыре человек> команды.
 Противник потерял восемь человек <*восьмеро/восьмерих человек> убитыми.

- S представляет собой односложное арготическое существительное типа *лоб, дуб, гад, мент, друг* 'тип, парень', *шеф, тип*, не имеющее препозитивного прилагательного-определения:

- (15) И тут подходят ко мне три типа <лба, друга> - ...
 ?трое типов <лбов, друзей>.

Если S не односложно, или не является арготизмом, или имеет препозитивное определение, лично-количественное Num остается вполне допустимым:

- (16) а. двое лабухов, трое мокрушников, четверо раздолбаев;
 б. двое братьев, трое друзей [в обычном смысле], четверо слуг;
 в. И тут подходят ко мне трое здоровенных типов <лбов, друзей> ...

2. Обозначения детеншей животных.

- (17) а. "Волк и семеро козлят" [название сказки].
 б. Ему удалось поймать четверих лисят, а пятый убежал.
 в. У них в зверинце живёт пятеро детёнышей куду <пятеро маленьких куду> [но не: ...живёт ?пятеро взрослых куду <?пятеро красавцев куду>; надо: пять взрослых куду].
 г. С Севера, с острова Жестева,
 Птицы летят,
Шестеро, шестеро, шестеро
Серых утят [А.Галич, "Летят утки"].
 д. трое щурят; четверо щеглят <орлят>.

Исключение:

Как и в случае с обозначениями людей, лично-количественное числительное не выступает в "счетном выражении" (в частности, зависящем от количественного предлога - но не ПО III - или количественного глагола):

- (18) а. В зверинце стало на два львёнка <*на двое/двоих львят> больше.
 б. Груды - как два поросёнка <*как двое поросят> [В. Набоков].

3. Существительные pluralia tantum.

- (19) а. Засунув руку в карман, он задумчиво перебирал там пальцами три зубных щётки и трое щипцов.

б. *За это, между прочим, Господь посадил его на трое суток во чрево китово.*

в. *В стене, окружавшей школу, имелось двое ворот.*

Исключения:

Лично-количественные числительные не сочетаются с НЕОДУШЕВЛЕННЫМИ *pluralia tantum* в следующих трех случаях:

- Num (лич-кол) обозначает число, большее 4:

(20) а. ... *посадил его на пять <*пятеро> суток.*

б. ... *нашёл шесть <*шестеро> щипцов.*

в. *Десять <*десятеро> суток циркуляров нет - это же жутко, я линии не вижу под собой [А. Платонов, "Шарманка"].*

Впрочем, данное исключение является не слишком категорическим: отклонения от него нередко встречаются как в разговорной речи, так и в поэзии. Ср., например, следующую строфу М.Светлова:

(21) *В необходимость свою на земле*

Он фанатически верил, не ведая,

Что шестеро суток в немецкой петле

Качаться ему перед самой победою

["Из цикла стихов о Лизе Чайкиной"].

- S (мн!) обозначает (ритуальное) событие, пару предметов или блюдо:

(22) а. *?? На одной неделе - трое похорон <поминок, именин>.*

б. **Он купил трое перчаток <четверо носков>.*

в. **Выбей нам четверо щей <пельменей>!*

Это исключение также часто не соблюдается (особенно в разговорной речи).

Отметим, что употребление лично-количественных числительных с обозначениями парных предметов было нормой еще лет пятьдесят тому назад: "Двое, трое, четверо и т.п. в применении к парным предметам могут обозначать ... 'две, три пары чего-нибудь': *двое брюк, двое сапог, двое перчаток*" (Виноградов 1947: 310, сноска); ср. также Галкина-Федорук и др. 1957: 306. В наши дни, однако, эта конструкция совершенно устарела и избегается в речи представителей младших поколений. Она сохранилась лишь в двух следующих фразеологических выражениях:

(23) - *У меня (ведь) не двое рук <глаз>!*²

- Группа Num + S_(мн!) стоит в косвенном падеже:

(24) а. Об этих трёх <*троих> сутках можно рассказывать долго.

б. К двум <*двоим> щипцам; с тремя <*троими> воротами; из-за четырёх <*четверих> нарт; на пяти <*пятерих> розвальнях.

Ср. правило Г.1, стр. 395.

Три указанные исключения не касаются, однако, одушевленных pluralia tantum, которых в русском языке имеется ровно три: ДЕВЧАТА, РЕБЯТА и ДЕТИ (плюс их уменьшительные варианты). Эти лексемы характеризуются двумя следующими синтаксическими особенностями (по сравнению со всеми прочими pluralia tantum):

(i) Они допускают при себе лично-количественные числительные от ПЯТЕРО и выше; ср.:

(25) пятеро <пять> девчат, семеро <семь> ребят, восемь <восемь> детей <детишек>.

(ii) Они допускают при себе лично-количественные числительные во всех косвенных падежах:

(26) у двоих <двух> девчат, к троим <трём> девчатам; с пятерыми <пятью> ребятами, об этих семерих <семи> ребятах;
у троих <трём> детей, к этим четверим <четырёх> детям.

Данные особенности объясняются специфической семантикой этих лексем.³

4. Помимо "чистых" S, лично-количественные числительные сочетаются с личными местоимениями множ. числа МЫ, ВЫ, ОНИ (см. стр. 135 и сл.):

(27) а. Трое нас <Нас трое> только тут и осталось <*остались>.

б. Вас шестеро <Шестеро вас> туда отправилось.

в. И за ними пятерыми столько дыма и смертей! [В. Луговской].

г. Мы трое только тут и остались <*осталось>.

д. Кому-то из нас двоих с братом нужно было идти с бригадой [К. Симонов].

е. Вы шестеро туда пойдёте.

ж. Они пятеро с этим управятся.

5. Лично-количественное числительное может быть сочинено с обычным (= количественным) числительным для выражения приблизительного количества при одушевленном S (которое может быть отлично от S трех перечисленных выше типов):

(28) *За один рейс им удавалось добыть четырёх-пятерих китов.*
Эта конструкция, имеющая весьма ограниченное употребление, более подробно обсуждается ниже, в правиле Б.4 (стр. 389).

Подведем итог. Русские лично-количественные числительные могут синтаксически сочетаться со следующими пятью классами лексем (при соблюдении разумеется, условий и исключений, перечисленных выше):

- обозначения людей (S);
- обозначения детеньшей животных (S);
- pluralia tantum (S);
- личные местоимения множественного числа;
- количественные числительные (в кратных цепях, выражающих приблизительность).

Для первых четырех классов лексем разрешенные сочетания могут быть двух типов:

а) Либо Num_(лич-кол) связывается с S или местоимением непосредственно, образуя ЧВ (до сих пор я рассматривал только такие сочетания).

б) Либо Num_(лич-кол) связывается с S или местоимением через глагол-связку, выступая в качестве именной части сказуемого. Все сочетаемостные ограничения остаются в этом случае без изменения. Поэтому я могу просто дать серию примеров:

- (29) а. *Владельцев "Нимфи" было трое* [И.Ильф и Е.Петров].
 б. *Волчат оказалось четверо.*
 в. *Носилок у них стало трое <*три> / шесть <*шестеро>.*
 г. *Похорон на этой неделе случилось четверо.*
 д. *"Их было пятеро" ['их' - люди; название фильма].*
 е. *Их было пять ['их' - предметы, например, ящики или самолеты].*
 ж. *Девушки выходят на площадь; их пятеро* ["Тарусские страницы", Калуга, 1961: 164].

В (29ж) антедецент для *их* - существа женского пола, что, как мы видим, вовсе не препятствует употреблению лично-количественного Num.

Отметим еще раз, что правила А.1 - 4 со всеми сформулированными исключениями далеко не абсолютны. В разговорной речи, в прессе и художественных текстах попадают многочисленные нарушения, которые воспринимаются мною как более или менее приемлемые.⁴

Б. Условия, при которых Num (лич-кол) должно быть употреблено.

Употребление лично-количественного числительного является обязательным в четырех случаях, перечисленных ниже. Подчеркнем, что, в отличие от всех прочих правил, правила Б абсолютны: нарушение любого из них ведет к неправильному выражению.

Итак, Num (лич-кол) обязательно выступает (т.е. "обычное" Num невозможно):

1. При *plurale tantum* - если и только если

1) выражаемое число - 2, 3 или 4, и

2) либо вся Δ NUMP - в именительном или винительном (последнее - только для неодушевленных $S_{(мн!)}$) падеже, либо Num зависит от связки, подлежащее которой - "исчисляемое" $S_{(мн!)}$:

(30) а. **два <три, четыре> сани <носилки>*

[надо: *двое <трое, четверо> саней <носилок>*].

б. **Саней было два <три, четыре>*

[надо: *Саней было двое <трое, четверо>*].

в. **два <три, четыре> ребят;*

г. [*вижу*] *двух <двоих> ребят.*

2. При личных местоимениях МЫ, ВЫ, и ОНИ - если и только если

1) выражаемое число - 2, 3, или 4, и

2) местоимение ОНИ замещает обозначение людей, и

3) либо вся Δ NUMP стоит в именительном падеже, либо Num зависит от связки, подлежащее которой - "исчисляемое" S:

(31) а. **ми два <два ми, два нас, нас два>*

[надо: *ми двое/двое нас*];

**ви три <три ви, три вас, вас три>*;

[надо: *ви трое/трое вас*];

б. *Появились ранение; *их было три* [надо: *их было трое*].

в. *Только пять <пятеро> нас тут и осталось* [ср. пример (27а)].

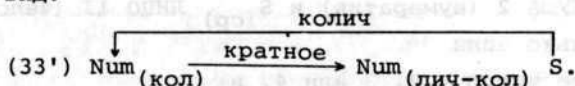
- г. Появились раненные; их было шесть <шестеро>.
- д. Появились самолёты противника; их было три <*трое>.
- е. Нас двух веселило питать эту маленькую слабость милого человека [Е.Герцк, "Воспоминания", Paris, 1973: 111].

3. При S_(жен) ДУША 2 (нумератив) и S_(ср) ЛИЦО II (человек) - если и только если
- 1) выражаемое число - 2, 3 или 4, и
 - 2) вся ΔNUMP - в именительном (или винительном - только для ДУША 2) падеже, и
 - 3) между Num и S нет прилагательного (только для ДУША 2):
- (32) а. *У него - три души детей [надо: трое душ].
- б. У него - пять <пятеро> душ детей.
 - в. *два лица знатного происхождения [надо: двое лиц]
 - г. с двумя <*двоими> лицами високого общественного положения;
 - д. два знатных лица <двое знатных лиц>;
 - е. На приём явилось трое лиц <*три лица> китайской национальности.
 - ж. Эти четверо юридических лиц <Эти четыре юридических лица> могут создать независимую организацию.

Ср. правило А.1, пример (10а).

4. При "обычном" Num - если и только если
- 1) оба числительные сочинены в кратной цепи, выражающей приблизительность [между двумя предельными величинами] и
 - 2) "обычное" Num = 1, 2, 3 или 4 и предшествует Num_(лич-кол), и
 - 3) число, выражаемое Num_(лич-кол) - больше, чем 4, и меньше, чем 11, и
 - 4) "исчисляемое" S - одушевленное, и
 - 5) вся ΔNUMP - в винительном падеже:
- (33) а. Три раза в год нутрия приносит трёх-пятерих <*пять> детёнышей.
- б. За сезон на участке отстреливают одного-десятерих <*десять> оленей.
 - в. На этом участке отстреливают двух-двенадцать оленей.

Замечание 1. Как видно из (33б), в рассматриваемой конструкции "исчисляемое" S не обязано принадлежать к одному из трех типов S, сочетающихся - по правилам A - с Num_(лич-кол). Это, однако, ничему не противоречит: между Num_(лич-кол) и S нет непосредственной синтаксической связи. ПСС конструкции (33а-б) имеет следующий вид:

Замечание 2. Фразы (33б-в) находятся на грани допустимости; в случаях, когда обозначаемая разность превосходит 3, предпочитается конструкция с предлогами:

(33") б. ... от одного до десяти оленей.

в. ... от двух до двенадцати оленей.

Тем не менее, хотя стилистически обе фразы (33б-в) весьма неудачны, грамматически они совершенно правильны и должны быть признаны допустимыми (особенно в официальных текстах).

Замечание 3. Raison d'être конструкции, проиллюстрированной в (33), очевиден. Правила согласования между членами сочиненных конструкций в русском языке требуют, чтобы в кратной цепи из двух числительных второе Num было одушевленным, если первое является одушевленным (ср. Экскурс 13, стр. 427, (20)). Однако, начиная с 5, одушевленность различают только лично-количественные (но не "обычные") Num. Именно этим фактом и объясняется появление Num_(лич-кол) в качестве второго члена кратной цепи в (33а-б).

Во всех остальных случаях (= не оговоренных правилами B) употребление Num_(лич-кол) не является обязательным: в любом выражении, где мы имеем Num_(лич-кол), его можно заменить на "обычное" Num без нарушения грамматической правильности.

В. Условия, при которых Num_(лич-кол) является предпочтительным.

Мне известно 9 случаев, когда Num_(лич-кол) предпочитается "обычному" Num более или менее устойчивым образом.

1. Num_(лич-кол) предпочитают при S адъективного склонения (не являющихся фамилиями на -ов/-ин):

(34) а. Двое часовых зачернели на концах паркетной пыльной равнины [М.А.Булгаков].

- б. Двое отпускных со мною
Из нашей же роти [Э.Багрицкий, "Дума про Опанаса"].
- в. Пришли ко мне однажды трое знакомых.
- г. Пятеро раненых остались ждать возвращения машины.
- д. Инфаркт миокарда возник у семерых больных, погибли от него пятеро человек ["Лит. газета", 14 янв. 1976 г.].
- е. В состав экспедиции входили два пилота и шестеро учёных [А. и Б.Стругацкие].
- ж. Новенький трактор стоял у межи,
Двое влюблённых резвились во ржи.
Трактор завёлся и тихо пошёл...
Кто-то в буханке бюстгальтер нашёл [Современная прибаутка; сообщена автору Ю.Д.Апресяном].

Ср., однако, совершенно нормальные (35а-в):

- (35) а. После второй мировой войны семь учёных СССР стали нобелевскими лауреатами [М.В.Волькенштейн, "Перекрёстки науки", 1972, 38].
- б. "Рассказ о семи повешенных" [название рассказа Л. Андреева].
- в. Всю ночь за стеной ворковала гитара,
Сосед-прощальга крутил юбилей,
А два понятия, словно два санитара,
Зевая, томилась у чёрных дверей
[А.Галич, "Возвращение на Итаку"].

2. Num (лич-кол) предпочитают при S (муж, одуш) 1-го склонения на -а, типа мужчина, судья, староста:

- (36) а. Да нет, не двое мужчин, а два мальчика [Ю.Олеша, "Ни дня без строчки", Москва, 1965: 105].
- б. Анна Андреевна рассказывает, как недавно вечером к ней по очереди пристали трое мужчин [Л.Чуковская, "Записки об Анне Ахматовой"].

3. При S (муж) на -анин/-ане и -ин/-и:

- (37) двое крестьян, трое американских граждан, пятеро киевлян, шестеро татар <болгар> и т.д.

Предпочтительность Num (лич-кол) в этом контексте весьма невелика; для меня, во всяком случае, два крестьянина и три гражда-

нина не хуже, чем *двое крестьян* и *трое граждан*. Тем не менее, данные, приводимые в Супрун 1959b, равно как и мои собственные наблюдения, указывают на то, что Num₁ (лич-кол) выступает при существительных названного типа статистически чаще, чем "обычное" Num.

4. При S, обозначающих низкий ранг или низкое общественное положение:

- (38) двое <трое, ..., пятеро> солдат;
двое студентов, трое лаборантов, четверо техников;
двое мужиков, трое лакеев.

Ср. правило Г.2, касающееся обозначений высших рангов и т.п. (стр. 396).

Еще М.В.Ломоносов ("Полное собрание сочинений", том VII, стр. 558) отмечал, что числительные на *-ое/-еро* должны употребляться преимущественно при именах "лиц подлого состояния". Возможно, что эта особенность Num₁ (лич-кол) связана с остаточными элементами их собирательного значения (см. выше, стр. 44). А. Богуславский (1966: 205) также отмечает склонность Num₁ (лич-кол) сочетаться "с названиями лиц, часто выступающих в группах"; а выступать группами более естественно для низких рангов: чаще приходится говорить, например, о группе солдат, чем о группе генералов, и т.п.

5. При S - "этнографических" названиях (Супрун 1959b):

- (39) а. двое французов <квебекцев>, трое дикарей, четверо казаков, пятеро ленинградцев;
 б. Четверо чегемцев, дальних родственников дяди Сандро, сидели тут же в комнате [Ф.Искандер, "Сандро из Чегема", Ann-Arbor, 1979: 192].
 в. Среди раненых у нас было трое словаков, один чех и семеро русских [К.Симонов].

И здесь причина предпочтения может быть та же, что и выше: "этнографические" S часто называют группы людей.

6. При трех одушевленных *pluralia tantum*: ДЕВЧАТА, РЕБЯТА <РЕБЯТКИ, РЕБЯТИШЕЧКИ> и ДЕТИ <ДЕТИШКИ> (ср. правило А.3, исключение из исключений, стр. 386):

- (40) а. Нас было пятеро фатовых ребятишек:
Два шулера и трое ширмачей [советская блатная песня].
 б. Женат и имеет четверых несовершеннолетних детей

["Сборник документов Обществ. группы содействия выполнению Хельсинских соглашений", вып. 6, 1979].

- в. ...намерение Андрея Львовича жениться на Е.В. Арцимович, матери пятерих детей [комментарий редактора в кн.: С.А. Толстая, "Дневники", том 2, Москва, 1978: 528].

Тем не менее, при вышеупомянутых S нередко попадают и "обычные" Num - при условии, правда, что Δ NUMP стоит не в именительном падеже:

- (41) *Рядом спала женщина, придерживавшая во сне руками двух маленьких спящих детей* [Н. Чуковский, "Водители фрегат"].

Все шесть перечисленных факторов, благоприятствующие употреблению Num (лич-кол), так или иначе связаны с "исчисляемым" S: они касаются его морфологии, его смысла, его лексической принадлежности. Остальные три фактора имеют совсем иную природу: фактор 7 описывает синтактико-морфологические особенности Δ NUMP в целом, а факторы 8 и 9 - ее семантические особенности.

7. Лично-количественное Num предпочитается "обычному" - если

- 1) выражаемое число больше или равно 5 и
- 2) вся Δ NUMP, включающая одушевленное S, - в винительном падеже;

имеется дополнительное условие, усиливающее желательность Num (лич-кол): наличие прилагательного, предшествующего Num и зависящего от него, см. пример (42г)..

- (42) а. *Между тем, инспектор увидел пятерих граждан, которые прямо руками выкапывали из бочки кислую капусту* [И. Ильф и Е. Петров, "Двенадцать стульев"].
- б. *В 1942 году партия пленник лопатами перебила семерих немцев из охраны и разбежалась* [К. Симонов].
- в. *Однажды он привёл ко входу в каменоломни пятерих краснофлотцев* [К. Симонов].
- г. *Он пригласил всех шестерих <?шесть> мальчишек к себе в кабинет.*

Фактор 7 объясняется тем, что в описанном контексте говорящие предпочитают ОДУШЕВЛЕННУЮ ФОРМУ числительного, а такая форма (начиная от 5) возможна лишь у Num (лич-кол).

8. Лично-количественное числительное предпочитается, если Δ NUMP обозначает ЕДИНУЮ ГРУППУ лиц, т.е. как-то организованный коллектив, а не множество разрозненных элементов, никак не связанных между собой. Так, фраза

(43) *Вчера ко мне приходили четверо незнакомых мне студентов.*
будет сказана скорее в том случае, если студенты явились все вместе и с одной целью. Если же студенты приходили порознь, в разные моменты и с разными целями, то естественнее было бы сказать (43'), т.е. употребить "обычное" Num:

(43') *Вчера ко мне приходили четыре незнакомых мне студента.*
В контекстах типа (43) - (43'), Num_(лич-кол) выступает как маркированный член противопоставления с "обычным" Num. Таким образом, Num_(лич-кол) сигнализирует, что Δ NUMP обозначает единую группу, тогда как "обычное" Num не сигнализирует ничего специфического в этом отношении. Фраза (43') может быть понята и в 'коллективном смысле' - особенно если остальной контекст благоприятствует этому; в то же время, (43) может быть понята только в 'коллективном' смысле.

Фактор 8 был неоднократно отмечен разными исследователями; ср., например, Bogusławski 1966: 205 (Num_(лич-кол) проявляет очевидную тенденцию к употреблению в "ситуациях, где считающиеся лица образуют в действительности единую группу").

9. Num_(лич-кол) предпочитается, если Δ NUMP обозначает ОПРЕДЕЛЕННУЮ группу лиц (например, группу, которая уже была упомянута в предшествующем тексте, так что референт данной Δ NUMP устанавливается однозначно). Другими словами, при прочих равных условиях Num_(лич-кол) предпочитается там, где в языках с артиклями был бы употреблен определенный артикль. Ср., например:

(44) *К нам в класс пришли новички: Андрей, Борис и Ваня. Начиная с первого дня, трое мальчиков <три мальчика> всегда держались вместе [можно было бы сказать ... эти три мальчика].*

Впрочем, фактор 9 не имеет значительной силы. В очень многих случаях Num_(лич-кол) может относиться и к неопределенному S: ср. примеры (7a), (8б), (10a), (34a, г, д, ж), (36б) и другие.⁵

Отметим в заключение, что факторы предпочтительности

Исключение: Num (лич-кол) остается предпочтительным, если

- 1) вся Δ NUMP, включающая одушевленное S, - в винительном падеже (правило В.7) и
- 2) эта Δ NUMP является определенной (правило В.9).

Это исключение используется при анализе примеров (53д,е) на стр. 400.

Впрочем, нередко попадаются примеры, противоречащие правилу Г.1, но не учтенные и данным исключением. Ср., в частности, (48):

- (48) *Но когда у неё будет трое детей от троих разных мужчин - что же, они так и будут кочевать от папы к маме?*
[Л.Чуковская, "Записки об Анне Ахматовой"].

Подобные случаи показывают, что правило В.2, благоприятствующее появлению лично-количественного Num в (48), пересиливает правило Г.1.

2. При S, обозначающих высокий ранг или высокое общественное положение:

- (49) ? двое генералов, ? трое адмиралов, ? четверо маршалов;
? двое профессоров, ? трое ректоров;
? двое министров, ? трое президентов.

(Ср. правило В.4 на стр. 392 и замечание о лексемах типа СИЯТЕЛЬНОСТЬ на стр. 383.)

Данное правило не имеет значительной силы и нарушается весьма часто. При этом в большинстве случаев неясно, как следует рассматривать тот или иной статус: как высший, низший или нейтральный. Возьмем, к примеру, такие лексемы, как ИНЖЕНЕР, ВРАЧ или ПИСАТЕЛЬ. Можно ли сказать, что абсолютно правильная фраза (50):

- (50) *Из Петербурга прибыли ещё два члена правления, четверо бельгийских инженеров и несколько крупных акционеров* [А.И.Куприн, "Молох"].

нарушает правило Г.2? Не думаю; по-моему, существительное ИНЖЕНЕР не обозначает ни высокий, ни низкий ранг - оно представляется в данном отношении неопределенным.

3. При S_(мн!), обозначающем инструмент или вид штанов, - в особенности, если Num (лич-кол) - ЧЕТВЕРО или больше, а S_(мн!) словарно маркировано как неохотно сочетающееся с лично-количест-

венным числительным. Общих закономерностей здесь нет; все управляется прихотливым узусом. Так, мы имеем:

- (51) а. [?] двое <трое> очков vs. двое <трое> весов;
 б. [?] двое <трое> брюк vs. двое <трое> трусов;
 в. ^{??} четверо <пятеро, ...> очков <весов, брюк, трусов>.

4. При прочих равных условиях, лично-количественные ВОСЬМЕРО, ДЕВЯТЕРО и ДЕСЯТЕРО нежелательны. Так, эти девять раненых звучит несколько лучше, чем эти десятеро раненых; впрочем, данное правило имеет малый вес, так что десятеро раненых остается вполне возможным вариантом. (Напомню, что Num_(лич-кол) от 11 и выше вообще малоупотребительны: стр. 38.)

Исключение: Правило Г.4 недействительно, если речь идет о ΔNUMP, включающей Num_(лич-кол) и S_(одуш) и стоящей в винительном падеже - как, например, в случае фразы (53e), стр. 400.

Аналогично факторам предпочтения, факторы нежелательности Num_(лич-кол) тоже могут комбинироваться между собой и делать употребление такого числительного практически невозможным; например:

- (52) ^{??} с двоими маршалами,

где "объединяются" правила Г.1 и Г.2.

Наконец, факторы предпочтения и факторы нежелательности могут действовать в одном и том же ЧВ, т.е. применительно к одному и тому же Num_(лич-кол). Подобные случаи рассматриваются в пункте (II) на стр. 402.

Заметим, что в паре «Num_(лич-кол) - "обычное" Num» немаркированным членом противопоставления является "обычное" числительное. Именно оно должно употребляться при отсутствии каких-либо специальных указаний. Лично-количественное числительное обязательно нуждается в подкрепляющих факторах; другими словами,

Num_(лич-кол) может быть употреблено, если и только если для этого имеются показания правил Б или В (и, разумеется, этому не противоречат правила А или Г).

Теперь будет, по-видимому, нелишним дать схематичный обзор всех описанных правил. Итак:

Правила употребления Num (лич-кол) в современном русском языке

А. Num (лич-кол) МОЖЕТ быть употреблено только:

1. С обозначением лица.

Исключения:

- кроме случая, когда Δ NUMP образует счетную группу;
- кроме случая, когда S = ЧЕЛОВЕК 2 (нумератив);
- кроме случая, когда S - односложное арготическое слово.

2. С обозначением детеныша животного.

Исключение: кроме случая, когда Δ NUMP образует счетную группу.

3. С S_(мн!) (=plurale tantum).

Исключения: если S_(мн!) - неодушевленное, то

- кроме случая, когда Num = ПЯТЕРО, ШЕСТЕРО и т.п.;
- кроме случая, когда S_(мн!) обозначает ритуальное событие, пару предметов или блюдо;
- кроме случая, когда Δ NUMP стоит в косвенном падеже.

4. С личным местоимением во множественном числе.

5. С количественным числительным (в составе кратной цепи, выражающей приблизительность).

Б. Num (лич-кол) ДОЛЖНО быть употреблено:

1. С S_(мн!) - если и только если

- 1) выражаемое число - 2, 3 или 4 и
- 2) либо Δ NUMP - в именительном или винительном (последнее - только для неодушевленных S_(мн!)) падеже, либо Num (лич-кол) зависит от глагола-связки.

2. С личным местоимением во множественном числе - если и только если

- 1) выражаемое число - 2, 3 или 4,
- 2) ОНИ замещает обозначение лиц и
- 3) либо Δ NUMP в именительном падеже, либо Num (лич-кол) зависит от глагола-связки.

3. С нумеративом ДУША 2 и S_(ср) ЛИЦО II - если и только если

- 1) выражаемое число - 2, 3 или 4,
- 2) Δ NUMP - в именительном падеже и
- 3) между Num и S нет прилагательного.

4. С количественным Num в сочиненной цепи типа *трѣх-пятерик*.

В. Num (лич-кол) ПРЕДПОЧИТАЕТСЯ:

1. С S адъективного склонения.
2. С S (муж) склонения на -а (типа *мужчина*).
3. С S (муж) на -анин/-ане и -ин/-и.
4. С S, обозначающим низкий общественный статус.
5. С этнографическим S.
6. С одушевленным S (мн!) (типа *дети*).
7. С одушевленным S, если
 - 1) выражаемое число - 5 или больше и
 - 2) Δ NUMP - в винительном падеже.
8. С одушевленным S, если Δ NUMP обозначает единую группу (т.е. при "объединительной" интерпретации).
9. С одушевленным S, если референт группы Δ NUMP является определенным.

Г. Num (лич-кол) НЕЖЕЛАТЕЛЬНО:

1. В косвенных падежах, особенно в дательном и творительном.
Исключение: кроме случая, когда
 - 1) S - одушевленное,
 - 2) референт группы Δ NUMP - определенный и
 - 3) Δ NUMP - в винительном падеже.
2. С S, обозначающим высокий общественный статус.
3. С S (мн!), обозначающим инструмент или тип штанов, особенно если Num (лич-кол) - больше, чем ЧЕТВЕРО.
4. Начиная с ВОСЬМЕРО.
Исключение: кроме случая, когда
 - 1) S - одушевленное и
 - 2) Δ NUMP - в винительном падеже.

Теперь я предложу анализ достаточно сложного примера, чтобы проиллюстрировать применение сформулированных правил. Это отрывок из статьи Ильи Эренбурга - небольшой связный текст, состоящий из шести фраз. (Я позволил себе небольшие сокращения, чтобы избежать ненужных усложнений.)

(53) а. На Западном фронте семь бойцов под командой лейтенанта Деметьева защищали небольшую высоту.

б. Немцы атаковали крупными силами - все было брошено против восьми отважных людей.

в. Свыше трёхсот фашистов умерли, штурмуя толмик с восемью героями.

- г. Лейтенант Д. и семеро его бойцов отдали свои жизни за бессмертную Россию.
- д. За Д. и семерик бойцов может помолиться старая сербская крестьянка ...
- е. Великая любовь воодушевляла восьмерик героев.
[И.Эренбург, "О ненависти", май 1942; перепечатано в кн.: К.Симонов - И.Эренбург, "В одной газете", Москва, 1979: 76 - 77].

Текст (53) написан словно нарочно для целей упражнения в использовании правил употребления лично-количественных числительных. В самом деле, во фразе (53а) правила А допускают употребление Num_(лич-кол), но правила Б не требуют этого. Правила В.4 ('бойцы' - низкий ранг) и В.8 ('бойцы' образуют единую группу) делают его желательным, однако правила Г содержат косвенное противопоказание: в данном контексте Num_(лич-кол) имплицировало бы определенный характер группы 'семь бойцов' (правило В.9), тогда как речь идет о НОВОЙ теме, о группе, которую автор как раз вводит в рассмотрение, т.е. о неопределенной ΔNUMP. В силу этого в (53а) можно предпочесть "обычное" Num, что Эренбург и сделал.

ΔNUMP, обозначающая 'восемь отважных людей' в (53б), является определенной (это 'семь бойцов + лейтенант Д.' из предшествующей фразы); следовательно, В.9 рекомендует Num_(лич-кол). Однако это Num_(лич-кол) было бы ВОСЬМЕРО, да еще в родительном падеже: два штрафных очка в соответствии с правилами Г.4 и Г.1. Баланс нулевой или даже слегка отрицательный, и Эренбург выбрал обычное Num.

То же рассуждение верно и для (53в) - с той только разницей, что тут ВОСЬМЕРО оказалось бы в творительном падеже, а это еще хуже для употребления Num_(лич-кол).

Ситуация меняется в (53г): правила В.8 и В.9 рекомендуют Num_(лич-кол) и никаких противопоказаний нет; Эренбург выбирает *семеро* (а не *семь*).

В (53д) складываются еще более благоприятные обстоятельства для Num_(лич-кол): правила В.7, В.8 и В.9 рекомендуют таковое, и их совместное действие делает его выбор почти обязательным. (Заметим, что правило Г.1 здесь не применимо благодаря *Исключе-*

нию: ΔNUMP *семеро бойцов* является определенной и стоит в винительном падеже.)

Наконец, в (53e) мы также имеем взаимодействие правил В.7, В.8 и В.9, как и выше; правило Г.4 не применимо по той же причине, что и Г.1 в (53д): группа *восемь бойцов* является определенной и стоит в винительном падеже. В результате Эренбург употребил именно Num (лич-кол) *

Таким образом, по крайней мере, в пределах примера (53) наши правила верно описывают наблюдаемые факты. Посмотрим теперь, допускают ли наши правила распределение лично-количественных и "обычных" Num, обратное данному.

Во фразах (53а-г) выбор, сделанный автором, можно заменить на противоположный, (почти) не понижая приемлемость этих фраз с точки зрения правил А - Г:

- (53') а. На Западном фронте семеро бойцов под командой лейтенанта Д. защищали небольшую высоту.
- б. Немцы атаковали крупными силами - всё было брошено против восемь отважных людей.
- в. Свыше трёхсот фашистов умерли, штурмуя холмик с восемь героями.
- г. Лейтенант Д. и семь его бойцов отдали свою жизнь за бессмертную Россию.

Любая из этих фраз, взятая ОТДЕЛЬНО, не хуже (или, может быть, лишь чуть-чуть хуже), чем соответствующая ей фраза в (53). Однако все четыре фразы (53'а-г) вместе, рассматриваемые как СВЯЗНЫЙ ТЕКСТ, существенно хуже, чем текст (53а-г). Я могу указать по крайней мере две причины этого:

- Переход к "обычному" Num в (53'г) после трех вхождений лично-количественного Num производит неприятный эффект (особенно потому, что этот переход делается в момент, когда речь идет о безусловно определенной ΔNUMP).

- Употребление Num (лич-кол) в большинстве случаев не является стилистически нейтральным, и поэтому появление Num (лич-кол) в трех фразах подряд неоправданно утяжеляет текст.

Что же касается фраз (53 д-е), то здесь замена Num (лич-кол) на "обычное" Num весьма нежелательна - в соответствии с правилами В.7 и В.8 - даже и в отдельно взятых фразах:

(53') д. *За Д. и семь бойцов может помолиться старая сербская крестьянка.

е. *Великая любовь воодушевляла восемь героев.

Это значит, что комбинация правил В.7 и В.8 является достаточно сильной.

В заключение я сформулирую четыре существенные особенности правил А - Г.

(I) Все правила выбора между Num_(лич-кол) и "обычным" Num логически независимы друг от друга. Каждое правило формулирует некоторое условие, и для того, чтобы в данном контексте Num_(лич-кол) было желательно или, по крайней мере, приемлемо, ВСЕ эти условия должны быть одновременно выполнены. Таким образом, правила А - Г представляют собой систему фильтров, через которую как бы пропускаются фразы, содержащие числительное.

(II) Поскольку окончательный выбор числительного делается в результате взаимодействия всех правил, а правила типов В и Г могут противоречить друг другу, то следовало бы, по-видимому, приписать каждому правилу определенный "вес". Тем самым была бы учтена сравнительная сила различных правил (т.е. факторов). Так, например, правила В.1 и Г.2 имеют, как кажется, одинаковую силу, поскольку во фразе (54) равно возможно и лично-количественное, и "обычное" Num:

(54) На собрании выступили пять профессоров и $\left\{ \begin{matrix} \text{трое} \\ \text{три} \end{matrix} \right\}$ заведующих кафедрами.

В.1 способствует употреблению Num_(лич-кол), ибо ЗАВЕДУЮЩИЙ - это S адъективного склонения; Г.2 препятствует употреблению Num_(лич-кол), ибо ЗАВЕДУЮЩИЙ обозначает высокий ранг. Как мы видим из примера (54), оба фактора взаимно нейтрализуются, делая выбор числительного факультативным, а это означает, что их "веса" примерно равны.

Иначе обстоит дело в (55):

(55) ?*двоим <троим, четверим> заведующим.*

Получается, что правило Г.1, препятствующее употреблению Num_(лич-кол) в косвенных падежах, несколько сильнее, чем правило В.1.

В настоящий момент, однако, я не способен указать "веса" предложенных правил. Отсутствие "весов" может повести, при одновременном применении правил типов В и Г, к синтезу неудач-

ных фраз.

(III) Правила А - Г в их теперешнем виде не покрывают всех факторов, обуславливающих выбор между Num_(лич-кол) и обычным Num. Мне известны по крайней мере три типа подобных факторов, от которых я позволил себе отвлечься:

- Числительные в идиомах могут употребляться в противоречии с предложенными правилами, например:

(56) а. *на своих на двоих 'пешком'*;

б. *У меня не двое рук!* [см. выше].

- На выбор числительного могут влиять те или иные особенности текста, вовсе не специфичные только для числительных; например, стремление избегать рифм в прозе (**своими троими родными*), стремление избегать (*два грека и трое турок*) или, наоборот, создавать (*двое греков и трое турок*) определенные параллелизмы и т.п.

- Особенно важны ТЕКСТОВЫЕ факторы, т.е. факторы, действующие за пределами отдельных фраз, в рамках связанных текстов (ср. выше, разбор случаев (53'а-г) на стр. 401).

(IV) Правила А - Г основываются на моем собственном идиоме с учетом языковой интуиции ряда коллег плюс корпуса литературных цитат и авторитетных грамматических источников. Однако именно в области употребления числительных и в частности - лично-количественных числительных колебания узуса особенно сильны. Поэтому правила употребления Num_(лич-кол) должны были бы опираться на результат широкого лингвостатистического и социолингвистического обследования. Подобное обследование предпринято не было, и я вполне осознаю, что в ряде случаев указания правил А - Г могут расходиться с мнениями других носителей русского языка.

СНОСКИ

1. (К стр. 378.) В некоторых официальных документах, в частности, в воинских отпускных свидетельствах, используются выражения типа [... (такому-то) предоставлен отпуск сроком на] сорок трое суток. Это, однако, очевидный канцеляризм, недопустимый в пределах литературной нормы.
2. (К стр. 385.) Фразеологические выражения (отмеченные в книге Виноградов и др. 1960: 380)
 - (i) *У меня не двое рук <глаз>!* (раздраженный ответ на

упрек в том, что человек чего-то не успел сделать <заметить>)

доказывают, что РУКИ <ГЛАЗА> в смысле 'пара рук <глаз>' суть pluralia tantum (ср. Зализняк 1967: 61). Таким образом, словоформы *руки* <глаза> омонимичны: они представляют собой либо формы лексем РУКА <ГЛАЗ>, либо формы лексем РУКИ <ГЛАЗА>.

3. (К стр. 386.) С семантической точки зрения, эти три S не являются настоящими pluralia tantum. Это скорее супплетивные формы множественного числа для ДЕВОЧКА/ДЕВУШКА, РЕБЕНОК/МАЛЬЧИК и РЕБЕНОК. Ср.:

(i) *Все эти сани <очки, брюки, ...>, каждые из которых ...*

vs.

Все эти девочки, каждая из которых ...

и

Все эти ребята <дети>, каждый из которых ...

4. (К стр. 388.) Вот несколько примеров, иллюстрирующих довольно обычные нарушения правил А.

(i) *По двое и по трое через большой поток
Летели поджарые лошади мордами на восток
[В. Луговской, "Хван-Ор"].*

Правда, в (i) Num(лич-кол) *двое* и *трое* синтаксически вообще прямо не связаны с каким-либо существительным, хотя семантически оба они относятся к лошадям.

(ii) *Три пограничника, шестеро глаз -
Шестеро глаз да моторный баркас
[Э. Багрицкий, "Контрабандисты"].*

У Багрицкого, родившегося и выросшего на Украине, *шестеро* глаз может быть украинизмом: в украинском языке лично-количественные Num легко сочетаются с неодушевленными S, правда - среднего рода (*двое* *слів* 'два слова', *трое* *вікон* 'три окна' и т.п., см. Івченко 1955: 19); перенос по аналогии на S(муж) представляется достаточно вероятным. (Подробнее об употреблении Num(лич-кол) в украинском см. Žerach 1952: 7-21.)

(iii) *Как двое кукушек, часами подряд
В упор друг на друга глядят и глядят ["Литер.газета",
2 июня 1962 г.].*

(iv) *У соседа попадьи издохло сразу трое кур и петух
[М.А. Булгаков, "Роковые яйца"].*

(v) *Семеро, семеро Славлю дней [М. Цветаева, "Змей"].*

Num(лич-кол) не должно, вообще говоря, сочетаться с обозначениями птиц, как в (iii) - (iv), или обозначениями отрезков времени, как в (v).

(vi) *Описав широкую дугу, танки пошли на Королёва и Лиду.
Построившись в ряд, они шли на них двоих, все
шестеро [Н.К. Чуковский, "Цвела земляника"].*

Num(лич-кол) не должно сочетаться с местоимением (*все*), антецедентом которого является неодушевленное S (*танки*).

5. (К стр. 394.) Поскольку проблема соотношения между употреблением лично-количественного Num и определенностью соответствующего ЧВ представляется мне исключительно важной, я приведу здесь ряд примеров, иллюстрирующих все четыре логически возможные случая:

- "обычное" Num в неопределенном ЧВ;
- "обычное" Num в определенном ЧВ;

- Num (лич-кол) в неопределённом ЧВ;

- Num (лич-кол) в определённом ЧВ.

а. "Обычное" Num, неопределённое ЧВ

- (i) В этот момент Тартарен услышал французскую речь: два рослых моряка в беретах с помпонами выбирали коралловые ожерелья [В.Крепс, К.Минц, "Клуб знаменитых капитанов", Москва, 1974: 127].
- (ii) Они взяли с собой восемь матросов [Н.Чуковский, "Водители фрегатов"].
- (iii) Больная оказалась совершенно здоровая, но так перепилась, что совсем спятила. Теперь её пять докторов лечат. Живёт она одна. Три автомобиля, два шофера [Т.Тэффи].
- (iv) Однажды весной, в час небывало жаркого заката, на Патриарших прудах появились два гражданина [М.Булгаков].

б. "Обычное" Num, определённое ЧВ

- (i) Итак, дама пригласила этих четырёх кавалеров к обеду [Т.Тэффи].
- (ii) Согласно закону, одного из этих двух преступников нужно будет отпустить на свободу [М.А.Булгаков].
- (iii) Рутерфорд заметил, что четыре воина, обикновенно спавшие у двери, исчезли [Н.Чуковский, "Водители фрегатов"].

в. Лично-количественное Num, неопределённое ЧВ

- (i) У входа остались четыре новозеландцев, вооружённых копьями [Н.Чуковский, "Водители фрегатов"].
- (ii) Эмай приказал шестерым рабам совать им в рот кусочки рыбы [там же].
- (iii) Четыре моряков помоложе прыгнули с мачт прямо в воду [там же].
- (iv) Я стал. Двое солдат и полная женщина в папаше быстро подошли ко мне [В.Набоков].
- (v) И сейчас же с площадки сада двое легионеров ввели человека лет двадцати семи [М.А.Булгаков].

г. Лично-количественное Num, определённое ЧВ

- (i) Он заметил в воде тех самих шестерих островитян, которые посетили его третьего дня [Н.Чуковский, "Водители фрегатов"].
- (ii) В одной таверне он случайно услышал разговор двух бродяг ... Но мало ли о чём могли болтать эти двое пьяных бродяг в портовом кабаке [В.Крепс, К.Минц, "Клуб знаменитых капитанов", Москва, 1979: 188, 189].

Экскурс 12

*Составные имена чисел с "неизменяемыми" компонентами
в русском языке*

В современном русском языке, особенно - в устной речи, при употреблении составного имени числа в косвенном падеже определенные компоненты этого ИЧ могут стоять (или даже чаще стоят) в именительном падеже, т.е. не изменяются. Однако вопрос о допустимости/недопустимости составных ИЧ с "неизменяемыми" компонентами далеко не прост. Дело в том, что неизменяемость отдельных компонентов характерна только для достаточно громоздких ИЧ, состоящих из большого числа компонентов, а подобные ИЧ встречаются в устной речи редко; поэтому у носителей языка нет надежного интуитивного ощущения относительно языковой правильности соответствующих выражений.

Так, В.В.Виноградов (1947: 305) приводит (с ссылкой на Р.И.Кошутича) и признает допустимыми выражения (1):

(1) а. с шестьсот семьдесят двумя рублями;

б. с двумя тысячами пятьсот пятьдесят двумя солдатами
[неизменяемые компоненты подчеркнуты].

В то же время во многих справочниках и руководствах по практической стилистике подобные выражения безусловно осуждаются. Автор данной книги, в свою очередь, воспринимает составные ИЧ типа (1) как абсолютно правильные, но лишь в устной речи; на письме, по моему мнению, которое согласуется с требованиями нормы, следует использовать полностью изменяемые ИЧ (имеются в виду те немногочисленные случаи, когда достаточно длинные ИЧ записываются словами). Необходимо специальное обследование русской речи, имеющее целью установить хотя бы примерные нормы употребления ИЧ с неизменяемыми компонентами. (К сожалению, в книге Панов 1968: 85-95 соответствующий вопрос практически не освещен.) До тех пор, пока такое обследование не проведено, я рискну опираться только на собственную интуицию.

Не настаивая поэтому на окончательности моих наблюдений, я укажу здесь четыре особенности русских составных ИЧ в интересующем нас аспекте.

I. Способность к неизменяемости присуща не любым компонентам составных ИЧ, причем тем, которым эта способность присуща, она присуща не в равной степени. Так, числительные ДВАДЦАТЬ, ТРИДЦАТЬ и СОРОК в роли предпоследнего компонента ИЧ вообще никогда не могут оставаться в именительном падеже, если всё ИЧ в целом стоит в одном из косвенных падежей:

(2) с шестьсот *двадцать тремя рублями;

ср., в то же время, абсолютно правильное (3):

(3) с шестьсот пятьдесят тремя рублями.

В таком выражении, как (4):

(4) со всеми шестьсот двадцать три тысячи триста девяносто семью рублями, -

то, что мы видим, не есть неизменяемость числительных ШЕСТЬСОТ, ДВАДЦАТЬ и ТРИ; здесь имеет место неизменяемость лексемы ТЫСЯЧА, так что все числовое выражение шестьсот двадцать три тысячи, входящее в состав ИЧ (4), оказывается целиком в именительном падеже.

Далее, числительное СТО и количественные S типа ТЫСЯЧА IIa, МИЛЛИОН и т.д., как правило, не остаются неизменяемыми без особых способствующих факторов (см. ниже, пункт II):

(5) а. со *сто [надо: ста] пятнадцатью рублями;

б. Он обрушился на неё *сто [надо: ста] пятнадцатью килограммами своего веса;

в. с *миллион [надо: миллионом] шесть тысяч триста двадцатью рублями;

г. Услуги были оказаны *два миллиона [надо: двум миллионам] шесть тысяч триста двадцати посетителям.

При этом выражения (6) вполне допустимы:

(6) а. с двести пятнадцатью рублями;

б. Он обрушился на неё триста пятнадцатью килограммами своего веса.

Выражения (5) также становятся допустимыми, если от ИЧ зависит прилагательное-определение, см. ниже.

Наконец, без особых способствующих факторов неизменяемыми в роли первого (самого левого) компонента ИЧ могут быть только имена сотен, начиная от ДВЕСТИ:

(7) с пятьсот тремя рублями,

но не

(8) с пятьдесят тремя рублями.¹

Впрочем,

(9) с девянсто тремя рублями

представляется допустимым. Скорее всего, это объясняется одинаковостью звучания форм *девянсто* и *девянста*: [d'ɤv'ɤnɔstɐ].

II. Мы можем указать два фактора, способствующих неизменяемости отдельных компонентов составных ИЧ в косвенных падежах.

1) Первый, достаточно сильный фактор, - это наличие пре-
позитивного прилагательного, зависящего от ИЧ. Такое прилагательное "несет" нужный падеж, так что этим облегчается употребление тех или иных компонентов ИЧ в исходной форме (т.е. в именительном падеже):

(10) а. со всеми этими миллион шесть тысяч триста двадцатью рублями (ср. (5в));

б. Услуги били оказаны всем этим два миллиона шесть тысяч триста двадцати посетителям (ср. (5г)).

в. со всеми своими пятьдесят тремя рублями (ср. (8)).

NB: подчеркнем еще раз, что выражения (10) признаются допустимыми только в устной речи; в письменном тексте подобного оформления составных ИЧ следует избегать.

2) Второй фактор - это выражения *более чем* и *менее чем*, зависящие от ИЧ. Этот фактор действует слабее, чем первый, в том смысле, что выражения, которые без него являются неправильными, зачастую и с ним не становятся правильными, хотя степень их приемлемости обычно все-таки повышается. Так, (11):

(11) Услуги били оказаны *более чем* два миллиона шесть тысяч триста двадцати посетителям -

явно лучше, чем (5г), хотя само (11) все-таки звучит не вполне нормально.

Любопытно, что *более чем* и *менее чем* способствуют неизменяемости имен сотен и (в меньшей степени) десятков даже и вне составных ИЧ. Возьмем две следующие фразы:

(12) а. Армия султана усилена тремя с половиной тысячами иранских военнослужащих, а также более чем 500 английскими наёмниками.

б. За год зарубежные студии оказывают услуги не менее

чем 50 советским фильмам.

Эти фразы, взятые из газет, предлагались ряду носителей русского языка с просьбой прочесть их вслух; оказалось, что примерно треть опрошенных (самых разных возрастов - от 10 до 70 лет) читала цифры в именительном падеже, т.е. ...более чем пятьсот английскими наёмниками и ...не менее чем пятьдесят советским фильмам.

III. Пусть некоторое ИЧ в косвенном падеже содержит два количественных S, связанных нумеративно-вспомогательным ПСО, например, МИЛЛИАРД и МИЛЛИОН, МИЛЛИОН и ТЫСЯЧА IIa. Невозможно, чтобы первое (левое) из этих S, т.е. зависимое, было неизменяемым, а второе изменяемым (все остальные три комбинации допустимы, хотя сочетание первого изменяемого S со вторым неизменяемым тоже стоит на грани правильности), см. (13):

(13) а. со всеми этими *два миллиона триста пятью тысячами
двести сорока рублями [обеспечивается условием 1
к подправилу 1(2), синтагма 1 на стр. 220];

б. со всеми этими два миллиона триста пять тысяч
двести сорока рублями;

в. со всеми этими два миллиона триста пятьдесят
три тысячи двести сорока рублями [выражения та-
кого типа не описываются синтагмой 1 на стр. 220;
как отмечено на стр. 225, подправило 1(2) не учи-
тывает ряда тонкостей];

г. со всеми два миллиона триста пятьдесят
три тысячи двести сорока рублями.

IV. С неизменяемостью определенных компонентов составных ИЧ очевидным образом связан еще и тот факт, что неизменяемый компонент-числительное, обозначающее сотни, может ставиться, формально говоря, в родительном падеже - при том, что само ИЧ

в целом имеет дательный, творительный или предложный падеж. Таким образом, этот компонент оказывается "частично неизменяемым". Хорошим примером может служить высказывание известного советского артиста Н.К.Черкасова в роли Рузвельта в фильме "Сталинградская битва":

(14) *с двухсот сорока дивизиями,*

где все ИЧ - в твор. падеже, а *двухсот* - род.падеж. А.Е.Супрун (1964: 120) считает (14) неправильным выражением (называя его "ошибкой" и "оговоркой"). Однако для меня выражение (14) - абсолютно правильное; более того, в нормальной беглой речи я никогда и не сказал бы (хотя это до сих пор требуется официальной нормой) *с двумястами сорока дивизиями* - однако написал бы именно так.

Если же признавать выражения типа (14) допустимыми, возникает вопрос, какое из двух описаний следует предпочесть:

- *Двухсот* в (14) - форма родительного падежа, и мы имеем здесь частично неизменяемый (или, лучше, несогласующийся) компонент, т.е. некоторое осложнение на уровне поверхностного синтаксиса.

- *Двухсот* в (14) - форма всех косвенных падежей (*двести* - *двухсот* аналогично *сорок* - *сорока́* или *сто* - *ста*), т.е. мы имеем здесь осложнение только на уровне морфологии: у лексемы ДВЕСТИ в речи носителей, допускающих (14), развилась новая парадигма, в которой просто нет форм *двумстам*, *двумястами*, (*о*) *двухстах* - эти формы вытеснены формой *двухсот*. На ПС-уровне тогда никаких отклонений нет: *двухсот* в (14) может считаться твор. падежом и перед нами случай самого нормального полного согласования по падежу всех компонентов составного ИЧ.

Ответ на данный вопрос зависит от того, возможно ли, чтобы в речи данного носителя форма *двухсот* выступала в качестве конечного компонента ИЧ как какой-либо падеж, отличный от родительного. Возьмем идиолект, в котором это невозможно, т.е. выражения (15) исключаются:

(15) *к *двухсот дивизиям,*

*с *двухсот дивизиями,*

*о *двухсот дивизиях.*

Для такого идиолекта годится только первое решение. Если же в данном типе речи (как, например, в моей собственной) выражения

типа (15) оказываются допустимыми, то предпочтительнее, разумеется, второе решение.²

Поскольку, с одной стороны, здесь слишком много неясного, а с другой - мой собственный идиолект подталкивает меня ко второму (т.е. морфологическому) решению, я вообще не отразил в синтагмах выражения типа (14) - (15), которые, однако, я считаю вполне правильными для разговорной речи. Такие выражения должны синтезироваться и анализироваться за счет добавления именам сотен "разговорных" парадигм из двух членов: именительный падеж vs. все косвенные падежи (в качестве второго члена этой парадигмы выступает форма нынешнего родительного падежа: *двести ~ двухсот, триста ~ трёхсот, ..., девятьсот ~ девяносто*).³

СНОСКИ

1. (К стр. 408.) Ср., в этой связи мнение М.В.Панова (1962: 53): "При склонении сложных числительных становятся законными такие формы: *с пятьсот восемьдесят пятью рублями; более две тысячи пятьсот пятьдесят двух человек*".

2. (К стр. 411.) Имеется следующий любопытный довод в пользу второго, т.е. морфологического, решения: форма родительного падежа часто появляется, вопреки официальной норме, вместо форм других косвенных падежей внутри сложных числительных типа ПЯТЬДЕСЯТ, ..., ТРИСТА, ... и т.д. Я имею в виду выражения типа (i):

- (i) *пятидесятью* [вм. *пятьюдесятью*],
двухстам [вм. *двумстам*],
четырёхстами [вм. *четырьмястами*].

Такие выражения встречаются даже в письменной речи, и более того - в филологических сочинениях. Вот хороший пример:

- (ii) *Он просил 700 рублей, в дополнение к прежним трёхстам* [Л.Д.Опульская, "История создания романа", в кн.: Достоевский, Ф.М., *Преступление и наказание*, Москва: "Наука", 1970: 700].

Подобные "смешанные" падежные формы свидетельствуют, как кажется, что форма родительного падежа у не-первых компонентов сложных или составных ИЧ всё более воспринимается говорящими как универсальная форма всех косвенных падежей.

3. (К стр. 411.) А.Богуславский (1966: 199) подчеркивает, что описанная в Экскурсе 12 неизменяемость имен сотен и некоторых имен десятков в составных ИЧ может иметь глубокую семантическую причину: "составное числительное выражает о д н о число - точно так же, как любое простое числительное; его отдельные компоненты не обозначают тех чисел, которые они обозначают при независимом употреблении. Однако наиболее часто употребляемые обозначения о т д е л ь н ы х чисел не только обычно однословны, но и допускают морфологические изменения лишь в одном месте, а именно - в концевой части. В силу естественного хода вещей обозначения менее привычных чисел должны подвергаться сильному аналогическому давлению со стороны господствующего образца."

Экскурс 13

Словоизменительная категория одушевленности у русских
числительных и прилагательных

В существующих описаниях русского языка (например, Виноградов 1947: 182, 291 сл.; Виноградов и др. 1960: 312 сл., 369 сл.; Isačenko 1962) для (количественных) числительных (всех или некоторых) обычно указываются три следующие словоизменительные категории (совпадающие со словоизменительными категориями прилагательных):

1. Род = {мужской, средний, женский}.

Род различают только четыре русских Num: ОДИН I, ПОЛТОРА, ДВА и ОБА, причем ПОЛТОРА и ДВА - только в именительном и винительном (не при S_(одуш)) падежах. Более того, формы всех трех родов физически различаются только у ОДИН I: *один, одно, одна*. Тем не менее, для большего единообразия описания я считаю, что ПОЛТОРА, ДВА и ОБА также имеют формы среднего рода, которые, однако, всегда омонимичны формам мужского рода: в *два дома* мы имеем *два* = ДВА_{муж,им}, а в *два окна* - *два* = ДВА_{ср,им} (в *две избы*, очевидно, *две* = ДВА_{жен,им}).

2. Число = {единственное, множественное}.

Числа различаются только у ОДИН I (*один воз* vs. *одни сани*), где форма мн. числа используется исключительно для согласования с *pluralia tantum*. Отсутствие словоизменения по числу является характерным свойством числительных (ср. признак 4, стр. 267).

3. Падеж = {именительный, винительный, родительный, дательный, творительный, предложный}.

Никаких других словоизменительных категорий у русских Num и A традиционная русистика не признает (я, разумеется, отвлекаюсь здесь от таких чисто "прилагательных" категорий, как атрибутивность, противопоставляющая полные и краткие формы, и степени сравнения). Однако недостаточность трех указанных категорий для глубинно-морфологического представления русских числительных и прилагательных становится очевидной при рассмотрении пар таких простых фраз, как (1) и (2):

- (1) а. Я вижу четыре сосны
vs.
б. Я вижу четырёх девушек.
- (2) а. Я вижу красивый дом
vs.
б. Я вижу красивого юношу.

Каковы должны быть глубинно-морфологические представления (ГМП) выделенных Num и A в этих фразах?

Пользуясь лишь родом, числом и падежом, мы можем ответить на поставленный вопрос только так: в (1) мы имеем ЧЕТЫРЕ_{вин}, а в (2) - КРАСИВЫЙ_{муж,ед,вин}. Тогда *четыре vs. четырёх* суть разные формы одного и того же винительного падежа Num ЧЕТЫРЕ, а *красивый vs. красивого* - разные формы одного и того же винительного падежа мужского рода прилагательного КРАСИВЫЙ. Именно таковы все традиционные описания.¹

Однако подобный ответ не может быть принят прямо так, как он сформулирован, по следующей причине. формы *четыре* и *четырёх*, *красивый* и *красивого* отнюдь не находятся в отношении свободного варьирования: выбор между ними полностью обуславливается одушевленностью определяемого ими существительного S, т.е. при S_(одуш) - *четырёх* и *красивого*, при S_(неодуш) - *четыре* и *красивый*. Получается, что различные формы одного и того же падежа находятся в дополнительном распределении относительно внешнего, и притом подчиняющего, контекста падежной формы. Однако я откладываюсь допустить, чтобы выбор ФОРМЫ или, вернее, ПОКАЗАТЕЛЯ некоторого падежа c в составе словоформы w лексемы L₁ [т.е. в составе w(L₁)], взятой в определенном контексте, зависел от какой-либо иной словоформы w(L₂), которая синтаксически подчиняет себе w(L₁). По моему мнению, от w(L₂) может зависеть лишь выбор для w(L₁) ПАДЕЖА КАК ТАКОВОГО, а оформление уже выбранного падежа c(w(L₁)) конкретным показателем должно зависеть, грубо говоря, только от самой словоформы w(L₁): от ее прочих морфологических характеристик (в частности, показатель падежа c может выражать не только падеж, но еще и число - как у русских S, или же число и род, как у русских A), от типа ее основы, от наличия в ней других определенных аффиксов и т.д. Так, выбор между *-ая* и *-ий* в [Стоит] *красивая* (девушка) vs. *красивый*

(юноша) определяется различием морфологических характеристик словоформ *красивая* и *красивый*: "жен,ед,им" vs. "муж,ед,им"; выбор между *-ий* и *-ой* в [*Стоит*] *красивый* vs. *молодой* (юноша) зависит от различия в типах основ: *красив-* vs. *молод-*. В некоторых особых (весьма редких) случаях выбор показателя падежа $\underline{c}(w(L_1))$ может зависеть и от синтаксических слуг словоформы $w(L_1)$ - о чем смотри ниже, - но этот выбор не может никогда определяться синтаксическим хозяином словоформы $w(L_1)$, т.е. ее управляющим контекстом.²

В противном случае про любые формы двух разных "синтаксических"³ падежей можно было бы сказать, что это просто формы одного и того же падежа, обуславливаемые разными управляющими поверхностно-синтаксическими контекстами. Например, формы *камня* и *камню* могли бы быть сочтены формами одного падежа: первая выбирается при зависимости от предлогов *от, для, у, ...* (*от* → *камня*), от существительных (*вес* → *камня*), от переходных глаголов с отрицанием (*не вижу* → *камня*) и т.п., а вторая - при зависимости от предлогов *к, по, благодаря, ...* (*к* → *камню*), от глаголов типа *придавать, принадлежать* (*придавать* → *камню*) и т.п. На этом пути становится возможным абсурдный вывод, будто в рассматриваемом языке вообще все синтаксические падежи являются одним падежом, разные формы которого распределены относительно управляющего синтаксического контекста, т.е. обуславливаются словоформами, синтаксически подчиняющими данную.

Сказанное удобно зафиксировать в виде методологического принципа, который можно назвать ПРИНЦИПОМ ВНЕШНЕЙ НЕЗАВИСИМОСТИ ПАДЕЖНЫХ ФОРМ. В неявном виде этот принцип давно используется в лингвистике, во всяком случае - во всех более или менее очевидных случаях.

Пусть R - некоторая именная основа, $w(R)$ - словоформа с основой R , \underline{c} - некоторый падеж, $\text{exp}_1(\underline{c})$ и $\text{exp}_2(\underline{c})$ - разные показатели этого падежа ($\text{exp}_1 \neq \text{exp}_2$; exp_1 и exp_2 могут выражать наряду с падежом, и другие граммы, т.е. быть кумулятивными показателями). Кроме того, назовем все словоформы, подчиненные во фразе данной словоформе w или соподчиненные с ней (= имеющие общего с w синтаксического хозяина), НЕУПРАВЛЯЮЩИМ СИНТАКСИЧЕСКИМ КОНТЕКСТОМ словоформы w .

Тогда Принцип внешней независимости падежных форм формулируется следующим образом:

- (3) Если в данном языке существуют именные словоформы $w_1(R)$ и $w_2(R)$, такие, что $w_1(R)$ содержит $\text{exp}_1(c)$, а $w_2(R)$ - $\text{exp}_2(c)$, то:
- либо $w_1(R)$ и $w_2(R)$ находятся в отношении свободного варьирования;
 - либо выбор между $w_1(R)$ и $w_2(R)$ зависит только от их собственных свойств (т.е. от выражаемых ими граммем и от использованных в них морфологических средств) или - в порядке исключения - от свойств их неуправляющего синтаксического контекста.

Оговорка "в порядке исключения" выражает общую нежелательность обращения к внешнему синтаксическому контексту: при описании распределения показателей данного падежа следует всячески избегать ссылок даже и на неуправляющий контекст словоформы, стремясь выразить зависимость от контекста в терминах добавочных граммем самого имени. В ряде случаев, однако, упоминание внешнего контекста оказывается все-таки неизбежным, ибо его воздействие проявляется крайне прихотливым образом, так что введение специальных грамматических категорий и граммем представляется неоправданным. (Сказанное станет более понятным после разбора немецких примеров на стр. 416.)

Замечание. Принцип (3) можно было бы, по-видимому, сформулировать в более общем виде - не только для падежа, но и для целого определенного класса граммем, а именно - для любых граммем, индуцируемых управлением или согласованием. Подобное обобщение требует, однако, специального исследования, так что здесь целесообразно ограничиться более осторожной формулировкой.

Говоря менее формально и более подробно, Принцип внешней независимости падежных форм означает следующее. При одной и той же именной основе разные показатели одного и того же падежа возможны в одном из трех случаев:

- Либо они всегда могут заменять друг друга независимо от контекста, причем подобная замена не влияет ни на смысл, ни на грамматическую правильность соответствующего выражения: рус. рукой vs. рукою, тобой vs. тобою, [с] молодой vs. [с] молодою,

т.е. /-oj/ vs. /-oju/; или нем. *am Tag* vs. *am Tage*, *im Haus* vs. *im Hause*, т.е. -∅ vs. -e.

- Либо выбор падежного показателя зависит от чего-либо, находящегося обязательно В ПРЕДЕЛАХ ТОЙ ЖЕ СЛОВОФОРМЫ: от других выражаемых ею граммем (рус. -ая vs. -ий vs. -ое или -ая vs. -ие; и т.д.) или от других морфологических средств в ее составе (искусственный пример: в некотором языке падеж с имеет exp_1 после нулевого показателя ед. числа и exp_2 после показателя мн. числа -lar, т.е. наблюдаемые формы таковы: $R\text{-exp}_1$ и $R\text{-lar-exp}_2$).

- Либо, наконец, выбор падежного показателя зависит от управляющего синтаксического контекста интересующей нас словоформы. Так, в немецком языке существительное-имя собственное имеет в родительном падеже окончание -s, если у него нет согласованных с ним адъективных слуг-модификаторов, и окончание -∅ в противном случае:

(4) а. *die Heimat Vergils* <*Vergil> 'родина Вергилия',
vs.

die Heimat unseres geliebten Vergil <*Vergils> 'родина нашего любимого Вергилия'.

б. *die Familie Marias* <*Maria> 'семья Марии'
vs.

die Familie meiner geliebten Maria <*Marias> 'семья моей любимой Марии'.

с. *die schönste Stadt Spaniens* <*Spanien> 'красивейший город Испании'
vs.

die schönste Stadt eines uns unbekanntes Spanien
<*Spaniens> 'красивейший город неизвестной нам Испании'.

Поскольку указанная закономерность касается только родительного падежа и действует только в случае имен собственных, мы не можем ввести для немецких S специальную грамматическую категорию "(адъективная) модифицированность" = {модиф(ицированное), немодиф}: эта категория была бы применима в очень ограниченном классе случаев, так что мы предпочитаем - именно в порядке исключения! (ср. выше) - допустить здесь ссылку на внешний синтаксический контекст. Иначе обстоит дело, например, с разными

падежными формами немецких прилагательных: (*ein*) *interessantes Buch* 'интересная книга' [без артикля или с неопределенным артиклем] vs. *das interessante Buch* [с определенным артиклем] и т.д. Здесь наличие/отсутствие определенного детерминатива, соподчиненного с прилагательным, однозначно определяет выбор окончания прилагательного одинаково для ВСЕХ прилагательных, а потому у нас и нет оснований для прямой ссылки на контекст: предпочтительнее ввести, как это и делается в немецкой грамматической традиции, дополнительную - наряду с родом, числом и падежом - деklinационную категорию прилагательных, а именно - "склонение" = {сильное [без артикуля], слабое [с определенным артикулем], смешанное [с неопределенным артикулем]}.

Таким образом, Принцип (3) настаивает абсолютным образом на внешней независимости падежных форм лишь от УПРАВЛЯЮЩЕГО, или подчиняющего, синтаксического контекста. Это вполне понятно, ибо падеж как таковой есть, прежде всего, средство маркировать синтаксическое подчинение имени, т.е. средство выражения управления. Поэтому, если выбор между двумя падежными показателями зависит только от управляющего синтаксического контекста соответствующей словоформы - от ее зависимой синтаксической роли по отношению к некоторой другой словоформе или просто от другой словоформы, являющейся ее синтаксическим хозяином, - то тогда это показатели двух разных падежей.

По-видимому, следование Принципу (3) и заставило Р.О.Якобсона - вслед за А.А.Шахматовым и Н.С.Трубецким - уже полвека назад настаивать на том, что формы (*ни*) *мосту*, (*в*) *лесу*, (*в*) *крови* и т.п. и (*немного*) *чаю*, (*дай мне*) *сахару* и т.п. являются не какими-то "вариантами" предложного и родительного падежей, соответственно, а формами отдельных падежей: местного (II предложного) и партитивного (II родительного). Ср. следующие пары примеров (Jakobson 1936: 62, 1958: 174):

(5) а. Не следует настаивать на этом $\left\{ \begin{array}{l} \text{мосте} \text{ [предл]} \\ *\text{мосту} \text{ [местн]} \end{array} \right\}^*$

б. Авария произошла на этом $\left\{ \begin{array}{l} *\text{мосте} \text{ [предл]} \\ \text{мосту} \text{ [местн]} \end{array} \right\}^*$

(6) а. пачка $\left\{ \begin{array}{l} \text{чаю} \text{ [парт]} \\ \text{чая} \text{ [род]} \end{array} \right\};$

б. цвет $\left\{ \begin{array}{l} *\text{чаю} \text{ [парт]} \\ \text{чая} \text{ [род]} \end{array} \right\};$

- (7) а. недостаток $\left\{ \begin{array}{l} \text{чаю} \text{ [part]} \\ \text{чая} \text{ [род]} \end{array} \right\}$ [= 'нехватка'];
 б. недостаток $\left\{ \begin{array}{l} * \text{чаю} \text{ [part]} \\ \text{чая} \text{ [род]} \end{array} \right\}$ [= 'изъян'];
- (8) а. Он не пил $\left\{ \begin{array}{l} \text{коньяку} \text{ [part]} \\ \text{коньяка} \text{ [род]} \end{array} \right\}$ [в некоторой конкретной ситуации].
 б. Он не пил $\left\{ \begin{array}{l} * \text{коньяку} \text{ [part]} \\ \text{коньяка} \text{ [род]} \end{array} \right\}$ [вообще, потому что не любил его].

Указанное падежное различие иллюстрируется также выражениями *месяца срока* <*срока>; *Ходу!* <*Хода!>; *два часа ходу* <*хода>; *со стра-ху* <*страха>; *нагнать страху* <*страха> и т.п.

По существу, Принцип (3) требует, чтобы w_1 и w_2 - две разные падежные формы той же именной основы - имели РАЗНЫЕ глубинно-морфологические представления, если и только если (i) w_1 и w_2 не находятся в отношении свободного варьирования и (ii) выбор между w_1 и w_2 не определяется их подчиненным синтаксическим контекстом. При невыполнении хотя бы одного из условий (i) и (ii) словоформы w_1 и w_2 либо выражают разные падежи, либо различаются по какой-либо другой словоизменительной характеристике.⁴

Следуя Принципу (3), мы обязаны потребовать, чтобы *четыре* vs. *четырёх* в (1), равно как и *красивей* vs. *красивого* в (2) имели РАЗНЫЕ глубинно-морфологические представления. Достичь же этого можно только одним из трех следующих способов:

- либо ввести для русских Num и А еще одну словоизменительную категорию, по которой будут противопоставляться члены обеих указанных пар;

- либо считать, что члены каждой интересующей нас пары стоят в разных падежах;

- либо считать, что члены каждой пары стоят в разных родах и/или числах.

Третье решение мы отвергнем сразу: оно предполагает различение родов и/или чисел у ВСЕХ русских Num, что совершенно антиинтуитивно; в то же время, оно повлекло бы увеличение числа разных родов и у S (если мы сочтем, что *четыре* и *четырёх* противопоставлены в (1) по роду), причем эти новые роды в действительности кодировали бы различие по одушевленности.

Сформулируем более точно два первые решения, а затем сравним их.

Решение I: для русских Num и А вводится новая (четвертая)

словоизменительная категория - о д у ш е в л е н н о с т ь , включающая две грамемы: {одуш(евленное), неодуш(евленное)}. Это решение было предложено А.А.Зализняком (1967: 83-84, 87) - первым лингвистом, обратившим внимание на проблему глубинно-морфологического описания форм прилагательных и числительных в контекстах типа (1) - (2).⁵

Тогда *четыре* в (1) записывается как ЧЕТЫРЕ_{неодуш, вин'}
четырёх - как ЧЕТЫРЕ_{одуш, вин'}
красивый в (2) - как КРАСИВЫЙ_{муж, неодуш, ед, вин'}
 а *красивого* - как КРАСИВЫЙ_{муж, одуш, ед, вин'}

Решение II: считается, что в (16) и (26) Num и, соответственно, А стоят в особом, отличном от винительного, падеже; этот падеж можно было бы назвать о д у ш е в л е н н о - в и н и т е л ь н ы м (сокращенно - "од-вин"). При подобном решении мы имеем:

четыре = ЧЕТЫРЕ_{вин'};
четырёх = ЧЕТЫРЕ_{од-вин'};
красивый = КРАСИВЫЙ_{муж, ед, вин'};
красивого = КРАСИВЫЙ_{муж, ед, од-вин'}

В инвентарь русских падежей вводится новый падеж - релевантный, однако, только для прилагательных и количественных числительных. (В принципе формы *четырёх* и *красивого* в рамках "падежного" решения можно было бы отнести к родительному падежу. Однако неадекватность данного подрешения представляется достаточно очевидной: если мы сочтем *четырёх* в (16) и *красивого* в (26) формами родительного падежа, правила падежного согласования в русском языке неоправданно усложнятся. Так, прилагательное или числительное в родительном падеже должно будет считаться согласованным с существительным в винительном падеже.)

Указанное решение было выдвинуто - в порядке эксперимента - в работе Еськова - Мельчук - Санников 1971.

Оба решения позволяют описать все наблюдаемые факты (разумеется, в рамках соответствующей сферы языка) исчерпывающим и непротиворечивым образом, причем результирующие описания примерно одинаковы по компактности. Тем самым, мы оказываемся перед лицом еще одной ситуации неединственности морфологических решений (см. Мельчук 1971).

Однако НЕФОРМАЛЬНОЕ сравнение решений I и II все-таки позволяет сделать обоснованный выбор: предпочтительным оказывается решение I, т.е. решение Зализняка, ибо оно лучше согласуется с особенностями русского языка в целом, лучше соответствуя его "духу". Перечислим здесь те соображения, которыми мотивируется преимущество введения для Num и A словоизменительной категории одушевленности над введением лишнего - одушевленно-винительного - падежа. Сначала я укажу четыре аргумента В ПОЛЬЗУ ВВЕДЕНИЯ ОДУШЕВЛЕННОСТИ.

Аргумент 1. Одушевленность у Num и A оказывается в том же ряду, что и грамматический род.

Это сходство проявляется в следующих трех отношениях:

(а) В точности так же, как род, одушевленность является компонентом синтактики⁶ ("классифицирующей категорией", по А.Зализняку) у S и словоизменительной категорией у Num и A.

(б) Категория одушевленности релевантна всего для пяти количественных Num: ОДИН I, ДВА, ТРИ, ЧЕТЫРЕ, ОБА, а также для всех лично-количественных Num. Это аналогично роду, который, как было указано (стр. 412), релевантен тоже только для четырех количественных Num.

(в) Как и род, одушевленность у A характеризует все лексемы, но не во всех падежно-числовых формах. Различия между всеми тремя родами нейтрализуются во множественном числе, а различие между мужским и средним родами - во всех падежах единственного числа, кроме именительного и винительного. Аналогичным образом, различие по одушевленности у прилагательных проявляется только в винительном падеже.

Аргумент 2. При наличии категории одушевленности русские Num и A в определенных ситуациях (именно, в винительном падеже) согласуются с S более полным образом: не только по роду, числу и падежу, но еще и по одушевленности.

Аргумент 3. У русских существительных следует различать ДВЕ категории одушевленности. С одной стороны, имеется МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ одушевленность, определяющая форму винительного падежа самого существительного (у одушевленных S форма винительного падежа совпадает с формой родительного, а у неодушевленных - с формой именительного). С другой стороны, СИНТАКСИЧЕСКАЯ одушевленность

контролирует одушевленность прилагательных и числительных, согласующихся с данным S. Обе одушевленности логически независимы, что дает четыре возможных комбинации. Приведем примеры.

- Лексема МАЛЬЧИК является и морфологически, и синтаксически одушевленной:

(9) Я вижу мальчика <*мальчик>, которого <*который> привезли вчера.

- Лексема ОН морфологически всегда одушевленная, а ее синтаксическая одушевленность определяется ее антецедентом.

Ср. (10а) vs. (10б):

(10) а. Я вижу этот ящик; его привезли вчера весь перепачканный <*всего перепачканного>.

б. Я вижу этого мальчика; его привезли вчера всего перепачканного <*весь перепачканный>.

- Выражение МЕШОК С ДЕРЬМОМ морфологически неодушевленное, а синтаксически одушевленное:

(11) Меня просто тошнит, когда я вижу этот мешок с дерьмом <*этого мешка с дерьмом>, которого <*который> я должен еще и опекать.

(Подобными свойствами обладают многочисленные пейоративные полилексемные обозначения людей - ПУГАЛО ОГОРОДНОЕ 'нелепо одетый человек', ГРОВ ПОВАПЛЕННЫЙ 'человек, выглядящий как мертвец', БОЖИЙ ОДУВАНЧИК 'очень старая женщина, выпадающая в детство',...)

- Лексема ЯЩИК и морфологически и синтаксически неодушевленная:

(12) Я вижу ящик <*ящика>, который <*которого> привезли вчера.

Подробнее о расщеплении категории одушевленности и о значениях категории синтаксической одушевленности см. Приложение II к Экскурсу 15, стр. 472 и сл.

Нечто подобное наблюдается в отношении одушевленности у русских Num. Морфологическая одушевленность, как было указано, релевантна только для "малых" Num (до 5) и лично-количественных Num. "Большие" числительные не различают одушевленных и неодушевленных форм в винительном падеже:

(13) а. Я вижу десять мальчиков <мальчиков>.

б. Я вижу десять ящиков <ящики>.

Поэтому русские "большие" Num признаются внеположными категории одушевленности.

Однако "большие" Num оказываются чувствительными к СИНТАКСИЧЕСКОЙ одушевленности существительных, от которых они завысят: в конструкции $A \leftarrow Num \leftarrow S$ "большое" числительное как бы проводит через себя одушевленность от S к A. Ср. (14):

(14) а. Я вижу всех <этих, моих> [*все <эти, мои>] десять мальчиков.

б. Я вижу все <эти, мои> [*всех <этих, моих>] десять ящичков.

Сказанное вовсе не означает, будто для русских Num необходимо иметь две разные одушевленности, различаемые у S. Как уже отмечалось, я считаю, что у "больших" Num одушевленность отсутствует вовсе (а у "малых" имеется только морфологическая одушевленность). Вопрос о двух одушевленностях был поднят лишь для того, чтобы подчеркнуть сходство одушевленности у Num и у S в следующем отношении: у русских "больших" Num наблюдаются, так сказать, следы синтаксической одушевленности - при отсутствии морфологической, наподобие того, что мы видим у некоторых S (но не у A; это соответствует промежуточному положению числительных между существительными и прилагательными).

Аргумент 4. Введение словоизменительной категории одушевленности для русских Num позволяет компактно и элегантно описать одно свойство "странных" конструкций, где числовое выражение с S (одуш) выступает в винительном падеже в неодушевленной форме:

(15) а. В каждую палату положили по трое больных <*троих больных>.

б. Мотор силой в две лошади <*двух лошадей>;

в. Кольчуга стоила три белки <*трёх белок>.

В этой книге выражения типа (15) описываются как РАССОГЛАСОВАНИЕ по одушевленности между S_(одуш) и Num в особых контекстах (подробнее см. Экскурс 15, стр. 440 и сл.); мне неизвестно какое-либо другое удовлетворительное альтернативное решение.

Теперь я укажу три аргумента ПРОТИВ ВВЕДЕНИЯ ОДУШЕВЛЕННО-ВИНИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА.

Аргумент 5. Одушевленно-винительный падеж имелся бы только в адъективных (Num и A), но не в субстантивных парадигмах, что

представляется неудовлетворительным с типологической точки зрения. Более обычной является ситуация, когда S различает больше падежей, чем A (и Num), т.е. когда у S имеются падежи, отсутствующие у A (и Num), но не наоборот. Так, в русском языке S имеет партитив, локатив и, возможно, аднумератив (см. стр. 435 и сл.), которых нет у A и Num. Введение одушевленно-винительного падежа создало бы типологически неубедительный прецедент.

Аргумент 6. В русском языке все субстантивные падежи определяются (в основном) управлением, а все адъективные падежи - (в основном) согласованием с S только по одному, соответствующему субстантивному падежу. Одушевленно-винительный падеж у A и Num был бы единственным исключением в следующем смысле. Этот адъективный падеж определялся бы согласованием с S (одуш) вин только по одному падежу: по существу, в нем слитно кодировалось бы согласование сразу и по падежу, и по одушевленности.

Аргумент 7. Одушевленно-винительный падеж был бы единственным частичным падежом у Num (т.е. падежом, характеризующим не все лексемы данного класса, а только их часть). Частичные падежи известны лишь у русских S - это партитив, локатив и аднумератив; частичных падежей у русских A и Num нет вовсе.

Аргументы 1 - 7 и заставляют меня принять решение Зализняка, т.е. решение I. Таким образом, к трем словоизменительным категориям русских прилагательных и числительных (см. стр. 412) необходимо добавить еще одну:

4. *Одушевлённость* = {одушевленное, неодушевленное}.

Нам остается рассмотреть два более частных вопроса: (А) соотношение между одушевленностью и другими словоизменительными категориями числительных и прилагательных и (Б) релевантность одушевленности для различных лексем Num и A.

(А) У Num, равно как и у A, одушевленность реально проявляется только в винительном падеже - либо в мужском роде единственного числа, либо во всех трех родах множественного числа. Однако для большей стандартности описания я предлагаю признать ее релевантной для ВСЕХ форм винительного падежа, хотя физически одушевленность/неодушевленность в прочих формах не различается. Таким образом, в женском и среднем роде единственного числа мы всегда имеем омонимию форм:

- (16) а. [*Я вижу*] одну [*комнату*] = ОДИН I жен, неодуш, ед, вин;
 б. [*Я вижу*] одну [*девушку*] = ОДИН I жен, одуш, ед, вин;
 в. [*Я вижу*] одно [*отверстие*] = ОДИН I ср, неодуш, ед, вин;
 г. [*Я вижу*] одно [*чудовище*] = ОДИН I ср, одуш, ед, вин.

Аналогично обстоит дело у прочих Num, характеризующихся одушевленностью, а также у всех А.

Мне неизвестны какие-либо факты русского языка, которые могли бы служить специфическими доводами в пользу этого предложения (при противоположном решении *одну* и *одно* считались бы вообще не охарактеризованными по одушевленности и на глубинно-морфологическом уровне представлялись бы, соответственно, как ОДИН I жен, ед, вин и ОДИН I ср, ед, вин). В то же время существует следующее общее методологическое соображение, которым, как мне кажется, было бы полезно руководствоваться в подобных случаях. Это соображение естественно назвать ПРИНЦИПОМ ПРОСТЕЙШЕГО ОГРАНИЧЕНИЯ.

Пусть в некотором языке у лексем определенного класса имеется словоизменительная категория C_1 ; при этом формы категории C_1 различаются исключительно в пределах подмножества Π' всех форм парадигмы Π , характеризующей рассматриваемый класс. Возникает следующая альтернатива:

- Либо мы задаем Π' и утверждаем, что C_1 релевантна только для Π' .
- Либо мы считаем C_1 релевантной для Π в целом и признаем все формы в разности $\Pi - \Pi'$ омонимичными по отношению к C_1 .

Для выбора предлагается пользоваться нижеследующим принципом:

- (17) || Следует выделять Π' и ограничивать релевантность категории C_1 этой подпарадигмой, только если Π' может быть задана в терминах ровно одной другой словоизменительной категории C_2 ; в противном случае следует предпочитать омонимию форм в $\Pi - \Pi'$, и C_1 должна считаться релевантной для всей парадигмы Π .

Разумеется, этот принцип не имеет абсолютной силы - он не является строгим критерием математического типа. (Так, в частности, необходимо уточнить, какая степень омонимичности слово-

изменительных форм признается допустимой; нужны, скорее всего, и другие уточнения.) Однако предложенное выше решение - считать одушевленность у русских Num и A релевантной для всех форм винительного падежа - в точности согласуется с Принципом простейшего ограничения.

Признание словоизменительной категории одушевленности у A и Num только в винительном падеже приводит к очевидной несимметричности: глубинно-морфологическое и поверхностно-морфологическое (= морфемное) представление адъективных форм винительного падежа отличаются от ГМП и ПМП форм прочих падежей. Например:

красивому [юноше] = КРАСИВЫЙ_{муж, ед, дат}

vs.

[вижу] *красивого* [юношу] = КРАСИВЫЙ_{муж, одуш, ед, вин};

соответственно, на уровне ПМП мы имеем:

{КРАСИВЫЙ} + {МУЖ.ЕД.ДАТ}

vs.

{КРАСИВЫЙ} + {МУЖ.ОДУШ.ЕД.ВИН}.

Однако такая несимметричность вообще характерна для русских прилагательных, поскольку для них во множественном числе не релевантен род:

красивому [юноше] = КРАСИВЫЙ_{муж, ед, дат}

vs.

красивым [юношам] = КРАСИВЫЙ_{мн, дат};

соответственно:

{КРАСИВЫЙ} + {МУЖ.ЕД.ДАТ}

vs.

{КРАСИВЫЙ} + {МН.ДАТ}.

(Б) Категория одушевленности очевидным образом релевантна для всех прилагательных. Другими словами, ВСЯКОЕ русское прилагательное различает в винительном падеже одушевленную и неодушевленную формы. Однако с числительными дело обстоит не так. Как уже отмечалось, физически различают одушевленность/неодушевленность только "малые" и лично-количественные числительные, в то же время все числительные проводят одушевленность от своего "исчисляемого" S к зависящему от них A. См. примеры (14) выше, а также (18):

(18) а. *Ему не хотелось высекать эти двенадцать апостолов.*

б. *Машков обрядил всех двадцать пять завербованных в стандартную форму.*

Указанные факты можно учесть одним из следующих трех способов.

- Категория одушевленности обобщается на все числительные; у "больших" числительных все формы одушевленности/неодушевленности признаются омонимичными. Тогда *двенадцать* в (18а) будет одушевленным (ДВЕНАДЦАТЬ^{ОДУШ,ВИН}), поскольку АПОСТОЛ - это одушевленное S, а *двенадцать* в *висекать эти двенадцать фигур* - неодушевленным, так как ФИГУРА - неодушевленное.

- Категория одушевленности у Num расщепляется на морфологическую и синтаксическую. Морфологическая одушевленность признается только у "малых" Num, а синтаксическая характеризует все числительные (что и позволяет описать случаи типа (18)).

- Категория одушевленности оставляется только у "малых" и лично-количественных числительных, а для конструкции (18) вводятся более сложные синтаксические правила согласования прилагательных. Эти правила обеспечивают передачу одушевленности от S к A через Num.

Оптимальным мне кажется третий способ. В самом деле, примеры типа (18) были бы единственным резонном либо для допущения массовой омонимии форм русских Num, либо для введения двух словоизменительных категорий вместо одной. Иначе говоря, крайне специфическое и достаточно маргинальное явление синтаксиса русских прилагательных "распространилось" бы на морфологию русских числительных, к каковой оно имеет по существу лишь косвенное отношение. Я же предпочитаю максимально локализовать возникающую проблему, т.е. решать ее с привлечением максимально специализированных средств, в данном случае - особых синтаксических правил согласования русских прилагательных. Это предпочтение выражено в виде ПРИНЦИПА МАКСИМАЛЬНОЙ ЛОКАЛИЗАЦИИ, см. Экскурс 15, стр. 447.

Более того, помимо указанного общего соображения, можно указать две группы языковых факторов, которые подталкивают к выбору именно третьего способа описания конструкций типа (18).

Во-первых, заметим, что (19а) - неправильная фраза, тогда как (19б-д) совершенно правильны:

(19) а. *Он встретил четырёх-пять знакомых.

б. Он встретил трёх-четырёх знакомых.

в. Он встретил пять-шесть знакомых.

г. Он встретил четырёх-пятерих знакомых.

д. Он встретил четыре-пять машин.

Чтобы запретить (19а), на кратную конструкцию $Num_1 \rightarrow Num_2$ (выражающую в (19) приблизительность) надо наложить следующее очевидное и естественное условие:

(20) Если Num_1 одушевленное, то и Num_2 должно быть одушевленным.

Иными словами, здесь требуется согласование сочиненных Num по одушевленности. Однако, если бы мы приняли одушевленность для всех русских Num и тем самым решили бы, что и *пять* в (19а) одушевленное, нам пришлось бы сформулировать нужное условие по-другому:

(20') Если Num_1 и Num_2 оба одушевленные и Num_1 - "малое" или лично-количественное, то Num_2 тоже должно быть "малым" или лично-количественным, соответственно.

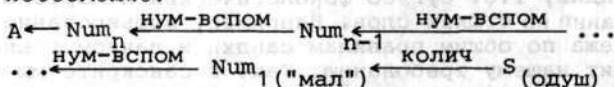
Большая громоздкость и меньшая естественность условия (20') по сравнению с (20) очевидны. Тем самым, первый способ описания фраз (18) отвергается.

Во-вторых, количественные выражения следующего типа всегда неправильны:

(21) *Террористы отпустили *всех/все сто тридцать четыре заложника.*

Дело в том, что, как хорошо известно, в русском языке даже "малое" Num не согласуется по одушевленности с "исчисляемым" S, если это Num является вершиной составного имени числа. И такое Num не допускает в качестве определения ко всему составному ИЧ ни одушевленное, ни неодушевленное прилагательное. Иначе говоря, смысл '... отпустили все <эти> 134 заложника' вообще не может быть выражен по-русски! Чтобы описать этот факт, необходимо сформулировать довольно сложное синтаксическое правило-фильтр:

(22) *Невозможно:*

Допущение синтаксической одушевленности у "больших" Num, в данном случае - у Num_n , все равно не позволило бы избавиться от правил типа (22). Более того, этому не помогло бы и никакое другое соглашение о поверхностно-синтаксической структуре выражений

все сто тридцать четыре заложника и т.п. При любом подходе нам понадобятся правила согласования, упоминающие сразу четыре разных элемента: прилагательное, составное имя числа, "малое" числительное (в качестве его самого правого компонента) и одушевленное существительное. Однако если такие правила все равно нужны, то синтаксическая одушевленность у "больших" Num становится избыточной. Таким образом, (21) является аргументом против второго способа описания фраз (18).

В заключение я сформулирую окончательный результат проведенного анализа:

Словоизменительная категория одушевленности признается релевантной в винительном падеже для всех русских прилагательных, но только для "малых" и лично-количественных числительных.

СНОСКИ

1. (К стр. 413.) Впрочем, в известных автору описаниях русского языка указанный ответ эксплицитно не формулируется, поскольку и сам вопрос о грамматических категориях сегментов типа *красивого vs. красивей* в контекстах типа (1) - (2) в явном виде обычно не ставится - за исключением книг Зализняк 1967: 83 и Garde 1980: 206, 234. Даваемый нами "традиционный ответ" выведен из имплицитной информации: прежде всего, из приводимых в различных пособиях полных парадигм прилагательного (где формы на *-ого* и *-ий* помещаются без особых комментариев в строку винительного падежа ед. числа муж. рода) - плюс отсутствие каких бы то ни было упоминаний о соответствующей проблеме. Эта проблема не ставится, в частности, и в таких основополагающих трудах по русскому языку, как Виноградов 1947 или Isačenko 1962. В Виноградов и др. 1960: 312 прямо говорится, что "полные имена прилагательные изменяются по родам, числам и падежам", а противопоставление *вижу красивый дом vs. вижу красивого юношу* игнорируется вовсе.
2. (К стр. 414.) Формулируя требование о независимости показателя падежа от других (управляющих) словоформ, я сознательно отвлекаюсь от различных явлений Satzphonetik - типа внешних сандхи, т.е. сугубо фонологических и морфологических преобразований на стыках слов. Например, варьирование показателя падежа по общим правилам сандхи в данном языке не противоречит нашему требованию. Так, в санскрите мы имеем *aśvas drvati* 'конь бежит' > *aśvo drvati*, т.е. окончание номинатива *-a-s* (где *-a-* - исход основы) заменяется на *-o* перед звонким началом непосредственно следующей словоформы; в санскрите, однако, перед звонким согласным заменяется на *-o* любое *-as*, безотносительно к его морфологической роли, так что здесь даже не идет речь о выборе показателя падежа в зависимости от других словоформ.

Не противоречат требованию о внешней независимости падежных форм и такие случаи, как, например, различие форм одного и того же падежа местоимений ОН, ОНА, ОНО, ОНИ в зависимости от наличия перед ними предлога или определенной формы сравнительной степени (управляющий контекст): [дала] ему vs. [спешила к] нему, [сильнее] его vs. [выше] него. Здесь предшествующая словоформа определяет выбор не падежного показателя, а варианта основы местоимения: /j-/ vs. /n'-/; показатель падежа остается один и тот же: /-ому/ или /-ово/ (ср., однако, иное описание в Зализняк 1967: 52-54). К тому же здесь образуется единая "фонетическая словоформа", т.е. имеет место явление, явно относящееся к Satzphonetik.

3. (К стр. 414.) "Синтаксический падеж" (в противоположность "семантическому падежу") - это падеж, маркирующий только поверхностно-синтаксические роли имени, но не выражающий какого-либо смысла. Синтаксический падеж навязывается контекстом. Типичный пример синтаксического падежа (точнее - синтаксического падежеупотребления) - любой падеж сильноуправляемого дополнения. О противопоставлении "синтаксические vs. семантические падежи" см., в частности, Мельчук 1975с и Mel'čuk 1977.
4. (К стр. 418.) В австралийском языке дьирбал, описанном Р.Диксоном (Dixon 1972), личные местоимения имеют противопоставленные формы типа *ɲaɖa* (< *ɲaɲ + da*) vs. *ɲaɲɠina* (от *ɲaɖa* 'я'), первая из которых обозначает только "семантический субъект" действия, а вторая - только "семантический объект"; в моей трактовке (Mel'čuk 1979: 25 и сл.) первая форма возможна только в роли подлежащего при непереходных глаголах, а вторая - только в роли подлежащего при переходных глаголах (которые в дьирбале семантически конверсны относительно их индоевропейских эквивалентов). Диксон считает и *ɲaɖa*, и *ɲaɲɠina* формами одного и того же падежа - номинатива, дополнительно распределенными относительно синтаксической роли имени (Dixon 1972: 60, 200). Однако Принцип (3) исключает подобное решение, требуя относить *ɲaɖa* и *ɲaɲɠina* к разным падежам (что и делается в Mel'čuk 1979: 52-53, где *ɲaɖa* признается номинативом, а *ɲaɲɠina* - особым падежом: патетивом).
5. (К стр. 419.) Ср., однако, беглое замечание в Виноградов и др. 1960: 367, предвосхищающее решение Зализняка: "Категория одушевленности находит выражение только в числительных *два*, *три*, *четыре*... Часто [, однако,] наблюдается исключение [этих числительных] из категории одушевленности при названиях животных...: *поймал две рыбки* [и т.д.]".
6. (К стр. 420.) Синтактикой называется один из трех компонентов языкового знака (означающее + означаемое + синтактика), заключающий в себе все сведения о сочетаемости данного знака с другими знаками. В частности, синтактика любой основы содержит указания о части речи и синтаксическом подклассе, а также модель управления; в синтактику основы русского S входит указание на тип склонения, грамматический род, одушевленность и т.д. См. Мельчук 1975b: 16-17 и Mel'čuk 1982: 26-28.

Экскурс 14

О счётной форме русских существительных

Проблема счетной формы в русском языке освещается в Зализняк 1967: 46-48. К тому, что сказано там, я хотел бы добавить семь следующих замечаний.

1. Счетные формы возможны не только в ед. числе (при "малых" Num), но и во мн. числе (при "больших" Num). Вот примеры русских S, имеющих во мн. числе особую счетную форму, отличную от род. падежа: ЛЮДИ (род. падеж *людей* vs. счетная форма *человек*), ЦВЕТЫ (род. падеж *цветов* vs. счетная форма *цветков*), КИЛОГРАММ (*килограммов* vs. *килограмм*), АНГСТРЕМ (*ангстремов* vs. *ангстрем*), МИКРОН, ОМ, ГАУСС, РЕНТГЕН, БИТ, ...; ср.:

- (1) а. *потребности людей* <*человек> vs. [Идут] 12 человек <*людей>;
 б. *запах цветов* <*цветков> vs. 16 цветков <*цветов>;
 в. *среди всех этих килограммов* <*килограмм> vs. 16 килограмм [но и килограммов];
 г. *Всех этих гауссов* <*гаусс> будет недостаточно vs. 650 гаусс <*гауссов> и т.д.

Важно подчеркнуть, что счетные формы мн. числа в русском языке обладают, возможно, некоторой продуктивностью - за счет наименований единиц измерения типа АНГСТРЕМ или ГАУСС. (Ср. Bogusławski 1966: 74.)

2. Счетные формы ед. и мн. числа находятся в дополнительном распределении: те S, которые имеют особую счетную форму в ед. числе, не имеют счетной формы во мн. числе, и наоборот. Это, однако, не дает возможности рассматривать счетные формы разных чисел как одну форму, вообще не различающую числа: дело в том, что при "малых" Num выступают только счетные формы ед. числа, а при "больших" - только счетные формы мн. числа.

3. Счетные формы мн. числа используются не только при числительных, но и при количественных существительных типа МИЛЛИОН (т.е. при S, являющихся именами чисел):

- (2) а. *два миллиона человек* <?людей>;
 б. *шесть миллиардов рентген* <*рентгенов>;

в. три тысячи килограмм <килограммов>.

В то же время при существительных, обозначающих совокупности или количества (но не числа), счетные формы невозможны:

(3) а. огромные массы <количества, толпы, ...> людей <*человек>;

б. такое значительное число рентгенов <*рентген>;

в. И всё это множество килограммов <*килограмм> ...

4. Счетные формы ед. числа выступают при "малых" Num только в тех случаях, когда всё ЧВ в целом имеет именительный или винительный падеж (при прочих падежах "исчисляемое" S должно быть во мн. числе, так что счетная форма ед. числа автоматически исключается).

Счетные формы мн. числа выступают при "больших" Num, когда ЧВ в целом имеет именительный, винительный или родительный падеж:

(4) а. свыше пятисот человек <*людей>;

б. Шести рентген <*рентгенов> на это не хватит.

в. до сорока трёх килограмм <килограммов>.

Замечание. В речи ряда носителей возможны выражения типа

(5) с пятью человеками, к пяти человекам, о пяти человеках.

(В моем собственном идиолекте (5) недопустимо; такова же, в частности, была интуиция А.А.Реформатского.) Поскольку без числительных подобные формы от ЧЕЛОВЕК 1 считаются неправильными, т.е.

(5') *с этими человеками, *к этим человекам, *об этих человеках [надо: людьми, людям, людях],

то получается, что в соответствующих идиолектах лексема ЧЕЛОВЕК 1 (ср. сноску 2 на стр. 209) имеет несколько счетных форм мн. числа, резко отличаясь тем самым от всех прочих русских лексем. Указанная особенность сознательно не учтена в нашем описании русских ЧВ как явление слишком маргинальное. (Я полагаю, что (5) есть просто результат контаминации лексем ЧЕЛОВЕК 1 и ЧЕЛОВЕК 2.)

5. И в единственном, и во множественном числе счетные формы бывают двух типов:

- с и л ь н ы е , т.е. при определенных условиях исключющие род. падеж;

- с л а б ы е , т.е. всегда свободно чередующиеся с род. падежом.

Примеры S, имеющих сильную счетную форму: ЧАС, ЛЮДИ; примеры S, имеющих слабую счетную форму: РЯД, КИЛОГРАММ; ср.:

- (6) два часа <*ч^аса>, пять человек <*люд^ей>;
 (7) два ряд^а <р^яда>, пять килограмм <килограммов>.

6. Употребление счетных форм обоих чисел существенным образом зависит от контактного/дистантного расположения Num и S. Здесь имеют место следующие пять случаев.

- Если счетная форма является слабой, то наблюдается одно из двух:

(i) В ед. числе слабая счетная форма невозможна при любых словах, разделяющих Num и S (см. правило 7 оператора COOTB_{S(Num)}, стр. 179):

- (8) *два широких шаг^а; }
 *два с половиной шаг^а; } [надо: шаг^а].
 *два с небольшим шаг^а; }
 *два, но не шаг^а, а метра }

Именно поэтому в подправиле 7(1) для слабых счетных форм требуется обязательно контактное расположение Num и S.

(ii) Во мн. числе слабая счетная форма нежелательна лишь при адъективном определении к S, если это определение разделяет Num и S (см. правило 18 оператора COOTB_{S(Num)}, стр. 186):

(9) ?пять полновесных килограмм [лучше: ...килограммов];
 прочие "разделители" употреблению счетных форм мн. числа не препятствуют:

- (10) а. пять с половиной <с небольшим, с чем-то> килограмм <килограммов>;

б. пять, но не килограмм <килограммов>, а центнеров.

- Если счетная форма является сильной, то при дистантном расположении Num и S всё зависит от синтаксических свойств выражения Z, разделяющего Y = Num и X = S. Тут следует различать три ситуации:

(iii) Счетная форма становится невозможной. Дело обстоит так, если Z - адъектив, являющийся определением к S:

- (11) а. *два бесконечных час^а [надо: ...ч^аса];
 б. *пять усталых человек [надо: ...люд^ей].

Данное правило не является, однако, абсолютным; отклонения от него встречаются как в устной речи, так и в письменном тексте:

(12) а. ... *провёл там два жутких часа́.*

- б. *Передо мной стояло четыре пушки и двадцать пять взрослых человек* [вм. *ожидаемого людей*; Е.Винокуров, "Коротко о себе"; в кн. "Стихотворения", М., 1964, стр. 8].

Сформулировать закономерность подобных отклонений (если она и существует) я не могу; первое поверхностное впечатление таково, что здесь допускаются прилагательные с акцентуационно-ритмической структурой $\overset{!}{\sim}$ (хореические; если это действительно так, мы имеем здесь еще один пример связи фонетических особенностей слов с их синтаксическим поведением, ср. стр. 247).

(iv) Счетная форма становится факультативной; это получается, если счетная форма - ед. числа, а Z - постпозитивный атрибут к Num:

(13) *два с лишним <с небольшим> часа́ <ча́са>*

(см. правило 9 оператора $COOTB_{S(Num)}$, стр. 180).

(v) Счетная форма остается обязательной в двух случаях:

- Либо счетная форма - ед. числа, а Z является частью ИЧ, присоединяемой к Num посредством нумеративно-вспомогательного ПСО:

(14) *два с половиной часа́ <*ча́са>.*

Здесь в качестве Z возможны ровно два выражения: *с половиной* и *с четвертью*. Необходимо, однако, отметить, что даже и между этими двумя выражениями есть различие: при *с четвертью* счетная форма как будто менее обязательна, чем при *с половиной*, т.е.

(15) *два с четвертью ча́са*

является допустимым (в отличие от **два с половиной ча́са*). Более того, некоторые информанты (например, Л.Л.Иомдин) считают, что в (15) счетная форма *часа́* является нежелательной или даже недопустимой. (Однако в правиле 9 оператора $COOTB_{S(Num)}$, стр. 180, я позволил себе отвлечься от этой частности.)

- Либо счетная форма - мн. числа, а Z не является согласованным (адъективным) определением к S:

(16) *пятьдесят с лишним <с небольшим> человек <*людей>;*

см. оператор $COOTB_{S(Num)}$, правило 18, подправила (3) и (4), и правило 19, подправило (1), стр. 186 и 187.

Мы видим, таким образом, что между счетными формами ед. и мн. числа есть определенные различия в синтаксическом поведении.

7. Употребление счетных форм влечет, как мне кажется, скорее ОБЪЕДИНИТЕЛЬНОЕ понимание соответствующих ЧВ: совокупность объектов, обозначенная сочетанием Num + S_{счетн}, интерпретируется как единое целое. Поэтому, если имеется в виду безусловно разделительное понимание ЧВ (обозначаемые объекты рассматриваются подчеркнуто по отдельности, как автономные сущности), то счетная форма оказывается нежелательной. В подобных ситуациях допускается употребление род. падежа даже вместо сильных счетных форм (причем в контекстах, которые, вообще говоря, делают эту счетную форму обязательной):

- (17) а. *Всякий брак - не просто соединение двух людей, как думают, а... сшибка двух миров* [Ю. Трифонов, "Другая жизнь", М., 1975, стр. 39].
- б. *Для этого факта есть показания двух людей - мои показания и письма от Троцкого* [Показания Пятакова на январском процессе 1937 г.].
- в. *Эти два часа постепенно слились в его сознании в один.*

В еще большей степени предпочитается род. падеж (при разделительном понимании ЧВ) вместо слабой счетной формы:

- (18) а. *Эти три шага последовали один за другим.*
- б. *Два ряда, наконец, соединились.*
- в. *Пусть эти два шара катятся с двух сторон на встречу друг другу.*

Сказанное здесь - всего лишь тенденция, а не абсолютная закономерность: в (17) - (18) можно было бы употребить и счетные формы, не нарушая грамматической правильности соответствующих выражений (*Брак - это не просто соединение двух человек...; Эти два часа слились в один; Эти три шага последовали один за другим; и т.п.*). Тем не менее, указанная тенденция явно существует, и именно ею объясняются, по всей вероятности, такие фразы, как (17). В силу, однако, достаточной периферийности указанного явления я вовсе не учел его в правилах оператора COOTB_{S(Num)}, так что (17) и (18) по имеющимся в этой книге правилам получены быть не могут.

Заметим в заключение, что если предположение о связи счетной формы с объединительным пониманием ЧВ справедливо, то оно дает дополнительный пример того, как чисто поверх-

ностное (т.е. не представляемое в ПСС) различие, которое в общем случае является синтаксически обусловленным, может нести семантическую нагрузку (ср. противопоставление "ед. vs. мн. число сказуемого" при подлежащем - Δ NUMP или Δ APPROX *На полу лежало три книги* [объединительное понимание; возможно, и даже скорее всего, книги лежали кучкой] vs. *На полу (на изрядном расстоянии друг от друга) лежали три книги* [разделительное понимание]; см. стр. 373).

Подведем итог. Хотя в целом счетные формы представляют собой в русском языке нечто весьма экстраординарное, однако наблюдаемые закономерности их употребления, и прежде всего - известный параллелизм счетных форм ед. и мн. чисел, позволяют, на наш взгляд, говорить о специальном счетном падеже существительных - аднумеративе. Этот падеж является неполным (т.е. образуется не от всех существительных), аналогично партитиву ([немного] *песку*) и локативу (*в гробу* [vs. *в гробе, о гробе*]); при этом, в отличие от партитива, он морфологически самостоятелен (т.е. имеет некоторые формы, не совпадающие с формами других падежей той же самой основы: *часá, шагá, шарá, рядá*). Тот факт, что аднумератив образуется от совсем незначительного числа основ и употребляется в крайне ограниченном круге контекстов (только при числительных и некоторых количественных S), сам по себе не препятствует его признанию отдельным падежом. Трудность здесь - чисто теоретическая, и заключается она в другом: обычно падеж - это граммема, маркирующая ПАССИВНЫЕ ПС-валентности существительного, т.е. его ПС-роли в качестве зависимого (см. Мельчук 1975с: 40), а аднумератив маркирует скорее определенную АКТИВНУЮ ПС-валентность S - роль хозяина числительного. Однако, если аднумератив - не падеж, то что это тогда за категория и как она соотносится с падежом?¹ По-видимому, можно было бы принять такой выход: считать, что русский аднумератив (= счетный падеж) маркирует все-таки определенные пассивные ПС-валентности S, но только при известных условиях. Тогда можно было бы говорить, что аднумератив показывает одно из двух:

- Либо S_{аднум} может быть подлежащим, прямым дополнением,

обстоятельством длительности и т.п., т.е. S_{аднум} выступает во всех тех ПС-ролях, которые присущи $\Delta NUMP_{им/вин}$, однако лишь при условии, что от самого этого S_{аднум} зависит какое-либо Num.

- Либо S_{аднум} может быть дополнением к S (колич) (тысяча $\xrightarrow{1 \text{ компл}}$ аднум $\xrightarrow{1 \text{ компл}}$ ангстрем, миллион $\xrightarrow{1 \text{ компл}}$ человек).

С чисто теоретической точки зрения, падеж существительного, маркирующий пассивные ПС-валентности S не "абсолютно", а только "условно", т.е. в определенных ПС-контекстах, ничему не противоречит. Более того, подобные падежи известны в реальных языках. Так, в бежитинском языке (цезская подгруппа аваро-цезских языков Дагестана) имеется два генитива: генитив I маркирует S как атрибут к другому S, стоящему в номинативе, а генитив II маркирует S как атрибут к другому S, стоящему в любом косвенном падеже. Правда, здесь дело обстоит совсем не так, как с русским аднумеративом: в бежитинском генитивы I и II маркируют ПС-роль данного S в зависимости от ПС-роли хозяина этого S, а русский аднумератив маркирует возможные ПС-роли S в зависимости от наличия у этого S определенного слуги; тем не менее, пример бежитинских генитивов показывает принципиальную возможность падежей с "условной" маркировкой ПС-ролей S.

Окончательное решение относительно статуса счетной формы в русском языке требует дополнительного исследования. Поэтому пока я оставляю этот вопрос открытым.

Любопытно, что в украинском языке счетные формы носят гораздо более регулярный характер, чем в русском: при числительных *два/дві, обидва/обидві, три* и *чотири* у многих S мужского рода выступает особая форма (не совпадающая ни с какой другой формой этих S), имеющая окончание им. или вин. падежа мн. числа, а ударение - род. падежа ед. числа (отличное от ударения во мн. числе): *тин* 'забор', род. ед. *тину*, им. мн. *тині*, но *два* (чорних) *тінки*; *вóрог* 'враг', род. ед. *вóрога*, им. мн. *ворогí*, но *три* *вóроги*; *вiз* 'воз', род. ед. *вóза*, им. мн. *возí*, но *чотири* *вóзи*; *чоловік* 'мужчина', род. ед. *чоловіка*, им. мн. *чоловікí*, но *два* *чоловіки*; и т.д. (Івченко 1955: 25, 99; см. также Šerech 1952: 103 - 106).

Особые счетные формы (называемые "количественными фор-

мами мн. числа") существуют и в болгарском языке (см. Андрейчин 1949: 85-90). Здесь они носят тоже гораздо более регулярный характер, чем в русском: они образуются от всех S мужского рода с основой на согласную или /j/ и употребляются после всех числительных (кроме *един* 'один' и лично-количественных) и количественных наречий: ед. *град* 'город', мн. *градовѐ*, но *два* <нет> *града*; ед. *самолѐт* 'самолет', мн. *самолѐти*, но *шест* *самолѐта*; ед. *стопа̀нин* 'хозяин', мн. *стопа̀ни*, но *седем* *стопа̀нина*; *няколко* *разка̀за* (мн. *разка̀зи*); *Колко* *самолѐта*? (Однако, если *колко* употреблено не с вопросительным смыслом, а в значении 'очень много', то при нем необходима обычная форма мн. числа: *Колко* *самолѐти*! Ср. в русском: *Сколько* *человек* <людей> *пришло*? vs. *Сколько* *людей* <*человек> *пришло!*, стр. 318.) Любопытно отметить, что если между Num и S имеется прилагательное - определение к S, то в болгарском (как и в русском) предпочитается обычное мн. число: *два* *езика*, но *два* *съседни* *славянски* *езици* (ср. выше, стр. 432). Наблюдаются колебания между мн. числом и счетной формой также и в других случаях: например, при *хиляда* 'тысяча' часто выступает мн. число (*200* *хиляди* *пленници* [вм. *пленника*]); названия единиц измерения чаще бывают в счетной форме (*три* *декара* [*декар* = 1000 м²], *400* *километра*); и т.д. (подробности см. в Bernard 1954).

СНОСКА

1. (К стр. 435.) Действуя чисто формально, можно было бы ввести для русских S особую категорию счетности с двумя граммемами ("счетн(ое)", "несчетн(ое)") и писать
 [для одного] *часа* = ЧАС^{ед, род, несчетн.}
 Счетность была бы релевантна только для форм родительного падежа - аналогично тому, как одушевленность у A и Num релевантна только для форм вин. падежа (стр. 423). В настоящий момент я не могу указать какие-либо доводы в пользу данного решения или против него.

ЭКСКУРС 15

О падеже числового выражения в русских словосочетаниях типа
(больше) на два мальчика или по трое больных

Кибердворник дядя Федя,
 Силой ровно в три медведя,
 [Из своей прямой кишки
 Поливает камушки!]

А. и Б.Стругацкие, "Полдень, XXI
 век", Москва 1975, стр. 11.¹

Напомним, что в этой книге русские выражения вида "числительное + существительное" называются **ч и с л о в ы м и**
в ы р а ж е н и я м и, сокращенно - ЧВ. Спрашивается:

- (1) В каком падеже стоит ЧВ *три медведя* в словосочетании
(силой ровно) в три медведя? [см. эпиграф].

Аналогичный вопрос можно задать о целом ряде подобных словосочетаний, а именно, обо всех словосочетаниях, где ЧВ некоторого особого типа (см. непосредственно ниже) находится в позиции после одного из нескольких определенных предлогов - В I, НА I, ЗА I, ЧЕРЕЗ, ПО III и т.п. в "количественном" значении (или перед послелогом ТОМУ НАЗАД):

- (2) а. [*силой ровно*] в три медведя;
 б. [*больше*] на два мальчика;
 в. [*Апельсины кончились*] за четыре человека [до меня].
 г. [*Юра стоял в очереди*] через четыре человека [от меня].
 д. по трое больных [в палату];
 е. две жeni тому назад [Курт Воннегут].

Нас будут интересовать все ЧВ, участвующие в сочетаниях типа (2) и включающие два компонента:

- "малое" (ДВА, ТРИ, ЧЕТЫРЕ) или лично-количественное (ДВОЕ, ТРОЕ, ...) числительное Num;
- одушевленное S.

(ЧВ с Num, начиная от ПЯТЬ и выше, выступающие в контексте указанных предлогов, не представляют никакой специфической проблемы, поскольку у этих ЧВ не различаются формы именительного и винительного падежей: *силой в пять медведей* vs. *стояли пять медведей* и *вижу пять медведей*; сказанное станет окончательно

ясным через два-три абзаца.)

Традиционный ответ на поставленный выше вопрос гласит: в сочетаниях типа (2) числовые выражения стоят в винительном падеже; иначе говоря, в (2) мы имеем:

(2') а. падеж(три медведя) = вин;

б. падеж(два мальчика) = вин и т.д.

См., например, соответствующее высказывание в Виноградов 1947: 694, пункт 19.

Обратим, однако, внимание на следующий хорошо известный факт. В типовых контекстах русского винительного падежа, например, в роли прямого дополнения (при переходных глаголах), упомянутые ЧВ обязательно имеют другую форму:

(3) а. Охотник убил этих трёх медведей <*эти три медведя> в Забайкалье.

б. В наш класс приняли ещё этих двух мальчиков <*ещё эти два мальчика>.

в. Врач осмотрел троих больных <*трое больных>.

г. Он очень любил своих четырёх жён <*свои четыре жены>.

Следовательно, если принять указанный ответ, то придется считать, что русское ЧВ рассматриваемого типа (состоящее из "малого" или лично-количественного Num плюс одушевленное S) может иметь в винительном падеже две разные формы, выбор между которыми определяется исключительно поверхностно-синтаксическим контекстом. Так, ЧВ ТРИ МЕДВЕДЯ будет иметь две формы винительного падежа:

{трѣх медведей; три медведя},

первая из которых выступает в роли прямого дополнения при переходном глаголе и в ряде иных случаев, а вторая - в роли дополнения к нескольким определенным предлогам в особых "количественных" контекстах. То же самое верно и относительно всех прочих ЧВ в словосочетаниях типа (2).

Однако допущение для некоторого именного выражения таких разных форм одного и того же падежа, которые обуславливаются внешним, поверхностно-синтаксическим (ПС-)контекстом, представляется мне в высшей степени нежелательным. Как уже было сказано в Экскурсе 13, стр. 413, ПС-контекст некоторого именного выражения должен определять для него ТОЛЬКО САМ ПАДЕЖ как

таковой; что же касается конкретной формы того или иного падежа (для данного выражения), то она может зависеть лишь от собственных, внутренних свойств этого выражения: от его лексического состава, от его прочих морфологических характеристик и т.п. Данный факт удобно выразить, постулируя ПРИНЦИП ВНЕШНЕЙ НЕЗАВИСИМОСТИ падежных форм. Этот принцип сформулирован в Экскурсе 13, стр. 415, (3), и я не буду повторять его здесь. Отмечу только, что его принятие автоматически влечет для форм указанных ЧВ в примерах типа (2) два следующих конкурирующих решения (я позволяю себе опустить несколько тривиально восстанавливаемых логических звеньев).

Решение I: в сочетаниях типа *в три медведя, на два мальчика, по трое больных* и т.д. все ЧВ выступают в ИМЕНИТЕЛЬНОМ падеже ("антитрадиционное" решение).

Решение II: в сочетаниях типа *в три медведя* и т.д. все ЧВ стоят в ВИНИТЕЛЬНОМ падеже, но между Num и одушевленным S имеет место РАССОГЛАСОВАНИЕ ПО ОДУШЕВЛЕННОСТИ, а именно - Num не согласуется с S и остается неодушевленным, от чего и зависит специфичность форм винительного падежа в данных случаях, т.е. появление выражения *три медведя* вместо *трёх медведей* и т.п. ("протрадиционное" решение).² Другими словами, при решении II выбор нужной формы винительного падежа у интересующих нас ЧВ определяется не внешним контекстом, а их собственной внутренней особенностью: согласованием/рассогласованием Num с S по одушевленности; от внешнего же контекста (в частности, от наличия особых предлогов) зависит непосредственно лишь эта последняя особенность ЧВ.

В этой книге принято решение II. Ниже я предложу обоснование моего выбора, сравнивая между собой следствия, вытекающие из принятия того или другого решения.

Основным соображением, говорящим в пользу решения I, представляется его простота. В самом деле, достаточно указать, что несколько русских предлогов (*в, на, за, через, по*) в очень специфических "количественных" значениях (и послелог *тому назад*) управляют именительным падежом - и создается впечатление, что все трудности, связанные с оформлением числовых выражений в сочетаниях типа (2), преодолены: при переходе от смысла к тексту

этим ЧВ просто приписывается именительный падеж, и морфологические характеристики их компонентов определяются теми же правилами, что и вообще для всех ЧВ в именительном падеже.

В действительности, однако, дело обстоит намного сложнее. Тщательный анализ всех относящихся сюда явлений позволяет выявить четыре аргумента в пользу решения II. Ни один из них не является решающим, так как каждый из них можно отвести - с большим или меньшим трудом; но взятые вместе, они, как мне кажется, убедительно свидетельствуют о преимуществах второго, "протрадиционного" решения: слишком громоздкие и неестественные допущения пришлось бы принять для сохранения решения I. Эти допущения указаны ниже, на стр. 449 - 450 - после перечисления аргументов, поскольку они являются как бы обращениями данных аргументов.

Я разберу четыре известных мне аргумента против решения I - и, тем самым, в пользу решения II, расположив их в порядке возрастающей силы.

Аргумент 1. Именительный падеж в русском языке не может управляться предлогом.

Данное высказывание представляет собой практически общепринятое МЕТАУТВЕРЖДЕНИЕ о русском языке (= утверждение о существующих описаниях русского языка), и к нему следует относиться серьезно: с чисто интуитивной точки зрения, оно кажется убедительным и не исключено, что оно отражает некоторые глубинные свойства русского языка, некий принцип, соответствующий его "духу". (При всей неформальности и расплывчатости понятия "дух языка" оно является, по моему мнению, весьма важным.)

Необходимо, впрочем, признать, что тезис о невозможности именительного падежа после предлога (в русском языке) не является ни вполне самоочевидным, ни строго доказанным. Более того, он опирается (если и не логически, то, в всяком случае, психологически) на тезис об абсолютной синтаксической независимости именительного падежа: в русистике традиционно принято считать, что $S_{им}$ синтаксически не может зависеть ни от чего, т.е. что именительный падеж вообще никогда синтаксически не управляется. Однако этот более общий тезис по-просту неверен. Факты, свидетельствующие против абсолютной синтаксической неуправляемости русского именительного падежа, представляют само-

стоятельный интерес и заслуживают обсуждения; в то же время они в достаточной степени периферийны по отношению к главной логической линии моего изложения. Поэтому я счел целесообразным вынести их в отдельное Приложение (Приложение I, стр. 453 и сл.). Как я полагаю, эти факты опровергают тезис о том, что $S_{им}$ в русском языке ни от чего никогда синтаксически не зависит - а подобный результат ослабляет и утверждение о невозможности именительного падежа при предлоге. Вот почему я считаю аргумент № 1 наименее сильным.

Тем не менее, он все-таки остается аргументом. В самом деле, ведь ни одного совершенно бесспорного примера употребления именительного падежа в зависимости от предлога в русском языке неизвестно: выражений вроде

- (5) *в (одна) тонна, *на (одна) санитарка, *через (одна) неделя и т.п.

не существует.³

Аргумент 2. Некоторые ЧВ в контекстах типа (2) стоят обязательно в очевидном винительном падеже.

В самом деле, если в числовом выражении, стоящем после предлогов В I, НА I, ЗА I и ЧЕРЕЗ (но не ПО III!), выступает Num ОДИН I или составное имя числа, оканчивающееся на ОДИН I, то существительное S всегда ставится в винительном падеже:

- (6) (силой) в одну лошадь <в одного медведя>;
(весом) в двадцать одну тонну;
(больше) на одну делегатку <на одного мальчика>;
(стояли) через одного человека (от меня); и т.д.

Точно так же обстоит дело, если при S вообще нет Num (в таких случаях подразумевается смысл 'один'):

- (7) (силой) в лошадь; (весом) в тонну; и т.д.

Признав, что в (2) ЧВ стоит в именительном падеже, мы должны будем считать, что предлоги В I, НА I, ЗА I и ЧЕРЕЗ управляют - в одном и том же значении, в контекстах одного и того же типа - двумя разными падежами: либо винительным, если S вообще не имеет при себе числительного или имеет имя числа, оканчивающееся на числительное ОДИН I; либо именительным, если S имеет при себе любое другое ИЧ.

Подобное управление предлогов В I, НА I и т.п. представля-

ется нежелательным следствием решения I и потому рассматривается как аргумент против него. Если хотя бы некоторые ЧВ в контекстах типа (2) оказываются заведомо в винительном падеже, то было бы гораздо элегантнее считать, что ВСЕ ЧВ в этом же контексте стоят тоже в винительном падеже. К тому же, у нас нет объяснения для противоположного явления: почему только часть ЧВ оказывается в именительном падеже?

Данный аргумент не имеет, однако, слишком большого веса. Беда в том, что мы не имеем никаких оснований для того, чтобы запретить в принципе множественное падежное управление того типа, который имплицитруется решением I. Логически ничто не мешает некоторому предлогу, взятому в одном определенном значении, управлять разными падежами подчиненной ему именной группы - в зависимости от внутренних особенностей этой последней. Более того, такая ситуация реально имеется в русском языке: предлог ПО III безусловно управляет в одном и том же (распределительном) значении даже тремя разными падежами, требуя дательного падежа от S без Num (или с ОДИН I) и винительного (= именительного?) падежа от S, сопровождаемого любым другим Num; если Num - "большое" (пять и выше), возможен также и родительный падеж, свободно чередующийся с винительным:

- (8) а. по (одному) человеку, по (двадцать одной) тонне,
по часу, ...
б. по два человека, по три тонны, по пять рублей
<человек>, ...
в. по пяти рублей <человек>, по сорока копеек, ...

В результате мы не можем отвергнуть решение I только потому, что оно влечет множественное падежное управление у нескольких "количественных" предлогов. Тем не менее, это множественное управление остается нежелательным свойством и ложится на чашу весов как довод против решения I. При этом предлог ПО III не служит достаточным противовесом - ибо он резко отличается от "количественных" предлогов в целом ряде отношений.

Во-первых, наряду с ПО III, в составе вокабулы ПО имеется предлог ПО II, управляющий дательным падежом (*Они разошлись по домам*), и предлог ПО I, управляющий винительным падежом (*по пояс в воде*); это управление разными падежами осуществляется независимо от сочетаний Num + S. В то же время гипотетическое

двойное управление предлогов В I, НА I и т.п. (винительный vs. именительный) возникает только при наличии числительного и не поддерживается наличием в составе тех же вокабул предлогов, управляющих именительным падежом безотносительно к ЧВ. (Иначе говоря, между вокабулой ПО, с одной стороны, и вокабулами В, НА и т.п., с другой, нет параллелизма в плане управления падежами.) Следовательно, падежная проблема конструкций типа (2) связана скорее с Num, нежели с управляющим предлогом; а потому представляется более логичным решение, локализирующее экзотичность данной конструкции в числительном (т.е. решение II: расогласование Num с S по одушевленности в определенных контекстах); ср. аналогичные соображения на стр. 426.

Во-вторых, только после предлога ПО III возможно столь причудливое варьирование падежных форм, как наблюдаемое в рядах *по тонне* [дат] ~ *по три* [вин] *тонны* ~ *по пятьсот* [вин]/*пятьсот* [род] *тонн* <**по пятьсот тоннам*>; только после него наречия МНОГО, СКОЛЬКО, НЕСКОЛЬКО допускают особую форму на -у: *по многу*, *по скольку*, *по нескольку*; только после него возможно сочинение двух Num в разных падежах - явление, крайне нетипичное для русского сочинения в любых других условиях: *по одному-два человека*, *по одной-две посетительницы*.

В-третьих, только ПО III (но не другие "количественные" предлоги) может вводить подлежащее и прямое дополнение: *С дерева упало по груше* - *Они съели по груше*.

Иначе говоря, предлог ПО III абсолютно уникален в русском языке, так что вряд ли целесообразно опираться на его свойства при выборе описания для однотипных "количественных" предлогов (В I, НА I, ЗА I, ЧЕРЕЗ), столь несходных с ПО III по многим параметрам.

Резюмируем: гипотетическое двойное падежное управление "количественных" предлогов в контекстах типа (2) при решении I является аргументом против этого решения, хотя и не очень веским.

Аргумент 3. "Сомнительные" падежные формы числовых выражений (с расогласованием числительного и существительного по одушевленности) возможны не только в контексте "количественных" предлогов В I, НА I, ЧЕРЕЗ и других, но и в роли прямых дополнений.

Вот пять случаев, когда в роли прямого дополнения при переходном глаголе может выступать интересующая нас форма числового выражения.

1) Концевым (= самым правым) компонентом составного имени числа является "малое" Num:

- (9) а. Она обслужила вчера (сто) двадцать два клиента.
б. *Она обслужила вчера (сто) двадцать двух клиентов.
в. Она обслужила вчера двух клиентов.

2) Группа Num + S выступает при "количественном" глаголе в качестве дополнения, обозначающего количество, цену и т.п.:

- (10) а. Уровень загруженности персонала превышает три человека <*трёх человек/людей> в час.
б. Кольчуга стоит две белки <*двух белок: если (10б) есть просто констатация цены>.
в. ... заплатил за эту юрту три овцы <*трёх овец>.

3) Группа Num + S (собств) выступает при некоторых глаголах восприятия (с семантическим противопоставлением двух разных форм ЧВ):

- (11) а. Он увидел сразу три Кати [три образа одной и той же девушки]
vs.
б. Он увидел сразу трёх Кать [трех разных девушек с одинаковым именем].

(При подавляющем большинстве переходных глаголов, однако, форма типа три Кати в роли прямого дополнения невозможна:

- (12) *Ему необходимо послать эти три Кати [даже если речь идет о трех образах одной Кати; в обоих смыслах надо: ... этих трёх Кать].)

4) S обозначает существо, приготовленное в пищу, или блюдо из этого существа:

- (13) а. Он заказал три циплёнка табака.
Им подали две индюшки с яблоками.

5) Группа Num + S употреблена нереферентно (и во фразе имеют место определенные дополнительные факторы, способствующие появлению "сомнительной" формы⁴):

- (14) а. Им приводили каждый день три-четыре коровы.
б. Удачливый рыбак берёт за час две-три щуки.

- в. *Каждый из них держит дома две или три собаки.*
 г. *Вождь может иметь целых четыре жены, а рядовой
 воин - только две.*

Если для конструкции типа (2) принимается решение I, то последовательность описания требует признать, что в (9) - (14) мы тоже имеем ЧВ (= группы Num + S) в именительном падеже. Тогда получается, что русские переходные глаголы (все или, во всяком случае, значительная часть таковых) управляют иногда винительным, а иногда именительным падежом прямого дополнения, причем выбор падежа зависит от семантики дополнения и его внутреннего синтаксического строения. Готовы ли мы принять подобный вывод?

Сама по себе зависимость падежа глагольного дополнения от собственных особенностей этого последнего (в частности, семантических: референтность, определенность, частичность и т.п.) - типологически вещь вполне вероятная. Так, в тюркских языках прямое дополнение оформляется винительным падежом, если оно обозначает определенный (= единственно мыслимый в данной ситуации) предмет, и именительным падежом в противном случае. В эстонском языке употребляется родительный падеж для определенного прямого дополнения (при полной охваченности действием) в единственном числе, именительный падеж для такого же дополнения во множественном числе и партитивный падеж для неопределенного или частичного дополнения. Да и в самом русском языке аналогичные факты вполне обычны:

- (15) а. - *Принеси вино!* [= определенное, известное говорящему и слушающему]

vs.

- *Принеси вина!* [= какого-нибудь].

- б. - *Я не вижу Колю* [Коля здесь, но что-то мешает мне увидеть его: кто-то заслонил его или не в порядке мои глаза]

vs.

- *Я не вижу Коли* [Коли, скорее всего, здесь нет].

Однако в случае выражений (9) - (14) возникают по крайней мере две трудности.

Во-первых, в современном литературном русском языке беспорядочный именительный падеж никогда не выступает как оформитель прямого дополнения у одиночного S (это было возможно в старорус-

ском языке и возможно сейчас в севернорусских диалектах: см. Приложение I, пункт 6, стр. 458).

Во-вторых, "сомнительные" падежные формы возможны только при наличии "малых" числительных. Это и заставляет меня стремиться к локализации всех трудностей, связанных с описанием конструкций типа (2) именно в числительном. Дело в том, что я считаю разумным соблюдать следующий методологический принцип - ПРИНЦИП МАКСИМАЛЬНОЙ ЛОКАЛИЗАЦИИ:

(16) Пусть имеется языковое явление \underline{p} и два его конкурирующих описания $D_1(\underline{p})$ и $D_2(\underline{p})$; \underline{p} имплицитруется классом единиц \underline{U} (т.е. \underline{p} возможно или обязательно только при наличии единиц \underline{U}). При выборе между $D_1(\underline{p})$ и $D_2(\underline{p})$ предпочитается то из них, которое основывается на единицах типа \underline{U} и затрагивает как можно меньше единиц других типов.

Другими словами, лучшим признается то описание явления \underline{p} , которое максимально сосредотачивает все его сложности и "странности" в ближайшей окрестности \underline{p} , по возможности не касаясь далеко отстоящих слоев языка.

В нашем случае Принцип максимальной локализации требует принять решение II: "сомнительные" падежные формы имплицитуются числительными и, следовательно, лучше свести все наблюдаемые сложности к поведению числительных, перечислив типовые случаи их рассогласования по одушевленности с "исчисляемым" S, нежели допустить эскалацию проблемы на все русские переходные глаголы. Специфичность форм (*приводили*) *три-четыре коровы* (наряду с *трёх-четырёх коров*), (*арестовали*) *двадцать два демонстранта* (вместо **двадцать двух демонстрантов*) и т.д. естественнее учесть при описании поверхностного синтаксиса русских Num, а не при описании поверхностного синтаксиса русских переходных глаголов или русского винительного падежа. Тем самым, факты типа (9) - (14) являются для меня исключительно серьезным аргументом в пользу решения II.

Аргумент 4. При группе Num + S в контекстах типа (2) невозможно постпозитивное прилагательное в именительном падеже:

(17) а. *Наша компания увеличилась на (двадцать) три студента, *переведённые [надо: ... переведённых] с третьего курса.*

б. *Каждому дали в помощники по две санитарки, *при-
сланные [надо: присланных] из города.*

Исключение: *постпозитивное прилагательное в именительном падеже возможно и даже предпочитается, если S (в группе Num + S) обозначает существо, приготовленное в пищу:*

в. *Им подали по две индюшки, зажаренные <зажаренных> в духовке.*

В то же время если группа Num + S выступает в функции подлежащего, т.е. в "бесспорном" именительном падеже, *постпозитивное прилагательное, зависящее от S, может быть либо в именительном, либо в родительном падеже (выбор связан с числом сказуемого и определяется, в конечном итоге, коммуникативной структурой фразы - в частности, членением на "старое - новое"):*

(18) а. *(Двадцать) три студента, переведённые с третьего курса, не были допущены к экзамену*
vs.

К экзамену не было допущено (двадцать) три студента, переведённых с третьего курса.

б. *В больнице работали две санитарки, присланные из города*
vs.

В больнице всего две санитарки, присланных из города.

Если же ЧВ Num + S выступает - в той же самой форме! - в функции прямого дополнения, *именительный падеж у постпозитивного прилагательного недопустим:*

(19) ... *приняли двадцать три студента, переведённых*
*<*переведённые> с третьего курса.*

Факты (17) - (19) свидетельствуют, как я полагаю, о том, что в [на] три студента и т.п. ЧВ Num + S выступает в винительном, а не в именительном падеже, т.е. опять-таки в пользу решения II.

К сожалению, однако, аргумент № 4, как и три предыдущие аргумента, не является окончательным. В принципе его можно пытаться отвести, утверждая, что в (17) наблюдается особый случай согласования постпозитивного прилагательного с S_{им}, выступающим в специфических контекстах (например, после "количественных" предлогов). Подобное утверждение отнюдь не выглядит абсурдным, ибо ограничения на согласование постпозитивного А,

определяющего S в группе Num + S, в зависимости от контекста в русском языке действительно существуют: они были только что продемонстрированы в примерах (18). Так, если при подлежащем Num + S сказуемое - в единственном числе (подлежащее - "новое"), то постпозитивное A принимает скорее родительный падеж:

(20) а. У нас в группе появилось три студента, переве-
дённих <?переведённые> с третьего курса.

В больнице нашлось всего две санитарки, прислан-
ных <?присланные> из города.

Существует также зависимость между падежами препозитивного и постпозитивного A при одном и то же S, входящем в ЧВ Num + S; как правило (хотя и не строго обязательно), эти падежи должны совпадать. По аналогии с подобными зависимостями падежа постпозитивного A от контекста допустимо и признание именительного падежа у S во фразах типа (17): при этом необходимо лишь сделать оговорку, что если S_{им} зависит от "количественного" предлога (в контекстах типа (2) и т.п.), то зависящее от него постпозитивное A должно быть обязательно в родительном падеже.

Впрочем, во всех иных случаях, когда падеж постпозитивного A (при группе Num + S в именительном) зависит от контекста, родительный падеж является всего лишь более желательным, тогда как в контекстах типа (17) и (19) родительный падеж оказался бы единственным возможным - точь-в-точь как при S в именительном падеже.

Итак, если бы мы захотели принять решение I и считать, что числовое выражение *три медведя* в контекстах типа *силой ровно в ...* стоит в именительном падеже, то нам пришлось бы:

- Признать в русском языке наличие именительного падежа после предлога, и притом исключительно в случаях типа (2).

- Признать возможность двойного падежного управления (именительным и винительным падежами) со стороны одних и тех же предлогов в одних и тех же контекстах при одних и тех же значениях предлогов - исключительно в зависимости от наличия в составе управляемой именной группы одного из "малых" числительных ДВА, ТРИ и ЧЕТЫРЕ.

- Признать, что значительная часть русских переходных глаголов способна управлять - в качестве прямого дополнения - не

только винительным, но и именительным падежом, однако лишь при наличии в составе прямого дополнения "малого" числительного.

- Признать, что согласование постпозитивного А с ЧВ_{ИМ} бывает разным в зависимости от ПС-роли этого ЧВ_{ИМ}: если оно - подлежащее, то А может быть в именительном или родительном падеже; если же оно дополнение к "количественному" предлогу, то А стоит обязательно в родительном падеже.

Это и есть те самые нежелательные допущения, о которых говорилось выше, на стр. 441.

Все сказанное позволяет, как мне кажется, сформулировать однозначный ответ на вопрос (1), поставленный в самом начале данного Экскурса: взятое целиком числовое выражение *три медведя* в контексте *силой ровно в ...* стоит в винительном падеже; разница же между формой *три медведя* и формой *трёх медведей* (появляющейся, например, в контексте глагола *вижу ...*) объясняется тем, что во втором случае числительное ТРИ согласуется с МЕДВЕДЬ по одушевленности, а в первом - нет. Иначе говоря, мы имеем:

(21) а. *силой ровно в* ТРИ_{неодуш,вин} МЕДВЕДЬ_{(одуш)ед,род}
vs.

б. *вижу* ТРИ_{одуш,вин} МЕДВЕДЬ_{(одуш)мн,род}

Правила установления формальных соответствий между S и Num в составе числовых выражений учитывают внешний контекст: например, в контексте предлогов В I, НА I, ЧЕРЕЗ и т.п. (в "количественных" значениях) числительное остается неодушевленным даже и при одушевленных S; то же самое происходит, если S обозначает существо, приготовленное в пищу (т.е. блюдо), или если S употреблено нереферентно при переходном глаголе, и т.д.⁵ Данные соответствия обеспечиваются оператором COOTB_{Num(S)}, см. стр. 193 и сл. Таким образом, парадоксальность русских сочетаний типа (2) и (9) - (14) учитывается при описании русского языка именно в связи с теми единицами, которые создают эту парадоксальность: в описании согласования "малых" Num со своими S.

СНОСКИ

1. (К стр. 438.) Цитата из научно-фантастического романа Стругацких представляет собой слегка видоизмененную детскую прибаутку.
2. (К стр. 440.) Логически мыслим еще один вариант решения II: считать, что в сочетаниях типа (2) становится неодушевленным само существительное, которое употреблено здесь неререферентно. Этому, однако, противоречат факты двух типов.

Во-первых, одушевленность S в сочетаниях типа (2) доказывается его собственным изменением в сочетаниях с ОДИН I:

- (i) *силой в (двадцать) одного медведя* <*в (двадцать) один медведь>,

где лексема МЕДВЕДЬ является безусловно одушевленной, хотя и употреблена неререферентно. Ср.:

- (i') *силой в (двадцать) один килограмм* <*в (двадцать) одного килограмма>.

Во-вторых, одушевленность S доказывается изменением частично согласующихся с ним лексем КОТОРЫЙ и КАЖДЫЙ (ИЗ) (см. Зализняк 1967: 71 - 72):

- (ii) а. *В нашем классе стало больше на два мальчика, которые* <*которые> привезли из Ленинграда.
 б. *Отряд медработников района, численностью в четыре врача, каждого* <*каждый> из которых приходится загружать сверх меры, ...
- (ii') а. *У нас стало больше на два ящика, которые* <*которые> привезли из Ленинграда.
 б. ... численностью в четыре станка, которые <*которые> приходится загружать сверх меры.

Таким образом, считать S в сочетаниях типа (силой) в два медведя неодушевленным невозможно.

3. (К стр. 442.) Будет, по-видимому, нелишним указать три случая, когда может создаться впечатление, будто Сим после предлога в русском языке все же возможно, хотя в действительности это не так.

1) Фразы с сочетанием *что за* ≈ 'какой', после которого именительный падеж вполне обычен:

- (i) а. *А что это за фигура?*
 б. *Что за идиот!*
 в. *А что он за человек?*

Однако здесь сочетание *что за* - это неразложимая семантико-синтаксическая идиома, и *за* в ее составе никак не может считаться предлогом. (Отдельный вопрос - к какой части речи принадлежит сочетание *что за*. Я полагаю, что это неизменяемое местространие, наподобие притяжательных *его, её, их*. Ср. сочетание *was für ...* с теми же свойствами в немецком языке.)

2) Сочетания типа (ii):

- (ii) *идти в лётчики, брать в няньки, прочить в артисты, пролезть в начальники, кандидат в послы, хотеть в Наполеоны, ...*

которые уже неоднократно обсуждались в русистике. Я попытался резюмировать (а заодно - уточнить и дополнить) существующие аргументы в пользу различных морфологических трактовок формы S в сочетаниях типа (ii) с тем, чтобы облегчить выбор наилучшей.

Поскольку соответствующий анализ оказался весьма громоздким и потребовал много места, я излагаю его в отдельном Приложении II, стр. 461 и сл. Здесь я сообщу лишь окончательный вывод: более естественным представляется такое описание, при котором в сочетаниях типа (ii) падеж существительного считается винительным (и признается, что в составе подобных сочетаний существительное, оставаясь той же лексемой, утрачивает свою морфологическую одушевленность). Тем самым, сочетания типа (ii) не могут служить аргументом против тезиса о невозможности именительного падежа после предлога в русском языке.

3) Появление существительных в именительном падеже после слов ПЛЮС и МИНУС:

(iii) а. *Он посетил всех своих друзей плюс <минус> Маша.*

б. *Мандельштам всегда казался совершенно отдельным человеком плюс беспомощный и милый брат Шура*
[Н.Мандельштам, "Вторая книга", 1972, 568 - 569].

Выражения этого типа также рассматриваются в упомянутом Приложении II, сноски 7, и результат, к которому я прихожу, таков: лексемы ПЛЮС и МИНУС в конструкциях типа (iii) признавать предлогами затруднительно; скорее всего, это существительные в именительном падеже, характерные для научного, в частности - математического, текста и обуславливающие именительный падеж следующих за ними именных групп.

4. (К стр. 445.) Примерами подобных факторов являются:

- кратные или сочиненные конструкции, выражающие приближительность;

- лексемы, выражающие приближительность (НЕ МЕНЕЕ ЧЕМ, ПРИМЕРНО, ...;)

- лексемы типа ДОБРЫХ, ЦЕЛЫХ, и т.п.

5. (К стр. 450.) Отметим здесь следующий любопытный факт. Рассогласование Num с S по одушевленности, предложенное нами, и вытекающие из него формальные различия в группе Num + S (*три медведя vs. трёх медведей*) - это явления достаточно поверхностные, относящиеся, главным образом, к сфере морфологии и соответствий между поверхностно-синтаксической структурой фразы и ее морфологической реализацией. Тем не менее, указанное рассогласование в ряде случаев достаточно прямо связано с семантическими различиями: 'существо' vs. 'существо как единица измерения'; 'существо' vs. 'блюдо, приготовленное из этого существа'; и т.п. Тенденция к семантической эксплуатации любых формальных различий, очень характерная для естественных языков, неоднократно отмечалась выше: ср. стр. 128, 176, 204, 300 и т.д.

П Р И Л О Ж Е Н И Е I

Существительное в именительном падеже

как синтаксически зависимый компонент в русском языке

Ниже перечислены основные случаи, когда в русском языке некоторое $S_{\text{им}}$ является синтаксически зависимым компонентом той или иной конструкции. Другими словами, будут указаны случаи, когда русский именительный падеж синтаксически управляется, т.е. служит для маркировки зависимого статуса существительного в определенной ПС-роли. Подчеркнем, во избежание недоразумений, что речь идет о ЛЮБОМ управлении именительным падежом, а вовсе не только о сильном управлении, когда управление отвечает семантической валентности лексемы-хозяина. Иначе говоря, мы будем рассматривать все зависимые $S_{\text{им}}$, в том числе - и те, которые не являются актантами своего синтаксического хозяина.

1. В тех направлениях современного синтаксиса, где в качестве средства изображения поверхностно-синтаксической структуры фразы выбирается дерево зависимостей, повсеместно считается, что подлежащее СИНТАКСИЧЕСКИ ЗАВИСИТ от сказуемого (хотя МОРФОЛОГИЧЕСКИ сказуемое может зависеть от подлежащего, согласуясь с ним, например, в лице и числе; о разных типах синтагматических зависимостей см. Экскурс 9). Я не буду обосновывать здесь эту точку зрения, а просто приму ее как постулат; основное соображение в пользу поверхностно-синтаксической структуры вида (1):

$$(1) \quad \begin{array}{c} \text{V} \xrightarrow{\text{предикативное ПСО}} \text{S} \\ \text{личная} \\ \text{форма} \end{array}$$

(Девочка $\xleftarrow{\text{предик}}$ плачет: шарик $\xleftarrow{\text{предик}}$ улетел [Б.Окуджава] и т.п.)

заключается в том, что пассивные поверхностно-синтаксические (ПС-)валентности¹ предикативной пары полностью определяются сказуемым, но вовсе не зависят от подлежащего².

Если же признать, что сказуемое синтаксически подчиняет себе подлежащее, то именительный падеж этого последнего оказывается таким же показателем пассивной ПС-роли соответствующей именной группы, как и все прочие падежи. Отметим в этой связи два следующих факта.

С одной стороны, подлежащее вовсе не всегда бывает в именительном падеже. В русском языке оно может быть, например, существительным в родительном или партитивном падеже (в зависимости от нескольких разных факторов) или вообще предложной группой:

- (2) а. Друзей у неё так и не завелось.
 б. Денег нам хватает.
 в. Никаких писем получено не было.
 г. Этого количества будет достаточно.
 д. Воды прибило.

(В Babby 1980: 30 сл. развивается противоположная точка зрения на подчеркнутые именные группы в (2); а именно, они не признаются подлежащим.)

- (3) а. С каждого дерева упало по груше (ср. Сидоров - Ильинская 1949: 345 сл).
 б. Музей посещало в день от пятисот до тысячи человек.
 в. В этом районе обитает около тридцати волков³.

В эргативных языках (многие дагестанские, чукотско-камчатские, ряд индо-иранских и т.п.) подлежащее бывает в самых разных падежах (часто в зависимости от типа или формы сказуемого).

С другой стороны, даже в русском языке вовсе не всякий глагол способен управлять именительным падежом подлежащего: например, *хватать* (*Денег* <*деньги> *хватает*) и *не доставать* (*Ему не достаёт мужества* <*мужество>) требуют подлежащего только в родительном/партитивном падеже; другие - так называемые безличные - глаголы, вроде *тошнит*, *неймётся*, *нездоровится*, ..., вообще не могут иметь в качестве подлежащего "настоящее" S. (Их подлежащее - особое нулевое S, эквивалентное англ. IT, франц. IL, нем. ES.) Следовательно, в принципе управление именительным падежом существительного необходимо указывать у русских глаголов в словаре точно так же, как и управление любым другим падежом.

2. Второй, и притом хорошо известный, пример управляемого S_{им} в русском языке, - это именная часть, или субъектно-ко-предикативное дополнение, при глаголе БЫТЬ, в частности - в его идентифицирующем значении (см. Апресян 1980: 69 - 70):

- (4) а. Кто была эта женщина?

б. *Вот тот человек - мой брат* [с нулевой формой связи].

в. *Да кто же вы будете?*

3. Синтаксическая зависимость (т.е. управляемость) существительного в именительном падеже в русском языке наблюдается в ряде конструкций со сравнительными союзами (Мельчук 1977b: 255 и сл.; Mel'čuk 1979: 109 - 115). Если сравнительный союз сам косвенно зависит от некоторого S', то он управляет именно именительным падежом непосредственно подчиненного ему S:

(5) а. *Я знаю людей [S'] более ← высоких, чем → Алик [S]*
 'Я знаю людей, которые выше Алика'
 [здесь и ниже я отвлекаюсь от второго возможного смысла подобных фраз: 'Я знаю людей, которые выше всех тех людей, которых знает Алик'].

б. ... *тянутся к людям [S'] таким же, как → Алик [S].*

в. ... *о людях [S'], столь же остроумных, сколь → Алик [S].*

г. ... *с девушкой [S'] стройной, → как → тополь.*

Применительно к примерам типа (5), по-видимому, никак нельзя отрицать того, что второй компарат (= именная группа, обозначающая то, с чем сравнивают) зависит от сравнительного союза; вместе с тем, второй компарат может стоять только в именительном падеже, который навязывается ему союзом, т.е. управляется.

4. Четвертый класс случаев управляемого именительного в русском языке составляют зависимые группы четырех следующих типов (а - г), так или иначе связанные с ЧВ.

а. ЧВ_{им} заполняет сильную валентность при S-названиях величин (разговорный вариант), выражая значение данной величины:

(6) а. *при весе одна тонна;*

б. *челн длиной двадцать одна сажень;*

в. ... *развивает скорость тысяча семьсот километров в час;*

в этой ПС-роли ЧВ_{им} синонимично группе В + ЧВ_{вин}:

- (6') а. при весе в одну тонну;
 б. челн длиной в двадцать одну сажень;
 в. ... развевает скорость в тысячу семьсот километров.

б. Название единицы измерения в именительном падеже выступает при ЧВ, обозначающих денежную сумму, в распределительных конструкциях типа (7), обозначающих "удельную стоимость":

- (7) а. [по сто рублей] одна тонна;
 б. [по шесть тысяч тугриков] (каждая) установка;
 в. [Яблоки стоят здесь два рубля] килограмм.
 г. [Колчунька курил сигары по <за> 25 песо] штука.

В данной ПС-роли название единицы измерения в именительном падеже, во-первых, синонимично группе ЗА + S_{вин}:

- (7') а. [по сто рублей] за (одну) тонну;
 [по шесть тысяч тугриков] за (каждую) установку;
ку; ...;

а, во-вторых, опустимо без нарушения грамматической правильности:

- (7'') а. цемент по сто рублей (тонна);
 б. установки по шесть тысяч тугриков;
 в. Яблоки здесь 2 рубля.
 г. Он курил сигары по <за> 25 песо.

Это, на мой взгляд, убедительно демонстрирует управляемый характер именительного падежа в подобных распределительных конструкциях.

в. ЧВ_{им} выступает в качестве зависимого компонента составных порядковых числительных, а в разговорной речи - и в составных именах чисел:

- (8) а. в одна тысяча девятьсот тридцать седьмом году;
 б. разг. со всеми этими два миллиона сорок одна тысяча девятьсот двадцать семь долларов.

Тенденция не склонять составные числительные, а тем самым - и цельные ЧВ, используя их в различных пассивных ПС-ролях в "основной (= словарной) форме", т.е. в именительном падеже, все шире распространяется в современном русском языке (в пер-

вую очередь в профессиональной речи); подробнее см. об этом Экскурс 12, стр. 406. Еще В.В.Виноградов (1947: 302) отмечал, что "падежная функция именительного падежа у числительных разрушена: у них это область условного синтаксического у п о т р е б л е н и я , а отнюдь не значения". Таким образом, усматривать управляемый именительный в русском языке особенно естественно для Num и ЧВ, т.е. как раз в интересующих нас выражениях типа (2).

г. Та же самая тенденция к неизменяемости ЧВ появляется, по-видимому, в следующем маргинальном употреблении ЧВ_{им} в качестве обстоятельства времени (разговорный язык):

(9) *Поезд отходит (двадцать) одна минута девятого.*

5. Укажем, наконец, еще три более частных случая употребления существительного в именительном падеже в роли ПС-зависимого.

а. Второе, или объектно-копредикативное, дополнение при глаголах *называть(ся)*, *звать(ся)*, *величать(ся)*, и т.п.

(10) *а. Свою дочку они назвали Светлана.*

б. Её сестра звалась Татьяна [А.С.Пушкин].

Глаголы, выступающие в конструкции типа (10), носят метаязыковой характер: они вводят присваиваемые имена объектов. Именительный падеж здесь как бы равносителен кавычкам.

б. Именующие приложения разных типов:

(11) *на острове Ява; на берегах реки Волга; с авианосцем "Саратога"; относительно породы "русская гончая";*

и т.п.

Здесь опять мы видим явление, связанное с метаязыковой функцией. (О русских приложениях см. Урысон 1981.)

в. Первый (= левый) компонент конструкции типа *X за X-ом*, *X на X-е* и т.п., а также местоименных выражений *один ... один и один ... другой*⁴:

(12) *а. И можно придать им порядок такой,*

Чтоб строки стояли строка над строкой

[Ю.Левитанский].

б. Он просмотрел всю рукопись страница за страницей.

Он уложил своё богатство в чемодан пачка к пачке.

(13) а. Он плотно усталил книги на полке одна к одной.

б. Он удобно уселся, положив ноги одна на другую.

Заметим, что в (10) именительный падеж свободно чередуется с творительным (назвали Светланой; Итак, она звалась Татьяной [А.С.Пушкин]), а в (12) и (13) - с винительным (разумеется, только в соответствующих контекстах: просмотрел рукопись стра-ницу за страницей; усталил книги одну к одной).

б. Весьма любопытным, хотя и достаточно маргинальным в рамках данной статьи фактом является употребление именительного падежа для оформления прямых дополнений и обстоятельств длительности в старорусском языке и современных севернорусских диалектах:

(14) а. И королю была та рухлядь дати

'И королю пришлось это имущество отдать' [XV в.].

б. ...чтоби ему собѣ дочерь твоя взяти [XV в.].

в. Ино достоитъ мужу жена своя наказывати

'Ибо надлежит жену свою наказывать' [XVI в., "Домострой"].

г. Наить ночька спать перва

'Надо-ведь ночьку спать сперва' [современный диалект].

(Примеры (14) взяты из Timberlake 1974.)

Как показал А.Тимберлейк (цит. пр.), оформление прямого дополнения и обстоятельства длительности именительным падежом характерно для конструкций с неличными формами, т.е. в таких ситуациях, где дополнение или обстоятельство никак не могут быть приняты за подлежащее. Это значит, что именительный падеж склонен выступать в зависимой позиции вместо других падежей, если в этой позиции невозможно падежное противопоставление. Именно так обстоит дело в сочетаниях типа [силой в] два мед-ведя, [по] трое больных и т.д.

В заключение я хотел бы сформулировать два следующие замечания общего характера, резюмирующие, в известном смысле, содержание настоящего Приложения.

Замечания.

1. Очевидно, что ответ на вопрос об абсолютной синтаксической независимости именительного падежа в русском языке пол-

ностью определяется тем, из какой общей теории ПС-представления мы будем исходить. В рамках того подхода, которого придерживаюсь я сам, полное предложение имеет всегда одну синтаксическую вершину - личную глагольную форму, от которой прямо или косвенно зависят все остальные его словоформы; следовательно, и все S_{IM} должны быть зависимыми - так сказать, по определению. (Независимое S_{IM} возможно лишь в неполных высказываниях: заглавиях, назывных предложениях и т.п.)

Что же касается традиционного подхода, принятого в официальной русистике (см., в частности, Пешковский 1934: 48 - 55), то там дело обстоит несколько иначе - но не намного иначе. Вершиной предложения считается подлежащее, от которого зависят все остальные словоформы. Таким образом, в соответствии даже с наиболее традиционным взглядом только один тип S_{IM} является независимым, а все остальные все равно должны быть признаны управляемыми. Как мы видим, традиционный тезис об абсолютной независимости именительного падежа в русском языке противоречит столь же традиционному учению о синтаксических зависимостях - и должен быть отвергнут (не говоря уже о том, что положение об абсолютном синтаксическом главенствовании подлежащего можно с успехом оспаривать).

2. Среди перечисленных случаев управления именительным падежом в русском языке есть и случаи СИЛЬНОГО управления, т.е. случаи, когда S_{IM} заполняет семантическую валентность управляющего выражения. Так обстоит дело в пунктах 1 (подлежащее), 2 (предикатив), 4а (название значения величины), 4б (название единицы оцениваемого товара⁵) и 5а (имя при глаголах называния). Однако за исключением полностью устаревших или сугубо диалектных употреблений типа б, S_{IM} никогда не выступает в русском языке в роли "настоящего" дополнения (субъектно-копредикативное дополнение при *бить* и объектно-копредикативное дополнение при *называть* и т.д. - это все-таки очень специальные случаи). В частности, S_{IM} не встречается в роли ПС-зависимого при предлогах или предлогообразных речениях. Тем самым, хотя анализ фактов русского языка отнимает у именительного падежа ауру абсолютной независимости, ПРЯМЫХ свидетельств против тезиса о невозможности появления S_{IM} при предлоге этот анализ не дает.

П Р И Л О Ж Е Н И Е II

О падеже существительного в русской конструкции
типа ИДТИ В СОЛДАТЫ

*Я князь-Григорию и вам
Фельдфебеля в Вольтеры дам.
Он в две шеренги вас построит,
А пикните - так мигом успокоит!*

А.С.Грибоедов, "Горе от ума".

Рассмотрим русские словосочетания типа (1):

- (1) *идти в солдаты, брать в няньки, звать в любовники*¹,
*прочить в артисты, пролезть в начальники, врататься в
Наполеоны, кандидат в члены [Политбюро], производство
в офицеры, избрание [Попсона] в президенты, ...*

Все они построены по схеме (2):

- (2) Y в X-ы,

где Y - несколько сот разных глаголов и несколько существительных, а X - любое существительное (= S), обозначающее существо и выступающее обязательно в форме множественного числа. В определенных контекстах лексема Y может отсутствовать (см. стр. 468). В качестве X-а допустимы всевозможные названия людей (должности, звания, национальности, профессии, социальные положения, ...), в частности - все антропонимы (имена, клички, фамилии), названия жителей (*игарчанин, омич, одессит, ...*), неологизмы типа *хипарь* 'хиппи' или *зенковальщик* 'рабочий, выполняющий операцию раззенковывания отверстий', обозначения умерших (*кандидат в покойники <в жмурики>*), а также все названия животных и зоонимы:

- (3) а. *Он давно норовит в Зализняки.*
б. *Всех вас произведу в Василии!*
в. *попал в потомственные норильчане;*
г. *Куда соваться в волки, коль хвост собачий?*

Относительно сочетаний типа (1) см., в частности, Дурново 1929: 89 - 90, Kout 1960 (где перечисляется около сотни глаголов, выступающих в таких сочетаниях), Попов 1963 и Прокопович 1969. Эти сочетания неоднократно привлекали внимание специалистов в связи со следующей хорошо известной в русистике проблемой:

- (4) В каком падеже стоит существительное X в конструкции Y в X-и?

Четкая сводка имеющихся точек зрения и изложение возможных решений содержатся в Зализняк 1967: 50 - 52. Опираясь на соображения А.А.Зализняка, я попытаюсь уточнить и дополнить существующие аргументы, с тем чтобы облегчить выбор оптимального решения.

Вопрос (4) допускает три взаимоисключающих ответа:

- I. Существительное X - в именительном падеже.
- II. Существительное X - в винительном падеже.
- III. Существительное X - в особом "включительном" падеже, задаваемом следующим рядом форм (о д н о п а д е ж - н ы м р я д о м , в терминах книги Зализняк 1967: 50): [идти <рваться, посылать, ...> в] солдаты, армию, лётчики, авиацию, начальники, начальство, ... и т.д.

Третий ответ я отвергну сразу из общеметодологических соображений: мне представляется неоправданным расширять падежный инвентарь русского языка исключительно на основе одной-единственной, и притом весьма специфической, конструкции. Таким образом, я буду сравнивать только ответ I и ответ II.

Однако прежде чем приступить к этому сравнению, из состава анализируемых сочетаний необходимо исключить две следующие группы сочетаний, внешне похожих на сочетания (1) и обычно рассматриваемых вместе с ними, но по существу резко от них отличных:

- а) сочетания типа *играть в X-и* (в казаки-разбойники, в дочери-матери, в кошки-мишки, в колдунчики, в дурачки, ...), а также разговорные *гонять <дуться, резаться, ...> в дурачки* и т.д.
 - б) сочетания [идти <набиваться, рваться>] в гости и [идти <выйти>] в люди.
- а) КАЗАКИ-РАЗБОЙНИКИ, ДОЧКИ-МАТЕРИ, КОЛДУНЧИКИ и т.п.

суть особые лексемы - названия игр; это неодушевленные *plurality tantum*, аналогичные лексемам ШАХМАТЫ, ШАШКИ, ГЛЯДЕЛКИ, САЛОЧКИ, ПРЯТКИ и т.п.² Относительно этих S сомнений быть не должно: они стоят в винительном падеже (обычно - множественного числа), точно так же, как и любые другие S в роли наз-

вания игры при глаголе ИГРАТЬ и его разговорных синонимах:

- (5) а. играть в индейцев <в шпионов, в следопытов, ...>;
 б. играть в мяч <в лапту, в железку, ...>;
 в. дуться <резаться> в преферанс;
 г. играть в войну <в папу и маму>.

Ср. смысловое противопоставление в (6):

- (6) а. Она очень любит куклы <*кукол> 'Она очень любит и г р а т ь в к у к л ы' [КУКЛЫ (неодуш, мн!)] - игра]
 vs.
 б. Она очень любит (этих) кукол <*куклы> [КУКЛА (одуш)] - игрушка].

б) В ГОСТИ, В ЛЮДИ, а также В ГОСТЯХ и ИЗ ГОСТЕЙ являются цельными наречными предложениями, отвечающими на вопросы 'куда', 'где' и 'откуда', т.е. это тоже особые лексемы, но не существительные, а наречия (вроде ЗАМУЖ, НАПРОЛОМ, ВСЛЕПУЮ и т.п.). Ср. еще более сросшиеся *на́ люди* (Он появиться на люди не решается) и *на́ конь!* (кавалерийская команда).

Самое главное, однако, здесь то, что сочетания *играть в X-я, идти <рваться, посылать, ...> в гости, идти в люди* отличны от всех прочих сочетаний типа (1) семантически. Сочетания в (1) достаточно однородны в смысловом отношении, а именно - смысл любого из них включает компонент 'начать быть [= стать] X-ом'³:

- (7) а. собираться в лётчики = 'собираться стать летчиком';
 б. рваться в начальники = 'рваться стать начальником';
 в. взять в жёны = 'каузировать стать своей женой';
 г. прочить в балерина = 'прочить, что станет балериной';
 д. кандидат в покойники = 'кандидат (на то, чтобы) стать покойником'.

Сочетания типов а) и б), указанные выше, имеют совсем другое семантическое содержание и должны рассматриваться отдельно; в дальнейшем я от них полностью отвлекаюсь.

Как уже было сказано, в схеме (2) в качестве X-а выступают только названия лиц и животных, а все названия лиц и жи-

вотных в русском языке являются одушевленными и имеют в винительном падеже множественного числа форму, совпадающую с формой родительного падежа, т.е. форму на $-\emptyset/-ов <-ев>/-ей$: *братъ нянек <*няньки>, вижу лётчиков <*лётчики>, иметь друзей <*друзья>*. Поэтому-то так нелегко ответить на вопрос (4): судя только по ФОРМЕ, все S в (1) представляют именительный падеж, однако с точки зрения СИНТАКСИЧЕСКОЙ ПОЗИЦИИ те же самые S - в винительном падеже.

Необычность появления именительного падежа после предлога заставляет русистов интуитивно склоняться к ответу II, т.е. считать словоформы *солдаты, няньки, любовники* в (1) формами винительного падежа. Это сразу же требует признать соответствующие лексемы неодушевленными, поскольку у одушевленных S формы винительного падежа множественного числа другие. (Признание двух разных форм винительного падежа во мн. числе, дополнительно распределенных относительно контекста, исключается Принципом внешней независимости падежных форм: Экскурс 13, стр. 415, (3).) Это, в свою очередь, влечет выбор из двух следующих возможностей:

- Либо в (1) выступают особые лексемы, т.е. вместо одушевленных ЛЕТЧИК, НЯНЬКА, АРТИСТ, ... мы имеем неодушевленные *pluralia tantum* ЛЕТЧИКИ_(мн!), НЯНЬКИ_(мн!), АРТИСТЫ_(мн!), ... со значением 'совокупность летчиков <нянек, артистов> ...', т.е. совокупность того, что обозначено основой. (Между ЛЕТЧИКИ_(мн!) и ЛЕТЧИК и т.п. тогда имеет место регулярное словообразовательное отношение.) Назовем подобное решение "ответ IIIa".

- Либо всякое S в (1), оставаясь той же самой лексемой, утрачивает свою морфологическую одушевленность, т.е. в составе данных выражений изменяет одно из своих словарных свойств (подробнее об этом решении см. ниже) - "ответ IIIб".

Против допущения особых лексем типа ЛЕТЧИКИ_(мн!) 'совокупность летчиков' можно выдвинуть пять следующих доводов:

(а) - (д).

(а) *Pluralia tantum* типа ЛЕТЧИКИ_(мн!) должны были бы дублировать ВСЕ одушевленные S в русском языке, включая неологизмы (*пошёл в Фарцовщики <гебешники>*), окказионализмы (- *А ты тоже хочешь в дровоколотели?*), антропонимы, зоонимы и наз-

вания жителей (*Его прочили в игарчане*); заметим заодно, что суффикс *-ан(е)* характерен в русском языке только для одушевленных S.

Впрочем, здесь можно усматривать случай регулярной полисемии (Апресян 1974: 190 и сл.), которая как раз имеет тенденцию к абсолютной продуктивности (например, 'вместилице' - 'вещество в объеме вместилища': *виллил на стол чашку масла*; или 'столица страны' - 'правительство страны': *Брюссель заявил протест*). Таким образом, данное возражение не имеет слишком большого веса.

(б) Лексемы типа ЛЕТЧИКИ_(мн!) имели бы крайне ограниченную сочетаемость (Зализняк 1967: 51): **говорить про лётчики*, **У нас очень любят лётчики* и т.д. По-просту говоря, такие лексемы выступали бы только в выражениях типа (1) и в соответственных с ними выражениях типа (18') и (19') (стр. 471), что и демонстрирует, на мой взгляд, нецелесообразность признания их автономными лексемами.

(в) Лексемы типа ЛЕТЧИКИ_(мн!) вовсе не обязательно обозначают 'совокупность':

(8) а. *Дерягин пролез в секретари нашего партбюро* [у партбюро только один секретарь].

б. *Юлия вряд ли годится ему в жёны* [у него только одна жена].

в. *Картера избрали в президенты США на очередной срок* [президент США всегда один].

Впрочем, возможно, что здесь имеется в виду особая категория людей - секретари партбюро, жены, президенты США и т.п., так что речь идет все-таки о совокупности (замечание Л.П.Крысина). См. также ниже, стр. 483, сноска 5.

(г) Мнение В.П.Сидорова, что "... в этих оборотах [типа (1)] названия лиц употреблены в отвлеченном значении должности или звания, и потому они ... образуют вин. падеж по образцу неодушевленных существительных" (Лванесов - Сидоров 1945: 121), по-видимому, не вполне верно - в том смысле, что даже в значении должности (звания, профессии и т.д.) названия лиц по должности (званию, профессии) остаются одушевленными:

(9) а. *За это ему, конечно, сразу дадут доктора* <*доктор> ['... степень доктора'].

б. Он учится на лётчика <*на лётчик>.

в. В муражской армии упразднили генерала <*генерал>
['... звание генерала'].

Поэтому, даже если мы будем различать для каждого обозначения лица по должности, профессии, имени два значения, т.е. две лексемы: 'должность ...' vs. 'человек, занимающий должность ...', 'имя ...' vs. 'человек, носящий имя ...' и т.д., то все равно для сочетаний типа (1) в случае непризнания именительного падежа после предлога В придется ввести особые дополнительные лексемы *pluralia tantum*, отличные по одушевленности от названий должностей, профессий, имен и т.п. (А к тому же что делать с обозначениями животных? Я имею здесь в виду выражения вроде *норовить в лебеди*; *Кто в кони пошёл, тот и во-ду вози*; и т.п.)

(д) Наконец, в сочетаниях типа (1) S не является, так сказать, "вполне" неодушевленным:

(10) а. ... пролез в секретари партбюро, каковых <*како-вие> у нас не любят.

б. Его, наконец, провели в заведующие, каждого <*каждый> из которых до сих пор избирали тайным голосованием.

Из (10) ясно видно, что формы *секретари* и *заведующие* остаются синтаксически одушевленными (и передают свою одушевленность лексемам КАКОВОЙ и КАЖДЫЙ); они утрачивают как будто только морфологическую одушевленность. Однако и это не совсем так; выражения типа (11):

(11) а. ... попал в старшие <*старших> инженеры.

б. Он всегда норовил в ответственные <*ответствен-них> работники.

в. Петя записался в мои <*моих> ухажёры.

г. Вот захочу и выйду в лучшие <*лучших> стазановцы!

[В.Гроссман, "За правое дело"].

доказывают, что синтаксическая одушевленность форм *инженеры* и *работники* также ущемляется. S_{МН} в сочетаниях типа (1) становится синтаксически неодушевленным по отношению к полностью согласуемым адъективным определениям, но остается синтаксически одушевленным по отношению к "частично" согласуемым лексемам типа КОТОРЫЙ или КАЖДЫЙ (ИЗ).

Но и это еще не все. В русском языке возможна также обратная ситуация, т.е. существуют S, синтаксически одушевленные по отношению к полностью согласуемым адъективам, но синтаксически неодушевленные по отношению к частично согласуемым лексемам:

- (12) а. Он отплясывал лихого гопака, который <*которого> я буду помнить всю жизнь.
 б. Он получил такого тумака, который <*которого> он будет помнить всю жизнь.

(Подобные S рассматриваются ниже, см. Пример 5 на стр. 478.)

Сказанное в пункте (д) означает, что постулируя лексемы типа ЛЕТЧИКИ_(МН!), выступающие в (1), (3), (7), (8), (10) и (11), мы должны одновременно совершить две следующие операции:

- Расцепить словарный признак русских S "одушевленность" на два независимых признака, а именно: 1) "морфологическая одушевленность", которая определяет форму самого S в винительном падеже; 2) "синтаксическая одушевленность", которая определяет значение согласовательной категории "одушевленность" у лексем, согласуемых с S.

- Различать у признака "синтаксическая одушевленность" не два, а четыре значения: 1) неодушевленное; 2) полностью одушевленное (индуцирует одушевленность у любых согласуемых лексем); 3) слабо частично одушевленное (индуцирует одушевленность только у частично согласуемых лексем); 4) сильно частично одушевленное (индуцирует одушевленность только у полностью согласуемых лексем). Подробнее см. сноску 9, стр. 486.

Соображения (а) - (д), взятые вместе, подталкивают к отказу от ответа IIа, т.е. от допущения особых лексем - pluralia tantum типа ЛЕТЧИКИ_(МН!), ЖЕНЫ_(МН!) и т.п. - в сочетаниях (1), (3) и других подобных. Тем не менее, если все-таки пытаться трактовать S в таких сочетаниях как форму винительного падежа, у нас остается вторая альтернатива - ответ IIб (стр. 464): считать, что предлог В, выступающий здесь в особом значении, которое можно обозначить \tilde{V}^4 , управляет не только падежом S (и его числом, ибо, как известно, S в сочетаниях [идти] в лётчики и т.п. всегда стоит во множественном числе), но и его одушевленностью. Это значит, что предлог \tilde{V}^4 отменяет словарную информацию, приписанную соответствующей лексеме: в словаре

лексема ЛЕТЧИК имеет признаки "морф (ологически) одуш (евленное)" и "синт (аксически) одуш (евленное)", в сочетании же типа (1), т.е. после $\tilde{В}\tilde{И}$, эти признаки меняются на "морф. неодуш" и "синт. слабо частич (но) одуш".

Подчеркнем, что расщепление одушевленности на морфологическую и синтаксическую и различие в рамках синтаксической одушевленности полной и двух частичных одушевленностей необходимо, разумеется, и при этом последнем решении.

Ответ IIб отменяет возражения (а) - (г), но к оставшемуся (д) добавляется новое возражение: в русском языке приходится допустить управление со стороны предлога не только падежом (и числом) существительного, т.е. определенной морфологической характеристикой, но и одушевленностью существительного - типично словарным признаком, неизменяемость каковых считается их конституирующим свойством.

Если же на вопрос (4) дать ответ I (стр. 462): в сочетаниях типа (1) $S_{\text{МН}}$ стоит в именительном падеже, - то все вышеупомянутые трудности автоматически исчезают. А именно, получается, что S в (1), (3), (7) и т.д. - это самое обычное одушевленное S, обозначающее должность, звание, профессию, имя и т.п. Никаких новых лексем со специфическими свойствами и никаких специфических правил управления одушевленностью постулировать не требуется. Форма интересующего нас S полностью определяется падежно-числовым управлением предлога $\tilde{В}\tilde{И}$ (который может употребляться и без глагольной лексики Y: *Эх, в директора бы мне!*; *В солдаты его!*; *Пора ему в монахи*; и т.д.).

Так, например, при ответе I в модели управления глагола ПРИГЛАШАТЬ должна быть указана следующая возможность поверхностного оформления его второго дополнения: $\tilde{В}\tilde{И} + S_{\text{МН, им}}$ (приглашать в князья <в старшие инженеры>) - наряду с синонимичными вариантами $НА I + S_{\text{ВИН}}$ (приглашать на старшего инженера), $S_{\text{ТВОР}}$ (приглашать старшим инженером) и $В КАЧЕСТВЕ + S_{\text{РОД}}$ (приглашать в качестве старшего инженера). Существенно, что $\tilde{В}\tilde{И}$ управляет здесь не только именительным падежом, но и множественным числом существительного, так что в выражении *идти в лётчики* множественное число S оказывается чисто синтаксически обусловленным, безо всякой семантической мотивировки.⁵

При прочих вариантах оформления второго дополнения число интересующего нас S тоже синтаксически обусловлено, но по крайней мере семантическим числом прямого дополнения:

(13) а. *Его приглашали на старшего инженера.*

vs.

Их всех приглашали на старших инженеров.

б. *Его приглашали старшим инженером.*

vs.

Их всех приглашали старшими инженерами.

в. *Его приглашали в качестве старшего инженера.*

vs.

Их всех приглашали в качестве старших инженеров.

Таким образом, не вполне обычная для падежного управления ситуация - предлог управляет асемантическим (иногда даже "анти-семантическим") множественным числом - наблюдается и при ответе I (*лётчики* в (1) - это форма именительного падежа), а не только при ответе IIб.

Итак, мы кратко охарактеризовали ответ I и два варианта ответа II: IIа - с постулированием особых неодушевленных S *pluralia tantum* (*ЛЕТЧИКИ*_(МН!), ...) и IIб с изменением одушевленности "тех же самых" лексем в контексте предлога \tilde{V} I. Ответ IIа стоит, по-видимому, отвергнуть сразу, поскольку он влечет слишком много трудностей; в результате нам надо сравнить, взвешивая все "за" и "против", ответ I и ответ IIб.

Ответ I. Главный довод в пользу признания именительного падежа у S в (1) - это, безусловно, необычайная простота описания. Тем не менее, я могу указать три факта, заставляющие меня усомниться в этом на первый взгляд таком элегантном решении.

Во-первых, в русском языке существует глагол ПЕРЕКВАЛИФИЦИРОВАТЬСЯ, допускающий вариантное управление следующего типа:

(14) а. *Боря решил переквалифицироваться в управдома /*
Марина решила переквалифицироваться в машинистки.

б. *Боря решил переквалифицироваться в управдома /*
Марина решила переквалифицироваться в машинистку.

Фразы (14а) и (14б) полностью синонимичны; S после пред-

лога В в (14б) стоит в очевидном винительном падеже. Таким образом, если считать словоформы *управдомы* и *машинистки* в (14а) именительным падежом, то приходится признать, что в (а) и (б) один и тот же предлог В, выступающий в одном и том же значении и в идентичном контексте, управляет РАЗНЫМИ падежами одной и той же лексемы, а это антиинтуитивно, во всяком случае - для моего языкового чутья. (Ср. аналогичные соображения в Экскурсе 15, стр. 442.) При этом глагол ПЕРЕКВАЛИФИЦИРОВАТЬСЯ - не единственный в русском языке: таким же свойством обладает глагол ПРОИЗВОДИТЬ 'начать считать [кем-либо] и называть соответственно':

(15) Ты что, его уже в гении <в гения> произвёл?

Ср. фразу из романа И.Эренбурга "Не переводя дыхания" (Москва, "Художественная литература", 1935, стр. 77):

(16) Не зря он её в Мишку произвёл!

Абсолютно правильно, однако, и (16'):

(16') Не зря он её в Мишки произвёл!

Ср. еще РАЗЖАЛОВАТЬ: *Его разжаловали в солдату* = *Его разжаловали в простого солдатаа*.

Существование таких глаголов (допускающих вариантное управление в X-и/в X-а) затрудняет признание форм [в] лётчики и т.п. именительным падежом.

Во-вторых, в очень многих сочетаниях типа (1) S_{МН} можно заменить семантически близким собирательным S' без (значительного) изменения смысла, и это S' выступает всегда в винительном падеже:

(17) [пойти] *в солдату* ~ *в армию*, *в моряки* ~ *во флот*, *в артиллеристы* ~ *в артиллерию*, *в артисты* ~ *в театр*, ...

Данный факт очень близок к предыдущему: если [в] лётчики - это именительный падеж, то почему [в] авиацию - винительный? При семантическом почти тождестве и синтаксической однотипности обоих выражений подобное распределение падежей при том же самом предлоге вызывает интуитивный протест.

В-третьих, параллельно с выражениями типа (1), схема (2), в русском языке имеются отвечающие каждому из них выражения со схемами (18) и (19):

(18) Y' в X-ах ['продолжать быть X-ом'],

(19) Y" из X-ов ['переставать быть X-ом'];

ср. (18') и (19'):

(18') *оставаться в лётчиках, жить в няньках, сидеть в начальниках, ...*

(19') *выгнать из лётчиков, уйти из няnek, вылететь из начальников, ...*

Очевидная соотносительность сочетаний типа Y в X -и, Y' в X -ах и Y'' из X -ов хорошо иллюстрируется примерами (заимствованными из Kout 1960):

(20) а. *Ефимов выдвинулся из рядовых плотников в руководящие работники [В.Ажаев].*

б. *Он собственным трудом пробился из беднейших крестьян в крупные специалисты по рогатому скоту [Л.Леонов].*

в. *Пока в солдатушках служил,
Тягька землю заложил:
Из солдатушек пришёл,
сразу в батраки пошёл [частушка].*

Соотношение

(21) $\left\{ \begin{array}{l} V + S_{\text{вин}} \text{ ['начать быть ...']}, \\ V + S_{\text{предл}} \text{ ['продолжать быть ...']}, \\ \text{ИЗ} + S_{\text{род}} \text{ ['перестать быть ...']} \end{array} \right.$

очень типично для русского языка; оно возможно также, *mutatis mutandis*, с предлогами НА, ЗА и ПОД:

(22) а. *идти в школу - быть в школе - выскочить из школы;*

б. *лезть на крышу - сидеть на крыше - спрыгнуть с крыши;*

в. *забежать за сарай - прятаться за сараем - высунуться из-за сарая;*

г. *залезть под перину - лежать под периной - вылезти из-под перины.*

Однако соотношения типа (21) с именительным падежом первого члена русскому языку неизвестны вовсе. Принимая именительный падеж S в (1), мы отрываем схему (2) от схем (18) и (19), а все эти три схемы - от соотношения (21), к которому они, как мне кажется, очень близки. Это является для меня еще одним доводом против трактовки формы [идти в] лётчики как именительного падежа.

Кроме того, в русском языке нет ни одного бесспорного слу-

чая употребления именительного падежа после предлога: выражения вроде *в школа, *за картина, *на отец, ... абсолютно недопустимы и воспринимаются как грубейшее нарушение законов русской грамматики⁷. (Подробнее об этом см. Экскурс 15, стр. 441 и сл.)

Итак, ЗА ответ I - простота результирующего описания, ПРОТИВ ответа I - существование пар типа *переквалифицироваться в машинистки/в машинистку*, (почти) синонимичных сочетаний [*идти в солдаты - в армию*, [*рваться*] *в моряки - во флот* и т.п. и соотношения $B + S_{вин} \sim B + S_{предл} \sim ИЗ + S_{род}$, а также общее метаправило о недопустимости именительного падежа после предлогов в русском языке.

Ответ IIб. Доводами в пользу ответа IIб являются, естественно, все четыре только что указанных соображения против ответа I, а основным доводом против ответа IIб - его бóльшая сложность. Эту сложность обуславливают, насколько я понимаю, ровно два фактора: необходимость расщеплять словарный признак одушевленности у русских S и необходимость допустить управление одушевленностью и числом S со стороны предлога $\tilde{B}I$. Однако откуда следует, что указанные факторы отрицательны, т.е. что они влекут НЕОПРАВДАНОЕ усложнение описания? Рассмотрев их внимательнее, мы убедимся, что они мотивированы независимо от интересующих нас выражений типа (1) и, следовательно, не могут служить аргументами против ответа IIб.

Расщепление одушевленности. Как много раз отмечалось в литературе, признак одушевленности в русском языке (и вообще в славянских языках) очень близок к признаку грамматического рода. В то же время расщепление признака рода на "морфологический, или словоизменительный, род" и "синтаксический, или согласовательный, род" представляется вполне естественным: см. об этом подробно в Зализняк 1967: 138 и сл. Так, существительное МУЖЧИНА - женского морфологического рода, ибо оно склоняется в точности так же, как существительные ЖЕНА, РУКА, ГОЛОВА, т.е. принимает такие же окончания (отличные от окончаний существительных ДОМ, СТОЛ, ОСТРОВ и т.п.). В то же время, МУЖЧИНА принадлежит к мужскому синтаксическому роду, поскольку прилагательные согласуются с этим S так же, как с ДОМ, СТОЛ и т.п.:

высокий мужчина <дом>, *высокому мужчине* <дому>, ..., но не **высокая женщина* (при *высокая стена*). Иначе говоря, морфологический род - это тип склонения, а синтаксический род - это согласовательный класс.

Расщепление одушевленности на морфологическую и синтаксическую могло бы обосновываться ссылкой на аналогию с родом: морфологическая одушевленность характеризует только особенность склонения (совпадение формы винительного падежа с формой именительного у морфологически неодушевленных S и с формой родительного - у одушевленных), а синтаксическая одушевленность влияет на форму согласуемых адъективов. Именно такое расщепление признака "одушевленность" прямо предложено в Зализняк 1967: 139 - 141, где говорится о морфологической и синтаксической одушевленности. А.А.Зализняк отмечает, что у S значения этих двух признаков, как правило, совпадают, и приводит как единственный пример их несовпадения местоимение-заменитель 3-го лица ОН, ОНО, ОНИ: морфологически оно всегда одушевленное (это значит, что его винительный падеж обязательно совпадает с родительным, а не с именительным), а синтаксически может быть и неодушевленным, так как его собственная синтаксическая одушевленность, определяющая одушевленность согласуемых с ним адъективов, зависит от синтаксической одушевленности его антецедента:

(23) а. Они измазали его [= Петю] всего.

vs.

Они измазали его [= костюм] весь.

б. Их [= пассажиров] привезли обратно, поцарапанных, но живых.

vs.

Их [= ящики] привезли обратно, поцарапанные, но целые.

К этому примеру можно добавить еще три, характеризующие при этом весьма массовые явления.

Во-первых, я имею в виду количественные числительные от ПЯТЬ и выше⁸: морфологически они все неодушевленные (*вижу пять слонов* ~ *пять столов*; *Там стоят пять слонов* ~ *пять столов*), а синтаксически могут быть как бы и одушевленными и неодушевленными - в зависимости от S, к которому они относятся:

- (24) а. *Вижу этих ← пять слонов ~ эти ← пять столов.
Привезли обратно тех же самых ← десять пасса-
жиров ~ те же самые ← десять ящиков.*

[стрелки показывают предполагаемые мною синтаксические зависимости].

Заметим, что полной аналогии здесь не получается: у S синтаксическая одушевленность является словарным признаком, а у местоимения-заменителя - словоизменительной синтаксически обусловливаемой категорией; напротив, у "больших" Num одушевленности нет вообще (у "малых" Num признается только морфологическая одушевленность как словоизменительная категория; см. Экскурс 13, стр. 420 и 426). Однако "большие" Num, как видно из примеров (24), чувствительны к синтаксической одушевленности у S - они, так сказать, прозрачны для синтаксической одушевленности своего "исчисляемого" S, пропуская ее через себя к зависимому А. Тем самым, (24) демонстрирует релевантность предлагаемого расщепления одушевленности в русском языке.

Во-вторых, расщепление одушевленности на морфологическую и синтаксическую наблюдается у некоторых сленговых и разговорных обозначений людей, преимущественно полилексемных (узуальных и окказиональных) и, как правило, содержащих отрицательную характеристику:

- (25) а. - *Не могу я больше видеть этот мешок с дерьмом <этот кусок дерьма>, которого давно пора выгнать вон!*
- б. - *Подумать только, что я обязан ещё и опекать эти пугала огородные, которых и видеть-то противно!*
- в. - *Не могу спокойно смотреть на эти ходячие кладбища бифитексов, которых мне приходится кормить по несколько раз в день!*

Аналогичными свойствами обладают пейоративные фразеологизмы *синий чулок* 'женщина, лишенная женственности и обаяния и целиком поглощенная книжными интересами', *исчадь ада* 'человек, совершающий страшные злодеяния' и т.п.:

- (26) а. *Когда я вижу эти синие чулки <эти исчадь ада>, которых здесь все так ценят, мне делается просто тошно!*

- б. *Особое внимание следует обратить на всякого рода антиобщественные элементы, которых активно под- держивает мировая буржуазия.*

Употребление неодушевленных S в качестве отрицательных обозначений людей, при котором эти S становятся синтаксически частично одушевленными, оставаясь морфологически неодушевленными, является очень продуктивным процессом; ср. выше, стр. 421.

Имеется, кроме того, изолированное существительное НАРОД 3 'основная, трудовая масса населения'; морфологически неодушевленное, оно допускает употребления, в которых оно выступает как синтаксически слабо частично одушевленное:

- (26) в. *Но этот народ он не считал тем настоящим, которого все любят, жалуют и единодушно желают ему счастья* [М. Горький, "Жизнь Клима Самгина", т. 1].

В-третьих, расщепление одушевленности наблюдается также у S типа *гопак* <трепак> и *тумак* <подзатильник>: в определенных контекстах (см. (31)) они выступают как морфологически одушевленные, а синтаксически - как сильно частично одушевленные.

Таким образом, расщепление словарного признака одушевленности на морфологическую и синтаксическую одушевленность в русском языке все равно необходимо, так что его проведение для всех S в сочетаниях типа (1) при ответе IIб выступает скорее как положительный довод!⁹

Что же касается частичной (синтаксической) одушевленности (см. (11) vs. (12), (25) и (26)), то в точности такая же "частичность" характерна для русского рода.

Фразы типа (27):

- (27) а. *Главный [муж] бухгалтер заявила [жен].*
 б. *Молодой [муж] астроном, закончив фотографирование неба, начал [жен] просматривать пластинки ["Вечерняя Москва", 12 февр. 1964].*
 в. *Присковый [муж] счетовод серьёзно заболела [жен] [А. Коптяева, "Иван Иванович"] -*

вопреки протестам пуристов, все шире распространяются не только в разговорной речи, но и в прессе и художественной литературе (см. об этом Мучник 1971: 222 и сл.). В подобных фразах мы видим S, синтаксический род которого - частично женский: *главная бухгалтер, *молодая астроном, *присковая счетовод с

женским родом согласуемого прилагательного исключены в нормативной речи, тогда как глагол - сказуемое допускает (в соответствии с официально принятой нормой) оба рода - мужской и женский; если, однако, непосредственный контекст указывает на женский пол денотата соответствующего S, то женский род сказуемого становится обязательным:

- (27') а. *Главный бухгалтер Ярцева заявила <*заявил> ...*
 б. *Молодой астроном Коровина начала <*начал> ...*
 в. *Приисковий счетовод Хмирина заболела <*заболел> ...*

Сказанное верно и относительно согласования с лексемой типа КОТОРЫЙ; эта последняя должна быть в женском роде, если она относится к S типа ВРАЧ, обозначающему женщину:

- (27") *Главный бухгалтер, фамилия которой <*которого> была Ярцева и которую <*которого> только что назначили на этот пост, ...*

Указанная ситуация с "частично женским" согласовательным родом (при морфологически мужском роде соответствующих S) убедительно показывает, что согласовательная частичная одушевленность вполне естественна в русском языке. Более того, во фразах (25) - (26) непосредственно демонстрируется необходимость частичной синтаксической одушевленности для русских S.

Все это, вместе взятое, должно перевернуть нашу оценку довода (д) на стр. 466: факты, указанные в (10) и (11), свидетельствуют, как мы теперь видим, не против, а в пользу решения с винительным падежом формы [идти в] лётчики, т.е. в пользу ответа IIб.

Управление одушевленностью S со стороны предлога В̃І.

Когда мы говорим, что в сочетаниях типа (1) предлог В̃І управляет одушевленностью S_{МН}, делая его морфологически неодушевленным, а синтаксически - слабо частично одушевленным, это звучит действительно странно. Дело, однако, просто в форме выражения: принято говорить об управлении морфологическими характеристиками, а не словарными (= инherentными) признаками. Поэтому достаточно просто выразиться несколько по-другому, а именно - сказать, что S_{МН} в сочетании с В̃І изменяет значение одного из своих словарных признаков - "одушевленности". Тогда сразу становится очевидным, что утрата одушевленности S_{МН} в (1)

есть всего лишь частный случай хорошо известного и повсеместно распространенного явления: я имею в виду изменение словарных свойств слов в результате их вхождения в ту или иную конструкцию, свободную и тем более - несвободную. Вот несколько примеров этого явления, нарочно взятых из самых разных сфер языка.

- Изменение СИНТАКСИЧЕСКИХ словарных свойств (т.е. свойств, определяющих межсловную сочетаемость).

Пример 1. Русское S в соответствии со своей словарной характеристикой способно употребляться как с определением-прилагательным, так и без него. Однако здесь возможны два осложнения.

(i) Если абстрактное S в родительном падеже атрибутивно присоединяется к другому S' для выражения смысла '... обладающий S-ом', то это S уже не может не иметь при себе прилагательного:

(28) а. человек глубоких убеждений [= S] ~ *человек убеждений;

б. задача особой трудности ~ *задача трудности;

в. цвет неописуемой яркости ~ *цвет яркости.

[Подобная неопустимость адъективных определений многократно исследовалась в славистике.]

(ii) Если S выступает в составе аппроксимативно-количественной конструкции, то оно утрачивает способность иметь при себе адъективное препозитивное определение:

(29) *прочёл интересных книг двадцать при правильных

(29') а. прочёл книг двадцать, интересных и полезных;

б. прочёл примерно двадцать интересных книг.

Пример 2. В выражении со страху 'под действием <из-за> страха' S теряет способность иметь какие бы то ни было зависимые:

(30) *с дикого страху, *со страху перед учителем [надо: от дикого страха, от страха перед учителем].

- Изменение МОРФОЛОГИЧЕСКИХ словарных свойств (т.е. свойств, определяющих словоизменение).

Пример 3. В составе фразеологизмов глаголы очень часто утрачивают ряд форм, присущих им вне этих фразеологизмов. Так, выражение X всем взял 'X обладает всеми мыслимыми достоинствами' не допускает употребления в будущем времени (*Тогда Маша всем возьмёт); X взял слово 'X каузировал, что X имеет право говорить,

в ходе (официального) собрания' не образует пассивной конструкции (**После Петрова слово было взято Яхонтовим*), хотя семантически и синтаксически близкое выражение *предоставить слово X-у* 'каузировать, что X имеет право говорить в ходе (официального) собрания' легко употребляется в пассиве: *После Петрова слово было предоставлено Яхонтову* (ср. стандартное заявление лица, ведущего собрание: *Слово предоставляется [такому-то]*).

В других случаях у глаголов могут наблюдаться особые формы, не встречающиеся вне фразеологизмов: выражение *сложить руки* 'бездействуя, когда надо действовать' содержит уникальную деепричастную форму *сложив* вместо нормального *сложив* (ср. близкий фразеологизм *сложив оружие* 'прекратить борьбу', 'смирившись')¹⁰; существенно при этом, что выражение *складывать/сложить руки* 'бездействовать, когда надо действовать' имеет полную систему форм всех времен, видов и наклонений, включая все неличные формы, но лишено регулярной деепричастной формой *сложив* (**сложив руки* невозможно в смысле 'бездействуя', хотя совершенно правильно в буквальном смысле: *сложив руки на коленях*).

Важное замечание: здесь и ниже предполагается, что хотя каждый полилексемный фразеологизм представляет собой отдельную лексическую (= словарную) единицу, тем не менее в его состав входят не какие-то особые лексемы с уникальным распределением и ограниченным набором форм, а те же самые, обычные лексемы, что выступают и вне этих фразеологизмов, со всем присущим им морфологическим описанием. Так, в *брать/взять слово* или *складывать/сложить руки* выступают - с МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ - те же самые БРАТЬ, СКЛАДЫВАТЬ, СЛОВО и РУКА, что и в *брать [камень в] руки*, *складывать [письма в ящик]*, [*произнести*] *слово*.

Пример 4. В некоторых фразеологизмах лексемы изменяют схему акцентуации: *как с гúся вода* 'нипочем; (ему) ничего не делается', где допустима только форма *гúся* вместо обычного *гуся́* (официальная книжная норма - *гúся*) или кавалерийская команда *по ко́ням!* (вместо обычного *коня́м*).

Пример 5. Рассмотрим выражения (31):

- (31) а. *танцевать* <плясать> (*лихого*) *гопака, трепака* - *вальс, мазурку, фокстрот, самбу, ...*

- б. *дать <отвесить, залепить, врезать, получить, сло-
потать, ...,> (здорового) тумака, пинка в зад -
подзатыльник <подзатыльника>, пощёчину, оплеуху, ...*

Существительные *гопак, трепак, тумак, пинок* - морфологи-
чески бесспорно неодушевленные:

(32) а. *Я полюбил весёлый гопак <*весёлого гопака>.*

б. *Я ощутил сильный пинок <*сильного пинка> в зад.*

В каком падеже стоят эти S в (31)? Я вижу только два ра-
зумных ответа на этот вопрос:

- Либо надо считать, что существительные *гопака* и т.д. в
(31) стоят в родительном (или партитивном) падеже.

- Либо надо признать их падеж винительным, но тогда при-
дется говорить, что данные S становятся в указанных выражениях
морфологически одушевленными.

Правильным мне представляется второй ответ; соответствую-
щие аргументы приводятся в сноске 11 (чтобы не загромождать
изложение). Если же согласиться с ним, то мы получаем пример
изменения одушевленности S в составе словосочетания, в каком-
то смысле обратный симметричный случаю (1): там одушевленное S
утрачивает одушевленность в определенной конструкции, здесь,
наоборот, неодушевленное S приобретает одушевленность.¹²

Пример 6. Наконец, хорошую иллюстрацию изменения признака оду-
шевленности S дают русские аппозитивные конструкции:

(33) а. *Я посетил этот город-герой.*

б. *... построили завод-кормилец.*

в. *Все с восторгом рассматривали мост-богатирь.*

В словосочетаниях подобного типа одушевленное S, присо-
единяясь в качестве постпозитивного приложения к неодушевлен-
ному S, автоматически становится неодушевленным:

(33') а. *... *посетил этот город-героя <*этого города-
героя>.*

б. *... *построили завод-кормильца <*этого завода-
кормильца>.*

в. *... *рассматривали мост-богатиря <*моста-бога-
тиря>.*

Число аналогичных примеров в русском языке (впрочем, как
я полагаю, и в любом языке) весьма велико, поскольку то или

иное изменение словарных свойств лексем в словосочетаниях, т.е., иначе говоря, фразеологизация словосочетаний, - это характерная особенность естественного языка, о которой много писалось в лингвистике. Утрата существительными их одушевленности в сочетаниях типа (1) после предлога В I полностью соответствует названной особенности и, следовательно, не должна рассматриваться как контрдовод при анализе ответа IIб.

Таким образом, то, что на первый взгляд кажется большей сложностью ответа IIб (по сравнению с ответом I), соответствует в действительности природе русского языка; избавиться от этой мнимой сложности невозможно, да и не нужно. Именно ответ IIб представляется мне правильным: в сочетаниях (1) существительное выступает в винительном падеже, а изменение его одушевленности есть типичная для любого естественного языка модификация свойств слов в составе словосочетания.

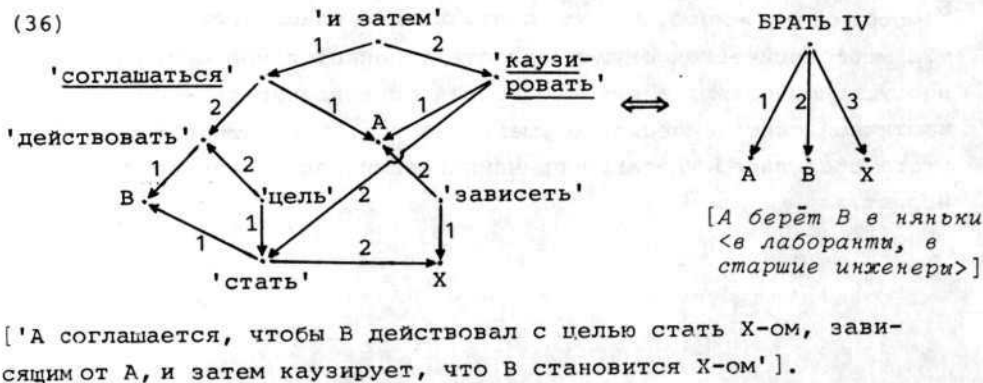
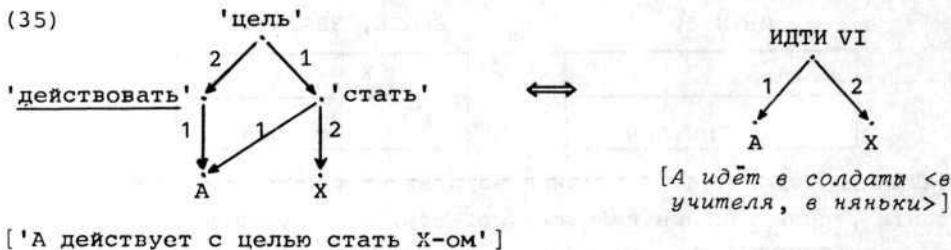
Итак, на вопрос (4) я даю ответ (34):

- (34) Существительное в сочетаниях типа *идти в солдаты* или *брат в няньки* стоит в винительном падеже; его одушевленность изменяется в составе сочетаний рассматриваемого типа соответствующим образом, а именно: оно становится морфологически неодушевленным, а синтаксически - слабо частично одушевленным.

Это именно тот ответ, который всегда предлагался в традиционной русистике, хотя и без должного анализа всех относящихся сюда трудностей и проблем. Ср., в частности, замечание В.В.Виноградова (1947: 165) о том, что в сочетаниях типа (1) существительное, употребленное во множественном числе для метонимического обозначения специальности, социального положения и т.п. через обозначение лиц данной специальности и т.д., оформляется - после предлога В - винительным падежом. Это замечание интересно развито в Rothstein 1977, где прямо указано изменение словарного признака [+ одуш] на [- одуш] у всех S в данном метонимическом употреблении.

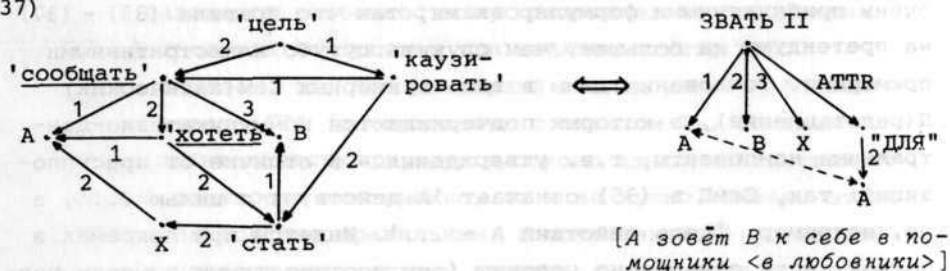
Теперь, когда мое исследование по существу окончено, я хотел бы - для большей конкретности - привести несколько се-

мантико-лексических правил, описывающих глагольные лексемы из сочетаний типа (1). Эти правила суть частичные словарные статьи соответствующих лексем: толкование (левая часть правила) и фрагмент модели управления (правая часть правила; см. Мельчук 1974: 112, 134 - 139); разумеется, я довольствуюсь здесь очень приближенными формулировками, так что правила (35) - (37) не претендуют на большее, чем служить сугубо иллюстративными примерами. Толкования даны в виде примерных Сем(антических) П(редставлений), в которых подчеркиваются коммуникативно-центральные компоненты, т.е. утверждения - в отличие от пресуппозиций; так, СемП в (35) означает 'А действует с целью ...', а не, например, 'цель действий А - ...'. Индексы при лексемах в правой части совершенно условны (они соответствуют номерам подходящих значений данных глаголов по "Словарю русского языка" С.И.Ожегова, 9-ое изд., 1972). Пунктирная двунаправленная стрелка в (37) показывает кореферентность. Более подробные разъяснения здесь вряд ли уместны; заинтересованный читатель может обратиться к уже упомянутой книге Мельчук 1974.

Заметим, что если А сам является актантом X-а, то к лексеме в правой части правила добавляется атрибут "ДЛЯ" $\xrightarrow{2}$ А, который на поверхности превращается в себе или к себе - в зависимости от модели управления соответствующего глагола, см. правило (37):

(37)

['А сообщает В, что А хочет, чтобы В стал X-ом самого А, - с целью, чтобы это сообщение каузировало, чтобы В стал X-ом'].

В словарных статьях соответствующих лексем должно содержаться указание о выражении актанта X предложной группой

$\tilde{B}\tilde{I} + S_{\text{МН,ВИН}}$:

ИДТИ IV

X = 2
$\tilde{B}\tilde{I} + S_{\text{МН,ВИН}}$

БРАТЬ, ЗВАТЬ II

X = 3
$\tilde{B}\tilde{I} + S_{\text{МН,ВИН}}$

(наряду, разумеется, с прочими вариантами оформления этого актанта, если таковые имеются: ср. стр. 468, управление глагола ПРИГЛАГАТЬ). Кроме того, необходимо и указание об изменении одушевленности S:

$S_{\text{(морф. одуш)}} \Rightarrow \text{морф. неодуш, синт. одуш}} \Rightarrow \text{слабо частич. синт-одуш}$

т.е морфологическая одушевленность заменяется морфологической неодушевленностью, а синтаксическая одушевленность - слабой частичной синтаксической одушевленностью. Конкретная форма записи этого последнего указания принципиальной роли, разумеется, не играет.

С Н О С К И

1. (К стр. 461.) Это выражение - цитата из советской блатной песни "Зека Васильев и Петров зека":
*Нас каждый день мордуют уголовники
 И главный врач зовет к себе в любовники.*
2. (К стр. 462.) Лексикализованность данных названий игр проявляется еще по крайней мере в двух их особенностях:
 - Непереставимость их компонентов: *разбойники-казаки, *матери-дочки, *мишки-кошки.
 - Специфическое ударение в казаки-разбойники <*казаки-разбойники>, при обычном казаки (вариант казаки, впрочем, тоже допустим, но лишь в просторечии).
 В Виноградов 1947: 162 все подобные существительные безоговорочно трактуются как *pluralia tantum*.
3. (К стр. 463.) Ср., однако, *годиться в жёны* <в разведчики, ...> = 'годиться быть женой <разведчиком>'. Фраза *Она не годится в жёны Валерию* может быть сказана о женщине, которая в настоящий момент уже является женой Валерия, откуда видно, что *годиться* содержит скорее компонент 'быть', нежели 'стать'. Этот случай, однако, не разрушает смысловую однородность сочетаний типа (1).
 Сочетания с выражениями В ГОСТИ, В ЛЮДИ и т.п. имеют совсем другой смысл:
 - собираться в гости* = 'собираться пойти в дом X-а в качестве гостя X-а';
 - пойти в люди* = устар. 'начать работать по найму, чаще всего - в качестве прислуги';
 - выбиться в люди* = 'добиться (достаточно престижного) социального статуса'.
4. (К стр. 467.) Индекс I при предлоге В объединяет все те его значения, в которых В управляет винительным падежом; В II - это все *в*, управляющие предложным падежом. Знак ~ над В I выделяет специфическое, сильно идиоматизированное значение предлога *в* в сочетаниях типа (1).
5. (К стр. 468.) То, что число S после предлога В I, формально будучи всегда множественным, семантически может оставаться и единственным, подтверждается следующим любопытным фактом. Сочетания типа *заведующий кафедрой* или *директор гастронома* при образовании "настоящего", т.е. семантически нагруженного, множественного числа изменяют оба свои компонента:
 - (i) *совещание заведующих кафедр* <*кафедрой; в противном случае смысл был бы тот, что одна кафедра одновременно имеет много заведующих>;
 - (ii) *обратился ко всем директорам гастрономов*.
 Однако в сочетаниях (1) форму множественного числа допускает только первый компонент:
 - (iii) *Его прочили в заведующие кафедрой* <*кафедрами>.
 - (iv) *Панфилов пролез в директора этого гастронома* <*гастрономов>.
 Отсюда видно, что если в конструкции Y в X-и подлежащее (или прямое дополнение) глагола Y стоит в единственном числе, то СЕМАНТИЧЕСКИ существительное X остается в единственном числе, т.е. оно вряд ли обозначает совокупность, ср. выше, стр. 465, пункт (в).

Против сказанного здесь, однако, можно возразить, что, когда говорят *Его прочили в заведующие этого гастронома*, то имеют в виду совокупность разных заведующих одного и того же гастронома, сменяемых друг друга во времени. Подобное возражение отводится, как мне кажется, следующим примером:

(v) *Мне его прочили в руководители диплома.*

У диплома (= дипломной работы) предполагается всего один руководитель - не только в каждый данный момент, но и на всем протяжении работы. Соответствующая же категория лиц называется *руководители дипломов* <*диплома>. Специфика значения множественного числа существительного в сочетаниях типа (1) отмечается в Прокопович 1969. Особо существенен параллелизм конструкции *У в X-и* и *У X-ом* (с единственным числом соответствующего существительного):

(vi) *В санитарки Ваську, по её молодости, не допустили, отдали даже Саше - помощницей и ученицей* [В.Панова, "Спутники"].

(vii) *В 1939 г. С.П.Обнорский был избран действительным членом АН СССР; в 1944 г. его избирают в действительные члены Академии педагогических наук* ["Русский язык в школе", 1958, т. 19, № 3, стр. 100].

Впрочем, Я.Коут считает, что в конструкциях типа (1) "явно ощущается собирательное значение существительного [мн. числа], тогда как форма творительного падежа [ед. числа] является в этом отношении немаркированной" (Коут 1960: 110). Я же никаких смысловых различий между обеими конструкциями не вижу и полагаю, что выбор диктуется синтаксическими факторами (при некоторых глаголах предпочтительна или допустима одна конструкция, при других - другая; разными конструкциями пользуются, чтобы избежать монотонных повторений и т.д.).

6. (К стр. 469.) Некоторые носители русского языка считают фразы типа (146) сомнительными - во всяком случае, лежащими за пределами литературной нормы. В моем собственном идиолекте, однако, подобные фразы совершенно обычны.

7. (К стр. 472.) Выражения в роде *Что за идиотка!* или *А что он за человек?* не противоречат сказанному: *что ... за 'какой'* - это неразложимая семантико-синтаксическая идиома: см. сноску 3 к Экскурсу 15, пункт 1, стр. 451.

Особого упоминания заслуживают сочетания *S* в именительном падеже с лексемами ПЛЮС и МИНУС:

(i) а. *При такой красоте плюс гармония*
Я для вас роковое явление [популярная песенка из советского кинофильма].

б. *Мандельштам всегда казался совершенно отдельным человеком плюс беспомощный и милый брат Шура*
[Н.Мандельштам, "Вторая книга", Paris 1972, 568 - 569].

(ii) *Сдвиг применяется ко всему массиву минус четвёртая строка.*

В подобных выражениях ПЛЮС и МИНУС напоминают предлоги, а *S* при них выступает в бесспорном именительном падеже.

Тем не менее, предложный статус лексем ПЛЮС и МИНУС далеко не очевиден.

Во-первых, ПЛЮС может употребляться и как обычный присоединительный союз И:

- (iii) а. Я послал книги всем своим братьям плюс <и> ещё Коле <?плюс Коля>.
 б. Я зашёл по очереди ко всем своим сёстрам плюс <и> к Наташе <?плюс Наташа>.

МИНУС такого употребления не допускает:

- (iv) а. ... всем своим братьям минус Коля <*Коле>.
 б. ... ко всем своим сёстрам минус Наташа <*к Наташе>.

Тем самым, ПЛЮС и МИНУС должны иметь разный статус, что ослабляет мою готовность признать их предложениями. Ср. также:

- (v) а. Он посетил все социалистические страны плюс Австрию и Швейцарию <*Австрия и Швейцария>.

vs.

- б. Он посетил все европейские страны минус Австрия и Швейцария <*Австрию и Швейцарию>.

Более вероятным кандидатом в предлоги является только МИНУС.

Во-вторых, и ПЛЮС и МИНУС имеют чрезвычайно ограниченные сферы употребления; обе лексемы наиболее естественны в контекстах, где речь действительно идет о сложении и вычитании:

- (vi) Подходящий налог удерживается с полной зарплаты плюс <минус> сумма семейного и страхового пособий. Вчера на комбинат доставили все грузы из порта плюс <минус> тонна руды.

(Фразы типа (i) воспринимаются мною как нарочитый, стилистически маркированный перенос математического способа выражаться в не-математическую речь.)

Можно полагать, что в выражениях математического характера мы наблюдаем так называемое словарное произнесение всех символов, очень типичное для научной речи; например, выражение (vii):

- (vii) $(2 + 4)! \times 2 = 1440$

читается как

(viii) Левая скобка два плюс четыре правая скобка факториал умножить на два равняется тысяча четыреста сорок, где лексема ПЛЮС может быть вполне понята как существительное в именительном падеже, аналогично формам левая <правая> скобка и факториал.

Не следует ли полагать, что в (i), (ii) и (vi) мы также имеем существительные ПЛЮС и МИНУС в именительном падеже, имплицитные "словарное произнесение" (т.е. именительный падеж) следующих за ними именных групп?

Впрочем, в (iii) и (v) наблюдается типично союзное употребление лексем ПЛЮС в значении 'а также и'; это заставляет допустить существование в русском языке по крайней мере двух лексем ПЛЮС: ПЛЮС 1 - существительное, обозначающее знак сложения "+", и ПЛЮС 3 - сочинительный союз (не считая, разумеется, лексем ПЛЮС 2 'достоинство': Большим плюсом этой квартиры является наличие двух туалетов). В то же время, лексем МИНУС имеется только две: МИНУС 1 - существительное, обозначающее знак вычитания "-", и МИНУС 2 'недостаток' (У этой квартиры много минусов).

Из сказанного здесь ясно, что положение сочетаний ПЛЮС

<МИНУС> + S слишком неясно и небесспорно, чтобы признать их противоречивыми метапринципу о недопустимости именительного падежа после предлога в русском языке.

8. (К стр. 473.) В соответствии с предположением А.А.Зализняка (1967: 87), я признаю у русских числительных (аналогично русским прилагательным) словоизменительную категорию морфологической одушевленности: ср. [вижу] *три* стола vs. [вижу] *трех* слонов, [вижу] *двадцать* одного студента vs. [вижу] *двадцать* один монумент и т.д., см. Экскурс 13. - Что касается синтаксиса конструкций с числительными, то я считаю числительное зависящим от "исчисляемого" S, а прилагательное, предшествующее числительному, - зависящим от этого последнего: Adj ← Num ← S (мои ← пять ← рублей; ... освободили всех ← двадцать ← заложников; с теми же самими ← семью ← спутниками). По моему мнению, подобное прилагательное согласуется непосредственно с числительным, а не с существительным. См. выше, гл. II, стр. 95 и сл.
9. (К стр. 475.) Для большей ясности я приведу здесь сводную таблицу предлагаемых значений словарного признака "синтаксическая одушевленность" у русских S.

<u>Синтаксическая одушевленность S</u>	<u>Морфологическая одушевленность согласуемых лексем</u>	<u>Примеры</u>
полностью одушевленное	все согласуемые прилагательные и относительные местоимения - одушевленные	СЛОН, МАЛЬЧИК
полностью неодушевленное	все согласуемые прилагательные и относительные местоимения - неодушевленные	СТОЛЕ, ПАЛЬЧИК
сильно частично одушевленное	полностью согласуемые прилагательные - одушевленные; частично согласуемые относительные местоимения - неодушевленные	ГОПАК, ТУМАК (в выражениях типа <i>отплясывать гопака, схлопотать тумака</i>)
слабо частично одушевленное	полностью согласуемые прилагательные - неодушевленные; частично согласуемые относительные местоимения - одушевленные	СИНИЙ ЧУЛОК, АНТИОБЩЕСТВЕННЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ, (В) СОЛДАТЫ <АКТРИСЫ, ...>

Если русское S является морфологически одушевленным, то синтаксически оно обязательно является по крайней мере сильно частично одушевленным; в противном случае, оно может быть лишь слабо частично одушевленным. Эта корреляция позволяет различать в словаре только полную vs. частичную синтаксическую одушевленность (абстрагируясь от дополнительных различителей "слабо/сильно"):

СЛОН (морф: одуш; синт: полн-одуш)

СТОЛЬ (морф: неодуш; синт: неодуш)

ГОПАК (морф: одуш; синт: частичн-одуш) [в выражениях типа (31)]

СОЛДАТ мн (морф: неодуш; синт: частичн-одуш) [в выражениях типа (1)]

Итак, в конце концов, для русского S предлагается следующее описание словарных свойств одушевленности:

- Морфологическая одушевленность = {одуш, неодуш}

- Синтаксическая одушевленность = {частичн-одуш, полн-одуш, неодуш}.

10. (К стр. 478.) Заглавие стихотворения Б.Пастернака "Слова весла" ощущается как нарочитая аналогия к *слова руки*.

11. (К стр. 479.) Известные мне четыре аргумента против признания форм *гопака*, *тумака* и т.д. в (31) формами родительного или партитивного падежа таковы.

1) Представляется антиинтуитивным допустить, что некоторые переходные глаголы управляют то винительным, то родительным (или партитивным) падежом, причем последнее - только в отношении нескольких конкретных S со значением 'танец' или 'удар', задаваемых списком. (Такие S, например, как *танец*, *краковяк*, *удар*, *толчок*, к этому списку не принадлежат.) Противопоставление винительного и родительного/партитивного падежей прямого дополнения хорошо известно в русском языке, но это противопоставление семантически мотивировано и распространяется на все S, для которых оно подходит по смыслу; винительный падеж обозначает целый предмет или определенную часть чего-либо, родительный/партитивный - неопределенную часть:

(i) а. *Принеси воду!* [всю или известную часть]

vs.

Принеси води! [какой-нибудь]

б. *Он положил масло* [все] *в картошку.*

vs.

Он положил в картошку масла [сколько-то].

2) Среди S, выступающих в выражениях типа (31), не бывает S женского или среднего рода. В то же время при обычном для русского языка чередовании родительного (или партитивного) падежа с винительным после переходных глаголов S (жен) и S (ср) употребляются совершенно свободно: *принеси води*, *налей водки*, *купи мяса*, *положи (в картошку) масла* и т.п. Заметим еще, что родительный падеж при переходных глаголах характерен для неисчисляемых S, обозначающих вещества (а не действия, события и т.п., как в (31)).

3) Если к S в (31) присоединить количественное Num, то тогда эта группа Num + S может быть только в очевидном винительном падеже; родительный падеж результирующего ЧВ полностью исключается:

(ii) а. *Я отвесил ему два здоровых тумака* <*двух здоровых тумаков>.

б. *Он получил пять таких пинков* <*пяти таких пинков>, что ...

Было бы странно считать, что некоторые русские глаголы изменяют управление родительным падежом на винительный в случае присутствия (в составе прямого дополнения) количественного Num. (С другой стороны, при предлоге ПО III - см. выше, стр. 443 - 444 - подобная ситуация имеет место. Напомним,

что этот уникальный предлог управляет дателъным падежом существительного без Num или с ОДИН I, винительным падежом ЧВ с "малым" Num и винительным/родительным падежами ЧВ с "большим" Num.)

4) Все возможные в (31) глаголы представляют собой выражения лексических функций Op_{eg_1} и Op_{eg_2} (Мельчук 1974: 78 - 109, в особенности, 92 и сл.). Другими словами, эти выражения фразеологически связаны, и связывающим элементом (= аргументом функции) является S: те же самые глаголы с другими (даже почти синонимичными) S ведут себя нормально, т.е. управляют просто винительным падежом; никакие собственные модификаторы глагола не влияют на соответствующее выражение, а модификаторы существительного могут влиять очень существенно (например, прибавление Num изменяет возможный падеж); и т.д. Тем самым, именно S представляется ответственным за все синтактико-морфологические странности выражений типа (31).

Поэтому, следуя Принципу максимальной локализации (Эккурс 15, стр. 447), я предпочитаю сосредоточить специфику конструкции *плясать гопака/дать тумака* в S и говорить, что это S становится морфологически одушевленным в сочетаниях с соответствующими глаголами, но без Num.

12. (К стр. 479.) Особого упоминания заслуживают выражения типа

(i) *И поздравили меня с воскресением -*

Закатили строгача с занесением!

[А.Галич, "Красный треугольник"].

Слово *строгач* 'строгий выговор как мера партийно-административного взыскания в СССР' встречается в основном при глаголах типа *влепить, вкатить, закатыть, получить, схлопотать*, т.е. при Op_{eg_1} и Op_{eg_2} . Неупотребительность этого разговорного существительного при "нормальных" (= не-функциональных) глаголах затрудняет определение его словарной морфологической одушевленности. Тем не менее, диагностические контексты все же имеются:

(ii) ... *обсуждали <говорили про> тот строгач <*строгача>, который <*которого> Лёвка схлопотал два года назад.*

Отсюда видно, что СТРОГАЧ - существительное неодушевленное, так что *закатыть строгача* должно описываться так же, как *плясать гопака* или *дать пинка*. Ср. еще жаргонное *накрутить [кому-либо] хвоста/хвост* 'сурово отчитать':

КОРРЕКТУРНОЕ ПРИМЕЧАНИЕ (к стр. 78 - 79).

На моем докладе в University of Southern California, Los Angeles, 10 апреля 1985 г., А.К.Шолковский указал мне, что довод 5 - "Конструкция с показателем приближенности" - по существу представляет собой частичный случай довода 1 и потому не должен фигурировать как отдельный пункт в списке доводов в пользу решения $\text{Num} \leftarrow N$. Поскольку внести какие-либо серьезные изменения уже нет возможности, я ограничиваюсь этим примечанием.

Принятые сокращения

ВЯ - Вопросы языкознания

ГУ - Государственный университет

Изв. ОЛЯ - Известия АН СССР. Серия литературы и языка

ИРЯ - Институт Русского языка АН СССР

МПИПЛ - Машинный перевод и прикладная лингвистика

НТИ - Научно-техническая информация

Предв. публ. ПГЭПЛ - Предварительные публикации Проблемной группы по экспериментальной лингвистике, ИРЯ АН СССР, Москва

РЯНШ - Русский язык в национальной школе

РЯШ - Русский язык в школе

BSLP - Bulletin de la Société de Linguistique de Paris

FS - Folia Slavica

IJSPL - International Journal of Slavic Linguistics and Poetics

IRSL - International Review of Slavic Linguistics

RL - Russian Linguistics

SaS - Slovo a Slovesnost

WSA - Wiener Slawistischer Almanach

АВАНЕСОВ, Рубен И. и Владимир Н. СИДОРОВ

1945 *Очерк грамматики русского литературного языка*. Москва: Учпедгиз. 236 стр.

АНДРЕЙЧИН, Л.

1949 *Грамматика болгарского языка*. Москва.

АПРЕСЯН, Юрий Д.

1974 *Лексическая семантика. Синонимические средства языка*. Москва: Наука. 367 стр.

1978 *Языковая аномалия и логическое противоречие*. In: *Tekst-Język-Poetyka*, Warszawa: Ossolineum, 129 - 151

БЛАЖЕВ, Б.И.

1962 *Случай транспонирования форм одушевленности у некоторых определительных местоимений и числительных в русском языке*. *РЯНШ*, № 3, 29 - 34

1964 *О сочетаниях типа оба Петровы*. *РЯШ*, № 2, 80 - 81

БОГУСЛАВСКИЙ, Игорь М.

1978а *Отрицание в предложениях с обстоятельством в русском языке*. *Studia grammatyczne II*, Wrocław etc.: Wydawnictwo PAN, 122 - 136

- 1978b О понятии смещенного отрицания. *Предв. публ. ПГЭПЛ*, вып. 107, 9 - 20
- БОРЩЕВ, Владимир Б. и Максим В.ХОМЯКОВ
- 1973 Аксиоматический подход к описанию формальных языков. (Окрестностные языки). В кн.: С.К.Шаумян, ред., *Математическая лингвистика*, Москва: Наука, 5 - 47
- БУЛАХОВСКИЙ, Леонид А.
- 1952 *Курс русского литературного языка*. Киев.
- БУТОРИН, Д.И.
- 1964 Употребление в распределительном значении количественных числительных с предлогом *по*. *Вопросы культуры речи*, вып. 5, 144 - 149
- ВАЛГИНА, Н.С., Д.Э.РОЗЕНТАЛЬ, М.И.ФОМИНА, В.В.ЦАПУКЕВИЧ
- 1971 *Современный русский язык*. Москва.
- ВИНОГРАДОВ, Виктор В.
- 1947 *Русский язык. (Грамматическое учение о слове)*. Москва-Ленинград: Учпедгиз. 784 стр. То же, изд. 2, Москва, 1972, 614 стр.
- ВИНОГРАДОВ, Виктор В., Е.С.ИСТРИНА и Степан Г.БАРХУДАРОВ, ред.
- 1960 *Грамматика русского языка*. Москва: АН СССР. Т. I, 719 стр.; т. II, 702 + 440 стр.
- ГАЛКИНА-ФЕДУРУК, Евдокия М., Клавдия В.ГОРШКОВА и Николай М.ШАНСКИЙ
- 1957 *Современный русский язык*. Москва: Учпедгиз.
- ГРАУДИНА, Людмила К., Виктор А.ИЦКОВИЧ и Лия П.КАТЛИНСКАЯ
- 1976 *Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов*. Москва: Наука. 455 стр.
- ГРИНШПУН, Б.М.
- 1960 О синтаксической роли имен числительных в сочетании с именами существительными. *РЯШ*, № 2, 14 - 16
- ДУРНОВО, Николай Н.
- 1929 *Повторительный курс грамматики русского языка. Вып. II: Синтаксис. Ч. II*. Москва-Ленинград: ГИЗ. 135 стр.
- ЕСЬКОВА, Наталья А., Игорь А. МЕЛЬЧУК и Владимир Э. САННИКОВ
- 1971 *Формальная модель русской морфологии. I. Формообразование существительных и прилагательных*. Москва: ИРЯ. 71 стр. [*Предв. публ. ПГЭПЛ*, вып. 15]
- ЗАЛИЗНЯК, Андрей А.
- 1967 *Русское именное словоизменение*. Москва: Наука. 370 стр.
- 1973 О понимании термина "падеж" в лингвистических описаниях. I. В кн.: А.А.Зализняк, ред., *Проблемы грамматического моделирования*, Москва: Наука, 53 - 87

ІВЧЕНКО, М.П.

- 1955 *Числівники української мови*. Київ: КДУ ім. Т.Г.Шевченка. 144 стр.

ИОМДИН, Леонид Л.

- 1979а Фрагмент модели русского поверхностного синтаксиса. Определительные конструкции. *Јужнословенски филолог*, 35, 19 - 54.
- 1979б *Еще раз о синтаксическом согласовании в русском языке*. Москва: ИРЯ. 45 стр. [Предв. публ. ПГЭПЛ, вып. 122]
- 1980 К построению формальной модели современного русского языка. Оператор синтаксического согласования для определительных конструкций. В кн.: *Логико-семантические вопросы искусственного интеллекта. Труды по искусственному интеллекту III*. Тарту: ТГУ, 51 - 70

ИОМДИН, Леонид Л., Игорь А.МЕЛЬЧУК и Николай В.ПЕРЦОВ

- 1975 Фрагмент модели русского поверхностного синтаксиса. I. Предикативные синтагмы. *НТИ*, серия 2, № 7, 30 - 43 [франц. перевод см. в кн. M.Borillo, J.Virbel, eds., *Analyse et validation dans l'étude des données textuelles*, Paris: Editions du CNRS, 1977, 83 - 122]

ИОМДИН, Леонид Л. и Николай В.ПЕРЦОВ

- 1975 Фрагмент модели русского поверхностного синтаксиса. II. Комплезивные и присвязочные конструкции. *НТИ*, серия 2, № 11, 22 - 32

КАЧЕВСКАЯ, Г.А.

- 1969 К истории сложных существительных с пол- и полу- в русском языке. В кн.: *Вопросы теории и истории языка (Сб. статей, посвященный памяти В.А.Ларина)*, Ленинград: ЛГУ, 322 - 329

КОВИЛЯНСКИЙ, Б.В.

- 1953 Синтаксичний зв'язок кількісних числівників два, три, чотири з іменниками (на матеріалі української і російської мов). *Мовознавство* (Наукові записки Ін-та мовознавства АН УССР), т. XII, 69 - 78

КУЛАГИНА, Ольга С.

- 1958 Об одном способе определения грамматических понятий на базе теории множеств. *Проблемы кибернетики*, т. 1, 203 - 214

КУРИЛОВИЧ, Ежи

- 1962 *Очерки по лингвистике*. Москва: Изд-во иностр. лит-ры. 456 стр.

МЕЛЬЧУК, Игорь А.

- 1963 Автоматический анализ текстов (на материале русского языка). В кн.: *Славянское языкознание*, Москва: Изд-во АН СССР, 477 - 509

- 1964a Типы связей между элементами текста и типология языков. В кн.: *Материалы конференции "Актуальные вопросы современного языкознания и лингвистическое наследие Е.Д. Поливанова"*, т. I, Самарканд: Среднеазиатский ГУ, 57 - 59
- 1964b Обобщение понятия фразеологизма (морфологические "фразеологизмы"). В кн.: *Материалы конференции "Актуальные вопросы современного языкознания и лингвистическое наследие Е.Д. Поливанова"*, т. I, Самарканд: Среднеазиатский ГУ, 89 - 91
- 1971 К проблеме выбора описания при неединственности морфологических решений. В кн.: *Фонетика. Фонология. Грамматика. К 70-летию А.А. Реформатского*, Москва: Наука, 211 - 219
- 1973 Конверсия как морфологическое средство. *Изв. ОЛЯ*, 32: 1, 15 - 28
- 1974a Опыт теории лингвистических моделей "Смысл * Текст". Москва: Наука. 314 стр.

1974b О синтаксическом нуле. В кн.: А.А. Холодович, ред. *Типология пассивных конструкций. Диатезы и залогы*. Ленинград: Наука, 343 - 361 [Англ. вариант см. в: *Proceedings of the Fifth Annual Meeting of the Berkeley Linguistic Society*, Berkeley, CA: UCS, 1979, 224 - 260]

1975a К понятию поверхностно-синтаксического отношения (ПСО). *Предв. публ. ПГЭПЛ*, вып. 71, Москва: ИРЯ, 24 - 56 [См. также Мельчук 1977]

1975b Опыт разработки фрагмента системы понятий и терминов для морфологии (к формализации языка лингвистики). *Семиотика и информатика*, вып. 6 (*Грамматические и семантические проблемы*), 5 - 50

1977 О типах поверхностно-синтаксических отношений (три критерия различия). *RL*, 3: 3/4, 245 - 270. [Ср. также Mel'čuk 1981b.]

1978 Формализация языка лингвистики (к постановке вопроса). *IRSL*, 3: 3, 313 - 331

1979 О падеже существительного в русской конструкции типа *идти в солдаты*. *Svantevit*, 5: 1/2, 5 - 32

1982 Лично-количественные ("собираательные") числительные в русском языке. *RL*, 6: 3, 307 - 334

МЕЛЬЧУК, Игорь А. и Николай В. ПЕРЦОВ

1973 *Поверхностно-синтаксические отношения в английском языке* Москва: ИРЯ. 80 стр. [Предв. публ. ПГЭПЛ, вып. 43]

1975 *Модель английского поверхностного синтаксиса*. Ч. I; Ч. II; *Приложения к перечню синтагм*. Москва: ИРЯ. 228 стр. [Предв. публ. ПГЭПЛ, вып. 64 - 66]

МИРЧЕВ, К.

1958 *Историческая грамматика на българския език*. София.

МИШИНА, К.И.

- 1960 Значение и употребление слова "один" в русском языке. В кн.: *Русский язык. Статьи и исследования* (Уч. зап. МГПИ им. Ленина), 94 - 112

МУСТЕЙКИС, К.

- 1972 *Сопоставительная морфология русского и литовского языков*. Вильнюс: Mintis. 287 стр.

МУЧНИК, Иосиф П.

- 1971 *Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке*. Москва: Наука. 298 стр.

ОСОВСКАЯ, В.Е.

- 1971 *Образования с пол- и полу- в современном русском языке. Ученые записки Горьковского гос. педагогич. института им. Горького*, вып. 115, Серия филолог. наук, 54 - 63

ПАДУЧЕВА, Елена В.

- 1974 *О семантике синтаксиса. Материалы к трансформационной грамматике русского языка*. Москва: Наука. 292 стр.

ПАНОВ, Михаил В.

- 1962 Словоизменение. В кн.: С.К.Кенесбаев, ред., *Русский язык и советское общество*, Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 52 - 68

ПАНОВ, Михаил В., ред.

- 1968 *Морфология и синтаксис современного русского литературного языка [Русский язык и советское общество]*. Москва: Наука. 367 стр.

ПЕРЦОВ, Николай В.

- 1976 *О грамматических категориях английского глагола*. Москва: ИРЯ. 62 стр. [Предв. публ. ПГЭПЛ, вып. 90]
- 1977 *Грамматическое представление английской глагольной формы для целей автоматического перевода. Linguistica Silesiana*, vol. 2, 139 - 163

ПЕШКОВСКИЙ, Алексей М.

- 1934 *Русский синтаксис в научном освещении*. Москва: Учпедгиз. 452 стр.

ПОПОВ, П.Н.

- 1963 *О конструкции типа "выйти в люди" в современном литературном русском языке. Филологические науки*, № 2, 151 - 155

ПОПОВ, А.С.

- 1974а *Подлежащие без именительного падежа, выраженные сочетаниями со значением порционности, приблизительности и косвенного счета, в современном русском языке*. В кн.: *Вопросы лексики и грамматики русского языка*, Пермь: Пермский госпедин-т/Глазовский госпедин-т, 66 - 96

1974b Предложения с разъединенными количественно-именными сочетаниями и нумеративные подлежащие в современном русском литературном языке. В кн.: *Вопросы лексики и грамматики русского языка*, Пермь: Пермский госпедин-т/Глазовский госпедин-т, 97 - 119

ПРОКОПОВИЧ, Е.Н.

1969 О некоторых образованиях множественного числа в русском литературном языке. В кн.: В.В.Виноградов, ред., *Мысли о современном русском языке*, Москва: Просвещение, 192 - 198

РЕВЗИН, Исаак И.

1973 Некоторые средства выражения противопоставления по определенности в современном русском языке. В кн.: А.А.Зализняк, ред., *Проблемы грамматического моделирования*, Москва: Наука, 121 - 137

РЕФОРМАТСКИЙ, Александр А.

1960 Число и грамматика. В кн.: *Вопросы грамматики. Сборник статей к 75-летию А.И.Мещанинова*, Москва-Ленинград: Изд-во АН СССР, 384 - 400

САВВИНА, Елена Н.

1976 Фрагмент модели русского поверхностного синтаксиса. III. Сравнительные конструкции (Сравнительные и союзные синтагмы). *НТИ*, серия 2, № 1, 38 - 43

1980 О неадекватности описания одного типа сравнительных конструкций с использованием понятия поверхностно-синтаксического эллипсиса. *WSA*, Bd 6, 211 - 230

СИДОРОВ, Владимир Н. и Ирина С.ИЛЬИНСКАЯ

1949 К вопросу о выражении субъекта и объекта действия в современном русском языке. *Изв. ОЛЯ*, 8: 4, 343 - 354

СУПРУН, Адам Е.

1957 К употреблению родительного и именительного падежей множественного числа прилагательных в сочетаниях с числительным "два, три, четыре" в современном русском языке. *Уч. зап. [Киргизского гос. заочного пед. ин-та]*, вып. III, *Русский язык и литература*.

1959a *О русских числительных*. Фрунзе. 172 стр.

1959b С какими существительными, обозначающими лиц мужского пола, употребляются собирательные числительные? (По анкетно-экспериментальным данным). В кн.: *VII научная конференция [Киргизского ун-та]*, Секция русской филологии, Фрунзе, 7 - 9

1962 Обозначение неточных (приблизительных) количеств при помощи определенно-количественных числительных. В кн.: *Вопросы лексики и грамматики русского языка [Уч. записки филолога. Ф-та Киргизского ГУ, вып. 8]*, Фрунзе: КиргГУ, 5 - 14

1964 *Имя числительное и его изучение в школе*. Москва: Просвещение. 159 стр.

- 1971 *Части речи в русском языке*. Москва: Просвещение. 135 стр.
- 1977 Старосл. ОБА НА ДЕСАТЕ. In: F. Jakopin, ed., *Slovensko jezikoslovje. Nahtigalov zbornik*, Ljubljana, 453 - 463
- СУХОТИН, Борис В.
- 1973 Исследование структуры простого предложения с помощью ЭВМ. В кн.: С.К. Шаумян, ред., *Проблемы структурной лингвистики - 1972*, Москва: Наука, 429 - 488
- ТАРАБАСОВА, Нина И.
- 1955 *Ноль и нуль. Вопросы культуры речи*, вып. 1, 227 - 234
- УРЫСОН, Елена В.
- 1981 Поверхностно-синтаксическое представление русских аппозитивных конструкций. *WSA*, Bd. 7, 154 - 215
- 1982 Направление синтаксической зависимости в русских аппозитивных конструкциях. *Biuletyn polskiego towarzystwa jezykoznawczego*, t. 39, 91 - 107
- ХОЛОДОВИЧ, Александр А.
- 1970 К вопросу о доминанте предложения. In: R. Jakobson and Sh. Kawamoto, eds., *Studies in General and Oriental Linguistics*, Tokyo, 318 - 324
- 1971 Некоторые вопросы управления в японском языке. В кн.: И.Ф. Вардуль, ред., *Вопросы японского языка*, Москва: Наука, 113 - 132
- ЦЕЙТИН, Григорий С.
- 1958 Простой пример машинного перевода. *Студенческий научный журнал ЛГУ. Серия Матмех.*, № 1, 23 - 28
- 1961 Эксперимент многоязычного перевода числительных на машине "Урал". *МПНПЛ*, вып. 5, 22 - 26
- ШАХМАТОВ, Александр А.
- 1925 *Синтаксис русского языка. Выпуск первый. Учение о предложении и словосочетаниях*. Ленинград.
- ШВЕДОВА, Наталия Ю., ред.
- 1970 *Грамматика современного русского литературного языка*. Москва: Наука. 767 стр.
- ЩЕРБА, Лев В.
- 1958 О второстепенных членах предложения. В кн.: Л.В. Щерба, *Избранные работы по языкознанию и фонетике*, т. I, Ленинград: Изд-во ЛГУ, 92 - 103
- AKINER, Sh.
- 1983 The Syntax of Numeral in Belorussian, Compared with Ukrainian, Russian and Polish. *Slavonic and East European Review*, 61: 1, 55 - 68
- BAVBY, Leonard H.
- 1980 *Existential Sentences and Negation in Russian*. Ann-Arbor, Mich.: KAROMA. 180 pp.

- 1984 Prepositional Quantifiers and the Direct Case Condition in Russian. In: M.Flier and R.Brecht, eds., *Issues in Russian Morpho-Syntax*, Columbus, Ohio: Slavica
- BAZELL, Charles
- 1949 Syntactic Relations and Linguistic Typology. *Cahiers F. de Saussure*, 8, 5-20
- 1950 The Fundamental Syntactic Relations. *Časopis pro moderní filologii*, 33: 1, 9-15
- BERNARD, R.
- 1954 Alcune osservazioni sul plurale secondo in bulgaro moderno. *Ricerche slavistiche* III, 30-42
- BIRKENMAIER, W.
- 1976 Die Funktion von *odin* im Russischen. *Zeitschrift für slavische Philologie*, 39: 1, 43-59
- BOGUSŁAWSKI, Andrzej
- 1966 *Semantyczne pojęcia liczebnika i jego morfologija w języku rosyjskim*, Wrocław etc.: Wydawnictwo PAN. 280 s.
- 1973 Nazwy pospolite przedmiotów konkretnych i niektóre właściwości ich form liczbowych i połączeń z liczebnikami w języku polskim. In: Z.Topolińska i M.Grochowski, red., *Liczba, ilość, miara*. Wrocław etc.: Wydawnictwo PAN, 7-35
- BOGUSŁAWSKI Andrzej and Stanisław KAROLAK
- 1970 *Grammatyka rosyjska w ujęciu funkcjonalnym*. Warszawa: Wiedza Powszechna. 512 s.
- BRADLEY, Maya
- 1981 Numerals in Modern Hebrew. *Working Papers in Linguistics*, Univ. of Melbourne, 87-113
- BRANDT CORSTIUS, H., ed.
- 1968 *Grammars for Number Names*. Amsterdam: North Holland. [*Foundations of Language Supplementary Series*, 71].
- CORBETT, G.G.
- 1980 Animacy in Russian and Other Slavonic Languages: Where Syntax and Semantics Fail to Match. In: C.V.Chvany and R.D.Brecht, eds., *Morphosyntax in Slavic*, Columbus, Ohio: Slavica, 43-61
- 1981 Syntactic Features. *Journal of linguistics*, 17: 1, 55-76
- CROCKETT, Dina B.
- 1976 *Agreement in Contemporary Standard Russian*. Columbus, Ohio: Slavica. 456 pp.
- CRYSTAL, D.
- 1966 English. *Lingua*, 17: 1/2, 21-56

DAHL, Östen and Fred KARLSSON

- 1976 Verbal Aspects and Object Marking: A Comparison Between Finnish and Russian. *IRSL*, 1: 1, 1 - 31

GALLIS, A.

- 1947 Tallordenes syntaksi rusisk. *Avhandlingar utgitt av det Norske Videnskaps-Akademi i Oslo (II. Historisk-Filosofisk Klasse)*, [Festskrift til Professor Olaf Broch], 63 - 75

GARDE, Paul

- 1980 *Grammaire russe. Tome 1. Phonologie - Morphologie*. Paris: Institut d'Etudes Slaves. 486 pp.

GREENBERG, Joseph H.

- 1978 Generalizations About Numeral Systems. In: J.H.Greenberg, ed., *Universals of Human Language*, Stanford: Stanford University Press, 249 - 295

GRUSZYŃSKI, Włodzimierz i Zygmunt SALONI

- 1978 Składnia grup liczebnikowych we współczesnym języku polskim. *Studia grammatyczne*, II, Wrocław etc.: Wydawnictwo PAN, 17 - 42.

HALE, Kenneth and Chisato KITAGAWA

- 1976 - 77 A Counter to Counter EQUI. *Papers in Japanese Linguistics*, vol. 5, 41 - 61.

HURFORD, J.R.

- 1975 *The Linguistic Theory of Numerals*. London - New York - Melbourne: Cambridge Univ. Press. 293 pp.

IORDANSKAJA, Lidija N.

- 1982 Le placement linéaire des clitiques pronominaux non-sujets en français contemporain. *Linguisticae Investigationes*, 6: 1, 145 - 188

ISAČENKO, Aleksandr V.

- 1962 *Die russische Sprache der Gegenwart. Teil I. Formenlehre*. Halle (Saale): Max Niemeyer

JAKOBSON, Sven

- 1971 Categories of Tense. In: S.Jakobson, *Studies in English Transformational Grammar*, Stockholm: Almqvist Wiksel, 108 - 131

JAKOBSON, Roman O.

- 1936 Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre: Gesamtbedeutung der russischen Kasus. *TCLP*, 6, 240 - 288. [Reprinted in Jakobson's *Selected Writings*, 2, The Hague: Mouton, 1979, 23 - 71.]

- 1958 Морфологические наблюдения над славянским склонением (Состав русских падежных форм). In: *American Contributions to the 4th International Congress of Slavists*, The Hague: Mouton, 127 - 156. [Reprinted in Jakobson's *Selected Writings*, 2, The Hague: Mouton, 154 - 183.]

KLOOSTER, W.G.

- 1971 *The Structure Underlying Measure Phrase Sentences*. Amsterdam: North Holland [Foundations of Language Supplementary Series, 17]

KOPEČNÝ, F.

- 1957 K problému kvantitativního přivlastku v češtině. *SaS*, 18: 2.

KOUT, Josef

- 1960 Konstrukce typu *postupit' v letáki*. In: *Rusko-české studie. Sborník Vysoké školy pedagogické v Praze. Jazyk a literatura. II, Praha, 103 - 112*

KUIPERS, Aert H.

- 1975 On Symbols, Distinctions and Markedness. *Lingua*, 36: 1, 31 - 46

KUNZE, Jürgen

- 1972 Die Komponenten der Darstellung syntaktischer Strukturen in einer Abhängigkeitsgrammatik. *The Prague Bulletin of Mathematical Linguistics*, vol. 8, 15 - 27

KUNZE, Jürgen and Alexander K.LJUDSKANOV

- 1975 Die Anwendung von Unterordnungskriterien im Bulgarischen. *Serdica, Bulg. Mathematicae publicationes*, vol. 1, 144 - 157

LARSSON, Ingemar

- 1973 Teilmenge und Gesamtmengen im russischen System der Quantifikatoren. *Slavica Ludensia*, Bd. 1, 35 - 54
- 1978 On the System Structure of Russian Relative Quantifiers. *Slavica Ludensia*, Bd. 6, 105 - 116

ŁOJASIEWICZ, Anna

- 1979 O budowie wyrażen z przyimkiem *po* dystrybutywnym. *Polonica*, V, 153 - 160

MCCAWLEY, James

- 1968 The Role of Semantics in a Grammar. In: E.Bach and R.T.Harms, eds., *Universals in Linguistic Theory*. New York etc: Holt, Rinehart and Winston, 124 - 169
- 1975 Lexicography and the Count-Mass Distinction. In: *Proceedings of the First Annual Meeting of the Berkeley Linguistic Society*, Berkeley, CA: UCB, 314 - 321.

MEL'ČUK, Igor A.

- 1973 On the Possessive Forms of the Hungarian Noun. In: F.Kiefer and N.Ruwet, eds., *Generative Grammar in Europe*, Dordrecht: Reidel, 315 - 332
- 1977 Le cas. *Revue des études slaves*, 50: 1, 5 - 36
- 1979 *Studies in Dependency Syntax*. Ann Arbor, Mich.: KAROMA. 163 pp.

- 1980 Animacy in Russian Cardinal Numbers and Adjectives as an Inflectional Category. *Language*, 56: 4, 797 - 811
- 1981a Meaning-Text Models: A Recent Trend in Soviet Linguistics. *Annual Review of Anthropology*, vol. 10, 27 - 62
- 1981b Types de dépendance syntagmatique entre les mots-formes d'une phrase. *BSLP*, 76: 1, 1 - 59
- 1982 *Towards a Language of Linguistics. A System of Formal Notions for Theoretical Morphology*. München: W.Fink. 160 pp.
- MEL'ČUK, Igor A. and Nikolaj V.PERTSOV
(to appear) *Surface Syntax of English. A Formal Model within the Meaning-Text Framework*. Amsterdam: Benjamins.
- NAYLOR, Kenneth E.
1977 A Note on the "Quantification Form" in Russian. *FS*, 1: 1, 89 - 95
- PITTMAN, R.S.
1948 Nuclear Structure in Linguistics. *Language*, 24: 2, 287 - 292
- POLDAUF, Ivan
1957 Vyjadřování kvantity v češtině. *SaS*, 18: 2, 71 - 75
- ROBINSON, Jane J.
1970 Dependency Structures and Transformational Rules. *Language*, 46: 2, 259 - 285
- ROSS, John R.
1973 Nouniness. In: O.Fujimura, ed., *Three Dimensions of Linguistic Theory*, Tokyo: TEC, 137 - 257
- ROTHSTEIN, Robert A.
1977 A Note on Grammatical Metonymy in Russian. *FS*, 1: 1, 96 - 100
- SALONI, Zygmunt
1973 Klasyfikacja grammatyczna leksemów polskich. In: *Zastosowanie maszyn matematycznych do badań nad językiem naturalnym*. Warszawa, 244 - 255
- 1977 Kategorie grammatyczne liczebników we współczesnym języku polskim. *Studia grammatyczne*, I, Wrocław etc: Wydawnictwo PAN, 145 - 173
- STAMPE, David
1976 Cardinal Number Systems. In: *Papers from the 12th Regional Meeting, Chicago Linguistic Society*, Chicago: Chicago Linguistic Society, 594 - 609
- SUSSEX, Roland
1976 The Numeral Classifiers of Russian. *RL*, 3: 2, 145 - 155

ŠERECH, Jurij

- 1952 *Probleme der Bildung des Zahlwortes als Redeteil in den slavischen Sprachen.* Lund. [Lunds universitets Årsskrift. N. F. Avd. 1. Band 48: Nr. 2]

TIMBERLAKE, Alan

- 1974 *Subject Properties in the North Russian Passive.* In: Ch.N.Li, ed., *Subject and Topic*, New York etc: Academic Press, 545 - 570

TOPOLIŃSKA, Zuzanna i Maciej GROCHOWSKI, red.

- 1973 *Liczba, ilořć, miara. Materiały konferencji naukowej w Jadwisinie 11 - 13 maja 1972 r.* Wrocław etc: Wydawnictwo PAN. 108 s.

WARD, Dennis

- 1965 *The Russian Language Today. System and Anomaly.* Chicago: The Chicago University Press.
- 1973 *Appositional Compounds in Russian.* *The Slavonic and East European Review*, 51: 122, 1 - 10

WIERZBICKA, Anna

- 1967 *Against Conjunction Reduction.* Cambridge, Mass.: M.I.T. 37 pp. (M.I.T. Mimeo) [A corrected version see in A.Wierzbicka, *Semantic Primitives*, 1972, Frankfurt a/M: Athenäum, 166 - 190]
- 1973 *Struktura semantyczna "sądów pluralnych".* In: Topolińska - Grochowski 1973, 77 - 79

WORTH, Dean S.

- 1959 *Grammatical and Lexical Quantification in the Syntax of the Russian Numeral.* *IJSLP*, vol. 1/2, 117 - 132 [reprinted in D.S.Worth, *On the Structure and History of Russian*, München: O. Sagner, 1977, 43 - 58]

Латинские сокращения

A	прилагательное
Adv	наречие
C	"исчисляемое" (calculandum), т.е. существительное, обозначающее считаеемые объекты в ЧВ
Conj	союз
L	лексема
Num	числительное
Prep	предлог
Q	"количество" (quantitas), т.е. выражение, обозначающее количество чего-либо в ЧВ
S	существительное (substantivum)
V	глагол
VAL	валентность

Русские сокращения

ГМП	глубинно-морфологическое представление
ГМС	глубинно-морфологическая структура
ГСП	глубинно-синтаксическое представление
ГСС	глубинно-синтаксическая структура
ИЧ	имя числа
КВ	количественное выражение
ПМП	поверхностно-морфологическое представление
ППрибл	показатель приблизительности (типа <i>около, выше, от ... до</i>)
ПС	поверхностно-синтаксический
ПСО	поверхностно-синтаксическое отношение
ПСП	поверхностно-синтаксическое представление
ПСС	поверхностно-синтаксическая структура
УОЧ	условное обозначение числа
Ф	"формула" (часть речи, включающая все неязыковые выражения)
ЧВ	числовое выражение

Символические обозначения

ΔAPPROX	стандартное поддерево синтаксической группы, выражающей примерное количество
ΔNUMP	стандартное поддерево числового выражения
ΔVP	стандартное поддерево глагольного сказуемого
Λ	пустое множество/пустая цепочка
∅	нулевой знак

Подчеркиванием выделен номер страницы, на которой содержатся основные сведения, относящиеся к данному выражению (определение или существенные пояснения).

- Адекватность дерева зависимостей: *см.* дерево зависимостей, его адекватность
- аднумератив [= счётный падеж]: 174, 423, 435 и сл.
- анафорическая связь: 327
- аппроксимативно-количественная конструкция [типа *рублей двести*]: 77 - 78, 96, 147 и сл., 156 - 160
- аппроксимативно-количественное ПСО: 103
- аппроксимативно-порядковая конструкция [типа *часу в шестом*]: 77 - 78
- атрибутивное ПСО: 30
- Валентность поверхностно-синтаксическая активная: 91
- валентность поверхностно-синтаксическая пассивная: 63, 307 - 308, 314, 330 - 331, 350, 367, 460
- варианты слова: 248 - 249
- вокабула: 264
- Глубинно-морфологическая структура [высказывания]: 111
- глубинно-морфологическое представление [словоформы]: 326, 412 - 413, 418, 425
- глубинно-морфологическое представление [словоформы] частичное: 327
- Дерево зависимостей: 333 - 334
- дерево зависимостей, его адекватность [в качестве средства представления ПСС]: 94 - 95, 97 - 98, 101
- дефектные парадигмы [в частности, типа ПОЛУГОД, не имеющие им. и вин. падежей ед. числа, а также мн. числа]: 285 - 286
- дистрибуция: *см.* валентность поверхностно-синтаксическая пассивная
- Зависимость: 59 - 60, 338 и сл.
- зависимость морфологическая: 60 - 61, 328 и сл.
- зависимость семантическая: 335 и сл.
- зависимость синтаксическая: 60 - 61, 332 и сл., 359
- И [в составе имени числа]: 42, 52, 231 - 233
- изафет: 343 - 344
- именительный падеж: 441
- именительный падеж зависимый: 453 - 460

- именительный падеж после предлога: 441 - 442, 463 и сл.
- имя дробного числа: 49 - 50, 225 - 227
- имя дробной доли: 40, 47
- имя множества: 27
- имя множества и счётная форма "исчисляемого" S: 431
- имя смешанного числа: 50 - 54, 81, 109, 133, 227, 231 - 235
- имя целого числа: 81
- имя числа: 35, 45
- имя числа составное [в частности, его ПСС]: 45 - 55, 57, 211 и сл., 378, 406 и сл.
- имя числа vs. имя множества: 27, 431
- имя числа vs. числительное: 35
- Категория словоизменительная (vs. словообразовательная): 378, 424
- классификатор числовой: см. существительное-нумератив
- клитки местоименные: 359
- количественное выражение: 19 - 20
- количественное выражение простое: 27, 33
- количественное выражение синтаксическое: 21 - 22, 31
- количественное выражение сложное: 28, 33
- количественное наречие: 305 и сл.
- количественное ПСО: 103, 211
- количественное существительное [типа ТЫСЯЧА II, МИЛЛИОН]: 103, 289 и сл., 295 и сл.
- количественный глагол: 201, 384
- количественный предлог: 384, 438 и сл.
- комплетивные ПСО, их варианты: 29, 41, 133 - 134, 145 - 146
- контактная точка словосочетания: 80, 84, 351 и сл.
- критерии наличия, направления и типа ПС-зависимостей: 66, 72, 80, 346 и сл.
- Кунце свойство: 357
- Лекса [элемент лексемы]: 376 и сл.
- лексема: 264, 376 и сл.
- лексема - одна лексема или две?: 308 - 311 (МНОГО vs. МНОГИЕ), 376 - 381 (ДВА vs. ДВОЕ)
- лексемы разных частей речи в составе одной вокабулы: 272
- лично-количественное (= "собирательное") числительное: см. числительное лично-количественное
- Местоимения (субстантивные личные), их несочетаемость с Num: 73 - 75

МИЛЛИОН как представитель количественных существительных:
217 - 218, 295 и сл.

МИНУС: см. ПЛЮС

МНОГО как представитель количественных наречий: 305 и сл.

множественное падежное управление [предлога]: см. управление па-
дежное множественное

монахини и морковь: 260, 264

Наречие количественное: 305 и сл.

наречие ограничительное [при числовых выражениях, типа *примерно
десять тысяч*]: 93 - 95

неединственность морфологических решений: 419

"неизменяемость" числительных: 48, 49, 194, 206 - 209, 221 и сл.,
247 - 248, 406 и сл., 456 - 457

неопустимость Num [в составе имени числа]: 68 - 69, 99

неподставимость Num [к существительному]: 69 - 71

непроективность: 114 - 115, 364

"непроизносимые" числовые выражения [письменные ЧВ, не имеющие
грамматически правильного устного соответствия]: 105, 175,
378, 427

НЕСКОЛЬКО: 316 - 317

норма в области русских ЧВ, её неустойчивость: 106 - 107, 190,
199, 406

НУЛЬ vs. НОЛЬ: 40, 53, 228 - 229, 248 - 250

нумератив: см. существительное-нумератив

нумеративно-вспомогательное ПСО: 46 - 47, 212 - 213

ОБА: 37 - 38, 135 - 136, 193, 198

обозначение исчисляемых сущностей: 20, 32 - 33

обозначение числа письменное: 82, 105 и сл., 134, 139, 160

обстоятельственные ПСО: 117 - 118

общие правила [в русском синтаксисе]: 73 [А], 76 [Б], 96 [В],
117, 232 - 233

общий ПС-слуга при цепи сочиненных единиц: 76 - 77

ограничительное наречие: см. наречие ограничительное

ОДИН I: 28, 43, 79, 100, 193, 197, 271 и сл., 442

одушевленность: 166, 195, 412 и сл.

одушевленность, её расщепление: 426, 467, 472 - 476, 486

одушевленность морфологическая vs. синтаксическая: 166, 420

одушевленность у Num и А: 412 и сл.

одушевленность, утрата её существительным в определенных кон-
текстах: 476 и сл.

- омонимическое отталкивание: 286
- операторы соответствия СООТВ: 87, 115, 162
- определение при Num [типа *все эти [пять человек], каких-нибудь [три километра]*]: 95 - 98, 102
- определение при числовом выражении [эти пять книг vs. пять этих книг]: 95 - 98, 102, 151
- "опрошение синтаксическое" [типа *не то чтобы [устал], не менее чем [пять тысяч]*]: 365 - 366
- опустимость синтаксического хозяина: 353 - 354, 368
- Падеж: 84 и сл., 413 и сл., 422 - 423, 429, 438 и сл., 462 и сл., [см. также принцип внешней независимости падежных форм]
- падеж дополнения: 446
- падеж именной группы в целом: 86, 100, 163 - 166
- падеж наречия МНОГО, НЕСКОЛЬКО или СКОЛЬКО: 244 - 245
- падеж "синтаксический" vs. "семантический": 414, 429
- падеж частичный: 423
- письменное обозначение числа: см. обозначение числа письменное
- pluralia tantum: 122, 175, 384 - 386, 388, 404, 464
- ПЛЮС: 484 - 486
- ПО III [распределительное *по*]: 221 - 222, 235 и сл., 443 - 444, 487
- ПО III [распределительное *по*], управление родительным падежом: 425
- поверхностно-морфологическое представление [словоформы]: 425
- поверхностно-синтаксическая структура: 45 и сл., 59 и сл., 116 и сл., 211 и сл., 330 и сл., 356 - 358
- подлежащее, его ПС-зависимая роль: 453 - 454, 460 - 461
- подставимость Num [к существительному]: см. неподставимость Num
- показатель приблизительности [типа *до [трёх километров], свыше [шести тонн]*]: 78 - 79, 83, 157 - 158, 362 и сл.
- порядковое прилагательное [= "порядковое числительное"]: 36, 225 - 226
- правила лексико-семантические: 481 - 482
- предлог с числовым выражением: 125, 152 - 153
- предлоги первообразные [В, НА, С, ПОД и т.п.]: 152
- препозитивное определение при Num: см. определение при Num
- прилагательное при Num/при ЧВ: см. определение при Num/при ЧВ
- приложение [член предложения]: 457, 479
- принцип внешней независимости падежных форм: 415 и сл., 440, 464
- принцип максимальной локализации [трудностей лингвистического описания]: 426, 444, 447, 488

- принцип простейшего ограничения [частичной морфологической категории]: 424
- простота/сложность описания как аргумент при решении лингвистических проблем: 277
- Равноименные лексемы, имеющие тождественный смысл:
 - НОЛЬ vs. НУЛЬ: 248 - 250
 - ТЫСЯЧА I (Num) vs. ТЫСЯЧА IIa (S): 289 и сл.
- равноименные Num и S: 379 - 380
- разграничение значений многозначных существительных на основе сочетаемости с Num: 257 и сл.
- рассогласование Num с S по одушевленности: 183 - 184, 199, 201, 422, 440 и сл.
- расщепление категории одушевленности: см. одушевленность, её расщепление
- референтность/нереферентность "исчисляемого" S: 127, 176 - 177, 299 - 300, 323
- С I: 42 - 43, 233 - 235
- свойства конституирующие (русских) числительных: см. числительное, его конституирующие свойства
- семантизация синтаксических словоизменительных категорий [ср. синтаксизация ...]:
 - одушевленность у Num: 204, 452
 - падеж у A: 128, 300
 - падеж у S: 176
 - счётная форма у S: 434 - 435
 - число у V: 373 - 374
- семантико-лексические правила: 481 - 482
- синтагма: 108, 110, 111 и сл.
- синтагматические связи: 327
- синтагмема: 111
- синтаксизация семантических словоизменительных категорий [ср. семантизация ...]:
 - число у S: 120 - 123
- синтаксический признак [ср. часть речи]: 251 и сл.
- синтактика: 112 - 113, 429
- словоформа - одна словоформа или две?: 281
- смещенное отрицание: 340
- собирательное числительное: см. числительное лично-количественное
- согласование:
 - прилагательного-определения с определяемым ЧВ: 85, 102, 126 - 128, 273, 324, 447 - 449
 - глагола-сказуемого с подлежащим ЧВ: 273 - 274, 282, 291, 312 - 313, 373
 - числительного с "исчисляемым" S: 193 и сл., 427

сопряженное состояние: 344

составное имя числа: см. имя числа составное

составное порядковое прилагательное [типа *девятьсот тридцать седьмой*]: 46 - 47

составное числительное: см. числительное составное

сочетаемость существительных с Num: 381 и сл. [см. также разграничение значений многозначных существительных ...]

сочинение: 76 - 77, 101, 137 и сл., 231 - 233, 319

сочинение лексем разных частей речи/разных синтаксических типов: 88 и сл., 140, 319 - 320

сочинение числительных: 137 и сл., 389 - 390, 426 - 427

союз сравнительный: 455

стандартные поддеверья Δ:

- ΔAPPROX [группа ЧВ с ППрибл]: 371 - 375

- ΔNUMP [группа ЧВ]: 72, 85 и сл., 163, 165

- ΔVP [группа составного сказуемого]: 144

существительное-нумератив [типа ШТУКА, ДУША 2]: 71, 209, 382, 383, 431

счётная форма [существительного]: 169, 186 - 187, 188, 323 - 324, 430 и сл.

Тема vs. рема в ЧВ: 124, 143, 327

требования к правильным ПС-структурам: 116 - 119, 214 - 220

ТЫСЯЧА I vs. ТЫСЯЧА IIa: 39

Управление падежное множественное (у предлогов): 442 и сл., 469 - 470

условия к синтагмам: 114

условия к синтагмам общие: 115, 120

условное обозначение числа [типа *k* [элементов]]: 40 - 42

Фамилии мужские [их особая сочетаемость с Num]: 168, 177

фонетические особенности лексем и их синтаксическое поведение: 247, 384, 408, 433

фразеологизм: 477 - 478

Части речи: 36 - 37, 265 и сл.

части речи, проблема промежуточных случаев: 38, 274 - 277, 300 - 301, 317 - 320

- Num или Adv? [МНОГО]: 305 и сл., 320 - 321

- Num или S? [ЧЕТВЕРТЬ, ТРЕТЬ]: 322 и сл.

[ТЫСЯЧА]: 289 и сл.

[МИЛЛИОН]: 295 и сл.

ЧЕТВЕРТЬ: 234 - 235, 433

числительное: 35

числительное "большое": 38 - 39

- числительное, его конституирующие свойства: 267 - 269
- числительное лично-количественное [= "собирательное"]: 38, 43 - 44, 376 и сл.
- числительное как часть речи: 35, 266, 269
- числительное "малое": 37
- числительное порядковое: 36 [*см. также* порядковое прилагательное]
- числительное составное [типа *девятьсот тридцать семь*]: 39, 45, 216 - 217, 378 - 379
- числительное составное, его ПСС: 46
- числовое выражение: 23, 27, 31

I. A. MEL'ČUK - A. K. ZHOLKOVSKY

TOLKOVO-KOMBINATORNYJ SLOVAR' SOVREMENNOGO RUSSKOGO JAZYKA

Opyty semantiko-sintaksičeskogo opisanija ruskoj leksiki

WIENER SLAWISTISCHER ALMANACH, Sonderband 14, 1984. 992 S.

Dieses Wörterbuch völlig neuen Typs enthält die explizite und vollständige Beschreibung der semantischen, syntaktischen und lexikalisch-kombinatorischen Eigenschaften von 292 russischen Vokabeln (über 800 Lexemen). Die angewandte lexikographische Methode wurde als Teil des linguistischen Modells "Smysl ↔ Tekst" entwickelt und ist in einer umfangreichen *Einleitung* (je 30 Seiten in russischer und englischer Sprache) ausführliche dargestellt. Folgende Besonderheiten bestimmen in ihrem Zusammenwirken den einzigartigen Charakter des "Erklärend-kombinatorischen Wörterbuchs":

- explizite Dekomposition der lexikalischen Bedeutung unter Verwendung einer aus dem Russischen entwickelten semantischen Metasprache;
- vollständige Beschreibung der syntaktischen Konstruktionsmöglichkeiten (Beziehungen zwischen semantischen und syntaktischen Aktanten, Belegungen der Aktantenstellen und Selektionsbeschränkungen) im sog. "Rektionsmodell";
- vollständige und explizite Erfassung der lexikalischen Verbindbarkeit (beschränkten lexikalischen Konkurrenz) durch das System der sog. "lexikalischen Funktionen".

Das Wörterbuch zeigt einerseits völlig neue Perspektiven für die Lexikographie auf, ist aber andererseits durch den klaren Aufbau der Wörterbuchartikel und die formale Darstellung des Materials auch für jene Interessenten konzipiert, die mit der Vermittlung oder dem Erlernen des Russischen beschäftigt sind.

Wichtig für Sprachwissenschaftler: Es handelt sich um die erste Gesamtausgabe der vorliegenden lexikographischen Arbeiten zum Modell "Smysl ↔ Tekst"!

Bestellungen an:

WIENER SLAWISTISCHER ALMANACH, Institut für Slawistik,
Universität Wien, Liebiggasse 5, A-1010 Wien, Austria.

Preis: öS 630.-/DM 90.-/US-\$ 30.00. Leinen.